

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РОССИИ

Пути гражданской интеграции

*Под редакцией
В. В. Степанова, В. А. Тишкова*

Москва
2009

УДК 312
ББК 63.5
Н 76

*Исследование выполнено в рамках программы
фундаментальных исследований президиума РАН
"Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям"*

*Публикуется при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), грант 08-06-02002*

Научные рецензенты:

Функ Д. А., д. и. н., Институт этнологии и антропологии РАН
Ямсков А. Н., к. и. н., Институт этнологии и антропологии РАН

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А.) — М.: ФГНУ "Росинформагротех", 2009. — 432 с.

Книга представляет первый российский опыт изучения проблемы "новых этнических групп" для целей совершенствования этнической политики в Российской Федерации. Содействие адаптационным усилиям мигрантов и местного населения должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. На большом материале исследований, проведенных во многих регионах страны, показаны механизмы усложнения этнокультурной среды и сопутствующие этому процессу общественные и политические реакции.

Для ученых в области гуманитарных исследований, политиков, специалистов сферы социального управления, преподавателей и студентов вузов.

Оригинал-макет: Кульбачевская О. В.

© Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2009
© Сеть этномониторинга (EAWARN), 2009

ISBN 978-5-4211-0015-7

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. От общественного восприятия – к общественному сознанию <i>В. А. Тишков</i>	5
"Мы" и "они"? Об опасности холизма в общественных представлениях <i>Е. И. Филиппова</i>	11
Насельники и насильники: опыт критического анализа понятий "коренные народы", "меньшинства" и "мигранты" <i>С. В. Соколовский</i>	19
События в селе Карагай <i>А. В. Черных</i>	53
Конфликт как теоретическая реальность <i>О. В. Кульбачевская</i>	60
Когда "чужой" станет "своим". О ригидности массовых стереотипов <i>В. В. Степанов, В. А. Тишков</i>	73
Дискриминация группы курманч <i>А. А. Кочергин</i>	82
Кавказцы в центральных регионах России <i>А. А. Ярлыкапов</i>	89
Адаптация мигрантов: варианты стратегий <i>К. С. Мокин</i>	99
Символическое пространство интолерантности <i>Ю. П. Шабаев</i>	117
Киргизия против ксенофобии в России <i>Л. Л. Хопёрская</i>	125
Кавказцы в Карелии <i>Е. И. Клементьев</i>	131
Новые общины в Республике Коми <i>Ю. П. Шабаев</i>	143
Эхо Кондопоги <i>Ю. П. Шабаев</i>	149
Межгрупповые отношения в Москве <i>О. В. Кульбачевская</i>	157
Ксенофобия в Москве <i>О. Н. Подлесных</i>	170
Этнические стереотипы в среде московской молодежи: "они не понимают нас, а мы – их" <i>И. С. Савин</i>	176
Что думают москвичи и недавние мигранты друг о друге <i>А. О. Булатов</i>	182
О понимании властями субкультуры мигрантов <i>К. С. Мокин</i>	190
Киргизская диаспора в России <i>Л. Л. Хопёрская</i>	196
"Новые" этнические группы в Саратовской области: отношение властей и общества <i>О. А. Лиценбергер</i>	203
"Новые" этнические группы в Марий Эл <i>В. Д. Шаров</i>	215
Кавказцы в Удмуртии: "В Азербайджане нас никто не ждёт" <i>В. С. Воронцов</i> ...	220
Армяне Саратовской области <i>О. А. Лиценбергер</i>	230
Саратовская область: местное население versus мигранты <i>К. С. Мокин</i> ...	233

Этнокультурные процессы в иммигрантском сообществе <i>А. В. Черных</i>	242
Сегрегация или интеграция? <i>В. В. Амелин</i>	263
"Новые мигранты" как часть местного сообщества <i>Н. С. Мухаметшина</i>	269
Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции <i>И. М. Габдрафиков, Л. Г. Хуснутдинова</i>	283
Общины выходцев из Средней Азии и Кавказа в Чувашии <i>И. И. Бойко, В. А. Харитонова</i>	294
Образы таджиков-мигрантов в пермской прессе <i>А. В. Черных</i>	304
Представления местных жителей о странах происхождения мигрантов <i>Г. Ф. Габдрахманова</i>	308
Нижегородские азербайджанцы <i>И. В. Симонов</i>	313
Среднеазиатские мигранты в Оренбуржье <i>В. В. Амелин</i>	320
Общественный центр таджиков г. Перми <i>А. В. Черных</i>	325
Кавказцы в Мордовии <i>А. В. Мартыненко</i>	329
Эхо Кондопоги в Калмыкии <i>В. Л. Волгин</i>	336
О судьбе запрета иностранцам на торговлю <i>А. А. Кочергин</i>	346
Реакция власти и общества на массовые беспорядки <i>М. А. Аствацатурова</i>	350
Проблемы диалога между властными структурами и этнокультурными организациями <i>С. В. Голунов, В. А. Смирнова</i>	363
Этнический дискурс в контексте "Сочи-2014" <i>А. А. Кочергин</i>	368
Особенности миграции дагестанцев <i>С. И. Муртузалиев</i>	374
Северокавказские молодежные джамааты <i>А. А. Ярлыкапов</i>	379
Вьетнамская община в Волгограде <i>С. В. Голунов, В. А. Смирнова</i>	384
Положение "новых" этнических групп в Дагестане <i>С. И. Муртузалиев</i>	387
Коррупция как фактор этнических отношений <i>М. В. Савва</i>	392
Об участии власти и общества в межобщинных отношениях <i>А. И. Делицой</i>	398
Закавказские диаспоры Тюменской области <i>И. В. Бобров И., В. П. Ключева</i> ..	402
О деятельности таджикского НКО в г. Сургуте <i>В. А. Тен, А. И. Делицой</i>	411
Российско-китайское пограничье: миграции и экономика <i>Н. П. Рыжова</i> ..	416
Отношение к мигрантам на Дальнем Востоке <i>Е. Л. Мотрич</i>	422
АВТОРЫ	430

ВВЕДЕНИЕ

От общественного восприятия – к общественному сознанию

В. А. Тишков

Общество часто воспринимает этнические меньшинства как некоренную часть жителей. Даже там, где нет притока иноязычных и инокультурных мигрантов, боязнь "чужаков" и "пришлых" овладевает сознанием обывателя. Виртуальные ситуации, не менее чем бытовые, могут служить в современной России реальным источником ксенофобии. Сегодня даже периферийные и отдаленные сельские районы подвержены влиянию телевизионных и интернетных форм межэтнической неприязни. Возникают уродливые формы воспитания молодого поколения, и бытовые стычки нередко перерастают в массовые конфликты с характерной маркировкой как "этнические".

Молодежные драки на почве "чуждости менталитета" с легкостью перерастают в межгрупповые конфликты. Напряженность особенно высока в тех случаях, когда в конфликт вмешиваются подстрекатели из радикальных политических организаций.

К разряду "опасных чужаков" обыденное сознание относит не только китайцев, вьетнамцев, но и бывших соотечественников – недавних советских сограждан, а среди них – выходцев из кавказских и среднеазиатских государств. Источником общественных неврозов стали и те группы россиян, чье этническое происхождение общественное мнение связывает с Северным Кавказом. Им нередко инкриминируют участие в "этнических" преступных группировках, приверженность религиозному экстремизму.

Задумывая данное исследование в рамках общеакадемической программы, мы задавались вопросом, почему так происходит? В течение нескольких лет мы изучили межкультурную ситуацию в нескольких десятках российских регионах, намеренно фокусируя внимание на тех случаях, где имеется позитивный опыт этнокультурного развития. Но даже в тех регионах (например, в Поволжье), где за последнее десятилетие появились значительные и разнообразные по своему составу группы, отличающиеся в культурном плане от численно преобладающих русских, татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, распространено мнение о том, что "пришлые вытесняют местных" из разных сфер общественной жизни, включая лидерство в конфессиональ-

ной среде. Слухи и мифы о "нашествии", о "вымирании коренного народа" затрагивают не только обывателя, они волнуют журналистов, политических деятелей, чиновников. Научные работники также не составляют исключения. Такие мифы негативно влияют на систему принятия государственных решений в этнокультурной сфере.

Мы провели серию исследований под общим названием "Новые этнические группы в России", задавшись целью инициировать изучение динамики этнокультурной ситуации во внутренних российских регионах, где и в прошлом, и теперь обосновываются выходцы из государств Кавказа, Средней Азии, а также стран так называемого дальнего зарубежья, в частности, Китая. От того, как складывается жизнь переселенцев в этих регионах, в значительной степени зависит уровень ксенофобии во всем государстве.

Формальные цифры переписей, помимо социологических опросов, говорят о том, что при распространенных массовых стереотипах и предубежденности, этот уровень ксенофобии может усиливаться и впредь. Вот, например, статистические данные о кавказцах. За период между переписями 1989 и 2002 гг. численность этнических кавказцев возросла в Приволжском федеральном округе в два раза, превысив четверть миллиона человек (самые большие группы это армяне – 105 тыс., азербайджанцы – 43 тыс., грузины – 18 тыс., чеченцы – 17 тыс., лезгины – 11 тыс.). В Центральном федеральном округе численность кавказцев увеличилась еще значительно – в 2,5 раза – и составила более полу-миллиона человек. Несмотря на то, что демографическая роль перечисленных категорий остается незначительной, – этнические кавказцы составляют 1,6% жителей Центрального округа и 1% Приволжского округа, – следует учитывать, что они являются социально заметной (и в гражданско-правовом отношении достаточно уязвимой) частью населения.

Не сам по себе факт притока, но именно искаженно воспринимаемое иноэтническое население предстает как серьезная проблема. С развитием экономики миграционная активность неизбежно возрастает, и появляется опасность, что в России этот естественный процесс и далее будет сопровождаться ксенофобскими настроениями и ростом конфликтности. По сути, обществоведческая наука поставлена перед необходимостью решения фундаментальной проблемы – насколько появление новых этнических общин или же новых этнических ситуаций представляют для России опасность с точки зрения сохранения гражданского мира и социальной стабильности.

Заранее было очевидно, что не имеет смысла выискивать универсальные рецепты предупреждения общественной напряженности. Но опыт многолетнего этнологического мониторинга говорит о том, что важно и нужно оспаривать широко бытующий тезис о том, что так на-

зываемые пришлые этнические группы, всевозможные диаспоры, землячества и прочее "чужое" населения являются новыми и никогда не станут "местными". Сегодня для многих как нонсенс звучит словосочетание "московский таджик" или "карельский чеченец". Особенно негативные стереотипы усиливаются после "этнических" столкновений в среде молодежи.

Необходимо говорить и писать о том, что представители многих кавказских и азиатских этнических сообществ были расселены в глубинных российских регионах и десять, и двадцать лет назад. Исследование показало, что массовое сознание отказывается признавать своим ("местным") населением и тех кавказцев, кто переехал в центральную часть страны давно, и тем более, тех, кто прибыл сюда в последние годы. Сталкиваясь со стереотипным представлением о себе, переселенцы нередко меняют тактику адаптации, а в результате – процессы интеграции осложняются. Исследования этой проблемы и, что особенно важно, широкое распространение результатов такого исследования, должно "открыть глаза" властям и журналистам, а через их посредство – общественности. Это в значительной степени может смягчить массовое восприятие.

Важнейшая цель исследования состояла в том, чтобы выявить действующие и возможные механизмы и перспективы социальной и культурной адаптации не только пришлого, но и местного населения. Исследование показало, что содействие взаимным адаптационным усилиям должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов.

Мы постарались изучить реальные (в отличие от мифологизированных в общественном сознании) особенности социальной мобильности культурно отличительных групп. Мы, прежде всего, обращали внимание на такие сферы, как экономическая, политическая, религиозная. Для нас было важно провести анализ политики местных властей и связанных с этим реакций населения. Мы также исследовали динамику этнокультурной среды в местах недавнего расселения мигрантов, обращая прежде всего внимание на типы смешения, возможной сегрегации и формы идентификации. Естественно, полученные материалы мы стремились интерпретировать в свете проблем и перспектив этнического сосуществования и гражданского согласия.

В исследовании приняли участие эксперты из 40 российских регионов, давно и успешно сотрудничающие с Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. Мы не задавались целью полной унификации предпринятого анализа. Более того, там, где это уместно, и там, где имелись соответствующие творческие силы, применены различные исследовательские методы.

Российская боязнь "чужаков" – не уникальна. В книге мы касаемся опыта других государств мира, потому что негативные стереотипы о "чужаках" внедрены в общественное сознание не только в России. Мифы о воображаемых сообществах представляют собой вполне реальную угрозу общественных столкновений. Мы представляем в своем исследовании опыт критического анализа понятий "коренные народы", "меньшинства", "мигранты", через которые формируются образы мигрантов и корректируется политика властей. Мы обращаем внимание на отнюдь не уникальное для нашей страны стремление обывателя интерпретировать миграции в этническом аспекте. Отсюда – зачастую ошибочные подходы со стороны правозащитников, отсюда – зачастую неверная точки зрения властей о пришлых, как о чужаках и "диаспоре". В данной связи в книге затрагиваются важнейшие положения международной системы защиты этнических меньшинств.

Мы стремились, чтобы наше исследование, выполненное в рамках фундаментальной научной дисциплины – этнологии, тем не менее, оставалось близким к жизни, созвучным ее проблемам. Известно, что многие теории, в частности теории общественных конфликтов, трудно применимы на практике. Это особенно характерно для ситуаций преодоления разногласий между местным населением и мигрантами. Поэтому на основе изучения большого количества конкретных фактов, мы стремились дополнить теорию и даже сделали определенные попытки трансформировать ее в методы раннего предупреждения.

С другой стороны, мы стремились показать, что и сама по себе социальная "практика", в особенности практическая деятельность из сферы управления, не свободна от установок ложного ("доморощенного") теоретизирования. Так, власти г. Кондопога, где в 2006 г. произошли массовые столкновения, также как и республиканские власти Карелии, считают кондопожский конфликт и погромы событиями миновавшими. Их основной посыл заключается в том, что проблема разрешится с завершением судебных дел и сохранится лишь необходимость профилактических мероприятий. Однако общественность смотрит на ситуацию иначе, считая конфликт не исчерпанным. Он постоянно продуцируется неадекватной этнической и миграционной политикой. Таким образом "управленческая теория" оказывается оторванной от практики.

Стало понятно, что низок общий уровень толерантности среди населения удаленных от Кавказа и Средней Азии регионов, таких, как Карелия, Коми, и что ксенофобские настроения уже являются важной составляющей массового сознания, причем это особенно характерно для молодежной среды. Но и с подрастающим поколением не все однозначно. Мы изучали разные слои и категории местного и пришлого населения. Оказалось, что школьники не придают особого значения

этническим различиям, но при этом в их среде широко распространены этнически маркированные предрассудки. Эти предрассудки могут перерастать в ксенофобские стереотипы, действие которых усиливается по мере возмужания подростков.

Не может быть единого взгляда и управленческого подхода по отношению к мигрантам. Исследование показало, что в центральных российских регионах инокультурные мигранты имеют неодинаковые установки на адаптацию, и далеко не все из них стремятся к интеграции. Естественно, это накладывает особую ответственность на интеграционистскую политику властей. Для властей, принимающих решения в сфере миграции, приезжие представляют собой однородное множество. Единственное отличие – профессиональная специализация, взгляд на приезжих как на рабочую силу. На самом деле приезжие различаются по степени самоорганизации и стремлению к определенным формам адаптации. Властям необходимо учитывать эти особенности, и тогда миграционная политика станет более эффективным инструментом не только коммерции, но и социальной политики.

Уже само упоминание полученных результатов свидетельствует о том, что мы использовали разные подходы и методы. Мы действительно, как того требовала сложная исследовательская проблема, старались объединить этнографические полевые исследования, социологические опросы с использованием больших и малых выборок, разные формы этнополитического мониторинга, включая, например, анализ деятельности культурных организаций и этнической политики властей разного уровня. Заметим особо, что часть исследования состояла в подготовке практических рекомендаций в адрес региональных и местных властей, а также национально-культурных обществ и организаций, что, кстати, придает особую специфику нашему методу. Рекомендации касались вопросов сферы образования, воспитания, культуры, языковой и религиозной политики, деятельности СМИ, законотворчества, и это само по себе усиливало ответственность и актуальность нашей работы. На семинаре-совещании в Совете Федерации Федерального Собрания РФ "О взаимодействии федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации в реализации государственной национальной политики" (2007 г.) был представлен доклад "Российское законодательство и этническая статистика", в котором было уделено специальное внимание вопросам статистики миграций. Интерпретации статистических данных в СМИ и речах политиков являются источником общественных фобий и напряженности. В ответ на запрос Минрегионразвития РФ авторами исследования разработаны рекомендации по вопросам применимости федерального законодательства о реабилитации репрессированных народов в отношении российско-

го казачества. Разработана информационно-аналитическая справка для Совета Безопасности РФ по вопросу "О дополнительных мерах по предупреждению межнациональных конфликтов, укреплению межнациональных отношений". Написана рецензия и подробные рекомендации к проекту Федеральной целевой программы "Этнокультурное развитие регионов России на 2008-2012 годы" (Минрегионразвития РФ) по запросу Общественной Палаты РФ.

Хотя по итогам исследования ранее были опубликованы отдельные статьи, данная книга впервые представляет полученные результаты целиком и вводит в научный оборот сведения, которые до этого в отечественной этнологии систематически не использовались. На основе новейших данных этнологического мониторинга осуществлен анализ механизмов усложнения этнокультурной среды и сопутствующих этому процессу общественных и политических реакций. Эти фундаментальные результаты сыграют свою роль в последующих академических исследованиях. Но мы надеемся, что они также послужат совершенствованию государственной этнической политики в Российской Федерации.

"Мы" и "они"?

Об опасности холизма в общественных представлениях

Е. И. Филиппова

Для простоты мы объединяем самых разных людей под одним названием, для простоты же мы приписываем им коллективные преступления, коллективные действия и коллективные мнения¹

Амин Маалуф

Утверждение о том, что оппозиция "мы – они" является универсальной формулой общественных отношений, относится к числу очевидных истин, с которыми принято соглашаться. Однако если в приведенной формуле что-то и представляется безусловным, так это "взаимодействие", отображенное на бумаге типографским знаком "тире". В остальном же все гораздо сложнее.

Взаимодействие в рамках оппозиции предполагает, прежде всего, идентификацию (акт, замечу, субъективный и индивидуальный), т. е. определение контрагента как подобного себе или как Другого. Таким образом, и "мы", и "они" существуют только по отношению к "Я" – действующему и мыслящему субъекту, а следовательно – зависят от самоидентификации этого "Я".

Каждый из нас может идентифицировать себя, последовательно или одновременно, с несколькими "мы". Такую возможность создают многомерность личности, индивидуальный жизненный опыт, разнообразие социальных ролей. В зависимости от ситуации то или иное "мы" становится более или менее очевидным, более или менее значимым; соответственно изменяется и конфигурация "не-мы".

Идентификация Другого осуществляется на основе непосредственного восприятия и личного опыта субъекта, а также на основе опосредованного знания. В первом случае решающим является внешний признак (например, черты лица, цвет кожи, прическа, особенности телосложения, манера одеваться, жесты, мимика, походка, язык, особенности речи), во втором – характерные для данного общества представления о соответствии внешне воспринимаемых признаков определенным категориям или группам населения.

¹ Maalouf A. Les identités meurtrières. Paris, éditions Grasset, 1998. С. 29.

Любая категоризация является редуцирующей, ибо, основанная на одном или пусть даже нескольких критериях, устанавливает подобие не полностью идентичных друг другу объектов, пренебрегая отличиями между ними. Акт категоризации является также *перформативным*: отнесение объектов к одному классу и присвоение ему названия делает его фактом общественного сознания, а следовательно – общественных отношений.

Способность человека определять сходство и различие между объектами и классифицировать их на основании этих критериев является, если верить когнитивной теории, врожденной. Однако оппозиция, лежащая в основе акта классификации, сама по себе не порождает конфликт; напротив, отношения между различными классами субъектов чаще приобретают форму *комплементарности*, сотрудничества, союза, обмена. Для возникновения враждебности и конфликта контрагент должен быть определен не просто как Другой, но как Чужой.

Для понимания механизма отчуждения, т. е. отторжения Другого, необходимо включить в схему анализа, наряду с "горизонтальной" классификацией, "вертикальную" иерархизацию, т. е. дополнить типологию таксономией. Это достигается с помощью категорий большинства-меньшинства, центра-периферии, нормы-отклонения, доминирования-подавления. В отличие от ценностно-нейтральной оппозиции "мы-они", оппозиции таксономического типа содержат в себе оценочные суждения и устанавливают отношения господства-подчинения. Очевидно, что большинство "главнее" меньшинства (в обществах, основанных на представительной демократии), центр "влиятельнее" периферии, норма "правильнее" отклонения. Результатом такого сочетания когнитивного и эмоционального элементов в восприятии Другого является уверенность в превосходстве "нашей" культуры и "нашего" образа жизни, для которых более "низкая" культура Другого представляет угрозу. Таким образом, категоризация Другого сопровождается его стереотипизацией, что ведет к увеличению социальной дистанции между "нами" и "ними" (Berting, 2001).

Стереотипы и основанные на них предубеждения, во-первых, отличаются значительной устойчивостью во времени и распространенностью в социальном пространстве, а во вторых – могут проявляться на различных уровнях: когнитивном (стереотипное представление, скажем, о мигрантах, цыганах, "кавказцах", евреях, китайцах – список можно продолжать), эмоционально-аффективном (чувство неприязни или враждебности по отношению к ним) и поведенческом (отторжение, дискриминация или даже насилие в отношении индивида на основании причисления его к той или иной категории и вне зависимости от его личных качеств). При этом наличие знакомых, друзей и даже родственников, относимых к категории "N", не меняет общего отрицательного отношения к этой категории (классическая формулировка: "такой-то –

хороший человек, хоть и N"). Именно эта независимость стереотипа от личного опыта (Villain-Gandossi, 2001) и предопределяет его живучесть и неизменность. Механизм стереотипизации состоит в повторении, дублировании, копировании. Функция стереотипа, согласно Г. Олпорту, есть рациональное оправдание нашего поведения в отношении той или иной категории населения (Allport, 1958. p. 287).

Классическим примером рационального оправдания является обоснование колониального рабовладения. Общества, построенные на плантационной экономике, характеризовались тройной сегментацией: социальной (землевладельцы/наемные рабочие), юридической (свободные/рабы) и расовой (белые/черные). Несмотря на то, что расовый критерий не был безусловно связан с социальным и юридическим (благодаря существованию категории "свободных цветных", среди которых было, в том числе, немало землевладельцев, – и, напротив, белых, не владевших землей и являвшихся наемными работниками, а на начальном этапе освоения колоний фактически по своему статусу приближавшихся к рабам), постепенно на смену констатации факта "рабы – черные" пришло умозаключение "рабы – потому что черные". Таким образом, именно презрение к рабу является первичным, "тогда как раса – идеологическая категория, оправдывающая определенные формы неравенства, может в этой перспективе рассматриваться как социально предопределенное понятие. Однако в дальнейшем она сама начинает предопределять социальные отношения, не являясь более простым отражением социально-экономического принуждения" (Bonniol, 2007, p. 40).

Монтескье в "Духе законов" саркастически высмеивает этот механизм обоснования социального неравенства биологическим: "Европейцы, истребив население Америки, были вынуждены обратить в рабство африканцев, чтобы иметь возможность обрабатывать такое количество земель. Сахар был бы непомерно дорог, если бы его не производили рабы. Эти последние – черные с ног до головы, к тому же у них такие приплюснутые носы, что к ним почти невозможно испытывать сострадание. Трудно себе представить, чтобы мудрейший Бог вложил душу, тем более – добрую, в абсолютно черное тело (...). Невозможно поверить, что это – люди, поскольку, если предположить подобное, то можно усомниться в том, что мы сами – христиане" (Montesquieu, 1979, Livre XV, chapitre 6).

Колониализм XIX века для своего оправдания нуждался в представлении о передовых и отсталых народах, о цивилизаторской миссии Запада и воспетом Кипплингом "бремени белого человека"². Так, Эрнест

² "Неси это гордое Бремя – /Родных сыновей пошли /На службу тебе подвластным/Народам на край земли – /На каторгу ради угрюмых /Мятущихся дикарей,

Ренан, имя которого ассоциируется у нас, прежде всего, с красивой фразой "нация – это каждодневный плебисцит", считал в то же время, что "в завоевании высшей расой страны, населенной низшей расой, нет ничего ненормального" (Renan, 1871). А республиканец и автор концепции светской школы Жюль Ферри утверждал, что "высшие расы имеют право завоевывать низшие расы, поскольку они обязаны цивилизовать их" (Ferry, 1885). Представление это глубоко укоренилось в общественном мнении, о чем свидетельствует сохранение чувства превосходства бывших колонизаторов по отношению к бывшим колонизованным – пусть даже теперь они формально равные между собой граждане одного и того же государства. Это чувство отнюдь не чуждо и русскому большинству в отношении "братских народов". Используемое в обывательской среде прилагательное "черный" имеет отношение не к цвету кожи, а к социальному статусу.

Так называемые культурные различия внутри одного общества всегда обусловлены социальными причинами. И культурное многообразие, которое почему-то принято относить на счет современности и процессов глобализации, – явление отнюдь не новое. История изобилует примерами сосуществования разных культур в рамках одного государства, причем речь тут идет не только об империях. Классический марксистский постулат относительно наличия в каждом обществе двух культур – культуры господствующего класса и народной культуры – абсолютно справедлив. Нередки и случаи, когда эти культуры использовали разные языки. До тех пор, пока отношения господства-подчинения в обществе базируются на жесткой сословной иерархии и достаточно непроницаемых межсословных границах, культурные отличия сами по себе не являются дискриминирующим фактором. Они не становятся препятствием для принадлежности к элите, космополитичной задолго до вступления человечества в "эпоху межкультурных взаимодействий", но и не дают возможности проникнуть в этот замкнутый слой тем, кому допуск туда заказан. Отметим важность генеалогии в функционировании сословно-монархических обществ, она многое объясняет в последующих логиках различения.

Все меняется, когда жесткие сословные перегородки рушатся. Когда аристократии противопоставляется меритократия (варианты: бюрократия, партократия). Когда ограниченные ресурсы становятся объектом свободной конкуренции, в которой выживает сильнейший. Власть, тем не менее, всегда тяготеет к выстраиванию по вертикали, и эта закономерность неизбежно ведет к тому, что на месте разрушенной иерархии постепенно возникает новая, как результат стремления тех, кто прежде был ничем, стать чем-то (по версии французской революционной идеологии) или даже всем (по версии идеологии большевиков). И вот уже новая элита ревниво охраняет свои привилегии и пре-

граждает доступ в свои ряды нежелательным элементам. В обществе, декларирующем формальное юридическое равенство, вновь и вновь воспроизводится и постепенно закрепляется фактическое неравенство, приобретающее форму оппозиции между большинством и меньшинствами. И в этой новой конфигурации неравенства культурные отличия приобретают особый смысл, выполняя функцию опознавательных знаков, разделительных линий. В зависимости от принятого в том или ином обществе образа мыслей и действий, они могут служить пропуском в высшие сферы или преградой для социального продвижения, быть причиной стигматизации, маргинализации, дискриминации, а иногда и представлять угрозу для жизни.

Вернемся к обсуждению связи рабовладения и расовых предрассудков. Последние актуализируются и усиливаются именно в тот момент, когда исходная бинарная система рабы (черные)/свободные (белые) начинает размываться в результате появления мулатов – свободных, но "не вполне" белых. В ответ на это нарушение исходного порядка, ставящее под сомнение "естественность" отношений господства/подчинения, не только предпринимаются попытки ограничить брачные союзы между рабами и свободными и отменить положение, согласно которому дети от таких союзов считаются свободными, но и формулируется доктрина расовой чистоты, основанная на генеалогической парадигме. Подобно тому, как в феодальном обществе имеет абсолютное значение древность и благородство рода, иллюстрировать которые призвано генеалогическое древо, в рабовладельческих и пост-рабовладельческих обществах важно уметь продемонстрировать, что на протяжении поколений в роду не было "черной", то есть "рабской" крови.

В 1841 г. гаитянский автор Линстант, опираясь на труды А. Токвиля, показал, что расовые предрассудки были сильнее на севере США, где рабство в тот момент было уже отменено, чем на рабовладельческом Юге, и сделал вывод о том, что на этом этапе предубеждения тесно ассоциируются именно с цветом кожи и уже абсолютно не связаны с рабовладением, а потому беспочвенны упования на то, что они исчезнут вместе с окончательной и повсеместной отменой рабства. Хорошо известный принцип "одной капли", согласно которому наличие даже отдаленных "черных" предков не позволяет человеку считаться белым, до сих пор действует в США. Во Франции, где расовый критерий утратил всякую юридическую силу с 1833 г., а в 1848 бывшие рабы стали полноправными французскими гражданами, расовые предрассудки и основанная на них дискриминация не изжиты по сей день.

Правда, сегодня в большинстве случаев исключение "другого" оправдывается не аргументами биологического расизма, а именно культурной отличительностью, подразумевающей наличие чуждых "нам"

ценностей. Однако тесная увязка внешних признаков с генеалогией, о которой речь шла выше, способствует биологизаторской интерпретации идентичности: формы поведения ассоциируются с определенным внешним обликом и, как считается, передаются по наследству, как и черты семейного сходства (Bonniol, 2007). Индивиду приписываются некоторые характеристики, часто негативные, только потому, что в нем видят члена группы, которой, как считается, свойственны эти характеристики. Тем самым Другой априори ассоциируется с группой – к которой он, вполне возможно, не принадлежит (известна привычка российского обывателя причислять к "лицам кавказской национальности" всех обладателей внешности "южанина", в том числе, например, таджиков).

Боязнь Чужого – ксенофобия – основана на инстинкте самосохранения. Человечество на протяжении своей истории выработало мощный комплекс механизмов, направленных на подавление этого инстинкта (законы, государства, религиозные доктрины, просвещение, гуманизация нравов посредством литературы и искусства). Собственно, это противодействие инстинкту лежит в основе процесса социализации, задача которого – научить людей жить вместе. На этом пути достигнуты значительные успехи, люди более или менее научились контролировать инстинктивную ксенофобию. Но в ситуации, когда возникает дефицит жизненно необходимых ресурсов, в том числе – дефицит безопасности (объективный или субъективно ощущаемый), результаты социализации, особенно поверхностной, сходят на нет. Нравственные нормы любви к ближнему, взаимоуважения, солидарности вытесняются обывательской логикой борьбы за существование (или за место под солнцем), выживания поодиночке, жесткой конкуренции. Активизируются защитно-оборонительные и агрессивно-наступательные механизмы, онтологическая потребность в безопасности берет верх над либеральным стремлением к свободе. Достаточно вспомнить, с какой покорностью были восприняты по всему миру небывалые меры безопасности под предлогом борьбы с террористической угрозой: установка камер видеонаблюдения, прослушивание телефонных разговоров, контроль интернет-сообщений, введение биометрических паспортов. Одной из первых реакций на разразившийся мировой экономический кризис в России стала акция участников движений "Наши" и "Местные", потребовавших выдворения из страны всех мигрантов, в том числе легальных. Характерны и сами названия упомянутых организаций, очевидно противопоставляющих себя "не-нашим" и "не-местным".

Эта защитная, охранительная позиция также может рассматриваться как проявление инстинкта самосохранения на коллективном уровне. "Чужой" с его непонятной, а потому пугающей культурой предстает как угроза для так называемой коллективной идентичности, а точнее –

для господствующих в том или ином обществе представлений о социальной норме, о "типичном", "усредненном" портрете того, кто считается в этом обществе "нашим", "местным", "коренным" (последний концепт вновь отсылает к генеалогии: "а вы, простите, местный в каком поколении?"). Проблема в том, что по мере роста мобильности населения портрет перестает соответствовать оригиналу. Бывшие на протяжении столетий "центральными", категории вроде американского WASP (белый, англосакс, протестант) или французского BBR, сине-бело-красный, по цветам национального флага (белый, католик, человек среднего достатка), перестают быть таковыми. И бесполезно строить бетонный забор на границе с Мексикой: в некоторых американских штатах испанский язык уже потеснил английский; да и вновь избранный 44-й президент США олицетворяет перемены в составе политической элиты страны. Столь же бессмысленны и обречены на неудачу попытки европейских стран и России закрыться от мигрантов или относиться к ним как к временной рабочей силе. Наивный принцип "есть потребность в рабочих руках – позовем мигрантов, а наступит спад в экономике – покажем им на дверь" невозможно воплотить в жизнь. Придется осознать, что вчерашние мигранты и их дети – это тоже "наши", "местные". Не говоря уже о тех, кого принято неуклюже именовать "этническими россиянами", т. е. нерусские по культуре группы населения, некогда вошедшие в состав России. И не стоит тратить время и силы на споры о том, кто более "коренной" и кто "гость". Бессмысленно делать ставку на "закрытую", "жесткую", "исключающую" концепции коллективной идентичности. Такой, на наш взгляд, неудачной и ошибочной попыткой был так называемый "новый русский проект", предложенный от имени партии Единая Россия И. Демидовым. Проект, фактически предписывающий всем жителям страны стать русскими. Именно русскими, а не россиянами! По сути, это своеобразная форма реализации лозунга "Россия для русских". В последнее время об этом проекте как бы забыли, но не нужно думать, что он снят с повестки дня. Об этом свидетельствуют и продолжающиеся усилия по введению в школьную программу курса "основ православной культуры"; и новый государственный праздник, отнюдь не способствующий, вопреки своему официальному наименованию, формированию национального единства, но зато ежегодно становящийся поводом для проведения "русских маршей"; и недавно введенный орден "Родительская слава" в форме креста, сразу же вызвавший и протест со стороны духовного управления мусульман³, и нежелательные ассоциации с существовавшим в гитлеровской Германии "крестом немецкой матери".

³ Сопредседатель Совета муфтиев России, глава Духовного управления мусульман

Сильная, закрытая идентичность возможна в двух вариантах, которые П. Тагиев определяет как *гетерофобию* и *гетерофилию*. Первый вариант проявляется в отторжении любого отличия и в отказе принять Другого, если он не похож на нас. Необходимым условием интеграции культурно отличительного населения является в рамках этой стратегии его полная и безоговорочная ассимиляция, поглощение. Второй вариант – гетерофилия – заключается в абсолютизации разницы между нами и Другими и в сознательном культивировании и поддержании всех и всяческих различий, что ведет к полному взаимному отказу от интеграции (Taguieff, 1997, с. 113-114).

Нельзя забывать и о том, что стремление к утверждению сильной, закрытой коллективной идентичности имеет мощную тотализирующую составляющую, оно неминуемо предполагает нивелирование индивидуальности и ограничение свободы членов коллектива (в данном случае – сограждан). Бессмысленно и бесперспективно пытаться "подогнать" россиян под некую "русскую идею". Лучше отдать предпочтение расширительному, гибкому, открытому пониманию коллективной идентичности, созданию образа "мы", в котором сможет узнать себя каждый гражданин России, а не только русскоговорящий, православный, со "славянской" внешностью. Для обеспечения гражданской лояльности и общественного согласия добиваться единомыслия и единообразия не только бессмысленно, но даже вредно.

Литература

- Allport, 1958 – Allport G. W., *The Nature of Prejudice*. New York, Doubleday & Cy, Inc., 1958.
- Berting, 2001 – Berting, Jan. Identités collectives et images de l'Autre: les pièges de la pensée collectiviste // *Hermès*, n° 30. 2001.
- Bonniol, 2007 – Bonniol Jean-Luc. Racialisation ? Le cas de la colorisation coloniale des rapports sociaux // *Faire savoirs*, n° 6, mai 2007.
- Ferry, 1885 – Ferry J. Allocution devant la Chambre des députés. 28 juillet 1885.
- Montesquieu, 1979 (первое издание – 1748) – Montesquieu, Charles. *De l'Esprit des lois*. Paris : Garnier : Flammarion, 1979.
- Renan, 1871 – Renan Ernest. *La réforme intellectuelle et morale*. 1871.
- Taguieff, 1997 – Taguieff, Pierre-André, *Le racisme*. Paris, Flammarion, 1997.
- Villain-Gandossi, 2001 – Villain-Gandossi, Christiane. La genèse des stéréotypes dans les jeux de l'identité/altérité nord-sud // *Hermès*, n° 30, 2001.

Насельники и насильники: опыт критического анализа понятий "коренные народы", "меньшинства" и "мигранты"

С. В. Соколовский

Введение

По меньшей мере, половина нынешнего населения планеты являются свидетелями целой серии социальных революций¹, каждая из которых кардинальным образом меняла привычный уклад их жизни, принося радикальную новизну – то, чего прежде не видывали, не слыхивали, и о чем даже не помышляли. Революций было так много и они разворачивались или следовали одна за другой столь густо и тесно, что сам феномен радикальных изменений уже тривиализован: усталое от потрясений сознание обывателя среднего и старшего возраста перестало воспринимать радикальность нового, бессознательно присваивая ему статус уже пережитого ("эк удивили...", "в очередной раз", "какая-то невидаль..." и т. п.). Невозможно жить в режиме каждодневных сенсаций – разум превращает их в обыденность; невиданное становится *deja vu*, неслыханное – комбинацией уже встречавшегося, невероятное – многократно пережитым. Потоки товаров, людей и идей фактически упраздняют прежде малопроницаемые границы; самые укромные уголки планеты стали излюбленными местами туристических паломничеств, а телевидение позволяет наблюдать за ними не сходя с дивана; сохранявшиеся еще каких-нибудь полвека назад более или менее изолированные группы обитателей горных долин, джунглей, полупустынь, тайги и тундры превратились в объекты торговли экзотикой, а представители этих групп, давно освоив Нью-Йорк, Брюссель, Страсбург и Женеву, привычно заседают в ООН, ностальгически отстаивая право на отказ от интеграции в ту са-

¹ Революцией я, по уже сложившейся в социальных науках традиции, именую изменение любого измерения культуры или социума на порядок. Например, выражение 'транспортная революция' подразумевает увеличение скорости перемещения людей в 10 раз; 'печатная революция' – соответствующее возрастание объемов публикаций; 'революция в средствах информации и связи' – десятикратный рост охвата населения электронными *media* и т. д. Все возрастающие скорость, плотность и охват социальных революций и составляют в своей совокупности известный феномен глобализации, коренным образом меняющий образ жизни миллиардов людей.

мую цивилизацию, которая стала буквально на наших глазах глобальной и частью которой они персонально уже давно являются.

Понятие "коренные народы" лишь на первый взгляд представляется мало связанным с современными дискуссиями о мигрантах, их образах, политикой государства по отношению к ним и политикой самих мигрантов и их организаций в ответ на действия государства. Напротив, это понятие оказывается непосредственным, хотя и не вполне очевидным фоном таких дискуссий. Более того, с моей точки зрения, оно находится в средоточии правовых и политических дебатов о мигрантах, являясь своего рода оборотной стороной, или до поры скрытым центром этого дискурса.

Что объединяет политическую борьбу за права коренных народов с политическими дебатами относительно статуса и судеб мигрантов? Эти связи множественны и зачастую парадоксальны. Индигенизм – движение коренных народов за свои права – в отдельных своих чертах неожиданно проявляет консервативно-охранительный лафос антимиграционных протестов. Риторика антимиграционных политических движений правого спектра, типа российских "Движения против нелегальной иммиграции" (ДПНИ) или "Русское национальное единство" содержит набор тем и сюжетов, объединяющих ее с риторикой и языком политических заявлений лидеров организаций коренных народов. И там, и здесь мы сталкиваемся с требованием контроля над местными ресурсами, исключительным или преимущественным использованием территорий. И там, и здесь идут дебаты об ассимиляции или интеграции, хотя эти понятия получают прямо противоположные оценки. "Коренные", местные, уроженцы, туземцы, аборигены, автохтоны – это концептуальная противоположность пришлым, мигрантам, колонистам, однако, движения тех и других объединяет серия сходств и параллелей, в основе которых лежит современная политика цифр, соотношения, доли и проценты "местных" и "пришлых", "своих" и "чужих", политизация времени и пространства.

Случай коренных народов – это тот самый случай, когда прежнее большинство, воспринимающее территорию проживания, край, землю как свою и связанное с ней интимными связями памяти, знания, любви – оказывается маргинализированным потоком пришельцев, колонистов, мигрантов, переселенцев, становясь меньшинством на территории, которую она считала своей собственной, если не юридически, то по праву рождения. Здесь, как и в случае ксенофобного дискурса о мигрантах, местное население оказывается резко противопоставленным пришельцам. Параллели между правилами и процедурами натурализации в некоторых государствах и индивидуального или группового обретения статуса "коренных" подчас просто поразительны. Нарушения ин-

дивидуальных прав в случае отказа в натурализации или отказа со стороны индигенного сообщества в признании членства в отношении конкретного человека (на таких основаниях как доля крови, межэтнический брак, отъезд или источник доходов и т. п.) являются объектами судебных разбирательств по обе стороны Атлантики.

Этнические интерпретации миграции

Тема отношений между "местными" и "понаехавшими" и игры идеологических оценок со знаками "плюс" и "минус" в зависимости от того, оказались "местные" на данной территории в большинстве или меньшинстве, иными словами, считают ли они пришельцев колонизаторами или мигрантами, сколь бы привлекательной для анализа она ни была, не является объектом рассмотрения в этой статье. Отправной его точкой служит другой парадокс, более, если можно так выразиться, специальный. Это парадокс известен антропологам, но редко обращает на себя внимание работающих в этой области правозащитников и юристов. Его разрешение связано не столько с трудностями логического и концептуального порядка, сколько с особенностями, если говорить о России, здешней политической культуры и этики. Речь идет об известном противоречии между прогрессирующей эссенциализацией и натурализацией как статуса, так и понятия "коренной народ" на фоне распространения и роста скептического отношения к натуралистическим и эссенциалистским трактовкам народов, наций, государств и других социальных, политических и правовых категорий в академическом сообществе. В то время как большинство представителей социальных наук во всем мире все чаще считают натуралистические трактовки социальной реальности ошибочными, политики и лидеры индигенистских организаций и движений с помощью нанимаемых ими адвокатов и юристов все активнее используют националистические, этницистские и откровенно расистские подходы, возрождая концепцию народа как единства крови и почвы и конструируя границы групп на основе генеалогий и натуралистических трактовок связи с территорией и традицией. Россия на этом фоне отличается лишь тем, что этот парадокс здесь мало кем осознается. Это происходит, видимо, потому, что конструктивистские интерпретации этнических феноменов и национализма в нашей стране все еще продолжают оставаться достоянием исключительно узкого круга лиц; они остаются неизвестными большинству политиков, юристов и даже представителей собственно социальных и гуманитарных дисциплин за рамками, пожалуй, лишь таких дисциплин как антропология и социология. У нас это сугубо идеологическое противостояние осложняется еще и тем обстоятельством, что коренных народов в клас-

сическом смысле этого слова и даже в том смысле, который в это понятие вкладывается современным международным правом, с моей точки зрения, уже нет².

Не только в России, но и в таких странах "развитой демократии", как Германия, Франция и США миграция, а также взаимодействие мигрантов с местным населением нередко интерпретируются в этнических терминах. Это, помимо прочего, означает неизбежное редуцирование социальных взаимодействий и борьбы за ресурсы к так называемым "межэтническим отношениям". Этнические группы при такой интерпретации наделяются собственной волей к принятию согласованных решений и их эффективной реализации, способностью к координированным действиям, интересами, эмоциями, то есть всем тем, что свойственно полноценным субъектам действия, индивидам. Между тем такие рыхлые в социальном отношении сообщества как мигранты (и даже организованные в представительные институты диаспоры) вряд ли могут обладать столь внушительным набором свойств субъекта. Таким набором могут обладать лишь хорошо функционирующие корпорации или основанные на непосредственных контактах малые группы типа семьи или криминальной группировки. Сравнение характеристик корпорации и группы меньшинства, заведомо более однородной, чем категория "мигранты", представлено в Таблице.

Стоит отметить, что пункты 1-4, необходимые для создания дееспособности группы, не нужны для деятельности на индивидуальном уровне, а пункты 5-8 рутинно используются любым индивидом, в том числе и при эффективном пользовании правами. Таким образом, как для корпораций, так и для отдельных лиц осуществление деятельности для защиты собственных интересов не представляет особых проблем. Однако большинство из перечисленных выше шагов недоступно для национальных (этнических) меньшинств, в особенности, для расселенных дисперсно. Например, для всех представителей такой группы трудно создать ясные критерии членства, поскольку часть из этих представителей

² Напомню, что идеально-типическими и эталонными объектами Конвенции МОТ № 169 являются охотники-собиратели типа бушменов сан и кунг, пигмеев тропической Африки, некоторых племен амазонской сельвы и т. п., а также группы, практикующие подсечное земледелие и т. п. (см. ниже определение Всемирного банка 1982 г.). Китай и Индия отрицают наличие коренных народов в смысле этой Конвенции на своей территории. Статус многих приближающихся к этому образу жизни групп из Юго-Восточной Азии и Африки оспаривается из-за конкурирующих претензий на автохтонность, на статус первопоселенцев на данной территории, а также по причинам исторически мозаичных и запутанных систем доминирования и подчинения, когда так называемые племенные народы оказывались завоевателями и колонизаторами по отношению к землям народов, имеющих собственные территориально-политические образования и т. п.

будет обладать сложной идентичностью (на основе, например, смешанного происхождения), другая станет оспаривать выдвигаемые критерии (а при отсутствии легитимной основы отбора участников дискуссии, поскольку в ней по определению уже должны участвовать только "свои", проблема становится неразрешимой), а третья просто не примет участие в обсуждении из-за удаленности или отсутствия интереса.

Таблица. Сравнение дееспособности индивида, корпорации и группы меньшинства

К О Р П О Р А Ц И И Н Д И В И Д		корпорация	"группа" (представительство) меньшинства
		1) создание четких границ группы (группового членства, идентичности)	разработка критериев членства заменяется самоопределением или непрямыми представлениями о том, кто может претендовать на членство
		2) разработка собственной конституции (устава), с которой согласятся подавляющее большинство ее членов	представители оказываются разными в смысле политических предпочтений и экономического статуса, имеют разные представления о собственной культуре и языке и ориентируются на разные референтные сообщества
		3) разработка процедур выборов и структуры	"группа" (представительство) меньшинства
	и н д и в и д	4) выбор руководства	
		5) определение целей деятельности группы	
		6) разработка стратегии и плана действий для достижения этих целей	
		7) деятельность по достижению целей	
		8) оценка действий и адаптация стратегии и планов	

Тем сложнее в условиях отсутствия четкой идентичности и критериев членства создать дееспособность, необходимую для носителя прав. Представители такой группы, как правило, оказываются разными в смысле политических предпочтений и экономического статуса, имеют разные представления о собственной культуре и языке и ориентируются на разные референтные сообщества. Групповая дееспособность в такой ситуации представляется утопией. Еще менее вероятно, чтобы такие сообщества могли эффективно решать проблемы, рутинно решаемые субъектами права. Представление об умениях и способностях,

необходимых для полноценного правового субъекта, отражено на Рис. 1 Приложения.

Коренные народы и меньшинства

Все вынесенные в заглавие статьи понятия – "коренные народы", "меньшинства" и "мигранты" – входят в обширное семантическое поле, обозначающее социальные категории и, иногда, группы людей, объединяемых на основании их отличительных характеристик либо извне (учеными, журналистами, политиками, 'местным' населением и т. д.), либо "изнутри" этих сообществ, людьми в них включенными. Помимо этих понятий, рассматриваемых в рамках анализируемых здесь проблем в качестве центральных, в это семантическое поле входят и такие концепты как диаспора, нация, национальность, соотечественники, аборигены и многие другие. Два главных понятия из этого поля – "меньшинства" и "коренные народы" – отражены в обширном корпусе международного права и в принципах деятельности многих международных организаций. Государства-члены этих организаций в силу уже этого одного обстоятельства начинают все шире использовать эти понятия в собственных законодательствах, хотя различия в формах правления и в правовых системах этих государств не могут не отражаться как на содержании этих понятий, так и на особенностях их использования в правоприменительной практике.

Начнем с констатации различий в концептуальных подходах к выделению таких субъектов правового регулирования как "меньшинство" и "коренной народ" в международном праве, с одной стороны, и в российской законодательной и правоприменительной традициях, с другой. Если рассматривать ситуацию с защитой прав меньшинств и коренных народов в Европе в целом, то наличие национальных особенностей в регулировании и защите прав этих категорий населения, как и в способах и приемах выделения и определения самих этих субъектов, не должно нас удивлять. Каждая из стран зрелой демократии, таких как Великобритания, Франция, или ФРГ, также обладает национальными особенностями в этой сфере, создающими известные проблемы для применения международных стандартов. Источником этих отличий являются не только правовые системы этих стран, но и национальные научные традиции исследований культур и обществ, в том числе дисциплинарные. В этом смысле мы вполне обоснованно можем вести речь о наличии французской, британской, немецкой и российской традиций антропологических исследований, несмотря на их взаимовлияния и многочисленные заимствования. Нередко эти традиции обретают институализацию в качестве самостоятельных наук, что и является выра-

жением национальной специфики, о которой только что шла речь. Специалистам известно, что обширная тематика, связанная с изучением иных народов и культур, институализировалась в Великобритании как социальная антропология (*social anthropology*), в Германии – как народоведение (*Völkerkunde*), во Франции – как этнология, а затем социальная антропология (*ethnologie, anthropologie social*), а в России – как этнография, трансформирующуюся на глазах нынешнего поколения исследователей в этнологию и социально-культурную антропологию.

Важным для нашего рассмотрения аспектом такой институализации различий в исследовательских подходах явилось создание уникальных для каждой из этих традиций систем понятий (тезаурусов) и терминосистем, отражающих специфику решаемых в них проблем. Наличие специфических тезаурусов и обслуживающих их терминосистем не могло не повлиять, в свою очередь, на сферы политики и права, и в частности на такую специфическую область их приложения как управление культурными различиями и защита языковых и культурных прав. В свою очередь, правовые и политические системы этих стран не могли не влиять и влияли подчас весьма существенным образом на формирование и эволюцию этих специализированных тезаурусов и терминосистем, обуславливая большую близость между понятийными системами стран, столкнувшихся со сходными внешнеполитическими проблемами. Примером могут служить систематические отличия в теоретических подходах к концептуализации межгрупповых отличий в странах, имевших обширные колониальные владения (таких как, например, Великобритания и Франция), от стран, таких владений не имевших или обретавших их на короткое время и в значительно меньшем масштабе (таких как Германия и Россия). Политическое манипулирование границами понятий "свой" и "чужие", необходимое при осуществлении программ натурализации, привлечения дешевой рабочей силы, управления иммиграционными и эмиграционными потоками, различных стратегий языкового планирования и т. п., основывалось на поставляемых социальными и гуманитарными науками таксономиях языков и культур, с одной стороны, и активно поддерживало определенные и необходимые государству направления исследований, с другой.

Политики и юристы часто пользуются такими понятиями как народ (этнос), меньшинство, диаспора, нация, национальность, соотечественники, аборигены, коренные народы и т. д., однако, затрудняются определить на практике, относится ли то или иное конкретное сообщество или лицо к одной из названных выше категорий. В результате юристы сталкиваются с такими ситуациями в своей практической работе, которые оказываются неразрешимыми без этнологической экспертизы. Например, руководство Департамента по делам религиозных

и общественных объединений Министерства юстиции РФ обращалось в РАН в связи с порядком регистрации национально-культурных автономий в регионах. От ученых требовалась разработка четких критериев определения ситуации меньшинства в регионе для разрешения спорных случаев (например, обращения НПО казаков и поморов с просьбами о регистрации их автономий и выделении соответствующих средств из федерального и местного бюджетов). Множество ситуаций, требующих этнологического консультирования и экспертизы, возникает во взаимодействии лесозаготовляющих, горно- и нефтедобывающих компаний и коренного населения, например, в ходе определения границ территорий традиционного природопользования в соответствии с законодательством, принятым в ряде регионов страны, присвоения конкретным объектам статуса памятников культурного наследия и т. п. Требуется анализа и обобщения международный опыт урегулирования проблем, связанных с интеллектуальными правами собственности. В частности такая потребность возникает при использовании знаний коренного населения в разработках фармацевтических компаний, а также при использовании традиционных орнаментов и рисунков и приемов обработки в современных промышленных дизайнерских технологиях и т. п. Однако прежде, чем принимать обоснованное правовое решение, и юристам, и ученым следует иметь четкое представление о том, какие локальные сообщества и группы в соответствии с зафиксированными правом их определениями и признаками могут относиться к категориям меньшинств и коренных народов, а какие – нет.

Этнологи принимали непосредственное участие в подготовке и обсуждении большинства российских законов, действующих сегодня в сфере защиты прав меньшинств и коренных народов, и хорошо знакомы как с законодательной базой, существующей в этой области, так и с правоприменительной практикой и кругом проблем, с которыми сталкиваются все участники правовых отношений в этой сфере. Нужно отметить, что состояние терминологии этой законодательной базы остается крайне неудовлетворительным. Такое положение объясняется существованием на разных этапах формирования законодательства в сфере защиты прав меньшинств и коренных народов противоборствующих политических программ, отражающих взгляды разных социальных групп российского общества. Только в текстах действующих сегодня конституций республик в составе Российской Федерации содержатся более 20 терминов и ассоциированных с ними понятий, используемых для обозначения категорий и групп граждан со специфическими культурными, языковыми, этническими и конфессиональными потребностями и интересами, начиная со сталинской триады "племя – народность – нация" и заканчивая нечетко определенными

"национальными группами", "малочисленными этническими общностями" и "диаспорами". Часть из них представлена в Приложении (Таблица 1).

Рисунок 1. Система терминов для обозначения понятий *народ* (население) и *народ* (этническая общность) в российском конституционном праве

Лишь часть этих понятий по своему содержанию и объему соответствуют понятиям, используемых в федеральной конституции и международном праве. В разрабатываемых сегодня законопроектах и уже принятых законодательных актах число терминов, используемых для обозначения объектов этнокультурной политики, оказывается еще большим. Упорядочивание этой терминосистемы затрудняется не только отсутствием согласия по целому ряду существенных для рассматриваемой темы позиций среди представителей политической элиты страны, но и наличием противоборствующих подходов внутри российского научного сообщества. Дело в том, что в современных социальных науках различные теоретические модели этнического интенсивно развиваются уже около 40 лет, что соответствует, как минимум, двум поколениям исследователей. За это время накоплено значительное количество наблюдений и подробно исследованы политические и социальные влияния этничности. В тот же период в антропологии изменились сами объекты наблюдений и аналитические единицы, традиционно используемые для сравнительных исследований. Может показаться, что эти трансформации в предмете и объектах ряда социальных наук не имеют отношения к правовому регулированию, призванному защищать права и свободы граждан. Однако такой взгляд страдает близорукостью: хорошо известно, что хотя и с некоторым запаздыванием категоризации и классификации, разрабатываемые в рамках социальных наук, становятся публичным достоянием и фактором в принятии политических решений.

Современная международная система защиты меньшинств основывается на значительном корпусе документов, которые можно разделить на так называемое "твердое" (юридически обязывающие нормы) и "мягкое" (общие принципы и декларации) право; важнейшие из них приведены в Таблице 2 Приложения. Важнейшей международной нормой в области защиты прав меньшинств из всего комплекса перечисленных выше инструментов остается до сегодняшнего дня Статья 27 Международного Пакта о гражданских и политических правах. В связи с интерпретацией содержания этой статьи уместно отметить, что в соответствии с Общим комментарием Комитета ООН по правам человека ее защита не ограничивается гражданами страны (Nowak 1989; Parker 1999), в то время как, например, определение меньшинства, данное специальным докладчиком Комиссии по правам меньшинств Ф. Капоторти, на которое часто ссылаются, а также понятие меньшинства, используемое в Европейском совете³, содержит гражданство в числе ключевых признаков. Эксперты, анализировавшие подготовительные документы и содержание Статьи 27 пришли к заключению, что защитные нормы этой статьи могут рассматриваться не только в качестве прав граждан, но и в качестве прав человека (Comment 1994), что означает их распространение на неграждан и иностранцев, пребывающих на территории страны. Это заключение необходимо учитывать российским законодателям и политикам, в особенности если принять во внимание то обстоятельство, что Россия пока не подписала Европейскую конвенцию о правовом положении рабочих-мигрантов и Конвенцию об участии иностранцев в публичной общественной жизни.

Российская система охраны прав меньшинств опирается на совокупность норм и принципов международного права, соответствующие конституционные нормы, нормы федерального и региональных законов, принятых в сфере регулирования прав меньшинств (законы и специальные про-

³ В соответствии с определением "национального меньшинства", принятым на 44-й сессии ПАСЕ в феврале 1993 г. в качестве Статьи 1 в Рекомендации 1201, это понятие определялось следующим образом:

"Группа лиц в государстве, которые:

- a. проживают на территории этого государства и являются его гражданами;
- b. поддерживают длительные и устойчивые отношения с этим государством;
- c. обладают отличительными этническими, культурными, религиозными или языковыми характеристиками;
- d. достаточно представительны, хотя и уступают в численности остальному населению этого государства или региона в этом государстве;
- e. мотивированы заботой о сохранении того, что составляет их общую идентичность, включая их культуру, их традиции, их религию или их язык".

(PACE Rec.1201 on an additional protocol on the rights of national minorities to the European Convention on Human Rights, 1 February 1993, Art. 1).

граммы о языках, образовании, культуре и др.). Обеспечение прав меньшинств в России имеет ряд особенностей, к числу которых можно отнести:

- специфику российского подхода в трактовке понятия "меньшинство";
- отсутствие общедоверального закона о меньшинствах при наличии серьезных междунароуных обязательств в этой сфере;
- разнообразие реальных правовых режимов обеспечения прав меньшинств в субъектах РФ, обусловленное наличием или отсутствием специальных правовых инструментов в республиканском законодательстве⁴.

Помимо этого, в России существует развитая система законодательства, защищающая права коренных малочисленных народов. Россия также является членом ряда междунароуных и региональных организаций (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ и др.) и в силу этого обстоятельства в своей внутренней политике регулирования прав меньшинств и коренных народов с необходимостью должна следовать подходам, принципам и рекомендациям, выработанным в этих организациях. Помимо прямых обязательств, налагаемых Европейской рамочной конвенцией по правам меньшинств, существуют весьма важный для области охраны прав меньшинств корпус рекомендаций, разработанный экспертами ОБСЕ в рамках деятельности Комиссара по правам меньшинств, в частности Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (октябрь 1996 г.), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (февраль 1998 г.) и Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (сентябрь 1999 г.). Следует отметить, что, несмотря на их характер, устанавливающий новые общеевропейские стандарты в этой области, они не были в достаточной степени учтены в существующих разработках и проектах этнокультурной и языковой политики в России. Их учет в такого рода разработках представляется необходимым. Еще одним важным источником совершенствования текущей политики и ее стратегического планирования являются мнения Консультативного комитета Евросовета по выполнению Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств⁵.

Ряд проблем практического характера возникает из-за разночтений и пока еще не преодоленных сложностей сопоставления норм междунароу-

⁴ Подробнее о законодательстве на региональном уровне см.: Право и этничность в субъектах Российской Федерации. М., 2004.

⁵ Первый Государственный доклад РФ по выполнению Конвенции был получен Консультативным комитетом 8 марта 2000 г.. 11-15 февраля 2002 г. делегация Консультативного комитета посетила Россию с целью получения дальнейшей информации о выполнении Конвенции. Мнение Комитета было опубликовано в российских СМИ в 2002 г. (Мнение 2003). Второй доклад был представлен в Совет Европы 26 апреля 2005 г. и охватывает период с 2001 по 2004 гг.

ного права и соответствующего российского законодательства. В Таблице 3 Приложения приведен краткий перечень норм международного права (из числа ратифицированных Россией документов, относимых к категории обязывающих, или так называемого "твердого права") в сопоставлении с нормами внутреннего законодательства федерального уровня.

Несмотря на наличие большого корпуса правовых документов, имеющих непосредственное отношение к регулированию и защите прав национальных меньшинств и коренных народов, на практике постоянно возникают проблемы с определением статуса конкретной группы. В частности при применении закона о национально-культурной автономии работники региональных отделений Министерства юстиции столкнулись с проблемой критериев определения конкретного этнокультурного сообщества как меньшинства на данной территории. Закон не дает конкретных рекомендаций и строгого определения, позволяющего принимать решения в спорных и пограничных случаях, а таковых оказалось немало. Например, поморам в Архангельской области удалось зарегистрировать национально-культурную автономию, в то время как ассоциациям русских в Татарстане и татар в Башкортостане было в такой регистрации отказано. Одновременно русские НКА были зарегистрированы в ряде субъектов РФ (Адыгее, Карачаево-Черкесии, Владимирской, Калининградской, Курганской и некоторых других областях). К спорным случаям в рамках применения закона о национально-культурной автономии специалистами отнесены и казаки с их организациями, а также организации некоторых самопровозглашенных народов, возникших на основе использования исторических этнонимов – чудь, болгары и др. Национально-культурные автономии длительное время после принятия закона не использовались как организационная форма региональными ассоциациями коренных малочисленных народов, однако, в последнее время эта ситуация меняется (созданы НКА эвенков Сахалина, бесермян Удмуртии, кумандинцев Республики Горный Алтай и вепсов Республики Карелия).

Для того, чтобы представлять сложность критериального определения ситуации меньшинства недостаточно использования исключительно правового подхода. Среди правоведов иногда можно встретить мнение, что для регулирования прав человека, лиц, принадлежащих к группам меньшинств или коренных народов достаточно учета существующих международных норм и государственных обязательств, вытекающих из конституционного права. Этот легалистский подход, во многих случаях достаточный, неверен в целом, поскольку, как известно, юридические понятия и правовые системы всегда отсылают к чему-то иному, лежащему за их пределами. "Через эволюцию права и действие его норм они непосредственно указывают на то материальное условие, которое

определяет их опору в социальной реальности" (Хардт, Негри 2004: 35). Учет этого обстоятельства заставляет специалистов, занимающихся разработкой основ этнонациональной политики, опираться в своих формулировках помимо права на данные многих обществоведческих дисциплин – социологии, антропологии, политических наук и др.

В целом, если говорить об отечественных подходах к пониманию термина "меньшинство" в рамках социальных наук, то можно утверждать, что несмотря на довольно широкий спектр позиций, расходящихся во многих деталях, все же существует некоторое согласие, в основе которого лежит признание, по меньшей мере, двух основных признаков групп меньшинств – их относительно меньшей численности и их подчиненного, недоминирующего положения, обусловливаемого и вытекающего из их малочисленности (Рис. 2). Однако даже в этом элементарном представлении содержится множество трудностей. Например, выражение "относительная численность" заставляет говорить о границах территории, на которой данное сообщество выступает как меньшинство – относительно какой совокупности населения рассчитывается эта доля?

Рисунок 2. Компоненты значения понятия "меньшинство"

В России весьма типичны случаи, когда представители одной и той же этнической категории являются меньшинством в границах государ-

ства и большинством в границах субъекта Федерации. Другой пример в этой связи – так называемые ирредентистские меньшинства, проживающие по обе стороны государственных границ. Здесь следует помнить, что не все государственные границы в мире соответствующим образом демаркированы и подтверждены международными договорами и соглашениями. Представители таких меньшинств могут пытаться оспорить законность границы, само существование которой низводит "самоопределяющийся народ" до положения "меньшинства". Наиболее ярким современным примером меньшинств этого типа в мире являются курды, однако в сходном положении находятся, например, армяне (Армения и Азербайджан), азербайджанцы (Азербайджан и Иран), осетины (Россия и Грузия), лезгины (Россия и Азербайджан), шугнанцы (Таджикистан и Афганистан), некоторые группы русских, казачов, киргизов, таджиков на территории стран СНГ и др.

Территориализация этничности (привязка народов и меньшинств к конкретным регионам или местам происхождения), разделение населения на пришлых и коренных приводит, помимо роста конфликтности в обществе, к возникновению в политическом дискурсе (а через него – и в законодательстве) таких абсурдных с точки зрения логики терминосочетаний, как "этнические россияне" или "коренные народы России"⁶. Теоретико-правовое решение проблемы базовой совокупности, относительно которой определяется меньшая численность в международном праве, связано с толкованием соответствующих норм международных договоров (в особенности 27 Статьи Пакта о социальных и культурных правах) и имеет иной характер, чем рассмотрение той же проблемы в контексте социальных наук (ср. типологию в: Schermerhorn 1970):

Положение в системе властных отношений	Относительная численность	
	Большая	Меньшая
Доминирующее	Большинство	Элита
Подчиненное	Подчиненные массы	Меньшинство

⁶ Речь сейчас не идет о перечне "коренных малочисленных народов России" (это понятие будет подробнее рассмотрено ниже), но об особой категории законопроекта "О репатриации в Россию русских и других коренных народов России", внесенного депутатами Госдумы А. Н. Савельевым и А. В. Чуевым в Комитет по делам национальностей в октябре 2004 г., в котором "национальность лица" определялась по национальности родителей, а в сам перечень были включены, помимо русских, "родственные и исторически единые с ними" белорусы и украинцы, а также все так называемые "титulyные" и малочисленные народы, общим числом 83 ("О репатриации в Россию русских и других коренных народов России", проект федерального закона № 90759-4).

Эта типология построена на двух неявных посылках: 1) суждение об относительной численности групп обретает смысл лишь тогда, когда обе группы принадлежат одному социальному организму, иными словами, контактирующие сообщества должны быть инкорпорированы в единую социальную систему, влияющую на значительное число сторон их социального бытия; 2) использование термина "меньшинство" основано на "моральном суждении демократического общества" (Petersen 1965: 235), когда социальное положение группы зависит, главным образом, от ее численности. В колониальных, феодальных и тоталитарных обществах понятие становится излишним, поскольку процесс принятия политических решений целиком контролируется элитой и численное соотношение групп на него не влияет. Лишь тогда, когда формальные политические права становятся реальными, численность "уязвимых групп" начинает влиять на расстановку политических сил. Таким образом, термин "меньшинство" уместно использовать лишь тогда, когда численность группы может рассматриваться как политический ресурс.

Эти соображения заставляют весьма осторожно подходить к анализу положения реальных этнических сообществ в государствах, относительно демократичности режима которых существуют сомнения. Именно сопоставление признаков относительной численности группы и ее положения в системе властных отношений позволяет говорить о демократическом обществе как об уникальной среде, в которой понятия "меньшинство" и "большинство" обретают социологическую определенность и полноценность. В политических режимах, где массы бесправны и где численность группы никак не связана с ее весом и влиянием в обществе, понятия "меньшинство" и "большинство" не работают. Их использование при анализе будет просто маскировать реальную ситуацию, в которой роль играет не численность группы, а ее эффективный доступ к власти или ресурсам, обеспечивающим власть (представительство группы в силовых ведомствах, политической элите, богатство, вооруженность и т. п.). В таких политических контекстах уместнее применять понятия "элита" и "масса", или уязвимые (депривированные, недоминирующие, маргинальные, люмпенизированные и т. п.) и господствующие (доминирующие) группы. К постсоветской специфике в трактовке рассматриваемого здесь понятия "меньшинство" следует отнести то обстоятельство, что в нашем политическом и, отчасти, правовом дискурсах "этническому меньшинству" зачастую противопоставит не столько "большинство", сколько так называемые "титальный народ", "титальная нация" или "государствообразующий народ" (термин из некоторых законодательств республиканского уровня), или "государствообразующая нация" (прежний текст Конституции Казахстана, в которой впоследствии это понятие было устранено) – понятия малоизвестные нашим западным коллегам и совершенно чуждые языку международ-

ного права, задающему сегодня тон обсуждения проблемы меньшинств. Существуют и попытки объявить русских государствообразующим народом⁷. Игнорирование наличия в понятийном поле этих концептов, оказывающих серьезное влияние на содержание понятия "меньшинство" (например, наличие тезаурусных связей типа "меньшинство – титульный народ/нация"), создает иллюзию взаимопонимания между представителями разных стран – юристами, политиками, учеными, не осведомленными о дополнительных коннотативных и ассоциативных компонентах российской понятийной системы в этой области.

Некоторые из российских законодателей и экспертов, обосновывая неприменимость европейского подхода к определению групп меньшинств в аспекте численности группы ("составляющая меньше половины численности населения страны"), апеллируют к тому обстоятельству, что так называемые "титульные меньшинства" соответствующих республик доминируют демографически (большая численность в рамках республики) или эффективно (большая власть и контроль над ресурсами) и, соответственно, не нуждаются в дополнительной защите их прав. Однако международные обязательства России, как и зафиксированный Конституцией РФ принцип верховенства международных норм в случае их расхождения с внутренним законодательством, не позволяют использовать при определении групп меньшинств двойной масштаб (отдельная республика и страна в целом).

Поскольку в Российской Федерации не принят отдельный закон, регулирующий защиту прав меньшинств, а конкретные защитные нормы представлены в законодательстве о языке, культуре, образовании, национально-культурной автономии и т. д., сопоставление этих норм с инструментами международного права обычно затруднено. Именно поэтому для удобства такого сопоставления в Приложении приведена Таблица 3 с кратким перечнем норм международного права (из числа ратифицированных Россией документов, относимых к категории обязывающих, или так называемого "твердого права") в сопоставлении с нормами внутреннего законодательства федерального уровня. Табличная форма представления норм международного и внутреннего права существенно облегчает сопоставление и выработку предложений для совершенствования внутреннего законодательства.

Меньшинство, большинство и их дискурсивные стратегии. Дискурс большинства в силу многочисленности самой этой категории и неопределенности ее границ вмещает практически весь спектр возможных политических позиций, от лево- и праворадикальных до либеральных и центристских. В рассматриваемом здесь сюжете известный интерес имеет сходст-

⁷ Проект федерального закона "О национально-культурном развитии русского народа", подготовленный депутатом от Конгресса русских общин Д. Rogozinym.

во между позициями и риторикой "большинства"⁸ и "меньшинств", вопреки которому эти позиции именно в области политики и обосновывающих ее идеологических платформ оказываются парадоксальным образом полярными. Например, высказывание "В ухудшении экологии виноваты приезжие" опознается аналитиками как мигрантофобское, если оно принадлежит праворадикальной части большинства, и то же самое высказывание расценивается как патриотическое и справедливое как часть правозащитной риторики, если оно исходит из уст лидера какой-нибудь из организаций коренных народов. Слово "мигранты" в этих сравниваемых здесь дискурсах само получает противоположное семантическое наполнение, обозначая в первом случае представителей меньшинств, в особенности оказавшихся на данной территории сравнительно недавно, а во втором, как раз наоборот – представителей доминирующего большинства. То обстоятельство, что одни и те же слова и фразы обретают противоположные оценки и смыслы, заставляет нас внимательнее отнестись к риторике связи с землей и к известному феномену территориализации этничности, генетически восходящему к сформулированным еще Гердером романтическим концепциям народа в духе единства крови и почвы.

В этой связи стоит отметить появление материала о принятии Декларации ООН о правах коренных народов на сайте ДПНИ с симптоматическим заголовком "ООН рекомендует защищать права коренных народов" (ДПНИ 2007). Активисты ДПНИ, особенно активно борющиеся с "кавказскими нелегалами" на территории Поволжского федерального округа, явно относят к коренным именно себя как представителей "славянских народов". В подтверждение справедливости именно такой интерпретации можно привести выдержку из размещенного на этом же сайте материала "Национальная политика в России: из лета в осень":

"... становится очевидным не только уровень влияния инородцев, но и широта охвата коррупцией нынешних властей. Доходит до идиотизма: в Саратове проведён показ мусульманской моды. Мужчины на этот показ не допускались. Сразу возникает вопрос – почему в русском культурном центре – г. Саратове, где консерватория построена третьей в России после Питера и Москвы – проведено иноверческое мероприятие, явно с дискриминационным подтекстом? Ведь отсутствие мужчин на показах одежды никак не укладывается ни в русские, ни в близкие им европейские представления о показах модной одежды. Дикость, да и только. Это называется "лезть в чужой монастырь со своим уставом".

⁸ Я использую в данном случае множественное число, поскольку веду речь уже не только о России, но и о таких странах, как, например, США и Канада, где в дискурсе лидеров аборигенных организаций часто встречаются те же риторические стратегии и фразеология, что и в мигрантофобских высказываниях "белых большинства".

Но власти одобряют подобные мероприятия вместо того, чтобы послать ревнителей ортодоксального ислама куда подальше. А уж если бы кто задумал провести конкурс православной моды где-нибудь на мусульманских территориях, то в лучшем случае получил бы название "русского шовиниста" или, по нынешней терминологии, – "экстремиста" и "разжигателя" (курсив мой – С. С.).

Здесь важно отметить, что авторы текста намертво связывают географию и идентичность, мысленно выделяя внутри страны не только "русские" и "православные", но и "мусульманские" территории и разделяя их население на законных "насельников" и пришлых "наильников"⁹.

Известный американский антрополог Арджун Аппадурай, размышляя о "месте туземца" и такой фигуре евроцентричного мышления, как постулируемая связь "туземцев" с населяемыми ими местами, землей, писал:

"Кто является "туземцем" в словоупотреблении антропологов? Немедленным ответом на этот вопрос будет: туземец – это тот, кто родился в наблюдаемом и описываемом антропологом месте (и, следовательно, принадлежит ему). Этот смысл слова *native* довольно узок, нейтрален и привязан к своей латинской этимологии. Но используем ли мы термин *native* одинаково для обозначения людей, которые родились в определенных местах и, таким образом, принадлежат им? Нет, не используем. Мы склонны использовать слово *native* для обозначения лиц и групп, которые были и остаются удаленными от западных метрополий. Ограничение, таким образом, оказывается отчасти привязанным к причудам наших идеологий подлинности последних двух веков" (Аппадурай 2000: 9).

Идеология подлинности в ее советском академическом варианте превратила характерный для европейских романтиков поиск "корней" и "исконных традиций" в междисциплинарную методологию этногенетических исследований, в свою очередь, сыгравшую важную роль в обосновании современных притязаний на территории лидеров многочисленных националистических движений (ср.: Шнирельман, 2000). Здесь этноцентристские концепции экспертного знания (исторического, этнографического, антропологического, социологического) смыкаются с "естественным" этноцентризмом разнообразных этнических антрепренеров (национальных или титульных элит, лидеров национально-культурных автоно-

⁹ В материале "Саратовскую епархию беспокоит нетерпимость лидеров мусульман Поволжья", размещенном на этом же сайте, например, отмечается: "Особое возмущение у православных вызвало выступление руководителя одного из департаментов ДУМП, призвавшего "ограничиться установкой поклонных крестов в местах компактного проживания верующего православного населения". Согласно данным последней всероссийской переписи 2002 года, 90% жителей Саратовской области принадлежит к народам, традиционно исповедующим Православие. Так о каких же "местах компактного проживания" может идти речь? – задаются вопросом авторы заявления" (ДПНИ 2007).

мий и т. д.). Представителям титульных сообществ республик мигрантофобия столь же свойственна, как и защитникам "славянской чистоты", меняются лишь обоснования антимигрантской риторики: на место рассуждений об усугублении криминогенной ситуации за счет притока мигрантов приходят мотивы "этнического баланса", "этнодемографического равновесия", давления на социальную инфраструктуру и т. п.

Существует и своеобразие антимигрантского дискурса т. н. статусных коренных народов (коренных малочисленных народов РФ), в котором на первое место выходят экологические мотивы и пока нечасто встречаемый в России, но широко распространенный в мире мотив исторической собственности на землю. В ряде случаев такого рода обоснования буквально повисают в воздухе, поскольку исторические источники свидетельствуют об относительно позднем появлении представителей данного конкретного народа на данной конкретной территории. Правозащитники в этом случае обычно возражают, что дело не в логике первоначальничества, а в образе жизни "аборигенов". Однако анализ современной ситуации с образом жизни свидетельствует о том, что мы здесь сталкиваемся либо с привычными стереотипами, либо с сознательной политикой так называемого "стратегического эссенциализма", опирающегося на такого рода стереотипы в решении практических задач борьбы за ресурсы (политические, финансовые, моральные и т. д.).

Закрепленная международным правом с конца 1980-х гг. антиинтеграционистская политика в отношении групп коренного населения сталкивается с определенными трудностями концептуального порядка. Критика изоляционизма хорошо известна, хотя остается весьма поверхностной и сводится, главным образом, к тезису, что нельзя какие-то группы человечества искусственно удерживать в состоянии "отсталости" и "неразвитости", изолируя их от достижений технического прогресса. Пользование достижениями прогресса, однако, неизбежно ведет к интеграции таких сообществ и их слиянию с основным обществом, поскольку создает новые потребности, зависимости, умения, привычки, диспозиции, короче говоря, умы и тела новых субъектов, что не может ни менять мировоззрения в целом, включая отношение к среде и ее ресурсам. Резкие изменения в бюджете времени и профиле потребностей – неизбежные спутники такого "прогресса". Помимо этого, политика поддержки и наличие льгот включают такие сообщества в общество в целом на условиях дифференциальной сегментированной инкорпорации, когда сегменты общества (в данном случае – группы коренного населения) в качестве особых категорий включаются в него на неравной основе. При этом игнорируется как внутренняя дифференциация таких сообществ, так и наличие категорий населения с аналогичным образом жизни и профилем интересов и потребностей в составе других сегментов общества. Все это не может не нарушать принципа социальной справедливости.

Современное российское законодательство и закреплённый им статус "коренных народов" эклектично соединяет два плохо совместимых подхода – либеральную риторику деколонизации, заимствованную из идеологии международного права, с одной стороны, и марксистскую в своей основе патерналистскую идеологию поддержки "отсталых северных меньшинств", малочисленность которых не позволила создать функционально полноценных территориальных автономий, что потребовало от государства дополнительных усилий по политической, социальной и экономической интеграции этих групп – с другой. В результате в новом законодательстве столкнулись две противоположные интенции – сформированная к концу 1980-х гг. антиинтеграционная политика МОТ, поддержанная другими подразделениями ООН и Всемирным банком, с одной стороны, и интеграционистская институциональная и идеологическая инерция прежнего советского подхода, в соответствии с которым политика поддержки и защиты прав этих народов должна способствовать их скорой и по возможности безболезненной интеграции в современные экономическую и политическую системы, помочь им освоить новые технологии, получить хорошее образование и т. п.

Интеграционистская политика в отношении коренных малочисленных народов в СССР проводилась с первых лет советской власти, а антиинтеграционистская идеология хотя и продолжает завоевывать умы политиков, законодателей, ученых и лидеров организаций коренных народов, но остается освоенной довольно поверхностно, результатом чего и стала эклектика в подходах и обусловленная ею непоследовательность в реализации законодательных норм¹⁰.

¹⁰ Примером интеграционистских установок, господствовавших в СССР накануне подписания Конвенции № 169 (напомню читателям, что она так и не была ратифицирована Россией, может служить Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года (Концепция 1989), подготовленная учеными Сибирского отделения АН при участии ряда академических институтов, включая сектор Севера тогдашнего Института этнографии АН СССР). В частности, в качестве одного из теоретико-методологических оснований Концепции в ней отмечалось, что "Социалистические преобразования у народностей Севера осуществлялись в рамках общесоциологической закономерности, в соответствии с которой в условиях существования обществ, принадлежащих к различным формационным типам, исторически менее развитые народы получают возможность усвоить достижения более развитых народов в области материальной и духовной культуры и продвинуться вперед, минуя те стадии, которые человечество в целом уже прошло. При этом переход на более высокую ступень развития оказывается для них возможным лишь в результате взаимодействия с более развитыми народами, так как общественное развитие того или иного народа не ограничивается внутренними условиями, а определяется совокупностью общеисторических предпосылок. ... Отсутствие развитого взаимодействия с другими народами, т. е. относительно изолированное существование (или так называемый "закрытый" путь развития), лишает общность возможности

Опубликованные результаты Всероссийской переписи 2002 г. содержат информацию о степени интеграции представителей коренных сообществ в современную экономику и культуру российского общества в целом. Помимо уровней урбанизации, которые легко рассчитываются по доли горожан в составе каждой из коренных национальностей перечня, косвенными показателями интеграции являются доля лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, доля представителей "городских" профессий (учителей, врачей, управленцев и т. п.) среди сельского населения соответствующей национальности, наконец, доля лиц этих национальностей, проживающих в Центральном, Поволжском и Южном федеральных округах, то есть в экономически развитых регионах, существенно удаленных от территорий традиционного расселения соответствующих народов. Не имея возможности привести здесь полный анализ соответствующих показателей¹¹ для оценки степени интеграции каждого из коренных сообществ, включенных в 13-й том публикации результатов переписи "Коренные малочисленные народы Российской Федерации" (Итоги 2005)¹², я ограничусь лишь наиболее общими сведениями и рассчитанным на их основе обобщающим ранговым показателем, позволяющим классифицировать группы по уровню их модернизации или аккультурации.

Из почти 125 тыс. чел. коренного населения трудоспособных возрастов в регионах традиционного проживания приблизительно 16,3 тыс. чел. заняты в сферах здравоохранения и медицины; более пяти тысяч человек – в финансовой деятельности, операциях с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, государственном управлении и обеспечении военной безопасности, социальном обеспечении и т. п. и еще около трех тысяч человек – в строительстве и на предприятиях транспорта и связи. Иными словами, в тех отраслях экономики и профессиях, которые были названы выше "городскими", занято около пятой части взрослого трудоспособного населения этой категории. В то же

органично включать уже выработанный человечеством социальный опыт в содержание собственного развития и определяет задержку в их общественном прогрессе. Развитие национальных общностей без их взаимодействия с другими общностями невозможно. В строгом смысле слова "закрытый" вариант характеризует не развитие как таковое, а стагнацию, или в лучшем случае медленную эволюцию" (Концепция 1989: 26-27).

¹¹ Более подробный анализ всех упомянутых показателей представлен в: Соколовский 2007; Sokolovskiy 2007.

¹² Из-за отсутствия сведений о занятости у камчадалов, кереков, сойотов, тазов, теленгитов и чулымцев в материалах переписи населения 2002 г. соответствующие группы были исключены из приводимого ниже анализа (доли городского населения у камчадалов, сойотов, тазов, равны соответственно 54,8%, 8,5, 35,2%; у теленгитов и чулымцев – 3,8 и 6,8%).

время в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве и на обрабатывающих производствах, то есть в тех отраслях, которые непосредственно либо условно можно связать с традиционными видами деятельности коренного населения, заняты лишь 17,4 тыс. чел., то есть лишь каждый седьмой. Остальное население на период проведения переписи оказалось в числе либо экономически неактивного, либо в числе безработного¹³. Высокие доли экономически неактивного населения отчасти объясняются тем, что в его число попали все лица старше 15 и моложе 64 лет, то есть весьма значительный контингент учащихся, а также пенсионеров, если учесть то обстоятельство, что в соответствии с пенсионным законодательством северяне пользуются пенсионными льготами¹⁴. У пятнадцати народов из категории "коренных малочисленных народов Севера" на территориях их традиционного расселения доля лиц с высшим (включая послевузовское и неполное высшее) и средним (профессиональным и полным) образованием в возрастных когортах старше 15 лет превышает 50%, а у двух народов (сойотов и юкагиров) эта доля приближается к 70%. У семи народов перечня доля городского населения превышает 40% (у шорцев – более 70%).

Если ранжировать уровни урбанизации, образования и доли городских профессий, присвоив каждому из полученных рядов порядковое место (ранги от 1 до 33 в соответствии с числом народов, по которым в публикации результатов переписи есть сведения о занятости), то, сум-

¹³ В соответствии с методологическими пояснениями к тому 13 Итогов Всероссийской переписи населения 2002 года "Не считаются занятыми в экономике те, кто со 2 по 8 октября 2002 года только учился в военной академии, аспирантуре, докторантуре дневной формы обучения; производил продукцию в личном подсобном хозяйстве для собственного потребления; оказывал услуги в собственном домашнем хозяйстве по уборке дома, приготовлению пищи и тому подобные услуги; оказывал услуги бесплатно для различных лиц или благотворительных организаций, родительских комитетов, комитетов ветеранов, больниц или домов престарелых и т. п.; владел акциями какого-либо предприятия или общества без непосредственного участия в экономической деятельности этой организации; занимался попрошайничеством (даже если оно приносит доход) или сбором бутылок и т. п." Помимо этого, "учащиеся, студенты, пенсионеры в трудоспособном возрасте учитываются в качестве безработных, если они на обследуемой неделе занимались поиском работы и были готовы приступить к ней" (Итоги 2005:563).

¹⁴ Право на пенсию на льготных основаниях в соответствии со статьей 26 Закона РФ от 19.02.93 предоставлено оленеводам, рыбакам, охотникам-промысловикам, проживающим постоянно в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях: мужчинам – по достижении 50 лет и при стаже указанной работы не менее 25 лет, женщинам – по достижении 45 лет и при стаже указанной работы не менее 20 лет. Право на социальную пенсию в соответствии со статьей 27 этого же закона имеют представители малочисленных народов Севера, проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

мировав эти ранги, мы получаем простой и интуитивно понятный показатель уровня интеграции каждой конкретной категории в городской образ жизни, или, если угодно, уровень модернизации каждой конкретной группы. Для наглядности суммы рангов были инвертированы (суммированы как отрицательные числа), так что группа, набравшая максимальное число баллов (то есть занявшая максимум последних мест по уровням урбанизации, образования и занятости в "городских" профессиях) оказывается ближе к центру диаграммы, а "чемпионы" модернизации, занявшие по всем показателям одни из первых мест, – на ее периферии. Результаты этой процедуры отражены на Рис. 2 (Приложение). Лидером по уровню модернизации оказались ительмены (на 10 месте с долей горожан около 35%; на третьем месте по доле лиц с высшим и полным средним образованием – около 60% и с более чем третью сельского населения, вовлеченного в "городские" профессии, в то время как в сферах "традиционной занятости" на момент переписи в регионах традиционного проживания работали лишь чуть более 5% ительменов; общая сумма рангов по трем показателям, таким образом, оказалось равной 20 при минимуме 3 балла и максимуме 99 баллов).

Таким образом, материалы не только последней, но и ряда предшествующих переписей дают основания утверждать, что успехи советской интеграционистской политики были столь значительными, что в стране практически не осталось коренных народов в том смысле, который вкладывается в это понятие международным правом (в частности, Конвенцией МОТ № 169), но существуют группы семей, семьи и отдельные люди, продолжающие заниматься тем, что у нас именуется "традиционными промыслами", чей образ жизни этими формами хозяйства в основном определяется и чье выживание в значительной степени зависит именно от них. Не стоит забывать, впрочем, что, быть может, не меньшее количество семей, чье благополучие зависит от экономики присваивающего типа, есть и в, если так можно выразиться, "составе" других народов, в том числе и русских (и определенно в составе большинства крупных автохтонных сообществ Сибири и Севера – среди алтайцев, бурятов, коми, тувинцев, хакасов, якутов). Культурное своеобразие и земельные права таких сообществ, если вести речь о специальном и адресном законодательстве, остаются по большей части незащищенными, хотя их представители подчас проживают бок о бок с "малочисленными коренными", в одних и тех же деревнях, зависят от тех же ресурсов и ведут такой же образ жизни, как и их соседи (как, например, хакасы и шорцы или кумандинцы, теленгиты, челканцы и алтайцы, удмурты и бесермяне, карелы и вепсы, водь и ижора, русские крестьяне и нагайбаки или телеуты и т. д.). Если говорить о правах на ресурсы, основанных исключительно на образе жизни (до-

минировании присваивающего и промыслового хозяйства) не в терминах конкретных людей или семейных общин, а в терминах народов, то при учете современной статистики занятости вся группа коренных малочисленных народов распадается на серию категорий, в разной степени урбанизированных и модернизированных, однако говорить о них, как это до сих пор принято в терминах "охотников-собираателей" или "специализированных рыболовов" (а ряде случаев – даже "оленоводов") – значит использовать устаревшие ярлыки, не соответствующие нынешнему положению дел. Говорить о "народах-банкирах", "народах-строителях", "народах-врачах", "народах-учителях" и "народах-ученых" пока еще не принято и вряд ли оправданы при нынешней дифференциации труда, однако то обстоятельство, что доля некоторых из перечисленных специализаций давно и устойчиво превышает долю занятых в "традиционных промыслах" примерно у каждого второго из тех же самых коренных народов свидетельствует о том, что с ярлыками пора расстаться (более подробная картина занятости представлена в Таблице 4 и на Рис. 3 Приложения).

Разделение граждан страны на аборигенов и пришлых, мигрантов и коренных, оккупантов-насильников и автохтонов-населенников нелепо и должно осуждаться и государством, и гражданским обществом в целом. Предпринятое рассмотрение антимигрантского и правозащитного дискурсов, направленных в обоих случаях против "пришлого населения", обнаруживает значительный их параллелизм и опору на сходные или близкие стереотипы, корнящиеся в идеологии территориализации этничности. Автору очевидно, что анализ проблем миграции, как и миграционная политика должны избавляться от этноцентристского подхода, сводящего все социальные противоречия к идеям радикальных различий и "этнической несовместимости", при этом, однако, следует помнить, что устранение исторических несправедливостей не так уж редко порождает новую социальную несправедливость, усугубляя уже существующие конфликты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Концептуализация сферы национальной политики в текстах конституций республик в составе РФ (по состоянию на 2008 г.)*

Терминология конституции	народ						национальность	национальная/ое			этническая	нация		народность	коренное население / этнос
	(население)	многонациональный (этническое сообщество)	п-ский	(коренной) малочисленный	коренной	п-ская		меньшинство	группа	общность (малочисленная) общность		группа	п-ская		
РФ	4	2	4		1		1	2			1				
Адыгея	7	2	1	1			2	1			2				1
Алтай	9	5	10	2		2	1				2	1			
Башкирия	7	5	4	3			1						1		
Бурятия	5	4	6		1		2	2	1		1		1	1	
Дагестан	2	3	15	3		1	4	1							
Ингушетия	4	3	3				1								
Кабардино-Балкария	6	4	9				2	6	1	1					
Калмыкия	8	1	4	4											
Карачаево-Черкесия	2	6	8				2	1			1				
Карелия	2		1				2								
Коми	5	2	2	3			1	2			1				
Марий Эл	6		2				1								
Мордовия	5	2	2	1			1	1	1		1				
Саха (Якутия)	14	4	3		13	3	1								
Северная Осетия	7	3	2	1			1								
Татарстан	5	2	4	2											
Тыва	8	3	2				5	3			1		1		
Удмуртия	11	2	1	1			1	2			1		1	1	
Хакасия	4	2	2	1			1	2	2	1					1
Чечня**	3[8]	3	3[1]	2			1[2]	1			1		[3]		[2]
Чувашия	6		4	2			1	1							

* В Таблице приведены наиболее часто встречающиеся понятия и термины: п-ский (п-ская) означает в сочетании с "титულным народом" соответствующей республики т. н. "основной народ" (национальность, нацию) данной республики; например, 'алтайский народ', 'мордовская национальность', 'бурятская нация'. Слова в квадратных скобках раскрывают значение основного понятия (например, слово [население] в столбце народ означает, что понятие народ в тексте данной конституции используется в значении 'население' столько раз, а в значении 'этническая общность' или в сочетании с другими терминами (коренной, малочисленный, многонациональный и т. д.) – иное число раз.

** Конституция Чеченской Республики была пересмотрена на референдуме 2.12.2007 г. (частотность терминов прежней редакции отражена в квадратных скобках).

Рисунок. 1. Проблема правосубъектности группы

Таблица 2. Перечень основных документов международного права в области защиты прав меньшинств и коренных народов

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	рекомендательные	юридически обязывающие	рекомендательные
Устав ООН (1945)	Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960)	Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953)	Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников СБСЕ (1983)
Всеобщая декларация прав человека (1948)	Декларация о принципах международного культурного сотрудничества, ЮНЕСКО (1966)	Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975)	Азиатско-Тихоокеанская Декларация человеческих прав индивидов и народов (1988)
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948)	Декларация ООН социального прогресса и развития (1969)	Парижская Хартия для новой Европы (1990)	Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников СБСЕ (1989)
Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы 1977 г.	Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и	Европейская Хартия по региональным языкам и языкам меньшинств (1994)	Группа принципов по национальным меньшинствам, предложенных Европейскому совету

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	рекомендательные	юридически обязывающие	рекомендательные
	сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН (1970)		Европейской комиссией по содействию демократии через закон (1990)
Конвенция МОТ № 104 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах (1957)	Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках (1978)	Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995)	Документ Копенгагенской конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990)
Конвенция МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий (1959)	Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981)	Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (1994)	Венская декларация и программа действий (1993)
Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960)	Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992)		Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996)
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965)	Декларация ООН о правах коренных народов (2007)		Ослоские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998)
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966)			Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999)
Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)			
Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966)			

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	рекомендательные	юридически обязывающие	рекомендательные
Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973)	*		
Конвенция о правах ребенка (1989)			
Конвенция МОТ № 169 о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах (1989)			

Таблица 3. *Сопоставление норм международного и российского права в сфере защиты прав меньшинств**

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
Свобода выбора принадлежности к меньшинству	12 (3.1)	1 (26.1); 2 (2.1, 4.3)	Не регламентирована ответственность за нарушение права
Осуществление прав и свобод индивидуально или совместно с другими лицами	7 (27); 10 (30); 12 (3.2)	2 (1)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8 (9.3)
Право на существование и самобытность	12 (5.1-2)	4 (20.1); 2 (4.1-6)	Нет прямых норм защиты от ассимиляции
Защита от депортации, экспроприации	12 (16)	1 (27.1); 6 (2-12)	
Свободное использование своего языка, устно и письменно, в частной жизни и публично	12 (10.1)	1 (2.2-4, 4, 26.2, 58.3); 2; 3; 4; 5	
Официальное пользование ФИО на своем языке	12 (11.1)	3 (16.4)	В законодательно неопределенной формулировке "с учетом национальных традиций именования"
Право наименования на родном языке своих организаций и предприятий	-	3 (16.2)	Пункт 2 Ословских рекомендаций
Право публичного размещения	12 (11.2)	3 (16.2)	(только на гос.

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
вывесок и объявлений на своем языке			языках республик)
Право получения топографической информации на своем языке	12 (11.3)	3 (23.2)	
Право использования своего языка в официальной сфере	12 (10.2)	3 (3.4, 11.2, 14.1, 15.2, 15.4, 16.3, 21, 22.1)	
Право использования своего языка в сфере частного предпринимательства	-	3 (22.1-2)	Пункт 12 Ословских рекомендаций
Право распространения, доступа и обмена информацией на своем языке	12 (9.1, 9.3-4)	2 (9.2); 3 (20.1-3)	
Право на использование своего языка во время следствия, в суде и в местах лишения свободы	12 (10.3)	3 (18.3); 10 (13); 11 (12.5, 18)	Пункты 17-21 Ословских рекомендаций
Право изучать свой язык и получать образование на родном языке	5 (5.1с); 12 (14.1-2)	1 (26.2, 68.3); 2 (10, 12); 3 (9.2, 9.4-5, 10.1, 10.4); 5(6);	
Право на распространение знаний о своем языке, культуре и истории	12 (12)	2 (13.7, 15.2-4)	
Право создавать собственные образовательные учреждения	12 (13); 5 (5.1с);	2 (11, 12.6)	
Право сохранять и развивать культурную самобытность	12 (5.1)	2 (4.1, 13.1); 4 (20.1)	
Право пользоваться достижениями своей культуры	-	2 (4.1); 4 (12.1); 9 (8)	Декларация ООН о меньшинствах, ст. 2.1
Право активно участвовать в культурной жизни	12 (15)	2 (4, 13.1); 4 (21.3)	
Право создавать и поддерживать свои культурные учреждения	-	2 (4, 13.1); 4 (15)	Копенгагенское совещание СБСЕ, пункт 32.2
Право участия в управлении делами государства, принятии решений	12 (15)	1 (32.1); 2 (4.1, 11, 13, 14.1, 20.2); 4 (21.3)	
Право создавать свои ассоциации	12 (7)	1 (30); 2 (1); 4 (16, 21); 7 (3)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8-(9.3)

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
Право на свободу мысли, выражения мнения, мирных собраний	12 (7, 9.1)	1 (29.1-3)	
Право участия в работе директивных и консультативных органов	–	1 (32.2); 2 (7)	Лундские рекомендации, пункты 7, 9, 12-13
Право участия в деятельности НПО	12 (17.2)	2 (4, 11, 13)	
Право на контакты с членами группы, проживающими в других государствах	12 (17.1)	2 (4, 9)	
Право на эффективное участие в экономической жизни	12 (15)	1 (37.1-3)	Нет специальных норм в законодательстве

* Таблица составлена на основе следующих экспертных обзоров: Пучкова 2004а, 2004б, 2004в; Осипов, Сапожников 2004.

**Перечень документов международного права, отраженных в таблице
(номера соответствуют приведенным в таблице)**

1. Устав ООН (1945);
2. Всеобщая декларация прав человека (1948);
3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948);
4. Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы 1977 г.;
5. Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965);
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966);
8. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966);
9. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966);
10. Конвенция о правах ребенка (1989);
11. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953);
12. Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995).

Перечень документов внутреннего законодательства, отраженных в таблице

1. Конституция РФ (1993);
 2. ФЗ "О национально-культурной автономии" (1996, ред. от 21.03.2002);
 3. ФЗ "О языках народов РФ" (1991, ред. от 11.12.2002);
 4. Основы законодательства РФ о культуре (1992, ред. от 23.06.1999);
 5. ФЗ "Об образовании" (1992, ред. от 08.12.2003);
 6. ФЗ "О реабилитации репрессированных народов" (1991, ред. от 01.07.1993);
 7. ФЗ "Об общественных объединениях" (1995);
 8. ФЗ "О политических партиях" (2001, ред. от 25.07.2002);
 9. ФЗ "О библиотечном деле" (1994);
 10. ФЗ "О судостроительстве" (1981, ред. от 25.07.2002)
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Рисунок. 2. Балловые показатели интеграции коренных народов (урбанизация, доля "городских" профессий и уровень образования) в группе КМНС (рассчитано автором по данным Всероссийской переписи 2002 г.)

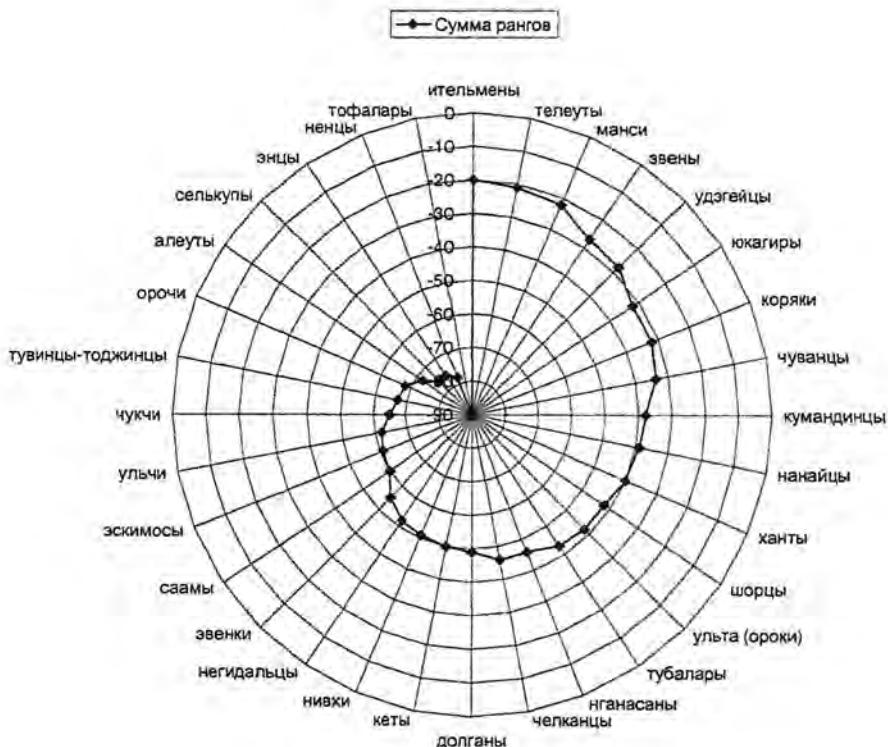

Рисунок 3. Уровни интеграции коренных народов (урбанизация, доля "городских" профессий и уровень образования) в группе КМНС по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., расчеты автора

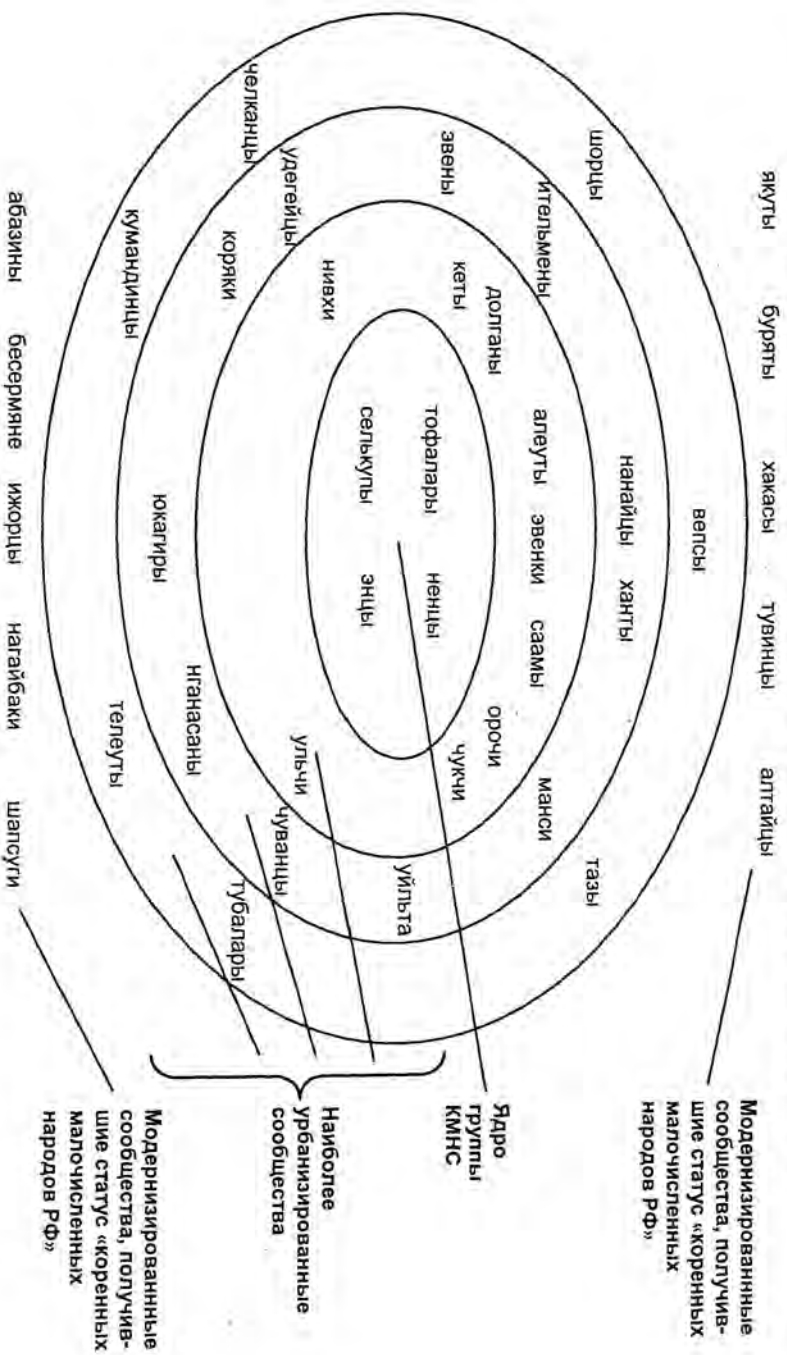

Таблица 4. Показатели интегрированности в городской образ жизни и современную профессиональную культуру населения трудоспособных возрастов (15-64 года) на территориях преимущественного проживания (Всероссийская перепись населения 2002 г.)

	общая численность	городское население	доля городского населения, %	трудоспособное население	трудоспособное население, %	традиционные отрасли	традиционные отрасли, %	медицина, образование, %	гос. управление, финансы, %	транспорт, связь, строительство, %
Алеуты	446	96	21.5	291	65.2	16	05.5	09.6	7.2	6.2
Долганы	7077	1194	16.9	3998	56.5	1176	29.4	19.5	2.3	2.9
Ительмены	2939	1012	34.4	1859	63.3	94	05.1	10.7	4.2	2.0
Кеты	1189	199	16.7	715	60.1	27	03.8	08.1	4.1	1.1
Коряки	8271	2368	28.6	5070	61.3	498	09.8	17.3	5.0	2.3
Кумандинцы	2888	1522	52.7	1867	64.6	84	04.5	04.0	0.5	0.6
Манси	10820	5487	50.7	6273	58.0	384	06.1	11.6	3.5	3.5
Нанайцы	11569	3278	28.3	7411	64.1	553	07.5	11.1	2.5	2.2
Нганасаны	811	147	18.1	458	56.5	85	18.6	16.6	2.4	1.5
Негидальцы	505	115	22.8	308	61.0	35	11.4	13.0	3.2	0.3
Ненцы	39813	6781	17.0	21188	53.2	5449	25.7	11.9	3.0	1.7
Нивхи	4902	2291	46.7	3082	62.9	301	09.8	09.4	2.8	2.3
Орочи	426	150	35.2	268	62.9	63	23.5	07.5	2.6	3.0
Саамы	1769	680	38.4	1090	61.6	151	13.9	07.3	6.0	2.4
Селькупы	4056	645	15.9	2512	61.9	306	12.2	10.6	5.2	3.6
Телеуты	2534	1044	41.2	1597	63.0	77	04.8	05.6	2.6	7.3
Тофалары	723	42	05.8	457	63.2	17	03.7	09.2	2.8	0.7
Тубалары	1533	120	07.8	894	58.3	99	11.1	07.2	1.9	1.7
Тувинцы-тоджинцы	4435	3	00.0	2495	56.3	102	04.1	15.5	2.1	0.7
Удэгейцы	1531	337	22.0	968	63.2	119	12.3	11.5	3.4	1.7
Ульта (ороки)	298	169	56.7	196	65.8	24	12.2	08.7	9.7	1.5
Ульчи	2718	413	15.2	1668	61.3	142	08.5	11.7	4.7	1.9
Ханты	27655	9190	33.2	16128	58.3	1793	11.1	13.8	4.3	3.2
Челканцы	830	113	13.6	502	60.5	31	06.2	12.7	4.2	2.2
Чуванцы	990	295	29.8	581	58.7	74	12.7	20.0	7.9	4.5

Литература

- Аппадурани 2000 – Аппадурани А. Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 8-13.
- ДПНИ 2007 – ДПНИ (http://www.dpni.org/articles/lenta_novo/5077/; дата посещения – 26.09.2007).
- Итоги 2005 – Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 13. М., 2005.

- Концепция 1989 – Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года (отв. ред. В. И. Бойко). Новосибирск, 1989.
- Мнение 2003 – Мнение о Российской Федерации //Российский бюллетень по правам человека. – М., 2003. – № 17. – С. 28-41.
- Пучкова 2004а – Пучкова М. Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области предотвращения и ликвидации расовой и этнической дискриминации //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 27-105.
- Пучкова 2004б – Пучкова М. Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 105-149.
- Пучкова 2004в – Пучкова М. Общие выводы и рекомендации. О совершенствовании законодательства РФ в сферах предотвращения и ликвидации расовой, этнической дискриминации и защиты национальных меньшинств //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 149-161.
- Осипов, Сапожников 2004 – Осипов А., Сапожников Р. Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. – М., 2004. – С. 162-208.
- Соколовский 2007 – Соколовский С. В. Правовой статус и идентичность коренных народов по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года //Расы и народы. Вып. 33. М.: Наука, 2007. – С. 11-57.
- Хардт, Негри 2004 – Хардт М., Негри А. Империя. М.: Практикс, 2004.
- Шнирельман 2000 – Шнирельман В. А. Предки и идентичность: националистические мифологии в современной России //Этнографическое обозрение. 2000. – № 4. – С. 3-14.
- Cobarrubias 1983 – Cobarrubias J. Ethical Issues in Status Planning //Cobarrubias J., Fishman J. A. (eds.) Progress in Language Planning: International Perspectives. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. – p. 71.
- Comment 1994 – General Comment adopted by the Human Rights Committee under Article 40, Paragraph 4, of the International Covenant on civil and political rights, General Comment No. 23 (50) (art. 27) adopted by the Committee at its 1314th meeting (50th session) on 6 April 1994.
- Nowak 1989 – Nowak M. UNO-Pakt über bürgerliche und politische Rechte und Fakultativprotokoll. CCPR-Kommentar, Artikel 27. – Kehl; Straßburg; Arlington: N. P. Engel Verlag, 1989.
- Parker 1999 – Parker J. Problems in Defining Minorities //Bowring B., Fottrell D. (eds.) Minority and Group Rights Towards the New Millenium. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – pp. 223-273.
- Petersen 1965 – Petersen W. The Politics of Population. – N. Y.: Anchor, 1965. – p. 235.
- Schermerhorn 1970 – Schermerhorn R. A. Comparative Ethnic Relations. – N. Y.: Random, 1970.
- Skuttnabb-Kangas, Bucak 1995 – Skuttnabb-Kangas T., Bucak S. How the Kurds are Deprived of Linguistic Human Rights //Skuttnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.) Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. – p. 360-361.
- Sokolovskiy 2007 – Sokolovskiy S. Indigeneity Construction in the Russian Census 2002 //Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Vol. 6, No. 1. 2007. P. 59-94.

События в селе Карагай

А. В. Черных

В конце июля – начале августа 2008 г. пермские и федеральные СМИ информировали общественность о столкновениях в Пермском крае: "В городе Карагае за последние две недели произошли две массовые драки между русскими, с одной стороны, и чеченцами и азербайджанцами — с другой. Как передает агентство "Новый регион", в результате убиты двое и ранены 11 русских участников столкновений. В правоохранительных органах причины драк списывают на алкоголь и утверждают, что "инциденты произошли не на национальной почве"¹.

"Неизвестные избили нового главу карагайской милиции <...>. Поводом для драки стала гибель одного из азербайджанцев в результате падения подъемного крана на здание, в котором он находился. Русского, который управлял краном в нетрезвом состоянии, потом жестоко избили. Это вызвало волну негодования у местных жителей и рабочих"². Часть источников сообщает о двух драках, произошедших в ночь с 18 на 19 июля и в ночь на 6 августа. А вот какие описания появились на частных сайтах: "Лица кавказской национальности группировками по 20-30 чел. начали тотальное уничтожение коренного населения города! Продолжалось все три дня. Беспредел по всему городу! Люди боялись выходить на улицы... больницы были переполнены уже в первый день..."³. Подобная информация была опубликована и в печатных СМИ. Сообщалось о разном количестве убитых, об избиении начальника ОВД Карагайского района.

Что же реально произошло в Карагае? Были предприняты попытки расследования сложившейся ситуации, в том числе и независимыми общественными организациями.

На проверку значительная часть представленной ранее противоречивой информации оказалась вымышленной. Зачастую журналисты ссылались на непроверенные и не имевшие в реальности факты. В частности, в ночь с 18 на 19 июля драка действительно произошла. Но 6 августа никаких проблемных ситуаций не возникало, и никаких конфликтов не было. Но самое главное это то, что в карагайском инциденте не было убитых.

¹ <http://grani.ru/Events/Crime/m.139706.html>.

² <http://www.newsru.com/russia/07aug2008/draka.html>.

³ <http://www.liveinternet.ru/users/bart-demon/post809694448>.

Имела место гибель азербайджанского рабочего на лесопилке в результате трагического случая – падения крана. Еще один азербайджанец утонул, купаясь 19 июля. Однако обе эти смерти обусловлены несчастными трагическими случаями и никакой связи с событиями с 18 на 19 июля не имеют, что подтверждено соответствующими надзорными органами и отражено в документах. Избиение начальника местного ОВД – выдумка репортеров, о чем говорилось при анализе ситуации на заседании Земского собрания района 29 августа. Надуманность этих фактов подчеркнута и в информации Пермского правозащитного центра: "...убитых не было. Имела место лишь гибель молодого азербайджанского рабочего на лесопилке из-за падения крана. Еще один азербайджанец утонул. Избиения начальника ОВД Карагайского района, вступившего в должность в июне сего года, места не имели"⁴.

Что касается непосредственно самого инцидента, то Пермский правозащитный центр описывает его более подробно и детально, ссылаясь на итоги собственного расследования: "в драке участвовало около 50 чел., в том числе около 10 русских и (на финальной стадии) около 35-40 чеченцев и ингушей..."⁵. Однако и в данном случае сделана ссылка на непроверенные факты, в частности, с оговоркой "предположительно" говорится о наличии у участников газовых пистолетов.

По нашим данным, в ночь с 18 на 19 июля 2008 г. в с. Карагай (село, а не город!) в кафе "Березки" началась пьяная ссора между двумя русскими молодыми людьми (один из них – житель г. Перми, другой – с. Карагай). Ссора, возникшая из-за девушки, переросла в драку. "На подмогу" карагайскому зачинщику прибыли местные жители: русские и чеченцы, затем к драке присоединились азербайджанцы. О количестве участников драки объективных данных нет. В результате пострадало шесть человек: пятеро русских, один чеченец. Они получили легкие телесные повреждения, что подтверждается отсутствием обращений в местную больницу по поводу тяжелых травм. В связи с происшедшим ОВД по Карагайскому району возбуждено уголовное дело по ст. 116 "Телесные повреждения" и 213 "Хулиганство" УКРФ, осуществляются проверка и следственные мероприятия по данным фактам. Такова протокольная канва произошедшего.

Непосредственная причина начала конфликта, по нашему мнению, не связана напрямую с этническими мотивами. В основе конфликта – заурядная бытовая ситуация, которая в результате участия в ней русских, чеченцев, азербайджанцев привела к социальной, а не этнической напряженности.

Однако произошедший конфликт вскрыл некоторые проблемы. Карагайский район – один из самых мононациональных районов Перм-

⁴ http://www.prpc.ru/news_our/080819.shtml.

⁵ http://www.prpc.ru/news_our/080819.shtml.

ского края, поскольку из 25 тыс. жителей 93% составляют русские. В 1990-е гг. в районе появились переселенцы из Закавказья (армяне и азербайджанцы) и Северного Кавказа (чеченцы). По переписи 2002 г. азербайджанцев зафиксировано 93 чел., чеченцев – 63, но нынешние цифры значительно выше. По сведениям администрации района, местные чеченцы и ингуши составляют около 150 чел., азербайджанцы – свыше 300 чел. В основном они проживают в районном центре Карагай и железнодорожной станции Менделеево.

Заметное по местным меркам увеличение представителей новых для здешних мест народов обостряет внимание жителей. Тем более это внимание повышается, если люди замечают со стороны иноязычных приезжих некорректное поведение и нарушение принятых норм. Об этом в ходе опросов говорили местные жители. Например, как следует из материалов Пермского регионального правозащитного центра (ПРПЦ), медицинские работники районной больницы жаловались на то, что посещающие больницу выходцы с Кавказа "часто не обращают внимания на указанные при входе ограничения, идут в уличной обуви и верхней одежде в хирургическое отделение, а на замечания со стороны молодых медсестер отвечают бранью". Местные жители сетуют и на то, что многие из приезжих "порой ездят без номеров, полностью тонируют стекла своих машин".

Главная же причина, лежащая в основе карагайской напряженности, – экономическая. Карагайский район – один из сельскохозяйственных северных районов Пермского края. Основная часть русского коренного населения района занята в сельскохозяйственном производстве и сфере услуг. Мигранты же, в первую очередь, заняты в сфере лесодобычи и лесопереработки. Значительные лесные богатства края, близость транспортных артерий, в том числе и железнодорожной магистрали делают район привлекательным для развития этой сферы экономики. Большая часть предприятий лесодобывающей отрасли района (лесопилки) находится в руках предпринимателей – чеченцев и азербайджанцев. Организация труда рабочих на лесопилках, в числе которых много местных жителей, вызывает недовольство местного сообщества.

Естественно, в такой ситуации наиболее действенным решением представляется, лишь экономическая политика как региональной, так и муниципальной власти, определенное регулирование сферы занятости местного и приезжего населения, наведение порядка в лесодобывающей отрасли.

Карагайский конфликт отразил также и неготовность органов местного самоуправления к разрешению подобного рода конфликтов, показал и неумение контролировать миграционную ситуацию. Важна в условиях активных миграционных процессов на муниципальном уровне и профессиональная, четко организованная и корректная работа правоохранительных органов, которые на возникшую конфликтную ситуацию в Карагае отреагировали с опозданием.

События показали также поспешность и безответственность СМИ в освещении такого рода событий. Фактически сообщения были провокационными. Достоверность многочисленных публикаций по карагайским событиям, мягко говоря, можно оспорить. "Репортажи" значительно раздули масштабы конфликта, растиражировали ложные сообщения об убитых и раненых, избиении представителей власти. Негативная роль СМИ проявилась и в том, что они интерпретировали возникшую проблему исключительно как этнический конфликт.

В настоящее время никаких тревожных сигналов из Карагая не поступает. События в Карагае не повлияли на этническую обстановку в Пермском крае. В июне 90,7% респондентов отметили отсутствие социальных конфликтов и противоречий на межнациональной почве, в июле эта цифра составила – 92,4%, в августе – 91,5%. Заметим, что пермские социологи проводят мониторинг ситуации непосредственно и в Карагае.

Кроме того, предприняты конкретные меры со стороны властных структур по профилактике этнической напряженности непосредственно на территории муниципалитета. Сегодня к Карагаю приковано пристальное внимание краевых властей и гражданских институтов. Уже проведен комплекс мероприятий – совместное заседание руководителей ГУВД, Управления ФСБ по Пермскому краю, администрации, прокуратуры и ОВД Карагайского района. При организационно-методическом содействии департамента внутренней политики администрации края проведены рабочие совещания, консультации с сотрудниками органов местного самоуправления. Что особенно важно, проведена встреча с представителями редакции местной газеты и представителями национальных сообществ района. Проведены встречи и собрания с целью разъяснительной работы с представителями молодежи разных национальностей. Создана рабочая группа с участием молодежи по подготовке районной масштабной этнокультурной акции – фестиваля, которая запланирована на 4 ноября 2008 г.

При Земском собрании Карагайского района создана и работает депутатская комиссия по недопущению негативных последствий произошедшего конфликта. С целью профилактики этнической напряженности работает общественная приемная с участием специалистов федеральных структур по Пермскому краю, в числе которых и Управление федеральной миграционной службы, а также телефон доверия для населения. Проводятся обучающие семинары для руководителей административных органов, учреждений культуры и образования.

В декабре 2008 г. в Пермском крае впервые прошла этнокультурная акция "Два народа – две судьбы", с участием артистов из Чеченской Республики. Акция состоялась в рамках краевой программы гармонизации национальных отношений, организаторами и участниками

выступили департамент внутренней политики администрации губернатора Пермского края, администрация Карагайского района, представительство президента Чеченской Республики в Пермском крае, пермская региональная общественная организация "Русское национально-культурное общество", общественный центр "Дом дружбы народов Пермского края". Проведены концерты творческих коллективов Пермского края и артистов из Чеченской Республики, творческие встречи в формате свободного общения с артистами, представителями творческой интеллигенции и общественности. В составе делегации Чеченской Республики – заместитель министра по внешним связям, национальной политике, печати и информации В. Светличный, народный артист Чеченской Республики М. Ясаев и др. Концертная программа и творческая встреча пермских и чеченских коллективов состоялась в г. Перми, а затем мероприятия продолжались в селе Карагай. Главная цель акции определялась как развитие диалога культур, межкультурного взаимодействия и творческих контактов народов Пермского края. Творчество Прикамья было представлено широко, так как, по мнению организаторов, именно творчество и народная культура является той органичной средой, которая позволяет сохранять гражданское согласие и формировать толерантность.

Между тем, прокуратура Пермского края представила весной 2009 г. в Генеральную прокуратуру отчет о проверке лесной отрасли в Карагайском районе. "Экономическая" подоплека является одной из причин как карагайского конфликта, так и претензий местного русского населения по отношению к мигрантам. Проверки лесной отрасли в Карагайском районе стали следствием обращений (после произошедшего конфликта) местных жителей и общественных организаций в Государственную Думу РФ, в Генеральную прокуратуру и в федеральное правительство. К настоящему времени проверку прошли 69 расположенных на территории района пилорам из 76. По результатам проверки 29 владельцев привлечены к административной ответственности за работу с лесоматериалом неизвестного происхождения ("оказание услуг и продажа товаров при отсутствии информации об изготовителе и продавце и без применения контрольно-кассовых аппаратов"). В судебном порядке была остановлена деятельность 3-х пилорам. Установлен и факт, что большая часть пилорам в районе действительно принадлежит индивидуальным предпринимателям – уроженцам Чечни, Дагестана, Азербайджана, Армении и Грузии, а также созданным ими юридическим лицам. По итогам проверки возбуждено 84 уголовных дела по фактам незаконной вырубке леса на территории Карагайского района. Краевая прокуратура установила также факты нарушения лес-

ного законодательства со стороны местных органов государственного надзора и контроля в сфере охраны и защиты лесов.

Пристальное внимание к карагайской экономической ситуации, однако, по мнению самих карагайцев, не изменило ситуации, криминальная рубка леса и его вывоз не прекратились, а значительная часть лесопилок просто перешла на режим ночной работы. Анализ ситуации показывает, что криминальность экономических процессов накладывает отпечаток и на характер межэтнических отношений.

После проведения проверки и неоднократного обращения общественности, а также многочисленных публикаций в СМИ, краевая прокуратура признала незаконным прекращение уголовного дела по факту драки в карагайском кафе. Прокурору Карагайского района предписано отменить незаконное постановление о прекращении дела и возобновить следствие. Напомним, что по результатам карагайского столкновения два уголовных дела были возбуждены по фактам нанесения побоев из хулиганских побуждений, одно – по признакам хулиганства, совершенного группой лиц с применением предметов, используемых в качестве оружия, но 18 января 2009 г. все дела были прекращены. Ни одному из инициаторов не было предъявлено никаких обвинений.

Внимание к Карагаю в Пермском крае обусловлено постоянными публикациями в пермских СМИ. Активны и пермские правозащитники. 3 марта в пермском Доме журналиста состоялась пресс-конференция жителей села Карагай, посвященная этой теме. На конференции присутствовали непосредственный участник конфликта и свидетель. Комментировал обсуждение юрист пермского правозащитного центра. Пресс-конференция приняла жесткий характер. На ней, в частности, обсуждались проблемы процесса расследования, а также ситуация межэтнической напряженности в селе, критиковались действия властей. Материалы конференции были растиражированы в пермских СМИ. Написали, в частности, о том, что юрист регионального правозащитного центра указал на нарушения в ведении следствия и сделал вывод о халатном отношении следователя к работе. Известно, что после инцидента по селу прокатилась волна драк, потасовок, сопровождающихся угрозами со стороны представителей чечено-ингушской диаспоры. В эти же дни пострадавших в драке встречали на улицах группы чеченской молодежи и высказывали угрозы, оказывая психологическое давление. Заявления в связи с этими угрозами в милицию не подавались. Видео-запись драки, отснятая камерой сотового телефона, в сложившейся взвинченной атмосфере была уничтожена, многие, опасаясь за свою жизнь и здоровье, отказались быть свидетелями. Угрозы со стороны представителей чечено-ингушской диаспоры имели в тот период регулярный характер. Тех, кого запугивали, потом признались, что боятся

ходить вечером в кафе. Газеты писали так: "Глядя на отношение властей к данной проблеме как исключительно бытовой, нет надежды, что что-то в скором времени изменится к лучшему. Игнорировать подобные столкновения на национальной почве опасно...."⁶. Пермские правозащитники настойчиво обращаются к карагайской теме, отслеживая результаты следствия.

По заказу Департамента внутренней политики администрации губернатора Пермского края в с. Карагай был проведен этносоциологический мониторинг ситуации и состояния межэтнических отношений, который показал, что ситуация далека от фестивальной.

Урок Карагая при любом прочтении происшедших событий показывает, что любая бытовая ситуация может стать основой для конфликта, имеющего "этническую" окраску. От этого не застрахована даже самая благополучная и тихая территория.

⁶ Михалева О. Карагай – это рядом //Пермский обозреватель, № 8 (408) 9 марта 2009.

Конфликт как теоретическая реальность¹

О. В. Кульбачевская

Следует признать верным мнение исследователей-конфликтологов о том, что общественный конфликт может быть назван этническим уже в тех случаях, когда хотя бы одна из противоборствующих сторон использует мотивы "этничности"². При анализе общественного конфликта с особым вниманием нужно относиться к тому, как именно идентифицируют друг друга участники противостояния, причем даже не лидеры и активисты, а рядовые участники³. Анализ произошедших на постсоветском пространстве конфликтов – региональных и локальных – показывает, что даже вовлечение третьих сторон может придать столкновению черты этнического конфликта. Характерны в этом отношении, например, действия местных администраций или общественных сходов, направленные на выселение лиц определенных национальностей после каких-либо событий, вызвавших общественное неприятие (кража, наркотики, драка и т. п.).

Существуют разные теоретические подходы, объясняющие причины и механизмы насилия, воплощенные в социальных конфликтах⁴. Прежде всего, следует указать на структурные концепции, согласно которым причины социальных конфликтов и насилия видятся в условиях и изменениях социальной среды. В структурно-функциональной модели Т. Парсона конфликт проявляется как напряжение или стресс внутри общественной системы, ее некий побочный продукт. Основным источником конфликта кроется в несовместимости социальных ценностей и неспособности политических институтов к адаптации в условиях социальных изменений. Утрата доверия общественных структур к власти порождает протестное поведение. Такое поведение может существовать в насильственной форме, что само по себе отражает состояние морального разложения общества, ослабление интегрирующих общественную систему

¹ Исследование осуществлено при поддержке РФГФ (грант № 07-01-12128 в).

² Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., Наука, 2001; Этнополитический конфликт: Пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. Отв. ред. В. А. Тишков, М. Я. Устинова. М., 2006.

³ Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: проблемы становления. http://www.vusnet.ru/biblio/archive/avxentev_etnkonfprobstan/.

⁴ См. подробнее: Аклаев А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах (Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения). М.: 1993. Вып. 3. С. 5-27).

ценностей. При этом В. Ньюман считал, что такие параметры социальной структуры, как стратификация и социальный статус, определяют возникновение, частоту и интенсивность межгрупповых конфликтов. Чем больше в обществе неравенство, чем сильнее социальная стратификация групп и различие статусов, тем более вероятны насильственные акты. С. Спилерман основными причинами межрасовых конфликтов называл слабую степень социальной интеграции и отчуждение групп от политической системы. Также Д. Снайдер и Ч. Тили видели причины возникновения коллективных форм насилия, прежде всего, в неравенстве социальных возможностей в сфере власти. Эти и подобные точки зрения исходят из общих оценок социальной ситуации, и поэтому их очень трудно применить для конкретных случаев конфликтов, где очевидной движущей силой служат мотивы участников.

Другой подход видения причин конфликтов лежит в основе так называемой поведенческой концепции. Насилие рассматривается как проявление фрустрации, а затем и агрессии индивидов. Такое состояние возникает при определенных условиях и характерном течении конфликта. Агрессия вспыхивает на базе разделяемых чувств и при определенном психологическом состоянии коллективного недовольства. По теории фрустрации-агрессии Д. Долларда, фрустрация – состояние индивида, вызванное наличием внешних препятствий его стремлению достичь значимой для него цели. С этой точки зрения агрессия объясняется как действия, нацеленные на подчинение других субъектов для достижения своих целей. Агрессия порождается фрустрацией. Если (в силу страха наказания или по другой причине) индивид не может сразу направить агрессию на источник фрустрации, то агрессия может быть отложенной или "замещенной", т. е. перенаправленной на более уязвимый и незащищенный объект. Н. Миллер в свое время уточнил: фрустрация вызывает не непосредственную агрессию, а побуждение к ней, после чего возможна как агрессивная, так и неагрессивная реакция. Это наблюдение, кстати, следует учитывать при оценке вероятной мотивации поведения лиц, входящих в экстремистские молодежные группировки. Интернет-агитация и прочие виды пропаганды насилия на расовой и этнической почве искусственно создают психологическую основу личного состояния фрустрации подростка, но это не обязательно приводит к агрессивному поведению. Следует разобраться, какой еще нужен шаг, чтобы оказаться в рядах агрессоров. Л. Берковиц в качестве промежуточной переменной выделяет чувство гнева, вызванное фрустрацией, которое стимулирует агрессию против внешнего объекта. Но, заметим, одного этого чувства достаточно только для спонтанных реакций. Действия же экстремистских группировок, как правило, продуманы и спланированы, и вряд ли следует думать, что активи-

сты таких групп постоянно пребывают в состоянии фрустрации и тем более – гневливости. Экстремизм и ксенофобия как обыденность, как норма – вот проблема, которая еще ждет своего анализа и разрешения.

Следует также добавить, что факт "замещенной" агрессии, приводящий к субъективному представлению об источнике "всех бед", свидетельствует о том, что определяющим фактором жесткого и жестокого поведения участников конфликта является сугубо эгоистическая потребность достижения личных целей, а не выяснение каких-либо истин. Это следует учитывать при определении причин конфликта, особенно в тех случаях, когда для оправдания насилия адепты вспоминают об "исторических" причинах и поводах.

Исследователи стремятся объяснить экстремистские формы поведения абсолютной депризацией, которую рассматривают в качестве источника групповых фрустраций. В частности, говорят об ухудшении уровня материальных условий жизни. Анализ различных конфликтов свидетельствует о том, что крайняя бедность действительно служит отправной точкой взаимных претензий и столкновений. Взять хотя бы происходящие в последние годы кровавые конфликты в ЮАР, где в результате нападений местных жителей гибнут трудовые мигранты из соседних африканских государств. Но, если бы бедность и безработица были всему виной, конфликты не были бы распространены там, где нет крайних проявлений бедности. В данном случае речь идет практически обо всех случаях конфликтов, произошедших после распада СССР. Применительно к этим случаям депривационная модель оказывается несостоятельной. Видимо, не следует ограничиваться одной только материальной составляющей человеческих потребностей, забывая о потребностях духовно-нравственных и идеологических. Следует вспомнить и о том, что инициаторами конфликтов (а также и революций) зачастую являются социальные группы, как раз обладающие материальными ресурсами. Депривация – это опять же слишком обобщенное объяснение мотивов и поступков конфликтующих сторон.

Другой подход стремится подкорректировать идею депривации, применяя понятие "относительная депривация". Согласно ему недовольство и возникающий вследствие этого социальный протест возникают не как результат объективно ухудшающихся условий жизни, а как результат не удовлетворяющего группу сравнения своих материальных условий, статуса, политических прав и свобод с желаемыми условиями, статусом и прочим. С. Стюффер и др. указывали, что идеальные положения и статус мыслятся для инициаторов конфликта как достижимые. Т. Гурр определяет относительную депривацию как восприятие субъектом разрыва между своими ценностями-ожиданиями и своими ценностями-возможностями. Б. Бетельгейм и М. Яновиц отмечают, что в сфере

межнациональных отношений рост восприятия относительной депривации сопровождается ростом негативных установок и враждебности по отношению к контактирующим группам (особенно к группам этнического меньшинства и группам, повышающим свой статус или стремящимся не допустить его изменения).

Существует еще операциональная схема относительной депривации В. Рунчимана. В рамках этой схемы сферы социальной стратификации, выделенные М. Вебером класс, статус, власть, используются для социологического изучения составляющих относительной депривации групп. Изучаются восприятие и оценка членами группы социально-экономических показателей группы (уровень доходов, возможности социально-профессионального роста, условия труда и др.), а также ограничения в социальном уважении, почете, престиже и почестях, которые испытывает группа. Такой подход уже как-то проясняет движущие стимулы возникающих конфликтов. Но, заметим, для возникновения самого чувства депривации потенциальные участники конфликта должны обладать недюжинными аналитическими способностями, чтобы в поисках "врага" иметь возможность многократно сопоставлять себя и окружающих по таким параметрам, как уровень доходов, возможности социально-профессионального роста, условия труда и т. д. и т. п.

Согласно Д. Дэвису, основной причиной насильственного конфликта является быстрое увеличение разрыва между субъективными ожиданиями и объективным их удовлетворением. Социальные группы испытывают интенсивные фрустрации в случаях, когда после периода существенного улучшения социальных и экономических условий жизни и растущих в связи с этим ожиданий группа внезапно сталкивается с кризисом, вызывающим падение уровня жизни. В результате у членов группы возникает психологическое состояние, при котором они оценивают условия жизни как невыносимые и готовы на крайние меры. Согласно Г. Ленски, социальные группы, члены которых обладают значительными ресурсами и возможностями, но находятся на низком уровне статусной иерархии, испытывают неудовлетворенность от несоответствия между ожидаемым и фактическим статусом. Д. Гешвендер писал, что опыт и окружающая действительность формируют среди членов социальной группы определенные знания: идеи, ожидания, представления о себе, своих правах и т. д. Однако реальный опыт группы в определенный момент может вызвать в восприятии ее членов изменение "всей когнитивной картины мира". Особое значение может иметь новое знание о самой группе, например, трактовки исторического прошлого. Напряжение и стресс, вызванные новым знанием, противоречащим предыдущим представлениям, могут оказывать фрустрирующее воздействие. В случае, когда углубляющийся "когнитивный диссонанс"

невозможно разрешить через социально приемлемые пути, возникает социальный конфликт.

Выделяя три типа обществ – традиционные, переходные или модернизирующиеся, современные, С. Хантингтон писал, что для обществ переходного типа в наибольшей степени характерны нестабильность и различные формы конфликтов. Рост урбанизации, грамотности, образования, влияния СМИ в модернизирующихся сообществах способствует формированию представления о новых формах удовлетворения своих потребностей, а также порождает новые потребности. При этом реальные социально-экономические возможности в обществах переходного типа растут гораздо медленнее, чем новые устремления. Возникающий вследствие этого разрыв между потребностями и возможностями порождает социальные фрустрации, которые, в свою очередь, ведут к росту предъявляемых правительству требований и стимулируют политическую мобилизацию и активность. Отсутствие адекватных политических институтов часто делает невозможным выражение требований через легальные и социально приемлемые каналы, а также их эффективное удовлетворение в рамках существующей политической системы. Эта далеко уже не новая мысль, прилагаемая к российской действительности, имеет существенное значение. Вспомним: та система этнического представительства через структуры гражданского общества, которая именуется национально-культурная автономия, уже во многом изжила себя и не соответствует ни ожиданиям этнических сообществ, стремившихся на начальном этапе эффективно взаимодействовать с властью, ни ожиданиям региональных и местных чиновников, которые не смогли через систему НКА эффективно контролировать "межэтнические отношения".

Социально-психологическая теория установки⁵ в западной социологии описана Дж. Дэвисом, в отечественной – П. Н. Шихаревым. Структурные компоненты психологии личности воспроизводятся в психологии группы. Такая психология представляет собой наложение, взаимодействие мотивационных, познавательных, коммуникативных процессов. Результирующими продуктами взаимодействия этих процессов являются социальные установки, или аттитюды. В ходе развития этой теории за социальной установкой закрепилась трактовка ее как социально обусловленного отношения к объекту или явлению, как осознание, оценка, готовность действовать. Данная теория применяется в этносоциологии, где в рамках теории установки выделяются "этнические", "межэтнические" и "социальные" установки.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробизижева Л. М., А. А. Сусоколов. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект пресс, 1999.

Существует также теория социального дискурса, которая подчеркивает первостепенную важность языка, используемого в социальной практике, особое внимание уделяется генерированию взаимоисключающих понятий "мы-они", "свой-чужие". Эта теория, как представляется, в наибольшей мере подходит для объяснения многих ситуаций локальных и так называемых бытовых конфликтов на этнической или расовой почве. Распространяемые стереотипы о том, кого именно следует относить к категории чужаков, воспринимаемых как источник бед (нынешних и грядущих), создают прочную "убедительную" для индивида базу его антиобщественных поступков. Такие поступки нередко оцениваются СМИ и судебными органами как немотивированные. На самом деле мотив почти всегда имеется – убеждения.

Затянутые по времени конфликты, как правило, не являются локальными, чаще всего они имеют региональный масштаб, в них потенциально вовлечены большие группы людей. Таковыми являются все "замороженные" и "горячие" территориальные постсоветские конфликты, включая приднестровский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский и др. Теория длительного конфликта Э. Азара рассматривает глубоко укоренившиеся формы конфликта. Такие формы обладают типичными проявлениями: продолжающаяся экономическая или технологическая отсталость, отсутствие интеграции социальных и политических систем, неуверенность в безопасности, несправедливость социального распределения, социальный раскол и связанные с ним чувства идентичности. Длительные социальные конфликты коренятся в отрицании фундаментальных человеческих потребностей в безопасности. Конфликтующие стороны воспринимают друг друга как угрозу жизни, культуре, ценностям, самосознанию. Чувство угрозы приводит к усилению агрессии и конфликтному поведению. В принципе, такой подход улавливает какие-то закономерности, но он не верен в том, что представляет длительный конфликт как саморазгорающийся факел. Практика показывает, что, наоборот, взаимная агрессия сторон за длительный срок притупляется, и активистам конфликта приходится прикладывать немало усилий для очередного витка мобилизации.

В пособии по обучению методам анализа и разрешения конфликтов, подготовленном организацией "Международная тревога",⁶ имеются некоторые полезные наблюдения. Конфликт, сказано в этом издании, возникает, когда стороны не согласны с распределением материальных или символических ресурсов и действуют, руководствуясь этими несовместимыми представлениями. Понимание субъективности

⁶ Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М.: 1997.

оценок "несовместимости" позволяет выстраивать схемы урегулирования или, по крайней мере, переводить конфликт в менее острое состояние. Во многих объяснениях причин конфликта данного пособия главное внимание обращено на значение идентичности. Это особенно характерно для теории основных человеческих потребностей, в которой делается различие между позициями, интересами, ценностями и потребностями. Потребности относятся к таким основным человеческим запросам, как идентичность, безопасность и признание, которые универсальны и "не могут быть предметом взаимных уступок". Их удовлетворение является ключевым для общественного человеческого развития. Идентичность понимается как нечто большее, чем психологическое чувство собственного "я", но включает в себя чувство физической, психологической, социальной и духовной защищенности (по Т. Носрупу). Идентичность индивида как члена группы описывается в терминах этнической принадлежности, религии, идеологии, языка и места проживания. Справедливо замечено, что в последние десятилетия этничность была выделена как один из наиболее важных элементов идентичности и является одной из основных причин многих конфликтов. Однако заметим, наличие этнической идентичности и нежелание поступиться ею не являются зерном этнического конфликта.

В пособии особо отмечается, что восприятие этнической идентичности может использоваться политическими лидерами и элитами как способ мобилизации населения на конфликт и как способ усиления власти. СМИ, использующие "язык этничности", могут играть на руку политическим лидерам, которые стремятся "этнизировать" конфликт.

Социальные составляющие конфликта, как ни странно, более всего заметны в региональных конфликтах. Что же касается локальных столкновений, то по причине ситуативности событий и подверженности участников частным и субъективным мотивам (приобретающей в случае локального конфликта особое значение) такие конфликты представляют собой наиболее сложный объект для анализа. Как правило, они возникают на бытовой почве и при всем хитросплетении конкретных причин, порождающих столкновения, на поверку оказывается, что видима лишь верхушка "айсберга".

Подтверждением этому являются трагические события в Кондопоге. На заседании правительства Республики Карелии, прошедшем в ноябре 2006 г., были определены основные причины возникновения чрезвычайной ситуации: неудовлетворенность кондопожан местной властью, неудовлетворительная работа правоохранительных органов, наличие в городе криминального бизнеса, рост преступности, нарушения миграционного и административного законодательства, неразвитость общественных институтов. В Кондопоге отмечается высокий уровень

безработицы и наблюдается значительное социальное расслоение⁷. Как видим, перечисленные причины обозначены почти во всех структурных концепциях социального конфликта, который способен перерасти в коллективные формы насилия. Несмотря на то, что в ряде регионов России, в частности Республике Коми, наблюдаются сходные социально-экономические и социально-политические условия и при этом нет открытых столкновений, вряд ли следует оставлять без должного внимания социальные факторы, создающие почву для потенциального конфликта. Отметим, что накануне событий в Кондопоге общественно-политическая ситуация в Карелии экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов не оценивалась как чрезвычайная, но, что крайне важно, указывалось на неблагоприятные социальные факторы. Таким образом, российские регионы, характеризующиеся негативными социальными процессами и испытывающие приток инокультурных мигрантов, могут быть отнесены к разряду потенциально конфликтных. И здесь первоочередной задачей для конфликтологов должно являться определение катализирующих факторов, проявляющих этот потенциал. По всей видимости, в этом могут помочь поведенческие концепции насилия в социальных конфликтах, дающие "инструменты" для выявления мотивов конфликтного поведения.

Недовольство жителей Кондопоги работой государственных структур и социально-экономическими условиями является весьма характерным явлением для многих "заштатных" городов. Источником групповой фрустрации в подобных ситуациях служит относительная депривация, поскольку налицо рост негативных установок и враждебности по отношению к контактирующим группам. Учитывая кондопожские события, приходится расширить список этих групп по Б. Бетельгейму и М. Яновицу, добавляя в него иноэтничных мигрантов.

Способом выявления движущих мотивов массового насилия в Кондопоге может стать социально-психологическая теория установки. В рамках этой теории нужно попытаться определить, какие именно факторы обуславливают сложившееся отношение к иноэтничным мигрантам, "позволяющее" не только оценивать их негативным образом, но и предпринимать в отношении них агрессивные действия. Тут мы выходим на теорию социального дискурса. Приходится констатировать тот факт, что местные СМИ играют большую роль в генерировании и распространении понятий "мы-они", "свои-чужие", негативных стереотипов в отношении иноэтничных мигрантов. До трагических событий в Кондопоге активист армянской НКА в Карелии Э. Бабаян выразил возмущение тем, что респуб-

⁷ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 70, ноябрь-декабрь 2006. С. 16-20.

ликанские СМИ тиражируют слухи о "кавказской резне" и криминальных разборках⁸. Таким образом, для читателя преступность может означать "кавказскую" преступность. (Впоследствии на Э. Бабаяна было совершено покушение, в результате которого он получил серьезное ранение).

Напомним о дискурсивной ситуации в другом спокойном регионе – Республике Коми. Согласно сообщениям эксперта Сети Ю. Шабаяева, в этой республике местные СМИ регулярно выпускают материалы об угрозе мусульманского экстремизма, что сказывается на отношении к мусульманам в республике, кроме того, на страницах местных СМИ, в том числе и солидных, предоставляется возможность для выражения своих взглядов национал-радикалам республики. Вот несколько лозунгов национал-радикалов: "Остановим оккупацию нашей земли", "Русские, вооружайтесь", "Наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!" (Союз национального возрождения), "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Так начиналось Косово! Вчитывайтесь, вдумайтесь, действуйте!" (Движение против нелегальной миграции)⁹. Как видим, здесь уже налицо генерирование социальных установок действия. Не следует забывать о фоновых социально-экономических условиях, согласно структурным теориям социального конфликта создающих потенциальное поле конфликта, которое могут активировать закладывающиеся в него "мины" социального дискурса.

В то же время, как показывает анализ событий в карельской деревне Куйтежа Олонецкого р-на (март 2007 г.), локальные конфликты между местным населением и иноэтничными мигрантами не всегда приводят к открытому массовому противостоянию на этнической почве. Эскалация конфликта не происходит даже при наличии внешних провоцирующих факторов и негативных установок. В ночь с 8 на 9 марта в деревне Куйтежа на дискотеке в результате стычки, в которой участвовали несколько человек местных и представителей Северного Кавказа, был убит ударом ножа молодой человек – местный житель. Поводом для конфликта стал отказ местному парню танцевать с девушкой, которая пришла на дискотеку с юношей – уроженцем Северного Кавказа¹⁰. Напомним о внешних акторах, пытавшихся перевести куйтежский конфликт в этнический. Съёмочная группа от "Движения против нелегальной миграции" (ДПНИ) приехала на место происшествия с целью "объективного" освещения событий, но при этом она агитировала местных жителей на проведение митинга

⁸ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 66, март-апрель 2006. С. 14.

⁹ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь 2006. С. 27-28.

¹⁰ См. об этом подробнее: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 72, март-апрель 2007. С. 34-36.

против чеченцев и предпринимала, по словам местных жителей, попытки посеять вражду между ними и мигрантами с Северного Кавказа. Другой актер – секта, не зарегистрированная на территории России, так называемая Русская катакомбная церковь в лице ее лидера Амвросия и местного священника отца Алексея, возглавляющего в Олонце общину. Эти люди попытались использовать события в Куйтеже для разжигания межнациональной розни, призывая местное население "исполнить заповедь Бога: кровь за кровь!". Однако массового противостояния на этнической почве не произошло.

Можно было бы приписать все заслуги по локализации конфликта местной власти, старательно отрицавшей этническую подоплеку конфликта, и силовым структурам республики, оперативно прибывшим на место происшествия и обеспечившим контроль над ситуацией. Но примечательно в данном примере следующее: местное население не поддавалось на провокации ДПНИ и Русской катакомбной церкви и поддержало призыв члена фракции КПРФ не поднимать национальную тему на митинге, состоявшемся 9 марта. Несмотря на то, что местное население не очень доброжелательно и настороженно относится к кавказцам, живущим рядом с ними, главными виновниками в случившемся они признали местную власть и правоохранительные органы, которые не могут обеспечить безопасность их детей. Причем опасность для своих детей местное население видит не в кавказцах, а в неудовлетворительной воспитательной работе с молодежью, плохом обеспечении со стороны милиции порядка на дискотеках, на которых зачастую присутствуют молодые люди в нетрезвом состоянии и часто бывают драки (заметим, местные жители говорят не о пьяных и драчливых кавказцах, а о пьяных и драчливых молодых людях).

По всей видимости, в случае необходимости оперативного погашения мгновенно вспыхивающих локальных конфликтов силовые методы и нейтрализация со стороны властей этнической риторики эффективны и помогают погасить конфликт. Однако при таком решении конфликтных ситуаций конфликтогенные факторы, рассматриваемые в теориях социальных конфликтов, такие как, например, (применительно к рассматриваемым нами случаям) неудовлетворительная работа государственных структур, неблагоприятные социально-экономические условия, влияние местных СМИ, остаются и продолжают оказывать свое воздействие. Показавшиеся было языки пламени погашены, но пожар "теоретического" конфликта продолжает тлеть и, как показывает печальная практика нашей страны, может опять выпустить языки пламени, причем окрашенные в цвета этничности.

Становится очевидным, что наряду с оперативными мерами необходимы меры превентивные, причем на долгосрочной основе. И вот здесь нужно обратить пристальное внимание на вопрос о том, целесо-

образно ли власти, сознательно избегавшей национальной темы во время урегулирования локального конфликта, продолжать делать это после его погашения (мы имеем в виду не озвучивание этой темы в СМИ и среди населения, а необходимость принимать ее во внимание и работать с ней). Заметим, что буквально за несколько дней до событий в Куйтеже (6 марта) заместитель прокурора Республики Карелия заверил всех присутствовавших на пресс-конференции, что события, подобные кондопожским, в республике больше не повторятся. А после куйтежской трагедии министр государственного комитета Республики Карелия по делам национальной политики и связям с религиозными объединениями сделал заявление о том, что у населения поводов для беспокойства в отношении межнациональных отношений нет¹¹. Непонятно, откуда такая уверенность на фоне постоянно растущего уровня ксенофобии и нетерпимости в России, и в том числе на Северо-Западе страны? Вспомним также, что среди основных причин возникновения чрезвычайной ситуации в Кондопоге, определенных правительством Республики Карелии, проблемы враждебного отношения в иноэтничным мигрантам нет. Похоже, что власти старательно закрывают на это глаза, не осознавая, насколько высок конфликтогенный потенциал взаимоотношений между местным и пришлым населением, сложившихся по схеме "свой-чужие".

Несбалансированной человеческой природе свойственно причины своей неудовлетворенности искать вовне. Согласно психологам, компоненты психологии личности воспроизводятся в психологии группы (социально-психологическая теория установки). Следовательно, для несбалансированной социальной группы (вследствие депривации, например) естественным будет искать виноватого также вовне, например, местному населению (уже сложившемуся сообществу, где все свои) найти его в "чужом", а значит, в мигранте. Определенные механизмы могут либо сбалансировать группу, либо усилить дисбаланс. Б. Бетельгейм и М. Яновиц только лишь констатируют факт роста враждебности местного населения по отношению к контактирующим группам в случае депривации, но не указывают на его причины. Мы попробуем назвать некоторые из них, характерные для российских условий. По нашему мнению, это, во-первых, рассматриваемые в теориях социального конфликта социальный дискурс, СМИ, неблагоприятная социальная среда, во-вторых, не встреченные нами в рассмотренных выше теориях такие факторы, как национальная политика на федеральном и региональном уровнях и состояние гражданского общества. Поясним на примерах. Региональная политика этнофаворитизма в Ка-

¹¹ Там же.

релии и Коми, как нам представляется, порождает в коллективном сознании установку на безоговорочное право обладания "своим" и только "своим" географическим и этнокультурным пространством, куда вход чужакам запрещен. На это также неоднократно обращал внимание эксперт Сети Ю. Шабаев. Добавим, что на фоне насаждаемого местными властями этнофаворитизма имеются действительные этнокультурные проблемы "этнических фаворитов" (проблемы сохранения карельского языка, например¹²), что, по всей видимости, усиливает депривацию местного населения. Непродуманная этническая политика выступает в таких случаях дестабилизирующим фактором.

А теперь о состоянии и роли гражданского общества. В отличие, например, от Северного Кавказа, где в урегулировании конфликтов, как правило, принимают участие лидеры национальных общественных организаций, в Карелии и Коми со стороны местного населения мы такого не наблюдаем. А вот национально-культурные организации представителей Кавказа в этих республиках делают попытки либо отстоять свои права (что местным населением расценивается как нагнетание ксенофобских настроений¹³), либо разрешить конфликтные ситуации (после трагедии в Куйтеже лидер общества вайнахской культуры посетил мать погибшего и выразил ей соболезнование по поводу случившегося, члены общества приняли решение выслать из Карелии двух молодых людей, участвовавших в конфликте. Общество уже однажды принимало такое же решение). Кроме того, гражданская инертность местного населения не дает им возможности решать свои проблемы легитимным путем и способствует нарастанию подавляемого недовольства. В свете этого показательно сетование Н. Антоновой (кто она?), которое позволю себе не разделять: "В настоящее время все более ощущается требование со стороны государства вести национально-культурным организациям свою работу в русле толерантного поддержания диалога в монокультурном мире. НКО ощущают себя объектом профилактики межнациональных неурядиц, что, в принципе, никогда и не было свойственно коренным народам Карелии"¹⁴. От развитого общественного сектора может очень многое зависеть, и если народам Карелии не свойственно участвовать через общественные структуры в решении проблем в сфере межэтнических отношений, то, вероятно, следует этому учиться, как того требует время.

¹² См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 77, январь-февраль 2008. С. 67-70.

¹³ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 66, март-апрель 2006. С. 14.

¹⁴ См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 77, январь-февраль 2008. С. 67-70.

Рассмотренные в статье теории лишь частично применимы для описания конкретных случаев локальных конфликтов. Каждая из схем предлагает концентрировать внимание лишь на определенных факторах. Тем не менее, они могут дать отправные ориентиры для анализа, а в случае еще не проявившихся конфликтов – "нащупать" теоретическую реальность конфликта.

Мы не можем применять умозрительные структурные и поведенческие схемы в чистом виде. Кондожские и куйтежские события не вписываются целиком ни в одну из них, но многие схемы что-то проясняют. По нашим оценкам, при анализе локальных конфликтов следует учитывать не менее двух десятков сложных параметров, в том числе и не учтенных в вышеперечисленных теоретических изысканиях. К таким параметрам в российских условиях, как уже отмечалось, мы можем отнести национальную стратегию и национальную политику на федеральном и региональном уровнях, общегражданскую идентичность, состояние гражданского общества. Добавим к этому необходимость еще и кросс-культурного анализа ситуации, системный подход, метод сопоставления прецедентов. Но следует задуматься, а можно ли реализовать этот научный арсенал в условиях, когда нужно принимать оперативные решения? Конфликт в его локальном проявлении, как правило, скоротечен... Однако, на наш взгляд, экспертиза состояния общества на предмет наличия конфликтного потенциала все-таки возможна, а, следовательно, основной упор в предотвращении локальных конфликтов должен делаться на превентивных, долгосрочных, комплексных мерах. Региональным властям нужно твердо осознать необходимость именно профессиональной экспертизы, профессиональных исследований и мониторинга состояния своего сообщества. С одной стороны, после кондопожских событий карельские власти говорили о том, что нужно проводить социологические исследования уровня нетерпимости и ксенофобии, состояния межнациональных отношений, с другой стороны, насколько нам известно, таких исследований на постоянной профессиональной основе в республике тем не менее не ведется, а в Республике Коми активисты ветеранских организаций выступили с предложением создать для регулирования межнациональных отношений и контроля миграционных процессов специальной комиссией, в которую должны войти представители силовых ведомств, Минкультуры, представители ветеранских организаций, национальных автономий и религиозных конфессий. О специалистах, таких как социологи, политологи, конфликтологи речь почему-то не шла¹⁵.

¹⁵ См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь 2006. С. 29.

Когда "чужой" станет "своим". О ригидности массовых стереотипов

В. В. Степанов, В. А. Тишков

Содействие адаптационным усилиям мигрантов и встречным усилиям местного населения в регионах Российской Федерации должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. Об этом свидетельствуют исследования, проводимые за последние годы Сетью этнологического мониторинга. В тех регионах, где проблеме взаимной адаптации уделяется должное внимание, уровень общественной ксенофобии относительно ниже, и не столь велика опасность гражданских столкновений.

С возрастанием миграционной активности, возникает вероятность, что этот естественный процесс может сопровождаться ксенофобскими настроениями и ростом конфликтности. Насколько появление новых этнических общин представляет для России опасность с точки зрения сохранения гражданского мира и социальной стабильности? Чрезвычайно важной в этой связи является проблема выяснения природы и механизмов восприятия "чужаков", формирования общественных установок. Сложность изучения проблемы связана с многообразием составляющих социальных феноменов, изучение которых невозможно без применения точных методов и междисциплинарных подходов.

Наше исследование, которое мы провели как серию опросов в 14 городах – центрах субъектов федерации (были выбраны по два региона в каждом федеральном округе)¹, показало, что общественные воззрения крайне противоречивы – они сочетают чувства позитивного отношения к многокультурности и прочно укоренные предрассудки о "плохих пришлых".

В практике социологических обследований используются так называемые проективные вопросы, которые помогают выявить установки респондентов, их потенциальное отношение к гипотетической ситуации.

¹ В 14 регионах (по два в каждом федеральном округе) в 2008 г. был проведен опрос взрослого населения (в возрасте 18 лет и старше), охвативший более 7 тыс. человек. Исследование проводилось по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации Сетью этнологического мониторинга в рамках проекта "Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации" (рук. В. А. Тишков).

Проблема, однако, заключается в том, что многие проективные вопросы прямолинейны и как бы автоматически влекут за собой "общепринятые" ответы. Даже использованную в нашей анкете, казалось бы, завуалированную формулировку "чем окружающие вас люди не похожи друг на друга" после беседы на "этническую тему" легко распознается респондентами как продолжение поднятой темы. К тому же среди вариантов ответа предусматривалось два подсказа: люди различаются личными особенностями и люди различаются тем, что принадлежат к различным группам, общинам, народам.

Хотя ответы на другие вопросы анкеты показали, что в обывденном сознании россиян большое значение в повседневной жизни придается этническим различиям, но в данном случае, не взирая на "тему", респонденты отвечали на редкость единодушно: люди различаются между собой по индивидуальным, а не групповым качествам (79%). Интерпретация этого результата становится понятной из анализа ответов на следующий вопрос. Этот вывод заслуживает самой внимательной оценки и заинтересованной поддержки, ибо означает, что россияне оценивают и "делят" людей больше всего по личным качествам, недостаткам и достоинствам.

Далее был задан открытый вопрос о качествах, которые более всего характеризуют персону². Опрашиваемые могли давать несколько произвольных ответов. Суммирование итогов позволило составить своеобразный рейтинг ответов, включивший три десятка позиций. В результате выяснилось, что более всего в человеке респонденты ценят именно индивидуальные, а не групповые качества – честность и порядочность (33%), ум (21%), доброта (18%), внешность (17%), характер (14%), далее по нисходящей градации следуют такие качества, как образованность, профессионализм, дружелюбие и т. д.

Возможно, специальное исследование могло бы выявить, что наиболее распространенные стереотипы, по которым оценивается персона, содержат и групповые характеристики (в частности, параметр "внешность"), но на нынешнем этапе анализа следует признать, что указанные проективные стереотипы в основном апеллируют к индивидуальным человеческим качествам. Такой характеризующий человека признак, как его "культура", указали менее пяти процентов опрошенных. О "национальности" вспомнили лишь 3,6%, о "языке" – сотые доли процента. В рейтинге персональных качеств человека "национальность" отводится 14-е место... Иными словами, назвавших национальность важным отличительным признаком персоны намного меньше тех, кто

² Вопрос был сформулирован следующим образом: "Назовите качества (не более 3-х), которые ярче всего описывают человека".

вообще не упомянул об этом "свойстве". Еще реже респонденты вспоминали о религиозной принадлежности человека. Следует признать, что во время проведения опроса, после довольно активного обсуждения "этнической темы", для оценки человеческих качеств респонденты вспоминают, прежде всего, об индивидуальных, а не "этногрупповых" отличиях.

Опираясь на эти данные, а также противоречащие им результаты, полученные по другим вопросам анкеты, очевиден вывод о противоречивости общественного сознания. Стереотипы основываются на идее обязательной этнической ("национальной") принадлежности и одновременно отводят этому феномену малозначимую роль в повседневной жизни.

4. *Согласны ли вы с утверждением: у жителей России больше сходств, чем различий?*

Вопрос анкеты о том, чего у россиян больше – сходств или различий относится к разряду контекстных. В анкете его очередность предусматривалась после вопросов об этнических различиях людей, а также непосредственно вслед за свободным (неформализованным) суждением респондента о важнейших качествах человека. Цель состояла в том, чтобы выяснить, насколько этнические различия (которые широко признаются респондентами), могут служить препятствием для осознания единства россиян. Опять же, мы стремились действовать как можно менее прямолинейно, поэтому формулировка данного вопроса была в значительной мере абстрактной.

В результате с мнением о том, что у россиян больше сходств, чем различий, согласились две трети респондентов (21% – однозначно "да", 45% – во многих случаях "да"). Поскольку, повторим, данный вопрос предварялся целенаправленной беседой об этнических различиях, полученные данные, безусловно, свидетельствуют о хороших перспективах гражданского единения.

Но и категория тех, кого можно причислить к потенциально несогласным с идеей российской нации, оказалась довольно многочисленной. Для них идея гражданской нации, видимо, вступает в противоречие с идеей этнических различий. Если первая, наиболее многочисленная категория россиян, в принципе готова воспринять российское единство наряду с этническим разнообразием, то вторая категория рассматривает обе формы идентичности как взаимоисключения ("если я россиянин, значит уже не русский, не татарин и т.д.). Заметим, однако, что однозначное мнение о различиях высказало меньшинство (13%), а прочие не убеждены в своей точке зрения. Это опять-таки сви-

детельствует о значительном потенциале политики единства российской нации.

Прямолинейный вопрос о групповых различиях жителей России³ предусматривал, что на фоне предыдущих вопросов респонденты учтут, что беседа имеет отношение к "этнической теме". Более того, мы намеренно сформулировали вопрос так, что факт групповых различий является как бы неопровержимым. Опрашиваемым оставалось указать, какие именно групповые различия наиболее характерны. Выяснилось, что для значительной доли опрашиваемых (около 40%) важной характеристикой россиян являются этнические различия. Но гораздо большее количество заявило, что в нашей стране люди различаются, прежде всего, по имущественному положению (71%), возрасту (50%), а также и по критерию местный/приезжий (44%).

Таким образом, для россиян стереотипными являются представления о том, что жители страны различаются по таким параметрам, как социальный достаток, возраст, принадлежность к коренному населению, этнические особенности. Прочие атрибуты оказались гораздо менее значимыми, в частности, указывались различия религиозные (19%), языковые (14%), общественно-бытовые (группы по интересам – 13%).

То, что языковое разнообразие в России не рассматривается большинством респондентов как разъединительный фактор, хорошо согласуется с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. Эта перепись показала, что только 2% населения страны не владеет русским языком⁴. Для большинства участников опроса очевидным является тот факт, что знание русского языка естественным образом объединяет миллионы россиян, пользующихся и другими языками.

Следует обратить внимание и на то, что в России люди не придают существенного значения религиозным различиям. При существующем несхождении религиозных доктрин, такой результат свидетельствует о достаточно высоком уровне общественной толерантности в конфессиональной сфере. Очевидно, что для такой страны как Россия, фактор религиозного многообразия не является препятствием для формирования гражданского единства.

В общественном сознании нет жесткой увязки между языком, религией и национальностью (хотя о такой связи, как о неопровержимой истине, говорят некоторые исследователи, политические и религиозные деятели). Это означает, что общественное сознание во многом готово к восприятию идей культурного плюрализма.

³ "Как вам кажется, по каким группам у нас в стране более всего различаются люди?"

⁴ Степанов В. В., Тишков В. А. Этническое измерение России //Этнокультурный облик России. – М.: "Наука", 2007.

Мнение о том, что этнические различия "существуют" и "играют важную роль в жизни" распространено в России очень широко. Это, в частности, показывают ответы на вопрос об отношении к смешанным бракам⁵. Те респонденты, кто высказался против межэтнических браков, а также и те, кто активно "за" такие браки, в совокупности составляют подавляющее большинство опрошенных. Следует иметь в виду, что среди прочих проективных вопросов, тема семьи и брака по-прежнему является эффективным средством выявления укорененных этнических (и иных "культурных") стереотипов. О том, что такие стереотипы живучи, свидетельствует сравнительно небольшая доля тех, кто считает, что национальность отношения к браку не имеет (30%). Напомним, что в общероссийском опросе приняли участие жители в основном крупных городов с высоким уровнем этнической мозаичности. Данный результат не показал что-то новое: десять и двадцать лет назад респонденты говорили о важности национальности при заключении.

Изучение восприятия этнических различий через призму семейно-брачных отношений позволяет строить предположения о мере межгрупповой отчужденности и о способности населения регионов и страны в целом ощущать гражданское единство. Опрос показал, что в целом среди россиян активную позицию неприятия смешанных браков высказывает сравнительно небольшая доля – менее четверти населения, причем среди них лишь часть составляют те, кто категорически не приемлет идею смешения (8% от всей численности опрошенных). При этом заметим, что непосредственно те, кто вступает в брак, т. е. преимущественно молодые люди, в своих личностных стратегиях выбора брачного партнера отодвигают этничность на самый задний план в сравнении с такими факторами, как личные достоинства, внешность, происхождение, интеллект и жизненные достижения. Даже религия в этом вопросе может быть более значимой, чем этническая принадлежность.

Логика нашего опроса была спланирована таким образом, чтобы, не называя напрямую какие-то национальности и вообще какие бы то ни было группы, попытаться выяснить, как сами респонденты категоризируют окружающих людей. Здесь, а также применительно к интерпретации других результатов опроса, следует особо отметить, что сами по себе житейские представления о разделении окружающих на группы, в том числе по национальностям, не является с нашей точки зрения препятствием в распространении идей гражданского единства. Однако важно понять, насколько такое различие является жестким.

⁵ "Каково ваше отношение к тому, что люди разных национальностей заключают браки, образуют семьи?"

Наиболее жесткие стереотипы о разделении существуют в отношении приезжих, в особенности тех, кто, по представлениям респондентов, принадлежит к определенным национальностям. Вопрос анкеты не содержал подсказок, можно было дать ответы в произвольной форме⁶. Тем не менее, анализ результатов показал, что среди опрошенных практически никто не вспомнил, что в их городе стало больше "студентов", "строителей", "сезонных рабочих", "молодежи". Не было также ответов: "уборщики улиц" или "рыночные торговцы", что, казалось бы, очевидным для многих мест, где проводился опрос. В общественном восприятии не отпечатались тот факт, что, например, в Москве за последние годы обосновалось множество выходцев из районов Московской области, Тулы, Смоленска, Калуги, Липецка, уральских областей, регионов Западной Сибири. А при опросе в Сыктывкаре как бы незамеченным остался тот факт, что за недавний период в этот город переселилось большое количество сельских жителей из окружающих районов. В целом по России практически никто из опрошенных не вспомнил столь часто тиражируемое СМИ словосочетание "трудовые мигранты", крайне редкой была ссылка на гастарбайтеров (0,4%). Зато почти все (!) респонденты указали на этническую принадлежность приезжих или на принадлежность к стране исхода. Причем наиболее "заметными" оказались такие приезжие, которые более всего выделяются фенотипически, а также в культурно-бытовом отношении.

Среди "заметных новых групп" чаще всего упоминают о китайцах (26% опрошенных), таджиках (22%), узбеках (12%) и вообще выходцах из Средней Азии (9%). Следует учесть, что указанные этнические названия условны, поскольку местное население зачастую не знает, из каких мест действительно люди прибыли. Нередко выходцев из Вьетнама принимают за граждан Китая (о том, что среди приезжих появились вьетнамцы, сказали 7% опрошенных). Выходцев из Киргизии нередко путают с приезжими из Таджикистана. Среди других заметных для общественного восприятия групп названы азербайджанцы (9%), кавказцы (9%), армяне (7%). Разнообразие ответов с этническим "наполнением" составляет несколько десятков. Среди них следует также упомянуть такие категории, как "негры", "грузины", "киргизы", "азиаты", "чеченцы", "дагестанцы", "турки".

Таким образом, общественное сознание воспринимает некоренную часть населения не по каким-то социальным, профессиональным или возрастным параметрам, но исключительно по "этническим" признакам.

⁶ "В вашем регионе живут люди, происходящие из разных регионов России и других государств. Можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?".

Далее был задан вопрос: "Ваше отношение к этой части населения". Поскольку приезжие определяются общественным мнением именно по "этническим" признакам, ответы об отношении к приезжим показывают отношение к любым культурно отличительным сообществам вообще. Не случайно, например, в обыденном сознании не делается различий между мигрантами и цыганами. Ситуация в данной связи не может быть названа благоприятной – о положительном отношении высказалась лишь десятая часть опрошенных, почти треть заявила, что относится к приезжим отрицательно (31%). Подавляющее же большинство (почти 60%) ответили, что их отношение – нейтральное, и этот факт требует дальнейших исследований. Пока неясно, какие мотивации и установки характерны для этой многочисленной категории. Если она восприимчива к негативным стереотипам в адрес "этнических приезжих", тогда радикально настроенная часть населения может считаться очень большой, и это следует рассматривать как источник социальной напряженности и конфликтов. Однако теоретическая посылка может состоять и в том, что население отрицательно воспринимает не сам факт многоэтничности, а слишком резкие перемены в привычном составе и связанные с этим перемены в образе жизни. Сказывается отсутствие усилий со стороны государства и СМИ в объяснении пользы от миграции для принимающего населения. Сказывается отсутствие опыта установления контактов и общения между мигрантами и старожильческим населением. Такой опыт был, например, в годы Великой Отечественной войны, в периоды освоения целины, организованной трудовой миграции 1960-70-х гг.

Последовательность вопросов анкеты была спланирована таким образом, чтобы после обсуждения проблем дискриминации, а ранее – обсуждения темы групповых различий россиян, респондент имел возможность перечислить категории людей, которые вызывают у него отрицательные чувства (повторим, в анкете мы сознательно избегали упоминаний каких-либо национальностей)⁷. При этом соответствующий вопрос не имел подсказок, и отвечать можно было в произвольной форме. Разнообразие ответов, как и ожидалось, оказалось очень большим – как в целом по общероссийской выборке (более 100 вариантов ответов), так и по отдельным регионам. Отсутствие коллективных представлений о двух-трех "врагах" уже само по себе свидетельствует о позитивной предпосылке распространения идей толерантности и гражданского согласия. К тому же заслуживает внимание тот факт, что, хотя ответ можно было дать в произвольной форме, о своем отрицании каких-либо групп людей не стали заявлять около трети респондентов.

⁷ "Могли бы вы назвать группы людей, которые вызывают у вас отрицательные чувства?".

В первой десятке среди тех, кто вызывает отрицательные чувства – скинхеды (11,4% ответов), националисты (6,5%), лица без определенного места жительства (9,5%), религиозные сектанты (7,5%), алкоголики (7,4%), наркоманы (6,3%), представители уголовного мира (4,7%). В списке значатся также этнические наименования: кавказцы (8,4), армяне (8,9%), цыгане (4,6%). За пределами первой десятки находим также упоминания о грузинах, чеченцах, таджиках, азербайджанцах, китайцах, узбеках, евреях. Напомним опять-таки, что названия национальностей, называемых респондентами, не обязательно адресованы к конкретным этническим группам и, например, под "китайцами" следует также понимать и приезжих из Вьетнама, а под "таджиками" или "узбеками" – самых разных выходцев из среднеазиатских государств. Главный вывод – подавляющее большинство опрошенных не имеет в наборе своих отрицательных отношений какие-либо группы людей, а тем более представителей определенной национальности или вероисповедания. Это очень важный показатель реального (по крайней мере, на уровне представлений) существования общероссийской общности.

В рамках изучения общественного мнения о проблеме дискриминации и возможностей этнокультурного развития респондентам была задана серия вопросов о том, насколько в России и в конкретных регионах равны возможности социального и культурного развития людей разных национальностей и религиозных воззрений. О равенстве возможностей заявило большинство – порядка 80% респондентов. Следует, однако, отметить о некоторых различиях. О равенстве духовного и культурного развития вне зависимости от этнической принадлежности и религии заявило 83% респондентов. О том, что примерно равны возможности получения образования высказалось 82%. Что же касается возможностей достижения материального благополучия, то тут доля тех, кто говорит о фактическом равенстве, снижается до 77%. Соответственно, почти четверть составляют ответы тех, кто полагает, что равенства между национальностями в достижении материального достатка нет.

Можно ли считать, что полученный спектр мнений в целом отражает благоприятную картину? Вряд ли, ведь следует учитывать, что во многих регионах опроса какая-то часть населения является доминирующей по этнической принадлежности. В целом задача государства и общества состоит в том, чтобы социальные различия не были разительными и не имели характер этнического разделения.

Не стремясь задавать прямые вопросы об отношении местного населения к приезжим, более того, к приезжим определенных национальностей, мы пытались использовать косвенные показатели таких отношений. Одним из них является вопрос о том, можно ли считать человека "своим" (в анкете сказано – "местным"), если известно, откуда

он родом (таким образом, косвенно затрагиваются стереотипы об отношениях к национальностям). Респондента также ставят в известность, что жители его города или региона, о которых идет речь, обосновались здесь давно – более десятилетия назад.

Хотя опросы проводились во всех федеральных округах, ответы показали устойчивость мнений. Вне зависимости от того, как долго на "новом" месте проживают люди, их можно считать "своими", по представлению отвечавших, только в том случае, если они – выходцы из центральных областей России (81% ответов), Сибири (79%) или Дальнего Востока (74%). Что же касается тех, кто родом из северокавказских республик, то даже более чем десятилетний срок проживания на "новом" месте не гарантирует признания в качестве "своих" и "местных". За такое признание высказалось чуть более трети опрошенных, а две трети считают выходцев из республик Северного Кавказа чужаками, сколько бы лет те ни проживали на новом месте.

Две трети респондентов заявили о том, что нельзя назвать своими тех, кто приехал из закавказских государств – Армении, Грузии, Азербайджана. Свыше двух третей респондентов (68%) считают, что выходцам из среднеазиатских государств вообще не суждено стать местными в России. Можно предполагать, что и детей приезжих, родившихся в нашей стране, общественное мнение также склонно рассматривать в качестве "чужаков".

В какой плоскости следует рассматривать проблему этнических отношений в современной России? Видимо, речь, прежде всего, должна идти о взаимоотношениях местного и пришлого населения, особенно в случаях, когда те, кого считают "пришлым", составляют отличительную часть населения. В пользу такого вывода говорит факт почти полного соответствия ответов на вопрос об отношениях между местными жителями и приезжими с ответами на вопрос об отношениях "между национальностями". О том, что отношения с приезжими складываются хорошо, сказали менее трети респондентов, и незначительная часть затруднилась ответить. Остальные, а их подавляющее большинство, заявили, что во взаимоотношениях с приезжими существуют проблемы. В том числе 13% заявили, что отношения между жителями и приезжими – плохие, и 51% опрошенных полагают, что отношения складываются по-разному.

Ответы респондентов свидетельствуют о достаточно низком потенциале толерантности, слабой подготовленности гражданского сознания к восприятию этнокультурного многообразия в лице зримых меньшинств. Это означает, что если не будет специальной государственной политики, в ближайшей перспективе в российском обществе сформируются новые культурные барьеры и, как следствие – различные формы этнического и религиозного противостояния.

Дискриминация группы курманч

А. А. Кочергин

Краснодарский край принципиально не отличается от многих российских регионов по таким показателям, как способы воздействия на миграционные потоки и отношение к этническим меньшинствам. С другой стороны, ситуация в крае в течение всего новейшего периода российской государственности характеризуется проведением откровенной дискриминационной кампании против отдельной категории населения, выделенной по этническому признаку, маркируемой как турки-месхетинцы. Факты и обстоятельства данной практики стали предметом многочисленных заявлений не только российских и международных правозащитников, но даже ооновских и европейских структур и организаций. Некоторое смягчение дискриминационного режима наблюдается последние два-три года, что связано с реализацией американской программы по добровольному переселению месхетинских турок из Краснодарского края в США как беженцев.

Однако круг проблем, с которым приходится сталкиваться туркам-месхетинцам и представителям "новых" этнических групп, по-прежнему остается актуальным. Основная часть данных мигрантов прибывала в регион на рубеже 19809-1990 гг., спасаясь от насилия в зонах этнических конфликтов в различных частях Советского Союза. Получить регистрацию по новому месту жительства многим не удавалось в течение длительного срока из-за отказа местных властей, что и служило причиной поражения во всех социальных правах. К настоящему времени большинство из них имеют российские паспорта и местную регистрацию. Но часть до сих пор имеет паспорта граждан СССР, ставшие недействительными, а часть была вынуждена получить паспорта новых независимых государств (в основном Армении и Киргизстана), поскольку по советским паспортам можно было въехать в эти страны, но не выехать из них.

Не имеющие российской прописки (пусть даже они и живут в России со времени, предшествующего вступлению в силу Закона о гражданстве 1991 г.) рассматриваются как нелегально проживающие в крае иностранцы или лица без гражданства. В особенно сложном положении оказались владельцы советских паспортов – эти документы утратили силу, по ним невозможно никуда выехать, а их владельцам отказываются продлевать временную регистрацию. Для тех, кто не признан рос-

сийским гражданином, в крае практически невозможно получить разрешение на работу, разрешение на временное проживание или вид на жительство. Те, кого считают нелегальными иммигрантами, постоянно подвергаются вымогательствам со стороны миграционной инспекции и милиции и фактически покупают себе взятками возможность жить. Отдельных "нелегалов" задерживают и приговаривают к выдворению из страны, даже несмотря на то, что у людей есть жены и дети – граждане России, и что эти люди давно утратили связи со странами, где они когда-то жили.

В несколько лучшем положении оказываются люди, получившие прописку и российские паспорта в других регионах России – их меньше штрафуют и не могут депортировать. Но многие проблемы остаются теми же – невозможно устроиться на работу, зарегистрировать брак, оформить домовладение.

То обстоятельство, что в фокусе дискриминационной практики и сопутствующего ей внимания международных организаций оказались турки-месхетинцы, привело к активизации этнического самосознания и представителей других общностей. И если ряд лидеров таких групп, как курды и езиды выбрали стратегию сближения с турецкими активистами по открытому обсуждению насущных проблем, то этнические антрепренеры других меньшинств стали делать акцент на подчеркивании групповой самобытности.

В официальном дискурсе и в формируемых им представлениях краевых жителей под обозначение "турки-месхетинцы" попадали не только непосредственно месхетинские турки, но и представители таких общностей, как хемшилы, батумские курды, терекеме. Такую "унификацию" можно объяснить общей исторической судьбой этих групп и схожими для внешнего наблюдателя культурными признаками.

Проживавшие на территории Южной Грузии, эти группы в 1944 г. были депортированы в Среднюю Азию, откуда на рубеже 1980-1990 гг. снова были вынуждены выехать, в том числе и в Краснодарский край. Сами представители этих групп, как правило, не идентифицируют себя с турками-месхетинцами, хотя до недавнего времени не проявляли активности по отграничению себя от них.

Хемшильская идентичность стала культивироваться в крае во многом под влиянием армянских лидеров (хемшилы – мусульмане, говорящие на диалекте армянского языка), "открывших" в приезжих родственную группу и настаивающих, что они – армяне.

Для батумских курдов ключевым моментом для манифестации самобытной идентичности стала американская программа по переселению месхетинских турок, а ее основным актором выступил Х. Гуржиоглы, привнесший в публичный дискурс представление о существова-

нии общности курманч и дискриминации ее членов в такой же степени, как и турок-мехетинцев.

Курманч в большинстве этнологических классификаций и официальных документов рассматриваются как курды, и если и выделяются как специфическая группа, то обозначаются номинацией "батумские курды". Самоназвание "курманч" происходит от обозначения диалекта языка курманджи, на котором говорят представители этой общности. Именно лингвистический маркер выступает среди основных характеристик идентичности группы. Как отмечает лидер курманч Гуржи-оглы, следует произносить курманч, а не курмандж. "У курманч особый говор, который знающему человеку сразу позволяет определить, что собеседник относится к курманч".

В последние год-два стали использовать, в том числе сами курманч, и наименование "батумский народ курманч (БНК)". Возникло оно в ходе реализации международного исследовательского проекта "Между интеграцией и переселением: турки-мехетинцы", проводившемся Европейским центром по делам меньшинств (ЕСМІ) в 2004-2006 гг. Инициатором ее стал краснодарский антрополог И. Кузнецов. Не пользовавшиеся до этого большим вниманием со стороны представителей академического корпуса, активисты курманч были воодушевлены тем фактом, что попали в фокус масштабного исследования, и приняли деятельное участие в нем. Возникшее в ходе данного взаимодействия обозначение группы быстро вошло в их лексикон и в настоящее время все активнее присутствует в дискурсе.

Курманч, по данным И. Кузнецова, представляют собой несколько расширенных семей (Аннадурдиевы, Бакировы, Бешли-оглы, Гуржи-оглы/Гуржиевы, Джаяни, Дуз-оглы, Дурсуновы, Зулуф-оглы, Карадуман-оглы, Карамамед-оглы, Мамедовы, Мамо-оглы, Расуловы, Сарымамуд-оглы/Саримамедовы, Тем-оглы, Хаджи-Дурсун-оглы, Чакыр-оглы, Шам-оглы). Исторически они проживали в Аджарии, преимущественно в Кобулетском (с. Ахалсепели) и Хелвачаурском (сс. Кызыл-топрак, Кахабери, Ахалшени), а также в Батумском и Махарадзевском районах, то есть вблизи от российско(советско)-турецкой границы. Эта территория перешла к России от Турции в 1878 г. На тот момент курманч были двуязычны (турецкий и особый диалект языка курманджи) или даже полностью тюркоязычны (Бешли-оглы, Зулуф-оглы), исповедовали ислам суннитского толка и отличались от прочих курдов отсутствием четкого родоплеменного устройства (деление на тухумы), а также некоторыми культурными особенностями. Самоназванием являлось обозначение "курманч", в то время как прочих курдов они называли "кучуми". Еще одной характерной чертой было то, что они поддерживали теснейшие связи, в том числе брачные, с хемшилами (с. Кызыл-топрак – сме-

смешанное хемшильско-курдское). У их соседей по Аджарии за такими смешанными семьями закрепилось название *курдохемшилы*.

Многие сторонние авторы вообще путали курдов с хемшилами, называя последних также курдами. При паспортизации в советский период многих представителей обеих групп отнесли к тюркам (туркам, азербайджанцам). На момент депортации в 1944 г. общая численность курманч составляла около 8 тыс. человек.

Относительно численности курманч в настоящее время представляется возможным дать только приблизительные оценки. По мнению Гуржи-оглы, численность курманч составляет порядка 20 тыс. человек, причем в России проживает, по разным оценкам, от 2,5 тыс. до 4 тыс. курманч. Наиболее многочисленны общины (более 1 тыс. человек) представлены в Краснодарском крае и Орловской области. В ряде других регионов центральной и южной России проживают по несколько десятков курманч. Из стран ближнего зарубежья большой численностью проживающих там курманч выделяются Казахстан (Алма-Атинская, Джамбульская, Талды-Курганская, Чимкентская области) – около 6 тыс. человек и Кыргызстан (Ошская, Джалал-Абадская, Таласская области) – около 5 тыс. человек. В Азербайджане (Хачмасский район) и Грузии (Хелвачаурский и Батумский районы) проживают примерно по 100 человек. На территории дальнего зарубежья курманч проживают в значительном количестве только в Турции. В городах Хопа, Самсун, Бафра и других районах на востоке Черноморского побережья живут приблизительно 5 тыс. человек.

Как уже отмечалось, этническая мобилизация курманч в Краснодарском крае всецело определяется общественной деятельностью их лидера Х. Гуржи-оглы, что обуславливает необходимость представления его биографии. Показательно его фамильное имя: в переводе с турецкого *gürçü* 'грузин[а]' и *oğlı* 'сын'. Скорее всего, как отмечает И. Кузнецов, оно указывает на христианско-грузинских предков в родословной. По некоторым данным, в кон. XVIII – нач. XIX вв. аналогично могли называть себя и месхетинские турки Южной Грузии, подчеркивая тем самым смену идентичности, произошедшую у своих предков. Сам Хасан Бакирович Гуржи-оглы родился в Сузакском районе Джалал-Абадской области Киргизской ССР в 1955 г., в местах высылки курманч. Его дед, Али Хусейнович Гюрчи-оглы, в 1930-е гг. был председателем колхоза в с. Гонио Батумского района Аджарской АССР и неформальным лидером народа. За невыполнение очередного плана по сдаче государству цитрусовых культур его осудили на 5 лет тюрьмы, впоследствии замененной принудительными работами по строительству Волго-Донского канала. После смерти А. Гюрчи-оглы статус лидера народа перешел к его сыну Бакиру Алиевичу (отцу Х. Гуржи-оглы). В ходе депортации семью

Гюрчи-оглы первоначально поселили на ст. Уиштобе Талды-Курганской области Казахской ССР. Но уже весной 1945 г. они самовольно покинули место высылки и бежали обратно. В г. Кизляре Дагестанской АССР их задержали и переправили в депортационный лагерь в с. Шали, где продержали 6 месяцев, а затем опять выслали в с. Новотроицкое Джамбульской области Казахской ССР. До 1950 г. они находилась там под комендантским надзором, пока по просьбе Б. Гюрчи-оглы им не разрешили воссоединиться с родственниками, попавшими в результате депортации в Киргизию. Так они перебрались в Сузакский район Джалал-Абадской области. После реабилитации и отмены комендантского режима спецпоселений (1956 г.) батумским курдам, как и другим высланным из Аджарии, разрешено было селиться везде в СССР, кроме их родины. Тем не менее, в 1957 г. семья Гюрчи-оглы попыталась вернуться в Аджарию, но безуспешно, и поэтому вынуждена была поселиться в Худатском районе Азербайджана, прожив там около года. В 1958 г. они попытались переехать в Аджарию вновь, самовольно заселившись в с. Чолоки (Кобулетский район), но прожили там всего год, и в мае 1960 г. были насильно возвращены в Азербайджан. В 1971 г. семья Б. Гюрчи-оглы переехала в пос. Молодежный Белореченского района Краснодарского края. Здесь Х. Гуржи-оглы окончил среднюю школу, пытался поступить на юридический факультет КубГУ, но неудачно (действовали этнические квоты и секретное распоряжение, рекомендующее не принимать на учебу представителей депортированных народов). В 1974 г. Х. Гуржи-оглы окончил шоферские курсы и был призван в армию. Службу проходил в Москве, где возил командный состав. После армии вторично пробовал поступить в КубГУ, но снова безуспешно. В 1980 г. вернулся в Киргизию и стал работать на одном из крупнейших в Ферганской долине Джалал-Абадском хлопковом заводе. Вскоре был выбран зам. председателя профкома завода, смог, теперь уже по направлению, поступить и успешно окончить (заочно) Фрунзенский автодорожный техникум. Отличаясь нонконформизмом, неоднократно вступал в конфликт с руководством завода, требуя то улучшений условий труда, то выступал за права курдского меньшинства. В 1987-1988 гг. участвовал в I и II съездах курдов СССР в Москве, был избран первым зам. председателя Курдской общественной культурной организации "Якбун". Участвовал в проведении курдских митингов и был членом делегации на приеме у членов Президиума Верховного Совета СССР. Начал испытывать давление со стороны КГБ. В результате в декабре 1989 г. в отношении Х. Гуржи-оглы было возбуждено уголовное дело. Суды дважды приговаривали его соответственно к 5 и 4 годам лишения свободы, но в итоге разбирательство дела затянулось и, в конце концов, было прекращено. После того, как в августе 1991 г.

вспыхивает конфликт в Ошской области? Х. Гуржи-оглы со своей семьей в экстренном порядке переезжает в станицу Кабардинскую Апшеронского района Краснодарского края, где и проживает по настоящее время.

В 90-ые гг. Гуржи-оглы не был замечен среди активистов этнических меньшинств края. Однако он оказался в числе первых, кто подал заявление на участие в программе правительства США по переселению турок-месхетинцев. Получив отказ от американцев, основным аргументом которого, скорее всего, стала его категоризация как курда, Гуржи-оглы развернул кампанию по утверждению курманч как самостоятельной группы, представители которой не являются ни курдами, ни турками. Уже в сентябре 2004 г. им выпускается обращение к послу США в РФ с просьбой о включении курманч в программу переселения. В нем акцентируются три аспекта формируемого представления о данном народе. Во-первых, подчеркивается статус депортированного народа. Во-вторых, говорится о дискриминации курманч в Краснодарском крае, даже "несмотря на то, что более восьмидесяти процентов нашего народа имеют гражданство и регистрацию". В-третьих, отмечается родственность народов, "трагедия и судьба которых едина, так как исторически наши народы – турки-месхетинцы, батумские курды (курманч), хемшилы – проживали и проживают вместе, имея общие культуру, обычаи, семьи и религию". И хотя просьба так и не была удовлетворена, заявить о себе в публичном дискурсе курманч удалось в полной мере.

С этого же времени Х. Гуржи-оглы и ряд других активистов включаются в интенсивную правозащитную деятельность. Они устанавливают контакты и налаживают тесное сотрудничество как с местными, так и общероссийскими правозащитными организациями, прежде всего с ПЦ "Мемориал". Предпринимаются попытки зарегистрировать собственную общественную организацию, которые из-за противодействия властей оказываются неудачными. Тем не менее, создается "Община батумских курманч" без образования юридического лица, о которой говорится как о "первой организации за всю историю батумского народа курманч".

Представители курманч и, прежде всего, сам Х. Гуржи-оглы, принимают участие во всех акциях этнических меньшинств по протесту против дискриминационной политики краснодарских властей, во встречах с делегациями представителей ооновских и евросоюзских структур по вопросам прав человека. Выступая и как религиозный лидер курманч, Х. Гуржи-оглы становится членом Совета при муфтии Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края, назначается Уполномоченным муфтия по вопросам свободы совести и прав человека.

Такая активность лидеров курманч не остается незамеченной другими политическими и общественными деятелями. В последнее время

вышло несколько публикаций в центральной прессе, предметом которых явилось обсуждение положения курманч в крае. Оно же стало обязательным сюжетом обзоров и комментариев правозащитников по проблеме соблюдения прав человека в регионе. Признали курманч в качестве самостоятельного субъекта взаимодействия и представители органов власти, прежде всего, муниципальных. Состоялось несколько встреч Х. Гуржи-оглы с главами разных муниципалитетов по вопросам урегулирования условий хозяйственной деятельности курманч, которые в основном заняты в сельском хозяйстве.

Обратной стороной процесса признания явилось усиливающееся давление со стороны правоохранительных органов. Сам Х. Гуржи-оглы говорит о периодических провокациях по отношению к нему и членам его семьи, постоянных проверках личных документов и его предпринимательской деятельности. Также были отмечены случаи встреч и бесед сотрудников силовых структур с членами общины курманч, в ходе которых предпринимались попытки дискредитации ее лидеров и убеждения не оказывать им поддержку.

Но, даже сталкиваясь с противодействием, мобилизационные процессы среди курманч продолжают развиваться. В мае 2008 г. сотрудники правоохранительных органов задержали двух представителей курманч по подозрению в наркоторговле. Уже находясь в ИВС, они оказались сильно избитыми, что потребовало их госпитализации, в дальнейшем в отношении их были допущены и другие процессуальные нарушения. Попытки родственников опротестовать действия силовиков в суде не имели положительного результата, поэтому 26 июня около десяти представителей курманч провели в Краснодаре в сквере напротив краевой администрации пикет с требованием от правоохранительных и судебных органов объективного отношения к подсудимым. Среди плакатов, демонстрировавшихся пикетчиками, были и такие: "Суд и прокурор, повернитесь к народу курманч" и "Нет пыткам и избиениям курманч". Легитимизация группы была одной из целей данной акции. В этой связи следует отметить, что разработчикам инструментария предстоящей всероссийской переписи населения необходимо задуматься о том, чтоб включить в список этнических групп и курманч. Лидеры курманч собираются на этом настаивать.

Кавказцы в центральных регионах России

А. А. Ярлыкапов

Российские регионы зачастую проводят самостоятельную политику в отношении этнических меньшинств и миграции, да и местное население воспринимает приезжающих по-разному. Это накладывает отпечаток на своеобразие адаптации мигрантских сообществ. В данной статье будет рассмотрен опыт изучения ситуации с так называемыми новыми этническими общинами в трех регионах – Астраханской и Оренбургской областях, а также в Ханты-Мансийском автономном округе.

Астраханская область – регион, который территориально относится к Южному федеральному округу. Здесь помимо преобладающего русского населения имеются довольно значительные группы казахов, татар – казанских, мишарей, юртовцев, а также ногайцев-карагашей, туркмен.

По переписи 2002 г., в Астраханской области проживают около 16 тыс. представителей дагестанских народов. А по мнению полномочного представителя Республики Дагестан в Астраханской области И. И. Омарова, в регионе расселено около 50 тыс. дагестанцев. Причем в это число не входят ногайцы из Дагестана, которые в Астраханской области учтены вместе с карагашами.

Дагестанское население Астраханской области четко делится на старых и новых переселенцев. Старые – это те, кто приехал в советское время, около 70% из них – даргинцы. Перебравшиеся по причине безземелья в Астраханскую область дагестанцы занимались скотоводством, устраивались заготовителями на местных сельскохозяйственных предприятиях. В меньшей степени они были заняты в растениеводстве (как правило, бахчеводство на арендованных у совхозов землях). Работа заготовителем приносила в советские годы большие деньги. Впрочем, и выращивание скота позволяло простым чабанам копить на "Жигули", "Волги" и прочие материальные блага. Уже тогда мигранты-дагестанцы, сумевшие заработать нелегким трудом в сельском хозяйстве, вызывали раздражение и зависть у своих соседей.

Многие из мигрантов-дагестанцев после экономических потрясений начала 1990-х гг., обесценивших продукцию овцеводства, вернулись в Дагестан. Тогда в Астраханской области осталось меньшинство, в основном те, кто не имел отношения к сельскому хозяйству. За прошедшие годы они интегрировались с астраханским сообществом и ныне заняты в самых разных областях деятельности (врачи, инженеры, чиновники, торговцы, предприниматели), и живут преимущественно в

городах. Их дети родились в Астрахани и в основном русскоязычны, немало смешанных браков как между представителями дагестанских народов, так и дагестанцев с русскими. Родители стараются приучать детей к родному языку, причем самый распространенный метод – отправлять детей на лето в Дагестан к бабушкам и дедушкам. Три месяца в году – это неплохой срок для погружения в языковую среду, поэтому отпрыски первых переселенцев понимают язык своих родителей, порой даже говорят на нем, хотя это бывает довольно редко.

Новая волна дагестанцев-переселенцев устремилась в Астраханскую область в первое постсоветское десятилетие. Если раньше среди переселенцев-дагестанцев преобладали даргинцы, то теперь увеличилась доля аварцев и лезгин. При этом люди обычно направляются к родственникам или к знакомым. Сначала устраивается один человек, затем подтягиваются остальные родственники. Этим во многом объясняется стремление дагестанцев селиться компактными группами. Естественно, эти компактные группы включают в себя либо родственников, либо выходцев из одного селения или сельского района. Не удивительно, что поддерживаются тесные связи с родиной, и многие дагестанцы, как правило, продолжают ощущать себя членами тех общин, из которых они родом. Даже оказавшись на новом месте, они продолжают воспроизводить привычный для себя круг взаимоотношений. Высокий уровень связей с родными общинами характерен среди астраханских мигрантов для дагестанцев и вайнахов.

Дагестанцы весьма мобильны и часто ездят в Дагестан, благо путь недалек. Сев на поезд вечером в Астрахани, рано утром они уже в Махачкале. Поездки поддерживают связь между родственниками и знакомыми. Люди посещают друг друга по поводу свадеб, похорон, просто ради общения. Практически вся ритуальная жизнь продолжает локализоваться в регионе исхода. Даргинцы увозят покойников к себе в горы, чтобы похоронить их на родовом кладбище. Обычай требует, чтобы у него, где бы он ни находился, был на родине свой дом, из которого его и выносят в последний путь. Во многих селениях населенного даргинцами Левашинского района пустует порой до половины домов, хозяева которых живут и работают в самых разных краях России, в том числе и в Астраханской области. Конечно, какая-то часть дагестанцев, переехавших в Астрахань, намерена здесь укорениться. Но тесные связи с родиной неукоснительно сохраняются.

Очевидные причины волны миграции дагестанцев постсоветской поры – это экономический кризис, приведший к росту безработицы среди избыточного трудового населения. Не стоит сбрасывать со счетов также приведшую к дальнейшему ухудшению экономической ситуации транспортную изоляцию республики в годы чеченских кампаний

(кстати, она была разорвана в направлении Астрахани, через которую и прошла стратегически важная для республики новая железнодорожная ветка на Москву взамен той, что проходит через Грозный).

Особенно тяжелая ситуация сложилась в горной местности. Довольно много переселилось в Астраханскую область аварцев и представителей андо-цезских народов из высокогорных Цумадинского и Ботлихского районов. Дагестанцы даже шутили, что ботлихцев в Астрахани больше, чем в самом Ботлихе. Вот пример бедственного положения жителей горных селений. В селении Инхило Ботлихского района Дагестана лишь на участке в 37 га растут абрикосовые деревья, и больше у селения нет никаких источников пропитания. Находящийся в 8 км от села соляной прииск сегодня не может восприниматься как серьезный источник средств существования. Раньше здесь был консервный завод, перерабатывавший садовую продукцию, но он не пережил кризиса. И таких сел в горных районах много. Сложилась даже парадоксальная ситуация: в семьях основными кормильцами стали пенсионеры – порой единственная категория людей, получающих на руки деньги. Для полного сил молодого человека, тем более создавшего семью, жизнь на пенсию родителей – не самое лучшее решение. Соответственно, поехав за пределы своего района и республики, дагестанцы тратят все свои силы на то, чтобы заработать на достойное существование. Многие из них, приехав в Астрахань, становятся зажиточными людьми. При этом мигранты из Дагестана тратят значительную часть заработанных денег на поддержку родственников, оставшихся на родине.

Дагестанцы в Астраханской области заняты в основном в сельском хозяйстве и торговле. В Черноярском районе около 9% населения составляют дагестанцы, которые трудятся в основном в традиционном для себя качестве чабанов и бахчеводов. Последние обычно высаживают несколько культур, не ограничиваясь знаменитыми астраханскими арбузами. Занимаются дагестанцы и торговлей. Под их контролем находятся многие рынки Астрахани, в т. ч. крупный рынок "Большие Исады". Рядом с ним находится бывшая татарская, а теперь преимущественно дагестанская мечеть¹.

¹ Хотя в исламе и не делается различия по национальной принадлежности верующих, в Астрахани сложилась любопытная ситуация, связанная с существованием различных толков (мазхабов) в суннизме. Татары и представители дагестанских народов – сунниты, однако первые практикуют ханафитский толк, а вторые – шафиитский. Их различия несущественны, но отражаются на культовой практике, в частности, молитвенной. Это и привело к негласному разделению мечетей города на условно "татарские" и "дагестанские". Есть здесь и шиитская "азербайджанская" мечеть.

Конечно, такая активность приезжих вызывает некоторое недовольство среди местного населения. Как правило, астраханцы с трудом отличают, кто дагестанец, кто азербайджанец или чеченец.

Миграция дагестанцев в Астрахань и область носит ярко выраженный трудовой характер, поэтому занято подавляющее большинство дагестанцев. Пенсионеров среди них очень мало, как правило, это представители первой волны переселенцев.

Доминанта восприятия окружающего мира у дагестанцев в значительной мере сводится к тому, что Астраханская область – это территория, которую необходимо осваивать. Причем по мере освоения на эту территорию переносятся некоторые знаковые названия, характерные для территории исхода, – появляются кафе и прочие заведения, названные в честь родовых сел переселенцев. При этом вопросы сохранения языка и культуры пока отступают на второй план, поскольку пока решаются сами собой.

Селиться дагестанцы предпочитают компактно. Обычно они снимают квартиру или покупают дом рядом с работой, целые улицы заселены дагестанцами рядом с рынками. Яркий пример – улица Бакинская и находящиеся рядом улицы и переулки, которые расположены в районе рынка "Большие Исады". В некоторых местах кажется, что находишься не в Астрахани, а в каком-нибудь дагестанском городе. На астраханскую почву переносятся все, в том числе строительные традиции, быт, окружение, громкая аварская и даргинская речь. То, что дагестанцы не стесняются довольно громко разговаривать на родном языке и ведут себя вполне раскованно, свидетельствует о комфортности их пребывания на астраханской земле.

С одной стороны, такой тип поведения гарантирует самосохранение дагестанцев как особой группы населения среди культурно отличных астраханцев. Однако добровольная самоизоляция создает в то же время атмосферу отчуждения.

Отношения с окружающим населением у дагестанцев, как и у других кавказцев, складываются непростые. Старожилы не задумываются обычно, с кем имеют дело: с собственными согражданами, жителями ближнего зарубежья. Для них все выходцы с Кавказа представители одной категории – "лица кавказской национальности". Основная претензия местных жителей: "они (кавказцы) пытаются влезть со своими порядками", нарушая установившуюся в области межэтническую гармонию. Припоминают кавказцам, в частности дагестанцам, и взятую ими на себя роль "брутальных самцов", пристающих к девушкам, и раздражающую окружающих громкую речь на своем языке в общественных местах и т. д.

Негативный образ весьма устойчив в сознании среднестатистического жителя области. Он приводит к реальным проблемам дагестанцев

в их взаимоотношениях с окружающим населением. Помимо негативного отношения в повседневной жизни, они отмечают поборы и притеснения со стороны представителей правоохранительных органов. Им постоянно напоминают об их инаковости, отпускают фразы вроде "по-наехали тут", обидные клички – "черные", "хачики" и проч. Это весьма тревожная тенденция – если в советское время она подавлялась государственной машиной и официальной идеологией "дружбы народов", то теперь ксенофобия среди старожилов распространена довольно сильно, пока – на бытовом уровне.

Появление большого числа мигрантов вызывает среди значительной части старожилов настороженность и недовольство изменением привычной бытовой картины. Соединяясь с другими фобиями и фрустрациями, в глазах старожилов сам факт проживания кавказцев на "их земле" воспринимается как угроза. Основная претензия старожильского населения к переселенцам с Кавказа, в частности к дагестанцам, – "пусть они себя ведут здесь как гости". Однако дагестанцы чувствуют себя в Астрахани и области, как дома и ведут себя соответствующе. Следует ли в такой ситуации говорить об успешной адаптации приезжих, если очевидно, что требуется стремление приспособиться к новым условиям с обеих сторон.

Рассмотрим пример адаптации кавказцев в Оренбургской области. Этническая палитра региона, несмотря на численное преобладание русских, является пестрой. Здесь проживают украинцы, татары, казахи, чуваша, мордва, цыгане. Заметную часть населения составляют кавказцы, среди которых наиболее заметны для общественности – чеченцы. Есть и среднеазиатские мигранты (узбеки, таджики). Две последние группы также объединяются оренбуржцами в группу "других" с характерными обозначениями: "они", "ваши" (при обращении к "членам" группы), "черные", "чурки", "хачики"...

Наиболее проблемными, с точки зрения оренбуржцев, являются чеченцы. Такой взгляд связан с последствиями вооруженного конфликта в Чечне, создавшего негативный образ. Влияет также и опыт совместного проживания чеченцев с казахами в Казахстане в годы сталинской депортации. В то же время убедительно объяснить, почему с кавказцами вообще и с чеченцами в частности "невозможно совместно проживать", никто из наших собеседников объяснить не смог. Основная претензия та же, что и в Астраханской области – они (т. е. кавказцы) нарушают установившийся порядок. Один из лидеров казахской общины выразился так: "Здесь в области веками сложилось общее поведение, а чеченцы пытались влезть со своим уставом". Кавказцы, по мнению старожилов, с некоторым пренебрежением относятся к представителям других национальностей, и это вызывает ответную реакцию. Негативный образ весьма устойчив в сознании жителей области.

Для кавказцев доставляют неудобство поборы и притеснения со стороны представителей правоохранительных органов. По мнению первых, именно представители правоохранительных органов нагнетают негативный образ кавказца. В то же время статистика, по мнению кавказских активистов, свидетельствует об обратном. Говорили, что за 2006 г. мигранты совершили лишь 0,6% от всех преступлений, зафиксированных в области, из них половину составили административные правонарушения (надо полагать, в большинстве своем имеется в виду отсутствие регистрации). Кроме того, происходит дискриминация кавказцев в некоторых областях, особенно в таких значимых для них, как наем жилья. В городах области "кавказцам" очень трудно снять жилье, а об остроте проблемы свидетельствуют объявления о сдаче жилья с уточнением национальности ("сдаем только русским"). Как показали проведенные нами интервью со старожилами, эти объявления направлены именно против "кавказцев", поскольку авторы таких объявлений обычно не отказывались в случае обращения сдать жилье татарам, башкирам или казахам.

Основная обида для кавказцев в Оренбуржье – это постоянные напоминания об их инаковости, обидные клички. Никто, по их мнению, не хочет признавать их очевидной полезности – вклада представителей этой группы в развитие местного строительства, сельского хозяйства, экономических связей. Иногда бывают и исторические обоснования. Чеченцы считают, что раз Россия отстояла свое право считать Чечню неотъемлемой частью своей территории, то русские должны признавать их и полноценными гражданами страны без поражения в правах.

Интересен пример армян. Они терпят вместе с мусульманскими земляками не очень ласковое отношение со стороны старожилов. Но армяне в России, по их собственному признанию, пользуются широкой поддержкой властей. По мнению армян, даже милиционеры в Оренбурге более благосклонны к ним и могут не штрафовать даже в случае отсутствия регистрации. Одна из представительниц армянской диаспоры в интервью отметила: "Азербайджанца, например, (милиционер) оштрафует, и просто так не отпустит, а армянина, даже если регистрации нет, может просто так отпустить".

Есть и взаимные претензии и обиды в среде самих кавказцев. Здесь сказываются такие проблемы, как "карабахский конфликт", и это накладывает отпечаток на отношения между оренбургскими армянами и азербайджанцами. Несколько натянуты отношения между дагестанцами и чеченцами из-за вторжения боевиков во главе с Басаевым в 1999 г. в Дагестан, сказывается и нерешенность проблем чеченцев-аккинцев в Дагестане и т. д.

По мере освоения на оренбургской земле, кавказцы переносят сюда некоторые знаковые названия, характерные для территории исхода. Поскольку группа не имеет внутреннего единства и во многом искуст-

венна, то каждая ее составляющая занимается "освоением" региона по отдельности, что неминуемо приводит к определенной "этнической специализации": чеченцы – бизнесмены, азербайджанцы – торговцы и посредники и т. д. Декларируемые установки – это характер "освоения", нахождения на данной территории, наличие такого "права". Кроме того, активное занятие многих ниш экономической деятельности объясняется тем, что якобы "местные алкаши" не хотят работать, им "лишь бы пить и завидовать" и т. д. Реальное поведение, как представляется, не всегда соотносится с законом, однако это вполне объяснимо для молодой группы населения. Действительно, у относительно недавно прибывших кавказцев главная задача – это закрепление на новой территории, и не всегда ее можно решить абсолютно законными способами, особенно в обстановке фактически враждебного отношения старожилов. При этом и вопросы сохранения языка и культуры могут быть подняты в среднесрочной перспективе.

Переместимся на Север России. Нефтяной бум последних десятилетий оказал влияние и на южные регионы страны. Миграционные потоки устремились в те места, где происходило развитие инфраструктуры добычи нефти и газа, где, наряду с нефтяниками, появился большой спрос и на специалистов в других областях, и просто на неквалифицированных работников. Как правило, зарплаты здесь высоки не только у нефтяников. Проследим движение ногайцев на российский Север.

Ногайцы проживают в основном на Северном Кавказе. Еще не так давно в миграционном отношении они были наименее мобильными по сравнению со своими соседями. Но с середины 1990-х гг. масштабы их переселений оказались настолько впечатляющими, что стало очевидно: ногайцы за относительно короткий срок быстрыми темпами пошли по пути социальной модернизации. Только по официальным данным, с середины 1990-х и до 2002 г. из своих родных мест мигрировали около 10% проживающего здесь ногайского населения².

Основной отток ногайцев из северокавказских регионов наблюдался на российский Север, в регионы Уральского, в меньшей степени Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Наиболее при-

² Не считая миграции в пределах ЮФО, часто вынужденной. Например, более половины ногайцев из Шелковского района Чеченской республики переселилось в соседние Ногайский район Дагестана и Нефтекумский район Ставропольского края во время двух военных кампаний и последующей нестабильности в Чечне. Впрочем, переселение это началось даже раньше, когда в дудаевской Чечне буквально заставляли уезжать нечеченское население. Однако массовый характер оно приобрело с началом военных действий. В райцентре Ногайского района с. Терекли-Мектеб вырос микрорайон, населенный переселенцами из Чечни, названный в просторечье "Дудаевкой". Такие же микрорайоны выросли и в селах Нефтекумского района, особенно в селе Каясула.

влекательной для ногайцев оказалась Тюменская область. По данным переписи населения, на 2002 г. в Ханты-Мансийском АО уже проживало 2,5 тыс. ногайцев, в Ямало-Ненецком АО – 1,7 тыс.

Ногайцы едут даже в заполярный Норильск: в 2003 г. из проживающих в Красноярском крае 380 ногайцев три четверти проживали в этом городе. Конечно, эти цифры не отражают реального положения дел, поскольку ногайских мигрантов там значительно больше, но общая тенденция очевидна.

На Север едут ногайцы в основном из Дагестана и Карачаево-Черкесии, значительно меньше – из Ставропольского края и Астраханской области. Из Дагестана мигранты представляют все группы ногайцев – караногайцев, бабакуртовских, сулакских. Особенно массовым отток населения был в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Основные причины – экономические (безработица, низкие заработки на родине, не позволяющие обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи).

Анализ состава мигрантов по времени позволяет выявить определенную закономерность: если в 1990-е гг. мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е гг. появляется заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север в поисках более высоких заработков. Мигрируют даже те, кто по дагестанским меркам получает приличную зарплату (5-6 тыс. руб.) и имеет стабильную работу (в основном – лица, занятые в бюджетной сфере).

Отъезд с родных мест на длительное время – достаточно хлопотное занятие, особенно в северные города. Для отъезда необходимы деньги, в среднем это 20-30 тыс. руб. на одного отъезжающего в ценах конца 1990-х гг. Источник этих денег невелик, ведь большинство из тех, кто выезжает на Север, ими реально не располагает. В основном люди берут в долг, в том числе и под проценты. Сегодня на Северном Кавказе этот вид бизнеса, однозначно осуждаемый Кораном, получил достаточно широкое распространение. Банковская система в регионе находится в упадке. В тех банках, которые функционируют на Северном Кавказе, небольшую ссуду получить очень трудно. Именно поэтому люди бывают вынуждены идти к частным лицам, дающим свои средства в рост, часто под грабительские проценты. Иногда помогают родственники. Случается, что решившиеся уехать на заработки, продают свое имущество. Однако последний вид "добычи подъемных" практиковался в основном в первое время, сейчас так поступают сравнительно редко. Люди уезжают удостоверившись, что их ждет работа, которую им подыскивали знакомые, друзья или родственники, или как минимум, зная, что хотя бы вначале им будет оказываться определенная поддержка с их стороны.

Обустройство связано с массой проблем, решаемых с разной степенью успеха. Основная проблема – это "прописка" (постоянная регистрация). С ней легче устроиться на работу и "решать проблемы" с правоохранительными органами. Поэтому мигранты стремятся разными путями

получить заветный штамп в паспорте. Определенная часть, обустривающаяся в сельской местности и представляющая интерес для местных властей (трактористы и водители, учителя, врачи и т. д.), получает здесь жилплощадь и прописку автоматически. Однако в городах прописку приходится покупать, иногда путем заключения фиктивных браков.

Ногайцы осваивают широкий спектр трудовых специальностей, предлагаемый нефтяными регионами. Довольно много мигрирует интеллигенции: часто они устраиваются на работу по своим специальностям – врачами, учителями, воспитателями в детских садах. Устраиваются ногайцы и в сфере торговли, но в основном в магазины или крупные торговые центры. Значительная часть их занята в строительстве. Часто молодые люди создают бригады по ремонту и евроремонту квартир и офисов.

Часто ногайцы мигрируют семьями, в т. ч. и с грудными детьми. Если взрослые более-менее приспосабливаются к суровым климатическим условиям, то для детей – это жесткие физические испытания и тяжелый стресс. Плюс непривычное языковое окружение. Компактное расселение создает для ногайцев относительно комфортные условия существования. Немаловажную роль играет здесь также и то, что в результате нефтегазового бума российский Север в основном населен мигрантами, приезжими специалистами и их потомками.

У мигрантов после их обустройства на Севере, как правило, появляются деньги. Это вызывает интерес у деятелей ногайской культуры. В последнее время предпринимаются гастрольные ногайских артистов в Сургут и другие города Севера, где есть ногайцы. Артисты, особенно молодые, работают над своим сценическим образом, заказывают в типографиях Северного Кавказа афиши, календари и рекламные проспекты со своими фотографиями и сценическими именами. Развивается и репертуар исполнителей, пишутся новые песни, появляются новые мелодии. Эти явления в культурной жизни во многом стали возможны благодаря тем изменениям, которые принесла с собой миграция на Север.

Очевидную проблему представляют ассимиляционные процессы. Родители вынуждены много работать, и дети большую часть времени проводят в дошкольных учреждениях. Дети переходят на русский язык, да и родители, чтобы не создавать проблем, вынуждены поддерживать русскоязычие своих детей. Поездки на лето к родственникам, которые воспринимаются чуть ли не как панацея от языковой ассимиляции, не могут компенсировать недостатка общения на родном языке в течение года. Ногайские дети, живущие на Севере, могут понимать ногайскую речь, но не переходят на нее в процессе общения. Более того, дети вынуждают переходить своих родных на русский язык даже в поездках на родину.

Важным показателем удовлетворенности и адаптированности может служить то, что происходит самоутверждение и самореализация большинства мигрантов. Среди них считается "достойным" купить машину, пусть даже подержанную, и на ней приехать в свое родное село.

Автомашины покупаются также и для родственников на родине, и число их в кавказских селах растет. Конечно, покупка автомобиля (равно как и других предметов, все еще относимых к предметам роскоши) – это лишь внешнее выражение чувства успешности.

Более глубокие, долгосрочные последствия состоят в том, что в северокавказских регионах исчезает социальная база развития радикальных националистических и религиозных движений. Даже если какая-то часть не имеющей работу молодежи, людей среднего возраста не мигрирует на Север, они все-таки получают возможность более-менее достойного существования, поскольку родственники, находящиеся на Севере, активно помогают им. И своим примером воодушевляют оставшихся на родине.

Значительная доля заработанных на Севере денег пересылается на родину для поддержки многочисленной родни. Как правило, эти средства идут не только на повседневное выживание. Устраиваются свадьбы, поминки, иные затратные мероприятия, строятся дома для братьев и сестер.

В то же время экономические последствия неоднозначны. Укажем на резкий рост цен на недвижимость в районах Северного Кавказа, где проживают ногойцы. Например, в центре Ногайского района с. Теркли-Мектеб с населением около 8 тыс. чел., не имеющем никаких предприятий, кроме бюджетных организаций, расположенном на расстоянии 90 км от ближайшего города, дом с участком в 8 соток как минимум 400 тыс. руб. Кстати, устойчивый спрос среди мигрантов на недвижимость на родине косвенно может свидетельствовать о том, что большинство из них рассматривает свое пребывание на Севере как временное явление, планируя рано или поздно вернуться обратно.

Таким образом, ногойская миграция на Север России имеет определенное направление. Основным пунктом назначения является Тюменская область. Ногойцы не заняли какой-то особой ниши среди тамошних мигрантов, не имеют своей "этнической" специализации, а также ресурсов для "контролирования" каких-либо сфер экономической или иной деятельности. Основная масса ногойских мигрантов – это простые труженики, собственными руками и ценой определенных лишений добывающиеся сносного уровня жизни.

Миграция части экономически активного населения не может помочь выходу из кризиса экономически депрессивных регионов на Северном Кавказе. Но мигранты привозят с собой на родину деньги, невольно вызывая рост жилищного строительства, развитие мелкого бизнеса и торговли, фермерства. Миграция способствует подъему общего благосостояния граждан.

Важно и то, что появление значительных групп кавказцев во "внутренних" районах России объективно работает на складывание общероссийской гражданской нации, которая в перспективнее должна стать залогом бесконфликтного существования и процветания России.

Адаптация мигрантов: варианты стратегий

К. С. Мокин

Прозрачность границ, безвизовый режим, географическая близость, относительная стабильность политического и экономического характера обусловили превращение России в страну-реципиента миграционных процессов.

Пик миграционных процессов в России и в Саратовской области в частности, приходился на начало 90-х гг. Однако с 1994 г. интенсивность миграции неуклонно снижается. Снижение миграционных процессов связано с постепенным исчерпанием миграционного потенциала русскоязычного населения, адаптацией национальных меньшинств к социально-политическим и экономическим обстоятельствам, ослаблением националистической риторики и дискриминации в бывших республиках СССР.

Исследователи отмечают особую активность вынужденных мигрантов, выезжающих на заработки в другие страны СНГ, в основном в Россию. Трудовая миграция позволяла выжить семьям мигрантов за счет трансфертов, доля которых в доходах семей была существенной: в Армении – от 15 до 30% в зависимости от достатка семьи. Трансферты от азербайджанцев, проживающих в России, оцениваются до 2,5 млрд. долл. в год¹.

В период 1989-1993 гг. из Армении, Азербайджана в основном уезжали русские, белорусы, украинцы – в основном русскоязычное население. В последующий период, до настоящего времени миграционные потоки стали, в моноэтническими. Между 1990 и 1997 гг. из Армении выехало более 700 тыс. чел., что составляет почти 20 процентов населения республики². Причем миграция из Армении носила четко целенаправленный характер – в Россию и США.

Такие величины миграционных процессов не могли не сказаться на этнической структуре областей и районов России. В Саратовской области наибольшее число армян отмечено в крупных промышленных городах области – Саратове, Энгельсе, Балаково, Марксе. Точных объективных данных об этническом составе этих городов нет. По разным оценкам численность армян в Саратове оценивается в 20-25 тыс., в Балаково, 6-10 тыс. Однако эти цифры вызывают сомнение, так как, на

¹ Арутюнян Л. А. Новые тенденции миграции в Армении // Миграционная ситуация в странах СНГ. С. 72. 1999.

² Арутюнян Л. А. Там же.

наш взгляд, они отражают больше ситуацию "сезонного" наплыва мигрантов, в то время как фактическое число постоянно проживающих в городах армян несколько ниже. Оценить реальную динамику изменения численности разных этнических групп представляется весьма затруднительным, однако можно говорить о том, что Саратовская область уже не является той относительно моноэтнической областью как 20-25 лет назад.

Учитывая сложившуюся ситуацию в части миграционных процессов в области, нами предпринята попытка анализа истории миграции, на примере армян, в Саратовскую область. Анализ включает в себя выявление основных причин миграции и наиболее типичных путей перемещения, факторов, влияющих на выбор именно Саратовской области (города) как конечного пункта миграции. Особый интерес представляет анализ дальнейших миграционных намерений, которые, на наш взгляд, тесно связаны с готовностью к адаптации, выбору тех или иных стратегий интеграции.

В миграционной истории приезжих армян наиболее четко представлены несколько случаев, которые объединены нами в пять вариантов. Первый вариант – мигранты, прибывшие из самой Армении; второй – мигранты прибыли из других стран СНГ в Армению, а затем, в Россию; третий – в прямом перемещении армян из республик СНГ в Россию; четвертый – мигранты, прибывшие из других городов России; пятый – связан с четвертым и первым и состоит в перемещении мигрантов из городов России сначала в Армению, а затем оттуда вновь в Россию.

В первом и третьем вариантах доминирует прямая миграция. Это означает, что люди приезжают в Россию напрямую из Армении или других бывших республик СНГ. В остальных вариантах промежуточным пунктом назначения является Армения. Все эти варианты, при их различиях, отличает от остальных одно – Россия рассматривается как конечная цель миграции. Причем большинство мигрантов имеют четкое представление не только о стране (России) и городе проживания, но и о типе предстоящей экономической занятости. Последнее характерно только для прибывших в последние 5-7 лет.

Второй вариант предусматривает перемещение мигрантов из республик СНГ сначала на историческую родину (Армению), а затем – в Россию. Этот сценарий наиболее характерен для мигрантов и вынужденных беженцев конца 80-х – начала 90-х гг. Он, как правило, связан с возникшими межэтническими конфликтами, в основном в республиках Закавказья и Средней Азии. Наиболее многочисленными здесь являются мигранты, проживавшие до начала 90-х гг. в Азербайджане, именующие себя "бакинские армяне". После начала активных межэтнических стычек в городах и поселениях Азербайджана они выехали в Армению, но затем, как правило, по экономическим причинам и при-

чинам культурного характера (незнание языка, традиций, несовпадение норм и ценностей) вынуждены уехать в Россию.

Четвертый и пятый варианты характеризуются тем, что страной исхода и в то же время страной – реципиентом является Россия. Отличия – в наличии некоторого промежуточного звена (Армении) или его отсутствии. Как правило, основными движущими мотивами здесь являются плохие экономические условия городов исхода, а также в ряде случаев – высокий уровень дискриминации.

Практически во всех случаях представлена легальная миграция. Как правило, в Саратовскую область они попадали с армянским паспортом, либо с паспортом гражданина России, полученным в других городах России. Часть мигрантов прибыла в область еще по старым советским паспортам, до введения паспортов России.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что подавляющее большинство армян оказалось в области не случайно, а имея некоторую информацию о месте будущего проживания, условиях жизни. Исключение составляет ряд армян, в экстренном порядке покинувших Азербайджан (г. Баку) в 1988-1989 гг., но и они уезжали, имея здесь, как правило, родственников и априори, полагаясь на их помощь. Ряд респондентов указывают, что, возможно, и поехали бы в другие города, например в Москву, Самару, Петербург, но там нет родственников и или близких людей, способных оказать первоначальную поддержку.

Необходимо отметить, что существует некоторый феномен целенаправленности миграции именно в Саратовскую область. Саратовская область и ее города рассматриваются как относительно спокойный и благополучный регион, в котором не составляет большого труда открыть свое дело, и/или найти подходящую работу. В условиях набирающего разгон эффекта "расколотого рынка", при котором фактически каждая этническая группа оказалась вытесненной в те или иные экономические ниши, большинству респондентов не составляет труда начать собственное дело в системе малого и среднего бизнеса, практически "легально" и "легитимно". Это особенно важно, учитывая характер миграционного процесса, когда люди приезжают к родственникам и землякам, по некоторой "цепочке", практически не имея никаких иных связей, а имея в наличии лишь свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал.

В основе переезда многих армян, особенно последней волны, лежат экономические мотивы. В ряде случаев, особенно мигрировавших в начале 90-х гг., лежат причины нежелания участвовать в боевых действиях с опасениями за свою жизнь и жизнь членов семьи.

Женщина, 34 года: "Мы приехали из Баку в 1989 г.. Там было страшно. Они [азербайджанцы] ворвались в наш двор, вытащили всех из дома. Стали всех избивать. Дядю моего сильно избили. Он потом умер. Спасибо соседи, тоже азербайджанцы, спрятали нас и детей в подвале..."

Тем не менее после бегства в Армению встал вопрос о фактическом выживании, уже в новых условиях.

Женщина, 38 лет: "Казалось бы мы дома... но, языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно. Армения тогда в блокаде была. Света нет. Тепла нет. Воды нет. Когда давали воду, мы ее набирали во всю посуду, бочки, ванную, бутылки. Зимой дом наш, двухэтажный замерзал так, что лопались стекла. Моешь полы, а за тряпкой ледяная корка. Мы все жили в одной комнате, восемь человек – так теплее. Грелись с помощью "солярочки". Это такая бочка с колбой, солярка капает из колбы и горит. На ней и готовили. Спустя год поняли – так больше жить нельзя. Сын растет – а что он видел? Образования толком не получить. Еды нормальной нет. Даже муки нет, хлеб испечь. Надо в Ереван ехать – это день, – дорога, очереди... Решили ехать в Балаково, здесь родной брат мужа, он в милиции работал, договорились, он встретил, помог снять жилье... Отец и мать остались в Армении, мы им помогали, чем могли, высылали деньги, муж открыл свой бизнес, стало возможно детей в гимназию отдать..."

Большинство мигрантов, у кого остались близкие родственники в Армении, регулярно отправляют им помощь, деньги. В случае необходимости, прилагают все усилия для оказания помощи к переезду в Россию.

Мужчина, 42 года: "Мы им помогаем, сейчас пытаюсь брату помочь, он хочет уехать в Россию или США. Из Армении трудно сразу в США уехать. Приедет сюда. Поживет. Язык выучит, может быть. Мы помогаем. А как же? Трудно будет – они мне помогут..."

Мужчина, 29 лет, предприниматель: "Деньги отцу в Ереван отправляю регулярно. Иначе нельзя. Нас трое братьев – все ему помогают. Он уже не может работать на заводе. Да и завод закрыли..."

Что касается мотивов переезда из других республик, то здесь доминируют социально-политические мотивы, явные дискриминационные практики, ущемление прав и достоинств.

Мужчина, 36 лет: "Мы там [в Средней Азии] были второсортными. Мы должны были обслуживать только местных. Я до этого работал в управлении завода, инженером. Стал простым рабочим. Быть начальником там другой национальности – невозможно. Перспективы никакой. Никто не слушает тебя. Никакого права голоса. Только обслуживание этих...Мы, да и многие из друзей уехали сюда. Мы здесь были во время Союза, на заводах, ездили в командировки, здесь друзья, знакомые..."

Для группы мигрантов, имеющих промежуточным пунктом Армению, характерны причины, заставившие их продолжить миграцию. Наряду с социально-экономическими причинами фигурировали недостаточно хорошее знание языка и традиций. Часть респондентов указывало, что они [язык и навыки] фактически были утрачены еще в период Советского Союза, когда они проживали в городах и республиках Союза. Это сформировало отношение к ним как к "чужим" среди коренного населения республики. На наш взгляд, это служило существенным "вы-

талкивающим" фактором, стимулирующим социально-экономическую мобильность. Необходимо отметить, что категория "чужих" распространилась на всех членов прибывшей семьи.

Женщина, 38 лет: "Казалось бы, мы дома... но языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно.... У сына тоже проблемы были, он языка кроме русского не знал, учились, то мы все в одних русскоязычных школах...Трудно ему было. Друзей почти не было...Что он мог сделать..."

Особенная черта, которая, на наш взгляд, является наиболее выпуклой, это миграционные перемещения всей семьей. Это относится в первую очередь к группе армян, прибывших в Россию в начале – середине 90-х гг. Процесс адаптации в "привычных стандартах" выглядит для них более приемлемым, чем включение в новую среду. Анализ миграционных характеристик последних волн (менее 5 лет) показывает, что в последних волнах доминируют неженатые молодые мужчины в возрасте 17-25 лет, имеющие четкие ориентации на получение образования, трудоустройства в России.

Проблема культурного несоответствия, разделившего на "своих" и "своих чужих", здесь в Саратовской области получила дальнейшее развитие. На первый взгляд моноэтническая мигрантская группа при детальном рассмотрении оказывается разделенной на три-пять подгрупп, разделенных неким культурным антогонизирующим ингрупповым феноменом.

Выходцы непосредственно из Армении создали армянскую общину, юридически оформленную, имеющую воскресную школу и проводящую праздники с участием гостей и артистов из Армении. Используя НГО, они пытаются объединить вокруг себя других армян. "Другие армяне" как правило, избегают участия в подобных мероприятиях.

Женщина, 34 года: "Мы понимаем язык, но разговаривать, мы не разговариваем. Даже наше поколение 70-х, а бабушки, дедушки, естественно, – говорят, у них есть эти навыки. Но наши внуки уже не поймут. А то, что открыли воскресную школу.... Это все для тех, кто выходцы из Армении. Они и здесь живут этими обычаями, в семьях у них только армянский язык, это те, кто оттуда.... Поэтому нас так и разделили: "бакинцы" и армяне. Хотя мы тоже армяне. Ведь нет же такой нации "бакинцы" – да? У них и у нас – не тот образ жизни... Они себя вспоминают".

Мужчина 44 года: "Понимаешь, нас и там и здесь как бы изначально поделили: из Азербайджана – значит бакинские. А они – ереванские; это у нас две таких категории, те – которые живут в Армении и которые там не живут, то есть мы друг от друга отличаемся корнями...даже языковым диалектом. У нас есть такой диалект, шемахинский диалект, карабахский диалект, те, которые из Средней Азии, у них свой диалект.... Поэтому в Армении люди из Баку не прижились по одной только причине, что мы не знали языка. Наш армянский язык и армянский коренной – это совершенно разные языки, очень трудно было как-то влиться в это. Конечно, мы адаптировались, но образ жизни другой, совершенно другой".

Необходимо отметить, что практически во всех интервью и фокус-группе Россия, Саратовская область рассматриваются как конечная цель миграционного перемещения. Только в двух интервью было отмечено, что возможно дальнейшее перемещение в США, это относится к последней волне прибывших три и менее года назад, непосредственно из Армении. Респонденты полагают, что перемещение из России в США более удобно, чем напрямую из Армении в США.

Наиболее актуальным вопросом для всех видится вопрос о возврате в Армению (историческую родину). И здесь община делится на две, в принципе, равные группы. Одни готовы вернуться назад, но при условии что социально-экономическая обстановка там улучшится, это в основном выходцы из самой Армении. Другая группа не рассматривает вариантов перемещения в республику. Это, как правило, те, кто испытал на себе "культурное несоответствие", наиболее удачно и успешно адаптированные к местным социальным условиям и инкорпорированные в социально-экономическое поле.

Женщина, 37 лет: "Просто глубоко в сердце мы понимаем, что не все бы вернулись, все равно такой жизни бы уже не было. Может, даже бы и вернулись, а жизнь такую вернуть было бы невозможно. Просто у нас там действительно есть священные реликвии – наши могилы, причем вековые, несмотря на то, что так сложилось, что у нас уже и здесь есть могилы. Умерла моя бабушка, умер мой свекор, так что вот эта священность, даже в отношении этой могилы держит, то есть мы уже знаем, что мы отсюда – никуда, потому что это не бросишь, – как там с тяжестью, так и здесь с тяжестью...А здесь уже какой-никакой жизненный опыт, сложился круг общения, появились какие-то друзья, у нас работа в конце концов".

На текущий период четко прослеживается тенденция к тому, что большая часть армян не хочет уезжать и рассматривает Россию как наиболее оптимальную зону по сравнению с другими странами – бывшими республиками СССР, в том числе и Арменией.

Можно утверждать, что массового оттока армян из Саратовской области при сохранении текущих социально-экономических и политических условий не произойдет. Дальнейшие миграционные перемещения возможны лишь при значительном росте ксенофобских настроений, росте дискриминационных практик или резком и длительном снижении экономического благосостояния.

Более того, большинство армян, удачно интегрировавшихся в местную социально-культурную и социально-экономическую среду, заинтересованы в том, чтобы пригласить родственников или близких друзей из Армении или других городов России.

Женщина, 37 лет: "Вот мой брат, ему сейчас 50 лет, он после Баку прожил в Армении 10 лет, и сейчас мы помогли ему перебраться сюда. Причи-

ны? Опять-таки бытовые. Там невозможно жить. У него свой дом не в самом Ереване, а рядом — в Арарате. Его элементарно нечем отапливать, не было работы. А так мы были здесь, они приехали сюда и привезли своих ребят, у них мальчишки тоже, одному 25, другому 26 лет. Мальчишки занялись своим делом. Они прекрасные мастера, у них мастерская по ремонту машин, они адаптировались. Ну, почти. У них это получилось".

Таким образом, подводя некоторый итог, можно утверждать, что сформированная сеть социальных связей, отстроенная по родовому признаку, служит и будет служить опорой для прибывающих вновь мигрантов, а Саратовская область выглядит привлекательным для мигрантов социально-экономическим регионом. Существующие общины, обладая некоторой базовой общностью, идентичностью, достаточно четко разделены по времени прибытия в страну, местом исхода и уровнем некоторой комплиментарности по отношению к Армении. Эти исходные условия служат основными посылами для построения стратегий интеграции.

Как уже выше рассматривалось, общину мигрантского этнического сообщества можно представить как некоторую структуру состоящую, как правило, из следующих условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением:

Старожилы общины (как правило, это те, кто прожил на данной территории более 7-10 лет, успешно адаптированные к внешним условиям общины). Старожилы представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями традиций общины, основными производителями диаспорной идентичности.

Недавние мигранты. Это члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и активно перенимающие диаспорную идентичность.

Трудовые мигранты. Члены этнической группы общины, но не включенные в сеть взаимопомощи общины, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество. Трудовые мигранты являются носителями прагматической культуры. Они образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают, по возможности, селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров НКО в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут практически на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются обратно (приспособительный сценарий).

Община имеет внутреннюю и внешнюю границы, каждая из которых выполняет собственные функции.

Внешняя этническая граница по отношению к общине формируется

в иноэтнической среде и обусловлена фактами, сюжетами истории и современности, тенденциями межэтнических отношений. Внешняя граница определяет степень вмешательства иноэтнического элемента в культурную жизнь общины диаспоры.

Внутренняя этническая граница формируется в среде самой диаспоры и, являясь фактически границей ядра общины, строится на основе этнических доминант, внутридиаспоральной комплиментарности как формы психологической поддержки в условиях иноэтнического окружения и этнической самоидентификации, как сознательного акта коллективного самоопределения, этнической традиции как совокупности стереотипов и правил поведения³.

Между внешней и внутренней границей общины формируется буферная среда, как правило, из числа членов общины, которые находятся в некотором пограничном состоянии – это, в основном, члены семей в смешанных браках.

В качестве одного из определяющих признаков общины является выраженная культурная идентификация членов этнической группы. В данном случае можно говорить о наличии динамического процесса поиска точек соприкосновения и о конструировании общей идентичности на основе уже имеющихся идентичностей.

Процесс конструирования общинной идентичности является сложным и длительным. Важным фактором, влияющим на ее динамику, является "ассимиляционная" способность этнической группы поглощать, растворяя в своей среде, вновь прибывших. Однако существует предел поглощения, за которым нарушаются согласованные с местной средой процессы конструирования общинной идентичности. Здесь можно говорить о сохранении стабильности группы как единого целого. Вновь прибывшие привносят в состав группы новые проблемы, интересы, целевые установки, нормы поведения. Появляются новые группы влияния.

Существование групп влияния предопределяет появление сторонников, из которых формируются фракции, выстраиваются сети связей и поддержки. Из числа представителей групп влияния, как правило, создаются НКО, выполняющие представительские функции общины и обеспечивающие ее функционирование как социально-политического субъекта социального сообщества.

Существование двух и более групп влияния общины допускает сценарий раскола на две и более части. Причинами раскола могут служить несовпадение структур целевых картин, приоритетов идентичностей, желание перераспределения сетевых (общедиаспорных) ресурсов. Однако, как правило, процесс раскола наблюдается, когда общиной накоплен существенный экономический и административный (управлен-

³ Аствацатурова М. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели //Диаспора. № 2. 2003. С. 190 .

ческий) капитал, при наличии этнических предпринимателей, способных в целях общины аккумулировать этничность как ресурс, и когда раскол не угрожает жизнеспособности общины в целом.

Наличие двух и более групп влияния в общине, ведущих конкурентную борьбу друг с другом, тем не менее в целом способствует интеграции и выработке единой позиции в формировании универсальной идентичности и этнических групповых автостереотипов.

Другим важным показателем является интенсивность контактов со страной исхода и другими общинами диаспоры. Общины диаспоры формируют устойчивую социальную сеть, обеспечивая и поддерживая развитие друг друга и диаспору в целом. Узлы диаспоры, включающие некоторое множество общин, выступают коллекторами сетевых ресурсов, высвобождая (перераспределяя) их при необходимости.

Безусловно, интенсивность связей и их количество в разных этнических группах существенно различается. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что все этнические мигрантские группы формируют сеть горизонтальных связей внутри себя. Первичными ячейками горизонтальной социальной сети являются кланово-родственные группы, формирующие "первичную" орбиту коммуникаций для вновь прибывших. В основе этих первичных организаций лежит принцип личного доверия и кровного родства.

Необходимо также отметить высокую активность членов малых групп в формировании новых связей. Здесь полностью реализуется принцип избыточности связей, обеспечивающих максимальную устойчивость группы при внезапных и сильных влияниях внешних факторов.

Сетевая структура обеспечивает консолидацию ресурсов вокруг наиболее активной и экономически, политически и социально успешной группы влияния. Таким образом, в отличие от вертикальной системы управления, присущей традиционным системам управления, в социальной сети функции управления сконцентрированы в звеньях с наибольшим "весом" и имеющих наиболее высокую плотность контактов с другими звеньями (ячейками) общины. Ячейки, выполняющие функции управления, являются основными носителями и передатчиками информации, узлами перераспределения ресурсов.

Стремление общин создать традиционную иерархическую структуру управления, как правило, связано только с желанием заявить себя в качестве участника-игрока на социально-политическом поле, обеспечивающем реализацию групповых интересов на институциональном уровне (взаимоотношения с администрациями городов, государственными службами и органами). Особенно ярко это наблюдается сейчас, когда со стороны органов власти заметно пристальное внимание к межнациональным отношениям, выделяются субсидии, возможно получение налоговых льгот национальными НКО.

Рассмотренные выше особенности мигрантской общины позволят

перейти к рассмотрению групповых стратегий адаптации. Хочется особо отметить, что существующие взгляды на адаптацию мигрантов, анализируют, главным образом, поведение индивида. Исключение, пожалуй, составляют работы Н. Лебедевой, уделяющей значительное внимание групповой адаптации⁴, однако больше в контексте этнической психологии, что не всегда приемлемо для социологического анализа.

Автор склоняется к использованию позиции Г. Шеффера⁵, полагающего, что большинство диаспор выбирают стратегию общины как наиболее предпочтительную. Нами это понимается, что индивиды адаптируются к новой среде, удовлетворяют свои потребности не сами по себе (индивидуально), а как члены общины. При этом индивидуальный статус замещается статусом общины как таковым.

При этом общины преследуют основную цель (миссию) – максимально эффективное приспособление к условиям новой культуры, и вытекающая из нее задача – создание социальных сетей, обеспечивающих это приспособление. Конфигурация и наполнение сетей происходит исходя из реальных условий, в которых развивается община.

Как было рассмотрено автором выше, одним из основных сценариев (стратегией) адаптации трудовых мигрантов является (само)сегрегация. В основе этого сценария лежат, как правило, мотивационно-ценностные ориентации, связанные с прагматическим извлечением выгоды от нахождения на территории принимающей страны.

На наш взгляд, одним из ключевых аспектов этого сценария является включение вновь прибывших мигрантов в социально экономическую сферу по двум основным направлениям: первое – это включение в "этнический" бизнес и второе в соответствии с правилами "разделенного" рынка – в качестве малооплачиваемой, дискриминируемой группы на малоквалифицированную работу.

Для объяснения феномена этнического бизнеса видится приемлемым использование схемы Уолдингера⁶. Он выделяет два важных аспекта:

Структура возможностей, под которой следует понимать легальную систему трудоустройства и возможностей вхождения в местный рынок труда; она включает в себя квалификацию рабочей силы и спрос на рынке труда.

Специфические этнические стратегии (выделено мной – К. С.) и ресурсы, на которые этнические группы могут положиться, чтобы разрешить проблемы интеграции и дискриминации. Этнические ресурсы включают в себя социальные сети, солидарность, предприниматель-

⁴ Лебедева Н. Социальная психология аккультурации этнических групп. Дисс. д. псих. н. Москва, РАГС при Президенте РФ, 1997.

⁵ Sheffer G. Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? In: International Migration and Security. (ed.) by Miron Weiner. p. 263-286. Boulder, San Francisco, Oxford. 1993.

⁶ Waldinger R. Through the Eye of Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades, New York & London: New York University Press, 1986.

ские традиции, доступ к дешевой рабочей силе, знания о потребностях своей и иных этнических групп.

В 90-е гг. Россия переживала экономический спад, на фоне которого наблюдался рост миграционных потоков. Россия превратилась в крупнейшую страну – реципиента. Среди приезжающих были представители различных этнических групп, разного уровня квалификации и образования.

В середине 90-х гг. в связи с экономическим кризисом с предприятий области было уволено более 250 тыс. чел., в то время как сфера обслуживания практически не росла. Нехватка рабочих мест в промышленности серьезно отразилась на мигрантах, имеющих, как правило, технические специальности либо имеющих низкую квалификацию. Немногими свободными сегментами рынка труда оказались места для низкоквалифицированной и плохо оплачиваемой работы в сфере обслуживания и сельского хозяйства. С конца 90-х - начала 2000 гг. сюда оказались также включены сегменты низкоквалифицированной работы в сфере дорожного и городского строительства.

Фактически с середины 90-х гг. мы наблюдаем феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой "этнической" рабочей силы. За одну и ту же работу местное население получает больше, а мигрант – меньше.

Таким образом, в соответствии со схемой Уолдингера, структура возможностей на этом этапе оказалась весьма ограниченной. Однако необходимо отметить, что в настоящее время у мигрантов появился еще один сегмент, который требует дополнительного изучения в привязке к региональным особенностям – частное (индивидуальное) предпринимательство. Так, например, по данным отдела статистики торговой инспекции г. Балаково Саратовской области, из 7,5 тыс. официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей более тысячи человек – недавние мигранты, против 150 зарегистрированных в 1998 г.

Однако остается фактом, что именно крупные, приграничные города становятся сценой, на которой разворачиваются процессы межкультурного взаимодействия – восприятия и сравнения. Наблюдаемые местными жителями культурные и внешние отличия мигрантов служат функции распределения социальных ролей (торговцы на рынках, строители). Ролевое распределение культурных различий способствует тому, что эти различия становятся заметными, выпуклыми и закрепляются, а порой и институционализируются на уровне массового сознания как непреложные доминанты.

Тем не менее в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов являлось включение в принимающее сообщество с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи.

Однако, оказываясь погруженным в "свою" среду, мигрант не чувствует необходимости изменять свое поведение и восприятие мира. Он оказывается "не выключенным" из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия. Его текущее восприятие куль-

турных различий между ним и автохтонным населением можно охарактеризовать как отрицание культурных различий и защита собственной культурной самобытности.

В этих условиях для мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом, по сравнению с местным населением, с интегрированными "старожилами" на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Тщательный анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклав, проведенный в рамках данного исследования, в целом подтвердил выводы исследовательской группы ИС РАН⁷, где было выявлено, что основу взаимодействия в анклав составляет представление [в основном]: а) информации об трудоустройстве на новом месте, б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем, в) помощь деньгами, г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т. д. и в гораздо меньшей степени – помощь конкретными делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т. д.).

Таблица 1⁸

Получение и потребление трансфертов (в% от числа опрошенных)		
Виды трансферта	Доноры	Потребители
Помогать деньгами	43,2	37,6
Одалживать машину, инструмент, оборудование	18,4	19,2
Помогать в работе по дому, ухаживать за детьми, больными, престарелыми	17,6	24,8
Лично оформлять ему регистрацию, прописку, предоставлять место в своей квартире (комнате)	12,8	13,6
Давать работу в своем бизнесе	7,2	9,6
Использовать свои связи (направить к нужному человеку), чтобы помочь ему получить регистрацию, прописку, работу, жилье и т. д.	20	68
Помогать ему советом, нужной информацией о том, куда можно пойти работать, куда вложить деньги, где найти жилье и т. д.	45,6	44,8
Помогать в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т. д.	38,4	35,2

⁷ Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса (на примере азербайджанского этнокультурного анклава): Аналит. отчет / Рук. проекта В. Мукомель. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. Опрошено 200 респондентов, методика И. М. Кузнецова.

⁸ Там же. С. 223.

Сеть трансфертов является важным, а часто и единственным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию на рынке труда. Большинству опрошенных такая система поиска и распределения рабочих мест кажется сама собой разумеющейся и никак не проблематизируется:

Мужчина 28 лет: "Ты сейчас не устроишься в автосервис. Нужно только по знакомству, через родственников". "Ну, мне хотелось бы, конечно, в приличную фирму устроиться... Но это надо хорошие связи иметь".

В рамках этого восприятия сетевых ценностей, обеспечивающих фактически выживание в инокультурной среде, происходит активное неприятие (отрицание) инокультурных ценностей и норм поведения. Полагая, что принявшая (включившая) его социальная сеть – единственно возможное пространство-место его взаимодействия и существования, он боится стать "чужим", потерять "нужную идентичность", быть выброшенным из сетевого сообщества. За этим восприятием стоит убеждение, что все включенные в сеть обязаны разделять одни и те же этнокультурные ценности, следовать "общепринятым" в данной среде нормам поведения, поскольку эти лежащие на поверхности символические ценности являются, на его взгляд, главным критерием, определяющим включение/исключение из сети и позиционирующим его как "свой-чужой".

Более того, в условиях агрессивного инокультурного окружения, каким являются современные полиэтнические города с их теневой структурой покупки-продажи разрешительных услуг (на регистрацию, проживание, торговлю), частыми проверками паспортного режима, в условиях, когда внешней средой непрерывно подчеркивается его инаковость, происходит восприятие иных культурных традиций и норм через призму угрозы.

Воспринимаемые культурные отличия тесно переплетаются с социальными проблемами, практиками повседневной дискриминации, и на фоне обостренного чувства угрозы своей инаковости складывается эмоционально-психологическая солидарность "своих" против "чужих". Часто под "чужими" мигрантами понимается категории "все", "местные".

На "службу" укрепления этнокультурных различий оказалось поставлено мощное средство институционализации различий – язык. Язык вражды (hate speech) оказался доминирующим в повседневном дискурсивном пространстве взаимодействия местного населения и мигрантов. Использование языка вражды прямо и косвенно способствует возбуждению межэтнической и/или религиозной вражды. Его тезаурус наполнен высказываниями о моральной, культурной и другой инаковости, неполноценности и отстроен на иррациональном восприятии страхов, слиянии культурных категорий с образом "чужого". Под воздействием этого мощного инструмента со стороны автохтонного населения у мигрантов складываются ощущение полной изолированности от местного сообщества, боязнь психологического и физического насилия над собой и членами своей семьи, близкими.

Относительно высокий уровень конкуренции на рынке труда, низкий уровень толерантности способствует тому, что в целом складывается негативное отношение к мигрантам, и каждому проступку недавно прибывшего придается этническая окраска. Описания проступков, в том числе и в СМИ, сопровождается коннотацией: "они не хотят жить по нашим законам", из-за этого "страдают наши (местные) интересы". Неудачные попытки совместных с национально-культурными центрами акций приводятся в пример неспособности интеграции со стороны мигрантов, а не местных жителей. Готовность и способность местного населения к взаимной интеграции, как правило, даже не рассматривается, будь то статьи в СМИ или концепции национальной политики. Априорно предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов.

Таким образом, в условиях достаточно интенсивных негативных внешних факторов происходит "стягивание" этноконтактных зон, происходит снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Отношения с мигрантами, выталкиваемыми на периферию общественной, социальной и политической жизни, складываются предельно инструментально и включают в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением остаются лишь "буферные точки" – люди либо небольшие группы людей, которые пользуются относительным доверием как с одной, так и с другой стороны. Это своего рода информационные "посредники", как правило, тесно включенные в теневую систему покупки-продажи разрешительных услуг, главной функцией которых является урегулирование отношений между группой (общиной) и лицами, действующими от имени местного населения (представители УВД, паспортных столов, торговой инспекции и т. д.).

Все эти факторы приводят к тому, что символическая граница между группой недавних мигрантов и местным населением часто становится "реальной стеной". Отказ местного населения, органов власти от активного вмешательства в процесс интеграции под предлогами декларируемой этнокультурной толерантности, политики невмешательства в инокультурное и религиозное поле приводит к тому, что у недавнего мигранта оказывается порой единственная возможность восстановления/сохранения культурного и символического капитала – это быть включенным в систему регенерации этнокультурных ценностей, происходящей внутри общины, и с использованием социальных сетей обмена.

На наш взгляд, можно выделить следующие ключевые факторы, приводящие к этноцентричному восприятию взаимоотношений "мигрант – местное население" и сужению этноконтактных зон между общиной и автохтонным населением:

- Отсутствие необходимого числа каналов коммуникации между общиной и местным населением, обладающих доверием и обеспечивающих информационную взаимную интеграцию.

– Низкая толерантность принимающего населения, обусловленная отсутствием опыта межкультурного взаимодействия в современных социально-экономических условиях. Сюда же можно отнести отсутствие четких учебно-образовательных программ по развитию толерантности как элемента структуры общечеловеческих навыков в системе начального и среднего образования.

– Неготовность и нежелание местного населения к интеграционным процессам, предполагающие, что усилия по интеграции должны исходить от представителей миграционных сообществ ("...нет, ну почему мы должны что-то менять? Мы здесь всегда жили и будем жить! Им надо? Вот пусть они и подстраиваются под нас!...").

– Превалирование негативных этнических стереотипов, основанных на искажениях общественного сознания, мифах и слухах, ротация которых происходит в СМИ и повседневном дискурсе местного населения.

– Эффект "культурной интервенции" – страх автохтонного населения за утрату собственных, местных традиций, обычаев.

– Стремление к унификации ("...все "кавказцы", даже если он таджик...") по внешним атрибутам. Местные жители, как правило, не способны к дифференциации мигрантов по этнокультурным маркерам. Ряд исследований подтверждает это особенно наглядно, показывая, что подавляющее число респондентов ассоциируют мигранта с "лицом кавказской национальности", хотя официальная статистика показывает, что основным регионом исхода являются республики Средней Азии и Казахстан⁹.

– Отсутствие внятных перспектив последствий интеграции для местного населения. Отсутствует работа местных органов власти и общественных организаций, направленная на разъяснение положительных черт миграции (привнесение культурного и этнического разнообразия, восполнение естественной убыли населения, в том числе и экономически активной, в трудоспособном возрасте в условиях растущей депопуляции и т. д.).

– Расколотый рынок. Сложившаяся система сепарации на трудовом рынке привела к тому, что практики дискриминации и, фактически, расизма в сфере трудовых отношений стали повсеместной порочной практикой.

– "Высокие" требования к знанию языка и специфике работ. Этот фактор тесно связан с предыдущим и, возможно, является его следствием. В общественном мнении мигрант, – человек, имеющий низкий уровень образования и культуры. Однако результаты нашего эмпирического исследования, результаты исследований коллег и официальная статистика подтверждают обратное. Согласно полученным данным образовательный и квалификационно-профессиональный уровень при-

⁹ Бадыштова И. М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социологические исследования. 2003. № 3 С. 38-46.; Титов В. Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41-50.

бывающих в Россию значительно выше, чем у принимающего населения¹⁰. На наш взгляд, этот фактор является одной из самых весомых дискриминационных характеристик, поскольку позволяет проводить скрытую дискриминацию в условиях социально-экономической конкуренции за высокооплачиваемые места.

– Связь террористической угрозы и этничности/религиозности. Относительно новый фактор, ставший играть существенную роль в последние несколько лет. Местное население рассматривает возросший уровень террористической угрозы исключительно в ключе этничности, полагая, что основными носителями идей терроризма являются представители "чужих" этнических групп, прибывших недавно. Циркулирующая в СМИ информация о террористических актах, как правило, окрашена в этнические тона, что, в свою очередь, формирует и окончательно укрепляет представление о связи этничности и терроризма ("...ну, послушай, – какой смысл нашим, русским это делать? Это все – гости с юга...").

Проанализировав эти факторы, можно сделать вывод, что существует как минимум три измерения, определяющие возрастание социально-культурной дистанции (в понимании Р. Парка), влияющей на величину замкнутости и закрытости (изолированности) общины:

- экономическое измерение;
- социокультурное измерение;
- социально-психологическое измерение.

При этом первичную роль, на наш взгляд, выполняет социокультурное измерение, поскольку социокультурные (в частности, этнокультурные) маркеры являются наиболее яркими. На их основании производится "обыденная типизация" по принципу "свой-чужой", проецирующаяся на социально-психологическую плоскость взаимоотношений, где, в свою очередь, происходят формулирование основных принципов межличностных кросс-культурных взаимоотношений, выработка и закрепление повседневных практик взаимодействия, их аргументация.

В конечном итоге эта система повседневной аргументации привносится в сферу социально-экономических отношений (наем рабочей силы, формы и методы стимулирования, социального контроля и т. д.)

В. Мукомель в своей работе придерживается сходного набора факторов, считая, что важнейшими из них, влияющими на адаптацию мигрантов, являются¹¹:

- доступность важнейших составляющих социальной среды (рынки занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания);
- социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом;

¹⁰ Амелин В. Мигранты в Оренбуржье. Проблемы социальной адаптации. Оренбург, 2000. С. 13.

¹¹ Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 217.

– этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиции посылающего общества;

– различия в установках на адаптацию разных групп мигрантов, определяемые соотношением в миграционном потоке временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в данном конкретном месте;

– исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской;

– развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия.

При этом, результаты исследований показывают, что мигранты достаточно трезво относятся к существованию границ, барьеров между ними и принимающим сообществом.

Более половины опрошенных уверены, что "горожане" (коренные жители городов, где проводилось обследование) никогда не будут принимать мигрантов за своих, однако около половины из них считают, что в данных городах можно жить постоянно. Характерным является то, что подавляющее большинство считает, что жить надо по своим обычаям и традициям, но на улице (в публичной сфере) стремиться быть как все.

Таблица 2

Адаптационный потенциал представителей армянской общины ¹²				
Распределение ответов на вопросы о готовности к аккультурации, %				
Насколько Вы согласны со следующим высказыванием...	Да, согласен	И да и нет	Нет, не согласен	Не знаю
В образе жителей г. Балаково (г. Саратова) есть особенности, с которыми трудно примириться	32,1	21,2	20,1	27,5
	42,3	27,2	12,4	18,1
Балаковцы (саратовцы) никогда не будут считать армян своими	56,2	17,5	14,2	12,1
	62,3	19,3	11,2	7,2
В г. Балаково (г. Саратове) можно работать и зарабатывать, но нормально здесь жить невозможно	25,4	32,1	34,2	8,3
	21,3	34,2	26,5	18,0

¹² Данное обследование проводилось в рамках исследования дискриминации на рынках труда, по методике В. Мукомеля, Центр этнополитических и региональных исследований, ИС РАН в 2004 году. См.: Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 246. п.43. Обследование проводилось в двух городах области – г. Балаково – опрошено 250 чел., (числитель) и в г. Саратове – опрошено 400 чел., (знаменатель).

Адаптационный потенциал представителей армянской общины¹²
 Распределение ответов на вопросы о готовности к аккультурации, %

Насколько Вы согласны со следующим высказыванием...	Да, согласен	И да и нет	Нет, не согласен	Не знаю
Армяне, в отличие от некоторых других народов, не склонны устраивать свой дом на чужбине	12,2	23,2	34,5	30,1
	11,3	24,3	38,4	26,0
г. Балаково (г. Саратов) – русский город, и жить здесь надо согласно русским традициям и обычаям	45,3	31,1	21,1	2,5 -
	38,3	46,4	24,3	9,0
В городе на улице надо стремиться быть как все, но в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции своего народа	65,8	8,2	3,8	22,2
	78,2	7,2	4,5	10,1

Добровольная сегрегация общин этнических мигрантов – это осознанная стратегия приспособления/адаптации в принимающем обществе, обусловленная низкой готовностью ядра общины к интеграционным процессам. Н. Маликова отмечает, что "...для отдельных этнических меньшинств мигрантов характерно это состояние принципиальной аномии, когда они – чужаки в обществе, объект ксенофобии со стороны представителей этнического большинства. Это не только их положение в обществе, но и групповое мировоззрение (выделено мной – К. С.), обособляющее их в изолированную, либо слабо адаптированную общину. Полноценная межэтническая интеграция в общество для них недостижима вследствие известных нормативно-правовых ограничений или этнодискриминационной практики"¹³. Здесь необходимо отметить, что это – выбор части мигрантов, часто не большей. Во всех обследованных общинах были и те, кто осознанно стремился к интеграции в принимающее сообщество, однако по ряду объективных причин (незнание языка, физические недостатки и т. д.) не может, но тем не менее наращивает дистанцию по отношению к своим соотечественникам¹⁴.

¹³ Маликова Н. Этносоциальные проблемы конфликтогенности миграции в современной России: Научный доклад. М., 2004, С. 6.

¹⁴ Нужно отметить, что целевые установки на адаптацию – всегда индивидуальные. "Стратегия общины" – инструментальный термин, предполагающей, что это установки разделяемые большинством членов общины.

Символическое пространство интолерантности

Ю. П. Шабает

На интернет-сайте Московского бюро по правам человека в июне 2008 г. появилось сообщение о том, что "в отношении хулигана, повесившего на площади в Ухте оскорбительный манекен с надписью "чурка" с прикрепленным к нему муляжом взрывного устройства, следственный отдел по городу Ухте (Республика Коми) возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ ("возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства")"¹.

Город Ухта – своего рода индустриальная столица Республики Коми. 21 июня в городском парке культуры и отдыха на 12 часов было запланировано проведение общегородского праздника "Сабантуй", организованного татарской национально-культурной автономией. Подозреваемый в совершении указанного деяния учащийся одного из технических училищ изготовил манекен и прикрепил к нему табличку из фанеры с указанной надписью. Затем рано утром повесил манекен на дерево в парке и, чтобы его не сняли, прикрепил к манекену муляж взрывного устройства. Подозреваемый был быстро задержан. На дознании он признался, что испытывает неприязнь ко "всем кавказцам", татарам, узбекам...

Сам подозреваемый является выходцем из сельского Усть-Цилемского района, где основное население – русские и представители других этнических групп мало. Казалось бы, в той среде, в которой рос и воспитывался этот парень, не должно возникать расовой неприязни. Но, как оказалось, важен не столько личный опыт, как те общественные настроения, которые регулярно распространяются.

Что же побудило молодого человека выразить "свои" антипатии столь странным способом? Как заявил сам подозреваемый, взяв в библиотеке училища учебник по немецкому языку, он нашел в нем выпуск газеты, изданный одной из националистических организаций. Лозунг "Россия для русских" и другие ксенофобские материалы оказались созвучны его настроениям, и он "решил бороться против нерусских".

Еще ранее, в прошлом году родители младших школьников одной из школ Ухты обратились в прокуратуру по поводу избиения их детей старшеклассниками, заявляя, что в Ухте назревает межэтнический конфликт. Дело в том, что главным обидчиком их детей выступил ученик, чьи

¹ <http://www.narodru/artidel17461.html>.

родители не только являются выходцами из Азербайджана, но при этом отец ребенка, будучи предпринимателем, возглавляет местное закавказское землячество. На упреки родителей он внимания не обращал и всячески потакал своему невоспитанному чаду. Реакция родителей понятна, но стремление трансформировать школьный скандал в противостояние на уровне этнических общин служит тревожным индикатором.

В Ухте, как и во многих других городах и районах республики, есть группы скинхедов. В частности, здесь действует группировка "Питбуль", члены которой избивают представителей нерусского населения города, а общая ситуация в сфере межнационального взаимодействия характеризуется некоторыми местными экспертами как довольно тревожная.

Стоит заметить, что Ухта как город появилась на карте страны в 1943 г. и являлась до этого, как и в случае с большинством других городов республики, лагерным поселком, где содержались заключенные ГУЛАГА. Республика Коми, которая получила статус автономии еще в 1921 г.², первоначально была фактически моноэтнической, ибо более 90% ее населения, согласно данным переписи населения 1926 г., составляли коми. Здесь же проживали и небольшие группы русского старожильческого населения, а также ненцы. Ситуация стала меняться с 1929 г., когда на данную территорию стали прибывать спецпереселенцы – раскулаченные крестьяне из разных регионов страны. С начала 1930-х гг. Коми превращается в один из главных центров ГУЛАГА, а общее количество заключенных в конце того десятилетия составляло 100 тыс. чел., тогда как все население республики было около 300 тыс. Руководство области само ходатайствовало перед правительством страны о присылке как можно большего числа заключенных, ибо видело в них единственно возможную рабочую силу на Севере.

ГУЛАГ был полиэтническим: в Коми ссылали поляков, немцев, литовцев, эстонцев, финнов, азербайджанцев, узбеков и представителей многих других народов. В 1941 г. после массовых выселок людей с территорий, прежде принадлежавших Польше, в городе Сыктывкаре, в котором до этого преобладали коми, повсюду была слышна польская речь. В городе даже была создана польская школа. Спецпереселенцам и заключенным лагерей строго запрещалось контактировать с местным населением, и потому ГУЛАГ не стал для местного населения "школой интернационализма". Две социальные и этнические среды в республике существовали длительное время как бы параллельно, не вступая в тесное взаимодействие.

Ситуация резко изменилась во второй половине 1950-х гг., когда началось массовое освобождение заключенных лагерей. Тогда же в

² Как автономная область, с 1936 г. Коми – автономная республика.

республику на лесоразработки, угольные шахты и нефтепромыслы стали прибывать тысячи вольнонаемных. Именно в те годы начинается резкий рост межэтнических браков, а местные коми превращаются из большинства в этническое меньшинство, доля которого в населении неуклонно снижается.

Столь резкое изменение этнического состава населения стало одновременно и наглядной иллюстрацией к утвердившемуся в 1970-е гг. концепту советского народа как "новой исторической общности людей", как надэтническому сообществу. Интервьюеры тогда (и позже) с полной искренностью и убежденностью говорили этнографам, что скоро все народы страны перемешаются и станут похожи друг на друга. Будущее "смешение" в те годы не воспринималось как некая культурная трагедия. Между тем, полной гармонии в отношениях между представителями различных этнических групп не было и тогда. Русское большинство республики воспринимало местных коми как неких социальных аутсайдеров, а некоторая часть бывших заключенных воспринимала титульное население вообще достаточно враждебно, ассоциируя его с теми, кто был "по ту сторону проволоки". К рыночным торговцам-азербайджанцам, привозившим в республику весной гвоздику и мандарины, тоже отношение было негативное ("спекулянты"). Однако негативные стереотипы уравнивались идеологическими штампами и укоренившимися обывательскими стереотипами о "дружбе народов".

Штампы стали разрушаться во второй половине 1980-х гг., когда в стране возникли открытые конфликты, а на политической арене появились этнические движения и организации. Лидеры этих движений, утверждая, что их главная цель – сохранить язык и культуру своего народа, фактически действовали на подрыв гражданского согласия. Чего стоили одни только лозунги, мол, никакого "общего дома" у граждан быть не должно и "каждый народ должен иметь свою квартиру" (почти дословно цитирую одного из бывших министров, возглавлявших Миннац республики).

На протяжении почти 15 постсоветских лет в основе региональной этнонациональной политики лежала идея этнической сепарации. Конечно, ответственные лица не призывали к тому, чтобы этнические общины огородились одна от другой, но, в первую очередь, поддерживалось стремление этнических элит к культивированию отличительности "своего народа", и ничего не делалось для пропаганды гражданского согласия и, тем более, для утверждения идеи гражданской нации, идеи российскости.

Радикалы из среды движения коми (которые затем заявили о своей оппозиции к нему) устраивали откровенно провокационные акции. Особенно заметной в этом плане была "правозащитная" партия "Дорьям Ась-

нымос", выступавшая против "колониального режима и колониальной политики", "чтобы не допустить участи чеченцев и полного уничтожения коми на своей земле"³. Одна из активисток партии Н. Красильникова даже выпустила брошюру, в которой утверждалось, что Республика Коми – это собственность народа коми, который здесь полный хозяин и должен диктовать всем остальным этническим общинам, как себя вести. При этом прокуратура тогда на многочисленные провокационные заявления и материалы внимания не обращала.

Впрочем, некой гарантией, что действия национал-радикалов не смогут влиять на общественное мнение, служило то, что межэтническое взаимодействие в повседневной жизни было очень интенсивным. Трудовые коллективы в большинстве своем состояли из людей разной этнической принадлежности, а по доле межэтнических браков республика была на одном из "первых мест" в стране. В конце 1980-х гг. из каждой 1000 браков 377 были заключены между представителями разных этнических групп. Сегодня эта тенденция сохраняется. У коми половина всех браков в последние десятилетия – это браки межнациональные. Поэтому не случайно, что среди всех групп населения этнонациональные организации пользовались довольно ограниченной поддержкой⁴.

Как показали в середине прошлого десятилетия результаты опросов, в массовом сознании продолжало сохраняться восприятие России как "общего дома" для всех населяющих ее народов⁵. Вместе с тем общереспубликанский опрос того времени показал, что межэтнические отношения в Коми приобрели довольно проблемный характер. Опрашиваемые указывали на некоторые этнические общины, к интеграции с которыми не были готовы. Наибольшая степень недоверия была высказана в отношении азербайджанцев, грузин, армян, чеченцев и представителей среднеазиатских народов. Вариант культурной адаптации представителей этих групп ни русскими, ни коми респондентами не поддерживался, а треть всех респондентов выступала за то, чтобы названные этнические группы уехали из республики.

Если бы власти республики последовательно вели линию на укрепление гражданской солидарности, на формирование общереспубликанской идентичности и пропаганду культурного и политического единства россиян, многое могло бы измениться в общественном восприятии за последующие годы. Но усилия так называемой национальной политики направлялись на поддержание в массовом сознании идеи

³ Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Т. 2. М., 1997, с. 274.

⁴ Вестник Государственного Совета Республики Коми. 1996. № 3.

⁵ 69% респондентов в ходе опроса, проводившегося в рамках реализации программы Социально-психологического мониторинга РК, согласилось с этим в 1996 г.

этнического разделения и иерархии. Привычные штампы из лексикона республиканских властей "коренной народ", "некоренное население". Основное направление такой политики – выделить главную группу народов, укрепив якобы тем самым финно-угорское единство.⁶

Между тем, западные "родственники" не рассматривают культурные контакты с коми и другими "восточно-финскими народами" в терминах безусловного единства, как это делают чиновники и этнические антрепренеры в российских регионах. Идея "финно-угорского мира" была предназначена только для внутрисоветского употребления, поскольку, к примеру, в Финляндии (в Эстонии и Венгрии схожая ситуация) постоянно подчеркивается, что российские финно-угры – это *kielisukulaiset*, т. е. только родственники по языку и не более.

Но в России финно-угорское единство абсолютизируется, и активисты вкупе с чиновниками стремились представить финно-угорские народы как бы отдельно от культурного пространства страны. Псевдонаучная идея приобретала на практике порой совершенно нелепые формы. Стали, например, проводить... конкурсы красоты финно-угорских девушек или боксерские турниры финно-угорских боксеров. А недавно власти Коми выступили с инициативой проводить у себя ежегодно летние и зимние игры для финно-угорских народов⁶.

Политика, направленная на разрушение единого гражданского самосознания, дала свои плоды. По данным опроса РОМИР, проведенного в республике в 2000 г., только треть респондентов заявила, что жители Коми составляют единое сообщество, объединенное общими интересами и общими целями.

Другое следствие упомянутой политики – рост интолерантности. Об этом свидетельствуют данные общереспубликанского опроса, проведенного нами в 2004 г. Среди ксенофобских настроений особенно сильно проявлялась, по данным исследования, "кавказофобия" и вообще неприятие в отношении "выходцев с юга". Только 34,9% респондентов сказали, что для них не существует национальностей, которые вызывали бы у них реакцию отторжения. При этом 40,2% опрошенных заявили, что не доверяют представителям кавказских народов. На общественные настроения оказывают воздействие не только старые предрассудки и стереотипы, но и реальности современного мира. В частности, к таковым относится угроза мусульманского экстремизма, по поводу которой средства массовой информации пишут с завидной регулярностью. Эта угроза провоцирует рост недоверия к мусульманам вообще. По данным указанного опроса, негативное отношение к рос-

⁶ Шучалина Дарья. Федерация лыжных гонок поможет Коми в организации финно-угорских игр//finougor.ru.

сийским мусульманам высказали 26,9%, что вдвое превышает долю тех, кто заявил о своем позитивном отношении к представителям этой конфессии.

Очевидно, что с разделенным обществом, каковым было и остается население Коми, не может успешно интегрироваться культурно отличный мигрант. Скорее, он предстанет для общественного мнения как угроза, еще один "чужой" и "некоренной".

Свидетельством роста ксенофобских настроений в республике стало увеличение количества национал-радикальных групп. Выросло количество акций, предпринимаемых этими группами. За последние два года в республике буквально массовыми тиражами распространялись листовки, возникали надписи на стенах домов и заборах, направленные против представителей кавказских народов. Если 1990-е гг. характеризовались активной деятельностью этнонациональных и этнокультурных движений и организаций и их полным доминированием на поле общественной активности, то в 2000-е гг. их потеснили группы скинхедов, организаций национал-патриотического и антимигрантского толка.

Первая группа скинхедов возникла в Сосногорске в конце 1990-х гг., и их тогда не воспринимали всерьез, но затем эти группы появились повсеместно. В 2005 г. ряды национал-радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Юрий Ежишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. В этот день члены Союза вышли на центральную площадь Сыктывкара под лозунгами "Русскую нефть – в русские руки", "Остановим оккупацию нашей земли". Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами "Русские, вооружайтесь", "Россия против оккупантов!". Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. В тексте листовок также указывалось: "Миллионы иностранцев незаконно переселяются на наши земли... захватывая целые сферы экономики, промышляя наркотиками, оружием, поддельной водкой и фальшивой валютой, осуществляя грабеж, насилие над коренным населением, эти преступные элементы почувствовали себя полноправными хозяевами России". Далее следовало заявление о том, что через 20 лет мигранты станут полными хозяевами страны, и выдвигалось требование "ограничить иммиграцию", ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, "радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов" и следовало напоминание: "наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!". Среди листовок, распространяемых от имени Движения против нелегальной иммиграции, с которым солидаризировался Союз национального возрождения, были лис-

товки с текстом "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Славянка! Русская честь дороже кавказских денег". Характерно, что сам лидер организации имеет глубокие местные корни и в лозунгах его организации очень часто присутствовал призыв типа: "Русские и коми объединяйтесь против мигрантов, против кавказцев".

В 2007 г. Екишев был осужден на полтора года колонии-поселения, а затем наказание было ужесточено, поскольку ему были инкриминированы еще несколько противоправных деяний. Но часть республиканской общественности восприняла наказание как не вполне адекватное, ибо осудили "талантливого писателя". В колонию-поселение к Екишеву даже выезжала бывший министр по делам национальностей. Ни СМИ, ни политическая элита не воспользовались случаем, чтобы начать создавать вокруг ксенофобов атмосферу нетерпимости, вести кампанию по укреплению гражданского согласия в республиканском социуме. Более того, и правозащитники, и часть медийного пространства открыто стала поддерживать ксенофобские выступления, рассматривая их как стремление к защите свободы слова⁷.

В результате в Коми сложилась ситуация, которая благоприятствует росту ксенофобии. Гражданская солидарность крайне слаба, и никаких целенаправленных мер по ее укреплению не предпринимается, отношение к ксенофобам в целом лояльное и со стороны прессы, и со стороны интеллектуальной элиты, а в визуальном пространстве городов и поселков повсеместно присутствуют антимигранские, антикавказские, антисемитские лозунги, одобренные фашистской символикой.

В Республике Коми ксенофобские лозунги – в числе основных тем граффити. Образчики "настенной живописи" можно обнаружить как в городе, так и на селе. А социальной рекламы и систематического информационного воздействия на аудиторию с целью формирования культуры толерантности просто не существует.

Именно в городах ксенофобские выступления и опасность межэтнических конфликтов сегодня довольно высока, причем даже там, где население давно сформировано из крупных этнических общин. Таким городом, например, является нефтяная столица Коми Усинск. Здесь помимо русских, коми, украинцев есть большая татарская и башкирская общины, здесь много таджиков и выходцев с Кавказа. Но в прошлом году именно здесь возник конфликт. Представители малого бизнеса обвинили выходцев с Кавказа в попытке монополизировать местный рынок розничной торговли, а городские власти – в потворстве этим попыткам.

⁷ Шабает Ю. Ксенофобия как повседневность // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 78, 2008.

Если ничего не предпринимать, в перспективе конфликты неизбежны. Доля отдельных этнических общин в составе населения республики сокращается (так, почти вдвое сократилось число украинцев и татар между переписями населения 1989 и 2002 гг.). Доля же представителей кавказских народов не меняется, а численность азербайджанцев в республике возросла на 50%. Есть основания полагать, что в дальнейшем доля названных этнических групп возрастет.

Лидеры этнокультурных организаций азербайджанцев, грузин, армян стараются поддерживать добрые отношения не только с властями, но и с представителями других общин. Но вместе с тем они все чаще говорят о многочисленных проблемах, которые мешают нормальной жизни, и о неготовности по этой причине определенной части своих соплеменников к интеграции с местным сообществом.

Понимание того, что в региональной этнонациональной политике должны быть изменены ориентиры, уже пришло. Об этом свидетельствует тот факт, что республиканский финно-угорский культурный центр переименован в Дом национальностей, что все чаще политики говорят о культуре толерантности и необходимости укрепления гражданского единства.

Но вместе с тем нет еще понимания того, как именно следует добиваться этого самого гражданского единства. Все акции, направленные на поддержание единства, носят, как и в советские времена, парадный характер. Не создаются стимулы для распространения стереотипов толерантности и гражданской солидарности. Чиновники все также используют прежнюю риторику "коренной-некоренной". Нет, наконец, и программы культурной интеграции, как нет и понимания ее необходимости.

Киргизия против ксенофобии в России

А. А. Хопёрская

4 февраля 2008 г. представители киргизской диаспоры в России распространили заявление в связи с убийствами в России пяти граждан Киргизии. В нем высказана чрезвычайная обеспокоенность "создавшейся в последние годы ситуацией, связанной с обеспечением безопасности граждан, ростом преступлений на почве национальной и расовой нетерпимости, проявления ксенофобии и национализма". В заявлении говорится, что это результат деятельности на территории России "националистически настроенных групп", с сожалением констатируется: "великий российский народ, победивший фашизм, в основной своей массе безмолвно наблюдает за происходящим. Эти националистически настроенные группы забыли, а, может быть, и вовсе не знают, что в борьбе за освобождение нашей общей Родины во время Великой Отечественной войны погибли тысячи киргизстанцев, чьи дети и внуки сейчас живут на российской земле". Вслед за этим заявлением в общественном дискурсе Киргизии тема усиления ксенофобии в России заняла ведущее место.

Ассоциация киргизских диаспор России и Казахстана "Замандаш" распространила информацию о том, что в 2007 г. в России погибли 350 киргизских граждан, при этом, судя по тексту заявления, все они стали жертвами "нападений фашиствующей молодежи". Заметим, что по данным Московского бюро по правам человека, в 2007 г. на территории Российской Федерации зафиксировано "230 случаев нападений и конфликтов на почве ксенофобии. В них погибли 74 чел. и не менее 317 получили увечья".

Представители неправительственных и правозащитных организаций КР приняли Обращение к президентам Киргизии и России, в котором говорится: "Мы выражаем свою глубокую обеспокоенность убийствами граждан КР в РФ. У киргизстанской общественности нарастают опасения, что эти убийства совершаются на основе расовой нетерпимости. Мы требуем эффективного расследования и привлечения к ответственности лиц, совершивших убийства наших сограждан. Мы призываем руководство Киргизстана и России проявить политическую волю и принять все необходимые меры для предотвращения всех форм расовой дискриминации и ксенофобии".

Лидеры общественных организаций, представляющих киргизскую диаспору в России, обратились к Президенту КР К. Бакиеву с просьбой о встрече с ними во время его визита в Москву для участия в неформальном саммите СНГ, чтобы "рассказать ему о трудностях, с которыми сталкиваются трудовые мигранты, а также о тревожной ситуации в связи с участвовавшими жестокими нападениями на гастарбайтеров в Москве и Санкт-Петербурге".

У здания посольства России в Киргизии 22 и 29 февраля прошли акции протеста "против ксенофобии и участвовавших нападений скинхедов на киргизстанцев в России". В акциях участвовали активисты правозащитной группы "Кылым шамы", Молодежной правозащитной группы, Центра защиты прав граждан и ряда других неформальных организаций. Они требовали "найти и наказать виновных". Но акции были немногочисленны (до 20-30 чел.) и непродолжительны (немногим больше часа). С пикетчиками побеседовал пресс-секретарь Посольства В. Харченко, который заявил: "Главное – не потворствовать попыткам превратить статистику преступлений в повод для международного скандала".

В то же время Посольство Киргизии в России обратилось с нотой в МИД, МВД и Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой привлечь виновных к ответственности. Председатель Государственного комитета КР по миграции и занятости А. Рыскулова заявила: "Горько получать информацию о том, что наши соотечественники попадают в такую беду. Мы видим тенденцию к увеличению количества преступлений, совершаемых скинхедами в России. Руководство нашей республики осудило их действия". Принято решение о том, что семьям погибших трудовых мигрантов правительство Киргизстана окажет поддержку. В частности, государство берет на себя бесплатную доставку их тел для захоронения на родине. Семьям пострадавших будет оказана помощь "в найме юристов, чтобы они могли подать в суд для получения компенсации".

Парламент подготовил обращение к Госдуме и Совету Федерации Федерального собрания РФ, в котором говорится: "Киргизстан всегда с искренним уважением относится к общей истории киргизского и русского народов, в которой нам пришлось пережить достаточно сложные события и этапы – две мировые войны, Октябрьскую социалистическую революцию, 70-летний период СССР и многое другое. И мы в сердцах храним теплоту и благодарность российскому народу за братскую помощь и заботу в становлении киргизской государственности <...> Хотелось бы отметить, что древняя история, культура, традиции и толерантность киргизского народа всегда вызывали добрые и искренние чувства россиян. И это очень важно для нас, особенно сейчас, когда тысячи наших соотечественников проживают в качестве трудовых

мигрантов в России <...> Вместе с тем, основываясь на наших многолетних конструктивных отношениях, парламент Киргизстана – Жогорку Кенеш Киргизской Республики выражает серьезную озабоченность и глубокое сожаление по поводу участившихся убийств граждан Киргизской Республики в городе Москве и увеличения количества подобных преступлений в Российской Федерации в отношении граждан Киргизстана, и просит Государственную Думу и Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации принять меры по обеспечению безопасности наших граждан, проживающих на территории России, также взять под особый контроль расследование уголовных дел по данным фактам".

В ходе обсуждения проекта обращения депутат парламента А. Мамасалиев счел его излишне дипломатичным и заявил о необходимости составить, в отличие от предложенного проекта, четкое и конкретное обращение. "Последние убийства не позволяют нам дипломатично отмаливаться. Мы должны подчеркнуть, что Россия обязана соблюдать международные обязательства. В связи с последними убийствами мы должны подчеркнуть, что в нашем обществе среди населения Киргизстана формируется неблагоприятная атмосфера взаимодействия с Россией". По мнению депутата, парламент КР должен в своем обращении к российским коллегам подчеркнуть, что это не просто убийства, а убийства, связанные с национальной рознью, и что эти убийства осуществляют радикальные организации, задача которых — разжечь межнациональную рознь и ухудшить взаимоотношения Киргизстана с Россией.

Неправительственные организации поставили вопрос об ответственности за случившееся не только в адрес российской власти, но и в отношении органов власти Киргизии. Лидер ассоциации "Замандаш" Ж. Абдулаев заявил: "В последнее время убийства на национальной почве участились. Власти других государств мгновенно реагируют на такие факты, у нас работает целый государственный орган по миграции, и никакой реакции". К его критике присоединились депутаты парламента Киргизстана С. Кадыралиев и Р. Отунбаева, которые считают, что за убийство киргизстанцев в России, в первую очередь, необходимо призвать к ответственности посла КР в РФ Р. Атакурова. "Посольство КР в России не имеет никакой ценности для киргизстанцев, работающих там. Наши дипломаты ничего не делают для трудовых мигрантов. В это посольство даже не попадешь на прием". Было сказано также, что посол КР в РФ ни разу не выступил с публичным заявлением по факту убийств киргизстанцев. "Такой посол не может защитить интересы Киргизстана и его граждан".

Депутат Э. Акрамов предложил иной взгляд на ситуацию: "Мы видим на экранах телевизоров шагающих по улицам фашистов, как это было

в 1940-е гг. Мы были свидетелями того, как погибали "лица кавказской национальности <...>. Не будем забывать и о своих "ошских событиях". Мне кажется, мы направляем силы не туда, куда нужно". Он предложил: "подойти к вопросу разумно: не обострять межгосударственные отношения и в то же время помнить о том, что Киргизстан должен иметь свое лицо. Нельзя давать укореняться идее, способной разрушить все и вся, идее национализма, и нельзя идти у нее на поводу".

Бывший сотрудник МИД КР, а ныне независимый эксперт Б. Джунусов опубликовал статью, растиражированную республиканскими СМИ, под названием "Умение понимать другие народы", в которой изложены достаточно жесткие обобщения. "Что-то не то творится с Россией. Люди боятся ездить в Россию, <...> зная, что в любой момент они могут подвергнуться насилию, моральному унижению или погибнуть от рук молодчиков". "Движение националистов принимает еще более организованные и массовые формы. За это время прошли погромы в Кондопоге. Теперь российские расисты его гордо называют "городом-героем". В России под Краснодаром открылся первый концлагерь для "нелегальных иммигрантов". В торжественной церемонии лично участвовал губернатор края Ткачев. После нападений в большинстве случаев задержанных националистов российские суды судят за хулиганство, а не за экстремизм и разжигание расовой и религиозной вражды. В столице России 4 ноября 2007 г. состоялся третий по счету "Русский марш". Вообще этот день определен Кремлем как праздник – День народного единства. Но почему больше всего празднуют его скинхеды, хулиганы, националисты, фашисты и расисты? "Россия для русских!", "За славянскую русскую нацию!" и "Славяне, русские, сила!" – это основные лозунги демонстрантов. Колонну празднующих сопровождает милиция, а их маршрут пролегает вдоль Дома правительства России. И ничего. Все нормально". Б. Джунусов задается вопросом: "Почему все это сегодня возможно в современной России?" И предлагает ответ, который потом неоднократно повторили местные политики и журналисты: "Вероятно, потому, что власти используют национализм как оружие в политических процессах. Видя циничные манипуляции власти с темой национализма, неудивительно, что экстремистам кажется, будто они могут безнаказанно избивать и убивать нерусских. Сегодня часть российской элиты эксплуатирует самые низменные чувства, стереотипы. В российском обществе сложилась очень сложная ситуация, когда нормальные идеи патриотизма, русского патриотизма, начинают ассоциироваться с идеями фашистскими, превращаясь в идею национального превосходства". Примечателен и вывод, к которому приводит автор читателей: "нет видимых шагов политических кругов страны к решению проблем безопасности мигрантов".

Другой известный в республике эксперт А. Князев, напротив, уверен, что "в явлении ксенофобии нет политического заказа действующей российской власти. Хотя можно нередко встретить в прессе эдакие намеки. Но есть другой политический заказ". Он считает, что "внешние силы используют Киргизстан в разжигании скандала вокруг нападения на граждан КР в России", что "повышенный ажиотаж, который проявляют СМИ в каждом случае ксенофобии и национализма в России, решает, помимо иного, и вполне определенную задачу: подпортить растущий положительный имидж РФ в мире и в странах бывшего СССР в частности". По его мнению, "непростая проблема трудовых мигрантов просто-напросто используется для нанесения ущерба и международному имиджу России в целом, и российской политике в Центральноазиатском регионе. Ведь не бывает таких случайностей, когда и всплеск внимания СМИ, и активность НПО, и поручения президента, и обсуждения в парламенте – все совпадает во времени... Я уверен, что здесь не обходится без влияния внешней силы, в последнее время весьма утратившей свои позиции в регионе".

А. Князев отмечает, что "рост национализма и самых разных фобий – этнических, религиозных, межрегиональных, расовых и так далее, и тому подобное – глобальное явление нашего времени", но в то же время Россия – "единственная из стран постсоветского пространства, которая не избрала для себя путь этнократии. В российском истеблишменте в этническом плане кого только нет... Могут ли подобным похвастаться те, кто считают себя предельно демократическими – Грузия, Украина, Киргизстан, наконец? Увы..." Более того, он утверждает, что российские соотечественники в Киргизстане, и не только славяне, а все представители нетитульных национальностей, да и русскоязычные киргизы, чувствовали на себе националистические настроения на протяжении всего постсоветского периода, временами в мягких формах, иногда острее. "Российскую милицию обвиняют в том, что все уголовные дела, связанные с преступлениями против мигрантов, возбуждаются по статье "Хулиганство". А вам известны в Киргизстане уголовные дела, связанные с обвинениями в разжигании межэтнической или иной розни, с преступлениями, имеющими этнические мотивы? Я таких дел не знаю".

О значимости поднятых вопросов, о том, что ксенофобия стала одной из острейших проблем для всего постсоветского пространства шла речь и на неформальном саммите глав государств – участников Содружества Независимых Государств 22 февраля 2008 г. Президент России В. Путин: "граждане стран СНГ, в том числе в России, сталкиваются подчас с проявлениями ксенофобии, нетерпимости и даже с преступными посягательствами на их жизнь. Мы сожалеем и сделаем все

для того, чтобы преступники были найдены, изобличены и наказаны. Будем бороться с этим неизменно и постоянно. Вместе с тем мы с вами прекрасно понимаем, что такие проявления национализма и ксенофобии непосредственно связаны с тем, как власти регулируют проблемы миграции. Именно поэтому – я уже говорил об этом ранее – мы приняли решения в сфере экономики, малого бизнеса, руководствуясь прежде всего этими соображениями, чтобы граждане стран СНГ, которые приезжают на временное проживание в Россию, либо хотят остаться на более длительный срок, были защищены, а местное население тоже не чувствовало себя ущемленным, прежде всего на рынке труда. У нас позиция открытая, ясная. Повторяю еще раз: что касается преступных проявлений – будем с этим бороться".

Прояснению позиции России в отношении трудовых мигрантов из Киргизии было посвящено интервью руководителя представительства Федеральной миграционной службы России в Киргизии В. Филиппова республиканской газете¹, опубликованном в статье "Россия стремится облегчить жизнь мигрантам. А отморожков хватает везде ...".

В публикации говорится о том, что не следует до окончания расследования уголовных дел квалифицировать их как целенаправленные преступления против киргизстанцев, и приведены следующие факты: из 14 убийств граждан КР на территории России шесть совершены гражданами КР; в 2007 г. гражданами Киргизии в России совершено 3318 уголовных преступлений, а против них – 1058. В. Филиппов считает, что одной из причин формирования антироссийских стереотипов является то, что местные СМИ мало сообщают о раскрытых преступлениях, об обезвреженных криминальных группировках.

Вскоре после неформального саммита по инициативе российской стороны состоялись встречи Посла России в Киргизстане В. Власова с руководством МВД, МИД и комитета по международным делам и межпарламентскому сотрудничеству Парламента КР, в ходе которых были обсуждены вопросы расширения гуманитарного сотрудничества. Стороны сошлись во мнении о необходимости регулярного проведения подобных встреч, которые представляют практический интерес и служат дополнительным механизмом укрепления дружбы между народами России и Киргизии.

Результатом проделанной обеими сторонами работы можно считать то, что выборы президента России, в которых приняло участие более 4 тыс. российских граждан, проживающих в Киргизии, прошли успешно, никаких провокаций или протестных акций не было.

¹ "Дело № ..." от 27 февраля 2008 г.

Кавказцы в Карелии

Е. И. Клементьев

Переписью 2002 г. в Карелии был учтен 716281 чел., в т. ч. 537395 горожан, или 75% всего населения республики. Самыми крупными по численности национальностями являлись русские (548,9 тыс. чел.), карелы (65,7 тыс. чел.), белорусы (37,7 тыс. чел.), украинцы (19,2 тыс. чел.) и финны (14,3 тыс. чел.).

Из представителей народов Кавказа переписью были зарегистрированы абазины (1, 1) (первая цифра – общая численность, вторая – горожан), абхазы (14, 13), аварцы (91, 85), агулы (18, 18), адыгейцы (12, 8), азербайджанцы (1753, 1629), армяне (1599, 1466), балкарцы (15, 14), грузины (540, 505), мегрелы (1, 1), даргинцы (175, 153), езиды (9, 9), ингуши (96, 91), кабардинцы (50, 44), карачаевцы (28, 27), кумандинцы (1, 1), кумыки (38, 33), лакцы (33, 32), лезгины (172, 138), ногайцы (5, 3), осетины (142, 125), рутульцы (14, 12), табарасаны (22, 20), цахуры (1, 1), черкесы (13, 11), чеченцы (393, 331). Всего около 5300 чел. представителей народов Кавказа из числа указавших свою этническую принадлежность. В целом доля представителей кавказских народов в Карелии невелика (0,7%). Три наиболее крупные этнические группы (азербайджанцы, армяне, грузины) составляют почти 64% кавказцев. Среди остальных этнических групп достаточно многочисленны чеченцы.

Основная часть представителей кавказских народов сосредоточена в г. Петрозаводске. Жителями столицы РК являлись абазины (1 чел.), абхазы (8 чел.), аварцы (23 чел.), агульцы (11 чел.), адыгейцы (3 чел.), азербайджанцы (1203 чел.), армяне (1037 чел.), балкарцы (13 чел.), грузины (368 чел.), ингуши (40 чел.), кабардинцы (8 чел.), карачаевцы (18 чел.), лак (5 чел.), лаки (5 чел.), лакцы (8 чел.), лезги (1 чел.), лезгины (73 чел.), осетины (67 чел.), рутульцы (7 чел.), талыши (57 чел.).

Наиболее многочисленные группы азербайджанцев проживали в Сегежском (133 чел.), Кондопожском (77 чел.) и Медвежьегорском (48 чел.) районах. Районом компактного расселения армян являлся приграничный с Финляндией Сортавальский район (106 чел.). Небольшие по численности группы грузин (от 2 до 30 чел.) расселены во всех 15 районах Карелии. Дисперсно, по несколько человек, практически во всех 15 районах были расселены лезгины и осетины. Жителями 14 районов являлись чеченцы, но основная их часть была компактно сосредоточена в Кондопожском (95 чел.) и Олонецком (53 чел.) районах.

Приток кавказцев в Карелию происходил в различные годы, но больше всего их приехало в республику в 1980-1990-е гг. Так, с 1989 г. по 2002 г. численность азербайджанцев увеличилась с 620 чел. до 1753 чел., армян с 527 чел. до 599 чел., чеченцев с 78 до 393, менее интенсивен был прирост грузин (с 366 чел. до 540 чел.). Насколько верны показатели столь быстрого прироста представителей Кавказа и Средней Азии – трудно сказать.

В настоящее время в республике действует около 40 национальных общественных объединений. Вслед за прибалтийско-финскими народами (карелами, вепсами, финнами-ингерманладцами), русскими, евреями, создавшими свои общественные организации в конце 1980-х и в первой половине 1990-х, в объединительный процесс были вовлечены и кавказцы. Во второй половине 1990-х гг. свои общественные организации создали грузины, азербайджанцы, армяне, в начале 2000-х гг. – чеченцы и ингуши. Остальные этнические группы кавказцев не объединены в общественные организации.

При всей самостоятельности общую координацию деятельности общественных объединений осуществляет созданный в 25 декабря 1996 г. Совет руководителей национально-культурных обществ и движений Республики Карелия. Основное внимание Совет уделяет вопросам взаимодействия общественных организаций, проводит совместные мероприятия, откликается на важные события в республике и в стране. Совет, в частности, обсудив события в Беслане, единодушно признал, что такие встречи способствуют сохранению спокойствия и предотвращению конфликтов в республике.

Общество грузинской культуры образовано 29 мая 1996 г. Зарегистрировано Министерством юстиции РК 15 августа 1996 г. Грузины появились в Карелии в 1930-е гг., принимали участие в строительстве Беломорканала, в советско-финской войне 1939-1940 гг. Предполагают, что в те годы какая-то часть грузин также осела в Карелии. Значительную часть членов общества составили беженцы из Южной Осетии и особенно из Абхазии.

Основные цели и задачи Общества: объединение грузинской диаспоры в РК для возрождения грузинской культуры в диаспоре, исторической памяти, духовности и просвещенности, а также содействие сотрудничеству между народами и государствами; создание условий для функционирования грузинского языка; распространение национальной грузинской культуры и искусства, литературы и истории; содействие формированию национальных творческих коллективов; изучение истории грузинской диаспоры в Карелии, ее роли в общественной и культурной жизни РК; установление и развитие культурных связей с Грузи-

ей, хранителями национальных грузинских традиций в иных регионах России и за рубежом и др.

Общество вносит интересные инициативы, направленные на развитие толерантности в нашей многонациональной республике, укрепление добрососедских отношений между народами. "Мы хотим дружно жить в нашем общем доме", — говорят они.

Среди грузин люди различных профессий: учителя, врачи, ученые, предприниматели, художники, литераторы, музыканты.

Карельская республиканская общественная организация азербайджанцев "Авеста" зарегистрирована Министерством юстиции РК 23 октября 1997 г. "Авеста" объединяет до 1500 чел.

Цели и задачи организации: защита права азербайджанцев, проживающих на территории Карелии; содействие сохранению и развитию всех компонентов национальной культуры; представление и поддержка культурных и социальных интересов членов азербайджанской диаспоры в местных и региональных органах власти.

Азербайджанская диаспора РК чтит и сохраняет традиции и обычаи своего народа, отмечает все национальные праздники. 21 марта — Новруз-байрам — свой Новый год, Курбан-байрам — праздник "жертвоприношения" (в жертву приносится священный баран). Праздники для Карелии новые, экзотические, тем не менее, постепенно становятся привычным явлением в жизни Петрозаводска. В праздниках участвуют не только азербайджанские семьи, но и семьи карельские, русские, армянские, семьи других национальностей. "Авеста" одна из организаторов матча по мини-футболу между диаспорами РК на "Кубок Содружества Наций". Азербайджанская диаспора была одной из организаторов интернациональной Благотворительной елки для детей из детских домов. По инициативе "Авеста" впервые в Петрозаводске народные артисты Азербайджана выступили на сцене Национального театра (2004 г.). Организация осуществляет контакты и совместную деятельность с национальными организациями — армянской, грузинской, украинской, татарской, еврейской, греческой.

"Авеста" имеет связи с Карельским Представительством Международной Ассоциации борьбы с наркоманией и наркобизнесом, сотрудничает с органами власти РК и администрацией г. Петрозаводска. Председатель "Авеста" Заман Расулов является членом Общественного Совета руководителей национально-культурных объединений и движений РК при Главе самоуправления г. Петрозаводска.

С июня 2004 г. "Авеста" входит в состав Всероссийского Азербайджанского Конгресса. 19 октября 2004 г. руководитель организации принял участие в работе II съезда Всероссийского Конгресса. В планах

"Авеста" организация воскресной школы для детей, издание газеты и организация национального танцевального коллектива.

Армянское культурное общество "Ахпюр" образовано 3 апреля 1998 г. Армянская диаспора в Карелии сформировалась из двух основных потоков: тех, кто осел в Карелии в 1940-1980-е гг., и приехавших в республику в последнее десятилетие. В начале 1990-х гг., в связи с преследованием армян в Азербайджане, значительная часть беженцев расселилась в городах и весях России, в том числе в Карелии, заметно пополнив проживавшие армянские диаспоры.

Цели и задачи общества: способствовать сохранению этнической и культурной самобытности армян, временно или постоянно проживающих на территории Карельской АССР; активно участвовать во всех благотворительных мероприятиях, проводимых фондом культуры, советскими органами на территории Карельской АССР и за ее пределами. активизировать общественно-полезную деятельность, разумно и полезно используя свободное время граждан; расширять кругозор и развивать этнические вкусы членов общества, содействовать сотрудничеству между народами и государствами.

Для достижения целей общество ведет пропагандистскую, культурно-просветительную работу, привлекая лучшие научные и творческие силы республики и страны; проводит изучение армянского языка среди детей и взрослых. Общество организовало воскресную школу, информирует общественность о своей деятельности через средства массовой информации и путем издания собственного бюллетеня, способствует изучению истории и культуры Армении путем проведения лекций с детьми и взрослыми, организует и проводит встречи, концерты и другие мероприятия по культурным, историческим, общественным, экологическим и другим проблемам.

Национально-культурная автономия (НКА) армян учреждена путем реорганизации Общества армянской культуры "Ахпюр". Зарегистрирована 3 апреля 1998 г., объединяет около 220 семей армян Карелии, в том числе 150 семей в Петрозаводске, всего более 800 чел.

Цели и задачи НКА: сохранение национальной самобытности, родного языка, традиций и обычаев армянского народа; создание условий для функционирования армянского языка; содействие развитию национального образования, становлению национальной армянской культуры и искусства, литературы и науки; формирование своих СМИ установление культурных связей с Арменией, хранителями армянских народных традиций в иных регионах России и за рубежом; оказание помощи и поддержка членов НКА

НКА организует национальные творческие коллективы (профессиональные и самодеятельные), творческие союзы, кружки по изучению

национального наследия и прочее; содействует организации национальных средств массовой информации; учреждает организации, занимающиеся народными промыслами и ремеслами; осуществляет исследовательскую, издательскую, информационную деятельность в области музыки, литературы, истории, этнографии и краеведения на армянском и иных языках; разрабатывает и представляет в соответствующие органы власти предложения о сохранении армянской культуры; заключает договоры с неправительственными организациями, находящимися за пределами РФ, о культурном обмене и сотрудничестве в области сохранения национальной культуры; осуществляет межрегиональные и международные контакты.

Автономия выступает с законодательной инициативой по национально-культурным и социальным вопросам, вытекающим из целей и задач Автономии в объеме и порядке, предусмотренном Законом; участвует в формировании органов государственной власти и управления в порядке, предусмотренном законодательством о выборах; принимает участие в реализации решений государственной власти и управления по соглашению с последними; представляет и защищает законные интересы своих членов в государственных и общественных органах; создает кассы взаимопомощи, благотворительные фонды, осуществляет производственную и хозяйственную деятельность, создает в целях выполнения уставных задач предприятия и хозрасчетные организации, обладающие правом юридического лица.

В 2002 г. НКА армян оказала помощь пострадавшим от наводнения на юге России: на Кубань было отправлено 5 тонн гуманитарного груза с продуктами питания. Шефская помощь детским домам г. Петрозаводска – систематические акции в рамках программы "Подарим улыбку детям", которая включает в себя: выезды в детские дома с угощением и театрализованными представлениями, проведение футбольного турнира среди детских домов ("Кубок Дружбы"), организацию спортивной игры "Веселые старты". В мае 2003 г. многочисленные зрители присутствовали на первом выступлении юных талантов армянской диаспоры. Это было рождение Детского концертного коллектива под названием "Ахтамар". В июне 2003 г. у собора А. Невского прошло долгожданное открытие памятного креста-Хачкара, приуроченное к 300-летию г. Петрозаводска. Изготовление и установку памятника профинансировала НКА армян РК.

НКА в рамках своей программы "Подарим улыбку детям" в сентябре 2003 г. для десяти детей-сирот из детских домов организовала поездку в Армению в г. Эчмиадзина (побратим г. Петрозаводска). Мэр Эчмиадзин Г. Абгарян в память о визите петрозаводчан пообещал одну из улиц своего гостеприимного города в самое ближайшее время назвать ули-

цей Петрозаводска. В мае 2004 г. официальная делегация из столицы Карелии во главе с мэром В. Масляковым побывала в армянском г. Эчмиадзин, который считается духовным центром армян всего мира. В рамках заключенного между мэрами обоих городов договора о сотрудничестве предполагается реализация совместных проектов в самых разных сферах. В 2004 г. НКА армян РК оказала финансовую помощь школе № 1 г. Беслана, пострадавшей от чудовищного террористического акта.

С 2002 г. за счет собственных средств в Карелии выходит в свет ежемесячный вестник армянской общины "Сие". В газете освещаются наиболее значимые события, происходящие в жизни армянской общины в Карелии. Успешно распространение по Карелии независимой информационно-аналитической московской газеты "Ноев Ковчег" (вестник армянской диаспоры стран СНГ).

Армяне участвовали и участвуют в строительстве многих объектов в Петрозаводске торгового комплекса на Древлянке, траурного зала на ул. Красной — возведении мостов в Карелии, подготовке молодых специалистов для различных отраслей хозяйства, работают преподавателями в школах и техникумах, мастерами производственного обучения профтехучилища № 19 и т. д. Одно из животноводческих хозяйств республики возглавляет Э. Бабаян.

Немало памятников и бюстов, посвященных известным людям, украшающих города Карелии, создано руками скульпторов Л. Давидяна (например, памятник Г. Жукову, установленный к 55-летию Победы) и Э. Григоряна. Последнее из творений Л. Давидяна — памятник маршалу Г. Жукову, установленный в Петрозаводске. С 1954 г. по настоящее время хором Петрозаводского университета руководил заслуженный работник культуры России Г. Терацунц.

В ознаменование 1700-летия со дня принятия христианства НКА армян Карелии провела ряд благотворительных акций в рамках своей программы "Подарим улыбку детям". НКА возобновила издание своего общинного вестника, который теперь выходит ежемесячно под названием "СИС". Газета рассказывает о повседневной жизни общины, о людях и событиях. С этого года НКА получает газету армянской диаспоры стран СНГ "Ноев ковчег", что позволяет быть в курсе событий армянского мира. Армянская диаспора — единственное в Карелии объединение, имеющее официальный статус региональной НКА.

Карельское региональное отделение Общероссийской общественной организации "Союз армян России" создано 12 ноября 2003 г., зарегистрировано 25 февраля 2004 г. Карельское региональное отделение Общероссийской общественной организации "Союз армян России"

является структурным подразделением Общероссийской общественной организации "Союз армян России".

Цели и задачи организации: содействие сохранению и укреплению общности армян, проживающих в РФ; содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и религиозных конфликтов; содействие защите экономических, социальных, правовых и культурно-образовательных интересов армян, проживающих на территории Российской Федерации; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных и иных катастроф, социальных, национальных и религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам, вынужденным переселенцам; содействие созданию организационных, материальных и финансовых условий и предпосылок для оказания помощи социально неблагополучным категориям граждан; содействие сохранению и приумножению духовного и интеллектуального потенциала российских армян; создание условий для творческой работы, всемерного роста профессионализма и компетентности, более полного раскрытия и использования интеллектуального потенциала членов Организации; содействие формированию у российских армян мировосприятия, позволяющего использовать современные технологические достижения; содействие активному сотрудничеству (культурному, научному и деловому) российских армян, со всеми нациями и народностями России и зарубежных государств, а также их этнокультурными объединениями; содействие развитию и укреплению дружественных межгосударственных отношений между Республикой Армения и Российской Федерацией.

Задачи организации: конструктивное взаимодействие с заинтересованными государственными, общественными и предпринимательскими структурами Российской Федерации, Республики Армения и других государств с целью решения проблем национально-культурного развития российских армян; содействие развитию и укреплению научных, культурных и экономических связей между Республикой Армения и Российской Федерацией, а также другими странами; ведение адресной социальной политики, оказание помощи в трудоустройстве, поддержка социально незащищенных армян, проживающих в РФ; содействие разработке и реализации различных социальных и экономических программ, направленных на реализацию целей и задач Организации; содействие армянским общинам в создании культурных и образовательных центров на территории РФ; организация и проведение в благотворительных целях фестивалей, выставок, аукционов, спортивных соревнований, лотерей, ярмарок, концертов, конкурсов и других мероприятий в порядке, установленном законом.

Основные направления деятельности организации: взаимодействие со всеми заинтересованными физическими и юридическими лицами, в том числе зарубежными; содействие формированию общественного мнения для решения уставных задач; установление контактов и налаживание диалогов с организациями национальных меньшинств с целью поиска взаимоприемлемых решений совместно с региональными общественными объединениями российских армян: организация выставок народного творчества, фестивалей народной музыки, концертов, научных дискуссий и других мероприятий; содействие объединению на добровольной основе армян России для сохранения национальной самобытности, развития культурных, интеллектуальных и других ценностей армянского народа; разработка и осуществление образовательных программ по изучению армянского языка, литературы и истории, в том числе посредством учреждения соответствующих учебных заведений; премирование одаренных студентов именными стипендиями и грантами Организации; предоставление абитуриентам целевой материальной помощи для получения образования в высших учебных заведениях России и иностранных государств; направление российских студентов в вузы Республики Армения, в том числе путем обмена; организация научно-практических конференций; обеспечение студентов необходимой учебно-методической литературой; разработка и осуществление программы в области культуры, включающей в себя возрождение народных промыслов, ремесел и традиций, организация театров, кружков по интересам, организация творческих союзов или коллективов профессионального и самодеятельного искусства. Создание негосударственных учреждений армянской культуры; оказание юридических услуг.

Карельская республиканская общественная организация "Общество вайнахской культуры" зарегистрирована Минюстом РК 23 марта 2002 г.

Цели организации: защита права вайнахов — чеченцев и ингушей, проживающих на территории РК, сохранение и развитие национальной культуры; содействие в решении социальных вопросов в местных и региональных органах власти.

Задачи организации: способствовать становлению и возрождению всех элементов национальной культуры — языка, искусства, литературы, народных традиций; способствовать установлению культурных связей с Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой.

Основные направления работы: сотрудничество с другими организациями РК; участие в проектах и мероприятиях; образовательно-просветительская деятельность, осуществление исследовательской, издательской и рекламно-информационной деятельности в области музыки, литературы, истории, этнографии и краеведения на чеченском и ин-

ингушском языке; формирование общественных учреждений национальной культуры: культурного центра, клуба, музея, а также национальных творческих коллективов, союзов, кружков по изучению национально-культурного наследия; организация культурно-массовых мероприятий: концертов, конкурсов, круглых столов, фестивалей; установление контактов с другими организациями: организация культурных связей с соответствующими учреждениями Чеченской и Ингушской Республик; – социальная работа с членами диаспоры: оказание адресной помощи нуждающимся гражданам.

Диаспора чеченцев и ингушей в Карелии живет тесным кругом. Примерно 500-600 чеченцев и ингушей приехали в РК в надежде найти второй дом и понимание со стороны жителей северного края. Чеченцы и ингуши живут практически по всей территории республики. Наиболее многочисленные группы чеченцев сосредоточены в Олонце, Петрозаводске, Кондопоге, Медвежьегорске, Пудожье, Костомукше. Проживающие в районах ведут фермерские хозяйства, выращивая домашний скот и содержа большие огороды. Городские жители занимаются в основном малым бизнесом. Среди представителей вайнахского народа в Карелии служащие и рабочие, спортсмены и студенты, домохозяйки и военные.

Отклики на события в Южной Осетии в республиканских средствах массовой информации, исходящие от лидеров, активистов и членов общественных объединений, немногочисленны. Председатель КРОО "Общество грузинской культуры" Р. Чехерия, вернувшийся из поездки из дальнего зарубежья после завершения военных действий в Южной Осетии, воздержался от развернутых комментариев. Он лишь отметил, что зарубежные СМИ вещают одно, в России говорят другое, в Осетии – третье, в Абхазии – четвертое. По его мнению, отношение всех грузин к войне негативное, но он никого не намерен обвинять, осуждать или поддерживать. "Пройдет время и оно все расставит по своим местам". Он считает, что в настоящее время около 80% карельских грузин находятся в Грузии и "разрыв дипломатических отношений скажется прежде всего на простых людях, которым придется выезжать из страны домой в Карелию окольными путями, через другие государства. Сегодня "неосторожными высказываниями нельзя ... будоражить общество, главное – сохранять спокойствие и надеяться, что политики, наконец, найдут друг с другом общий язык".

Миннац РК не концентрирует внимания национальных общественных объединений республики на военно-политических проблемах, считая, что полем их деятельности должна быть культурно-просветительская работа.

Два взгляда на ситуацию в Кондопоге

В Кондопоге на месте бывшего ресторана "Чайка", где начался конфликт в 2006 г., организован культурно-досуговый центр для молодежи. В центре разместятся кабинет общественных организаций, добровольная народная дружина, конференц-зал, концертный зал, интернет-кафе, детское кафе-мороженое. Не предполагается размещения чиновничьих кабинетов или арендаторов со стороны.

По мнению недавно назначенного начальника милиции города Н. Красовского, за последнее время показатели преступности в городе снизились. Повышенное внимание органы правопорядка уделяют приезжим. Для укрепления милиции ведется работа по привлечению опытных сотрудников. Кондопожское РОВД обеспечено новыми патрульными машинами. Н. Красовский считает, что за нарушение общественного порядка следует применять максимальные меры наказания.

С. Катанандов отметил, что расследование главного уголовного дела в отношении выходцев с Кавказа завершено. Таким образом, судя по выступлениям в печати представителей властных структур, кондопожская ситуация не вызывает у них особых тревог.

Однако это внешнее спокойствие скрывает реальную ситуацию внутренней межнациональной напряженности. Эта напряженность была выявлена при исследовании причин кондопожского конфликта, возникшего в конце августа – начале сентября. В феврале-марте карельская правозащитная организация "Экспертно-правовое партнерство "Союз", движение "Наш дом – Кондопога" при поддержке общественной комиссии по взаимодействию с общественными, религиозными, национальными объединениями при МВД РК провели опрос 160 жителей города. Среди опрошенных – мужчины и женщины, горожане разных возрастных групп, уровня образования, работающие (82%), учащиеся и пенсионеры (по 5%), предприниматели (3%).

Судя по ответам горожан, главной причиной, вызвавшей массовые беспорядки в городе, они считают ошибочную национальную и миграционную политику федеральных и республиканских властей (65% ответов), коррупцию в органах власти и МС (55% ответов), неправильное поведение отдельных представителей мигрантов и переселенцев (48% ответов), неправильные действия органов внутренних дел города (48% ответов).

Ответы на вопрос: "Извлекла ли власть уроки из происшедших событий?" – разделили участников опроса на две группы: одни полагают, что власть не извлекла должных уроков (46% ответов), другие, напротив, считают, что извлекла (44% ответов), остальные 10% участников опроса затруднились определиться по данному вопросу. Не может не настораживать тот факт, что большая часть опрошенных (45%) считает, что "власти ничего не делают для того, чтобы не допустить повторения тра-

гедии". 39% не согласились с подобным утверждением, 16% не ответили на этот вопрос. О тревожности ситуации, характеризующей общее настроение горожан, свидетельствует то, что 75% опрошенных не чувствуют сегодня себя в безопасности. Более того, каждый третий опрошенный заявил, что ситуация даже ухудшилась, что связано с ростом хулиганства и уличной преступности. Почти 40% горожан полагают, что ни по одному из направлений деятельности правоохранительные органы не работают эффективно.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, считают жители, необходимо решить комплекс задач. Во-первых, "поменять власть, изменить отношение власти к народу, искоренить коррупцию, усилить милицкий контроль, создать диалог власти и народа", во-вторых, "контролировать миграцию, усилить паспортный контроль". Прозвучали голоса в поддержку коренного населения, создания равных возможностей для представителей разных национальностей. Высказывались и радикальные предложения: выселить мигрантов из города. Для ликвидации последствий кондопожского конфликта больше внимания, по мнению кондопожан, следует уделять социальной политике, в частности, усилить работу по ликвидации безработицы, организации досуга молодежи, наладить действенный контроль продажи алкогольной продукции.

Руководитель экспертно-правового партнерства "Союз" И. Пальцев результаты исследования оценивает как "неутешительные". Его удивляют различия в оценках происшедшего, которые дает власть по сравнению с горожанами. Власти, по его мнению, "сконцентрировались только на локальных местных причинах, опасаясь посмотреть в корень, на глобальные причины подобных событий не только в Кондопоге, но и в других субъектах".

Горожане возмущены тем, что кондопожский конфликт власть свела лишь к причинам бытового и криминального характера. Одна из важнейших причин конфликта, по их мнению, состоит в том, что представители "титulyной национальности" (имеется в виду местное население. – Е. К.), чувствуют дискомфорт, неравенство по сравнению с приезжими, а правоохранительные органы зачастую "встают на сторону южан". Ситуация в Кондопоге заметно ухудшилась после чеченской войны, но федеральная и республиканская власти сознательно не замечают эту динамику. Милиционеры, участники опроса, говорили, что они давно поставили бы чеченцев "на место", но опасаются, что их обвинят в национализме.

Сохранение среды для недовольства, по мнению Е. Пальцева, – главный вывод, следующий из опроса горожан. Им представляется, что преступность в городе остается очень серьезной (21% ответов) и довольно серьезной проблемой (54% ответов). И лишь 3% кондопожан

преступность не считают значимой. Горожан беспокоит то, что за последние три года ситуация практически не изменилась (65% ответов). Каждый пятый участник опроса заявил, что он не видел милицейского патруля в городе. Более чем у половины опрошенных вызывают беспокойство уличная преступность, распространение наркомании и алкоголизма, каждый третий заявил об ухудшении работы органов внутренних дел. Не оставлены без внимания горожанами ухудшение социального обеспечения (38% ответов), медицинского обслуживания (29% ответов), рост безработицы (56% ответов), нарастание в стране и за рубежом терроризма (каждый четвертый ответ), обострение международных проблем, в том числе открытых конфликтов (38% ответов). Почти 60% опрошенных стали жертвами различных преступных действий — повреждения и угона автомобилей, взломов, краж, грабежа или попыток грабежа, домашнего и иного насилия и т. д.. Прогнозируя будущее, на первое место (61% ответов) кондопожане поставили финансовые проблемы, на второе — безработицу (39% ответов). Почти каждый пятый сетовал на тяжелую болезнь, 9% — на одиночество.

С материалами настоящего исследования знакомы сотрудники министерства РК по вопросам национальной политике и связям с религиозными объединениями. Реакции на материалы исследования пока нет, с национальными общественными организациями кондопожская ситуация по результатам опроса и выявленным узким местам не обсуждалась и, по всей вероятности, обсуждаться не будет.

Источники: Численность и состав населения Республики Карелия по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Стат. сб. I. Петрозаводск, 2004; Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005; Петрозаводск — территория толерантности. Петрозаводск, 2005. С. 30-36, 41-43, 46-48; Живем и работаем в Карелии. Информационные материалы по вопросам социально-культурной адаптации мигрантов. Петрозаводск, 2007. С. 20, 25-26; Курьер Карелии. 2006. 1 июня; Московский комсомолец в Карелии. 2008. 3-10 сентября.

Новые общины в Республике Коми

Ю. П. Шабаев

Рост ксенофобии в России весьма ощутим, и многочисленные его проявления отмечаются как в обеих столицах, так и в российских регионах. На наш взгляд, нарастание ксенофобии было неизбежным, поскольку ни федеральная, ни региональная этнонациональная политика в современной России изначально не имели четкой концептуальной формы, а политические практики на местах и вовсе поощряли безудержную этнизацию и этнический фаворитизм. Реальной целью региональной этнонациональной политики стало последовательное разделение общества на этнические сегменты, построение новой этнической иерархии и невольный отказ от идеи гражданской консолидации.

Российские политики совершили ту же ошибку, что и западные сторонники мультикультурализма. Они сделали упор на многообразие культур, полагая, что национальное единство задается самим фактом сосуществования этих культур в рамках единого государства. На Западе эта ошибка привела к возникновению параллельных сообществ, в России навязывание этничности в условиях кризиса старой системы ценностей породило в конечном итоге подавление гражданственности этничностью.

Крах прежней идеологии заставил отказаться не только от коммунистических идеалов, но, по существу, и от идеи гражданской нации, заменив ее идеями суверенизации и этнической сегментации. Обществу активно навязывалась этничность, а политические институты стали "приватизироваться" этническими сообществами.

В Коми наиболее последовательно шли по пути приватизации политических структур и этнополитические организации, и сами власти. На первом съезде коми народа в начале 1991 г. в одной из резолюций было указано, что коми народ "является источником государственности" республики и что в области культуры "безусловный приоритет должен отдаваться развитию коми национальной культуры". Положение об источнике государственности, которое представляло собой не правовую норму, а политический лозунг, было внесено в основной закон республики, утвержденный верховным советом Коми в начале 1994 г. Этим положением сам принцип равенства прав всех граждан республики, которые, собственно, в совокупности и обладают правом на самоопределение (а реализация этого права только и может служить источником государст-

венности), был поставлен под сомнение, ибо некая особая мифическая роль в создании государства отводилась одной этнической группе.

Данный идеологический фундамент был использован и для выдвижения идеи о формировании двухпалатного парламента, одна из палат которого должна комплектоваться исключительно по этническому принципу, и для многочисленных предложений, касающихся особых прав коми, включая меры материального стимулирования студентов титульной национальности, преподавателей коми языка. В политическую лексику не только активистов национального движения, но и региональной элиты вошло клише "коренной народ", под которым понималось не только то, что здесь проживает титульный этнос, но некая особая миссия этого этноса. Естественно, что такое маркирование социальной среды отражалось в массовом сознании как "коренных", так и "некоренных" жителей, способствуя их противопоставлению и разделению общества на этнические анклавы. Причем как этнические, так и территориальные анклавы, сформировавшиеся в республике, переставали ощущать себя частями единых сообществ. В Воркуте, когда коми движение стало требовать введения республиканского гражданства, принятия закона о мигрантах, ратовать за установление таможенных границ и т. п., сразу родилась идея о выходе из состава республики. Отдельные составляющие коми этноса тоже постепенно перестали считать себя интегрированными в него подразделениями и стали требовать статуса коренных малочисленных народов Севера. Особенно преуспели в этом коми-ижемцы, лидерам которых удалось убедить более 16 тыс. чел. во время переписи 2002 г. отказаться от этнонима "коми" и позиционировать себя только как "коми-ижемец" или "изъватас". Та же самая идея все активнее эксплуатируется активистами удорских коми.

Массовый опрос, проведенный в 1996 г. в рамках реализации проекта социально-психологического мониторинга, показал, что около 40% коми респондентов выступают за предоставление им особых политических, экономических или культурных прав. Большинство иноэтничного населения, правда, выступало против привилегий для представителей титульного этноса. При этом доминантное большинство населения, включающее в себя русских, коми, украинцев, продемонстрировало высокий уровень неприятия выходцев с Кавказа и из Средней Азии, а треть респондентов (разницы между коми и русскими тут практически не было) вообще считали бы самым благоприятным политическим сценарием выезд представителей этих народов из республики.

Спустя восемь лет мы решили заново замерить реакцию "этнического отторжения" у населения республики. В 2004 г. был проведен массовый опрос населения республики "Я и мой народ".

Только 34,9% наших респондентов указали, что сегодня не существует этнических групп, которые вызывали бы у них отторжение. При этом подавляющее большинство опрошенных по-прежнему декларативно называет Россию общим домом для всех населяющих ее народов. Но, как и прежде, необычайно высок уровень "кавказофобии": 40,2% респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов. Очевидно, что на общественные настроения оказывают воздействие не только старые предрассудки и стереотипы, но и реальности современного мира. В частности, к таковым относится угроза мусульманского экстремизма, о которой средства массовой информации пишут с завидной регулярностью. В этой связи мы решили выяснить отношение не только к представителям отдельных этносов, но и к носителям религии, т. е. к мусульманам.

Весьма показательно, что отношение к мусульманам вообще более позитивное, чем к российским мусульманам. Негативно относятся к российским мусульманам 26,9% респондентов, что вдвое превышает долю тех, кто заявил о своем позитивном отношении к носителям этой религии. Более половины респондентов, правда, указали, что их отношение к мусульманам нейтральное. Показательно, что угроза мусульманского экстремизма беспокоит более половины наших респондентов и, естественно, эта тревога сказывается на отношении к мусульманам в целом.

Сегментация территориального сообщества по этническому признаку превратилась в устойчивый принцип региональной этнонациональной политики. Декларативные заявления о стремлении к межнациональному миру и согласию, которые регулярно раздаются из уст политиков, есть единственное действие, которое они предпринимают для укрепления гражданского согласия в обществе. Никаких других реальных шагов в этом направлении за прошедшие 15 лет сделано не было. Но может ли существовать межнациональное согласие тогда, когда этническая структура территориальных сообществ символически представлена в виде пирамиды, и на вершине этой пирамиды – "источник государственности"? Казалось бы, выстраивание в РФ так называемой властной вертикали и приведение региональных законов в соответствие с федеральными должно было изменить ситуацию принципиально, но перемены коснулись не политических практик, а политических фасадов.

Да, законы подправили, положение об "источнике государственности" из конституции республики убрали, строчку из бюджета РК о финансировании коми национального движения убрали, но политика этнического фаворитизма как была, так и осталась государственной политикой РК.

К примеру, В. Торлопов единственным из глав так называемых финно-угорских регионов приехал на III съезд Ассоциации финно-угорских народов, состоявшийся осенью 2005 г. в Москве. Причем

республиканская пресса сообщала, что он якобы возглавил коми делегацию и выступил на съезде с докладом.

Стоит заметить, что по уставу Ассоциация финно-угорских народов есть неправительственная организация, и объединяет она национально-культурные организации, национальные движения финноугров. Тем самым получается, что В. Торлопов и те правительственные чиновники, которые были в делегациях других регионов, позиционировали себя как лидеров национальных движений титульных этносов, т. е. фактически противопоставили себя нетитульному населению собственных регионов, что не только противоречит служебной этике, но и не согласуется с идеями гражданской солидарности, о коих представители региональной политической элиты постоянно твердят на разных официальных мероприятиях.

Другой пример. В указе главы РК от 31 января 2006 г. № 15 "О правительстве Республики Коми" в перечне министров и руководимых ими ведомств есть и следующая информация: "Марков В. П. – председатель исполнительного комитета межрегионального общественного движения "Коми войтыр".

Если истолковывать эту информацию так, как она подана в прессе, то получается, что исполнительная власть и национальное движение слились в одну структуру. Ни с точки зрения права, ни с точки зрения идеи гражданского общества этого не понять. Этого не понять и с позиций равенства прав граждан всех национальностей, которые зафиксированы в конституциях РФ и РК. Получается, что косвенным образом указ главы предоставляет коми права особого представительства, а это прямо противоречит конституционным положениям.

Подобная практика совершенно неприемлема и очевидно нуждается в пересмотре. Как мы уже отмечали, нужна последовательная политика гражданской консолидации и формирования целостного территориального сообщества, нужен комплекс мер по формированию культуры толерантности, который должен включать в себя как само поведение политической элиты, так и коррекцию информационной политики, внедрение специальных образовательных программ (в частности, "уроков толерантности" в школе), а также социальную рекламу.

Характерно, что отказ от интеграционной политики, который произошел в начале 1990-х гг., первоначально привел к попыткам всех (или почти всех) этнических общин самоорганизоваться и использовать свои этнополитические организации как своего рода "политический зонтик" для отстаивания собственных интересов.

Но практически все эти организации оказались узкими и изолированными от собственных общин клубами активистов. Поэтому недолго просуществовал "Русский дом", который возглавляла поэтесса Н. Мирошниченко, резко деградировало украинское движение, осла-

бело татарско-башкирское движение, почти ничего не слышно о десятках других национальных организаций.

Коми движение, тем не менее, продолжает успешно существовать, несмотря на то, что уровень его поддержки среди титульного населения республики не очень значителен, а молодежи в рядах активистов почти нет. Главную роль в этом играет административная и финансовая поддержка движения со стороны властей, партнерские отношения с властью и политический ресурс этничности, ресурс идеи этнически разделенного общества.

Тем не менее, сами активисты движения отмечают, что оно переживает кризис и его влияние падает. Однако в политическом пространстве, где идеи гражданского единства, идеи целостности российской нации никак не акцентируются и не пропагандируются, эксплуатация идеи этнических приоритетов порождает рост ксенофобских настроений. "Истинные" и "коренные" жители регионов все нетерпимее относятся к тем, кто оказывается по другую сторону искусственных этнических границ, в частности, – к мигрантам.

Антимиграционные настроения становятся сегодня идеологической основой для деятельности все новых организаций радикального толка, и проявления мигрантофобии и кавказофобии имеют место во многих регионах России. Если в коми национальном движении с таких позиций сегодня выступают только крайние радикалы, влияние которых на население крайне мало, и которые на политической арене почти не проявляют себя, то деятельность скин-хедов и родственных им организаций, наоборот, активизируется. Первоначально в республике не принимали всерьез движение скин-хедов, но количество их организаций росло, и сегодня они есть уже во многих городах и районах. Скин-хеды устраивают митинги под лозунгами "Россия – для русских", "Остановим оккупацию России", но чаще распространяют листовки антимигрантской направленности и пишут на стенах домов надписи антисемитского содержания, лозунги, призывающие бороться против выходцев с Кавказа.

В 2005 г. ряды национал-радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Ю. Екишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. В этот день члены Союза вышли на центральную площадь столицы республики под лозунгами "Русскую нефть – в русские руки", "Остановим оккупацию нашей земли". Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами "Русские, вооружайтесь!", "Россия против оккупантов!". Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. В листовках говорилось: "Миллионы иностранцев незаконно переселяются на наши земли... Захва-

тывая целые сферы экономики, промышляя наркотиками, оружием, поддельной водкой и фальшивой валютой, осуществляя грабеж, насилие над коренным населением, эти преступные элементы почувствовали себя полноправными хозяевами России". Далее следовало заявление, что через 20 лет мигранты станут полными хозяевами страны, и выдвигалось требование "ограничить иммиграцию", ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, "радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов", и следовало напоминание: "Наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!". В листовках, распространяемых от имени Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), с которым солидаризировался Союз национального возрождения, были тексты: "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Славянка! Русская честь дороже кавказских денег", "Так начиналось Косово! Вчитывайтесь, взвешивайте, действуйте!".

Характерно, что выступления национал-радикалов стали одной из главных политических новостей местных СМИ, а самому Ю. Екишеву предоставляли трибуну для выражения своих взглядов солидные местные газеты. Однако прокуратура республики все же возбудила против него уголовное дело, обвиняя в разжигании межэтнической розни. Но и это дело становится, по сути, лишь способом придания политической респектабельности антиобщественным идеям и движениям.

Если Ю. Екишева и осудят (скорее всего, условно), то остается проблема поважнее: что делать с политическими лидерами, которые не осознают значения гражданской консолидации и политикой этнического фаворитизма провоцируют рост ксенофобии?

Видимо, одним из способов повлиять на таких лидеров может быть политическое давление со стороны крупных политических сил. На мой взгляд, идеи консолидации должны быть в политических программах ведущих политических партий страны, и появиться они должны уже в канун выборов 2007 г., их необходимо четко обозначить в концепциях федеральной и особенно региональной этнонациональной политики, в социальной рекламе, в школьных программах. Оценка любого лидера должна осуществляться исходя из того, в какой мере он своей деятельностью способствует укреплению гражданского согласия, в какой мере он выступает против всех разновидностей ксенофобии, расизма, национал-радикализма.

Эхо Кондопоги

Ю. П. Шабает

Кондопожские события оказали заметное влияние на общественные настроения и на позиции различных политических деятелей. Как это ни печально, успешнее всего идеологический ресурс этих событий использовали активисты ДПНИ. Во всяком случае, в Республике Коми за последние годы появлялись регулярно листовки этой организации, в которых муссируется тема Кондопоги.

Помимо них кондопожские события стали уроком для ветеранских организаций, которые инициировали создание специальной комиссии при главе РК, хотя ни цели, ни характер деятельности этой комиссии до сих пор не определены. Представители бизнеса также не оставили без внимания Кондопогу и наметившиеся после нее изменения во внутренней политике РФ. Более того, они, как и представители ветеранских организаций, заявили, что "Коми Кондопога" вполне возможна.

В чем-то это утверждение недалеко от истины, ибо грамотной этнонациональной политики в республике нет, а общественные настроения близки к тем, что имеют место в Карелии.

Данные опроса "Я и мой народ", проведенного в Коми в 2004 г., показали, что общий уровень толерантности среди населения республики невысок, ксенофобские настроения стали важной составляющей массового сознания. При этом в последние годы не снижается уровень "кавказофобии": 40,2% респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов.

Если сравнивать уровень "кавказофобии" в Коми с тем, что имеет место в Карелии, то характер настроений населения примерно одинаков. По данным одного из недавних опросов, проведенных среди молодежи Карелии, более 40% студентов и школьников в этой республике испытывают негативные чувства в отношении выходцев с Кавказа (А. Укконе, "Прощание с "кулинарным интернационализмом" – www.kominarod.ru). Как показали недавние события в Кондопоге, такой уровень "кавказофобии" вполне достаточен для того, чтобы спровоцировать массовый погром.

Возвращаясь к тому, как представители бизнеса "обигрывают" тему Кондопоги, укажем на пресс-конференцию, которая была проведена 5 декабря в сыктывкарском офисе общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса "ОПОРА России". На этой пресс-конференции юрист организации С. Изъюров рассказал журналистам о

притеснениях мелкорозничных торговцев со стороны администрации "нефтяной столицы" Коми – города Усинска. Он также отметил, что в последние годы идет системное вытеснение малых предпринимателей с рынка мелкорозничной торговли (несмотря на громкие заявления властей о заинтересованности в развитии малого бизнеса) в нескольких городах Коми. В Усинске этот процесс имеет свою специфику. Плотно заниматься ситуацией в этом городе "ОПОРА России" стала в феврале 2006 г., когда, по словам С. Изъюрова, со стороны администрации начался агрессивный натиск на мелкорозничных торговцев. Киоски просто грузили вместе с товаром на грузовики и вывозили за город на платные стоянки. Имели место также незаконные проверки, отключения электроэнергии и другие формы давления. Арбитражным судом Коми многие действия администрации Усинска признаны незаконными. Но, несмотря на поддержку судебных органов, желающим заняться мелким бизнесом в Усинске легче не стало. На просьбы выделить тот или иной участок под размещение торгового павильона следовал стандартный ответ – "нет возможности". После анализа ситуации, проведенного "ОПОРОЙ", было сделано заявление, что ее следует рассматривать не как правовую проблему, а как политическую.

В ходе анализа ситуации выяснилось, что администрация Усинска притесняла только часть торговцев. По словам С. Изъюрова, "была определенная группа населения, которая не подвергалась административному воздействию, мимо нее прошли все конфликты, арбитражные суды, она спокойно стояла и торговала... Назовем их так – выходцы из бывшего советского Закавказья". В качестве доказательства данного тезиса были приведены следующие данные: из 112 павильонов в Усинске 61 принадлежит "выходцам из бывшего советского Закавказья", из 19 киосков – 15, из 11 тонаров – 7. За последний квартал в Усинске появилось 10 новых торговых точек, 8 из которых тоже принадлежит закавказским торговцам. "В Усинске создана национальная диаспора, – отметил С. Изъюров. – По информации усинских предпринимателей, в основном через эту группу идут взаимоотношения между ними и администрацией. Возможно, есть коррупционная связь. Но у "ОПОРЫ" доказательств нет, иначе этим занялась бы ФСБ". С. Изъюров указал, что аналогичная ситуация складывается и в Ухте, и отметил, что необходимо регулировать проблему экономическими методами. Показательно, что завершил свои рассуждения С. Изъюров ссылкой на доводы, которые звучат с высоких трибун: "Когда президент ставит перед нами задачу удвоения ВВП и говорит, что доля малого бизнеса должна составлять 30-40%, то понятно, что имеется в виду бизнес, который будет вкладываться в свою территорию. А на сегодняшний день, думаю, каждый из вас знает, куда уходят деньги, заработанные вот в этих тор-

говых точках. Куда они идут? То есть они уходят из страны и даже не попадают на наш потребительский рынок..." Ситуация, которая складывается в Усинске, по мнению С. Изъюрова, может привести ко второй Кондопозе ("Зырянская жизнь", 11 декабря 2006 г., www.zyryan.ru).

Если ветеранские и предпринимательские организации с тревогой оценивают общую ситуацию в республике или положение дел в отдельных сферах экономики и пытаются найти какие-то механизмы, которые бы привели к общему оздоровлению ситуации в Коми (хотя и вызывает сомнение их действенность), то иной характер дискуссий был отмечен нынешней осенью на традиционных осенних конференциях коми народа, которые были организованы межрегиональным общественным движением "Коми войтыр".

Показательно прежде всего то, что общие проблемы совершенствования межэтнических отношений, изменения принципов региональной этнонациональной политики на конференциях, организованных городскими и районными отделениями организации, практически не обсуждались.

Нынешние заседания имели явно выраженный характер партхозактивов. На всех этих собраниях присутствовали представители местных властей, зачитывались доклады о социально-экономическом положении города или района и т. д. К примеру, в Троицко-Печорском районе обсуждались проблемы теплоснабжения, в Удорском районе рассматривались проблемы медицинского обслуживания населения, деятельность военно-мемориальной компании. В Сысольском районе "делегаты ежегодной конференции обсудили молодежные проблемы. На встрече прозвучала информация по всем направлениям работы с этой категорией населения" ("Республика", 13 декабря 2006 г.).

Характерная черта: делегаты не только не затрагивали острые социальные и этнополитические проблемы, касающиеся интересов республики в целом, но и практически не обсуждали вопрос о том, что непосредственно коми движение и его местные организации могут и должны сделать для решения местных или общереспубликанских проблем, не выступали с конкретными инициативами. А если само движение не занимается решением конкретных задач, значит, оно изжило себя (однако, этот неприятный вывод никто делать не стал).

Как и прежде, дело ограничилось обсуждением проблем и поручениями к местным и региональным властям активнее решать озвученные в резолюциях проблемы. На себя движение никакой ответственности не берет.

Следует отметить, что такой стиль политической деятельности характерен для коми движения и финно-угорского движения в целом. Примером тому может служить резолюция III съезда Ассоциации финно-угорских народов РФ, состоявшегося осенью 2005 г. в Москве. В ней активисты

движения записали, что должно сделать почти каждое федеральное министерство (причем в резолюции однозначно указывалось – "поручить"), но никаких серьезных задач перед самим движением не ставилось.

Очевидно, что за подобными обсуждениями и резолюциями скрывается бессилие подобных организаций и нежелание (неумение) нынешних лидеров заниматься решением реальных проблем.

В этой связи характерно заключение, которое было сделано в одной из республиканских газет по поводу итогов городской конференции "Коми войтыр", состоявшейся в столице Коми: "Спрашивается, для чего нужны подобные конференции, какой от них эффект? Вот и в принятой резолюции вроде бы и немало пунктов, требующих общественного внимания, но многие из них кажутся необязательными или такими мелкими и расплывчатыми, например, "о принятии необходимых мер по снижению очередей в поликлиниках", что только недоумение вызывает" ("Красное знамя", 13 декабря 2006 г.).

При этом некоторые СМИ, чтобы хоть как-то объяснить необходимость конференций, заявляют, что они – чуть ли не единственная трибуна, с которой население может говорить о важных местных проблемах. Если это так, то это означает, что публичной политики в Коми больше нет, что представительные органы власти всех уровней ликвидированы, что не существует более иных общественных институтов и движений, которые поднимают (а часто и пытаются решать) острые социальные проблемы.

Разумеется, это не так, хотя сфера публичной политики в Коми действительно крайне ограничена.

Попытка коми движения братья за обсуждение всех проблем и стремление заменить собой иные институты общественного самоуправления есть претензия на особое положение в обществе, которое и поныне еще не изжито. Сегодня в конституции РК уже нет положения, которое было внесено туда по инициативе движения и которое гласило, что "коми народ – источник государственности" республики, но стремление к "особому статусу" все еще дает о себе знать. Это стремление не только разрушает само движение изнутри, но и создает почву для стабильного воспроизводства ксенофобских настроений в местном сообществе. Однако, пожалуй, опаснее не сами эти "родовые травмы" финно-угорских этнополитических организаций (изначально все финно-угорские организации пытались заявлять об особых правах титульных этносов), а потакание этим настроениям со стороны властей. Такое потакание можно было оправдать в начале 1990-х гг., когда начиналось так называемое "национальное возрождение", ибо и властной элите, и доминантным группам требовалось порой доказывать меньшинствам, что их стремление к сохранению культурной самобытности

находит понимание и у политического руководства, и у других этнических общин. Сегодня более важна другая задача – задача гражданской консолидации российского общества в целом и территориальных сообществ в частности. Последние 15 лет всему населению упорно навязывалась этничность, и гражданская солидарность россиян оказалась ослабленной. Об этом говорят и данные многих социологических исследований, но наиболее ярко об этом свидетельствует невиданный прежде рост ксенофобии и расизма в российском обществе.

Почему эта проблема не становится предметом обсуждения на конференциях коми народа, на форумах других этнополитических организациях, проходящих в России? Именно потому, что гражданская солидарность россиян ослаблена, и этот факт даже не воспринимается как острейшая политическая проблема.

Более того, власти, заявляя о своем стремлении покончить с проявлениями экстремизма, расизма и ксенофобии, на деле создают почву для роста ксенофобских настроений, укоренения негативных этнических стереотипов, для разделения россиян по этническому признаку. Причем действия властей, по форме призванные способствовать поддержке этнических культур, на деле нередко приобретают характер политической провокации. Никак иначе нельзя расценить действия, направленные на безудержную этнизацию всех сфер общественной жизни. Даже такие интернациональные сферы деятельности, как мода и спорт, старательно "упаковывают" в узкие этнические границы. Так, в начале ноября 2006 г. в столице Коми состоялся первый финно-угорский фестиваль моды ("Республика", 10 ноября. 2006 г.). А в самом конце того же месяца в Карелии, в которой еще не остыли страсти во-круг кондопожских событий, проводился первый боксерский турнир, организованный по национальному признаку (только представители финно-угорских народов), и специальные призы для победителей учредил губернатор С. Катанандов (www.finugor.ru). Еще через несколько дней на конференции "Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов", состоявшейся в столице Мордовии, профессор Мордовского университета Мишанин обосновывал необходимость издания общероссийской финно-угорской газеты ("Республика", 7 декабря 2006 г.). Эту идею стоит понимать так, что у российских финно-угров настолько специфичные проблемы и интересы, что никаким другим общенациональным изданиям доверить их изложение просто нельзя. И, следуя логике сторонников данной идеи, финно-угорская газета должна, видимо, издаваться не на русском языке. А таковым может быть только прафинно-угорский язык, который еще надо реконструировать лингвистам и который сами современные финно-угры не поймут. Логика этнизации всех сфер общественной жизни уже доведена до абсурда. И оче-

видно, что ни региональные руководители, ни этнические антрепренеры просто не понимают, какой должна быть грамотная этнополитика.

Названные выше "мероприятия" только способствуют углублению этнических границ внутри российского социума, противопоставляют одни этнические группы другим и еще более ослабляют гражданскую солидарность.

Как региональную, так и федеральную этнонациональную политику следует серьезно корректировать. Объектом этнонациональной политики может быть только все население России, а ее главной целью должно быть прямо и недвусмысленно объявлено формирование и укрепление российской нации. В качестве первого и очевидного направления деятельности по формированию российской нации должны быть меры по укреплению российской идентичности.

На наш взгляд, сегодня помимо корректировки федеральной концепции государственной национальной политики РФ (что уже отчасти осуществляется) необходимо дополнительно разработать и принять государственную программу интеграции. Такие программы (и соответствующие управленческие структуры) есть, к примеру, в Латвии, Эстонии, во многих других странах Европы. Конечно, в разных странах направленность этих программ различна: в одних они касаются в основном мигрантов и решают проблему адаптации культурно отличных групп к традициям принимающего сообщества, в других нацелены на преодоление раскола между этническими и религиозными общинами, но важно, что проблема гражданской консолидации осознается в качестве одной из основных политических проблем современных государств.

Очевидно, что российская программа интеграции должна иметь свое содержание и свои приоритеты, но политической элите страны важно осознать как жизненную необходимость такой программы, так и ответственность за ее эффективную реализацию. К разработке программы должны быть привлечены специалисты разных отраслей науки: социологи, политологи, этнологи, психологи и др.

Некоторые элементы "конструкции" программы интеграции ясны уже сегодня, ибо понятно, что формирование гражданской солидарности и российской идентичности возможно, если будут задействованы все средства воздействия: школа, система высшего образования, СМИ, культурные институты, управленческие структуры, социальные службы.

В школах должны, к примеру, преподавать не историю, интерпретированную в духе этноцентризма (историю великороссов), а такую историю Отечества, которая дает картину исторических судеб всех основных народов страны и помогает вырабатывать у учащихся понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и по-

ликонфессиональное сообщество. В учебную программу всех школ страны должны быть включены уроки толерантности, которые призваны способствовать улучшению межкультурного взаимодействия. Это особенно важно, поскольку в российских школах сегодня массовым явлением стала "этнопедагогика", которая многими учителями трактуется весьма однобоко. Детям рассказывают о том, как хороши традиции того или иного народа, об "уникальности" этнической культуры предков, и тем самым невольно воспитывают в них этноцентризм, поскольку про традиции других народов забывают, хотя другие нередко имеют сходные культурные традиции или, во всяком случае, их культура не менее интересна. Сама по себе абсолютизация уникальности этнической культуры есть прямой путь к культурному расизму.

Серьезное внимание надо уделить высшей школе, ибо массовое сознание студенчества не внушает особого оптимизма. Видимо, стоит подумать о том, чтобы курс этнополитологии был введен в высших учебных заведениях либо как самостоятельный предмет, либо как часть учебной программы по политологии.

Не менее сложной задачей является и изменение роли СМИ в процессе строительства нации. В первую очередь необходимо, чтобы сами журналисты отказались от языка вражды, который стал характерен для многих российских изданий. Помимо действенного кодекса журналистской этики необходимо и реагирование на каждый случай публикации материалов, разжигающих вражду между этническими и конфессиональными группами со стороны судебных органов. Необходимо также, чтобы "лица" общероссийских телеканалов (прежде всего дикторы) отражали этническое многообразие России, а сама информационная политика была ориентирована на пропаганду "российскости". При этом надо прямо говорить и о проявлениях ксенофобии со стороны доминантных групп, и об этническом эгоизме меньшинств, когда подобные случаи имеют место.

Самой насущной задачей на сегодня является повышение ответственности при освещении этнических конфликтов, что ни в коем случае не должно означать понуждения к замалчиванию сложных и неприятных тем.

Актуальной задачей является и использование социальной рекламы для пропаганды идей толерантности и гражданской солидарности, для формирования в массовом сознании образа России как поликультурной страны, но страны, где идея гражданства превышает всяких местечковых интересов. Сегодня такой рекламы нет вообще, хотя она является важным элементом культурной политики, к примеру, таких стран, как ФРГ.

Конечно, важная и значимая роль в создании нового образа государства и нового образа российского гражданина должна принадлежать институтам культуры. Здесь и создание новых визуальных образов,

новых символов, но главное – переложение на язык художественных образов идеи "российскости" и создание российской эстетики, бренда "Страна Россия". Очевидно, что в рамках масштабного интеграционного проекта для деятелей культуры открывается огромное поле для художественного творчества.

Необходимо будет, очевидно, перестраивать работу многих социальных служб, органов правопорядка, которые и поныне широко практикуют селективный контроль граждан, ориентируясь на антропологические данные. Необходимо предусмотреть и некие корректировки в системе управленческой деятельности, но все это должно делаться только после принятия соответствующего политического решения о разработке программы интеграции.

Если всего этого не делать, то "кондопожский синдром" будет проявляться вновь и вновь, ибо само "предчувствие Кондопоги" имеет место в сознании самых различных групп населения, о чем свидетельствуют и данные ноябрьского опроса аналитического центра Юрия Левады ("Независимая газета", 8 декабря 2006 г.), и те частные заявления, о которых мы говорили выше. Кризис гражданской солидарности, который поразил Россию и который стал следствием политической мобилизации этничности, привел к тому, что россияне являются ныне одной из самых непатриотичных наций. По данным "Фонда общественного мнения", патриотами себя назвали только 58% респондентов ("Независимая газета", 11 декабря 2006 г.). Вероятно, Кондопога стала тем рубежом, после которого должна начаться новая эпоха в нациестроительстве, ибо иначе ни о суверенности, ни о самодостаточности России говорить будет нельзя. Пока, однако, ни региональные, ни федеральные власти не сделали должных выводов из того, что произошло в Кондопоге.

Межгрупповые отношения в Москве

О. В. Кульбачевская

Настоящий обзор ситуации в Москве основан на данных, полученных в ходе исследования, проведенного в 2008 г. Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга по заказу Министерства регионального развития РФ¹. Исследование включало проведение массового опроса²; контент-анализ региональной прессы и ресурсов интернет; анализ материалов судебных расследований в отношении лиц, обвиняемых в экстремизме, разжигании национальной розни; анализ деятельности общественных организаций этнокультурной направленности.

Общественное восприятие демографической и миграционной ситуации

Опрос москвичей опроверг расхожее представление о миграционном засилье столицы. Половина респондентов, принявших участие в опросе, являются уроженцами Москвы, 37% приехали в столицу из других регионов России и лишь незначительная доля приходится на приезжих из других государств. На долю недавно прибывших (до пяти лет) приходится одна десятая часть, и уже из этого количества только 13,3% составляют выходцы из Средней Азии и Кавказа.

Опрос выявил миграционные установки москвичей: 30% респондентов хотели бы покинуть столицу на длительное время, либо навсегда, предпочтительно уехав в другую страну. Миграционные установки в целом неустойчивы, что, в частности, подтверждается неопределенностью географии предполагаемого выезда. При допущении возможности отъезда из Москвы очень многие затруднились ответить, куда именно они хотели бы уехать. Закономерно, что в большей степени

¹ Комплексное исследование современного этносоциального положения русскоязычного, в том числе русского, населения в регионах Российской Федерации, рук. исследования акад. В. А. Тишков.

² Опрос проводился с 30.10.2008 г. по 10.11.2008 г. Было опрошено 300 чел., из них 47,3% составили мужчины, 52,7% – женщины. Половозрастная и образовательная структура массива опрошенных соответствует половозрастной и образовательной структуре населения г. Москва.

настроены на отъезд люди в возрасте от 18 до 40 лет, имеющие высшее образование.

Несмотря на то, что в Москве увеличилась рождаемость и показатели средней продолжительности жизни, тревожным симптомом, выявленным в ходе опроса, является то, что 86% женщин от 18 до 24 лет не имеют детей, а 54% женщин данной возрастной категории заявили о нежелании иметь детей. По мнению некоторых респондентов, желание иметь детей "нейтрализуется отсутствием помощи со стороны государства вырастить детей здоровыми и образованными". Неуверенность в своем будущем и будущем своих детей возникает из-за осознания того, что высшее образование в Москве доступно только хорошо обеспеченным слоям общества. Слабые установки к деторождению среди молодых женщин, по всей видимости, усугубляются общими факторами социального самочувствия.

Права человека и коллективные права

Опрос показал, что большинство москвичей считает, что иноэтничные москвичи, а также принадлежащие к разным религиям, имеют равные возможности быть избранными на ответственные посты, при получении образования, в достижении материального благополучия, при получении хорошей должности. Особенно равенство проявляется в возможностях духовного и культурного развития. Большинство респондентов признали, однако, что существует неравенство в доступности высшего образования для мигрантов в пользу местных жителей.

Основную массу опрошенных москвичей составили русские, как наиболее многочисленная часть жителей столицы. Те из опрошенных русских, кто считает, что перечисленные возможности для людей разных национальностей и религий не равны, подчеркивает, что больше возможностей социального и культурного роста в Москве имеют именно русские. Некоторые отмечали, что самые плохие возможности в московской среде – у выходцев из Средней Азии. Отметим, что значительная часть иноэтничных жителей столицы также заявляет, что для них, по сравнению с русскими, меньше перспектив в получении высшего образования и в возможностях быть избранными на ответственные посты.

Многие русские респонденты замечают ущемление прав и принижение достоинства иноэтничных жителей столицы. Большинству опрошенных на фоне того, что сами они за последний год не сталкивались с ограничением своих прав по национальному и религиозному признаку, известны случаи увольнения или не принятия людей на работу по причине гражданства (46%) или национальности (21%). Гораздо реже ис-

точником дискриминации является религиозная принадлежность (3,7%). Иноэтничные респонденты чаще говорят о наличии ограничений в правах из-за национальности, гражданства и языка. Прежде всего, замечают они, ограничения проявляются в трудовой сфере.

Источником унижения и оскорбления людей на основании их религии или национальности подавляющая часть респондентов назвала телевидение, газеты, журналы. Второе место по значимости в общественном восприятии занимает такой источник ксенофобских установок, как слухи и домыслы. На третьем месте – лозунги и надписи ксенофобского характера в общественных местах. На четвертом месте, согласно субъективному восприятию – интернет. Четверть опрошенных являлись, по их заверению, очевидцами случаев оскорбления и унижения, а около 4% опрошенных сами были жертвой таких оскорблений и унижений (об этом заявляли в основном нерусские жители столицы).

Социальные позиции категорий населения

Исследование не подтвердило предположения экспертов о том, что москвичи связывают представления о качествах, требующихся человеку для достижения успеха и материального благополучия с этнизацией и клановостью доходных сфер экономики. Столичные респонденты на первое место среди факторов, обеспечивающих материальное благополучие человека, ставят профессию и образование, а не этническое происхождение или религиозную принадлежность.

Неправомерность предположений об этнизации доходных сфер экономики подтверждают также следующие данные опроса: 73% респондентов (подавляющее большинство из которых – русские) заняты в основном в таких сферах, как образование, наука, культура, здравоохранение, торговля, сфера услуг, управление, финансы. Перечисленные сферы относятся к престижным, а некоторые из них – к доходным.

Доля респондентов, считающих, что материальное благосостояние зависит от национальности, составила всего лишь 3%, среди которых, заметим, нет ни одного респондента нерусского. Вместе с тем, среди данной немногочисленной категории высока доля молодых людей от 18 до 25 лет. А вот 5% опрошенных (подавляющее большинство из которых – русские) необходимым условием для достижения материального благополучия, в том числе посредством получения хорошей должности, называют знакомства, связи и деньги. Некоторые респонденты отмечают наличие клановых структур в сфере распределения ответственных постов и хороших должностей.

Социальное самочувствие большинства опрошенных москвичей, по вполне понятным причинам, нельзя охарактеризовать однозначно.

Почти половина респондентов оценивает свое материальное положение как затруднительное, одна десятая часть – как тяжелое. Еще 10% затруднились охарактеризовать свое положение. Довольны своим материальным положением более трети москвичей. Хуже обстоит дело с оценкой жилищных условий: 37% опрошенных хотели бы их улучшить, а 28% нуждаются в более комфортных жилищных условиях.

По итогам исследования складывается довольно благоприятная картина физического здоровья москвичей. Почти 60% не курят и редко употребляют алкоголь, еще 9% и то и другое употребляют редко. Эти данные, кстати, идут вразрез с устоявшимися представлениями о том, что в стране свыше двух третей мужчин и около трети женщин курят. Более 60% москвичей считают себя вполне здоровыми людьми, но при этом все-таки высока доля (одна пятая часть) считающих себя нездоровыми.

Культурная и языковая ситуация

Опросы показали, что москвичи слабо осознают факт культурного многообразия столицы и страны. Характерно и некоторое равнодушие русских жителей столицы к своей культуре. Так, почти половине респондентов, принявшим участие в опросе, не известны общественные или религиозные организации, поддерживающие родной для них язык и культуру. А четверть опрошенных вообще затруднились что-либо сказать на данную тему.

Невнимание столичных жителей к культурному многообразию является своеобразным индикатором благоприятных межгрупповых отношений в столице, поскольку отсутствует острая необходимость этнокультурных и этнополитических организаций. Низкая актуальность "этнической темы" объясняется не только слабой деятельностью соответствующих общественных и религиозных организаций, но и отсутствием массовой информации о них. Отметим, что этническая проблематика более интересует москвичей – азербайджанцев, чеченцев, татар, лезгин, евреев, которым, судя по данным опроса, все же известны общественные организации этнокультурной направленности.

Тревожным симптомом является то, что некоторые респонденты (таких немного) защитниками своего языка и культуры считают скинхедов и ЛДПР, чья доктрина сводится к посылу "Россия для русских". Эти немногочисленные респонденты чаще других склонны наделять "армян и азербайджанцев на рынке" негативными характеристиками.

Половине респондентов известны газеты, теле- и радиопередачи, рассказывающие о родном для них языке и культуре; но второй половине какие-либо источники неизвестны. В условиях всеобщей столич-

ной информатизации последнее свидетельствует скорее не о незнании, а игнорировании такого рода информации. Наибольшую осведомленность о СМИ, рассказывающих о родном языке и культуре, среди опрошенных проявляют московские евреи и белорусы.

Характерно представление москвичей о "непрерывности и однородности русскоязычного пространства" столицы и страны. Это свидетельствует не только о доминировании позитивных межгрупповых отношений, но и о том, что все еще бытуют наивные представления о единственно возможной культуре. Большинство респондентов считает: только один русский язык должен быть главным в стране.

При этом у москвичей нет полной ясности в оценке преподавания русского языка в московских школах. Значительная часть опрошенных (40%) считает, что преподавание соответствует потребностям населения, почти такая же часть (35%) не может определить степени соответствия. Почти четверть респондентов придерживаются мнения о том, что преподавание русского языка в московских школах недостаточно, имея в виду при этом не количество часов, а качество преподавания.

Среди языков, употребляемых в повседневной жизни в столице кроме русского, лидируют татарский, азербайджанский и таджикский языки. Если соотнести данные об употреблении языка с длительностью проживания в столице, то можно сделать предварительный вывод о том, что татарам, родившимся или выросшим в Москве, воспринимающих русскую среду в качестве своей, свойственно одновременно сохранять татарский язык. Попавшие в выборку опроса азербайджанцы и таджики живут в городе недолго (до пяти лет), поэтому в их повседневной жизни русский язык не является доминирующим.

Этнокультурная и гражданская идентичность москвичей

Исследование показало, что факторами самоопределения респондентами своей национальности являются происхождение по предкам (для респондентов всех возрастов и уровней образования), а также язык и культура (этот вариант ответа предпочитают молодые люди до 25 лет). Также довольно значительная роль в самоидентификации отводится таким признакам, как место рождения, гражданство. В несколько меньшей степени респонденты склонны определять свою национальность по тому, что в советские времена значилось у них в паспорте (наибольшее число давших такой ответ – люди старшего поколения).

Большинство опрошенных склонны, наряду с этнической принадлежностью, определять себя как "россияне". Подавляющее большинство опрошенных москвичей лично ощущают принадлежность к России. Распределение ответов на вопрос о том, что для респондента означает

понятие "Родина" также свидетельствует о многообразии идентичностей: в равной мере большинство опрошенных в понятие "Родина" вкладывают и государство Россию, и место своего рождения.

Двойственная этническая идентичность характерна для небольшого количества опрошенных. А некоторые опрошенные москвичи указали только идентичность "россияне".

Несмотря на высокий уровень патриотичности, выявленный в ходе опроса, большая часть респондентов не смогла определить, соответствует ли преподавание истории в московских школах идее российского патриотизма. Как нам кажется, это связано с тем, что у жителей Москвы нет четкого представления о том, что такое и каким должен быть российский патриотизм и какой должна быть национальная идея.

Межгрупповые отношения

Исследование не выявило высокого уровня тревожности среди москвичей по поводу пресловутых межнациональных отношений. Наоборот, отмечается определенный уровень толерантности по отношению к иноэтничным жителям столицы и мигрантам.

Большинство опрошенных считают, что окружающие их люди не похожи друг на друга личными особенностями, а не этническими различиями. Многие респонденты ничего не имеют против межнациональных браков. Но в то же время довольно высока доля москвичей, которые считают, что у человека не может быть двух национальностей. При сочувственном отношении москвичей-русских к мигрантам, большинство считает, что во время переписи населения все-таки надо учитывать национальность, религию, либо и то и другое.

Почти половина опрошенных, как мужчин, так и женщин различных национальностей и возрастов, считают, что межнациональные отношения в Москве складываются по-разному. Больше трети респондентов оценивают эти отношения как хорошие. Среди небольшого числа тех, кто считает, что межнациональные отношения складываются плохо, преобладают мужчины молодого возраста с высшим и средним специальным образованием. Такое распределение ответов респондентов на вопрос о состоянии межнациональных отношений не свидетельствует об остроте ситуации.

Но при этом со стороны респондентов выявилась определенная доля неприятия на бытовом уровне к иноэтничным жителям и противопоставление себя им. Об этом свидетельствуют высказывания "на полях анкеты". Например: "браки с кавказцами недопустимы", "мигранты не должны иметь равные права на получение высшего образования". Во время опроса, когда выяснялось, что в анкете есть вопросы о меж-

национальных отношениях, встречались (редко) такие высказывания: "Я не расист, но поубивал бы их всех", "Идите и у них спросите", "Да, много их стало, ситуацию надо менять". Под "ними" подразумевались приезжие. Для определенной части москвичей межнациональные отношения означают противопоставление себя мигрантам как таковым, а не людям разных национальностей.

Данные опроса показывают, что в трудных жизненных обстоятельствах москвичи почти не надеются на "людей своей национальности". Это лишний раз подтверждает, что круги общения, социальных контактов и взаимопомощи в условиях мегаполиса не связаны с культурными различиями. Вместе с тем, высока доля опрошенных москвичей, которые заявили, что при решении проблем рассчитывают только на себя. Это свидетельствует о том, что не только социокультурные, но и семейно-родственные связи в условиях мегаполиса утрачивают свою значимость, а образ жизни все более приобретает черты индивидуализма.

Влияние СМИ на формирование общественных стереотипов

Различные исследования влияния СМИ на формирование этнических стереотипов, анализ содержания материалов центральной и региональной прессы, мониторинг прессы московского региона фиксируют значительную долю этноконфликтных публикаций, причем – в наиболее рейтинговых периодических изданиях. Среди таковых, например, пользующаяся вниманием у массового читателя газета "Московский комсомолец" (самая популярная ежедневная российская газета, тираж немногим более миллиона экз.), "Аргументы и факты" (ежедневная общероссийская газета, имеющая приложение "Аргументы и факты – Москва"), "Комсомольская правда" (общенациональная ежедневная газета, имеющая самый большой тираж в России и СНГ – 27 млн. экз.), "Московская правда". Заметим: этноконфликтные публикации с наибольшей частотой встречаются в разделах криминальной хроники, а также в аналитических статьях, затрагивающих темы криминала, терроризма и миграции.

Продуцирование ксенофобии (этнофобии) чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (преимущественно "нерусских" преступников), что способствует формированию в массовом сознании негативных стереотипов. Журналисты зачастую придают криминальной ситуации этнический аспект, спекулируя на этническом происхождении преступников или их религиозной принадлежности (хотя такие характеристики обычно являются не более чем репортерскими гипотезами). Нередко в публикациях "выявляются" почва или мотивы

преступлений, якобы, связанные с этноконфессиональными причинами. Так, представители масс-медиа традиционно рассматривают в этническом контексте социальную по своей природе проблему неконтролируемого притока в столицу неквалифицированной рабочей силы и связанного с этим наплыва криминальных элементов из республик бывшего СССР и "неблагополучных" регионов России.

Объектом нападок и некорректных обвинений в негативном влиянии на экономические и социальные процессы в столице в основном становятся приезжие трудовые мигранты из стран СНГ, в особенности – выходцы из среднеазиатских республик. В отдельных публикациях "Московской правды" ("лидер" по количеству конфликтогенных публикаций) "гости столицы" интерпретируются буквально как цивилизационные враги России и русских, представляющие для москвичей угрозу не только социальную, экономическую и политическую, но также опасность культурную и демографическую...

Одним из часто используемых приемов формирования негативных представлений у читательской аудитории в отношении мигрантов является некорректное использование различных статистических показателей. В условиях весьма ограниченного доступа к надежным официальным данным либо их отсутствия журналисты произвольно и тенденциозно определяют количество мигрантов в Москве. Результатом этого становится тиражирование мифа о неуклонном росте численности представителей иноэтничных групп в Москве. Нередко в публикациях звучит тревога по поводу сокращения численности "коренных" москвичей и этнических русских.

В определенной степени формированию ксенофобии, негативных межэтнических установок в массовом сознании, обострению взаимодействия этнического большинства с представителями иноэтничных групп в столичном мегаполисе способствует публикация материалов, содержащих обобщения о чертах "национального" характера или "культурных" особенностях образа жизни и поведения представителей различных этнокультурных групп.

Особо следует отметить значительную часть этноконфликтогенных публикаций, посвященных событиям на Северном Кавказе и проблемам терроризма. Как правило, такие публикации связаны с демонизацией образа "чеченца" и "кавказца". Некорректное использование журналистами ряда религиозных терминов (шахид, моджахед, воин Аллаха и пр.) применительно к бандитам и террористам-смертникам способствует формированию ложных представлений о нормах ислама и, соответственно, негативного образа мусульманина. Конфликтогенные статьи на тему террора публиковались в "Аргументах и фактах", в

меньшем количестве – в "Московском комсомольце" и "Московской правде".

Многие исследователи "этнической" темы в СМИ приходят к одному и тому же выводу: тиражирование установок ксенофобии часто является следствием не позиции редакции того или иного средства массовой информации, а результатом некомпетентности и профессиональной некорректности журналистов. Вследствие этого вполне нейтральные по содержанию статьи, отражающие проблемы мигрантов, производят конфликтотенный эффект, поскольку способ подачи материала, отдельные формулировки или фотографии способствуют формированию межкультурных предубеждений.

Следует отметить, что ряд российских исследователей сходятся во мнении о том, пресса не столько непосредственно формирует, сколько помогает оформлению уже относительно сложившегося в обыденном сознании образа. Вывод достаточно спорный, поскольку опросы показывают, что именно пресса является для многих респондентов первоисточником материалов ксенофобского характера.

Нельзя оставить без внимания вопрос о формировании в прессе стереотипов в отношении русских. Журналисты уделяют сравнительно много внимания русскому народу, способствуя формированию его образа в массовом сознании. Анализ публикаций показывает, что, в основном, акцент делается на негативных этнических характеристиках, что, конечно, не добавляет толерантности москвичам. Будоражающая идея о сокращении численности русских и "вымирании" часто повторяется в разных формах. Читатель сталкивается на страницах газет с запугиванием, унижением, насмешками в адрес русских, пишут о "неудачах России", связывая их с русским народом. Газеты не оставляют тему пьянства, в ряде случаев расценивая его как "яркую особенность" русского народа. Основные характеристики русских, представляемые массовому читателю, часто негативны и сопровождаются подтекстом о том, что "так было раньше, так будет и впредь". Подобная "идеологическая" деятельность СМИ может способствовать формированию массовой негативной самоидентичности населения, особенно молодого поколения и порождать межгрупповую нетерпимость.

"Этническая" пресса предпринимает попытки нейтрализовать негативный социально-психологический фон в отношении иноэтничных мигрантов. Наиболее характерные способы, использующиеся для этого, следующие: материалы, рассказывающие о значительном вкладе того или иного народа в целом и отдельных его представителей в развитие национальной и мировой культур; очерки об отдельных политиках, военных, деятелях культуры, науки; публицистика о проблемах этнической нетерпимости со стороны отдельных российских политиков или нацио-

налистических движений; публикации рассказов, миниатюр, показывающих проблемы и радости обычного человека и демонстрирующих близость представлений и потребностей любого человека вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности.

К сожалению, стремление этнических активистов вернуть дискредитированному столичной прессой образу того или иного народа положительный имидж и "оправдать его присутствие" в столице реализуется только на страницах прессы и интернет-сайтах национально-культурных организаций, т. е. – малыми тиражами и с малым охватом читательской аудитории.

Следует отметить, что предложения по улучшению ситуации в Москве, звучащие со стороны "этнической" прессы, исходят из парадигмы культурных различий и необходимости ее преодоления в основном за счет формирования у местных более привлекательного образа "приезжих" путем информирования их об особенностях отдельных культур. Такой подход способствует еще большему усугублению восприятия различий, а не единства. На страницах "этнических" изданий отсутствует критический анализ действий членов собственных сообществ, возможных причин, осложняющих адаптацию и интеграцию. "Этническая пресса" широкой читательской аудитории не имеет, и это лишает москвичей возможности воспринимать альтернативную информацию об иноэтничных жителях города в противовес тенденциозной и мифологизированной информации многотиражных СМИ.

На сегодня количество "этнических" газет (в том числе русских) в Москве достигает трех десятков, треть из которых имеет электронные версии. Заметим, что сайты этих газет размещены в российском сегменте интернета. В Москве издаются 4 журнала, на страницах которых можно найти информацию о национальной и миграционной политике, о жизни этнокультурных общественных организаций и национально-культурных автономий ("Век толерантности", "Этносфера", "Миграция. Московское притяжение", "Таджикистан").

Обращает на себя внимание тот факт, что радикальные националистические электронные издания и ресурсы, такие, например, как газета "Русская Правда", информационно-аналитический портал "Евразия" имеют зарубежные хосты (net и org), что создает большие сложности для привлечения авторов к ответственности за разжигание национальной и религиозной ненависти. Однако и в недрах российского интернет-пространства любой желающий может найти материалы газеты "Эра России", заглянуть на экстремистский сайт "Русская Республика", портал сетевой войны Евразийского союза молодежи. Серьезные российские информационные агентства как, например, "Новый Регион" позволяют себе публиковать интервью лидеров национал-экстремистских организаций.

Российское информационное агентство "Новый Регион" в октябре 2008 г. опубликовало интервью лидера ДПНИ А. Белова, в котором он безосновательно утверждал, что "люди, которые внешне от вас отличаются" совершают большое число преступлений; Белов запугивал читателей 7-ю миллионами гастарбайтеров, которые живут в Москве, и которые из-за безработицы начнут массово нападать на москвичей. Этот деятель призывал к депортации мигрантов и массовому вооружению населения.

Среди электронных ресурсов, которые много внимания уделяют противодействию ксенофобии и экстремизма, публикуют информацию правозащитных организаций, в том числе Московского бюро по правам человека, нужно отметить информационное агентство "Regnum". Такие сайты как www.sova-center.ru, www.antirasizm.ru ориентированы на фиксацию случаев нападения на жителей стран СНГ, дальнего зарубежья и россиян "неславянского происхождения" или "неславянской внешности".

С другой стороны, ДПНИ на своем сайте (www.dpni.org) также размещает информацию о нападениях, но только в тех случаях, когда жертвой преступления со стороны иноэтничных становится москвич со славянской внешностью.

Деятельность общественных организаций этнокультурной направленности

Органами власти Москвы все большее внимание уделяется вопросам деятельности национальных общественных объединений. Согласно Постановлению Правительства Москвы от 24 апреля 2007 г. N 314-ПП "Об утверждении Положения о Комитете межрегиональных связей и национальной политики города Москвы", данный Комитет "содействует обеспечению условий для удовлетворения этнокультурных потребностей жителей города Москвы разных национальностей, в том числе деятельности национально-культурных автономий и общественных объединений города Москвы, основная цель деятельности которых направлена на сохранение и развитие национальной культуры по самостоятельному решению ими вопросов сохранения самобытности, развития родного языка, образования, национальной культуры на основе добровольной самоорганизации". С 2007 г. Комитет межрегиональных связей и национальной политики начал заключать соглашения с некоторыми национальными общественными организациями о совместной деятельности по проведению разъяснительной информационной работе, направленную на укрепление межнационального мира, на форми-

рование у жителей столицы позитивных установок на взаимодействие с иноэтничными жителями.

Представители НОО и национальных общин, наряду с чиновниками и представителями правоохранительных органов, участвуют в круглых столах в префектурах тех районов Москвы, где возникают острые ситуации на национальной почве.

В прежние годы основная деятельность НОО была направлена на сохранение культурных традиций, пропаганду среди москвичей национальных языков и культур, организацию школ, курсов с национальным языком обучения, издательскую деятельность, пропагандирующую интересы этнических общин Москвы. В то же время наблюдалась слабая ориентация руководителей национально-культурных обществ на ознакомление своих членов с достижениями других этнических культур, в том числе русской. Московский дом национальностей в определенной степени сегодня решает эту проблему, реализовывая такие программы как "Московские семьи разных национальностей", в рамках которых проводятся познавательные вечера этнокультурной направленности.

Существуют разногласия среди активистов национальных организаций. Характерно также недостаточное внимание к трудовым мигрантам со стороны этнокультурных объединений, склонность национальных организаций замыкаться на вопросах собственного существования.

Некоторые аналитики считают, что характер взаимодействия национально-культурных объединений и власти, не наполненный реальным содержанием, не способствует гармонизации межэтнических отношений в столице. По их мнению, государственная поддержка (в том числе финансовая) национально-культурных автономий не будет способствовать профилактике конфликтов и снижению межэтнической напряженности, поскольку деятельность этнических активистов, не могущих выступать от имени народа, ориентирована, в первую очередь на культивирование этнической, а не общенациональной российской идентичности.

Несмотря на перечисленные проблемы, следует отметить положительные моменты в общественно-политической деятельности национально-культурных организаций, находящихся в Москве. Общественными организациями инициированы мероприятия по противодействию ксенофобии, экстремизму и терроризму (круглые столы, организация пресс-клубов, акции протеста, акции памяти); правозащитная работа, в том числе подача исков в суд с требованиями наказания за разжигание межнациональной розни; проведение мониторинга антисемитских публикаций в СМИ и на электронных носителях. К наиболее активным в Москве относятся еврейские, азербайджанские, армянские общественные организации.

При смещении акцента в деятельности национальных общественных объединений с узкой специализации на поддержании своей культуры и языка на решение общественно значимых задач таких, например, как налаживание взаимодействия с управами и префектурами, активной работы с приезжающими в Москву мигрантами, данные организации могут влиять на стабилизацию и гармонизацию межэтнических отношений в столице.

Во время опроса интервьюеры отмечали, что до половины респондентов вели себя настороженно, спрашивали, кому, куда и зачем требуется такая анкета. Некоторые люди боялись давать ответы, несмотря на анонимность опроса. Среди комментариев по поводу целей исследования были такие: "Зачем нужны эти исследования? Все равно ничего не поможет", "Никакие министерства, никакая власть ничего не изменят", "Они только деньги отмывают". При этом опрос выявил, что общественно-политическая активность подавляющего большинства респондентов крайне низка.

Что касается поддержки со стороны общественных или религиозных организаций, то подавляющее большинство опрошенных москвичей не считают, что эти институты способны оказывать реальную помощь в различных сферах жизни, в частности, при устройстве на работу, при возникающих трудностях с милицией. Лишь некоторые респонденты говорят, что пенсионерам, детям, инвалидам и многодетным матерям можно получить какую-то помощь со стороны общественного и религиозного секторов. Это говорит не в пользу развитости гражданского общества, и свидетельствуют о пассивности московского обывателя, который испытывает недоверие к властям и гражданским структурам.

Ксенофобия в Москве

• О. Н. Подлесных

В самом большом городе России ксенофобский стереотип складывается из-за бытовых мелочей. Но особенно сильно действует пропаганда через СМИ и интернет. Термин "ксенофобия" вошел в русский язык сравнительно недавно (последнее издание Большой советской энциклопедии не содержит статьи о ксенофобии). Под ксенофобией (от греческого *xenos* – "чужой" и *phobos* – "страх", "боязнь") обычно понимают страх перед чужими людьми, переходящий по отношению к ним в неприятие. Стоит отметить, что содержание этого понятия, во всяком случае, в русском языке уже значительно отклонилось от первоначального, где на первый план выступал психологический момент "фобии". Сейчас оно скорее подразумевает различные формы нетерпимости и даже агрессии по отношению к любым "чужакам" или вообще "иным" и "другим", а так же к их языку, образу жизни, стилю мышления. Понятие вместило такие формы нетерпимости и расизма как мигрантофобия (например, кавказофобия), религиозные формы нетерпимости (исламофобия, мусульманофобия), юдофобия (антисемитизм) и т. д. Идеологи ксенофобии уже не столько боятся "иных", сколько полагают возможным вымещать на них зло, проявляя социальную агрессию, накопившуюся в иных обстоятельствах и по другим причинам. Ксенофобия проявляется сегодня в форме негативных этнических и расовых стереотипов и в агрессивных действиях или призывах к ограничению в правах и депортации представителей иных этнических, расовых, или религиозных групп.

Если в англоязычной литературе понятие "расизм" считается более общим и включает в свой объем различные формы ксенофобии, то во Франции и Германии эти понятия различаются и даже в некоторых случаях противопоставляются. В Германии расизм в наибольшей степени ассоциируется с периодом нацизма, и его использование в отношении современной мигрантофобии оказывается неприемлемым. А во Франции выступления против мигрантов характеризуются риторикой, подчеркивающей культурные, а не биологические отличия¹.

Сегодня под ксенофобией уже чаще всего понимают совокупность этнических предубеждений и основанное на них поведение, при этом

¹ Banton, Michael. The Cultural Determinants of Xenophobia // *Anthropology Today*. 1996. Vol. 12, No. 2, pp. 8.

разные авторы по-разному трактуют понятие "этническое предубеждение". В справочном пособии Б. Берельсона и Г. Стейнера "Человеческое поведение. Сводка научных данных" *предубеждение* определяется как "враждебная установка по отношению к этнической группе или ее членам как таковым". В учебнике социальной психологии Д. Креча, Р. Крачфилда и Э. Балмачи предубеждение определяется как "неблагоприятная установка к объекту, которая имеет тенденцию быть крайне стереотипизированной, эмоционально заряженной и нелегко поддается изменению под влиянием противоположной информации". В "Словаре по общественным наукам", выпущенном ЮНЕСКО, читаем: "Предубеждение – это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь"².

Если вести речь о таком расширенном понимании ксенофобии, то следует отметить ее избирательность (что отличает ее от стандартных "клинических" фобий) и даже ее весьма парадоксальное сочетание с ксенофилией – тягой к чужому (по Умберто Эко), проявляемые по отношению к отдельным культурам, языкам, предметам потребления и т. д. Иными словами, в отличие от клинических фобий, страх и отвержение распространяется не на все чужое, не на все элементы культуры "чужаков", но обычно на те, которые воспринимаются как нарушающие привычные устои и угрожающие непосредственно безопасности, либо благополучию конкретных людей – носителей ксенофобных установок. Вопрос о том, почему к одним группам и их представителям в обществе может существовать толерантное, а к другим ксенофобское отношение, до сих пор не имеет однозначного ответа.

Альтернативу понятию "ксенофобии" представляет термин "толерантность". Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает "уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности"³. Таким образом, толерантность подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр.

² Все цитаты приведены по: Кон И. С. [1966] Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Психология национальной нетерпимости. Минск: Харвест, 1998. С. 11.

³ Декларация принципов терпимости (<http://bhc.unibel.by/prava/toleranc.htm>).

В федеральной программе "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)" понятие "толерантность" применяется в трактовке Декларации принципов толерантности, принятой странами-членами ЮНЕСКО в 1995 г. как терпимость и уважение ко всему "иному". В федеральной программе толерантность связывается с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, уничтожать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий⁴.

О ксенофобии в Москве стали говорить в последние 10-15 лет, хотя само явление, разумеется, наблюдалось и прежде. Однако агрессия направлялась не столько на "иных" в этническом и расовом отношении, сколько на "гостей столицы" вообще. В этой связи уместно вспомнить, например, неприязнь по отношению к "лимитчикам", или к торговцам на рынках. В советском прошлом ксенофобия имела отчетливую социально-сословную или сословно-профессиональную составляющую, которая сегодня, на мой взгляд, отступила на задний план. Причины этого лежат, скорее всего, в экономике, поскольку после перестройки с ее "шоковой терапией" у значительного количества людей в Москве уровень жизни снизился ниже привычной планки. Их агрессия направлялась уже не в адрес социальных низов или верхов, но на еще более бесправную часть населения – недавних приезжих. Многие исследования показывают, что среди бедных слоев населения негативные настроения обычно распространены шире, чем среди состоятельных. Это свидетельствует о том, что здесь играет роль не только субъективная оценка благосостояния, но и его объективное снижение. В постсоветский период вырос и уровень агрессии против мигрантов. Что бы ни говорили, случаев убийства приезжих по мотивам расовой или этнической ненависти в советское время не отмечалось, и на эту тему не было обсуждений, о чем свидетельствуют мнения самих москвичей⁵.

По данным Л. М. Дробижевой, за последние годы значительно изменилась социальная база ксенофобов, в частности, носителей крайних националистических идей. Снижение социального статуса порождает чувства обиды и ущемления. "Это касалось как интеллектуалов, которые никак не могут приспособиться к требованиям сегодняшнего дня, так и квалифицированных работников физического труда, не нашедших для себя адекватного места. В среде молодежи ксенофобскими настроениями заражена значительная группа учащихся ПТУ или рабочих, которые видят богатство только в кино или на московских улицах... "Этнический

⁴ В. В. Усачева. "Свои" и "чужие" в зеркале СМИ (освещение электронными СМИ погрома в Царицыно 30 октября 2001 года) // Чужие здесь не ходят. М., 2004. С. 226.

⁵ Ср.: Остапенко Л. В., Субботина И. А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. С. 183.

негативизм" проявляет и часть управленцев, бизнесменов, номенклатуры и политиков – особенно тех, кто чувствует себя неуверенно"⁶.

Экономический кризис 1990-х гг. отмечался резким снижением уровня жизни у интеллигенции. Люди были вынуждены бросать свою профессию и заниматься мелкой торговлей, становились "челноками". Известный социолог, исследующий структуру массового сознания, Лев Гудков отмечает, что "при некотором снижении ксенофобии в российском обществе, отмечаемом в последние годы, единственной группой, демонстрирующей не просто сохранение прежнего уровня этнического негативизма в отношении нерусских, но и рост комплекса ущемленности, обиды, страха перед "распродажей национального богатства страны", готовность ограничить доступ к значимым социальным позициям "чужаков", является группа респондентов с высшим образованием"⁷. За 7 лет наблюдений (с 1990 по 1997 гг.) доля подобных ответов в социологических опросах увеличилась почти вдвое, с 39 до 69%. "В этой среде полагают, что государственные органы должны следить за тем, чтобы "инородцы", "нерусские" не могли занимать ключевые посты в правительстве, средствах массовой информации, в армии или милиции"⁸.

Исследования последних лет устойчиво фиксировали негативное отношение к усилившейся миграции в Россию иноэтничного населения, как со стороны москвичей, так и жителей других российских городов. На основе материалов социологических опросов, проведенных в начале 2000-х гг. Центром миграционных исследований, был сделан вывод о том, что "население России страдает мигрантофобией, воспринимает миграцию как внешнюю и иноэтничную по отношению к доминирующему национальному большинству регионов; на этой основе происходит неприятие, отторжение мигрантов основной массой местных жителей". Материалы московского опроса 2006 г. в целом подтвердили это заключение⁹. По данным другого исследования, проведенного Ю. В. Арутюняном, 64% москвичей отрицательно реагировали на приезд мигрантов (Арутюнян 2006: 52). Наиболее толерантными оказались москвичи в возрасте 30-49 лет – 46% негативных оценок против 56% у молодежи и 67% у пожилых¹⁰. Вполне ожидаемым образом данные этих опросов подтвердили распространенное среди исследователей ксенофобии положение, что наиболее сильное влияние на отношение давних жителей столицы к

⁶ [http://demography/invur.ru](http://demography.invur.ru).

⁷ Гудков 1999 Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в России, 1990–1997 // Старые и новые фобии в России. М., 1999.

⁸ Там же.

⁹ Цит по: Остапенко Л. В., Субботина И. А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 155.

мигрантам оказал такой фактор, как удовлетворенность жизнью: люди, сумевшие адаптироваться к постсоветским условиям, более чем в полтора раза реже давали негативные оценки иноэтничной миграции, нежели те, кто не смог этого сделать¹¹.

Высказывания негативного характера в адрес выходцев из кавказского региона усилились после трагических событий осени 1999 г. в Москве, когда были взорваны дома на улице Гурьянова и на Каширском шоссе. После первого взрыва, в СМИ хоть и прослеживалась настороженность по отношению к представителям "кавказской национальности", она была выражена относительно слабо. Когда же прогремел взрыв на Каширском шоссе, практически все газеты констатировали начало "войны" на территории Москвы. На страницы газет было выброшено огромное количество нелицеприятных суждений, скоропелых выводов, безжалостных обвинений всех чеченцев (и кавказцев в целом) в экстремизме, желании стереть русских с лица земли, в попытке захватить российские территории с целью создать свое государство. Стали высказываться предположения, что "кавказская мафия контролирует до половины российских банков", что "на деньги обманутых вкладчиков покупаются оружие и гексоген для террористов", появились призывы немедленно "прижать кавказские криминальные авторитеты", и тогда взрывы якобы должны были сразу прекратиться¹².

С начала 2008 г. количество нападений на выходцев с Кавказа и Центральной Азии в Москве выросло в два раза по сравнению с предыдущим годом. Представители диаспор и власти государств СНГ потребовали от В. Путина, а также В. Пронина, главы столичного ГУВД, защитить иностранцев. Милиция начала массовую проверку столичной молодежи, хотя не признала, что это связано с нападениями.

По сообщению С. Чарного из Московского бюро по правам человека (МБПЧ), за первые два месяца 2008 г. в столице были убиты 18 чел. неславянской внешности, а за тот же период 2007 г. – 9 чел. По сведениям главы МБПЧ А. Брода, "каждый год количество преступлений на национальной почве увеличивается [в Москве] на 15 процентов". Адвокат С. Цатурян считает, что "в первую очередь это происходит из-за сравнительно мягких приговоров нацистам".

Типичным в этом смысле был прошедший в Москве в июле 2004 г. процесс по делу В. Корчагина – члена руководства НДПР (Национал-державной партии России), обвинявшегося по статье 282 УК РФ. Поводом для привлечения к уголовной ответственности стали призывы обвиняемого добиться "полной депортации евреев" из России, выселения

¹¹ Там же. С. 157.

¹² В. В. Усачева. "Свои" и "чужие" в зеркале СМИ (освещение электронными СМИ погрома в Царицыно 30 октября 2001 года) // Чужие здесь не ходят. М., 2004. С. 268.

уроженцев Кавказа на Кавказ с последующим отделением республик Северного Кавказа от России. Христианскую религию обвиняемый называл "троянским конем" еврейства, с помощью которого "жиды сумели оккупировать Россию". В издаваемом В. Корчагиным журнале "Русич" христианство характеризуется как "духовный СПИД", "вероучение для расово неполноценных особей". Примечательно, что защиту В. Корчагина на процессе осуществлял А. Севастьянов, сопредседатель НДПР, который в эфире Ren-TV с одобрением отозвался об убийстве в Санкт-Петербурге этнолога Н. Гиренко, выступавшего против расизма¹³.

В конце января 2008 г. суд присяжных повторно оправдал Р. Полусняка, которого обвиняли в убийстве 19-летнего жителя г. Пушкино А. Сардаряна, произошедшем 25 мая 2006 г. На молодого армянина напали в электричке Москва-Софрино, нанесли ему несколько ножевых ударов в грудь, шею и голову. Раны были несовместимы с жизнью. Свидетели убийства опознали Полусняка, который к тому времени отбывал наказание за другое преступление – избиение дагестанца, за которое он был осужден на два года колонии. "В сложившейся ситуации в первую очередь виновато государство: нет четкой молодежной и миграционной политики", – заявил А. Брод. "Государство должно помогать мигрантам интегрироваться. Милиция также должна активнее и результативнее бороться с этнической преступностью. Ведь молодые люди просто начинают вершить самосуд"¹⁴.

За последнее десятилетие произошло углубление противопоставления "мы – они" в общественном сознании. Население Москвы стало все чаще противопоставлять себя и представителей "других народов", другого вероисповедания, мигрантов, беженцев, сформировался образ "врага". Это чаще всего кавказцы или выходцы из Средней Азии, причем, как правило, российские граждане не отличают представителей этих народов друг от друга. Поскольку значительная часть выходцев из этих регионов исповедуют ислам, негативное отношение населения к представителям других национальностей переносится и на религию.

¹³ В. Р. Филиппов. Роль этнологов в выработке легитимных способов противодействия ксенофобии в СМИ // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 134-135.

¹⁴ Подробнее см.: Бюллетень сети этнологического мониторинга. М., 2008. № 77. С. 63-64.

Этнические стереотипы в среде московской молодежи: "они не понимают нас, а мы – их"

И. С. Савин

Мы провели изучение наиболее распространенных в подростковой и юношеской московской среде этнических стереотипов. Для этого в январе 2007 г., а затем и в январе 2008 г. было проведено обследование 6 фокус-групп в 4 школах Нижегородского района г. Москвы, одна фокус-группа в расположенном там же колледже, одна фокус-группа с активистами молодежного клуба "Кругозор", в число которых входили юноши и девушки 17–22-х лет, школьники и студенты разных вузов города, и два интервью с преподавателями школ. В одной из школ удалось провести две отдельные фокус-группы: русскую и армянскую. Выбор школ определялся многонациональностью контингента их учащихся и расположением в микрорайонах, в которых на протяжении последних 15 лет сформировалось разнوکультурное население.

Нужно отметить, что среди исследованных нескольких десятков русских молодых людей большинство имеют положительный настрой на восприятие инокультурных групп и на общение с их представителями. В ходе бесед не выявилось эмоциональной вовлеченности в эту тему и желания ее развивать. У большинства школьников обнаружилось индифферентное восприятие как в отношении своей, так и чужой этничности. Типичная фраза: "Z ко всем одинаково отношусь". При этом охотно рассуждали о том, что человека нужно оценивать по его личным достоинствам.

В некоторых случаях называли в качестве главной коллективной идентичности – принадлежность к москвичам и затруднялись однозначно определить собственную идентичность? (особенно, в случае смешанных браков). Интересно отметить, что несколько школьников и студентов, говоря о своей московской идентичности описывали ее наподобие этнической принадлежности (ощущение гордости за принадлежность именно к этой группе, символическая близость или обладание социально-культурными ценностями, которых лишены "немосквичи", осознание своего отличия от них именно на основании этого признака). Размышляя по поводу причин особой значимости для них именно этой региональной идентичности, они отмечали особое значение специальных усилий со стороны школы (уроки "москвоведения") и постоянного сопоставления/противопоставления себя и "других".

Уместно заметить, что скромная роль этнической идентичности в структуре самооощущений московской молодежи объясняется отсутствием специальных усилий со стороны семьи, общественных организаций по актуализации именно такого типа идентичности. Свою роль играет и редкая потребность в повседневной жизни проявлять этнически окрашенные чувства. Благодаря этому проявилась низкая подверженность большинства участников этнически мотивированному восприятию своего окружения.

Даже если дискуссия намеренно обострялась исследователем путем напоминания о возможных случаях столкновений с "чужими", то и в этом случае большинство предпочитало находить какие-то примирительные формулы. Как правило, девушки толерантны более, особенно учащиеся 9-х классов. Даже если вспоминают о каких-то случаях, связанных с некорректным отношением к ним людей с отличающейся внешностью, девушки, как правило, не склонны к обобщениям. Более активны в выстраивании обобщенных стереотипов парни. Но таких меньшинство. Все же приведем примеры высказываний: "Мне не нравится, что в Москве все больше нерусских. Негативность у другой нации мне кажется намного больше. Они не понимают нас, а мы – их". Юноши, попадавшие в неприятные инциденты обычно более категоричны: "если идет нерусский, то он настолько гордый, что ему кажется: всем чужим надо голову проломить".

В более старшем возрасте ситуация меняется. Абсолютное большинство девушек – школьниц 11 класса и студенток колледжа рассказывают о неприятных случаях, связанных с "нерусскими", причем, используя стереотипизацию образов: "На рынке – люди кавказской национальности – хамы и грубияны. Они ведут себя нагло. К ним плохо отношусь. А к другим, по-другому". "Много нерусских на улицах. Это вызывает опасения, очень часто пристают кавказцы, армяне, азербайджанцы, которые торгуют на рынках. Обзываются в грубой форме". Парни этого возраста более спокойны, в отличие от более младших школьников они уже имеют устоявшееся представление о людях другой национальности ("чужие", "кавказцы", "приезжие"), как правило, негативное и, как правило, подкрепленное уже не только воспоминаниями об отдельных случаях неприятных инцидентов, но и законченными суждениями.

В некоторых высказываниях юношей-десятиклассников чувствовались алармистские настроения: "...сегодня приезжает очень много иногородцев, и они забирают русских девушек, увозят к себе...". То есть, уже заметны тенденции осознания присутствия здесь "чужих" как угрозы "нашему будущему". На этом же основывается личная позиция: "в каждой национальности пара должна быть той же национальности. Главное – чтобы религия была похожа, чтобы славяне. Нужно, чтобы

были похожи. Мне не нравится, когда они разные". Эта тема занимает значительное место в рассуждениях 18–19-летних девушек на тему "мы–они". "Я выйду не за мусульманина, так как там заранее родителями выбираются партнеры, и они сами даже не знакомы друг с другом". Это довольно распространенное мнение, некоторые девушки в ответ на вопрос, кем бы они хотели видеть спутника жизни, сразу категорично подчеркивали: "только не с этим", имея в виду кого-то не из "своих". Несомненно, такие настроения являются одной из составляющих негативного образа "чужого", который чаще всего представлен как мусульманин и выходец с Кавказа и Востока.

Интересно посмотреть, как сами московские школьники объясняют для себя не нравящиеся им особенности поведения "чужих". Есть безапелляционные суждения, содержащие высокий уровень предубежденности и негативной стереотипизации: "да они просто дикари". "У них там свои законы, а здесь как бы свободная страна и без последствий все обходится". "Там они всего боятся, а здесь не стоит за каждой девушкой куча братьев, вот у них крыша и едет".

Нужно отметить, что многие различают "чужих" по степени их социального положения: "строители со строек – они тихие спокойные, они всего боятся, милиции, у них ничего нет, они просто дешевая рабочая сила. А вот люди, у которых есть регистрация – они настолько обнаглели". Сами школьники объясняют эти особенности "других", исходя из собственных представлений: "нерусские мужского пола – люди необдуманные, вспыльчивые, горячие. Большинство их проблем – из-за их вспыльчивости, у них это в крови". Это мнение школьников 9–10-х классов, которые просто отмечают для себя инаковость поведения, но не особенно задумываются над причинами, его вызывающими. Есть и более продуманные мнения: "Это объясняется разницей воспитания у них мальчиков и девочек. Мальчикам – полная свобода, девочкам – скромность. Русским детям дико видеть поведение их, которые никогда не были в садике или в коллективе". "Может быть, они как-то на другом уровне находят выброс своей энергии, они же сами по себе как бы не агрессивные, а темпераментные". Это рассуждения более старших школьников и студентов.

Нужно отметить, что в приведенных рассуждениях присутствуют попытки объяснить странности "чужаков" не изначальной "чуждостью" или враждебностью, но особенностями воспитания. Подростки ощущают, что грубость и агрессивность приезжих является частью "их" стратегии поведения, а не природными свойствами. Студенты и старшие школьники отмечали, что типичная для "них" походка (вразвалочку, с широко разведенными плечами, надменным прищуренным взглядом) выглядит очень

странной в Москве и привлекает к себе внимание. Высказывали недоумение по поводу того, почему "они" так специально вызывающе ходят.

Особенности чрезмерно маскулинного поведения выходцев с Кавказа в Москве подробно рассмотрены в статье Д. В. Громова¹. Можно только добавить, что привносимые из более традиционалистских обществ модели поведения юношей основаны на представлениях, согласно которым наиболее успешный индивид должен быть самым сильным. На этом основана конкуренция статусов в ходе соперничества субъектов, претендующих на более высокое место в негласной, но действенной уличной иерархии. Москвичи-юноши прекрасно чувствуют стоящий за этим поведением вызов, но большинство из них не считают такое поведение адекватным для городской среды. Даже самые "антикавказски" настроенные школьники уверены, что если бы они вели себя как все, то никаких неприятных чувств не вызывали бы, и никакой ксенофобии и не было. Никто из подростков не выразил сочувствия убийцам кавказцев и азиатов в Москве, хотя большинство считает, что чаще всего такие случаи спровоцированы вызывающим поведением приезжих.

Нужно отметить, что в некоторых случаях неприятные ощущения, родившиеся от взаимного недопонимания со своими одноклассниками – представителями другой культуры, становятся основой для создания негативного отношения к "другим вообще". Позже эти установки могут укрепляться. И, тем не менее, устойчивого негативизма не наблюдается. Из 50 русских участников фокус-групп только 4 юноши и 3 девушки продемонстрировали склонность к устойчивой негативной стереотипизации.

Говоря об армянских школьниках 11 класса, также принявших участие в исследовании, нужно подчеркнуть, что они демонстрировали совершенно иное отношение к этнической идентичности. Если русские школьники чаще говорили, что им ничто не напоминает об их этничности, то армянские, напротив, утверждали, что им об этом напоминает "буквально все и каждую секунду". Выяснилось, что это "все" заключается, прежде всего, во внутрисемейных разговорах и в повышенном внимании со стороны милиции. Это наблюдение соответствует выводам других исследователей. В частности, отмечено, что у детей меньшинств развивается более ранняя и четкая этническая идентичность². В нашем случае "более ранняя и четкая этническая идентичность" сопряжена также с более однозначной этнической стереотипизацией,

¹ Громов Д. В. Соревнование маскулинностей" как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. – М., 2007, сс. 367-404.

² Лебедева Н. М., Лунова О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. – Москва, 2004, с. 51.

рожденной определенным культурным контекстом. Например, один из школьников, услышав тему беседы, сразу резюмировал: "Я всех люблю и уважаю, кроме турок!". И в дальнейшем в этой группе тема турецко-армянского конфликта начала 20-го века звучала не раз, чувствовалось, что она является часто обсуждаемой для этих школьников.

Армянские школьники – москвичи, по крайней мере, те, что попали в нашу исследовательскую выборку, видят социальный мир состоящим из различных этнических общностей и предполагают, что у других людей господствует "этническая" категоризация. Говоря о ком-либо, они четко определяют, что говорят про русских, азербайджанцев и т. д. Сходные наблюдения были отмечены и у других нерусских участников смешанных фокус-групп в других школах. Как представляется, при анализе стереотипов у школьников учет отличающегося контекста этнической идентификации является необходимым условием.

Одной из часто отмечаемых нерусскими школьниками особенностей русских является грубость последних. По мнению студентки колледжа татарки, "в последнее время плохое отношение к чужим – чуть ли не в крови у русских". Об этом же говорит школьник 11 класса кабардинец: "Я заметил среди этой нации неуважение к другим нациям. Большинство есть русских хороших. Но есть отпрыски фашизма, хотя эта нация подавила фашизм". "Мне на каждом шагу напоминают, что я черный, грязный", — говорит школьник армянин и дает свою версию объяснения негативного отношения москвичей к приезжим: "... местные считают себя москвичами, значит, они должны жить как короли, не работая. И то, что те народы, которые работают, сейчас хорошо живут, москвичи, которые здесь жили и не работали, считают, что приезжие не должны были этого достичь. То, что раз Москва, — значит их. И они не понимают, что вся Россия – это многонациональная страна".

К этому мнению примыкает стереотип о социальной несостоятельности, разобщенности русских, отсутствии у них взаимоподдержки: "русские не стоят один за другого, позволяют своих обижать". Такая модель поведения, рожденная существованием в больших деперсонифицированных городских сообществах, недавним приезжим, опирающимся прежде всего на родственные и земляческие круги, кажется ненормальной.

Еще один распространенный стереотип — неприемлемое, с точки зрения приезжих, чаще всего, выходцев с Кавказа, поведение русских девушек: "...любая нерусская девушка, армянка, кабардинка, они считают свою нацию, они не распущены, не развязны. Вы, наверное, видите, что происходит у нас на улице, какие девушки пошли. И заметьте, большинство из них — русские". Поведение современных девушек, из которых каждая имеет право вести себя так, как решит сама, воспри-

нимается как свидетельство "испорченности" нравов и неблагополучности всего русского народа.

В положительных стереотипах русских у армянских школьников как в зеркале в обратной перспективе отразились их стереотипы в отношении армян: армянские девушки наделили русских девушек теми чертами, которых им не хватает в общении с армянскими девушками. Так, если стереотип русской девушки в восприятии нерусских парней носил скорее отрицательный характер, то в восприятии армянских девушек он уже проявляется больше как положительный: "Русские – дружелюбные очень. С ними очень легко дружить, найти общий язык. Русская девушка самостоятельная, независимая".

Армянские парни, считая отсутствие сплоченности недостатком русских парней, готовы признать его положительным качеством: "Русский человек – он один. Он думает, что он один готов свернуть горы. Им не нужна поддержка, они могут все сами сделать. А кавказские народы, они привыкли вместе все делать". Определенную роль в положительных стереотипах русских у армян играет и осведомленность последних об истории русско-армянских отношений: "Это же русские Армению от иранцев освободили и от турков".

Главный источник негативных стереотипов в отношении "других", как у русских, так и нерусских школьников – негативный личный опыт, рожденный не культурными отличиями и несовпадением культурных ценностей, а неудовлетворительным состоянием работы государственных и общественных институтов, ответственных за поддержание правового порядка и соблюдение прав личности. Именно отсутствие уверенности в том, что обидчик понесет справедливое наказание, является основой формирования убежденности в том, что "у них свой закон", который не подчиняется "нашему" порядку. Из этого выводится обобщение, что все "они" не похожи на нас и враждебны "нам".

Предвзятое отношение милиции к выходцам, например, с Кавказа, рождает у них ощущение, что нужно в ответ создавать "свои" структуры, обеспечивая собственные права. На этой основе происходит дальнейшее отчуждение между приезжими и местными, поскольку каждая сторона ориентируется на разные общественные институты и правовые нормы.

Что думают москвичи и недавние мигранты друг о друге*

А. О. Булатов

Данная статья основана на материалах, собранных в основном в период 2003-2007 гг. и дополненных летом-осенью 2008 г. среди представителей дагестанской, ингушской, чеченской, азербайджанской диаспор и студентов РГГУ (2003-2004 гг.), Национального Института им. Екатерины Великой (2003-2004 гг.), ИСИ МГУ ДТ (2003-2007 гг.), МПГУ (Люберецкий филиал, 2006-2007 гг.), Медико-стоматологической академии (2005-2008 гг.). Сведения собирались методами анкетирования и интервью. Исследованием было охвачено 350 студентов разных курсов гуманитарных факультетов – истории, политологии и права (РГГУ), журналистики и культурологии (Национальный Институт им. Екатерины Великой), социологии и социальной антропологии, психологии (ИСИ МГУ ДТ), культурологии (МПГУ, Люберецкий филиал), а также около 50 недавних мигрантов из Дагестана, Ингушетии, Чечни. Кроме этого, использованы данные интервью с выходцами из Читинской области, Украины, Азербайджана. За исключением нескольких человек, занятых рыночной торговлей, все остальные респонденты являются студентами и аспирантами московских вузов. Возрастные границы основного контингента исследуемых составляют от 20 до 30 лет. Несколько аспирантов относятся к возрастной категории 35-38 лет.

Автор не претендует на полное и разностороннее отражение заявленной в названии тематики, но вместе с тем, как представляется, даже такое локальное исследование позволяет выявить некоторые тенденции и закономерности во взаимоотношениях недавних мигрантов и местного населения.

Начнем с мигрантов. В зависимости от продолжительности пребывания в Москве, суждения о московском образе жизни и жителях столицы существенно различаются по тональности, настрою и содержанию. Первое время после прибытия в Москву молодые люди, как правило, испытывают чувство некой эйфории, основанное на сознании

* Статья подготовлена при поддержке Фонда содействия отечественной науке и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям" (проект "Российские мусульмане: современные вызовы, адаптационные механизмы и практики").

собственной особенности, незаурядности, поскольку им удалось вырваться из своего родного провинциального города (аула, кишлака, села), причем не куда-либо, а в столицу. Этому радужному восприятию действительности способствует представление об открывающихся широких перспективах в плане совершения карьеры, возможности заработка. Такой период продолжается обычно от нескольких недель до нескольких месяцев, пока столкновение с суровой действительностью в лице милиции, чиновников, администрации общежития, работодателей не приводит к восприятию окружения как враждебного, холодного, равнодушного, лишенного проявления естественных человеческих чувств. Этот период продолжается дольше, обычно 2-3 года, в некоторых случаях он может занимать и 5 лет. Проблема в том, что именно в течение этого времени человек вынужден адаптироваться в социальном и культурном отношениях, доказать свою профессиональную состоятельность, решить бытовые проблемы. Если это хотя бы отчасти удастся, тогда наступает следующий этап восприятия, связанный с более терпимой, взвешенной оценкой окружающих реалий.

Легче всего это продемонстрировать на высказываниях представителей различных мигрантских групп. В ряде случаев удалось проследить эволюцию восприятия у одних и тех же людей на протяжении ряда лет. Характерно, что наиболее резкие высказывания чаще всего принадлежат не представителям кавказских или среднеазиатских групп, а со стороны русских, приехавших в столицу из Сибири и Дальнего Востока. То же характерно для приезжающих на постоянное жительство украинцев.

Девушка из Читинской области (21 год, аспирантка одного из академических институтов) так ответила на вопрос о том, почему она предпочитает больше общаться с выходцами из различных республик Северного Кавказа, живущими в том же общежитии, чем с русскими ребятами, в том числе своими земляками: "Только русский может сразу напиться в компании... Кавказцы себя так не ведут, у них есть свой этикет, который они соблюдают". Это мнение дополняют совпадающие высказывания двух других девушек, одна из которых является землячкой первой (25 лет), а другая приехала в Москву учиться и работать из Крыма (24 года): "У азиатов (выходцев из Средней Азии – авт.) и кавказцев крепче семейные ценности, у них есть уважение к старшим, свои традиции". Респонденты, сравнивая своих знакомых, отметили, что *кавказцы* в целом более мужественны, у них легче в случае необходимости найти защиту и поддержку, но *азиаты* мягче и обходительнее в общении (при этом к числу *азиатов* были отнесены, как ни странно, и азербайджанцы, вероятно, по особенностям бытового поведения). Вместе с тем именно те черты, которые вначале наиболее привлекали, спустя 1,5-2 года в своем крайнем выражении начинают вызывать

иное отношение: "Слишком традиционны в вопросах семейной жизни", "Охотно идут на добрачный секс, но от девушки при вступлении в брак ждут невинности", "Встречаются со всеми, а жениться стараются на своих".

По мнению студенток старших курсов факультета социологии и социальной антропологии ИСИ МГУ ДТ, часть из которых сами являются недавними мигрантами (все – русские), студенты – выходцы с Кавказа, обучающиеся в университете (армяне и чеченцы – авт.), отличаются повышенной агрессивностью по сравнению с остальными учащимися, демонстративной маскулинностью и часто нахальным поведением по отношению к девушкам. В отношении же молодых людей – коренных москвичей, обучающихся в том же вузе, характеристики тоже не лестные: "Они все маменькины сынки", "Здесь (в Москве – авт.) мужчины и женщины во многом поменялись ролями. Мужчины феминизированы, вот приезжие и заполняют эту нишу", "Москвичи привыкли жить на всем готовом. Им ничего не нужно добиваться. А у приезжих никто не стоит за спиной и всего они должны достигать сами, поэтому и мужские качества у них развиты".

Мнение украинца (24 года), приехавшего в Москву из Харькова и поступившего здесь в аспирантуру: "Русские в Москве злые. У нас на Украине люди более добрые, открытые. А здесь все хмурые, ни одного приветливого лица не увидишь". На вопрос о том, зачем же тогда понадобилось менять место жительства, респондент ответил, что возможность учиться дальше по своей специальности у него есть только в Москве, а работы, которая давала бы возможность жить ему и его родным, на родине нет. Здесь же он может, подрабатывая во время учебы, содержать себя и посылать деньги отцу-пенсионеру. Отметим, что этот ответ является наиболее распространенным и характерным как для внутренних, так и для внешних мигрантов, и отражает реалии современной жизни в российской провинции и странах СНГ.

Теперь остановимся на некоторых наиболее показательных и распространенных высказываниях мигрантов из различных регионов Кавказа. "Москвичи больше любят собак, чем людей. Бомжа прогонят, а собаку накормят. В метро или на улице пройдут мимо старухи, просящей подаяние, а мужику, которому нечем кормить собак, подадут" – лакец, 37 лет. "Здесь нет уважения к старшим – ни в семье (бросают старых родителей), ни в общественных местах" – чеченец, 24 года. "Здесь мужчины немужественные, а женщины неженственные" – лакец, 37 лет, Даргинец, 36 лет. "Тут слишком эмансипированные женщины (как вариант – расчетливые, меркантильные, холодные, свободного поведения и т. д.)" – общая точка зрения для мигрантов с Кавказа.

В качестве квинтэссенции впечатлений мигрантов о жизни в столичном мегаполисе и его жителях в течение первых нескольких лет

пребывания здесь может выступать высказывание, которое автор с небольшими вариациями слышал от нескольких человек – выходцев из различных республик Северного Кавказа: "Как могут считаться людьми те, кто пьет с утра до вечера, матерится в семье при старших и младших, не заботится о старых родителях, не воспитывает своих детей. К ним нельзя относиться как к настоящим людям. Так, по работе сталкиваешься, а в остальном – пропускаешь мимо".

Проходит еще несколько лет и в большинстве случаев тональность высказываний меняется. Даргинец, 37 лет, живущий в Москве со второй половины 1990-х гг. и занимающийся здесь бизнесом (имеет фирму по продаже ковров, сын – студент одного из московских вузов): "С русскими можно нормально жить, работать, если сам тихо, спокойно живешь. Сначала, конечно, боятся, не любят, присматриваются. Потом время проходит, если видят, что нормальный человек, то с большинством людей можно жить". Торговец-аварец 35 лет, имеющий несколько точек по продаже одежды на рынке, в Москве живет около 10 лет. Параллельно с торговлей учится на вечернем отделении в одном из московских вузов: "Москвички лучше работают, чем другие женщины, которые сюда приехали. Они более грамотные и честные" (следует отметить, что в качестве продавщиц у него работали женщины с высшим экономическим и педагогическим образованием). Торговец-азербайджанец, ранее работавший в Баку, Дербенте и Махачкале, 36 лет: "Здесь (в Москве – авт.) в миллион раз лучше, чем в Азербайджане, и в тысячу раз лучше, чем в Дагестане". Лачка, 38 лет, психолог, ныне домохозяйка, живет в Москве с начала 2000-х гг., дети учатся в школе и в одном из московских вузов, муж занимается бизнесом: "Здесь лучше жить, если хочешь чего-нибудь добиться в жизни. В Дагестане все куплено, и нужны большие деньги и большие связи, чтобы хоть как-то продвинуться". На мой вопрос "А разве здесь не так?" последовал ответ в том смысле, что в столице тоже все это есть, и если приходится сталкиваться с коррупцией, то аппетиты чиновников разного рода значительно выше и размер взяток существенно больше. Но вместе с тем в Москве еще есть возможность жить и решать вопросы повседневной жизни, не обязательно подпадая под действие коррупционных механизмов. А кроме того, способный человек имеет больше шансов продвинуться. Как выразилась моя собеседница: "Если долго стучать, то можно достучаться. Тебя все-таки услышат". Чеченец, 28 лет, приехавший в Москву в конце 1980-х гг., закончил здесь мединститут и работает врачом: "Если нормальный человек (мигрант – авт.), то он найдет общий язык с нормальными людьми. Каждый находит себе подобных. А быдла везде хватает. Среди чеченцев тоже не все хорошие".

Показательным в этом отношении представляется высказывание одного из тех, чья характеристика жителей Москвы была наиболее резкой. До недавнего времени студент, а ныне аспирант одного из московских вузов, аварец, 37 лет, последовательный мусульманин: "Я не могу сказать, что здесь все плохие. Москва – огромный город и здесь всех хватает. Я встречал помощь и поддержку со стороны москвичей, не земляков и не мусульман, помощь, которая не оговаривалась какими-либо условиями. Это нормальные, порядочные люди – русские, армяне, евреи – коренные москвичи".

Следует отметить, что эти изменения в отношении к местным жителям не касаются одной категории, которая во всех случаях вызывает однозначно резкую отрицательную реакцию, – скин-хедов и тех, кто им сочувствует. Активизация их действий в последнее время, чинимые ими насилия и убийства, можно предположить, послужат причиной создания в среде недавних мигрантов объединений молодежи для противодействия уличному террору, если властью не будут приняты жесткие меры по прекращению деятельности скин-хедов.

Важный этап адаптации заключается в определенной переориентации связей и интересов мигрантов спустя несколько лет жизни в Москве. Характерно высказывание последнего из указанных ранее респондентов: "Мне во многом легче общаться в Москве с русскими и евреями, чем, например, с чеченцами, хотя они и единоверцы. Если в комнату, где я сижу, войдут несколько чеченцев, то меня как будто там уже нет. Разговор у них будет идти уже только на своем и о своем. А если в комнату войдут несколько русских или евреев, то они так вести себя не будут, и я не почувствую себя чужим" (респондент живет в общежитии, где среди его соседей немало чеченцев и ингушей, а учился до недавнего времени на курсе, где все остальные студенты были русские или евреи). Этому мнению созвучно суждение также представительницы Дагестана, кумычки, 13 лет живущей в Москве, закончившей здесь аспирантуру и работающей врачом. По ее словам, ей легче общаться с коренными москвичами (хотя многие из приведенных в начале статьи мнений мигрантов об особенностях жителей столичного мегаполиса она разделяет), чем со своими земляками.

Частой является ситуация, когда освоившиеся в столице мигранты предпочитают не иметь деловых отношений со своими земляками, и здесь действует не только и не столько эгоизм человека, сумевшего устроиться, найти для себя нишу в иной этнокультурной среде, но и вполне обоснованное стремление избежать негативных последствий таких отношений. От нескольких различных выходцев из Дагестана, занимавшихся с конца 1990-х гг. бизнесом в Москве (в основном мелкооптовой и розничной торговлей), приходилось слышать отзывы о не-

желательности работать вместе со своими земляками: "Ну вот, приехал кто-то из дома (Дагестана – авт.). Попросили, принимаешь на работу или так, без просьб, берешь как своего. Пока денег нет, можно работать. Кто-то лучше работает, кто-то хуже, но работают. Но как только деньги появились, ну, например, тысяч 10 (долларов – авт.), не говоря уже о большей сумме – все, кинул. Скрылся с деньгами. При этом он знает, что его будут искать и, если найдут, то спросят по полной, он будет неизвестно сколько скрываться и эти деньги, в конце концов, не стоят такой жизни, но если появляется к ним доступ, то возьмет и убежит. Это было не раз и не два. Особенно когда касается тех, кто не только недавно переехал в Москву, но и вообще недавно переселился в город, уехав из села".

Обычная ситуация, складывающаяся у недавних мигрантов после 3-5 лет пребывания в Москве, такова: к этому времени у них формируются достаточно устойчивые дружеские и деловые отношения с представителями принимающей стороны. Эти отношения и определяют в значительной степени новый образ жизни. На уровне первого поколения и, чаще всего, второго, это не приводит к смене этнической и, если она присутствует (что далеко не обязательно), религиозной идентичности, но способствует расширению культурных границ и изменению культурных стереотипов. Что касается отношений с представителями своей этнокультурной среды, то таковые, как правило, поддерживаются в рамках достаточно узкого круга родственников и друзей. При этом, чем выше социальный и культурный уровень недавнего мигранта, чем более успешную карьеру он делает, тем более сужается поле общения со своей материнской средой. В данном случае ситуация прямо противоположна той, какая бы имела место, скажем, в Махачкале, где выдвинувшийся на заметный пост уроженец какого-нибудь аула каждый день встречал бы в своей приемной земляков, знакомых, не говоря уже о родственниках всех мыслимых степеней родства. И независимо от своего желания он должен был бы решать их проблемы, в том числе не имеющие прямого отношения к его сфере деятельности, дабы не быть ославленным в своем родном селении и не подпасть под категорию людей, определяемых русской поговоркой "Иван, не помнящий родства".

Правда, здесь следует иметь в виду различную степень этнической и земляческой солидарности у представителей различных общин, в том числе кавказских. Среди последних она наивысшая, по имеющимся данным, у чеченцев и ингушей. Затем следует отметить повышенную солидарность среди московских азербайджанцев, армян, грузин. Дагестанцы отличаются разобщенностью, но среди них большая взаимная поддержка присутствует у аварцев.

В отношении студентов московских вузов, представляющих принимающую сторону, наблюдается единообразие в оценках пришлого населения. Характеризуя мигрантов из северокавказских республик и государств Южного Кавказа, а также Средней Азии, респонденты выделили ряд обобщенных положительных и отрицательных качеств. Среди положительных качеств названы:

- поддерживают друг друга;
- не пьют или пьют мало;
- заботятся о семье;
- гостеприимны;
- щедры.

Среди отрицательных качеств:

- агрессивны (о чеченцах);
- жестоки (также о чеченцах);
- хитры, могут обмануть на базаре (об азербайджанцах);
- нахально ведут себя с местными женщинами (в основном об азербайджанцах и армянах).

Эти характеристики почти в неизменном виде с некоторыми вариациями сохранялись до 2007 г., когда стала проявляться нарастающая тревожная тенденция. Если до этого при выраженном негативном аспекте восприятия мигрантов присутствовала и в целом его перевешивала либо индифферентная, либо взвешенная, основанная на понимании вынужденного характера миграций оценка, то теперь идет нарастание неприязни к мигрантам. Причем неприязнь основывается не столько на криминальных аспектах миграции (большинство респондентов с криминалом не сталкивались и знают о нем из сообщений СМИ), сколько из-за того, что приезжают люди с другим оттенком кожи, разрезом глаз, формой носа. Иными словами, формируется восприятие на уровне понятий бытового расизма. Идет общее неприятие мигрантов на фоне идеи сохранения чистоты антропологического и культурного облика русского народа без понимания того, что "чистота" сама по себе представляет миф.

Рост числа мигрантов с национальных окраин и стран СНГ формирует у таких респондентов "опасения за судьбу русского народа". Эти настроения находят отражение в выступлениях некоторых общественных и политических деятелей в СМИ, в публикациях ряда изданий с кричащими заголовками о грозящем исчезновении русских. Представляется, что выразители подобных настроений неадекватно оценивают как современную ситуацию, так и исторический опыт и адаптационный потенциал русского народа. Как свидетельствует опыт российской истории, при межкультурном взаимодействии, более многочисленный народ со временем перерабатывает, ассимилирует относительно мел-

кие группы. И в этом отношении определенная вероятность культурного и языкового "растворения" скорее угрожает тем сообществам, чьи представители (как правило, мужчины молодого и среднего возраста) переселяются в поисках лучшей доли в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные российские города. Живя и работая там продолжительное время, они вступают в контакты с представительницами местного русского населения, и дети, появляющиеся на свет в итоге этих отношений, независимо от того, под какой фамилией они записаны и какое имя носят, уже не будут теми азербайджанцами, армянами, таджиками, какими бы стали, если бы родились и воспитывались на родине отца. Вырастая в русской среде, они не отличаются от коренного населения. Результатом смешанных браков является не грядущее растворение и исчезновение русского народа под натиском мигрантов, а, скорее, его пополнение.

Кроме того, если браки заключаются в среде самих мигрантов, то следующее поколение также весьма сильно отличается от своих сверстников на исторической родине. Вырастая в иной среде, они неизбежно воспринимают ее особенности и стереотипы, даже если сохраняют какие-то отеческие традиции. Степень универсализации культуры и нивелирования этноконфессиональных особенностей возрастает. В таких условиях подтолкнуть мигрантов или их детей к общинной или конфессиональной замкнутости может лишь неприкрытая ксенофобия. Что особенно тревожно, подобные настроения, по сути представляющие основу для развития фашистских идей, отчетливо проявляются среди студентов гуманитарных вузов, в том числе получающих историческое, культурологическое и этнологическое образование. Полагаю, что результаты исследования свидетельствуют о нарастании негативных тенденций в рассматриваемой сфере, в первую очередь, среди местной московской молодежи. Эта тенденция требует пристального внимания как со стороны исследователей, так и со стороны государственных органов, причем в ряде случаев требуется регулирующее пре-
вентивное вмешательство.

О понимании властями субкультуры мигрантов

К. С. Мокин

Особую значимость для развития многих российских городов в приграничных регионах сегодня играет фактор миграции. В условиях значительной депопуляции, зачастую единственным источником восполнения экономически активного населения являются приезжие. Но миграция являет и факторы дестабилизации принимающей социальной среды. Они – самые разные. Это и низкий уровень толерантности со стороны местного населения, и отсутствие понятной для общества миграционной политики, и сворачивание программ поддержки вынужденных мигрантов. Самостоятельным фактором напряженности является поведение самих приезжих, в частности, отсутствие адаптационных установок на интеграцию, проявление "прагматичной культуры"¹.

Для выяснения основных факторов, влияющих на выбор стратегии взаимодействия миграционных этнических групп и принимающего населения, было проведено исследование в Саратовской области².

В российских городах, особенно находящихся в коридоре миграционных потоков "Юг-Север" и "Восток-запад" (к которым относятся и города, где проводились исследования), и являющихся центрами притяжения миграционных потоков, мы уже наблюдаем не просто статистические совокупности мигрантов, составляющих часть определенной этнокультурной диаспоры, но во многом сформированную, стремящуюся к кристаллизации и воспроизводству субкультуру прагматиков, рассматривающих местное окружение как объект своих экономических притязаний, и уже во вторую очередь, как среду для жизни³.

Восприятие местным населением признаков мигрантской субкультуры провоцирует негативные стереотипы по отношению к приезжим. Тем более что распространившаяся коррупция среди представителей

¹ Под "прагматичной культурой" нами понимается доминирование в структуре ценностно-мотивационных установок ориентаций на временное пребывание, стремление к только зарабатыванию денег, отсутствие желания (действий) на интегративное сосуществование, тяга части мигрантов к самосегрегации.

² Изучалась ситуация в городах Саратов, Балаково, Маркс, Энгельс. Исследование основано на методологии качественной социологии и включало в себя полуструктурированное интервью, анализ документов, концептуализацию "семейных миграционных историй" (oral history).

³ Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., ИС РАН, 2005. С. 5.

исполнительной власти, взаимодействующих с мигрантами, привела к формированию теневой структуры обслуживания прагматических потребностей мигрантов. И это является особым раздражителем общественного мнения. Распространяются мифы о "нашествии черных" на Россию. "Образы" мигрантской субкультуры являются базой для идеологического дискурса региональных националистических группировок. Но "образы" также и повод для критических выступлений представителей общественности в адрес местных и региональных властей по поводу "плохой миграционной политики".

Те мигранты, чьи цели ограничиваются временным заработком в России, нередко предпочитают особый сценарий адаптации, описываемый нами как процесс (само)сегрегации, т. е. деятельность, направленная на сохранение собственных этнокультурных стандартов при минимальных и сугубо прагматичных контактах с местным инокультурным окружением.

Подобная, в общем-то, добровольная самоизоляция этнических мигрантов связана с формированием внутренней среды общины⁴, воспроизводящей социальные связи, сети, "традиционную" культуру.

Низкий коммуникационный потенциал мигрантов, наличие фиксированных в социально-коммуникативном пространстве точек и субъектов взаимодействия стимулируют появление структур обслуживания и удовлетворения потребностей мигрантов. Такой "сервис" осуществляется неофициально и существует как разветвленная сеть, включающая в себя самых разных представителей местного сообщества, например, занимающихся куплей-продажей "услуг", – наймом жилья, временной регистрацией, защитой от посягательств. Нелегальная занятость (отсутствие законных оснований для пребывания и проживания) – квинтэссенция теневой структуры обслуживания прагматических потребностей мигрантов. "Нелегальность" накладывает отпечаток на всю повседневную жизнь мигранта.

Отсутствие разрешающих документов, социальный пресс с одной стороны и наличие денежных средств – с другой, заставляет мигрантов обращаться к посредникам, которые в свою очередь получают от предоставления "услуг" материальные, денежные и прочие дивиденды. Например, за наем жилья этнический мигрант⁵ платит, как правило, в 1,5-

⁴ В. Мукомель в своих работах использует термин "буферная среда" для описания этой субкультуры.

⁵ По устоявшемуся в социальной антропологии и этносоциологии мнению, этнический мигрант – это индивид, использующий свою этнокультурную идентичность как социальный ресурс (капитал), для активизации существующих социально-этнических сетей, обеспечивающих максимально эффективное (с его точки зрения) территориальное перемещение и адаптацию к существующим на территории приема со-

2 раза больше, чем местный житель. В проведенных исследованиях дискриминации на рынке жилья выявлено⁶, что практически каждый арендодатель в первую очередь обращает внимание, с кем именно он имеет дело, – приезжим или местным. Если с приезжим, к тому же с Кавказа, тогда владелец жилья часто дает отказ, либо выдвигает максимально большие требования аренды. В процессе исследовательского эксперимента было предложено 10 собственникам жилья "принять постояльцев". Узнав, что квартира снимается для мигранта ("из Дагестана", "Чечни", "Ингушетии", при этом этничность не указывалась), только двое согласились на сделку, но при этом увеличили ставку на 30%, пожелав к тому же получить оплату за полгода вперед. Если же квартира, по версии эксперимента, снималась для приезжего с указанием национальности, например, чеченцем, армянином, грузином, но приехавшим не из-за рубежа, а близлежащего российского города, скажем, из Самары, то в этом случае девять из десяти арендодателей соглашались на сделку. Другие особенности приезжего – наличие детей, отсутствие регистрации в паспортно-визовой службе, семейное положение, гражданство – не играли никакой роли. Таким образом, основным фактором дискриминации на рынке жилья является регион, откуда прибыл мигрант. В подобных условиях мигранты, естественно, вынуждены прибегать к услугам посредников, у которых отработаны каналы "легализации".

Если для "обычного" горожанина жилье является очагом частной жизни, и он, как правило, оценивает свою статусную позицию в городском социуме по тому, где, в каком районе и в каком доме он живет, то мигрант воспринимает жилье более утилитарно. В силу того, что жилье и работа у мигранта нередко расположены по соседству, можно наблюдать эффект рурализации, т. е. появление в городской среде черт "сельской" культуры ("где живу, там и работаю"), в том числе и соответствующих "общинных" моделей поведения и ценностей. Этот феномен позволяет понять некоторые черты поведения мигрантов, например, на городском рынке (рядом с которым он проживает), поскольку в сознании мигранта как бы не разделяются публичные и приватные пространства. В силу социальной изолированности, он воспро-

циально-культурным условиям. Понимание этнического мигранта как человека, использующего свой этнокультурный ресурс, а не маркируемый извне (общественным мнением, научным дискурсом и т. д.) позволяет более эффективно использовать аналитический инструментарий социологии и социальной антропологии, не откатываясь к индокринационным (идеологическим) оценкам и операционным понятиям.

⁶ Данное обследование проводилось в рамках исследования дискриминации на рынках жилья г. Балаково Саратовской области, по методике В. Мукомеля, Центр этнополитических и региональных исследований, ИС РАН в 2004 г. См.: Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 246. П. 43.

изводит свои повседневные приватные практики в публичном месте, часто не подозревая о существовании иных вариантов поведения.

В сфере социально-экономических отношений прагматичность мигрантской субкультуры проявляется в системе купли-продажи разрешительных услуг – оплаты за регистрацию по месту пребывания, "покровительство" милиции на рынке, оформление необходимых документов.

Сюда же относится и сфера финансовых отношений, которые обычно складываются из схем одалживания и схем оплаты внутриобщинных услуг (или товаров). Система одалживания строится на основании кровнородственной близости. Факт принадлежности к конкретной семье (фамилии) может играть решающую роль. Землячество часто не играет роли. Вот характерное мнение: "Деньги я даю только близким... Торгую, есть немного денег... Многие просили, но даю только своим. Если не они, так другие за них отдадут" (респондент, 54 года). Впрочем, землячества, как сетевая структура, при необходимости тоже могут выступить гарантом: "Ездил в Самару...срочно деньги нужны были...позвонил своему брату в Саратов, он созвонился с друзьями в Самаре. На следующий день деньги получил. Возвращал – брату".

Организация денежных переводов на родину также находится в ведении сетевых "общин". Большая часть денег, зарабатываемых мигрантами, передается на родину, минуя банки и другие официальные финансовые институты, ведь перевод осуществляется на основании документов, удостоверяющих личность (паспорт), а у мигранта документы в качестве залога нередко находятся в руках у работодателя или владельца жилья. Для отправки денег используются земляческие сети, в которых практически все друг друга знают и пользуются доверием. В общине, практически всегда известно, кто и когда едет на родину, какую сумму с ним можно передать, где и как можно получить переданные деньги. Иногда члены общины, у которых есть бизнес в стране исхода и в стране пребывания, выступают в качестве банковского учреждения. Получая деньги здесь, они выдают деньги на родине: "Все просто...У него здесь хороший авторемонтный бизнес. А в Армении у его брата – большой магазин. Я ему здесь отдаю деньги, он звонит брату, и моя семья получит деньги там..." (респондент, 35 лет). Величина процентных ставок за подобные услуги колеблется от 0,1 до 3%. Критериями, определяющими процентную ставку, выступают частота финансовых операций, репутация лица, передающего деньги, сумма денежного "перевода". Если это очень близкий родственник (например, брат), то проценты за операцию не взимаются. Часто подобные услуги оказываются безвозмездно, в счет будущих взаимовыгодных отношений.

Еще одним важным элементом экономической инфраструктуры мигрантов является процесс найма на работу. Недавнему мигранту, плохо

знающему русский язык, особенности труда в местных условиях и прочее, практически невозможно устроится на высокооплачиваемую работу в крупные компании и государственные организации. В процессе предыдущих исследований⁷ был выявлен высокий уровень дискриминационных практик при устройстве мигрантов на работу. Исследование проводилось методом "провокаций", являющимся одним из видов "участвующего наблюдения". По объявлениям о найме устраиваться на работу приходили подготовленные интервьюеры разного фенотипа и с разной "легендой" ("местный" и "мигрант"). В более половине случаев "мигранту" предлагали зарплату на треть меньше, чем "местному", а заодно и более тяжелые условия труда. В случае, если интервьюер говорил об "отсутствии" регистрации по месту пребывания, почти всегда следовал отказ в приеме на работу, а те работодатели, которые давали согласие, предлагали рабские условия и низкую оплату. Работодатели поясняли мотивы своего решения плохим знанием языка "мигранта" (хотя на самом деле интервьюеры превосходно говорили по-русски, это их родной язык), говорили о возможных "неприятностях в рабочем коллективе". В таких обстоятельствах единственный путь трудоустройства лежит через теневые социальные сети.

Стратегия сетевого найма как бы вытесняет различные группы в сферы специфического бизнеса, формируя "этнические картели". Так, большинство недавних мигрантов-армян устраиваются на работу в авторемонтные мастерские, организованные земляками, либо в торговый или дорожно-ремонтный бизнес. У работающих в таких организациях взаимодействие с земляками строится по традиционным нормам, а в качестве языка общения используется армянский язык.

На наш взгляд, наиболее отчетливыми приметами самосегрегации мигрантов, трансформации их идентичности в сторону "общинности" являются дискурсивные и недискурсивные маркеры. К первым относятся доминирующие в общине ценности, взгляды, убеждения, ориентации, а также способы их воспроизводства. Анализ интервью позволил выделить устойчивые представления о необходимости соблюдать предельно большие социально-культурные дистанции – "для безопасности". Нахождение общины в условиях инокультурного и иноязычного окружения порождает стереотипные представления об угрозе ассимиляции и потере собственной этнокультурной идентичности. Характерны настороженность, избирательность восприятия информации, высокий уровень сплоченности вокруг лидеров, окрашенность любой информации в этнические тона. Здесь можно отметить подтверждение тезиса Комаровфа о

⁷ Данное обследование проводилось в рамках исследования дискриминации на рынках труда, по методике В. Мукомеля, Центр этнополитических и региональных исследований, ИС РАН в 2004 г. См.: Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 246. П. 43.

вечно присутствующем этническом сознании, которое оживляется и проявляется в ситуациях опасности и угрозы⁸. Ярким примером может служить интенсивное обучение детей родному языку в национально-культурной общине, использование "своего" языка в семейном общении, обязательное соблюдение традиционных ритуалов и обрядов — похоронных, свадебных, обрядов детского цикла. Не менее важным является воспроизводство национальной истории, ее конструирование в зависимости от складывающейся обстановки. К недискурсивным маркерам относятся картинки, фотографии с "родины", помещенные на самых видных и почетных местах, фигуры (бюсты) национальных героев, поэтов, используемые как "атрибуты узнаваемости". Сюда можно включить и особенности национальной кухни, способы коллективного принятия пищи.

Субкультура трудовых мигрантов, в которую попадают практически все вновь приезжающие, снижает для них необходимость более глубоко вживаться в свое новое окружение. Не столь важным становится и освоение русского языка, не говоря уже о стремлении создать семью и закрепиться в России. Буферная субкультура является питательной средой для формирования и пополнения этнических криминальных группировок, самоорганизующихся поначалу для целей защиты мигрантов и оказания им посреднических услуг.

Сама "прагматичная" субкультура, ее представители (мигранты и обслуживающие их местные), их поведение, консолидированность, согласованность действий — все это в глазах обывателя ярко выделяет приезжих на фоне повседневности и является источником фобий.

Но кроме обывательских страхов, видимо, существует реальная опасность того, что вся миграционная среда в труднедостаточных регионах будет функционировать только по сегрегированному сценарию. В этом случае многие государственные усилия и программы, направленные на адаптацию мигрантов и на создание толерантной среды, окажутся напрасными. Госчиновникам из сфер управления миграцией следует использовать результаты исследований, которые позволяют выяснить, какая именно стратегия адаптации свойственна той или иной группе мигрантов, и посредством каких управляющих ресурсов на эту стратегию можно оказать влияние. Предпочтительным объектом миграционной политики должны быть не мигранты вообще, но, прежде всего, те из них, кто ориентируется на интеграцию. Именно на неформальные сети традиционной взаимопомощи таких категорий и следует рассчитывать, создавая проекты обустройства и адаптации мигрантов и распространения толерантности в среде принимающего сообщества.

⁸ Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах / отв. ред. Тишков В. А., М., Наука, 1994. С. 40.

Киргизская диаспора в России

Л. Л. Хоперская

Активное формирование киргизской диаспоры в различных регионах России началось в постсоветский период и продолжается до настоящего времени. Причинами интенсивной миграции из Киргизии являются социально-экономические условия в той стране: высокий уровень безработицы и развал промышленного сектора.

Состав современной киргизской диаспоры в России неоднороден, в ней можно выделить три группы. Первая – это бывшие граждане Киргизии, безвозвратно покинувшие это государство. В 2007 г. из Киргизии безвозвратно выбыли 54608 чел., по сравнению с 2006 г. миграционный отток вырос на 62,2%. Большая часть киргизстанцев (80% которых составляют этнические киргизы) направилась в Российскую Федерацию¹, при этом в 2007 г. около 50 тыс. чел. сменили киргизское гражданство на российское.

Вторая группа – временные трудовые мигранты, легально находящиеся на заработках в России. По данным Государственного комитета по миграции, в России живут и трудятся 253 тыс. граждан Киргизстана². В 2007 г. разрешение на работу в России получили 160 тыс. трудовых мигрантов (в 2006 г. – 33 тыс.). Многие из них также желают сменить гражданство.

Третья группа – нелегальные мигранты, по экспертным оценкам, их количество превышает полмиллиона. По данным председателя Государственного комитета КР по миграции и занятости населения А. Рыскуловой, к настоящему времени 171 тыс. киргизстанцев легализовались по линии амнистии трудовых мигрантов, следовательно, более 300 тыс. остаются в статусе нелегалов, которые, с одной стороны, являются социальной базой для формирования криминальных группировок, с другой, будучи социально незащищенной группой, мигранты часто сами становятся жертвами уголовного мира.

Если сложить численность первой и второй групп, то получится, что из пятимиллионного населения Киргизской Республики почти треть трудоспособных граждан в настоящее время проживает на территории России. По оценкам экспертов, численность детей трудовых мигрантов

¹ <http://www.24.kg/community/2008/02/08/76193.html>.

² <http://www.24.kg/parliament/2008/02/22/77595.html>.

– граждан Киргизии, составляет более 300 тыс. чел. и ежегодно продолжает увеличиваться. Только в Москве за 2007 г. в семьях киргизских мигрантов родилась 1000 детей.

Объединяет все три группы необходимость оказания материальной помощи оставшимся в Киргизии родственникам. По данным Всемирного Банка, республика занимает 4 место в мире по доле в ВВП денежных переводов от граждан, работающих за рубежом (27,4%). Если в 2006 г. из России в Киргизстан было переведено 450 млн. долларов при бюджете республики 681 млн., то в 2007 г. киргизские трудовые мигранты перечислили из России в КР сумму, почти равную бюджету республики (около 1 млрд. долл.). Учитывая нарастающий экономический кризис в Киргизии и приведенные факты? можно сделать вывод о сложившейся тенденции роста численности киргизской диаспоры в России. Очевидно, эта тенденция сохранится и в ближайшие годы.

География расселения киргизов в России весьма широка. Диаспора рассредоточена по городам (перечислим в алфавитном порядке): Астрахань, Волгоград, Воронеж, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Курск, Магнитогорск, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Сургут, Тольятти, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Ханты-Мансийск, Челябинск, Чита, Южно-Сахалинск, Якутск, Ярославль. Но при этом проблемы трудовых мигрантов на территории Российской Федерации, независимо от регионов, идентичны. К этим проблемам относятся: правовая безграмотность, заключающаяся в том, что большинство трудовых мигрантов, выезжающих из Киргизии, не знают требований миграционного законодательства Российской Федерации и своей республики, что непосредственно отражается на их правовом статусе, слабых возможностях законного трудоустройства, условиях социальной адаптации.

Для киргизов характерна проблема недостаточного знания русского языка, обусловленная тем, что подавляющее большинство мигрантов являются выходцами из моноэтничных южных областей Киргизии, где качество преподавания русского языка находится на крайне низком уровне. Без удовлетворительного владения русским языком мигранты обречены на низкостатусную и низкооплачиваемую работу, а также на замкнутость в рамках переселенческих групп.

Характерны и трудности при взаимодействии с местным населением. Мигранты, являющиеся носителями иных культурных и религиозных традиций и стереотипов, зачастую не готовы к принятию новых правил поведения, и это оказывается конфликтогенным фактором.

Еще одна проблема, выявившаяся в последние годы, связана с участвовавшими случаями нападений на киргизов в Москве, Санкт-

Петербурге и других регионах России, которые у трудовых мигрантов (легальных и нелегальных) вызывают страх и потребность в защите.

Необходимость решения всего комплекса проблем, с которыми столкнулись мигранты из Киргизстана, привела к их консолидации и формированию общественных объединений, которые, начиная с 2000 г., стали появляться в различных регионах России. В 2003 г. была создана Ассоциация киргизских диаспор России и Казахстана "Замандаш", целью которой является содействие возрождению национального самосознания, сохранение самобытности киргизов, проживающих за пределами Киргизской Республики, а также содействие в улучшении правового, экономического и социального статуса соотечественников, работающих в России, решение насущных проблем киргизстанцев в местах их пребывания. Позднее, учитывая, что киргизские диаспоры возникли и в других государствах, она была переименована в Международную Ассоциацию киргизских диаспор "Замандаш".

В настоящее время Ассоциация "Замандаш" объединяет киргизские национально-культурные организации из 27 городов Российской Федерации, 6 городов Казахстана и 5 стран дальнего зарубежья. В 2003 г. вышел в свет первый номер полноцветного иллюстрированного журнала на киргизском языке "Замандаш", где были отражены проблемы и достижения киргизских мигрантов в России и Казахстане. В 2008 г. тиражом 5000 экземпляров был выпущен уже 60 номер ежемесячного журнала "Замандаш", который пользуется спросом и популярностью в российских городах, где проживают киргизы.

Среди важнейших направлений работы Ассоциации перечислены следующие: правовая и социальная защита интересов представителей киргизского народа, временно или постоянно проживающих в России, Казахстане и в дальнем зарубежье; всемерное содействие культурной, образовательной поддержке соотечественников как за рубежом, так и в Киргизстане; вклад в решение вопроса экономической и культурной интеграции мигрантов с местным обществом; оказание помощи в обучении, трудоустройстве молодых людей; разработка и внедрение инвестиционных проектов, использование потенциала соотечественников за рубежом для развития Киргизстана; консолидированная работа по борьбе с регионализмом и трайбализмом, укрепление единства киргизского народа; развитие и пропаганда киргизской культуры за рубежом, всемерное содействие пропаганде туристического потенциала Киргизстана; создание условий для более активного участия киргизского народа в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни; поддержание дружественных творческих связей с организациями, занимающимися проблемами киргизстанцев как в Киргизской Республике, так и за ее пределами.

Формулировка направлений деятельности организации, как и другие ее документы, выявляют, что ее организаторы не делают различий между этнической и гражданской идентичностью. Об этом свидетельствует то, что в состав Ассоциации "Замандаш" входят как граждане Киргизии, временные трудовые мигранты, так и выходцы из Киргизии, ставшие гражданами России, при этом все они называются соотечественниками, и различие их правовых статусов (гражданство разных государств) не учитывается.

В самой Киргизии граждане этой страны образовали "партию трудовых мигрантов" с тем же названием "Замандаш". При этом руководителем обеих организаций до 2008 г. являлся М. Омуракунов, что создавало определенные трудности в восприятии этих организаций, поскольку не всегда было ясно, от имени какой из них выступает их председатель.

Более того, под давлением Ассоциации и партии "Замандаш", по мнению бывшего депутата Парламента КР Э. Байсалова, "вопрос введения двойного гражданства превратился у нас в один из самых главных пунктов повестки дня"³, в результате чего в новую редакцию Конституции Киргизии была внесена статья 20, в соответствии с которой "киргизы, проживающие за пределами Киргизской Республики, вне зависимости от наличия гражданства другого государства вправе приобрести гражданство Киргизской Республики в упрощенном порядке". Иными словами, в Киргизии в одностороннем порядке введена норма о двойном гражданстве для этнических киргизов, что дает возможность мигранту, получившему гражданство России, одновременно оставаться гражданином Киргизии. Эта ситуация рождает правовые коллизии. Так, Ассоциация киргизских диаспор России и Казахстана "Замандаш", будучи неполитическим объединением, в 2005 г. организовала в 11 регионах России избирательные участки по выборам Президента Киргизии, получив возможность заметного влияния на значительную часть электората, а участие в этих выборах принимали в том числе и киргизы-граждане России, в то же время оставшиеся гражданами Киргизии.

Проблема упрощения получения гражданства Киргизстана этническими киргизами и соотечественниками, ранее получившими гражданство других стран, а также такой аспект этой проблемы как оформление недвижимости в Киргизии киргизами, получившими гражданство России, был затронут на состоявшейся в июле 2008 г. в Бишкеке VII конференции Международной ассоциации киргизских диаспор "Замандаш" на тему "Роль и значение соотечественников в социально-экономической жизни Киргизстана", в которой помимо представителей общественных объединений приняли участие и высокопоставленные чиновники. Приоритетным направлением деятельности Ассоциации является создание благоприятных условий для финансовых вложений

³ <http://baisalov.livejournal.com/>.

легальных трудовых мигрантов, для чего, начиная с 2007 г., Ассоциация "Замандаш" начала активную работу по привлечению их средств для инвестиций в проекты, реализуемые на территории Киргизии.

Многие из выступающих (киргизов-граждан России) говорили о том, что они не будут делать инвестиции в экономику Киргизии, пока не получат правовые гарантии сохранности своей собственности. Вопрос звучал так: обладают ли они равными правами в сфере отношений собственности с гражданами Киргизстана? Проблемы, которые волнуют "российских киргизов" и которые также обсуждались на конференции – введение в регионах России института Почетных консулов Киргизской Республики, что должно облегчить и ускорить решение имеющихся на местах юридических вопросов, открытие информационно-консультативных центров для потенциальных мигрантов; увеличение квот в российских вузах для выходцев из Киргизстана, а также для этнических киргизов, проживающих за рубежом — в вузах Киргизстана; разработка механизма отчислений пенсионных страховых взносов трудовыми мигрантами в местах их пребывания за рубежом.

По итогам конференции участниками, в основном гражданами России, была принята резолюция, адресованная органам власти Киргизской Республики. Уже через несколько дней она была рассмотрена на рабочем совещании с участием руководителей министерств и ведомств, заведующих отделами администрации президента КР. В ответ на предложение Ассоциации "Замандаш" создать инвестиционный фонд для поддержки проектов в промышленном, аграрном и перерабатывающем секторах КР министр экономического развития и торговли Республики А. Жапаров сообщил, что в целях развития и стимулирования приоритетных и стратегических отраслей экономики страны уже создано ЗАО "Фонд развития Киргизской Республики". Руководитель администрации президента М. Садыркулов заявил, что "наши соотечественники за рубежом и дальше будут поддерживаться государством, все вопросы, поднятые на конференции и этом совещании, будут находиться под контролем"⁴. Таким образом, можно предполагать, что власти Киргизии и в дальнейшем планируют использовать этнических киргизов, проживающих в России, независимо от их гражданства, в качестве экономического и электорального ресурса.

Несколько иной подход к задачам киргизских диаспор в России фиксируется на региональном уровне. В качестве примера можно привести деятельность одной из самых молодых киргизских организаций – Ростовской городской киргизской национально-культурной автономии "Киргизия-Дон", зарегистрированной в конце 2007 г. В ее Уставе указано, что организация является независимым общественным объединением, действующим в соответствии с Конституцией и законами Рос-

⁴ http://www.kyrgyznews.com/readarticle.php?article_id=1309.

сийской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ⁵. Целью организации является "объединение граждан киргизской национальности для самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития киргизского языка, образования, национальной киргизской культуры". К основным задачам отнесены объединение граждан киргизской национальности для пропаганды на территории г. Ростова-на-Дону культурного, духовного наследия народов Киргизии и разработка и осуществление проектов и программ, направленных на достижение целей организации. В Устав включен 21 пункт, посвященный правам ростовской киргизской НКА. При этом, помимо стандартных для общественных объединений такого типа прав (например, права "свободно распространять информацию о своей деятельности", "создавать негосударственные (общественные) образовательные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование" и т. п.), 8 пунктов относятся к нормам взаимодействия автономии с органами власти. В частности, НКА вправе получать: поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития киргизского языка и национальной культуры; обращаться в органы власти и органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы; взаимодействовать с государственными и общественными организациями и другими общественными объединениями; представлять и защищать законные права и интересы членов Организации, членов их семей в органах государственной власти и органах местного самоуправления; участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти; привлекать на добровольных началах средства государственных организаций, учреждений, ведомств, местных органов самоуправления.

В Уставе, кроме этого, предусмотрено, что федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации национально-культурной автономии могут быть предоставлены и иные права в сферах образования и культуры. Анализ этого документа показывает, что на региональном уровне гражданская, российская идентичность осознается членами организации, четко обозначена в ее Уставе и оказывается не менее значимой, чем этническая.

Важнейшими направлениями деятельности не только ростовской, но и многих других региональных киргизских национально-культурных

⁵ Устав Ростовской городской киргизской национально-культурной автономии "Киргизия-Дон". Решение о государственной регистрации принято Управлением Федеральной регистрационной службы по Ростовской области 19.11.2007 г. – *Архив автора*

организаций является установление деловых контактов с местными администрациями субъектов Российской Федерации, предупреждение и разрешение межэтнических конфликтов, проведение правовых консультаций для вновь прибывающих трудовых мигрантов, оказание им социальной и психологической помощи. С целью нормальной социокультурной адаптации они принимают активное участие в различных праздничных и спортивных мероприятиях, днях национальных культур, конференциях по проблематике межэтнических отношений, проводимых в регионах России. Кроме этого, для ознакомления местного населения с культурой Киргизии, они сами проводят Дни киргизской культуры и литературы, приглашают киргизских эстрадных певцов, писателей, организуют торжественные мероприятия по случаю Дня независимости Киргизской Республики, Дня народной революции, а также традиционных и религиозных праздников. При диаспорах открываются и работают воскресные классы, где дети киргизских мигрантов обучаются киргизскому языку и истории Киргизии.

Следует заметить, что большая часть киргизских общественных объединений имеет статус региональной национально-культурной автономии, что предполагает выделение им бюджетных средств для финансирования общественно значимых программ национально-культурного развития, для осуществления мероприятий в области культуры, образования и благотворительных мероприятий⁶, т. е. региональные власти в киргизских диаспорах видят партнера, а не ресурс.

Важен вывод председателя Самарского благотворительного фонда "Помощь Киргизскому народу "Манас-Ата" К. Стамкулова: находясь в России и сумев объединиться в диаспоры, "граждане Киргизстана изжили кланово-территориальные критерии существования. Повсеместно в местах компактного проживания, киргизская диаспора стала неотъемлемой частью местного сообщества"⁷.

Вполне корректно продолжить этот тезис: именно в России, государстве, в котором уже проживает значительная часть киргизов, включающих наиболее трудоспособных, образованных и не зараженных этнонационализмом, закладывается будущее Киргизии, поскольку в ближайшее время не политические элиты республики будут использовать диаспору как ресурс своего сохранения, а сама диаспора будет предъявлять к политической элите Киргизии требования, соответствующие нормам общества XXI века, определять ее состав и внешнеполитические ориентации.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации "О национально-культурной автономии" от 17.06.1996, № 74 //Российская газета. 25 июня 1996.

⁷ <http://kg.akipress.org/news/59841>.

"Новые" этнические группы в Саратовской области: отношение властей и общества

О. А. Лиценбергер

10-14 сентября 2006 г. в г. Вольске Саратовской области произошли события, которые ряд центральных средств массовой информации охарактеризовали как конфликт на национальной почве. Что же в действительности случилось в Вольске? Началом событий стала массовая драка 10 сентября в районе ночного клуба "Галактика", в которой принимали участие русские и армяне: один человек погиб, четверо получили телесные повреждения различной степени тяжести. Некоторые СМИ сообщили, что на этом беспорядки в Вольске не закончились: в понедельник, 11 сентября, группа местной молодежи ворвалась в колледж строительства мостов и гидросооружений, в результате один учащийся колледжа, выходец с Кавказа, получил ножевое ранение. В ночь на 12 сентября в ряде районов города произошли массовые драки, в том числе возле городской тюрьмы и около автостанции. Беспорядки и погромы были отмечены в районе "Новоселов": группа коротко стриженных молодых людей в черной одежде напала на автомобиль, в котором находились выходцы с Кавказа. Около 100 чел., собравшихся 14 сентября у стадиона "Юность", были разогнаны силами милиции.

Администрация Вольского муниципального образования предприняла различные меры для стабилизации ситуации, но удержать ее под контролем помогли оперативные и адекватные действия силовых структур города. Милиция Вольска была переведена на усиленный режим работы, районы города круглосуточно патрулировались милицескими подразделениями. По распоряжению местной администрации кавказцам было предложено во избежание провокаций не появляться на рынках и улицах города. Для задержания подозреваемых, совершивших убийство 10 сентября, была создана следственно-оперативная группа, которую возглавил следователь по особо важным делам прокуратуры Саратовской области. 14 сентября в Вольске состоялась рабочая встреча главы администрации, прокурора, начальника Вольского ГРОВД с главами муниципальных объединений, руководителями общественных национальных организаций, учреждений культуры и образования Вольского района, на которой были рассмотрены вопросы, связанные с указанным происшествием. Обсуждались меры по профилактике возможных нарушений общественного порядка со стороны местного населения и пред-

ставителей диаспор. Всеми участниками встречи было выражено единое возмущение в связи с позицией ряда СМИ, придавших факту преступления на бытовой почве характер межнациональной розни.

Члены армянского сообщества заявили, что конфликт возник на бытовой почве и никакого этнического не было; они также осудили действия участвовавших в драке армян. По словам президента Армянской общины области "Крунк" А. Навасардяна "армянская община приложит все усилия в содействии правоохранительным органам в раскрытии данного преступления". 15 сентября вице-президент армянского сообщества в Саратовской области А. Косян попросил "не раздувать пьяную драку до уровня межнационального конфликта".

И. о. прокурора г. Вольска А. Чернышов также опроверг какие-либо высказывания, которые прозвучали в центральных СМИ, о том, что столкновение произошло на межнациональной почве. По тем сведениям, которыми располагает следствие, ссору и драку можно отнести к разряду бытовых. По словам прокурора, только после задержания и допроса участников драки можно будет дать более точную оценку случившемуся. По факту драки было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 111 УК РФ. В настоящее время двое лиц, подозреваемых в совершении преступления, объявлены в федеральный розыск.

15 сентября на своем официальном сайте прокуратура Саратовской области разместила информацию по поводу конфликта в Вольске. Согласно данному сообщению, "в ходе следственных и оперативно-розыскных мероприятий устанавливаются обстоятельства и другие участники инцидента... На данный момент оснований полагать, что преступление совершено на межнациональной почве, не имеется".

В этот же день Генеральная прокуратура начала изучение информации о столкновениях в регионах России на национальной почве. Об этом сообщил первый заместитель генерального прокурора А. Буксман. "Сейчас мы обобщаем все сообщения на эту тему и выясняем, есть ли причины, которые способствуют этим событиям", – заявил Буксман, отвечая на вопрос журналистов о событиях в Вольске.

15 сентября областное ГУВД распространило следующее заявление: "14 и 15 сентября в ряде местных и федеральных СМИ появилась информация о якобы имевших место в Вольске массовых беспорядках: погромах на городском рынке, торговых точках и павильонах, принадлежащих представителям различных национальных общин и диаспор, а также последовавшем затем их массовом отъезде из города. Данная информация не соответствует действительности. Поводом для возникновения слухов послужила драка возле кафе "Галактика". Для оказания практической помощи в расследовании и раскрытии данного преступления в Вольск направлена группа сотрудников ГУВД. Кроме того, про-

водится комплекс оперативно-профилактических мероприятий по поддержанию общественного порядка".

К урегулированию проблемы были подключены главный федеральный инспектор и заместитель полномочного представителя Президента в ПФО В. Зорин, который заявил, что будут приняты "все меры, чтобы остановить подобные вопросы в прессе и попытки притянуть несуществующие процессы".

Драка 10 сентября, действительно могла и не носить этнического характера, как это старались показать некоторые СМИ. Однако важнее то, какой общественный резонанс вызвало данное событие. Почему милиции с огромным трудом удалось предотвратить дальнейшие беспорядки и погромы?

Ответственность за беспорядки и погромы надо возлагать не только на определенных политиков, чиновников или скинхедов, но и на некоторые средства массовой информации. СМИ, как еще раз продемонстрировали российские реалии, могут оказывать решающее влияние на духовную жизнь общества, в том числе и на регулирование межнациональных отношений. Выступая одним из институтов гражданского общества, они аккумулируют в себе не только созидательную, но и гигантскую разрушительную силу. Им принадлежит важнейшая роль в деле внесения в сознание людей определенных идей, побуждающих их к соответствующему поведению и действиям. В этой связи возрастание влияния СМИ все острее ставит вопрос об их ответственности как "четвертой власти" перед обществом, в том числе и по межнациональным проблемам.

В настоящее время в Саратовском регионе, территория которого составляет более 100 тыс. кв. км, проживают представители 135 национальностей. Анализируя этническую ситуацию в приграничном и транзитном Саратовском регионе, необходимо обратить внимание на изменение межнационального баланса во многих районах области вследствие высокой миграционной активности населения.

По итогам Всероссийской переписи 2002 г., численность населения области составила 2 668 310 чел., число национальностей и народностей, проживающих на территории области, возросло со 111 до 135. В межпереписной период (1989-2002 гг.) в регионе увеличилась численность армян (+ 18572), азербайджанцев (+ 5807), казахов (+ 4892), чеченцев (+ 1612), сократилось число украинцев (- 34575), мордвы (- 6858), русских (- 5763), белорусов (- 5096), немцев (- 4975), чувашей (- 4657), что связано с многообразными и сложнейшими миграционными процессами. По сравнению с данными переписи 1989 г., десятка крупнейших по численности национальностей области пополнилась азербайджанцами (численность населения этой национальности выросла в 1,5 раза).

Специфика Саратовской области по сравнению с другими российскими регионами состоит в высоком миграционном приросте населения. По экспертным оценкам, 10% населения области (около 280 тыс.) – иммигранты, прибывшие в регион в течение последних 15-18 лет.

Следует отметить, что Саратовская область является наиболее привлекательной для переселенцев из закавказского и среднеазиатского регионов, а также из граничащей с областью Республики Казахстан. Мигранты, оседающие в Саратовской области, представлены несколькими основными этническими группами. В порядке убывания это – азербайджанцы, узбеки, таджики, армяне, чеченцы, ингуши, дагестанцы и прочие.

Кроме того, наблюдаются быстрые темпы роста численности населения некоторых немногочисленных национальностей, доля которых во всем населении страны не превышает 0,1% – это курды, арабы, таджики, турки, китайцы, вьетнамцы. Если до начала девяностых годов в области практически не было представителей такого этноса как дунгане (китайцы), то в последние три года наблюдается их активный приток: более восьмисот человек. Весьма примечательна ситуация с усилением миграционного потока курдского населения. Начиная с 1991 г. по настоящее время в Саратовскую область прибыло около 10 тыс. курдов, расселившихся преимущественно в сельской местности.

С 1999 г. Саратовская область взяла шефство над Грозненским районом Чеченской республики, и регион ежегодно активно принимает мигрантов из Чечни. В 2000 г. между губернатором Саратовской области Д. Ф. Аяцковым и Президентом Чеченской Республики А. Кадыровым было подписано первое Соглашение о сотрудничестве в социально-экономической, научной и культурной сферах, которое регулярно продлевается. Среди общего числа беженцев и вынужденных переселенцев из Чеченской Республики доля русских составляет – 80,6%, чеченцев – 8%, остальные – представители иных национальностей.

В последние годы наблюдается ежегодное усиление миграционного потока. Если за шесть лет, с 1992 по 1998 гг. в Саратовскую область прибыло и было зарегистрировано около 50 тыс. человек беженцев и вынужденных переселенцев, в национальном составе которых преобладали русские¹, то, по данным Управления Федеральной миграционной службы России по Саратовской области, только в 2006 г. в области было зарегистрировано более 30 тыс. мигрантов. По неофициальным оценкам, за 2005-2006 гг. в область прибыло около 100 тыс. мигрантов, около 30% которых находятся на территории области нелегально².

¹ Постановление Саратовской областной Думы от 9 декабря 1998 г. № 21-598 //Официальный сайт правительства Саратовской области <http://www.saratov.gov.ru>.

² Зуев А. П. Доклад о положении национальных меньшинств в Саратовской области за 2005-2006 гг. //Свободный Курдистан. 2006. № 6 (39), с. 12.

В ближайшее время уменьшения миграционного потока не предвидится. По мнению экспертов, это вызовет дополнительную нагрузку на все сферы жизнедеятельности, в том числе на межнациональные отношения. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые отмечают, что миграция благоприятно влияет на демографическую ситуацию, благодаря ей происходит процесс механического прироста населения, улучшение трудового потенциала региона³. Однако большая часть аналитиков справедливо указывает на конфликтогенность миграционного фактора в целом, что подтверждается конкретными фактами и событиями⁴.

Печальные примеры конфликтов, переросших в межэтнические, уже имеются. Помимо описанных выше столкновений в Вольске, вспомним события в Красноармейске (март 2007 г.). Там убийство местного жителя Алексея Филинова, совершенное местным жителем Курбаноглы Мамедовым в результате драки в кафе, привело к массовым митингам и обострению этнических отношений. Похороны и поминки убитого превратились в стихийную манифестацию. Митингующие, число которых достигало 3 тыс. чел., вышли к зданию администрации с лозунгами "Выселить инородцев". На центральную площадь города были стянуты подразделения СОБРа. Глава муниципального района признал наличие межнационального конфликта в городе. По утверждению правоохранительных органов, дестабилизировали ситуацию члены партии "Народная воля" и представители движения против незаконной миграции, оперативно прибывшие из других городов России. Таким образом в спокойном регионе, каким традиционно являлась Саратовская область, наметились тенденции к некоторой дестабилизации межнациональных отношений.

Обострение этнополитической ситуации в регионе привело к тому, что система межнациональных взаимоотношений стала предметом детального анализа органов власти, национально-культурных объединений, общественности. "Новые" этнические группы не выделяются властями как отдельная категория населения, по отношению к ним не проводится "отдельной" политики. Однако общественное восприятие "новых" этнических групп, необходимость социализации мигрантов и возникновение ксенофобских настроений в обществе – все это требует от властей проведение более взвешенной политики.

³ Седова С. Ю. Вопросы миграционной политики в Поволжье //Межнациональное взаимодействие и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. Материалы международной научно-практической конференции 21-22 марта 1998, г. Саратов: Поволжский кадровый центр, 1998. Ч. I, с. 77.

⁴ Цоберг О. А. Мигранты как конфликтогенный фактор современного села (на примере Саратовской области) //Межнациональное взаимодействие и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. Материалы международной научно-практической конференции 21-22 марта 1998, г. Саратов: Поволжский кадровый центр, 1998. Ч. I., с. 69.

Анализ мер, которые предпринимаются властями для профилактики этнической напряженности и оптимизации национально-культурной политики, позволяет выявить следующие основные направления: традиционные встречи областного губернатора с представителями национальных объединений области, создание Дома дружбы народов (2002 г.), открытие городского Центра национальных культур, учреждение усилиями центров национальных культур этнографического музея под открытым небом – "национальной деревни" (2003 г.), создание Центра толерантности (2007 г.), проведение Конгресса Ассамблеи народов Саратовской области (2007 г. и 2008 г.).

В 2001 г. по инициативе саратовских областных национально-культурных объединений была создана Саратовская региональная общественная организация "Ассамблея народов Саратовской области". По данным на 2008 г., численность членов двадцати пяти общественных организаций, входящих в состав Ассамблеи составляет более 10 тыс. чел. Первоначально Конгресс планировалось проводить дважды в год, однако, в 2008 г. был проведен всего лишь II Конгресс Ассамблеи. В целом, Конгресс является достаточно значимой переговорной площадкой, и не случайно местные СМИ окрестили его "Палатой национальностей", оказывающей существенное влияние на принятие решений в области.

Итогами I Конгресса Ассамблеи народов (март 2007 г.) стало создание в области специализированного органа государственного управления в ранге министерства, занимающегося национальной политикой. Необходимость этого стала очевидной после обострения межнациональных отношений в регионе в 2006–2007 гг. и обращения ряда национально-культурных объединений в органы власти с предложением корректировки национальной политики. Первым из мероприятий областной власти по оптимизации национальной политики стало принятие постановления губернатором от 30 марта 2007 г. "О преобразовании комитета общественных отношений в комитет общественных связей и национальной политики Саратовской области"⁵.

На упомянутом конгрессе было также принято решение о воссоздании Общественной палаты области и о включении Ассамблеи народов Саратовской области в состав Общественной палаты. Было подписано Соглашение "О развитии взаимодействия с национальными объединениями в Саратовской области" между Правительством области, Общественной палатой РФ, Ассамблеей народов России и Ассамблеей народов Саратовской области.

⁵ Постановление губернатора Саратовской области от 30 марта 2007 г. № 130-П "О преобразовании комитета общественных отношений в комитет общественных связей и национальной политики Саратовской области" //Официальный сайт правительства Саратовской области <http://www.saratov.gov.ru>.

Первая Общественная палата была сформирована еще в январе 1997 г. В 2003 г. председателем палаты был избран губернатор области, а ее деятельность полностью перешла под контроль исполнительной власти, которая через формирование "повестки дня" заседаний палаты умело манипулировала и воздействовала в своих интересах на социально-политические процессы в регионе. После прихода к власти нового губернатора Общественную палату перестали созывать. Когда летом 2006 г. в Саратове проездом побывала представительная делегация членов Общественной палаты РФ, они выразили искреннее недоумение отсутствием аналогичной организации в Саратовской области. Таких "обделенных" регионов в России к тому времени оставалось только четыре, и в сжатые сроки в области был разработан новый законопроект об Общественной палате. В настоящее время в Общественную палату области входят представители национально-культурных объединений региона, в том числе и "новых" этнических групп.

Со сменой губернатора в области не только прервалась деятельность Общественной палаты, но и приостановилась государственная поддержка этноконфессиональной сферы в целом. Действие последней программы национально-культурного развития народов области прекратилось в 2006 г. Новая программа не была разработана вовремя в силу различных причин, прежде всего, сложностей, связанных с реорганизацией министерств после прихода к власти нового губернатора, и длительным процессом передачи сферы национальных отношений из ведения министерства культуры в ведение комитета общественных отношений. В настоящее время в области принята и действует Программа национально-культурного развития народов области на 2008-2010 гг.

Итогами II Конгресса упомянутой Ассамблеи стала пролонгация и расширение участников Соглашения "О развитии взаимодействия с национально-культурными объединениями в Саратовской области", заключенного в ходе I Конгресса.

На примере Саратовской области можно констатировать, что своевременная деятельность органов власти и национально-культурных объединений в лице Ассамблеи народов Саратовской области в сложной этнополитической ситуации, сложившейся в регионе, явилась необходимым компонентом в обеспечении процесса принятия решений и эффективного управления национальной политикой в целом. Подобная деятельность в полиэтнических российских регионах способна фиксировать динамику этнополитической ситуации и через своевременную информацию и рекомендации содействовать снижению напряженности и раннему предупреждению конфликтов.

Анализируя перспективы этнической политики в Саратовской области, немаловажно знать точку зрения лидеров этнокультурных организа-

ций. В регионе реализуется областная целевая программа "Национально-культурное развитие народов Саратовской области", существуют советы по взаимодействию с национальными объединениями и по взаимодействию с религиозными объединениями, которые способны формировать консолидированную позицию власти и общества по наиболее резонансным вопросам, связанным с национальной и религиозной жизнью региона. Об этом говорили в беседе с нами лидеры двух этнокультурных объединений – президент Ассоциации национально-культурных объединений Саратовской области, председатель правления Курдской национально-культурной автономии Саратовской области К. Ахмедов и председатель Совета Саратовской областной казахской национально-культурной автономии М. Бисенгалиев⁶.

Оба эксперта знакомы с темой не понаслышке – многие годы они являлись членами Координационного межнационального совета при губернаторе Саратовской области, Совета по взаимодействию с национальными объединениями при губернаторе, Межведомственной комиссии по делам национальностей и религий при правительстве Саратовской области. Место встречи с экспертами было выбрано также неслучайно – Конгресс Ассамблеи народов Саратовской области (17-23 апреля 2008 г., Саратов).

В беседе К. Ахмедов отметил, что проведение конгресса в очередной раз продемонстрировало общественную важность этноконфессиональных отношений для жизни области и страны в целом. В Саратовской области практически не существует конфликтов на межнациональной почве. По мнению М. Бисенгалиева, это во многом объясняется целенаправленной национальной политикой правительства области. Подтверждением значительного интереса властей к этническим вопросам является не только проведение конгресса, но и создание при правительстве области комитета общественных отношений и национальной политики, при министерстве культуры – отдела по взаимодействию с национальными общинами и национальными культурными центрами.

Кстати, советы действуют и при главном федеральном инспекторе по Саратовской области, при Уполномоченном по правам человека

⁶ Использованы данные, полученные автором и Н. Семеновым в ходе интервью, проведенного в апреле 2008 г. с президентом Ассоциации национально-культурных объединений Саратовской области, председателем правления Курдской национально-культурной автономии Саратовской области Ахмедовым Кероглы Муса-оглы и председателем Совета Саратовской областной казахской национально-культурной автономии Маратом Сапаргалиевичем Бисенгалиевым. Интервью опубликовано в виде отдельной статьи: Лиценбергер О., Семенов Н. Региональная этническая политика в действии: точка зрения // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 79, 2008.

Саратовской области. Почти в каждом районе Саратовской области при главах администраций тоже создаются советы по взаимодействию с национальными общинами, в основном – в местах компактного проживания различных этнических общин.

По мнению наших собеседников, в Саратовской области национальная политика занимает достойное место. Периодически проводятся мероприятия, которые действительно способствуют профилактике межнациональных конфликтов. Если возникали какие-то инциденты на бытовой почве и их пытались причислить к разряду этнических (хотя, как показала практика, проблемы чаще всего возникали в иной плоскости), то представители Комитета общественных отношений и национальной политики и лидеры национальных диаспор мобильно и четко реагировали на подобные вызовы, выезжали на места, проводили разъяснительную работу.

М. Бисенгалиев, говоря о проблемах казахской диаспоры, указал на то, что казахи, являясь коренным населением региона, на сегодняшний день занимают второе место по численности среди населения области – около 80 тыс., это примерно 3% населения региона.

Основной проблемой в сфере обеспечения этнокультурных прав казахов является, по мнению М. Бисенгалиева, "отсутствие национальных кадров" на руководящих постах в административных и силовых структурах области, причем, даже в тех районах, где казахи составляют половину населения. Казахи расселены в степных районах Заволжья: Алтайском (почти 50% от общей численности местных жителей), Дергачевском (около 20%), Питерском (более 20%), Ровенском (более 15%). От 6 до 12% казахов проживают в Ершовском, Краснокутском, Краснопартизанском, Марксовском, Перелюбском, Советском, Федоровском и Энгельсском районах. Хотя в городах областного подчинения проживают лишь 12% казахов региона, уже зарегистрировано много национально-культурных объединений. Среди них – "Ассоциация Поволжских казахов", областной центр казахской культуры "Казахстан", культурный центр "Арман" (г. Красный Кут), Ассоциация казахской культуры (г. Алтай), Саратовский союз казахской молодежи, "Казахская Лига Поволжья", с февраля 2004 г. зарегистрирована общественная организация "Саратовская местная казахская НКА". Основные направления деятельности организаций: работа с молодежью, проведение традиционных народных праздников, участие в общественно-политической деятельности города и области. Казахские общественные организации оказывают помощь мигрантам в оформлении документов на получение российского гражданства, а также помогают и тем казахам, кто переселяется из Саратовской области в Казахстан.

Что касается реализации иных этнокультурных прав, сказал Бисенгалиев, то важную роль в этом процессе играют традиционные праздники, действующие воскресные школы, реализуемые социальные программы. Праздники чаще всего проводятся при поддержке областного министерства культуры. Языки меньшинств изучаются при поддержке министерства образования. "В нашей области нет проблемы инертности и пассивности структур гражданского общества. Общественные объединения – национальные, религиозные – проводят большое количество праздников, мероприятий, различных форумов и конференций, выступают с гражданскими инициативами, сотрудничают в разрешении проблем мигрантов. И наша организация играет здесь не последнюю роль. В обеспечении межэтнического согласия наши региональные структуры принимают самое непосредственное участие". Существуют, впрочем, материальные трудности, например, при проведении праздников. Вообще, недостаток финансирования затрудняет решение самых разных культурных вопросов, необходимость которого указано в уставах этнокультурных организаций. Это и возрождение языка, традиций и культуры, это и участие в общественной жизни города и области. Бисенгалиев дипломатично заметил, что возможностей "у одной общины больше, а у другой – меньше". Однако в целом на основе проводимых при участии министерства культуры праздников как раз и происходит сближение и взаимообогащение культур Саратовской области.

К. Ахмедов также отметил высокую активность институтов гражданского общества в регионе, в частности, деятельность национально-культурных организаций. Он сказал, что Конгресс Ассамблеи стал ключевым этапом диалога власти и общества. Но, хотя многое уже сделано для бесконфликтного развития региона, поле деятельности в данном направлении остается обширным.

Уместно привести еще одну точку зрения, которая была высказана нам в личной беседе одним из лидеров чеченской саратовской общины в июне 2008 г. В тот период в Саратове проводилось заседание Совета по взаимодействию с национальными объединениями при губернаторе области. На заседании были рассмотрены три вопроса: "Об итогах исполнения Соглашения "О развитии взаимодействия с национально-культурными объединениями в Саратовской области", заключенного в ходе первого Конгресса Ассамблеи народов Саратовской области в 2007 г. и работе комиссии по межнациональным отношениям, миграции Общественной палаты Саратовской области", "О реализации областной целевой программы "Национально-культурное развитие народов Саратовской области на 2008-2010 гг.". По третьему вопросу "О развитии партнерских отношений между Саратовской областью и Чеченской Республикой" руководитель представительства Че-

ченской Республики Саратовской области, председатель правления Саратовской региональной общественной организации "Вайнах" Сайд-Ахмед Исаевич Элесов указал на позитивную динамику сотрудничества между регионами. Нами было проведено интервью с С.-А. Элесовым.

На вопрос "Как вы оцениваете в целом этническую политику, проводимую в Саратовской области? Имеет ли она особенности и специфику по сравнению с другими российскими регионами?" С.-А. Элесов ответил, что этническая политика в Саратовской области проводится удовлетворительно. Ее особенности связаны с многонациональностью и поликонфессиональностью региона, что накладывает определенный отпечаток на этническую политику в целом.

По мнению Элесова, не приходится говорить об остроте вопроса обеспечения этнокультурных прав доминирующего населения, этнокультурных и мигрантских меньшинств, так как в Саратовской области все имеют возможность сохранять и развивать свою культуру, участвовать в культурных мероприятиях. Чеченское общество ежегодно проводит дни культуры вайнахских народов (чеченцев и ингушей), организует работу танцевальных коллективов, имеет возможность изучения родного языка, открывая воскресные школы. Сложности, безусловно, существуют, но и возможности для самореализации есть. Организация "Вайнах", действующая с 2000 г. и объединяющая вайнахов региона, организует традиционные вечера отдыха "Синкьерам", где молодежь танцует лезгинку, а старшее поколение рассказывает о традициях, обычаях, истории народа. Среди мигрантов организация "Вайнах" проводит активную социальную работу, оказывает помощь неимущим, потерявшим связь с Чеченской Республикой или желающим вернуться туда.

Что касается проблемы гражданского единения и роли в данном процессе чеченской общины, то, по мнению Элесова, "вовлеченность в общественно значимые мероприятия, в экономическую и социальную сферы естественным образом заставляет нашу организацию принимать участие в становлении самого гражданского общества". Представитель организации избран в состав новой Общественной палаты региона, члены организации являются советниками губернатора по национальным проблемам, входят в Общественный совет при Духовном управлении мусульман Поволжья. Ни одно мероприятие, затрагивающее национальную проблематику в Саратовской области, не проходит без участия "Вайнах".

Отметив наличие в современном мире межнациональных конфликтов, Элесов подчеркнул значимость проводимых в области превентивных мер по предупреждению этнических столкновений. По его мнению, значительную роль в процессе раннего предупреждения конфликтов играет активное взаимодействие с общественными организациями,

готовность лидеров и простых членов национальных объединений в любое время помочь друг другу, провести совместные встречи и выезды в муниципальные образования для решения и урегулирования возникающих проблем. Так, после конфликта в Красноармейске национально-культурные объединения работали в этом городе на протяжении трех месяцев.

Лидер организации подчеркнул, что ни в коем случае нельзя отождествлять национальность и конфликт, необходимо четко разграничивать "межнациональные" и "бытовые" конфликты. Конфликтам надо давать твердую оценку и в категоричной форме бороться с "превращением" бытовых конфликтов в национальные. Руководство области и национально-культурные объединения стремятся предупредить конфликтные ситуации, а не прекращать уже разгоревшийся конфликт. "Большую роль играет разъяснительная работа и правовое просвещение, – сказал Элесов, – при общении с молодежью, в студенческой среде, в процессе проведения различных мероприятий мы стараемся объяснить, что мигранты (а в последние годы в Саратовскую область иммигрировало около 4 тыс. чеченцев) должны уважать местные обычаи и традиции, равно как и свои... Стараемся работать предупреждающе".

Таким образом, очевидно, что за последние годы в Саратовской области сделаны уверенные шаги к овладению этнической ситуацией и выработке региональной стратегии управления в этой сфере, создан орган власти, ответственный за этническую политику, ряд комитетов и советов. Сам факт признания властью существующих проблем уже является показателем начального этапа регулирования процессов интеграции новых этнических сообществ. При этом высокая активность институтов гражданского общества, в частности, деятельность национально-культурных организаций зачастую является ключевой для диалога власти и общества по вопросам интеграции. Уже приходит осознание того, что отсутствие внимания к нуждам и запросам мигрантов и местных жителей может приводить к негативным последствиям и служить причиной межобщинных конфликтов.

"Новые" этнические группы в Марий Эл

В. Д. Шаров

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Республике Марий Эл проживает 728,0 тыс. чел. За исключением марийцев и русских, составляющих в общей численности населения республики 42,9% и 47,5%, к меньшинству следует отнести компактно проживающих в Марий Эл татар (6,0%), чувашей (1,0%), удмуртов (0,3%), немцев, дисперсно расселенных украинцев, насчитывающих 5,3 тыс. чел. (0,7%), белорусов (1,4 тыс.), мордву (1,3 тыс.).

Основная масса проживающих в республике татар сосредоточена на востоке в приграничных районах с Татарстаном, в которых имеется значительное количество татарских поселений, и в г. Волжске. Более четверти проживает в г. Йошкар-Оле. В южной части республики в Звениговском районе имеется несколько чувашских поселений, в которых проживают треть чувашей республики. Еще треть – городские жители Йошкар-Олы и Волжска. Поселения с удмуртами встречаются на северо-восточной окраине республики – в Мари-Турекском районе, на территории которого проживает три четверти удмуртов республики.

Приток в республику украинцев, белорусов, мордвы начался еще в 1930-40 гг. во времена индустриализации. Украинцы и белорусы переселялись также в годы Отечественной войны в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения с временно оккупированных Германией территорий. Значительная часть мордвы, украинцев, белорусов обосновались в регионе в 1960-80-е гг. Переселения последнего десятилетия не столь массовые и более всего связаны с приездом выходцев с Кавказа и Средней Азии.

Перепись 2002 г. насчитала в республике 1157 азербайджанцев, 1104 армян и 360 грузин. Численность всех остальных выходцев с Кавказа составляет менее тысячи человек. Среди них укажем на дагестанцев (аварцы – 163, лезгины – 113, даргинцы – 43, кумыки – 28, табасараны – 2, другие дагестанцы – 27 чел.). Чеченцы насчитывают 281 чел., ингуши – 26, осетины – 83. Численность выходцев из Средней Азии также невелика. Последняя перепись учла 279 узбеков, 168 казахов, 141 таджика, 28 туркмен и 18 киргизов.

Этнокультурной политике в республике уделяется самое пристальное внимание. Наряду с множеством принятых нормативных правовых актов по этой тематике реализована программа развития этнокультурных

и межнациональных отношений в Республике Марий Эл на 2004 – 2008 гг. Осуществлено большое число самых различных мероприятий, включая круглые столы, непосредственно касающиеся проблем этнического меньшинства. Важные темы обсуждения: формы сотрудничества и взаимодействия национально-культурных общественных организаций с органами государственной власти; миграционная ситуация; предупреждение политического и религиозного экстремизма среди молодежи; место и роль национально-культурных общественных объединений в избирательной кампании.

Заслуживает упоминания общественная дискуссия "Милиция и проблемы расизма и нетерпимости к жертвам насилия и меньшинствам" (2007 г.), на которой было признано, что проблема поддержки толерантности к инокультурным приезжим, хотя и не стоит в республике остро, но должна оставаться в сфере внимания власти и государственной политики.

По данным Управления Федеральной регистрационной службы, в Марий Эл насчитывается более 1200 зарегистрированных общественных объединений, в том числе около 30 – национально-культурных организаций марийцев, русских, татар, чувашей, удмуртов. Действует также национально-культурная организация Республики Марий Эл "Азербайджан". В организации мероприятий всех общественных объединений, образованных по этническому признаку, активное участие принимает республиканское министерство. Деятельность организаций у власти не вызывает беспокойств.

В 1994 г. и 2001 г. с целью изучения состояния межнациональных отношений в республике проводились по сопоставимой программе социологические исследования.¹ Обследования проводились в период характерных для того времени конфликтов на Северном Кавказе, но и на тот момент этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл была стабильной. В 2001 г. 16,7% респондентов (в 1994 г. – 16,3%) говорили, что ощущают угрозу возникновения межнациональных конфликтов, а 59,7% заявили об отсутствии какой-либо угрозы (в 1994 г. – 58,9%).

В 1994 г. большинство опрошенных (78,0%) на вопрос: "Сталкивались ли Вы в нашей республике с оскорблением Вашего национального достоинства?" давали отрицательный ответ. Но 15,0% говорили, что в повседневной жизни им приходилось сталкиваться с фактами оскорбления их национального достоинства.

Наибольший процент сталкивавшихся с оскорблением национального достоинства на работе (учебе) людей наблюдался у представите-

¹ В ходе первого обследования было опрошено 1170 жителей республики в возрасте 15 лет и старше, в 2001 г. – 895 чел.

лей не русской, не марийской и не татарской) национальностей, проживающих на территории республики (28,6%), при общении с руководящими работниками – у представителей марийской национальности (14,3%), в сфере обслуживания – у татар (36,0%), в общественных местах – почти в равной степени у марийцев (24,3%) и татар (23,3%). Реже прочих с оскорблением своего национального достоинства в общественных местах сталкивались русские (8,4%). Данные социологического исследования 2001 г. отразили тенденцию к увеличению числа людей, которые сталкивались с оскорблением по этническому признаку.

На вопрос, бывает ли так, что некоторые члены Вашего коллектива относятся неуважительно к человеку другой национальности, иногда бывает заявили 43,3%, а в целом около половины опрошенных сталкивались с неуважительным отношением к человеку другой национальности. При этом на вопрос о том, "Испытывали ли Вы чувство обиды как следствие унижения (оскорбления) по причине принадлежности к той или иной национальности?", ответили отрицательно далеко не все. Чаще всех чувство обиды как следствие унижения и оскорбления по национальному признаку испытывают марийцы (40%). Почти десятая часть, точнее 9,8% респондентов (это оказались исключительно русские и марийцы) признали, что за последние 10 лет их отношение к другим народам, проживающим в республике, ухудшилось; 14,8% опрошенных отметили, что они испытывают определенную неприязнь, отчуждение к представителям некоторых национальностей. Наиболее выраженное негативное отношение проявилось по данным того опроса к представителям народов Кавказа (26,9%).

В связи с отмеченными признаками кавказофобии внимания заслуживает чеченская тема, становившаяся в Марий Эл предметом политической спекуляции в борьбе за власть. Накануне выборов президента Марий Эл в конце 2000 г. в газете "Комсомольская правда" была опубликована пространная статья С. Кирикова "Только пуля из Чечни казачка догонит", посвященная анализу предвыборной ситуации в Республике Марий Эл и деятельности прежнего главы республики В. Кислицына. В статье приводились материалы, свидетельствовавшие о связях последнего с чеченскими сепаратистами. По утверждению автора, благодаря покровительству прежнего президента республики, бандиты чувствовали себя в Марий Эл вольготно. Названная публикация, обвинявшая Кислицына в связях с криминалитетом и даже с чеченскими боевиками была в те годы далеко не единственной. В статье А. Батанова "Чеченская диаспора"² фамилия бывшего президента также упоминалась. Несмотря на кажущуюся бесперспективность политического воскрешения

² "Марийская правда", № от 6 ноября 2002 г.

Кислицына, эта публикация являлась превентивной мерой против него, как одного из возможных и вероятных претендентов на пост главы республики. Статья была снабжена "сенсационным" подзаголовком: "В Марий Эл жили и Дудаев, и Басаев. Усама живет в ней по сей день", в котором для завлечения читательской аудитории использованы проживающие в республике однофамильцы названных одиозных личностей. Актуальность затронутой темы была обоснована и увязана с известной трагедией в Москве на Дубровке.

Ссылаясь на официальные данные Министерства внутренних дел республики, автор писал, что "...на территории Республики Марий Эл проживают 2328 выходцев с Кавказа, из них 189 – чеченцы. Другие источники называют иную цифру – 395". Далее автор объяснял цель своей публикации и озадачивал читателя так: "Представляют ли опасность четыре сотни выходцев из Чечни для других народностей, населяющих нашу республику? Разумеется, под опасными подразумеваются лишь те, кто ведет сомнительный образ жизни и имеет связь с преступными группировками". Раздел статьи, озаглавленный "Марий Эл – "чеченская" республика", повествует о криминальных связях бывшего президента с чеченской общиной и о "золотом" времени для иммигрантов с юга, включая азербайджанцев, армян и дагестанцев. В разделах "Жизнь уголовная" и "Бандиты наши и не наши" приводились примеры некоторых преступных деяний чеченских бандитов (в частности, история с поддельными авизо и перевозками оружия) и "доказательства" связи местной чеченской общины с боевиками в Чечне. Рубрика "Кавказ велик, народов много" повествовала о натянутых отношениях, сложившихся в республике между чеченцами и азербайджанцами. Без какой-либо тени сомнения автор приводил данные об "основных сферах преступной деятельности", контролируемых в Марий Эл "национальными диаспорами". Азербайджанцы, мол, захватили весь рынок, а также промышляют грабежами; чеченцы – махинациями с ценными бумагами, сбытом фальшивых денег, торговлей наркотиков; армяне – автобизнесом; грузины – угоном автотранспорта, наркотиками; дагестанцы – вымогательством. В последнем разделе под названием "Вторая родина" автор рассказывал о чеченцах, давно живущих в Марий Эл и не связанных с криминалом, и, как бы соблюдая принцип объективности, заключает: "Глупо видеть в каждом чеченце бандита или террориста, хотя определенный стереотип, благодаря серии терактов, в нас закрепился прочно"...

Публикация вызвала возмущение многих общественных организаций и спровоцировала обращение отделения Союза мусульман России, в котором отмечалось: "Отождествление всех кавказцев с группой бандитов недопустимо. ...Нужно отметить, что уроженцы Кавказа пережи-

вают московскую трагедию как свою собственную, и есть серьезные основания опасаться, что для некоторых неуравновешенных людей они могут стать объектом "охоты"... Попытки навязать обществу мнение, что национальные диаспоры, проживающие в Марийской республике, связаны с криминальным миром, просто аморальны. Выходцы из Кавказа доставляют гораздо меньше хлопот органам правопорядка Марий Эл, чем кто-либо другой". Такой точки зрения придерживаются широкие слои общественности в республике до настоящего времени.

Кавказцы в Удмуртии: "В Азербайджане нас никто не ждет"

• В. С. Воронцов

Темп миграционной убыли населения Удмуртии – самый быстрый в Приволжском федеральном округе, что еще более усугубляет демографическую ситуацию в республике (за 1992-2007 гг. сокращение населения за счет превышения смертности над рождаемостью составило около 100 тыс. чел.).

В прошлом десятилетии естественная убыль еще как-то компенсировалась миграционным приростом. С 1992 по 2000 г. в республику прибыл на 32 тыс. чел. больше, чем выбыл. Но с 2001 г. явственно обозначилась миграционная убыль, и к 2007 гг. из Удмуртии выехало на 13 тыс. чел. больше, чем прибыло (в среднем ежегодно выезжают 20 тыс., приезжают – 18 тыс. чел.). Причем, если в 2001 г. выбыло на 1,4 тыс. чел. больше, чем прибыло, то в 2007 г. – более 3 тыс.

По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, сальдо миграции в Удмуртии останется отрицательным, но в то же время будет плавно снижаться и составит в 2025 г. около тысячи человек. Регионы, куда уезжают из Удмуртии, это, прежде всего, Татарстан, Московская область, Москва, Санкт-Петербург, Башкортостан, Свердловская область, Краснодарский край, Ленинградская и Нижегородская области. В 2006 г. 81,6% уехавших из Удмуртии находились в трудоспособном возрасте. Жители Удмуртии предпочитают уезжать в регионы с более развитой инфраструктурой и рынками труда, более высокой заработной платой. По данным Управления федеральной государственной службы занятости УР, в трудоустройстве за пределами региона заинтересованы две основные категории работников. Первая – высококвалифицированные рабочие, ищущие работу на промышленных предприятиях (токари, фрезеровщики, слесари) и так называемые вахтовики (операторы по добыче нефти и газа, монтажники, электрогазосварщики, бульдозеристы, крановщики). Вторая категория – работники, обладающие высоким уровнем образования: руководители высшего и среднего звена, менеджеры, юристы, бухгалтеры и др. Таким образом, республика теряет высококвалифицированные кадры.

По статистике, в Удмуртии уровень безработицы ниже, чем в целом по России. На конец 2007 г. в органах государственной службы занятости состояло на учете 14,6 тыс. чел., не занятых трудовой деятельностью,

из них 13,1 тыс. чел. имели статус безработного – это 1,6% экономически активного населения. По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, численность безработных в Удмуртии составляла 66 тыс. чел., или 7,9% экономически активного населения.

В 2007 г. работодатели республики подавали информацию о более чем 85 тыс. вакансий, однако почти 70% из них оставались незакрытыми в течение нескольких месяцев. Чаще всего это связано с тем, что работодатель предлагает очень низкую заработную плату: в 37% случаев ниже прожиточного минимума (меньше 3816 руб.), в 50,5% – ниже средней зарплаты по Удмуртии (меньше 9,4 тыс. руб.). Только 9,2% работодателей готовы предложить новому сотруднику доход от 10 тыс. руб., а выше 15 тыс. руб. – 3% работодателей. И еще один важный показатель – заявленная предприятиями и организациями в органы службы занятости потребность в работниках на конец 2007 г. составила лишь 10,7 тыс. мест, т. е. на 10 вакантных мест претендовали 14 официально зарегистрированных безработных.

Между тем, в 2007 г. подразделениями УФМС России по УР на миграционный учет поставлено почти 22 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, что в 2 раза больше, чем в 2006 г. В том числе по частным делам на территорию Удмуртии прибыло 10991 иностранный гражданин, в целях осуществления деловых поездок – 1487 чел., с туристическими целями – 1054 чел., в целях обучения – 323 чел., в гуманитарных целях – 1088 чел. и с целью осуществления трудовой деятельности – 4599 чел. (в 2006 г. – 867 чел.).

В 2007 г. в Удмуртии было оформлено 1583 визы, в том числе 75 учебных. Из общего числа иностранных граждан, прибывших в республику по делам, связанным с учебной деятельностью (323 чел.), наиболее многочисленными являются граждане Словакии (48 чел.), Нигерии (46 чел.), Казахстана (40), Азербайджана и Египта (по 23), Финляндии (16), Сирии (14), Венгрии (13), Таджикистана и Чехии (по 10), Туркменистана и Украины (по 9), Узбекистана, Молдовы, Ирана и Испании (по 5), Германии (7), Пакистана (4).

В течение 2007 г. иностранным гражданам и лицам без гражданства было выдано 880 разрешений на временное проживание (+40,4% к 2006 г.) и 47 видов на жительство (+11,9%). Всего по данным на начало 2008 г. в республике проживают по разрешениям на временное проживание 1083 иностранных гражданина, по видам на жительство – 184 чел. В 2007 г. обрести российское гражданство в Удмуртии смогли 1248 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 40,3% меньше прошлого года. Из них по упрощенным процедурам – 1027 чел. Иностранцам выдано 5485 разрешений на работу, это в три раза больше, чем 2006 г. Аннулировано 820 разрешений на работу, из них –

396 на основании расторжения договора с работником, 422 – из-за неприбытия работника. По состоянию на 1 января 2008 г., действующие разрешения на работу имели 6927 иностранных граждан (из них 3901 чел. – граждане государств СНГ). За первое полугодие 2008 г. более 1,2 тыс. иностранцев получили разрешение на работу и продлили постановку на миграционный учет. Однако 660 иностранных граждан (19,2%) не нашли работодателя либо работодатель не уведомил УФМС о принятии их на работу. За 5 месяцев 2008 г. в Удмуртии на миграционный учет поставлено 8922 иностранца, снято с миграционного учета – 7354 чел. При этом неизвестно, являются ли зарегистрированные миграционной службой иностранцы вновь прибывшими или это в основном те, кто уже находился на территории республики.

По данным УФМС (2007 г.), большая часть иностранных граждан имеет не очень высокую квалификацию: от общего количества прибывших на территорию Удмуртии 50,5% имели среднее общее образование, 32,6% – среднее специальное, 14,2% – начальное и 2,7% – высшее профессиональное. Основная часть трудовых мигрантов, прибывших на территорию Удмуртской Республики, занята на объектах строительства (76,5%) и в сфере торговли (11%), незначительное количество работает в промышленности, сельском хозяйстве, общественном питании и других сферах.

По оценкам управления УФМС, в 2008 г. в республике пребывают от 3,5 до 5 тыс. нелегальных трудовых мигрантов. Эта оценка базируется на количестве недоучтенных мигрантов, которые зарегистрированы службами как прибывшие, но в течение трех месяцев не уведомившие о своем легальном трудоустройстве либо не прошедшие перерегистрацию о временном пребывании. При этом в оценке возможной численности нелегалов не учтены нарушители прошлых лет, а также те иностранцы, кто без регистрации прибыл из других российских регионов.

В республике была проведена комплексная целевая операция "Нелегал-2008", основной целью которой являлось выявление правонарушений и преступлений, совершенных иностранными гражданами. В ходе операции сотрудниками МВД по УР совместно с сотрудниками УФМС РФ по УР и УФСБ РФ по УР проведено 644 проверки мест проживания иностранных граждан. Выявлено 2176 нарушений миграционного законодательства РФ, в том числе: 294 нарушения въезда, выезда и пребывания; 77 фактов незаконного осуществления иностранными гражданами, лицами без гражданства трудовой деятельности, 48 фактов незаконного привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан или лиц без гражданства, 2 факта несоблюдения иностранными гражданами ограничений на осуществление отдельных видов деятельности. Как сообщили проверяющие службы, преимущественно правонарушения совершены гражданами Узбекистана, Азер-

байджана, Таджикистана. Эти результаты соответствуют численному соотношению мигрантов, прибывающих из этих государств.

Нехватка собственных трудовых ресурсов вкупе с невысоким социальным обеспечением местного населения формирует у общественности республики двойственное отношение к приезжим. Об этом свидетельствуют заголовки республиканских газет: "Незванные гости", "Иностранец, дружи с законом", "Кто разжигает межнациональный конфликт?", "Кто в Удмуртии создает угрозу терроризма?".

Произошедший в 2004 г. конфликт в районном центре Малая Пурга между местной молодежью и азербайджанцами уже за два года до трагических событий в Карелии показал, что даже в этнически бесконфликтных регионах возможен перенос бытовых проблем с газетных полос на улицы. В том конфликте в ночь с 11 на 12 сентября произошла драка. Правоохранительные органы заявили, что подростков было около 50-70 чел. В свою очередь, азербайджанцы говорили, что нападавших было не менее 100. Местная же пресса написала, что в конфликте участвовало до 150 чел. К счастью, столкновение было пресечено милицией. Чтобы разогнать толпу, правоохранители стреляли из табельного оружия в воздух. Массовой драки удалось избежать, пострадали несколько человек.

Местные азербайджанцы, объясняя причины произошедшего, заявили, что кое-кто из местной молодежи требовал от хозяина кафе "Кристалл" Р. Аббасова заплатить 100 тыс. руб., а в случае неуплаты угрожали поджогом. Не получив денег, подростки решили действовать силовыми методами, для чего и была собрана толпа, вооруженная ломami и палками. "Это было такое тихое и спокойное село, – сокрушался представитель азербайджанской диаспоры А. Ибрагимов. – Раньше я мог здесь хоть в три часа ночи ходить один, а сейчас даже в магазин напротив или в аптеку иду с кем-нибудь. По улице не пройдешь, чтобы не услышать даже от женщин: "понаехали сюда". А ведь мы такие же граждане России, как и они. Думаю, что такая неприязнь к нам из-за того, что азербайджанцы продают на рынках фрукты. Люди отдают за них с трудом заработанные деньги. Думают, что продаем дорого, обвешиваем. В глазах покупателей мы спекулянты. Но у азербайджанцев и наших родственников торговля – это национальный бизнес. К тому же, мы очень разные – южане и северяне. И по темпераменту, и по отношению к жизни. Сейчас после Беслана нас все время проверяют. Но как бы плохо ни было, жить надо. Меня в Азербайджане никто не ждет. Я с детства живу в России и никуда из нее не уеду. Я вырос на русской культуре, учился по русским учебникам, дружил с русскими ребятами".

А вот мнение директора лицея Л. Ильиной: столкновения между местными жителями и азербайджанцами происходят уже не первый раз, причины – разные представления об этикете, правилах и нормах пове-

дения в общественных местах и быту. Причем, как правило, инициатором конфликтных ситуаций выступает азербайджанская сторона, которая "лезет в чужой монастырь со своим уставом".

Своеобразные претензии в адрес азербайджанцев были высказаны рабочими нефтеперерабатывающей станции. Работники предприятия говорили о том, что в кафе "Кристалл" торгуют наркотиками и продают некачественную водку... По их мнению, некоторые азербайджанцы совершали противоправные действия, однако районные правоохранительные органы "закрывали на это глаза и отказывались принимать заявления потерпевших". Но факты торговли наркотиками не доказаны, а за торговлю некачественной водкой хозяина кафе неоднократно штрафовали. Подвергались административному наказанию и штрафам и некоторые другие предприниматели кавказского происхождения, однако население об этом не было информировано и считало, что на виновных "нет управы". Постепенно неприязнь накапливалась и выплеснулась в молодежной среде.

Возможно, республиканские власти руководствовались благими намерениями – "не возбуждать нездоровый интерес к проблеме и не нагнетать и без того сложную обстановку". Однако, как говорится, шила в мешке не утаишь, а потому и возникли многочисленные слухи. На интернет-сайте "Сусанин" вслед за произошедшими событиями появилась информация под названием "Удмуртии грозит второй Беслан?". А 12 октября журналистка А. Крымская опубликовала в "Российской газете" заметку "В удмуртском селе Малая Пурга введен комендантский час". Только 15 октября в газете "Удмуртская правда" вышла адекватная статья "А было такое спокойное село...", в которой весьма профессионально и объективно описаны события в Малой Пурге. Позиция газеты определена во вступлении: "Что лучше – умолчать о происшествии, чтобы не возбуждать страсти, или сказать правду и проанализировать вместе с общественностью обстоятельства, чтобы избежать повторения неприятных событий?" Газета справедливо полагает, что по таким вопросам нужен общественный форум.

Какие же действия предприняли органы государственной и муниципальной власти? В районе действовала межведомственная республиканская комиссия в составе представителей Министерства образования, МВД, прокуратуры, других министерств и ведомств. По факту нападения на кафе и драки было возбуждено уголовное дело. На предприятиях и в организациях района проведены собрания с участием представителей республиканской власти. На этих собраниях люди высказывали накопившиеся претензии, в том числе к работе правоохранительных органов. В школах Малой Пурги прошли беседы психологов со старшеклассниками и педагогами. Национально-культурное объединение азербайджанцев приняло решение о создании районных отделений в местах компактного проживания азербайджанцев, более ак-

тивно привлекать представителей диаспоры к совместным этнокультурным мероприятиям. А злополучное кафе закрыли...¹

За последнее десятилетие этнодемографическая ситуация в районах Удмуртии претерпела изменения. В районных центрах появились азербайджанцы, армяне, чеченцы. Например, за межпереписной период (1989-2002 гг.) численность армян и азербайджанцев в Удмуртии выросла соответственно в 3,7 раза (с 0,9 до 3,3 тыс. чел.) и 2,2 раза (с 1,8 до 3,9 тыс. чел.). Хотя цифры отражают крайне незначительную долю населения, представители новых для региона этнических общин занимают в экономической инфраструктуре районов весьма заметное положение. Приезжие быстро освоили сферы торговли, предприятия малого бизнеса, лесопереработку. Их напористость далеко не всегда нравится местному населению, и возникает проблема "чужого монастыря" и "своего устава". И с мнением местных жителей муниципальным и республиканским органам власти, а также правоохранным структурам необходимо считаться.

Социологические опросы населения Удмуртии выявили у части респондентов наличие этнических фобий и негативных стереотипов в отношении выходцев с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Результаты опросов отражают бытовые реакции местных жителей на приезжих, а также и являются итогом общего ухудшения морально-нравственной обстановки, формирования негативного образа "преступника-мигранта". Из высказываний жителей Малой Пурги можно было заметить, что хотя некоторые азербайджанцы проживают в селении уже более 20 лет, тем не менее, в сознании и местного населения, и приезжих сохраняется оппозиция: "мы" – "они", "свои" – "чужие".

Таблица 1. Как Вы считаете, существует ли необходимость привлекать рабочую силу в Удмуртию из зарубежных стран и других регионов России? (здесь и далее в % от числа опрошенных)

	2005 г.*	2007 г.*
1. Да	7	8
2. Мне все равно	6	17
3. Все зависит от национальности рабочих-мигрантов	7	8
4. Нет	75	52
5. Затрудняюсь ответить	5	15

* Социологические исследования проведены по заказу Министерства национальной политики УР: в 2005 и 2007 г. опрошено по 1200 чел., рук. исследования В. Воронцов.

¹ Воронцов В. В национальном вопросе мелочей не бывает // Бюлетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004. N 58,

По данным республиканского опроса, проведенного через год после описываемых событий, только 7% респондентов положительно отнеслись к возможному приезду мигрантов, тогда как три четверти опрошенных выступили категорически против их прибытия в республику. Лишь 4% респондентов отметили, что никаких отрицательных последствий от миграций в республику не будет, тогда как противоположного мнения придерживались 42%. Боле четверти опрошенных заявили, что именно приезд мигрантов может привести к ухудшению межэтнических отношений и спровоцировать этническую напряженность.

Для большинства респондентов иноэтничные мигранты – это временные "незванные гости", которые прибыли в Удмуртию, чтобы решить свои экономические проблемы за счет старожильского населения. Данные социологического исследования позволяют утверждать, что в сознании значительной части местных русских, удмуртов, татар укрепился негативный образ мигранта. Причем особые опасения у них вызывают азербайджанцы, чеченцы и цыгане.

Таблица 2. Какие положительные и отрицательные последствия можно ожидать от миграций?

Положительные*	2005 г.
1. Республика пополнится новыми квалифицированными кадрами	7
2..Мигранты помогут освоить заброшенные населенные пункты и земли	19
3. Существенно увеличится сфера малого бизнеса и торговли	12
4. Увеличатся финансовые потоки в республику из федерального центра	3
5. Возрастет предприимчивость местного населения	6
6. В республике увеличится культурное многообразие	12
7. Увеличится возможность выбора спутника жизни, друзей	6
8. Ничего положительного от миграций не будет	42
Отрицательные*	
1.Вытеснение местного населения из прибыльных сфер деятельности	32
2. Рост безработицы	48
3. Рост цен на жилье и усложнение решения жилищного вопроса	25
4. Рост преступности	60
5. Ухудшение межнациональных отношений	28
6. Рост коррупции в органах власти	23
7. Увеличение затрат в сфере образования и медицины	9
8. Никаких отрицательных последствий от миграции не будет	4

** В таблице зафиксированы только утвердительные ответы респондентов.*

О негативном влиянии мигрантов заявили и отдельные ученые. Так, д. и. н., профессор К. Куликов в одной из своих статей написал: "Кав-

казско-среднеазиатский фактор в Удмуртии становится все более ощутимым. Здесь за последние годы интенсивно сформировался ряд национальных диаспор. И Удмуртия становится заложницей своего гостеприимства и толерантности. Если по прежней переписи их в Удмуртии насчитывались единицы, то в настоящее время – более 15 тыс. чел. Притом это в основном молодые мужчины – наиболее активное население, направляющее свои усилия на занятие рынка и сферы обслуживания, но не производства. Они высокоорганизованны, хотя в борьбе за сферы влияния нередко вступают в конфликты между собой и даже убивают друг друга. Но когда речь идет о создании системы взаимоотношений с местным населением, они сплочены и едины". "Проникновение кавказско-среднеазиатского компонента в экономику и социально-бытовую сферу продолжается методично и неуклонно. Многие из них теперь научились накапливать первоначальный капитал созданием в оживленных местах городов и сел так называемых аптечных ларьков по продаже спиртосодержащих жидкостей типа "Троя", настойки боярышника и др. При этом наносится огромный вред государственной торговле (сокращается продажа водки) и здоровью жителей республики, особенно мужчин. Все попытки Министерства торговли республики решить эту проблему в центре не увенчались успехом. Центральная власть и существующие законы, похоже, в большей степени защищают интересы подрывников экономических устоев, разрушителей здоровья и жизни нашего народа. А в Удмуртии, похоже, пришлые люди становятся настоящими хозяевами, и народ постепенно подпадает под их экономическую зависимость, а в дальнейшем окажется и под политической властью".²

Подобные высказывания заостряют внимание на существующей проблеме, но они не только не решают ее, а скорее усугубляют. Действительно, за прошедшее десятилетие ситуация в Удмуртии, как и в России в целом, претерпела кардинальные политические и социально-экономические трансформации. С этим фактом необходимо считаться. Необходимы диалог, договоренности. На самом деле этот "15-тысячный кавказско-среднеазиатский компонент" не является чем-то целым, однородным и сплоченным, более того, он составляет менее 1% населения Удмуртии, причем, в его среде преобладают вполне здравомыслящие люди, которым вовсе не нужен ни криминал, ни плохое отношение со стороны населения и властей.

Но до последнего времени представление о необходимости ограничить въезд мигрантов преобладает, как среди опрошенных жителей Удмуртии, так и сотрудников правоохранительных органов.

² Куликов К. И. Село: проблемы выживания // Наука Удмуртии, 2005. № 2, сс. 98-99.

Таблица 3. *Что, по Вашему мнению, должны предпринять республиканские и местные органы власти для решения "вопроса о мигрантах"?*

	2005 г.
1. Запретить въезд мигрантов	15
2. Ограничить въезд мигрантов и контролировать их деятельность	61
3. Разрешить въезд мигрантов и обеспечить взаимодействие с местным населением	11
4. Разрешить въезд мигрантов и не вмешиваться в их жизнь	2
5. Затрудняюсь ответить	11

По мнению заместителя министра национальной политики Удмуртской Республики Л. Бурановой, сложившиеся взаимоотношения между мигрантами и принимающим обществом можно рассматривать как "случай сложной и пока неуспешной интеграции". Причем, в обыденном сознании нет градаций на "легалов и нелегалов", граждан и временно проживающих, на тех, кто живет на данной территории продолжительное время, и кто прибыл вчера. Воспринимается этническая группа в целом, по поведенческим стереотипам одного иммигранта делаются выводы о всех представителях "группы". Замминистра заявила о невозможности решать проблему лишь средствами ограничения и контроля, на что ориентируются правоохранительные органы и общество в целом. Деятельность Министерства национальной политики, других заинтересованных ведомств, национально-культурных организаций должна быть направлена на сближение позиций старожильческого населения и приезжих.

Каковы же предложения профильного министерства? Необходимо преодолеть "этнокультурную неграмотность", используя образовательные учреждения всех уровней, средства массовой информации, различного рода тренинги. Национально-культурным объединениям иммигрантских диаспор рекомендовано больше внимания уделять работе с местным населением, формировать положительный имидж путем реализации совместных с муниципальными органами социальных проектов. Министерством национальной политики УР был предложен комплекс мероприятий по формированию у населения толерантного отношения к мигрантам. Важная роль отведена и мероприятиям, ориентированным на "повышение правовой и этнокультурной компетенции" государственных и муниципальных служащих.

Уже первые шаги по реализации вышеназванных мероприятий позволили несколько снизить негативное отношение к мигрантам, материалы социологического опроса 2007 г. зафиксировали снижение числа респондентов, настроенных против приезда в республику мигрантов. При Правительстве УР функционирует Межведомственная комис-

сия по миграционной политике, образованная с целью регулирования миграционных потоков, согласования потребности Удмуртской Республики в привлечении иностранных работников с объемами выделенных квот, противодействия нелегальной миграции и для беспрепятственной реализации прав мигрантов на территории республики. В состав комиссии входят представители Управления федеральной миграционной службы по Удмуртской Республике, Администрации Президента и Правительства УР, МИД РФ в городе Ижевске, заинтересованных министерств, ведомств, общественных организаций, силовых структур, профсоюзов. На основе анализа текущей ситуации в республике Межведомственная комиссия коллегиально вырабатывает тактику и стратегию управления миграционными процессами. В ближайшее время должна быть принята Республиканская целевая программа демографического развития Удмуртской Республики на 2008-2010 гг., один из разделов которой посвящен решению миграционных проблем ("Регулирование трудовой миграции миграционного прироста населения Удмуртской Республики"). По мнению республиканского руководства, реализация первоочередных задач программы демографического развития Удмуртской Республики позволит изменить неблагоприятные тенденции в динамике численности и структуры населения, темпов их изменения, динамике рождаемости и смертности, развития института семьи, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. Вместе с тем, необходимо принимать меры для повышения привлекательности республики, прежде всего, в глазах ее постоянных жителей, для этого нужно восстановить производственный потенциал региона, создавать новые рабочие места, строить качественное недорогое жилье, заботиться о молодых семьях.

В 2007 г. для Удмуртской Республики была установлена квота на привлечение 1100 иностранных работников, на начало 2008 г. этот показатель увеличился более чем в 2 раза и достиг 2733 работников. На самом деле потребность отраслей народного хозяйства в трудовых ресурсах намного больше, так на начало 2008 г. заявки поступили от 4462 работодателей. По предварительным подсчетам, республиканские работодатели считают необходимым привлечь 6242 чел. для осуществления трудовой деятельности на территории Удмуртии. Так что прогнозы демографов о том, что в ближайшее время самым дефицитным ресурсом станут квалифицированные кадры, уже сбываются.

Армяне Саратовской области

О. А. Лиценбергер

Специфика Саратовской области по сравнению с другими российскими регионами заключается в высоком миграционном приросте населения. По экспертным оценкам, 10% населения области (около 280 тыс. чел.) – мигранты, прибывшие в регион в течение последних двух десятилетий. Регион является привлекательным для переселенцев из Закавказья и Средней Азии, среди которых наиболее многочисленны армяне. В межпереписной период (1989–2002 гг.) численность армян в Саратовской области увеличилась на 18,6 тыс. чел. В последние годы наблюдается ежегодное усиление миграционного потока.

Парадокс: армяне, считающиеся новой этнической группой для этих волжских мест, известны в регионе издавна. Название одной из центральных улиц Саратова – Армянская (ныне ул. Волжская). По данным последней переписи, армяне числятся на пятом месте по численности после русских, казахов, украинцев и татар. Численность армян Саратовской области продолжает расти.

Для изучения адаптации саратовских армян нами был проведен экспертный опрос, а также взято интервью у члена совета по межнациональным отношениям при губернаторе, недавнего заместителя председателя армянского общественного объединения "Крунк" А. В. Амбаряна.

В 1990-е гг. в составе армян-переселенцев были, как правило, высококвалифицированные специалисты. Они сравнительно легко находили работу, являлись примером успешной социальной мобильности. Респонденты рассказывали, что среди переселенцев тех лет немало государственных служащих и даже членов Академии наук. Что касается переселенцев последних лет, то в их среде преобладают так называемые трудовые мигранты, представляющие собой иные социальные категории. Они, как правило, вовлечены в торговый или строительный бизнес.

Переселенцы первой волны еще в конце 1980-х гг. основали в Саратове армянскую общину "Наири", которая занималась просветительской и благотворительной деятельностью (сопредседатели – А. Амбарян, К. Асатрян, С. Кагиян). В 1994 г. община была преобразована в областную армянскую общину "Крунк", инициаторами создания которой выступили В. Бабаян, В. Мкртумян, Л. Якшинян (руководители С. Фанян, А. Мамунц, В. Григорян). Если ранее община организовывалась ради культурных и образовательных целей, то в настоящее время ее основная задача – оказание помощи соплеменникам.

Сегодня на территории области проживают около 30 тыс. армян. Армяне-мигранты "второй волны" сталкиваются со множеством про-

блем. По мнению респондентов, наиглавнейшая проблема – это получение паспортной регистрации. По оценкам, около 30% прибывающих в регион мигрантов, включая и армян, находятся на территории области нелегально¹. Более того, часть переселенцев имеют просроченные паспорта еще советского образца. По согласованию с Посольством Республики Армения, для решения проблем мигрантов были предприняты шаги по организации консульства в Саратове.

Другая серьезная проблема – обеспечение жильем. В городской черте областного центра, в районе Елшанки, где расположена армянская школа, около 60 мигрантов не имеют жилья и вынуждены ютиться в вагончиках или проживать в дачных домиках, которые не приспособлены для проживания в холодный период.

Однако, по утверждению респондентов, экономические и социальные трудности не мешают переселенцам ощущать себя на Саратовской земле "как дома". По мнению опрошенных, здесь "больше экономической свободы, чем в Армении", здесь проще вести бизнес. Говорят, что в Армении не хотят находиться и по политическим причинам. Переселенцы 1990-х и нынешние мигранты по большей части хотели бы считать себя "местными". Отвечая на вопрос, кто может себя ощущать "местным", сколько нужно прожить в Саратове и какой профессией для этого необходимо обладать, все опрошенные указали, что ни профессия, ни срок проживания не играют роли, так как не способны изменить "армянскую внешность". И это "никому из армян не позволяет ощущать себя "местным" в полной мере". Имеют место и проявления ксенофобии по отношению к приезжим, которая, однако, не основывается на какой-то националистической идеологии, а имеет заурядную бытовую подоплеку.

Рассматривая взаимоотношения в среде местных армян, отметим их склонность к интеграции с гражданским обществом, отход от тесных внутриобщинных связей. Хотя такие события, как свадьба или похороны могут собрать до 300 чел. и даже более, в повседневной жизни местные армяне общаются друг с другом сравнительно мало.

Если в Армении межэтнические браки были развиты довольно слабо, то среди мигрантов в Саратовской области смешанные браки являются весьма распространенными. Увеличение количества таких браков в последние годы, особенно в городской среде, отмечают многие респонденты. Особенно склонны заключать межэтнические браки мужчины, а женщины-армянки, как правило, более консервативны.

Межэтнические браки (и, следовательно, утрата традиционного контроля со стороны родственников), процессы урбанизации, а также социальная неустроенность и ряд других причин усиливают тенденцию повышения брачного возраста и способствуют уменьшению детности в армянских семьях.

¹ См.: Зуев А. П. Доклад о положении национальных меньшинств в Саратовской области за 2005-2006 гг. //Свободный Курдистан. 2006. № 6 (39). С. 12.

Межэтнические браки являются важным фактором интеграции и ассимиляции. В условиях сохранившегося советского стереотипа о, якобы, существующей необходимости выбирать одну из двух родительских национальностей, дети от смешанных браков переживают, по определению опрошенных, "болезнь второго поколения" и в большинстве случаев причисляют себя к армянам. Молодежь, никогда не бывавшая в Армении, расценивает ее как далекую "историческую Родину", культивирует принадлежность к армянской национальности и "грезит" Арменией. Брачными партнерами в смешанных армянских семьях выступают русские, узбеки, татары и др.

Но и установки на однонациональные браки также сохраняются. Особую роль тут играет религия. Церковь по-прежнему является неотъемлемым элементом духовной культуры армян. Армянской общиной Саратова на собственные средства активно ведется строительство храма.

Что касается чувства принадлежности к российской нации, то, по утверждению большинства опрошенных, это чувство их "никогда не покидало". Респонденты не только демонстрировали глубокие знания русского языка и российской культуры, но и прямо заявляли о принадлежности к российскому народу.

По экспертным оценкам, в ближайшие годы не предвидится сокращения притока армянского населения. Нельзя не согласиться с тезисом о том, что миграция благоприятно влияет на демографическую ситуацию. Ведь благодаря приезжим поддерживается трудовой потенциал региона². Но само наблюдаемое явление постоянного притока, даже если приток невелик, способно вызвать фобии жителей о чрезмерной нагрузке на "все сферы жизнедеятельности" и на "межнациональные отношения".

В настоящее время в Саратове действуют Центр национальной культуры, областная община "Крунк", Центр российско-армянского культурного и делового сотрудничества. Армянские общины есть также в городах Балаково, Вольск, Балтай и других районных центрах. Для освещения своей деятельности община "Крунк" издает собственную газету "Матенадаран". Когда в 2001 г. в Москве состоялся учредительный съезд Союза Армян России, именно саратовская община была одним из его инициаторов. С 2003 г. община вошла во Всемирный армянский конгресс.

По утверждению лидеров, саратовская армянская диаспора направляет свои усилия на "укрепление взаимопонимания между представителями различных народов и конфессий". Это тем более важно, поскольку с каждым годом возрастает роль армянской общины в экономической, культурной и научной жизни региона.

² См.: Седова С. Ю. Вопросы миграционной политики в Поволжье // Межнациональное взаимодействие и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. Материалы международной научно-практической конференции 21-22 марта 1998 г. Саратов: Поволжский кадровый центр, 1998. Ч. I. С. 77.

Саратовская область: местное население versus мигранты

К. С. Мокин

Целью данной статьи является освещение проблем взаимодействия между этническими миграционными группами и принимающим населением Саратовской области. Материал для статьи был получен в процессе этнополитического мониторинга проводимого на территории Саратовской области¹.

Стратегические цели социально-экономического, политического и демографического развития России, и Саратовской области, в частности, диктуют необходимость адекватной миграционной политики, в основе которой лежит масштабное привлечение иммигрантов. В рамках такой политики на первый план выходят проблемы их интеграции, натурализации. При этом важнейшей характеристикой эффективности миграционной политики является уровень взаимодействия мигрантских общин и принимающего населения, который зависит от стратегии как общества и его различных институтов, так и самих мигрантов. Однако интеграция мигрантов крайне затруднена без изменения нынешних общественных настроений, без борьбы с практиками дискриминации.

Для оценки уровня мигрантофобии, структуры миграционных ожиданий жителей Саратовской области нами в анкету мониторинга были включены вопросы об отношении к референтным миграционным этническим сообществам.

Проблемы изучения и мониторинга социально-этнических процессов до недавнего времени лежали в плоскости изучения "конфликтности этничности". Причем, эти исследования были, в основном, направлены на изучение этнических групп, их взаимодействия друг с другом и с большинством (местным населением). Иначе говоря, исследователи, в своей основной массе, пытались выявить уровень конфликтности той или иной этнокультурной группы (меньшинства).

¹ Проект "Региональный этнополитический мониторинг" реализуется с 2007 г. по настоящее время АНО "Независимый институт социальных исследований" (г. Балаково). Опрос проводится 1-5 числа каждого четного месяца в 12 районах Саратовской области. Выборка квотная, репрезентативна по половозрастным характеристикам, пропорциональна по переписочной численности жителей районов. Общая величина выборки 1800 респондентов. Величина погрешности не превышает 3%.

В нашем представлении это не совсем так. Опыт этнологического мониторинга в течение более пяти лет и здравый смысл нам подсказывают, что основным носителем конфликтогенного потенциала является как раз большинство. Практически во всех последних этносоциологических и этнополитических исследованиях рассматривается дуальная пара "большинство-меньшинство", при чем практически всегда акцент исследования приходится (приходился) именно на этническое меньшинство. Однако мы еще раз подчеркиваем, что практически все наблюдаемые нами проявления интолерантности, ксенофобии относятся к группе этнического большинства, доминирующего на данной территории. Опираясь на это допущение, мы определили объектом исследования местное население, проживающее на территории области более 20 лет.

Исходя из этого, на начальном этапе производилась общая оценка отношения населения к конкретным миграционным этническим группам.

Таблица 1. *Как вы относитесь к тому, что в Саратовскую область приезжают на работу представители следующих национальностей?*

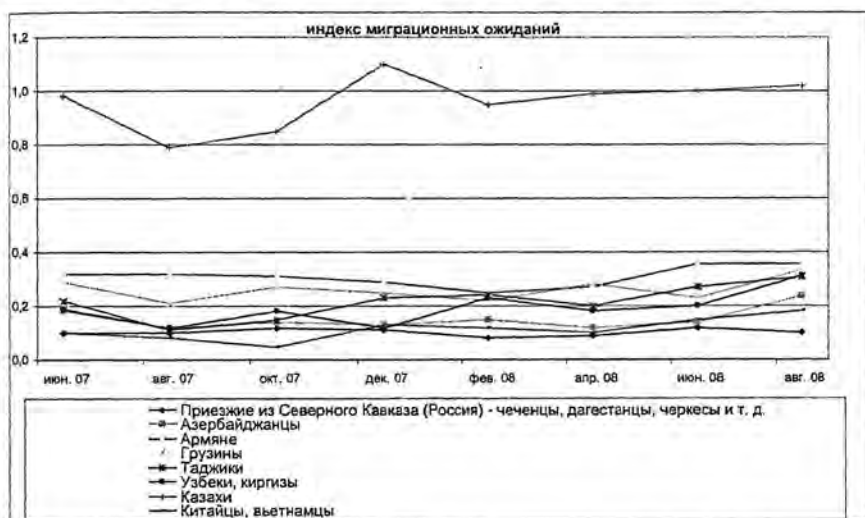
	Положительно	Спокойно, безразлично	Отрицательно
Приезжие из Северного Кавказа (Россия) – чеченцы, дагестанцы, черкесы и т. д.	4,30%	52,20%	43,50%
Азербайджанцы	9,10%	52,30%	38,60%
Армяне	11,60%	55,80%	32,60%
Грузины	11,60%	53,50%	34,90%
Таджики	9,30%	60,50%	30,20%
Узбеки, киргизы	8,30%	65,10%	26,60%
Казахи	23,30%	53,80%	22,90%
Китайцы, вьетнамцы	9,30%	39,50%	51,20%

На основании этой таблицы производится расчет индекса "миграционных ожиданий" как отношение положительных отношений к отрицательным. Результатом является динамика индекса, позволяющая оценить изменение отношения местного населения к тем или иным группам мигрантов. Основным принципом анализа является следующее. Чем выше оценка (от единицы и выше), тем более позитивно оцениваются приезд той или иной этнокультурной группы и ее нахождение на территории области.

Таблица 2. Динамика индекса миграционных ожиданий

	июн. 07	авг. 07	окт. 07	дек. 07	фев. 08	апр. 08	июн. 08	авг. 08
Приезжие из Северного Кавказа (Россия) – чеченцы, дагестанцы, черкесы и т. д.	0,10	0,10	0,12	0,11	0,08	0,09	0,12	0,10
Азербайджанцы	0,18	0,12	0,14	0,13	0,15	0,12	0,14	0,24
Армяне	0,32	0,32	0,31	0,29	0,25	0,27	0,36	0,36
Грузины	0,29	0,21	0,27	0,25	0,22	0,28	0,23	0,33
Таджики	0,22	0,11	0,15	0,23	0,24	0,20	0,27	0,31
Узбеки, киргизы	0,19	0,12	0,18	0,12	0,23	0,18	0,20	0,31
Казахи	0,98	0,79	0,85	1,10	0,95	0,99	1,00	1,02
Китайцы, вьетнамцы	0,10	0,08	0,05	0,13	0,12	0,10	0,15	0,18

Рисунок 1. Динамика индекса миграционных ожиданий

Опираясь на полученные данные, можно утверждать, что наиболее приемлемым с точки зрения местного населения является приезд казахов, наименее приемлемым – приезжих с северного Кавказа (Россия) – чеченцев, дагестанцев, а также китайцев и вьетнамцев и т. д.

На наш взгляд, данная ситуация демонстрирует дифференциацию мигрантофобии – одни, например, казахи, воспринимаются как "свои", "близкие по истории и духу", другие – как "пришлые", "захватчики" земель и экономических ниш. Анализ структуры динамики индекса показывает, что у жителей области существует четкое разделение на "своих", "близких" и "чужих". Что в целом подтверждает гипотезу о том, что основным критерием наличия конфликтогенного потенциала в дуаль-

ной паре "большинство-меньшинство" является определяемая большинством степень включенности меньшинства в "жизненный мир" большинства. Иначе говоря, как большинство определяет себя (позиционирует) к той или иной этнической группе. Например, этнические меньшинства в Саратовской области, такие, как украинцы, мордва, татары – воспринимаются как "свои", полностью интегрированные в автохтонное население. С другой стороны, например, таджики, азербайджанцы, цыгане воспринимаются как чужие, "пришлые", и по отношению к ним выстраивается целая система позиционирования, отчуждения, выстраивается система дискриминационных практик.

В бытовом понимании здесь важна операционная категория "время". По отношению к "своим" – "они всегда здесь жили", "мы их давно знаем", "это родственные нам народы". В отношении "чужих" – "понаехали тут", "они не местные", "они не надолго", "они здесь живут недавно" и т. д.

По сути, мы можем говорить о том, что в конкретном регионе есть группы глубоко и эффективно интегрированные и есть этнические группы, достаточно локализованные, и в то же время в силу своей "непохожести" находящиеся на острие ксенофобских настроений. Именно вторая группа меньшинств, на наш взгляд, должна представлять "особый фокус" анализа, проводимого экспертом.

Здесь также важно отметить следующее. Говоря о казахах, жители Саратовской области чаще всего говорят о жителях западно-казахских областей, о людях, имеющих тесные кровнородственные связи в приграничной полосе, отлично владеющих языком и нормами поведения, разделяемыми большинством жителей области.

* Основной причиной фобий и страхов является "бытовой культурный диссонанс", определяемый нами как несоответствие культурных норм и повседневных практик поведения, особенно в публичных местах и местах "социального напряжения" (рынки, базары и т. д.).

Таблица 3. Если к приезду какой-либо из перечисленных групп вы относитесь отрицательно, то почему? (от числа ответивших)

Они – "чужие", живут по чуждому и непонятному нам укладу жизни, говорят на непонятном языке	41,90%
Они ведут себя агрессивно и нагло, я их боюсь	31,00%
Они способствуют росту преступности	24,20%
Они дают взятки, подкупают милицию и административные органы	26,20%
Они наживаются на коренном населении	25,80%
Они создают конкуренцию за рабочие места	26,20%
Им платят меньше, и тем самым они сбивают сложившуюся систему оплаты труда	23,80%
Они не платят налоги, а все деньги отправляют на Родину	29,20%
Они распространяют болезни	19,00%
Нет ответа, другое	23,80%

Анализ ожиданий действий органов власти области в отношении мигрантов наглядно демонстрирует значительный уровень мигрантофобии ("не принимать..." и "выселить тех, кто приехал" в сумме достигают 45% от всех оценок). При этом лишь более трети населения области высказывают нейтральную оценку "не привлекать, но и не отказывать тем, кто приехал".

Таблица 4. Какие действия правительства Саратовской области по отношению к мигрантам получили бы Ваше одобрение? (%)

	июн.07	авг.07	окт.07	дек.07	фев.08	апр.08	июн.08	авг.08
Привлекать специально	0,10	0,50	0,20	0,10	0,10	1,10	0,80%	0,60
Не привлекать, но и не отказывать тем, кто приезжает	44,30	32,10	35,30	38,20	49,00	44,20	41,10%	39,80
Вообще не принимать	21,10	28,40	30,20	22,20	16,30	18,30	18,10%	19,10
Выселить тех, кто уже приехал	10,10	16,30	15,20	18,20	12,20	14,30	12,10%	10,50
Другое	0,10	1,50	2,10	1,10	0,50	1,90	1,50%	1,40
Затрудняюсь ответить	24,30	21,20	17,00	20,20	21,90	20,20	26,40%	28,60

Анализ ожиданий действий органов власти по отношению к этнокультурным группам показывает, что, по мнению населения, наиболее жестким воздействиям должны подвергнуться группы представителей Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы), а наиболее лояльно следует относиться к казахам, армянам, грузинам (рис. 2, табл. 5).

Рисунок 2. Какие действия правительства Саратовской области по отношению к мигрантам получили бы Ваше одобрение? (разрез по референтным группам)

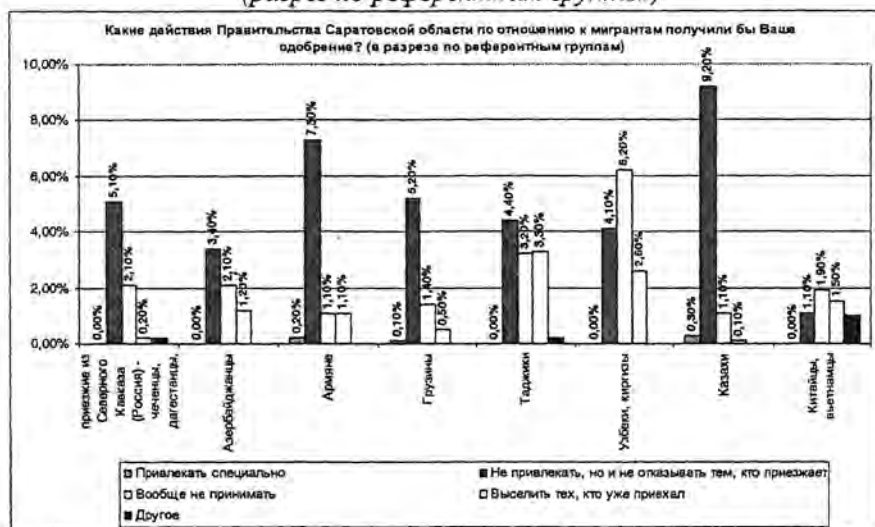

Таблица 5. *Какие действия правительства Саратовской области по отношению к мигрантам получили бы Ваше одобрение? (разрез по референтным группам)*

	Приезжие из Северного Кавказа (Рос- сия) – чеченцы, дагестанцы, черкесы и т. д.	Азербайджанцы	Армяне	Грузины	Таджики	Узбеки, киргизы	Казахи	Китайцы, вьет- намцы
Привлекать специально	0,00%	0,00%	0,20%	0,10%	0,00%	0,00%	0,30%	0,00%
Не привлекать, но и не отказы- вать тем, кто приезжает	5,10%	3,40%	7,30%	5,20%	4,40%	4,10%	9,20%	1,10%
Вообще не принимать	2,10%	2,10%	1,10%	1,40%	3,20%	6,20%	1,10%	1,90%
Выселить тех, кто уже приехал	0,20%	1,20%	1,10%	0,50%	3,30%	2,60%	0,10%	1,50%
Другое	0,20%	0,00%	0,00%	0,00%	0,20%	0,00%	0,00%	1,00%

Характерным также является готовность к вступлению в контакт с приезжающими, готовность жить рядом, бок о бок. Анализируя ответ на этот вопрос, можно сделать следующие выводы. Во-первых, доминирует убеждения, что люди сами должны выбирать место жительства. Это связано, в свою очередь, с наличием у респондентов представлений об общечеловеческих правах, а также с соблюдением норм политкорректности².

Характерно значительное число ответов – "только в селах". По нашему мнению, это отчасти отражает структуру миграционных предпочтений населения области. Большинство жителей считают, что мигранты – это избыточная неквалифицированная рабочая сила. А поскольку в современных деревнях упадок, и этот упадок ассоциируется в первую очередь с оттоком молодежи (рабочих рук) в близлежащие города, то это пробел вполне можно восполнить мигрантами. Более

² При ответах на прямые (неудобные, сензитивные) вопросы люди часто говорят то, что общепринято, одобряемо в социальном и моральном плане. В данном случае мы допускаем, что данный вопрос относится к разряду сензитивных, и распределение ответов может иметь некоторое смещение, однако в целом отражает данный спектр отношений.

того, часто при проведении исследований приходится слышать о мифических угрозах со стороны мигрантов, а респонденты полагают, что в деревне они [мигранты] будут достаточно изолированы. Этому же способствовала порочная практика середины – конца 90-х гг., когда власти так или иначе стимулировали поселение мигрантов в сельскую местность³.

Рисунок 3. По Вашему мнению, где должны селиться мигранты, приехавшие в Саратовскую область?

Жить рядом, бок о бок, согласны лишь 6% опрошенных, что, по сути, количественно отражает численность толерантно настроенного населения.

Характерную картину готовности к взаимодействию дает следующее распределение. Здесь мы исходили из понимания, что интеграция – это не односторонний процесс, а процесс взаимопроникновения. При этом важным аспектом, часто ускользающим из поля зрения политологов и социологов, является готовность местного населения к изменению своего отношения и/или поведения в отношении мигрантов.

³ Как результат этой политики в Саратовской области де-факто существуют моноэтнические деревни и села, а в ряде сельских населенных пунктов количество мигрантов превышает численность местного населения. На наш взгляд, это является дополнительным конфликтогенным фактором.

Таблица 6. Для того, что бы жить в мире и согласии, необходима готовность к изменениям в своем отношении к приезжим (мигрантам). Вы готовы изменить свое отношение и поведение в отношении мигрантов?

Да, я готов изменить свое отношение к мигрантам	7,30%
При определенных условиях могу изменить свое отношение	12,20%
Нет, я не готов(а) изменить свое отношение и поведение в отношении мигрантов	18,30%
Мы не должны ничего менять, это они должны приспосабливаться к нам	60,10%
Затрудняюсь ответить	2,10%

Как видно из распределения, лишь немногим более 7% респондентов готовы изменить свое отношение к мигрантам. При этом более 60% опрошенных заявили, что приспосабливаться должны мигранты. Столь высокий уровень инертности отражает ценностно-мотивационную установку на доминирующую позицию в отношении "мигрант-местное сообщество", готовность лишь к потребительскому отношению к мигрантам ("они здесь, пока мы разрешаем...", "пусть работают на нас...") как к людям второго сорта.

В данном контексте, оценивая динамику изменения межэтнических отношений, можно отметить, что половина жителей удовлетворены сложившейся ситуацией (ситуацией доминирования) и считают/ожидают, что отношения между этнокультурными группами не изменятся. При этом четверть населения ожидают ухудшения отношений в той или иной степени и лишь полтора процента уверены, что межэтнические отношения улучшатся.

Таблица 7. Как вы считаете, как будут изменяться межэтнические отношения в Саратовской области и в вашем городе (поселении) в частности? (%)

	июн.07	авг.07	окт.07	дек.07	фев.08	апр.08	июн.08	авг.08
Будут улучшаться	1,20	1,00	0,50	0,10	0,30	1,10	1,10	1,60
Скорее, не изменятся	45,40	47,30	43,20	47,30	56,30	51,10	50,20	47,80
Скорее всего, они ухудшатся	25,30	28,30	21,20	22,20	23,90	26,20	21,10	24,30
Затрудняюсь ответить	28,10	23,40	35,10	30,40	19,60	21,60	27,60	26,30

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Первое. В Саратовской области остается высоким уровень мигрантофобии. При отсутствии внятной информационной политики в освеще-

нии позитивных составляющих миграции возможен дальнейший рост интолерантности. В ряде районов (Ровенский, Озинский, Красноармейский, Дергачевский) индекс интолерантности достиг критического уровня.

Второе. Областным органам власти и органам власти на местах необходимо проводить дифференцированную политику в отношении этнических миграционных сообществ. Наибольшую поддержку преференции должны получать группы, являющиеся аутсайдерами социально-этнических отношений. Это позволит избежать дальнейшей маргинализации этих групп и выровнять общий контекст социально-этнических отношений в регионе (области).

Третье. Основным элементом в структуре мигрантофобии у населения области является страх при столкновении с новыми традициями, обычаями, выходящими за рамки привычного. Иначе говоря, у населения наблюдается высокий уровень культурной инерции⁴. Для разрешения этой проблемы, нам видится приемлемым увеличение числа национально-культурных праздников, проведение массовых этнокультурных мероприятий и т. д. Это позволит основной массе населения области расширить свой культурный горизонт, познакомиться с традициями и обычаями "новых" культур.

Четвертое. Приходится констатировать, что в области складывается (а в ряде районов уже сложилась) четко этнодифференцированная система расселения. Существуют моноэтнические поселения, отдельные территории населенных пунктов, где проживает моноэтническое население. Здесь возникает новая научная проблема/задача. Если органы власти в определенной мере научились выстраивать работу с анклавными поселениями в рамках своих городов, поселков и т. д., то как выстраивать систему отношений с селами, где компактно проживают, например, таджики или китайцы? Где выстраивается своя, параллельная, с официальными властными отношениями, система социального контроля и властных отношений где "местные преступления" рассматриваются не в системе законодательства, а в системе кровнородственных отношений и семейного старшинства?

⁴ Здесь нами под культурой понимается совокупность элементов человеческой деятельности по осмыслению и репрезентации, организации и интерпретации повседневности (действительности), которая выражается в нарративах.

Этнокультурные процессы в иммигрантском сообществе

А. В. Черных

Последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. характеризовались значительным усложнением этнических процессов, существенными изменениями в этнической карте многих российских регионов. Одним из характерных процессов стало изменение объемов, структуры и направлений миграционных потоков. Причины этих миграций различны: это и распад СССР, и сложные социально-экономические условия в регионах выхода мигрантов, гражданские войны и межэтнические конфликты. Увеличение миграционного потока привело не только к численному росту той или иной этнической группы, появлению "новых" диаспор в регионах, но и в целом к усложнению этнического состава, формированию особенностей этнических групп при расселении, специфических сфер занятости, характерных черт в сохранении этнической культуры (Петров, 2004:116-129; Топилин, 2004: 46-56; Богданова и др., 2004). Для Пермского края, который всегда отличался полиэтническим составом населения, также в последние годы стало характерно усложнение этнического состава. Итоги переписи населения 2002 г. по Пермскому краю показали, что в регионе проживают представители более ста двадцати народов против ста, отмеченных переписью 1989 г. При общем уменьшении численности населения в крае, и численности народов, составлявших основу его населения: русских, татар, коми-пермяков, башкир, удмуртов, перепись отметила значительное увеличение численности таджиков в 2,2 раза, армян в 2 раза, азербайджанцев в 1,5 раза (Национальный состав, 2005: 2-4). Изменились не только численность и характер расселения – усложнилась внутренняя структура диаспор. Приведенные цифры фиксируют численность постоянно проживающего населения, тогда как значительную часть этих народов в регионе составляют временные мигранты. И хотя доля "новых" мигрантов в составе населения региона не кажется существенной (постоянно проживающие таджики, армяне, азербайджанцы составили лишь 0,1-0,2% от состава всего населения региона), компактность их расселения, замкнутость социальных структур, анклавность, представительство лишь в определенных сферах занятости, проблемы их социальной и этнокультурной адаптации позволяют им быть заметными в этнокультурном пространстве региона.

Одно из первых мест по числу мигрантов в Пермский край в последние годы устойчиво занимают таджики. Численность таджиков, как постоянно проживающих, так и временных мигрантов в Прикамье увеличивается ежегодно. Такая ситуация в целом характерна для России: численность таджикской диаспоры в стране, не считая временных мигрантов с 1989 по 2002 г., увеличилась втрое: с 38,2 тыс. в 1989 г. до 140 тыс. в 2002 г. Перепись 2002 г. отметила в регионе постоянно проживающих 1953 таджика, вторая категория таджиков – население, временно находящееся на территории области, которое было зарегистрировано на момент проведения переписи – 3001 чел. В последующие годы число временных мигрантов постоянно растет – в 2004 г. на территории Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа прошли регистрацию 6968 граждан Таджикистана, в 2005 г. – 8998. Численность таджиков – временных мигрантов в общем потоке мигрантов из стран СНГ в 2004 г. составила 54,21% всех временно зарегистрированных граждан СНГ на территории Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в этом году (Отчет о пребывании, 2003; 2004; 2005; Черных, 2006: 23-31).

Пермское Прикамье не относится к территории традиционного расселения таджиков. В то же время значительное число представителей этого народа в регионе требует определения его места в структуре таджикского этноса. В настоящее время для обозначения этого феномена чаще всего используется термин "диаспора". В то же время в науке нет единого подхода и единого определения этого явления, что обуславливает и различное прочтение этого термина (БСЭ, 1978: 239; Нации и этносы, 1999: 17-18; Тощенко, 1997: 80; Аносова, 2005: 60-68). Под определение "диаспора" обычно попадают лишь постоянно проживающие представители этнической общности. Применительно к таджикам в Прикамье в таком прочтении под таджикской диаспорой следует понимать лишь ядро таджикского сообщества, имеющей или стремящейся получить российское гражданство. В целом к разным категориям таджикского населения логичнее применять термин сообщество, таджикское сообщество. Однако эта терминологическая разница весьма условна, массовые миграции, постоянное движение таджиков, неопределенность целей и установок мигрантов на будущее свидетельствует об этапе становления диаспоры, в таком случае, с нашей точки зрения, временных мигрантов следует включать в состав и структуру диаспоры. Многие мигранты приезжают в Пермский край уже не первый год, а стабильно ежегодно на протяжении нескольких лет, число мигрантов, впервые приезжающих в регион, уменьшается с каждым годом. При социологическом опросе таджиков мигрантов лишь четверть опрошенных (21%) показали, что прибыли в Пермский край

впервые. Различные социальные, родственные и земляческие отношения связывают временных мигрантов с постоянно проживающими, часть временных мигрантов играет заметную роль и в общественной жизни диаспоры. Общественные организации таджиков также во многом сориентированы и на решение проблем временных мигрантов. Именно в таком, "широком" понимании термин "диаспора" используется в нашей работе.

Изучение миграционных процессов и их результатов предполагает обращение к разным аспектам проблематики, одним из которых является характер этнических процессов, степень сохранения и трансформации этнической идентичности и этнической культуры, что и избрано предметом исследования настоящей работы. В результате миграции и формирования диаспоры, с одной стороны, на новой родине транслируются культурные традиции перенесенные с прежнего места проживания. Степень их сохранения, с одной стороны, во многом показывает формы и результаты этнических процессов, характер взаимодействия с иноэтнической средой, интеграции в местное сообщество. С другой стороны, в результате переселения образуется новый пространственный вариант культуры, специфика которого также определяется разными как внутренними, так и внешними факторами. Исследование этнической культуры переселенческих групп является достаточно актуальным, так как позволяет выявить те механизмы, которые приводят как к сохранению принесенных традиций, так и появлению инноваций.

Основным источником для подготовки статьи явились материалы, собранные в ходе полевых исследований среди таджикского населения Пермского края. Основной материал был получен в ходе интервьюирования таджиков, хотя личные наблюдения за бытом, участие в праздниках и общественных мероприятиях также позволили увидеть особенности сохранения и бытования этнической культуры. В ходе работы был также проведен этносоциологический опрос 100 респондентов по специальной анкете, результаты которого также частично использованы в работе.

Особенности формирования и этносоциальная характеристика диаспоры

Прежде чем обращаться к анализу этнокультурных процессов в диаспоре, следует, на наш взгляд, охарактеризовать некоторые особенности ее формирования и социальной структуры. Таджики не принадлежат к числу тех народов, которые давно освоили Пермский край. Первые представители этого среднеазиатского этноса появились в регионе только в начале 1970-х. Значительная часть их приехала в Прикамье в 80-е годы. Среди них, в первую очередь, те, кто закончил пермские вузы или после службы в рядах Советской Армии остался жить в Прикамье.

Таджики, обосновавшиеся здесь в этот период, были достаточно хорошо вписаны в социокультурное пространство региона: большая их часть работала на пермских заводах, предприятиях торговли, в милиции. Пермская диаспора таджиков в 1989 г. насчитывала 863 чел. (0,02% от всего населения области). Как правило, часто их появление в Прикамье было связано лишь с той или иной жизненной ситуацией: "Родина у меня в Восточном Таджикистане, Горно-Бадахшанская область, в горах, в Памире. Я в Перми с 1969 г., меня призвали в армию, и я здесь служил. Еще солдатом я женился, так и остался здесь. На заводе работал, потом закончил школу милиции, в милиции работал двадцать три года и сейчас на пенсии. Но продолжаю работать. Я в 1969 г. приехал, тогда здесь из таджиков никого не было. Я три-четыре года специально на рынок ходил, там были земляки-ленинабадцы, они летом только приезжали, пух продавали, потом уезжали. Потом уж стали земляки приезжать". Вторую группу таджиков составляли те, кто занимался торговлей сухофруктами; они, как правило, временно приезжали в г. Пермь и города Пермской области (Черных, 2004; 2006: 13-18). Незначительная численность, дисперсное расселение, отсутствие организационного оформления диаспоры делали таджиков почти незаметными в этнокультурном пространстве региона.

Ситуация коренным образом изменяется после 90-х годов. Последнее десятилетие XX в. характеризуется значительным увеличением численности таджиков в Прикамье главным образом за счет притока новых мигрантов, усложнением социальной структуры диаспоры, формированием ее анклавности. Первые мигранты-таджики стали осваивать российское пространство уже в 1993-1994 гг. Однако до 1995 г. поток мигрантов был незначительным. Основной приток наблюдался в 1995-2003 гг. Именно в это время формируются характерные особенности в расселении и сферах занятости, устанавливаются корпоративные связи. Отмечаются и определенные регионы Таджикистана, которые дают наибольшее число мигрантов в Прикамье: районы Хатлонской области Таджикистана (г. Курган-Тюбе, Кумсангирский, Пянджский, Джиликульский, Колхозабадский, Вахшский, Бохтарский, Гозималикский, Куйбышевский, Кабодиенский). Из Согдийской области наибольшее количество мигрантов дают г. Худжанд (Ленинабад), Аштский и Ура-Тюбинский районы. Определенное число выезжает из столицы Таджикистана г. Душанбе. Основными местами расселения таджиков являются города Пермского края. Городское население значительно преобладает над сельским, из 1953 пермских таджиков 1758 (90%) живут в городах и только 195 чел. (10%) – в сельской местности. Особенности расселения таджиков обусловлены несколькими причинами, в первую очередь, – основными сферами занятости, строительством и торговлей, которые в основном связаны с городской средой,

с более благоприятными социально-экономическими условиями развития города, нежели в сельской местности.

Миграции (как на постоянное пребывание, так и временное) были и остаются настолько массовыми, что сами таджики по этому поводу часто отмечают: "Сегодня в Таджикистане только половина таджиков живет, остальные в России", при этом "половина" населения, оставшаяся на родине, – это преимущественно старики, женщины и дети. В разные периоды наблюдаются и некоторые особенности в составе мигрантов: если в 90-х годах мигрантами в основном выступали представители среднего поколения, в возрасте 30-40 лет, то в настоящее время наблюдается как увеличение числа мигрантов, так и заметное их "омоложение", основной поток составляет молодежь в возрасте 18-25 лет. Причина увеличения числа мигрантов нам видится не только в упорядочении их регистрации и легализации определенной части мигрантов, но и в стабилизации экономического положения диаспоры в целом: уже определены сферы занятости, в настоящее время мы наблюдаем их постепенное расширение. Сегодняшние мигранты уже едут не на "пустое", необжитое место, что выпало на долю первых мигрантов; благодаря корпоративным, земляческим и родственным связям они, как правило, уже сориентированы насчет своего возможного трудоустройства. Этими же причинами, а также большей социальной мобильностью именно молодых парней без семьи объясняется и увеличение молодого поколения среди мигрантов. Кроме того, к настоящему времени уже определились и основные стратегии миграционного поведения молодежи: приезд на несколько месяцев в Пермь к знакомым или родственникам и возвращение обратно.

Стихийность в формировании диаспоры и стремительный ее рост накладывают отпечаток на особенности ее внутренней структуры: число временных мигрантов преобладает над постоянно проживающими, число мужчин значительно превышает женскую часть. Из числа постоянно проживающих по переписи 2002 г. соотношение мужчин и женщин составило 79,4% и 20,6% соответственно. Из числа временных мигрантов на 15.11.2004 г. это соотношение составило 95,6% мужчин против 4,4% женщин.

Одна из существенных особенностей как постоянно проживающих, так и временных мигрантов – специфическая половозрастная структура. Среди постоянно проживающих таджиков в г. Перми самый старший возраст – около 60 лет. Среди временных мигрантов основные возрастные группы также представлены людьми в возрасте от 20 до 50 лет. В основном в Прикамье прибывает трудоспособное молодое мужское население. Основную часть диаспоры составляет молодежь от 20 до 35 лет. Подобная структура в возрастном составе диаспоры влияет на характер адаптационных процессов и ее мобильность. Отсутствие стариков и детей, неравномерное соотношение мужского и жен-

ского населения делает диаспору неустойчивой. Особенности миграционных процессов и формирования диаспоры показывают и неопределенность в ее целевых установках: стратегия для многих не определена – оставаться в Пермском крае или возвращаться на родину. С одной стороны, можно прогнозировать значительный процент межэтнических браков, что, с одной стороны, является показателем, способствующим более легкой адаптации, а с другой – приводит к размыванию таджикской этничности у детей от смешанных браков. Отсутствие стариков и женщин также не позволяет в полной мере передавать этническую культуру, что значительно увеличивает значение сохранения многочисленных связей с Таджикистаном. Поэтому не случайно, что наиболее устойчивой частью диаспоры, его организационным ядром становится среднее поколение мигрантов, обосновавшихся в Прикамье с семьями и проживающих в регионе постоянно. Именно у этой части начинается формироваться региональное самосознание, возникает стремление к этнокультурной презентации таджикского сообщества.

Второе поколение мигрантов существенно отличается от своих предшественников. В большинстве своем они больше интегрированы в местное сообщество, свободно владеют русским языком, перед ними уже, как правило, не стоит проблема адаптации, являющаяся основной для первого поколения мигрантов. В то же время сохранение этнических традиций в семье гарантирует им сохранение как таджикской этничности, знание родного языка и основных элементов этнической культуры. От "этнической" стратегии этой группы во многом зависит дальнейшее развитие диаспоры, главный вопрос, который требуется им решить в будущем: захотят ли они презентовать этническую таджикскую культуру в пермском сообществе.

Сохранение традиционного семейного уклада значительно замедляет адаптацию таджикских женщин. В отличие от мужчин, они почти не работают, и главное их занятие – домашнее хозяйство. Женщины почти не владеют русским языком, они ограничены в контактах с окружающим сообществом. И если среди мужской части диаспоры браки с представителями других народов – явление достаточно распространенное, то девушек выдают замуж исключительно за таджиков. Женщины в большей части исключены из общественной жизни диаспоры как в силу своей малочисленности, так и по своим социальным ролям. С другой стороны, сохранение в семье традиционного уклада значительно облегчает передачу второму поколению этнических традиций. В случае, когда семья выступает "оплотом" этничности, основными адаптационными "локусами" детей мигрантов становятся общение со сверстниками на улице и в школе.

Таджикская интеллигенция Прикамья, к сожалению, в настоящее время почти не играет тех социальных ролей, которые ей предназначены. В среде пермских таджиков есть образованные специалисты, в том числе имеющие не одно, а несколько высших образований, учителя, ученые, инженеры, специалисты в области сельского хозяйства, кандидаты наук. Приезжавшая в регион интеллигенция была вынуждена осваивать те же сферы занятости, что и остальные мигранты (преимущественно сферы торговли и строительства). Только в последние несколько лет таджикская интеллигенция постепенно "подтягивается" к общественной жизни диаспоры.

Этноязыковые процессы

Степень сохранения этничности и степень интеграции и адаптации в местное сообщество во многом определяются языковой компетенцией как отдельного индивида, так и этнической группы в целом. В случае с таджикской диаспорой определяющим фактором является степень владения двумя языками: родным – таджикским, и вторым – русским языком, выступающим средством межнационального общения в полиэтнической среде Прикамья.

Знание таджикского языка, как и высокий процент свободного им владения, отмеченный информаторами, вполне объясним временем формирования диаспоры, значительным числом выходцев из Таджикистана первого поколения, постоянным притоком новых мигрантов, связями с метрополией. При выборе родного языка значительное большинство респондентов выбрали таджикский (81,3%), и только 13,2% отметили в качестве родного языка таджикский и русский в равной мере (табл. 1).

Таблица 1. *Степень владения отдельными компонентами таджикского языка*

Степень владения отдельными компонентами языка	Свободно	Хорошо	Посредственно	Плохо
Говорят	39,6%	50,5%	9,9%	—
Читают	34%	55%	9,9%	1,1%
Пишут	39,6%	55%	5,4%	—
Понимают	42,8%	55%	2,2%	—

Около половины опрошенных респондентов хорошо владеет всеми основными компонентами родного языка, около 40% отмечает свободное владение родным языком, и лишь незначительная часть, около 10%, отмечает посредственное владение. Основными сферами применения родного языка выступают общение в семейном кругу и общение

с земляками. Корпоративный, "этнический", характер занятости, мононациональные коллективы, компактность сосредоточения таджиков на рынках наряду с сохранением тесных связей с родственниками и земляками не позволяют терять таджикскому языку свои позиции: "Язык, я думаю, никто не терял еще. Так много в окружении таджиков родных, что на русском еле-еле научишься говорить. Здесь мало бывает, что ребята общаются с местными, в основном – со своими...". Одна из особенностей использования таджикского языка в диаспоре – использование в основном в бытовой сфере.

Несколько иная языковая компетенция наблюдается у второго поколения мигрантов, родившихся в Перми или приехавших в раннем возрасте и обучающихся в пермских школах. Хотя в большинстве своем они сохраняют владение таджикским языком, понимают и говорят, но сфера применения родного языка значительно сужается: "Дети знают по-таджикски, но на русском чисто говорят. Дома по-таджикски общаемся, но меж собой дети, бывает, – и по-русски говорят. А на улице, во дворе уже с кем говорят – на русском языке"; "Дети, как русские, на русском в основном говорят. Старший он вообще-то не любит на таджикском разговаривать, учится на русском"; "Дети на таджикском уже не так говорят, с акцентом уже разговаривают. А по-русски они чисто говорят". Еще меньшее владение родным языком обычно наблюдается при смешанных браках: "По-таджикски мало говорят, в основном на русском. Если жена не согласна – ребенка как заставишь? Вот у меня жена была русская, долго я не мог сына научить". В целом в диаспоре сохраняются весьма высокие показатели владения родным языком, лишь второе поколение мигрантов показывает меньшую степень его владения.

Материалы исследования выявили и высокую степень владения русским языком. Перепись 2002 г. показала, что таджики, постоянно проживающие в Пермской области, в большинстве своем отметили владение русскими языком: из 1953 таджиков в Пермской области 1837 чел., или 94,1% указали на владение русским языком. При нашем исследовании степень владения русским языком так была оценена информаторами (табл. 2).

Таблица 2. *Степень владения отдельными компонентами русского языка*

Степень владения отдельными компонентами языка	Свободно	Хорошо	Посредственно	Плохо
Говорят	16,5%	43,9%	28,6%	3,3%)
Читают	16,5%	42,8%	29,7%	3,3%
Пишут	16,5%	50,5%	25,3%	–
Понимают	20,8%	49,5%	22%	–

видим, освоение разговорного русского языка в целом оценивается информаторами как процесс достаточно быстрый. В то же время уровень владения и использования русского языка часто ограничивается способностью объяснить: "А я кое-как там по-русски говорю, но простой народ понимает...". Главная проблема мигрантов первого поколения, показывающих владение вторым, русским языком, – сохранение в русской разговорной речи фонетических особенностей таджикского языка, даже в случае свободного понимания, владения разговорной речью, письмом и чтением на родном языке. Именно эта особенность часто внешним экспертам позволяет утверждать о серьезной проблеме владения русским языком в диаспоре. Слабое владение русским языком отмечается и у женщин. Большие сложности с языком возникают, как правило, у временных мигрантов. Однако и здесь нельзя говорить о единой общей схеме: временные мигранты показывают как свободное владение русским языком, так и полное невладение языком. Владение русским языком на бытовом уровне не исключает проблем, которые возникают при обращении к письму и чтению, самые большие проблемы обычно возникают при заполнении документов.

Восприятие степени освоения русского языка заметно отличается "внутри" и "вне" диаспоры. Самооценка владения русским языком достаточно высока, в то время как внешние эксперты и те, кто в обычной обстановке общаются с мигрантами, указывают на серьезные проблемы с языковой коммуникацией (Борисов, 2005). Владение русским языком, несомненно, облегчает степень адаптации в местное сообщество, а показатели владения им выступают своеобразными маркерами этого процесса.

Этноконфессиональная ситуация

Таджики – мусульмане, степень их религиозности в диаспоре позволяют проследить данные этносоциологического опроса. Религиозная жизнь для опрашиваемых имеет огромное значение, так подавляющее большинство (91,2%) причисляют себя к числу верующих, из них 79,1% соблюдают все необходимые религиозные обряды, остальные из числа верующих (12,1%) лишь иногда участвуют в религиозной жизни. При этом ни один из респондентов не указал, что он не верит в Бога и никак не участвует в религиозных обрядах. Организация конфессиональной жизни в Прикамье облегчалась тем фактором, что ислам в регионе имеет и разветвленную систему институтов. Соборная мечеть г. Перми воспринимается таджиками не столько как центр своей конфессиональной жизни, сколько ее символ. В пятницу и большие мусульманские праздники верующие посещают Соборную мечеть г. Перми.

Большинство опрошенных показали, что достаточно хорошо владеют почти всеми компонентами русского языка: понимают, говорят, читают и пишут. Лишь около трети испытывают трудности с русским языком. Хорошая степень владения объясняется как активным взаимодействием с внешней – русскоговорящей средой, так и постоянным употреблением русского языка внутри таджикской среды. На вопрос о предпочтении языковой коммуникации на родном или русском языке большинство респондентов (39,6%) указали, что предпочитают говорить на родном и русском примерно в равной мере, но достаточно большое количество опрошенных (33%) предпочитают говорить на родном языке, 23% преимущественно предпочитают говорить на русском. Находясь на рабочем месте, большинство респондентов 46,1% в равной мере разговаривают и на таджикском, и на русском языках. Сферы применения русского языка не ограничиваются контактами только с внешней средой. Относительно высок процент тех, кто и в семье при общении использует русский язык. Так, 14,3% респондентов дома разговаривают в основном на русском языке, 36,3% предпочитают разговаривать на русском и родном в равной мере. Только около половины опрошенных 43,9% предпочитают говорить исключительно на родном таджикском языке. Почти всеми осознается роль русского языка как языка межэтнического общения: "У нас общий язык – это русский язык. Любой нации ребята, если не понимают, я им по-русски могу объяснить сразу. Нет иногда необходимости говорить по-таджикски или по-узбекски, в России говорим по-русски".

Столь высокие показатели языковой адаптации достаточно оптимистичны лишь на первый взгляд. Следует отметить, что далеко не все возрастные и социальные группы показывают равное свободное и хорошее владение русским языком. Степень владения русским языком зависит от многих факторов: степенью знания русского языка до переселения, временем проживания в Прикамье, потребностью и необходимостью языковой коммуникации. Наиболее свободное владение русским языком, как мы отмечали, показывают, как правило, дети мигрантов. Однако лишь в том случае, когда они проходят обучение в школе, и у них возрастает потребность в коммуникации на русском языке. Дети, как правило девочки, в случае домашнего воспитания и отказа от посещения учебного заведения также почти не владеют русским языком. Постоянно проживающие в Перми таджики мужчины обычно также показывают свободное владение русским, особенно среднее поколение, изучавшее его в школах, средне-специальных учебных заведениях и вузах. Оценка уровня языковой адаптации самими таджиками звучит так: "Приезжает в город, года через два уже начинает хорошо по-русски говорить, уже не возникает проблем". Как

Большая часть таджиков, в первую очередь, работающие на рынках и оптовых базах, здесь же организуют молитвенные комнаты. Комнаты для молитв есть на каждом пермском рынке. Условные общины не замкнуты по этническому признаку, они открыты для всех мусульман и узбеков и азербайджанцев, также работающих на рынках, однако их ядро составляют все-таки таджики. Лидерами общин часто становятся грамотные таджики, получившие чаще всего домашнее мусульманское образование, не всегда из числа постоянно проживающих в Прикамье, но и временные мигранты. Конфессиональная жизнь ориентирована не на организацию постоянно действующих религиозных общин и активную конфессиональную деятельность, а, прежде всего, поддержание исламских традиций, исполнение религиозных предписаний. Такие целевые установки и определенная автономность конфессиональной жизни, смена религиозных лидеров почти исключают возможность конфликтов. На семейные праздники и обряды в случае, если требуется совершение религиозного ритуала, также приглашаются в основном таджикские религиозные лидеры. К своим муллам обращаются и в случае необходимости именнаяречения, вхождения в новый дом, прочтения никаха в свадебном обряде, праздничных служб.

В таджикской общине в целом мы наблюдаем толерантное отношение к представителям других религиозных конфессий. Значительная часть опрошенных (47,2%) отметили, что вероисповедание человека не имеет для них никакого значения, 46,2% отметили равноправие и равнозначность представителей всех конфессий, 4,4% затруднились с ответом и лишь 2,2% из числа опрошенных отметили свое негативное отношение к немусульманам. Значительная степень толерантности, возможно, обусловлена и нахождением в принимающем иноконфессиональном сообществе; рассуждения информаторов над этой проблемой также подтверждают высказанные положения "Пророк сказал: идите к христианам, они в Бога верят. Они вас будут уважать". Как вы хотите. Сейчас судьба нас сюда привела, что поделаешь...".

Основные компоненты этнической культуры

В таджикской среде сохраняются далеко не все черты этнической культуры, что связано как с неравномерностью половозрастной структуры диаспоры, непродолжительностью истории пребывания на пермской земле, преимущественно городской средой проживания. Наибольшую устойчивость, кроме языка, этнического и конфессионального самосознания, мы наблюдаем также некоторых элементы этнической культуры.

Среди материальной культуры наибольшую устойчивость и сохранность как целостного комплекса показывают традиции национальной

кухни. Традиции питания сохраняются как в семьях, так и в общественном питании, на рынках и оптовых базах, в строительных бригадах. Пермские таджики почти не покупают хлеб в магазинах не только потому, что печь самим дешевле, но и потому, что сильна традиция – пермский хлеб совсем не похож на традиционный таджикский хлеб – лепешки нон. В семьях женщины приспособились готовить традиционные лепешки в городских квартирах, в газовых и электрических духовках. Почти на всех рынках и оптовых базах, где таджиками организуется общественное питание, устанавливают традиционные хлебопечкарные печи танур. В семьях сохраняются и традиционные варианты лепешек, в зависимости от размера и состава теста: кулча – самая маленькая лепешка из кислого теста; гирдача – большая лепешка на кислом тесте диаметром до полуметра, фатир – толстые лепешки из пресного теста, чапоти – тонкие пресные лепешки. В семьях выходцев с разных районов Таджикистана сохраняются и свои особенности в приготовлении хлебных лепешек: "У нас в северном Таджикистане фатир очень популярен, чапоти. Каждый район, каждая деревня отличаются своей традицией. Жены даже в наших семьях все по-разному делают". Кроме хлебных лепешек, сохраняются и многие другие традиционные блюда, как правило, не требующие специфического набора продуктов. Самым распространенным и традиционным блюдом можно назвать плов. Без плова с бараниной не обходится ни один праздник. Популярны среди пермских таджиков суп шурпа и тушеное мясо с бульоном лагман. Заметное явление таджикской кухни – сладости. Некоторые блюда традиционной кухни в Прикамье почти не готовят, например, блюдо из высушенного творога курут, традиционный напиток айран и т. д. О них чаще всего рассказывают, как воспоминание о родине. Несомненно, большую этническую специфику сохранила праздничная кухня, в будние дни иногда часто ограничиваются "интернациональными" блюдами. Элементы прикамской кухни медленно, но постепенно проникают к пермским таджикам: "По-русски дома почти не готовим, сколько ни старались. Национальное, в основном, готовим, да и дети к русской не привыкли. Жена только научилась на зиму закуски делать. Да капусту солим на салат"; "Мы дома и по-русски и по-таджикски готовим. Свою уже, наверное, редко, в неделю один раз, а так суп сварим, борщ. Жена уже научилась, все подружки у нее русские, а раньше на квартире у бабушки жили, она многому учила".

Сохраняются и традиции приема пищи. Для праздничного застолья на пол расстилается большая скатерть дастархон, на которую выставляются посуда и блюда. Вокруг дастархона раскрываются мягкие тюфяки для сиденья курпача. Мужской и женский стол накрываются отдельно, часто в разных комнатах. Многие блюда по традиции подают в точеных деревянных чашах табак, которые есть во многих домах пермских таджиков.

Лишь в некоторых формах пермские таджики продолжают сохранять традиционную одежду. Мужской костюм, конечно, в обычной ситуации не отличается от современных форм городской одежды. Однако для праздников у многих сохраняется традиционный халат. Он необходим не столько как предмет одежды, но как "этнический" символ. Многие отмечали, что хранят традиционный халат, но одевают его лишь в исключительных случаях. Непременным атрибутом мужского костюма является и тюбетейка. Однако в повседневной жизни лишь редкого таджика можно встретить в традиционной тюбетейке: "Нас бы так не трогали, а если еще в тюбетейках будем ходить". Чаще всего традиционный головной убор надевают во время совершения намаза. Однако потребность в некоторых предметах традиционного костюма сохраняется. Если раньше тюбетейку или халат можно было только заказать друзьям или родственникам, приезжающим с родины, то в последнее время эти предметы можно заказать или купить на пермских рынках, что также свидетельствует о повышении спроса на данные предметы.

Женский костюм в большей степени продолжает сохранять традиционность. Предпочтение по-прежнему отдается рубашке-платью, которую носят в комплекте со штанами. Лишь некоторые отказываются от ношения национальной одежды: "Одежда есть у супруги, платье национальное, штаны национальные. Но их не одевает она, редко, по гостям когда ходим, в национальной одежде, а повседневно в русской одежде ходит". Другие этнические элементы в материальной культуре сохраняются в меньшей степени. В некоторых семьях и в городских квартирах сохраняются элементы традиционного интерьера, почти нет мебели, на полу расстелены ковры, вдоль стен разложены перины.

Многие элементы духовной культуры также стабильно сохраняются и воспроизводятся. Почитаются мусульманские праздники, в месяц Рамазан соблюдается пост. Большим праздником считается время окончания поста. На праздник Курбан пермские таджики по традиции совершают жертвоприношение барана. Национальный колорит имеет и праздник начала Нового года – Навруз, отмечаемый 21 марта. Активно отмечают таджиками и советские праздники, главным из которых также выступает Новый год 1 января гражданского календаря. Сохраняются и семейные праздники и обряды. В наиболее полной форме продолжают бытовать обряды, связанные с рождением ребенка, в том числе обрезание, положенное нормами ислама. Лишь в последние несколько лет в Перми стали проходить таджикские свадьбы, хотя их по-прежнему предпочитают играть на родине, так как в Перми не всегда есть возможность пригласить всех родственников и знакомых, особенно старшего поколения. Умерших также не хоронят в Перми, а стараются отправить для захоронения на родину, где и совершаются все по-

ложенные обычаем ритуалы. В Перми в этом случае проводят лишь поминальные обряды. В семейных отношениях, в семейном этикете продолжают сохраняться многие традиционные нормы.

Этническая культура воспроизводится в диаспоре на нескольких уровнях. С одной стороны, каждый человек выступает носителем культуры. "Оплотом" этнической культуры становится и семья. Анклавносť расселения, родственные, социальные и земляческие связи также являются одним из механизмов сохранения и воспроизводства этнической культуры. Наиболее интересной формой самоорганизации в мигрантских сообществах, в частности, в таджикской диаспоре, является появление условно названных этнических "островков", позволяющих сохранять и воспроизводить многие этнические традиции. Такими "островками" выступают рынки, оптовые базы, где массово представлены таджикские мигранты. Один из примеров такого "островка" – оптовая база в микрорайоне "Красный Октябрь" г. Перми, где занято значительное количество таджиков, в основном это выходцы с Кумсангирского района. Застройка на базе чем-то напоминает традиционную планировку двора – в линию по периметру двора располагаются несколько бытовых помещений, каждый с отдельным выходом, что не всегда рационально в условиях пермской холодной зимы. Одна из комнат выделена для совершения намаза, в ней же могут накрыть стол для гостей во время праздников, в ней собираются для обсуждения и решения вопросов члены общины. На открытом дворе сделан большой помост с навесом – в летнее время под ним собираются для общей трапезы. Рядом находятся и несколько открытых традиционных с перилами помостов для трапезы. Именно здесь часто проводят праздники, поминальные ритуалы, отмечают дни рождения: "Тут у нас все происходит, у нас помещение есть и кухня своя. У кого-то день рождения. Приготовят, посидим, попоем, потанцуем, покушаем, попьем и уйдем. День рождения будет, свадьба будет, поминки будут – здесь все. Потому что больше квартиры снимают, туда же толпой не пойдешь. А здесь никто не мешает. Новый год здесь отмечали ребята, которые здесь работают". Здесь собираются и не только те, кто непосредственно занят на базе, но и земляки, работающие в других районах города и пригородах. Здесь же на базе работает своя столовая, где готовят блюда исключительно таджикской кухни. На "Красном Октябре" расположена и одна из немногих в г. Перми хлебопекарных печей танур. Любой приехавший впервые земляк может найти здесь приют на несколько дней, занявшись в это время трудоустройством и поиском жилья. Создание подобных структур характерно и для других баз и рынков – в микрорайонах Заостровка, на Центральном, Китайском рынках г. Перми, на которых можно увидеть многочисленные примеры групповых форм организа-

Проживание в отрыве от родины, в новом этнокультурном окружении, как и для любых других диаспор на определенном этапе, должно привести к формированию нового, регионального, "пермского" уровня этнического самосознания. В настоящее время мы наблюдаем лишь начальную стадию этого процесса, которая затруднена нестабильностью диаспоры, связанной в первую очередь с постоянным притоком новых мигрантов. Первые шаги в этом направлении уже предприняты – это и создание общественной организации пермских таджиков, и стремление ее лидеров к презентации своей культуры в пермском сообществе, мероприятия по созданию положительного имиджа таджикского сообщества в регионе. Несомненно, что в большей степени рефлексия по поводу пермской идентичности таджиков характерна для интеллигенции. Одним из показателей этих процессов является осмысление истории Пермского края в контексте взаимодействия с культурой ираноязычных народов, предпринятое таджикским ученым Ш.Хайдаровым, проживающим в г. Кунгуре Пермского края (Хайдаров, Одегов, 2006а; Хайдаров, Одегов, 2006б: 178-182).

Этническая культура: между Пермью и Таджикистаном

В идентификации таджикской диаспоры в Прикамье в целом, так и каждого пермяка-таджика в отдельности, не последнюю роль занимает осознание своей связи с исторической родиной, прежде всего, с Таджикистаном. Связь с родиной, выступающая сегодня одним из факторов сохранения этничности пермских таджиков, реализуется по-разному, в разных социальных и культурных кодах. Это и реальные связи с Таджикистаном: звонки родственникам, поездки на родину, прием родственников и знакомых. При этом следует отметить, что в условиях изоляции от метрополии основными источниками информации о событиях в Таджикистане становятся не средства массовой информации, так как таджикские газеты лишь изредка доходят до Прикамья, а устная информация. В этом случае также повышается значимость человеческого фактора, востребованность родственных, земляческих и этнических связей. Связь с родиной становится и символической. Глубокий символический смысл приобретают предметы, привезенные с родины. Именно они часто становятся определенными этническими маркерами. Почти в каждой таджикской семье хранятся, но далеко не всегда используются, широкая деревянная чаша табак, необходимая для приготовления и употребления некоторых блюд традиционной кухни. Мы не раз задавали вопросы: в чем необходимость везти в Пермь табак, когда можно обойтись и без нее, на что получали аргументированные ответы: "Деревянная тарелка из дома, она для специального блюда. Иной

ции и социально-экономического пространства, носящие "этнический" характер. На оптовом рынке, где массово представлены таджики, работают свои "таджикские" таксисты, расценки у которых несколько дешевле общегородских и которые обслуживают преимущественно таджиков. На каждом рынке действуют таджикские столовые, парикмахерские, на большинстве рынков – и моленные комнаты и т. д. Как видим, анклавы стремятся к организации замкнутой, самодостаточной внутренней структуры. В условиях кризиса в любом обществе или социальном коллективе происходит актуализация традиционных форм "выживания", одними из которых являются этнические, земляческие, родственные и другие корпоративные связи. В определенных ситуациях эти связи становятся и важным экономическим ресурсом. С другой стороны, подобная форма этнической и социально-экономической анклавности выступает и одной из форм первоначальных процессов адаптации мигрантов: они несколько замедляют процессы адаптации, так как приводят к уменьшению социальных связей, позволяют сгладить языковой барьер, так как в своей среде возможно использование родного языка, создание внутренних сетей, корпоративность, а часто и автономность от государственных институтов и социума, помогают мигрантам выживать в сложных условиях. Создание этнических анклавов на данном этапе адаптационных процессов выступает и одной из форм сохранения и воспроизводства этничности и этнической культуры.

Несомненно, в Прикамье таджики воспроизводят свою этнокультурную идентичность на разных уровнях и не стремятся от нее отказываться. Иноэтническое сообщество в некоторых случаях становится одной из причин активизации этнического и группового самосознания, рефлексии по поводу своих этнокультурных особенностей в сравнении с соседними народами. Самосознание при этом строится не только на воспроизведении этнической культуры, что, возможно, в силу традиции, без глубокого осмысления происходящего, но и на осознании некоторых исторических реалий. К ним информаторы относят таджикский язык (относящийся к иранским языкам индоевропейской языковой семьи), заметно выделяющий таджиков среди других среднеазиатских народов, чьи языки относятся к алтайской языковой семье. Осознаются и древность таджикского народа, историческое и культурное наследие, созданное их предками в средневековье. Многие информаторы показывали знание литературы и поэзии персоязычных народов. Значительная роль в идентичности таджиков отведена этноконфессиональному самосознанию. Активное этническое самосознание, воспроизведение основных компонентов этнической культуры позволяют таджикам в Прикамье сохранять этничность в инокультурной среде и предавать ее второму поколению мигрантов.

раз бывает – сильно мне захочется, я попробую, сделаю. Она деревянная, она теплая, на другой тарелке уже не так получается. (А зачем вы ее везли – она ведь большая, тяжелая?). Думали, чтобы здесь было свое что-то. Там у нас было такое, что именно на этом надо готовить".

Еще одним из символов родины становится хлеб. Традиционные хлебные лепешки часто везут мигранты на подарок в Пермь: "Лепешки, домашние лепешки привозят они сами. Без лепешек в дорогу никто не едет. Она в дороге была, столько могил святых, столько мест святых прошла, она сама, как святая. Кто приезжает из дома — две-три-четыре лепешки везет как подарок. Мы их кушаем. Лепешки разные привозят. Кто чапоти (вид таджикской хлебной лепешки) везет, в нее кладут халву, завернут в чапоти. Это очень хороший подарок. И небольшие лепешки берут в дорогу, для себя поесть. Если останется, тут тоже их раздают". Проводы в дорогу также ритуально оформлены, и один из главных символических предметов при этом также домашняя лепешка: "Когда дома провожают в Пермь, дают лепешку откусить, ее хранят, эту лепешку, будто хлеб тебя дома ждет". Не случайно, что в Перми в таджикских семьях по-прежнему стараются не покупать хлеб, а готовят сами традиционные хлебные лепешки. Привозят с родины и другие подарки: "С пустыми руками не приходят. Привозят тибетейку, изюм "киш-миш" из дома могут привезти, иногда курут (сушеные творожные колобки)...": "Меня спрашивают, что привезти, я говорю, кази привезите мне. Это колбаса такая белая, здесь такую не делают. Или тибетейку заказываю". Наоборот, пермские подарки в Таджикистан, как правило, уже не имеют "этнической" специфики: "Родителям отправляю конфеты и хороший чай".

Далеко не все составляющие, формы и особенности этнической культуры воспроизводятся на "новой родине". Своеобразная половозрастная структура таджикского населения (незначительное число стариков и женщин, обычно выступающих главными хранителями этнической культуры) не позволяет в полной мере развернуть все элементы традиционной культуры. Поэтому в Прикамье многие традиции воспроизводятся в сокращенном, урезанном виде. Например, на праздник Навруз пермские таджики не готовят традиционного блюда из пророщенных зерен пшеницы суманак. В то же время почти все отмечают необходимость его приготовления и обязательность суманака как основного элемента и символа праздника в Таджикистане. В таком случае для "молодой" пермской диаспоры Таджикистан становится эталоном этнических традиций в этническом самосознании и в осознании своих этнических особенностей. При размышлении над особенностями своей этнической культуры информаторы чаще всего апеллируют тем, что было на родине, воспоминания и рассказы в таком случае стано-

вятся важным элементом культурной традиции и механизмом передачи информации, которая в диаспоре сохраняется лишь в пассивном бытовании. Для второго поколения мигрантов многие этнические традиции, таким образом, известны исключительно на основе исторических преданий. Несомненно, пермская диаспора и в будущем в новых социокультурных реалиях не будет воспроизводить все составляющие этнической культуры, в то же время в некоторых сферах культуры элементы этнической культуры будут сохраняться достаточно устойчиво. Элементы традиционного костюма хотя и сохраняет женская часть диаспоры, некоторые отказываются от его повседневного ношения, в то же время при поездке на родину он надевается обязательно: "У жены есть одежда национальная, но она здесь ее не носит, но когда на родину едет, ее одевает".

Таджикские свадьбы проходят также чаще всего в Таджикистане, там легче найти невесту, даже если кто-то живет в России постоянно, женить сына отправляются на родину. В таком случае в Перми также проводят – "обмывают" – свадьбу: "Сюда приедет, всех близких, друзей, родственников собирает, чтобы "обмыть" эту свадьбу. Продолжение свадьбы считается для тех, кто не участвовал там, не мог быть, здесь организуют. Там весь процесс снимут, здесь показывают эту кассету. Угощают, как свадьба, продолжение свадьбы считается. Мужики отдельно. А женщины, если много, тогда отдельная комната у них есть. Если мало, если близкие знакомые, то можно вместе сидеть, а если не близкие, то нельзя женщинам с мужчинами".

В Прикамье таджики стараются не хоронить умерших, какие бы ни были сложности, связанные с транспортировкой на родину, эти вопросы решаются, и умерших хоронят исключительно на родине, независимо от их статуса – временные мигранты или постоянно проживающие в Прикамье.

В пермской диаспоре почти нет стариков, родители приезжают к детям лишь "ненадолго погостить". Не случайно, что приезжающие старики выполняют "контролирующие" функции: "приезжают посмотреть, как живут", часто приглашаются во время мусульманского поста как носители культурной традиции, в том числе конфессиональной.

Межэтническая интеграция

В условиях изоляции от метрополии, иноэтнического окружения мы наблюдаем и определенное сближение разных этнических общностей, связанных общностью территории выхода, общностью религии, социальным статусом. Одним из наиболее "близких" таджикам народов являются узбеки, их объединяет не только территориальная и этнокультурная близость. Объединяющим фактором служит и статус мигранта у значительной части таджикского и узбекского населения. Именно эти

причины и явились основными при таджикско-узбекской интеграции. Узбекская культура рассматривается как объединяющая для всех среднеазиатских народов: "У нас некоторые кафе называются "узбекская кухня", хотя там таджики. Узбеки – большой народ, их больше знают поэтому, наверное". У узбеков приобретаются традиционные халаты и тюбетейки. Общность исторической родины позволяет активно взаимодействовать и с другими среднеазиатскими народами, в первую очередь уйгурами и киргизами. При этом лидерство таджиков в общественной жизни среднеазиатских народов обусловлено в первую очередь тем, что таджики численно значительно преобладают среди других среднеазиатских мигрантских сообществ, таджики раньше других создали общественные организационные структуры.

Сближение наблюдается и с другими мигрантскими сообществами, в частности, с азербайджанцами, осваивавшими с таджиками те же сферы занятости. Интересный пример подобной интеграции – приглашение на таджикские праздники за неимением своего азербайджанского эстрадного ансамбля. В этом случае азербайджанцы вынуждены не только играть таджикские мелодии, но выучить и исполнять таджикские песни. Общность вероисповедания сближает таджиков и с другими мусульманскими народами, татарами, башкирами, чеченцами.

Проживание в иноэтническом сообществе с преобладанием русского населения приводит таджиков к постоянным контактам. Одним из показателей интенсивности подобного рода контактов служат многочисленные смешанные браки как со среднеазиатскими народами – узбеками и киргизами, так и с татарами и русскими. При этом в любом случае межэтнических браков во втором поколении не происходит полного отказа от таджикской этничности. Приведем некоторые примеры: "У меня брат младший, он женат на киргизке, а дети на таджикском говорят. Его жена работает, а брата жена дома сидит, за детьми смотрит, вот они и научились по-таджикски"; "Мы с женой с одного района, я – таджик, она – узбечка. Дома на таджикском и на узбекском разговариваем, и на русском иногда. Старший сын хорошо разговаривает по-таджикски, все понимает, по-узбекски и по-таджикски все понимает он, но разговаривает в основном по-таджикски". Более 350 чел. в г. Перми женаты на русских, хотя в этом случае общение дома чаще идет на русском языке и в семье в большей степени воспроизводятся черты русской культуры, на уровне этнического самосознания полного отказа от таджикской идентичности не происходит. Почти 100% смешанных браков в диаспоре – это браки мужчин-таджиков с нетаджичками, в этом случае в семье чаще всего наблюдаются характерное и для таджикских семей лидерство мужчины, активная связь с таджикскими родственниками, стремление к таджикским традиционным семейным ценностям. В не-

которых случаях русские жены постепенно овладевают таджикским языком и соблюдают таджикские обычаи.

В настоящее время еще сложно говорить о долговременных перспективах. Судьба пермских таджиков, дальнейший приток или отток мигрантов во многом зависят от социально-экономического развития Таджикистана. Стабильное развитие страны, несомненно, приведет к значительному уменьшению временных мигрантов, приехавших в Прикамье исключительно на заработки. Однако ситуация сегодняшнего дня показывает лишь тенденцию увеличения миграционного потока. В то же время часть диаспоры в любом случае, при любых вариантах развития социально-экономической и политической ситуации в Таджикистане и в России связывает свое будущее с Прикамьем. С другой стороны, экономически и Пермский край и город Пермь нуждаются в новых мигрантах. Таджики уже прочно освоили некоторые сферы пермского экономического пространства, сворачивание которых в современной ситуации уже невозможно. Демографическая ситуация Пермского края за последнее десятилетие показывает сокращение населения, в том числе и его трудоспособной части. На ситуацию и дальнейший приток мигрантов, их закрепление в российских регионах повлияют и позиция федерального центра, законодательство, определяющие политику государства в отношении мигрантов. На стабильность региональной ситуации, прежде всего в сферах сохранения и развития культуры, межэтнических отношений во многом может повлиять и позиция региональных властей, конкретные и системные мероприятия в отношении новых диаспор.

Исследование таджикской диаспоры Пермского края показало протекание разнообразных и динамичных этнических процессов. Стремительное формирование диаспоры в 1990-2000 гг., процессы социально-экономической и этнокультурной адаптации и интеграции в местное сообщество, аккультурации наряду с консолидационными процессами внутри общины, стремлением сохранить свою этничность – лишь схематическое перечисление тех явлений, которые протекают в таджикском сообществе. Современная стадия развития формирующейся диаспоры далека еще от стабильности, число временных мигрантов в ней преобладает над постоянным таджикским населением, однако в настоящее время уже сформировалось основное ядро диаспоры, с которым и связываются дальнейшая стабилизация жизни общины и ее взаимодействие с социумом. Сохранение множества внутренних социальных связей позволяет пермским таджикам в настоящее время сохранять многие черты своей этнической культуры. Стремление к воспроизведению этнических ценностей, этнической культуры в Прикамье, несомненно, с одной стороны, замедляет процессы адаптации, аккультурации и интеграции в местное сообщество. В то же время сохране-

ние этничности, этнической культуры как индивидуально, так и в семейных, общественных коллективах, выступает необходимым условием выживания "диаспоры" в сложных социально-экономических условиях, в которых оказались мигранты; этничность – одна из форм организации жизни диаспоры, которая препятствует процессам маргинализации. При более благоприятных социально-экономических условиях, возможно, мы бы наблюдали несколько иные формы самоорганизации диаспоры и сохранения этнокультурных особенностей.

Литература

- Аносова, 2005 – Аносова Т. Ф. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов / Т. Ф. Аносова, С. С. Кирилук // Вестн. Челябинск. ун-та. Сер. 7, Гос. и муницип. упр. 2005. — № 1. — С. 60-68.
- Богданова и др., 2004 – Богданова Л. П. и др. Социально-географическая оценка результатов этнической миграции: (на примере Твери) / Л. П. Богданова, О. С. Ивасьева, А. С. Шукина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2004. — № 1. — С. 59-63.
- Борисов, 2005 – Борисов А. А. Не надо бояться иммиграции, но и расслабляться не стоит // Нов. компаньон. 2005. 21 июня.
- БСЭ, 1978 – Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 8.
- Нации и этносы, 1999 – Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб., 1999.
- Национальный состав, 2006 – Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2006. 142 с.
- Отчет о пребывании, 2003, 2004, 2005, 2006 – Отчет о пребывании иностранных граждан на территории Пермской области, 2003, 2004, 2005, 2006 (Архив и текущая документация Управления федеральной миграционной службы России по Пермскому краю).
- Петров, 2004 – Петров В. Н. Влияние этнических миграций на процессы социальных изменений в регионе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2004. — № 2. — С. 116-129.
- Топилин, 2004 – Топилин А. В. Современные тенденции этнической миграции в России // Народонаселение. 2004. № 4. С. 46-56.
- Тощенко, 1997 – Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство, суверенизация и интеграция // Этносоциологические очерки. М.: РГГУ, 1997.
- Хайдаров, Одегов, 2006 а – Хайдаров Ш., Одегов В. А. Следы арийской цивилизации в Прикамье. Пермь, 2006.
- Хайдаров, Одегов, 2006 б – Хайдаров Ш., Одегов В. А. Тайна топонима Кунгур // Грибушинские чтения – 2006: Историко-культурное и природное наследие как фактор развития территории. Кунгур, 2006. — С. 178-182.
- Черных, 2004 – Черных А. В. Таджики в Перми: Очерки этнокультурного развития. Пермь, 2004. 28 с.
- Черных, 2006 – Черных А. В. Этносоциальные процессы в таджикской диаспоре Пермского края на современном этапе. Пермь, Издательство ПОНЦАА, 2006. 148 с.

Сегрегация или интеграция?

В. В. Амелин

За межпереписной период (с 1989 по 2002 г.) численность армян в Оренбургской области увеличилась в 5,1 раза, азербайджанцев в 2,3 раза, чеченцев – в 1,7 раза, даргинцев – в 2,2 раза, аварцев – в 1,7 раза, грузин – на 38%, осетин – на 13,0%¹. Как же происходит адаптация этих групп в оренбургском социуме? Этот процесс проходит медленно, нередко наблюдаются процессы сегрегации, хотя это, как правило, не относится к тем выходцам с Кавказа, которые приехали в регион 30-40 лет назад. Основные проблемы социальной и культурной адаптации связаны с положением в регионе "новожителей".

Стремление консолидироваться в рамках так называемых диаспор, а точнее землячеств, формальных и неформальных общественных сообществ способствует созданию некой "кавказской" этнокультурной среды, которая частично компенсирует прибывшим дефицит социальных контактов.

Армяне. Одной из первых в Оренбургской области была создана организация "Общественный фонд армянской культуры "Терьян". Цели и задачи фонда идентичны целям и задачам других подобных организаций, которые, как правило, предлагают содействие в изучении родного языка, сохранение этнической культуры. Как и большинство национальных объединений, фонд ориентирован на расширение культурных связей с "исторической родиной" – Республикой Арменией². Организация действует активно – проводит тематические вечера, научно-практические конференции, например, "Армяне в Оренбургском крае". Издана книга с одноименным названием. Общество активно участвует в строительстве подворья "Армянский дом" в культурном комплексе национальной деревни, строительство которой завершается в г. Оренбурге. Фондом им. В. Терьяна выпускалась газета "Арабат" на русском и армянском языках (издано несколько номеров). Однако эта работа требует не

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Оренбургской области (распределение населения по национальности) //Федеральная служба государственной статистики. Оренбургский областной комитет государственной статистики. Оренбург. 2004. — С. 5.

² Устав Оренбургского областного общественного фонда армянской культуры "Терьян". Принят 11 апреля 2002 г. //Текущий архив Оренбургского областного общественного фонда армянской культуры "Терьян". 2002.

только вложения финансовых средств, но и наличия подготовленных кадров, хорошо знающих армянский литературный язык. Если с первым проблем не было, то уход бывшего редактора газеты привел к тому, что выпуск ее был прекращен.

Но, несмотря на активную общественную деятельность названного фонда, армянская община живет достаточно замкнуто. Межэтническое взаимодействие проявляется, как правило, в заключении межэтнических браков. Мужчины-армяне женятся на славянках. И вместе с тем редки примеры, когда девушки-армянки выходят замуж за мужчин другой национальности. По мнению руководителя армянского общества Г. Саркисяна, в Оренбуржье проживают 30 тыс. армян, а не 10 тыс., как это зафиксировала перепись населения 2002 г. Из общей численности армянского населения 80% являются "новожителями", приехавшие в регион в период с 1993 по 1998 г. В основном это беженцы из Нагорного Карабаха, Сумгаита. В настоящее время приток армян в область замедлился и даже наблюдаются, хотя и незначительные, процессы реэмиграции. Парадокс, по его мнению, заключается в том, что в настоящее время в Армении наблюдается нехватка рабочих рук, и уже из Оренбуржья на 2-3 месяца туда направляются бригады армян-строителей. Они работают по договорам, зарабатывают деньги и возвращаются. Г. Саркисян заявил, что до 70% оренбургских армян работают в строительстве (коммерческие, частные, государственные фирмы), 20% трудятся в торговле и общепите, 5% – в производстве, 5% – юристы, врачи, преподаватели. По его мнению, отношение местных жителей к армянскому населению в последнее время изменилось в лучшую сторону. Оренбуржцы "их различают в общей массе кавказцев" и "массового негативизма в Оренбуржье к армянам не наблюдается".

Согласно переписи населения, чуть более 50% армян проживают в городах, прежде всего в г. Оренбурге – 3309 чел., а также в г. Орске – 953 чел., г. Бузулуке – 491 чел.³ В последние годы наметилась тенденция оттока армянского населения из городов в сельскую местность. Люди покупают дома, землю, разводят скот. Например, в Оренбургском районе проживают 557 армян, в Тоцком – 410, Ташлинском – 216 и т. д. До 90% оренбургских армян говорят дома на родном языке, поэтому дети, родившиеся в Оренбурге, разговорным языком владеют, но писать на армянском языке они не могут. Общество инициировало открытие воскресной школы по изучению армянского языка, но эта идея поддержки среди общины не нашла. В Оренбурге открыто 15 ресторанов и кафе, где представлены блюда армянской кухни. Хотя в этих заведениях можно отведать и блюда русской кухни.

³ Национальный состав населения Оренбургской области. Статистический сборник. // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Оренбургской области. г. Оренбург. 2004 г.

Армянская община не принимает участия в политике. На руководящих постах в органах исполнительной и законодательной власти, в муниципальных структурах Оренбургской области армян практически нет. Армянская община крайне нуждается в церкви. Большинство армян ездит крестить своих детей в армянские церкви в Тольятти, Москву, а то и в Армению. В настоящее время принято решение о строительстве армянской церкви в Оренбурге (определено место, готовится документация). Церковь получила название: "Армянская церковь святого Арутюна", т. е. "Святого Воскресенья". Устав и название церкви утвердил глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии архиепископ Езрас. Следует отметить, что российская епархия является одной из крупных в мире, т. к. в России проживают более 2 млн. армян.

Азербайджанцы. Другой заметной группой в Оренбуржье являются азербайджанцы. Взаимодействие местных азербайджанцев с остальными жителями региона минимально – ограничивается рамками необходимых бизнес- и бытовых контактов. Это – наиболее замкнутая диаспора. В области функционируют три азербайджанских организации: "Оренбургская городская общественная организация азербайджанцев "Азербайджан"; Оренбургская региональная общественная организация азербайджанцев "Даяг" ("Опора"); Оренбургская областная организация "Национальный конгресс азербайджанцев Оренбуржья". Все они созданы за последние пять лет. Между собой они практически не взаимодействуют, активностью не отличаются. Оренбургские азербайджанцы в основном работают в торговле и строительстве. По мнению одного из руководителей общества "Азербайджан" З. Аббасова, их в области проживают не 7,8 тыс., как по переписи населения 2002 г., а свыше 80 тыс. чел.

Дагестанцы. В Оренбуржье проживают довольно много выходцев из Республики Дагестан: 461 аварец, 682 даргинца, 96 лакцев, 717 лезгин, 108 табасаранов, 23 агула и др.⁴ Функционирует Оренбургская региональная общественная организация "Дагестан". Основной задачей организации согласно Уставу является сохранение национальных традиций, обычаев дагестанского народа, т. е. за основу взята региональная, а не этническая идентичность⁵.

⁴ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Оренбургской области (распределение населения по национальности) // Федеральная служба государственной статистики. Оренбургский областной комитет государственной статистики. Оренбург. 2004. С. 6-8.

⁵ Устав Оренбургской региональной общественной организации "Дагестан". Принят 10 июля 2003 г. // Текущий архив Оренбургской региональной общественной организации "Дагестан". 2003 г.

Грузины. В Оренбуржье проживает 1191 грузин⁶. В 2006 г. создана Оренбургская областная национально-культурная общественная организация "Грузинская община "Мегоброба" ("Дружба"). Основные цели – изучение грузинского языка, обычаев и культуры грузинского народа. Общество осуществляет взаимодействие с различными структурами Республики Грузия и России, проведен день грузинской культуры.

Чеченцы. Численность чеченцев, постоянно проживающих в Оренбуржье, составляет 1996 чел. из которых более половины – приехавшие в регион 30-40 лет назад. Они работали в составе бригад строителей, возводивших животноводческие объекты в селах области, и часть из них осела в Оренбуржье. Многие поселились в крае после службы в Советской Армии. Другие, их около 40%, – это так называемые "новожители", приехавшие после двух войн в Чечне. В Оренбургской области создана и функционирует региональная общественная организация "Чечено-ингушский культурный центр "Даймох". Общество выпустило один номер газеты с одноименным названием. Проведен круглый стол, посвященный культуре вайнахов. Проводятся традиционные обряды "имянаречения".

Реакция принимающего населения и проблемы толерантности

Социологические опросы, проводимые в последние годы отражают опасения оренбуржцев, связаны с угрозой террористических актов, усилением наркомании, преступностью, безработицей. Но 12% опрошенных отметили, что их беспокоит ситуация, создаваемая мигрантами, а 20% респондентов отметили увеличение нерусского населения в области. Данные исследования подтверждают, что мифы о якобы имеющемся засилье в Оренбуржье "азиатов" и "кавказцев" по-прежнему характерны для некоторой части населения. В глазах 73% опрошенных мигранты представляют большую или некоторую угрозу стабильности в России, 66% считают, что такая угроза существует и для Оренбуржья (в Орске такую позицию отметили 88% опрошенных)⁷. Есть ли национальности, к представителям которых сами респонденты испытывают недоброжелательное отношение? В 2005 г. утвердительно на этот вопрос ответил 41% участников опроса. В 2006 г. – 34%. Уровень недоброжелательного

⁶ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Оренбургской области (распределение населения по национальности) // Федеральная служба государственной статистики. Оренбургский областной комитет государственной статистики. 2004, с. 5.

⁷ Отчет "Этноконфессиональные отношения в приграничном регионе" (Оренбургская область, 2006 г.). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опросены 500 чел. в пяти городах района, май 2006 г.

отношения к людям другой национальности по своим абсолютным показателям за все годы наблюдений колеблется в пределах от 33 до 49%. В целом же основная масса населения области (50-60%) сохраняет вполне терпимое отношение к инокультурным группам.

Молодежь от 18 до 29 лет более подвержена интолерантности: 45% испытывают неприязнь к представителям других национальностей, а в группе старше 60 лет таких только 21%. В Бузулуке и Орске 39% опрошенных испытывают неприязнь к некоторым национальностям. Следует отметить, что наиболее толерантны казахи, только 22% которых недоброжелательно относятся к представителям других национальностей. Наименее толерантны русские: 38% неприязненно относятся к представителям других национальностей. Самая высокая степень неприязни выявлена по отношению к чеченцам – 14%, цыганам – 13, азербайджанцам – 8%. У мужчин негативное отношение к чеченцам достигает до 17%, у молодежи – до 21% (вопрос предполагал один ответ). Можно констатировать, что уровень недоброжелательности по отношению к чеченцам остается наиболее высоким. В несколько меньших размерах это же относится к цыганам и азербайджанцам.

Одной из причин снижения толерантности оренбуржцев к кавказцам стали события, связанные с Бугурусланским медресе, в котором правоохранительными органами было найдено взрывчатое вещество, и медресе было закрыто. Проверка показала, что среди выпускников было восемь человек, принимавших участие в организации взрывов жилых домов в Москве, нападении на административные органы Ингушетии, на школу в Беслане. Среди них четыре человека из Ингушетии⁸.

События в Акбулакском районе в п. Каракудук также способствуют росту негативного восприятия кавказцев. В 2004 г. там произошли столкновения местных жителей с чеченцами⁹.

В Оренбургской области регулярно проводятся социологические исследования этнических и религиозных отношений. Показательными являются результаты опроса 2007 г. в Оренбурге, Бугуруслане, Акбулаке и Акбулакском районе¹⁰. Выяснилось, что по сравнению с 2006 г. изменилась картина межэтнических отношений. Доля ответов "отношения нормальные" уменьшилась с 59% в 2006 г. до 47,4%. Возросла доля респондентов, считающих, что "внешне все спокойно, но напряже-

⁸ Добровольская А. В Бугуруслане нашли гексоген // Комсомольская правда. 30 октября 2004 г.; Напальнев В. Такое вот "взрывное" медресе. // Южный Урал. 3 ноября 2004 г.

⁹ Голубев А. Лезгинка на флаге России. ("Большую кровь" в Акбулакском районе предсказывали. И она уже пролилась. // Южный Урал. 18 июня 2004 г.

¹⁰ В сентябре 2007 г. Опрошено 500 респондентов. Выборка квотная, пропорциональная: по полу, возрасту, национальности.

ние ощущается" – с 29% до 38,6%. Заметным является число респондентов, считающих, что "отношения напряженные, случаются конфликты" (было 9%, стало 10,6%). Ответы на вопрос "Изменились ли межнациональные отношения в Оренбуржье за последний год?": 39,8% считают, что они "не изменились" (в 2006 г. – 59%); 30,8% – "скорее ухудшились" и "ухудшились" (в 2006 г. – 27%). О том, что этнические отношения в регионе напряженные высказались 42,2%, а 9,8% указали, что случаются конфликты. Вместе с тем более половины опрошенных (56,4%) сохранили вполне терпимые отношения к людям другой национальности.

На вопрос: "Как вы считаете, представляют ли иммигранты, прибывшие на территорию области, угрозу ее стабильности?" 47,6% ответили – "некоторую" (в 2006 г. – 41%), "да, большую" – 17,0% (в 2006 г. – 25%), "нет, не представляют" – 25,4% (в 2006 г. – 25,0%). Причины напряженности в сфере этнических отношений люди объясняют так: "стало тяжело жить и многие пытаются найти виновных в приезжих" (15%); "неуважительное, порой вызывающее поведение приезжих (иммигрантов), отказ следовать местным нормам и традициям" (14,8%); "ухудшение ситуации на рынке труда и в социальной сфере" (10,6%); "рост националистических настроений в области" (10,0%); "конфликты подогреваются определенными силами" (9,2%). Результаты исследования свидетельствуют, о том, что основная масса опрошенных считает, что межэтнические отношения в регионе стабильны, но напряженность ощущается.

Увеличение численности кавказцев в Оренбуржье произошло в основном в постсоветские годы. С 1993 г. на территорию области прибыло свыше 85 тыс. беженцев и переселенцев более 50 национальностей. Они официально зарегистрированы в структурах областной миграционной службы. В структурах исполнительной, законодательной власти кавказцы не работают. Мало представителей кавказских народностей и среди интеллигенции. Хотя в вузах среди профессорско-преподавательского состава имеются азербайджанцы, армяне, чеченцы. Есть они и среди руководителей крупных промышленных предприятий.

Оттока выходцев с Кавказа из Оренбуржья не наблюдается, т. к. большинство приезжих, как правило, обустроено – имеют в регионе работу и жилье. Но для успешной интеграции этого мало, необходимы усиление их взаимодействия с другими группами населения, установление более тесных контактов с местным сообществом. Поощрение к такому взаимодействию и должно стать важнейшим направлением этнической политики.

"Новые мигранты" как часть местного сообщества

Н. С. Мухаметшина

С 2001 г. в Самарской области проводятся социологические исследования этноконфессиональной сферы. Особое значение придается миграции как фактору, оказывающему существенное влияние на социально-политическую ситуацию в регионе.

Термин "новые мигранты" используется нами для обозначения представителей народов российского Кавказа, государств Закавказья и Средней Азии, осваивающих территорию Поволжского региона. К данной группе мы относим как временных трудовых мигрантов (граждан России и других государств), так и иммигрантов, прибывших на постоянное место жительства. Понимая условность термина "новые мигранты", отметим удобство его использования, прежде всего, на операциональном уровне.

За счёт "новых мигрантов" произошло существенное увеличение численности представителей кавказских, среднеазиатских и ряда других культурно отличимых общин в населении Поволжского региона, в частности, Самарской области. Всероссийская перепись 2002 г. зафиксировала увеличение численности армян в населении области в 5,2 раза по сравнению с 1989 г. (21,6 тыс.), азербайджанцев – в 2,4 раза (15 тыс.), киргизов – на 131% (733), таджиков – в 2,9 раза (4,6 тыс.), узбеков – на 142% (5,4 тыс.), чеченцев – в 2,5 раза (1,2 тыс.)¹. Численность указанных национальностей, вероятно, возросла еще более существенно, так как перепись не сумела охватить всех приезжих.

В последние годы интенсивность и объем миграционных потоков в целом возрастали за счет трудовой миграции. В 1990-х – начале 2000-х гг. среди мигрантов преобладали азербайджанцы, армяне, таджики, а в последние годы – узбеки и таджики. Продолжает увеличиваться трудовая миграция киргизов, в то же время пошла на убыль миграция из Азербайджана. В 2007 г. на территорию области прибыло свыше 56 тыс. мигрантов из Узбекистана, свыше 41 тыс. из Таджикистана, 14,7 тыс. из Кыргызстана, 14,4 тыс. из Азербайджана, 12,8 тыс. из Армении. Большинство прибывших – временные трудовые мигранты².

¹ Мухаметшина Н. С., Жидкова С. К. Самарская область: этнокультурные доминанты и новые тенденции // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М.: Наука, 2007. С. 185.

² Справка начальника УФМС по Самарской области Ю. В. Жирягина от 11.02.08.

Интенсивное освоение региона культурно отличимыми мигрантами сопровождается проявлениями социально-культурного дискомфорта среди местных и приезжих. Даже те из трудовых мигрантов, кто неоднократно приезжает в регион на сезонные работы (как правило, в марте-октябре) или по договору на определенный строительный объект, плохо знают российское законодательство, социально-политическую ситуацию, принятые модели поведения, традиции. Все большее количество гастарбайтеров плохо владеют русским языком.

Результаты исследований, проводившихся в рамках проекта "Межэтнические отношения в Самарской области" в 2001-2004 гг., свидетельствуют о том, что примерно половина жителей области испытывают фрустрацию этнического характера. В свою очередь, это способствует формированию негативных стереотипов, интолерантности, возможной напряженности межэтнических коммуникаций. Объектами исследований избраны следующие группы: русские; традиционные для региона этнические меньшинства; "новые мигранты". Описанный алгоритм поведения характерен для представителей 1 и 2 групп. Так, на вопрос "Есть ли среди переселенцев представители таких народов, которые вызывают у Вас неприязнь?" практически каждый второй респондент ответил утвердительно. Сопоставление результатов ответов по трем группам анализа позволяет увидеть различия в позициях представителей традиционных для региона народов (русских и этнических меньшинств) и представителей "новых мигрантов". Респонденты из группы "новых мигрантов" более толерантны, хотя и среди них есть такие, кто испытывает неприязнь к иноэтничным мигрантам.

Жители Самарской области в 3-5 раз чаще оценивают влияние миграции на межэтнические отношения негативно, чем позитивно. И хотя в исследуемый период отмечается устойчивое увеличение доли тех, кто настроен позитивно, она остается слишком незначительной, чтобы переломить ситуацию. Примерно треть вообще затрудняется определить свою позицию. При этом уверенности в том, что эта часть населения со временем займет позицию одобрения, конечно, нет.

Чувство неприязни к мигрантам вызывают: манера поведения (2003 г. – 68,7%, 2004 г. – 74,2%), род занятий (2003 г. – 53,9%, 2004 г. – 56,9%), внешний облик (2003 г. – 31,3%, 2004 г. – 43,5%), обычаи, обряды, традиции (2003 г. – 9,6%, 2004 г. – 8,1%). Различия в оценках и восприятии мигрантов русскими и представителями традиционных для региона этнических меньшинств незначительны и, напротив, существенно отличаются от оценок и восприятия представителей "новых мигрантов". Шкала Э. Богардуса, используемая в исследованиях, позволяет определить, что объектами неприязни, раздражения чаще других являются цыгане, чеченцы, азербайджанцы, армяне (в порядке убывания).

Естественно было бы предположить, что неприязненное отношение к "чужакам" – следствие личного негативного опыта. Однако результаты исследования позволяют констатировать еще один парадокс массового сознания. На вопрос "Приходилось ли Вам сталкиваться с неприязненным отношением к себе в связи с Вашей национальностью?" подавляющее большинство респондентов отвечает отрицательно (2003 г. – 66,0%; 2004 г. – 81,1%). Уровень психологического комфорта существенно различается в группах анализа. Среди русских респондентов совсем немного тех, кто иногда оказывался в ситуации неприязненного отношения к себе, обусловленного, как им кажется, этнической принадлежностью (3-5%). Представители традиционных для региона этнических меньшинств (башкиры, евреи, мордва, немцы, татары, чуваша, украинцы) несколько чаще попадают в подобные ситуации (10-17%), но подавляющее большинство с ними не сталкивалось. Среди представителей мигрантских меньшинств (азербайджанцы, армяне, грузины, киргизы, таджики, узбеки, чеченцы) ситуация обратная: подавляющее большинство становились объектами неприязненного отношения со стороны окружающих, вызванного, как им представляется, их национальностью (64-74%). Неприязненное отношение выражалось в отказе в приеме на работу, регистрации по месту жительства, препятствиях для отправления религиозных обрядов, т.е. связано с действиями представителей органов власти. Однако наиболее распространенными являются ситуации бытового характера: оскорбления в магазине, на рынке, в транспорте, школе. При этом те немногие русские, которым доводилось испытывать неприязнь окружающих из-за своей этнической принадлежности, обычно сталкиваются с оскорблениями в местах торговли, а представители традиционных и мигрантских меньшинств – в школе, со стороны сверстников и даже учителей. Все перечисленные формы неприязни попадают под определение дискриминации по этническому, расовому, религиозному признакам.

Таким образом, более толерантные "новые мигранты" значительно чаще, чем представители традиционных для региона этнических меньшинств и русские сталкиваются с неприязненным отношением" оскорблениями в свой адрес. Напротив, подавляющее большинство русских, среди которых неприязненное отношение к представителям народов Кавказа, Средней Азии, цыганам встречается часто, в своей личной практике не сталкивались с подобными ситуациями. Примерно так же можно охарактеризовать поведенческие реакции и установки представителей традиционных для Поволжья этнических меньшинств.

Другими словам, так называемое коренное население при выборе жизненных стратегий зачастую не учитывает практику, опыт общения, предпочитая массовые стереотипы, расхожие образы и точки зрения.

Это позволяет сделать следующий вывод: основными причинами напряженности межэтнических коммуникаций являются затянувшаяся ситуация "социального риска" и отсутствие адекватной этнополитики, а не пресловутый "конфликт цивилизаций".

С достаточной степенью уверенности можно констатировать, что в массовом сознании жителей области присутствуют негативные установки по отношению к мигрантам определенной этнической принадлежности, а именно, по отношению к народам Кавказа, Средней Азии, цыганам. Следовательно, в социально-психологическом плане миграционные процессы являются фактором напряженности регионального сообщества. Возможна проекция на политическую и экономическую сферы.

В рассматриваемой нами проблеме есть еще один аспект: примерно треть русских респондентов и представителей традиционных для региона этнических меньшинств этноиндифферентны; в группе "новых мигрантов" этот тип этнической идентичности отмечен примерно у каждого пятого. Следовательно, "новые мигранты" в среднем придают большее значение этничности, чем представители поволжских этнических меньшинств, и еще больше, чем русские. Можно ли считать эту ситуацию следствием слабой интегрированности в региональное сообщество или, напротив, причиной, затрудняющей интеграцию? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны специальные исследования.

В 2005-2006 гг. проблемы миграции, миграционной политики явно актуализировались на уровне политического менеджмента. Наметились и признаки определенных изменений в региональной миграционной политике. Однако на уровне области, как и в целом в Российской Федерации, так и не решен стратегический вопрос: рассматривать ли мигрантов в качестве потенциального населения или поддерживать трудовую миграцию. В первом случае речь должна идти преимущественно об интеграции мигрантов в региональное сообщество, во втором – об адаптации. Оптимально, на наш взгляд, сочетание данных стратегий, позволяющее дифференцировать миграционную политику.

Управленческие структуры области пытаются регулировать рынок труда. С этой целью используются следующие технологии: квотирование рабочих мест для иностранной рабочей силы, выдача миграционных карт, регулярные проверки рабочих объектов и мест проживания сотрудниками МВД, привлечение службы занятости. При Доме дружбы народов планируется создание Центра по трудоустройству и правовой защите мигрантов. Экономически целесообразным представляется практика квотирования рабочих мест для ИРС, позволяющая определить потребность региона в кадрах. Однако пока работодатели очень неохотно используют этот канал заполнения вакансий. Несколько лучше ситуация с привлечением в экономику региона высококвалифицированных кадров (топ-менеджеры в

банковской сфере, страхование, растет спрос на независимых директоров различных кампаний). Рабочие места, ориентированные на среднюю и низко квалифицированную рабочую силу, так и остаются вакантными, а рынок труда функционирует фактически стихийно.

Представители российских и зарубежных кавказских народов, главным образом, занимают ниши рынка труда, требующие средне- и низко-квалифицированной рабочей силы. Основная часть кавказцев занята в таких сферах как торговля, общепит, строительство. Разумеется, представители народов Кавказа заняты и в других отраслях: в банковской сфере, автомобильном сервисе, мебельном производстве, бытовом обслуживании, здравоохранении, образовании, науке, органах управления. Такая ситуация является скорее результатом стихийно формирующейся сегментации рынка труда ("рыночная экономика") нежели специальной политики. Отметим объективные факторы, оказывающие довольно существенное влияние на процесс: бум в строительстве и сервисе; престижность этих сфер деятельности для кавказцев. Если попытаться оценить ситуацию на рынке труда, то в строительстве пока не отмечается сколь либо значительной конкуренции со стороны кавказцев, а в торговле и сервисе она есть.

Все перечисленные характеристики можно отнести к крупным городам области: Самаре и Тольятти. В средних и малых городах, где наблюдается нехватка рабочих мест, особенно статусно или материально привлекательных, социальная ситуация более напряженная. Это корректирует межэтнические взаимодействия, придавая им также более напряженный характер по сравнению с крупными городами.

Следует отметить, что внутри кавказских общин наблюдается дифференциация статусов и интересов. Так, в последнее время неоднократно приходилось сталкиваться с такими ситуациями, когда укоренившиеся в советское время армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы и другие представители кавказских народов (назовем их условно "старые мигранты") дистанцируются от "новых мигрантов". Последние также не стремятся к сотрудничеству, подчеркивая, что именно они являются "настоящими" азербайджанцами, чеченцами и т. п. По нашим наблюдениям, "старые мигранты" предпочитают индивидуальные стратегии освоения социального пространства региона, "новые мигранты" – групповые стратегии. В основе выбора стратегий – разный характер взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. "Старые мигранты" в большей или меньшей степени интегрированы в региональное сообщество. "Новые мигранты" в лучшем случае адаптированы, значительная часть не освоила и этой стратегии. Именно для "новых мигрантов" характерна ставка на этническую принадлежность как ресурс предпринимательской и иной деятельности. В тактическом

плане это дает довольно успешные результаты. Однако в дальнейшем может стать дополнительным фактором риска.

В частности, этот вывод подтверждают события на плодоовощной оптовой базе, где 13 сентября текущего года произошла драка между азербайджанцами и группой наемников. Азербайджанцы, арендующие ангары на этой базе, не только преуспевают в своем бизнесе, но им удалось в значительной степени монополизировать доставку, хранение и торговлю фруктами, некоторыми сортами овощей. В таких случаях, как правило, находятся желающие получить свою долю, вытеснив конкурентов. В данной ситуации используется дополнительный мотив, призванный оправдать незаконные действия конкурентов: "понаехали, вытесняют русских, наживаются на местном населении", "мы наводим порядок, восстанавливаем справедливость". На наш взгляд, если бы это предприятие не имело столь четкой этнической окраски, то конкуренты не прибегли бы к таким методам "переговоров".

В Самарской области, как и в других субъектах РФ, действуют многочисленные национально-культурные организации (НКО), которые стали учреждаться еще в конце 1980-х гг. Если в первое десятилетие эту форму гражданской инициативы в основном использовали представители традиционных для региона этнических меньшинств, то с начала 2000-х гг. ее активно используют представители мигрантских сообществ. В настоящее время зарегистрировано свыше 70 объединений, в том числе 9 национально-культурных автономий. Примерно половина из них занимаются активной деятельностью, постоянно сотрудничают с областными, городскими и районными властями.

Основными задачами своей деятельности НКО провозглашают, во-первых, сохранение этнической культуры, этнического самосознания, во-вторых, защиту прав этнических сообществ и их представителей.

Эффективность деятельности НКО по формированию и поддержанию толерантности в этническом взаимодействии и развитию гражданской идентичности исследованы явно недостаточно. В Самарской области таких исследований вообще не проводилось. В июле-сентябре 2007 г. был реализован проект "Изучение результатов деятельности и потенциала национально-культурных организаций этнических меньшинств по формированию гражданской и этнической идентичностей городских жителей"³. В ходе исследования было проведено 60 экспертных интервью с активистами национально-культурных организаций "Лига азербайджанцев Самарской области", "Армянская община", "Курултай башкир", "Ак Жол" (казахи), "Ассоциация корейцев", "Масторава" (мордва), "Алания" (осетины), "Содействие развитию таджикской куль-

³ Грант РГНФ № 07 05 2630 а/В, 2007 г. Руководитель проекта Н. Мухаметшина.

туры "Сомоньен", "Туган Тел" (татары), "Вайнах" (чеченцы), "Пехиль" (чуваши). В массовом опросе приняли участие по 60 респондентов, представляющих перечисленные общины всего 600 чел. Выборка многоступенчатая: первый этап – целевая по этнической принадлежности и месту проживания; второй этап – стратифицированная по типу населенного пункта от численности городского населения (Самара – 284 чел, Тольятти – 172 чел.; Сызрань – 72 чел., Похвистнево – 20 чел., Чапаевск – 52 чел.); третий этап – квотная половозрастная в каждом типе населенного пункта. Одновременно с экспертным интервью и массовым опросом проводилось тестирование.

В качестве критериев, на основании которых оценивалась деятельность национально-культурных организаций этнических меньшинств, были использованы: уровень распространенности позитивного типа этнической идентичности среди представителей этнических меньшинств, в том числе среди активистов НКО; соотношение гражданской и этнической идентичностей среди представителей этнических меньшинств, в том числе среди активистов НКО.

Исследования отечественных и зарубежных ученых позволили выявить взаимообусловленность позитивной этнической идентичности и толерантности: в норме для группового сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой этнической идентичностью и межэтнической толерантностью. Примерно равнозначное положение гражданской и этнической идентичности в идентификационном пространстве личности может рассматриваться психологическим основанием для формирования установок на толерантность в этноконтактных ситуациях. Преобладание этнической идентичности в идентификационном пространстве личности свидетельствует об этноцентризме. Этноцентризм понимается в двух значениях. Во-первых, как восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Во-вторых, как акцентирование значимости этничности, некритическое предпочтение культуры собственной этнической группы. Этноцентризм затрудняет формирование установок на толерантность в межэтническом взаимодействии, может провоцировать интолерантность. Явное преобладание этнической идентичности в идентификационном пространстве личности характерно для этнодоминирующей идентичности и этнического фанатизма, способствующих формированию интолерантных установок. Использование критерия "уровень распространенности позитивного типа этнической идентичности" обеспечивает валидность результатов исследования.

Следует отметить, что регулярное участие в работе НКО более доступно горожанам, поэтому результаты опроса, прежде всего, отражают ситуацию в городской среде. Как и предполагалось, подавляющее

большинство представителей этнических меньшинств не принимают участия в деятельности НКО. В целом по массиву это 82,7%. Только 9,5% являются нерегулярными и 7,3% постоянными участниками мероприятий НКО. Отметим, что за последние три года интерес к деятельности НКО вырос: по результатам исследования "Межэтнические отношения в Самарской области" (2004 г.) 6,5% представителей этнических меньшинств принимали участие в некоторых мероприятиях НКО, и только 0,5% были их постоянными активными участниками. Таким образом, в настоящее время НКО оказывают непосредственное влияние на 16,8% представителей этнических меньшинств, проживающих в городах. Эту группу респондентов мы определили как "актуализированные". Респонденты, не принимающие какого-либо участия в деятельности НКО (82,7%) отнесены в группу "индифферентные".

В ходе анализа результатов также была выделена группа "этнические мусульмане". В нее вошли 300 респондентов (в равной пропорции: азербайджанцы, башкиры, казахи, татары, чеченцы). Обусловлена такая условная группировка следующими обстоятельствами: продолжается активное конструирование негативных собирательных образов "мусульман", "мигрантов-мусульман"; в массовом сознании растет настороженность по отношению к "мусульманам", а к некоторым их группам – неприязнь и враждебность. "Этнические мусульмане" составляют 57,4%.

В целом по массиву и по всем группам анализа преобладающим типом этнической идентичности является позитивный тип. Повышенная "позитивность", т. е. – более высокий потенциал толерантности характерен для группы респондентов, на которых НКО имеют возможность оказывать непосредственное влияние ("актуализированные"). Среди "актуализированных" этнических меньшинств не зафиксирован этнонигилизм, менее распространены этноиндифферентность и этнодоминирующая идентичность.

Второй критерий, на основании которого предполагалось оценить деятельность НКО, раскрывается на основании результатов тестов и ряда вопросов. Тест М. Куна – Т. Макпартленда был размещен в начале бланка интервью с тем, чтобы минимизировать "подсказку" исследователей. В итоге во всех группах анализа преобладающими типами традиционно стали различные варианты семейно-родственной идентичности и профессиональная идентичность. Этническая и гражданская идентичности в целом по массиву и в группе "этнических мусульман" заняли практически равнозначное положение, существенно уступив по значимости в "Я-концепции" семейно-родственной и профессиональной идентичностям. Специфичность "актуализированной" группы очевидна: для ее представителей этническая, гражданская и религиозная идентичности более значимы, чем для большинства представителей

этнических меньшинств; только в этой группе этническая идентичность заметно преобладает над гражданской.

Для представителей всех групп анализа наиболее значимыми являются семейная и духовно-родственная (близкие друзья) идентичности; степень выраженности этнической и гражданской (русской) идентичностей высокая; этническая идентичность более значима, чем гражданская. "Актуализированные" представители этнических меньшинств и в этом случае придают большее значение этнической идентичности, чем "индифферентные", но и выраженность гражданской идентичности у них выше.

В ходе интервью с представителями этнических меньшинств был задан вопрос "Как Вы относитесь к символам Российской Федерации и Самарской области?". Полученные результаты убедительно свидетельствуют о гражданской лояльности, зрелой гражданской позиции представителей этнических меньшинств. "Актуализированные" респонденты отличаются более высоким уровнем гражданской лояльности.

В целом для представителей этнических меньшинств, проживающих в Самарской области, характерны: преобладание позитивной этнической идентичности; отчетливо выраженные этническая и гражданская идентичности, уступающие по своей значимости семейно-родственным и профессиональным идентичностям; примерная равнозначность этнической и гражданской идентичностей; зрелая гражданская позиция. Для представителей этнических меньшинств, на которых НКО оказывают непосредственное влияние ("актуализированные"), характерны: более высокий уровень позитивной этнической идентичности; более выраженные этническая и гражданская идентичности; преобладание этнической идентичности над гражданской и, в тоже время, более высокий уровень гражданской лояльности.

Результаты исследования свидетельствуют о высоком потенциале толерантности, характерном в целом для представителей этнических меньшинств. Более убедителен потенциал толерантности у тех, кто приобщен к деятельности НКО. Успешно реализуются задачи сохранения этнического самосознания и культуры, защиты гражданских прав. Однако в уставных документах и практической деятельности всех обследованных НКО (как и подавляющего большинства других) отсутствуют специальные задачи и мероприятия, направленные на формирование гражданских позиций, гражданской российской нации. Полученные данные, свидетельствующие о благополучном состоянии гражданского сознания, – это результат влияния нескольких факторов, в том числе и деятельности НКО.

Несмотря на то, что для кавказских и среднеазиатских общин характерна внутренняя дифференциация, в том числе на основании вре-

менного критерия и правового статуса, старожильское население, как правило, воспринимает их в качестве групп⁴. Распространены мифологизированные собирательные образы "кавказцев", "азиатов", нередко дополненные уничижительными кличками ("чурки", "черные", "азеры" и др.). В последние годы ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Опросы и экспертные интервью показывают, что местное население понимает необходимость использования труда мигрантов в экономике области и в целом более открыто для общения. Со своей стороны более уверенно в правовом, социально-культурном и психологическом плане чувствуют себя и мигранты. Практически не отмечаются случаи явной дискриминации, столь часто возникавшие в 2002-2005 гг.

Последний вывод подтверждается мнением экспертов Т. Сабининой и Ш. Керимова. С марта 2008 г. еженедельно в Доме дружбы народов юрист правозащитного Центра "Мемориал" сети "Миграция и Право" Т. Сабинаина проводит консультации по миграционному законодательству Российской Федерации. В беседе Т. Сабинаина отметила: "правонарушений со стороны милиции, сотрудников ФМС стало намного меньше, но есть незаконные изъятия паспортов, задержания. Иногда получаем информацию о поборах (500 руб. за "услугу"). Консультации проводятся 4 месяца, за это время обратились около 140 чел. Большинство из них – это русскоязычные мигранты из Киргизии, Узбекистана, Украины, Белоруссии, Таджикистана. Среди посетителей есть армяне, азербайджанцы, таджики, киргизы, представители дальнего зарубежья".

А вот что сообщил в беседе председатель "Лиги азербайджанцев Самарской области" Ш. Керимов: "занимаемся правовым просвещением и консультированием. Первоначально юристы дежурили в офисе по 2 часа 2 дня в неделю, но потом обращений становилось все меньше. Теперь принимаем только по необходимости, по звонку. Если рядовой азербайджанец "дружит с законом", то он живет хорошо. В лучшую сторону ситуация изменилась после 2005 г., а до этого наблюдалась массовая дискриминация. В настоящее время массовой дискриминации нет, бывают только отдельные случаи. В 2006-2008 гг. к нам не поступило ни одного заявления, только иногда звонки с жалобами на действия сотрудников милиции. Эти проблемы разрешаются быстро".

Но, заметим от себя, такая специфическая общественная реакция на мигрантов, как "культурный расизм", по-прежнему широко распространена среди всех слоев местного населения и мигрантов. Один из наших экспертов, доцент государственного технического университета

⁴ Мухаметшина Н. Региональное сообщество и "новые мигранты": проблемы взаимодействия, перспективы адаптации и интеграции // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 69, 2006.

С. Кандауров анализирует ситуацию следующим образом: неприязнь у местного населения более всего вызывают внешние формы поведения и двойные стандарты. Например, существенно отличается отношение мигрантов к своим старшим по возрасту и женщинам от отношения к местным жителям этих же категорий. По отношению к местным часто можно увидеть неуважение, грубость. Необходимо разъяснять мигрантам как принято себя вести, каковы традиции. Но с ними нет систематической работы по поводу моделей поведения. Это надо организовать, наверное, в рамках миграционной службы, национально-культурных организаций, специальных курсов. Особо отмечу чеченцев: они ведут себя неадекватно, "осваивая территорию" на свой манер, не считаясь с окружающими. Вижу это по своим студентам, а в университете обучаются десятки чеченцев. В стране и в регионе власти наступают на европейские грабли "политкорректности".

Позитивный опыт социально-культурной адаптации и интеграции "новых мигрантов" накоплен областной общественной организацией "Лига азербайджанцев Самарской области" ("ЛАСО"), образованной в 2003 г. Организация является членом "Всероссийского азербайджанского конгресса" ("ВАК"), председатель "ЛАСО" Ш. Керимов – член Центрального совета "ВАК". Помимо Самары, филиалы организации работают в Тольятти, Чапаевске, идет подготовительная работа по созданию филиалов в других городах области (Новокуйбышевске, Безенчуке, Отрадном, Кинеле, Сызрани).

За 5 лет деятельности "Лига азербайджанцев" зарекомендовала себя как одна из самых активных общественных организаций. В значительной степени конструктивная позиция руководителей этой организации помогла создать переговорные площадки, диалоговые формы взаимодействия "новых мигрантов", силовых структур и органов власти, фактически преодолеть дискриминационные практики. Проблемы миграционной и этнонациональной политики обсуждались на заседаниях Комиссии по взаимодействию с национальными общественными организациями Комитета по образованию, здравоохранению и социальной политике Самарской Губернской Думы (2005-2007 гг.), на "круглом столе по национальной политике" Общественного собрания при губернаторе, на координационном и экспертно-методическом совете аппарата правительства области. В эти же годы были созданы общественные советы при ГУВД, УФМС, уполномоченном по правам человека, областном министерстве культуры и молодежной политики, на заседаниях которых также неоднократно обсуждались и решались проблемы правового положения, социально-культурной адаптации мигрантских общин, проблемы взаимодействия старожильского и мигрантского населения.

Процесс создания и реализации конструктивных переговорных площадок и диалоговых форм взаимодействия еще не завершен. Од-

нако, по мнению Ш. Керимова, взаимодействие с самарскими властями развивается на очень высоком уровне без каких-либо препятствий. Такую оценку дают далеко не все лидеры национально-культурных организаций⁵.

Проблемам "новых мигрантов", в целом кавказских и среднеазиатских общин, власти области вынуждены были уделять особое внимание в силу их конфликтогенности и характера влияния на социальную атмосферу.

В Уставе организации в качестве основных целей отмечены популяризация азербайджанской культуры среди населения области, правозащитная деятельность и другие юридические услуги, предоставляемые соотечественникам. В "ЛАСО" действует совет старейшин, на собственные средства издается ежемесячная газета "Очаг" (главный редактор Х. Хаял), на базе Дома дружбы народов работает воскресная школа, музыкальный инструментальный ансамбль и детский танцевальный коллектив. На хорошем организационном и содержательном уровне проводятся массовые мероприятия, связанные с историей и культурой азербайджанского народа. Для представителей азербайджанской диаспоры Самарской области уже традицией стали праздничные концерты на Новруз Байрамы и Курбан Байрамы, День Победы 9 мая, торжественные мероприятия в День памяти жертв 20 января 1990 г., День памяти жертв Ходжалинской трагедии 26 февраля 1992 г., День Республики (28 мая), День солидарности азербайджанцев всего мира (31 декабря). Позитивной оценки заслуживает позиция актива "ЛАСО": все мероприятия открыты, приглашаются представители самарской общественности и власти.

Примером практик, способствующих позитивному восприятию Азербайджана и азербайджанцев, формированию основ толерантного межкультурного взаимодействия, являются круглые столы, организованные "ЛАСО". В 2006 г. в Доме дружбы народов состоялось такое заседание на тему "Православие в Азербайджане". В 2008 г. в Доме журналистов обсуждалась тема "Азербайджан – Россия: вчера, сегодня, завтра". Мероприятия включали в себя просмотр соответствующих заявленной тематике фильмов азербайджанского режиссера Ф. Гусейнова. Это редкий случай, когда этническая общественная организация, тем более представляющая интересы мигрантской диаспоры, организует встречу с общественностью, учеными, журналистами, представителями властных структур не по поводу конфликтной или напряженной ситуации, а предлагает конструктивный мировоззренческий, историко-

⁵ Мухаметшина Н. Школьное образование лишается этнокультурной составляющей //Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 78, 2008; Мухаметшина Н. Национально-культурная автономия как право или об "адекватности культурного обслуживания регионов" //Там же.

политический диалог. На наш взгляд, эти примеры являются маркерами успешной социально-культурной адаптации и интеграции.

У "Лиги азербайджанцев" есть и проблемы. Оценивая итоги 5-летней деятельности, Керимов замечает: "работа организации строится тяжело, у многих иждивенческие настроения". Хотя с октября 2005 г. работает воскресная школа, руководители "ЛАСО" пока не ставили вопрос перед министерством образования о выделении ставок преподавателей и обходятся своими силами. Ситуация объясняется не наличием каких-то препятствий со стороны властей, а пассивностью местных азербайджанцев: для выделения ставки преподавателя необходимо набрать в воскресную школу минимум 25 учащихся, а это пока не удается сделать.

По мнению Керимова, возможности удовлетворения этнокультурных и конфессиональных запросов в Самарской области есть, и для азербайджанцев эти возможности очень хорошие. В первую очередь азербайджанцы заняты решением экономических проблем, а этнокультура, язык сохраняются на уровне семьи. "Здесь проблем нет, так как многие планируют вернуться в Азербайджан". Но, считает Керимов, скорее всего, никто никуда не вернется. "Думаю, воскресная школа будет работать тогда, когда люди поймут, что уезжать им не придется".

Показательной с точки зрения результатов социально-культурной адаптации азербайджанцев является следующее суждение: "До последнего времени 99,9% умерших мы отправляем на родину, в Азербайджан. В этом помогает община, в первую очередь "Лига азербайджанцев". Но в ближайшем будущем планируем поднять вопрос о выделении участков на городских кладбищах, там, где хоронят мусульман. Участка специально для азербайджанцев, так как у нас есть свои особенности".

Намерения руководителей "ЛАСО" опираются на общественное мнение, формирующееся в общинах азербайджанской диаспоры, свидетельствуют о достаточно комфортной правовой, экономической и социально-культурной ситуации.

Точку зрения Керимова поддержали и другие участники наших бесед. Так, по мнению директора Дома дружбы народов Д. Мюльбаха, "возможности удовлетворения этнокультурных запросов у всех одинаковые, может быть у мигрантов даже побольше. Такая проводится политика". Руководитель национально-культурного центра немецкой культуры "Надежда" И. Беленина сказала: "Я думаю, что у мигрантских групп сейчас больше возможностей. Они в этом нуждаются, чувствуют необходимость, заинтересованы друг в друге. На всех мероприятиях присутствуют от мала до велика, тысячи людей приходят в ДК им. Литвинова. А у нас – ассимиляция, глобализация, Россия воспринимается как своя страна, родина. Мыслим по-русски, менталитет русский, своя немецкая национальность воспринимается больше как экзотика".

Лидеры "ЛАСО" также как лидеры чеченской и таджикской общественных организаций активно поддерживали акции, направленные против предоставления учебному курсу "Основы православной культуры" статуса регионального компонента (2003-2007 гг.). Инициаторами и главными организаторами этой многолетней протестной кампании являются лидеры областного татарского общества "Туган тел", сумевшие объединить вокруг себя все национально-культурные организации, представляющие интересы мусульман. Мнение руководителя "ЛАСО", полностью совпадает с позицией по данной проблеме, которую неоднократно приходилось слышать от руководителей и активистов татарской, башкирской, чеченской, таджикской национально-культурных организаций, а также местных имамов: "Сегодня религию надо поддерживать в религиозных учреждениях, в семье, а школа должна быть светской, в соответствии с Конституцией и законом об образовании. РПЦ хочет сохранить русскую национальную культуру через православие, остальных подмять под православие, а это неправильно".

Протестные акции не только консолидировали усилия мусульманской общественности в отстаивании своих социально-культурных интересов, но также способствовали адаптационно-интеграционным процессам "новых мигрантов". В целом религиозный фактор оказывается существенным проводником адаптации и интеграции. Несмотря на некоторые особенности отправления культа местными мусульманами и выходцами из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, никаких притеснений, неудобств, разногласий по этим вопросам в мусульманской умме не отмечается. Эта оценка относится и к шиитам-азербайджанцам, поддерживающим контакты с местным суннитским большинством.

Тесное сотрудничество "Лиги азербайджанцев" с другими национально-культурными и общественными объединениями области содействует улучшению этнических отношений, поддержанию толерантности в социальной и конфессиональной среде.

Таким образом, с точки зрения государственных интересов многолетнюю деятельность наиболее активных национально-культурных организаций области можно оценить положительно. Государственным структурам следует продолжить политику финансовой, организационной, правовой поддержки НКО, постепенно смещая акцент на партнерские отношения; следует акцентировать внимание на мероприятиях, способствующих поддержанию гражданской лояльности и формированию гражданской российской нации.

Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции

И. М. Габдрафиков, Л. Г. Хуснутдинова

В Башкирии сложилась в целом благоприятная экономическая ситуация и социально-культурная среда для интеграции мигрантов, в том числе выходцев из Северного Кавказа, а также государств Закавказья и Средней Азии.

В республике, как и во многих регионах Поволжья и Урала, за столетия выработался значительный опыт мирного сосуществования людей, представляющих различные этнические и конфессиональные группы. На нынешнем этапе особую роль играют национально-культурные центры в социальной адаптации представителей новых этнических групп. Эти объединения являются эффективным каналом интеграции полиэтнического сообщества Башкирии.

Наиболее распространенной формой самоорганизации граждан в этнокультурной и этносоциальной сферах на сегодняшний день остаются национально-культурные общества и центры. По состоянию на 1 января 2008 г. в Республике Башкортостан зарегистрировано более 60 республиканских национально-культурных организаций (НКО). Целью объединений является рост национального самосознания народов Башкортостана, возрождение и развитие их национальных культур. Но основной целью национально-культурных центров является развитие общественной активности населения, укрепления позитивных взаимоотношений между народами, между властью и обществом.

Значительную часть НКО формируют представители этнических групп, выходцы из стран СНГ, в том числе из Средней Азии. Это люди разных профессий и возрастов, по разным причинам и в разное время оставившие историческую родину и оказавшиеся в Башкирии. В целях сохранения и возрождения родного языка, традиций и обычаев своего народа, защиты интересов своих соотечественников в другой стране они выступали с инициативой объединить своих соотечественников, создать культурные центры и общественные объединения. Так, в республике постепенно образовались Ассоциация таджиков и персоязычных народов РБ "Пайванд", Региональная общественная организация Центр кыргызской культуры "Ала-Тоо" и др. Следует отметить, что национально-культурные объединения не являются замкнутыми узкоэтническими обществами, они открыты для всех желающих. В числе членов

этих объединений может быть гражданин любой национальности, признающий устав объединения и участвующий в его деятельности¹.

Как функционируют национально-культурные центры? Какую помощь они оказывают мигрантам и оказывают ли ее вообще? Насколько существенна эта помощь в социальной адаптации и интеграции беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан? В поисках ответов на эти вопросы мы изучили работу тех НКЦ, расположенных в Уфе, где находится две трети вынужденных переселенцев от общего числа официально зарегистрированных мигрантов, находящихся на территории республики.

По официальным итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., в Башкирии совокупная численность выходцев с Кавказа составила около 20 тыс. чел. Однако в ходе опроса лидеры национально-культурных обществ отметили, что официальные данные переписи не вполне соответствуют фактической численности этнических групп, которая в действительности заметно выше той, которую зафиксировала перепись. Тем не менее мы опираемся на официальные данные. В 2002 г. в Башкирии насчитывалось 8784 армянина, 5026 азербайджанцев, 1341 грузин, 1195 чеченцев, 1038 греков (в большинстве своем выходцев с Кавказа), 577 езидов, 313 лезгин, 262 осетина, 258 даргинцев, 239 аварцев и т. д.

За межпереписной период (1989-2002 гг.) численность практически всех кавказских этнических групп в республике резко увеличилась (от 2 до 4 раз). Абсолютное большинство мигрантов с Кавказа осели в городской местности. При этом довольно значительная их часть сохраняет гражданство своей страны. Так, перепись зафиксировала на территории Башкирии 12 756 чел., имеющих гражданство стран СНГ, в том числе 2102 гражданина Армении, 1553 – Азербайджана и 470 – Грузии.

Наиболее крупной среди так называемых новых в Башкирии является армянская община. При этом надо отметить, что и в советское время численность армян росла: по переписи 1970 г. в республике их насчитывалось 1174, в 1979 г. – 1517, в 1989 г. – 2258, в 2002 г. – 8784. Как видим, демографический скачок произошел именно в 1990-е годы. В отличие от других новых этнических сообществ значительная доля армян выбирает для местожительства сельскую местность. Последняя перепись зафиксировала в селах и деревнях республики 2664 чел., что составляет более 30% от общей их численности армян Башкирии. В республике уже около 10 лет функционирует армянский национально-культурный центр "Севан", председателем которого является предприниматель А. Мурадян.

¹ Латыпова В. В. Деятельность национально-культурных объединений по гармонизации межнациональных отношений в Башкортостане // Вестн. Академии наук Республики Башкортостан, — 1999. — Том 4. — № 4. — С. 69.

Второй по численности новой в регионе этнической группой являются азербайджанцы – 5026 чел. Азербайджанский национально-культурный центр РБ был образован в 2001 г. С момента возникновения центра его возглавляет бизнесмен А. Мамедов. По его словам, в центре зарегистрированы более 3 тыс. чел., а всего в Башкирии проживают не менее 35 тыс. азербайджанцев. При центре создан Совет старейшин, состоящий из 9 чел., который участвует в воспитании и приобщении к родной культуре и языку молодых азербайджанцев, формировании у них уважительного и толерантного отношения к представителям других культурных групп Башкирии. Но Совет также участвует и в "выдворении за пределы республики своих земляков, нарушающих общественный порядок в данной местности". Этот центр осуществляет консультации с органами внутренних дел РБ по вопросу облегчения оформления регистрации трудовых мигрантов. У центра есть намерение открыть азербайджанский общественно-культурный комплекс, где могли бы функционировать воскресная и музыкальная школы, библиотека, спортивный зал, кафе азербайджанской кухни.

Республиканская газета "Башкортостан" опубликовала статью о А. Мамедове². На конкретном примере жизненного пути выходца из Баку, юриста по образованию, начавшего свой бизнес (производство тротуарной плитки) с нуля и успешно развивающего его, уже сегодня обеспечивая работой 20 чел., газета развенчивает миф о том, что приезжие с юга добывают деньги легким путем. Среди них есть и строители, и учителя, и врачи. Многие заняты торговлей фруктами. По словам предпринимателя, сегодня в республике люди жалуются, что нет рабочих мест. Но это неправда. "У желающих работать есть все условия, только не надо лениться. Государство выделяет кредиты. Удивительно, что многие считают работой только работу в государственных предприятиях или учреждениях. А ведь можно открыть и свое дело. Например, возьми в аренду пустое поле и сажай лук, картофель и другие овощи. И дети твои будут расти, приобщаясь к труду. Мало вырастить продукцию. Многие, потратив большие силы, ленятся сами продавать выращенную продукцию, а задешево отдают перекупщикам. Поэтому я пожелал бы, чтобы люди умели оценивать свой труд, а также были решительными в достижении поставленной цели".

Перепись населения 2002 г. зафиксировала в Башкортостане 1341 грузин. Эта часть новых жителей в меньшей степени, чем азербайджанцы и армяне, заняты в торговле и строительном бизнесе, поэтому менее заметны в повседневной жизни республики. Тем не менее еще в 2000 г. был создан Республиканский центр грузинской национальной культуры им.

² Газета "Башкортостан" (на башкирском языке), 2005, июнь. Спецвыпуск.

Ш. Руставели. Председателем центра стал Н. Болквадзе, который проживает в Башкирии с 1998 г. Наряду с другой общественной деятельностью, с 2000 г. Н. Болквадзе занимается налаживанием более тесных экономических и культурных связей Башкирии с Грузией. Грузинское общество республики за годы своего существования достигло определенных результатов. Так, в 2002 г. состоялась поездка детского творчества коллектива "Идель" ДК завода УЗЭМИК (Уфа) на Международный фольклорный фестиваль "Батуми – 2002". В 2003 г. в Уфе открылась первая Грузинская воскресная школа им. И. Чавчавадзе. По инициативе центра и при поддержке администрации города Уфы на улице Шота Руставели планируется возведение грузинской православной церкви, для чего в 2002 г. выделено 2 га земли³. В апреле 2004 г. в Уфе прошел День грузинской культуры и литературы, в программу которого входила презентация книги Н. Болквадзе "Грузинское застолье. Искусство тамады". В здании Национальной библиотеки прошла книжная выставка под названием "Грузия в фондах Национальной библиотеки имени Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан" и концерт, в котором приняли участие известные артисты республики, детские танцевальные ансамбли "Идель" и "Септима", а также группа "Маэстро" из Грузии.

Грузинская диаспора очень редко привлекает внимание местных СМИ. Исключением стала антигрузинская кампания, которая развернулась осенью 2006 г. в связи с осложнением российско-грузинских отношений. МВД РБ осенью провело акцию, направленную на выявление законности пребывания на территории республики выходцев из Грузии, их занятий.

Осенью 2006 г. в милицейских сводках содержались комментарии о выявленных правонарушениях, совершенных лицами грузинского происхождения. Пресс-служба МВД РБ в своей информационной сводке поместила сообщение под названием "Грузинский вариант" – так на языке милицейских оперативников называются кражи вещей из машин с помощью отвлекающего маневра. Для наглядности приведем цитату из этого сообщения: "Традиционно на подобном криминальном сценарии специализируются преступные группировки выходцев из Грузии. Жертва – автовладелец, цель – сумка в салоне машины. Уфимские милиционеры с поличным задержали злоумышленника, который промышлял подобными кражами. Выбирать своих жертв 50-летний уроженец Грузии – вор с солидным стажем – предпочитал на стоянках у супермаркетов или рынков..." Подобный вид преступлений характерен для грузинских группировок, – заявил начальник криминальной милиции УВД г. Уфы А. Авдеев. – Их представители, как правило, не задерживаются в одном городе надолго: "отрабатывают" месяц-другой и уез-

³ Болквадзе Н. М. Долг. По следам предков. — Уфа. 2005.— С. 39.

жают. Пожилой грузин попался с поличным, когда пытался совершить очередную кражу. Пока он следил за жертвой, оперативники не спускали глаз с подозреваемого. Едва чужая сумка оказалась в руках злоумышленника, его задержали сотрудники столичного УВД⁴. Сотрудники министерства внутренних дел РБ устраивали проверки документов на улицах, в общественном транспорте, на рынках. Выявленные в ходе этой акции факты правовых нарушений широко комментировались на страницах республиканских СМИ. Безусловно, эта акция, "разрекламированная" в прессе, имела общественный резонанс, вызвав определенную нервность в публичных местах и, прежде всего, на городских рынках. Так, в октябре 2006 г. на одном из рынков Уфы можно было наблюдать любопытную картину. Торговец фруктами над своей торговой лавкой установил плакат с надписью "Я – не грузин!".

В Уфе действует официальное представительство Дагестана в Республике Башкортостан. "Дагестанская диаспора в Башкирии насчитывает около полутора тысяч человек, – рассказал представитель Дагестана в РБ В. Сулейманов. – Наша задача – помогать землякам во всем: в обучении, медицинском обслуживании, разрешении конфликтных ситуаций".

В 2004 г. был создан Дагестанский национально-культурный центр им. Р. Гамзатова. Возглавляет ДНКЦ М. Султанмагомедов. Он родился в Дагестане, но с 1976 г. живет в Уфе, руководит небольшим предприятием. В 1980 г. женился на местной девушке-башкирке, имеет двух взрослых сыновей. По словам М. Султанмагомедова, несмотря на то, что ДНКЦ существует недавно и насчитывает лишь 140 чел., дагестанцы в Башкирии активно проявили себя не только в проведении праздников (Навруз, Курбан-Байрам и др.), но и в общественно-политической жизни республики. В 2005 г. на свои средства ДНКЦ построил сборный шатер и "Национальный дворик", которые находятся в поселке Иглино под Уфой, их привозят в столицу Башкирии во время проведения различных праздников. Султанмагомедов "по-отцовски" помогает 12 студентам из Дагестана, обучающимся в вузах РБ. Все они – аварцы, агульцы, даргинцы, лезгины, кумыки и др. Между собой они ладят и живут дружно. Совместно с ДНКЦ принимают активное участие в проведении праздников в республике – танцуют дагестанские танцы, исполняют народную музыку на своих национальных инструментах. ДНКЦ всячески (прежде всего – морально) поддерживает и своих земляков – солдат срочной службы, которые служат в республике. В Башкирию из Дагестана приезжают на заработки специалисты разных профессий – юристы, экономисты, спортсмены, строители. ДНКЦ оказывает им разъяснительную и консультативную помощь, а также помогает устро-

⁴ Сообщение пресс-службы МВД РБ.

иться на работу. Кто-то остается в республике, кто-то уезжает обратно. По словам Султанмагомедова, у ДНКЦ хорошие взаимоотношения с Управлением миграционной службы республики.

После февральского (2006 г.) инцидента в стройбате в Уфе, когда своими сослуживцами был убит солдат-дагестанец, В. Сулейманов объезжал воинские части на территории республики и раздал землякам номера телефонов, по которым можно связаться с постпредством. Во всех войсковых частях, дислоцированных в Башкирии, командиры знают, что в случае каких-либо осложнений надо звонить в представительство Дагестана, и любые конфликты можно разрешить. "Но мы не ждем, когда поступят тревожные сигналы. Наступает выходной – и мы едем на очередную встречу с бойцами", – говорит Сулейманов.

Помимо военнослужащих срочной службы постпред Дагестана считает своим долгом опекать земляков, приехавших в Башкирию на работу. "Находясь в гостях, нужно вести себя порядочно. Порою приходится объяснять и такую, казалось бы, истину, – продолжает представитель республики. – Тем соотечественникам, кого не можем воспитать, покупаем билет и отправляем домой. Мы за своих земляков должны отвечать".

По данным переписи 2002 г., в Башкортостане проживают 1,2 тыс. чеченцев, в основном – в Уфе, Салавате и Мелеузе. Представительство Чеченской Республики в Башкортостане существует уже около десяти лет. Было оно и при А. Масхадове, и при З. Яндарбиеве, и при А. Кадырове. По нашим данным, в Башкортостане сейчас проживает около трех тысяч чеченцев. Основная часть чеченской общины сосредоточена в Уфе. Представительство Чеченской Республики в РБ и Чеченский национальный культурный центр помогают землякам решать социальные вопросы.

В Башкортостане чеченцы работают во многих отраслях. Есть среди переселившихся врачи, юристы, бизнесмены, педагоги. Почти во всех вузах Башкортостана учатся студенты чеченцы. После восстановления Чеченской Республики многие из чеченцев вернутся на историческую родину, прежде всего, речь идет о студентах.

Совместно с Представительством действует Чеченский национальный культурный центр РБ. В 1994 г. в Уфе учрежден чеченский общественно-культурный центр "Барт" ("Согласие"), председателем которого с момента создания является Л.-А. Исраилов. С 1997 г. центр работает при Доме Дружбы народов Республики Башкортостан. "Барт" стремится сохранить родной язык и самобытную культуру чеченского народа. Два раза в неделю дети собираются в Доме дружбы для занятий чеченским языком. Рады чеченцы и приезду артистов с родины, в организации гастролей которых "Барт" принимает самое активное участие. Важным событием для чеченской общины и для всей республики стали дни чеченской культуры, которые проходили в 1998 г. Тогда в республике с большим успехом прошли выступления ансамбля "Вайнах" и выставка работ че-

ченских художников. Тогда же проходили и дни чеченской молодежи в Башкортостане, в частности, в Мелеузовском и Бурзянском районах. Башкортостан неоднократно направлял гуманитарную помощь в Чечню. Только в 2005 г. было передано более 15 тыс. томов учебно-методической и художественной литературы, в том числе Грозненской школе-интернату. В вузах Башкортостана обучается более сотни студентов и аспирантов, большинство – в медицинском университете.

В Башкирии сложилась относительно благоприятная экономическая ситуация и социально-культурная среда для интеграции мигрантов, в том числе выходцев из Закавказья и с Северного Кавказа. Лидеры национально-культурных центров единодушно отметили благожелательное отношение к представителям своих диаспор, как населения, так и государственных структур и работников органов общественного порядка. В течение 2005 – 2006 гг. нами было опрошено около 50 имамов в различных городах и районах Башкирии, которые также подтвердили толерантное отношение "местных" мусульман (татар и башкир), в том числе и духовенства к представителям кавказских общин республики.

По итогам Всероссийской переписи населения России 2002 г. в Башкортостане проживает 4092 казахов⁵. В конце 1990-х годов в республике был создан Казахский национально-культурный центр "Ак-Бота". Основал КНКЦ член Совета писателей РБ М. Шекебаев, продолжили его дело М. Абилов и С. Раимкулов. С декабря 2006 г. КНКЦ "Ак-Бота" возглавляет М. Шумова – кандидат химико-биологических наук, которая еще в 1979 г. переехала в Башкирию. КНКЦ "Ак-Бота" принимает активное участие в республиканских мероприятиях, например, в проведении дня Республики, дня города и др. Помимо этого энергичный руководитель КНКЦ пытается "сблизить" друг с другом казахов в республике. КНКЦ обращается в организации, учебные заведения республики с запросами о наличии работников или студентов, по национальности казахов, которые могли бы участвовать в работе центра. Так, например, была организована встреча с 15 курсантами Школы МВД, казахами по национальности. Но есть вопросы, которые, по словам Шумовой, должны решаться на республиканском уровне: "На сегодняшний день национально-культурным центрам, которые работают на общественных началах, должны дать такой статус, по которому руководители этих центров могли бы получать хотя бы минимальную заработную плату, что позволило бы оплатить канцтовары, мобильную связь. В нашем центре нет коммерсантов, в основном учителя, врачи. Зарплата у них маленькая, а мероприятия, которые мы проводим, в основном за

⁵ Янгузин Р. З. Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.) — Уфа: Китап, 2007. — с. 14.

свой счет. А если бы была хорошая информированность населения о нашем центре, то мы, общаясь со своими соплеменниками, могли бы решать свои насущные проблемы... Приезжающие из Казахстана в Башкирию люди были бы уверены в себе, если бы знали, что в республике существует и работает Казахский национально-культурный центр"⁶. В КНКЦ "Ак-Бота" не имеют полной информации о вынужденных переселенцах. Но по возможности организация помогает своим соотечественникам в решении вопросов, связанных с иммиграцией, регистрацией, трудоустройством. "Возникали трудности, так как отсутствие законодательной базы препятствовало легализации обратившихся к нам"⁷.

По данным переписи 2002 г., в Республике Башкортостан проживает 2939 таджиков. Две трети численности таджиков проживает в городах Белорецке, Октябрьске, Салавате, Стерлитамаке, Уфе⁸. Еще в 1999 г. в Башкирии был создан Центр таджикской национальной культуры им. И. Сомони. В центре зарегистрировано около 1000 чел. ЦТНК возглавляет У. Мирзорахматов, он родом из Таджикистана. Долгое время на родине он работал учителем химии и биологии, в Башкирию приехал в 1994 г. к своим ученикам, которые пригласили его, так как в Таджикистане в это время шла гражданская война. В настоящее время является директором фирмы "Раст". В центре имеется фонд, который пополняется за счет пожертвований членов общества. Из этого фонда осуществляется адресная помощь нуждающимся. Средства выделяются на празднование Курбан-Байрама. Помогают и тем, кто отправляет умершего на родину в Таджикистан. Центр ведет разъяснительную работу среди приезжающих, как нужно вести себя здесь, в Башкортостане. По словам Мирзорахматова, "молодежь, которая отрывается от дома, начинает вести себя слишком свободно, курит, пьет пиво, а это недопустимо. Для этого и нужны беседы о нравственности с ними. Наш центр объявил, что не будет помогать лицам, нарушающим законы РФ"⁹. С миграционной службой РБ центр имеет хорошие отношения. "Если приезжают таджики поработать в Башкортостан, то работают хорошо, в основном шоферами, либо на стройке, либо в ЖЭУ. Обидно, что имеющиеся в республике таджикские цыгане занимаются попрошайничеством, и местное население думает, что таджики не хотят или не умеют работать, а это не так".

В 2002 г. была учреждена "Ассоциация таджиков и персоязычных народов Республики Башкортостан "Пайванд". Возглавлял ее бывший

⁶ Интервью было проведено нами 15.11.2007 г.

⁷ Шумова М. З. Цели и задачи Центра Казахской Национальной культуры "Ак бота" // <http://www.brobs.ru>.

⁸ Янгузин Р. З. Указ соч. С. 19, 37, 39, 43, 49.

⁹ Интервью было проведено нами 05.03.2008 г.

гражданин Таджикистана М. С. Хашимов, который со своей семьей переехал в г. Уфу в 1995 г. Под его руководством была проведена определенная работа: вручение новогодних подарков детям членов Ассоциации, оказание адресной помощи нуждающимся, организация сбора средств и отправка в Таджикистан для предания земле умерших в Уфе таджиков. Положительным моментом в деятельности этого национально-культурного объединения являлось оказание помощи своим землякам, прибывающим в Башкортостан из стран ближнего зарубежья. В Уставе ассоциации имелся пункт: "оказание материальной и иной помощи переселенцам и беженцам из Таджикистана в период их благоустройства и определения места жительства на территории Республики Башкортостан, а также социальная помощь незащищенным лицам, семьям погибших от межнациональных конфликтов"¹⁰. Это наглядно проявлялось в работе центра. Общество постоянно помогало следователям и судьям в предоставлении переводчиков и в доставке документов из Таджикистана, оказывало помощь в трудоустройстве прибывающих земляков в Башкортостан. Планировали создать юридический отдел. Но затем деятельность ассоциации была приостановлена.

Численность узбеков в Республике Башкортостан составляет 5145 чел¹¹. Но, по мнению руководителя Узбекского национально-культурного центра "Дустлик" И. Ахунбабаева, узбеков в республике проживает в 2-3 раза больше, чем гласят официальные данные, причем более половины – это люди, приехавшие в регион еще в советское время, 30-40 лет назад. Большая часть из них осела в городах. Ахунбабаев основал и возглавляет в республике центр "Дустлик". Сам он – узбек из Ошской области Киргизстана. Двадцатилетним юношей Ахунбабаев приехал в Башкирию к своим друзьям в 1995 г. Свою трудовую деятельность начал на колхозном рынке Уфы в качестве частного предпринимателя, продавал фрукты. В настоящее время он – директор предприятия ООО "АИМ – Фортуна", имеет сеть магазинов и кафе. Живет в гражданском браке с женщиной, по национальности татаркой. По словам Ахунбабаева, было бы хорошо, если бы в Республике Башкортостан была узбекская диаспора, которая могла бы решать не только вопросы культуры, но и другие, в том числе и вопросы помощи трудовым мигрантам из Узбекистана¹².

Основной целью НКЦ является изучение узбекского языка, обычаев и культуры узбекского народа. Центр активно принимает участие в различных республиканских мероприятиях: Наврызе, Курбан-Байраме и др. Но Узбекский НКЦ "Дустлик" отказался принимать участие в праздновании в республике Наврыза 10 марта 2007 г., на который были

¹⁰ Устав "Ассоциации таджиков и персоязычных народов Республики Башкортостан "Пайванд".

¹¹ Янгузин Р. З. Указ соч., с. 14.

¹² Интервью было проведено нами 16.08.2007 г.

приглашены все национально-культурные центры РБ, сославшись, что Наврыз должен праздноваться только 22 марта. Помимо культурной деятельности члены УНКЦ "Дустлик" решают другие насущные проблемы. В частности, помогают выходцам из Узбекистана, которые к ним обращаются: объясняют, где находится миграционная служба РБ, как устроиться на работу. Помогают и с оформлением документов для отправки умерших на родину в Узбекистан.

В Башкирии насчитывается 701 туркмен¹³, но, несмотря на малочисленность, в 2001 г. они создали Туркменский центр национальной культуры РБ. По Уставу основными видами деятельности центра являются: удовлетворение национальных, духовно-культурных потребностей туркменского народа, проживающего на территории РБ; возрождение и развитие культурных ценностей и национальных традиций; выявление и установление контактов с туркменскими диаспорами за пределами РБ, государством Туркменистан и странами СНГ; поиск путей и компромиссных решений в национальных вопросах, устранение международных конфликтов и трений, содействие установлению народной дипломатии.¹⁴ Ведется подготовительная работа по созданию воскресной школы для обучения детей на туркменском языке, языковых курсов, исторического музея. Центр принимает активное участие в праздновании Новруза, Дня Республики и др. Президентом ТЦНК РБ является С. Х. Шанглиев, туркмен по национальности. Он с глубоким уважением относится к духовным ценностям местного населения республики. Уже после переезда в Уфе обзавелся семьей, живет скромно – без излишеств и показного шика, не теряет связей с родиной – Туркменией.

В прошлом Шанглиев – директор частного предприятия "Туркменбаши". Предприятие он организовал в 1993 г. Цели и задачи фирмы были просты: развивать социально-экономические отношения между двумя географически удаленными республиками. Благодаря его усилиям в Башкортостан поставлялись экологически чистые фрукты и овощи. Он наладил деловые взаимоотношения с ответственными работниками Кабинета Министров РБ. Совместно со специалистами Министерства внешних связей и торговли РБ принимал участие в обсуждении и подготовке документов по установлению и развитию торгово-экономических взаимоотношений между Республикой Башкортостан и Туркменистаном. По поручению и согласно представленным руководством министерства полномочиям в июне 1999 г. выезжал в рабочую командировку в г. Ашхабад. В процессе встречи с работниками министерств и ведомств Туркменистана были рассмотрены предложения по взаимным поставкам продукции, установлению прямых торговых отношений. По резуль-

¹³ Янгузин Р. З. Указ соч., с. 14.

¹⁴ Устав Общественной организации "Туркменский центр национальной культуры" Республики Башкортостан.

татам переговоров в последующем был заключен контракт на 8 млн долларов¹⁵. В 1999 г. С. Х. Шанглиев выступил в роли посла доброй воли и в то же время доверенного лица Министерства внешних связей и торговли Республики Башкортостан. Он передал в МВС Туркменистана башкортостанский проект Соглашения о взаимном сотрудничестве. Оттуда он привез Протокол, горячо приветствующий подобные намерения государственных и коммерческих структур нашей республики. В настоящее время помогает трудовым мигрантам устроиться на работу.¹⁶

Региональная общественная организация Центр кыргызской культуры "Ала-Тоо" Республики Башкортостан появился в 2006 г. "Нас, киргизов, в Башкортостане очень мало и живем мы в разных районах республики. Сама находила соотечественников, да и муж помогал, он при должности, – сказала председатель центра С. А. Алиева. – Встретившись и пообщавшись между собой, решили, что нужно создать Центр, где могли бы мы собираться и решать сообща не только наболевшие вопросы, но и встречаться "для души". В том же году центр принял участие в фестивале тюркоязычных театров "Туганлык", а в 2007 г. – в проведении национального праздника "Наврыз". Руководитель центра несколько раз выступала по радио, после чего в Центр стали приходить новые люди. Стали посещать также и трудовые мигранты. "В настоящее время идет большой отток молодого поколения из Киргизии, но едут в основном в Свердловскую область на заработки, так как есть прямой поезд Бишкек-Свердловск. В Уфу мало едут, так как нет прямого поезда. Но если приезжие обращаются за помощью, то стараемся по мере возможности помочь" – заверила Алиева¹⁷.

Эти и многие другие факты свидетельствует о значительной на сегодня роли этнокультурных центров в социальной адаптации представителей новых мигрантских сообществ – и кавказских, и среднеазиатских. По сути, самостоятельные объединения стали эффективным, а зачастую и ключевым каналом интеграции. С одной стороны, национально-культурные центры представляют собой форму этнической самоорганизации граждан, с другой – форму сотрудничества новых этнических сообществ с органами государственной власти и местного самоуправления. Это оказывает большой положительный эффект на восприятие новой среды самими мигрантами и безусловно способствует тому, что сравнительно быстро они начинают ассоциировать себя с полноправными членами сообщества и участниками экономической, политической и культурной жизни в Башкирии.

¹⁵ Рабочий протокол ТНҚС РБ от 23.08.1999 г. № 17 (Данные текущего архива Туркменского центра национальной культуры Республики Башкортостан).

¹⁶ Интервью было проведено нами 25.03.2008 г.

¹⁷ Интервью было проведено нами 15.11.2007 г.

Общины выходцев из Средней Азии и Кавказа в Чувашии

И. И. Бойко, В. А. Харитонов

В Чувашии инокультурные приезжие чувствуют себя гораздо комфортнее, чем их соплеменники в соседних российских регионах. Это не означает отсутствие бытового неприятия, особенно на местных рынках. В целом процесс включения в экономику для живущих в республике представителей Кавказа, Средней Азии не имеет серьезных препятствий. Проблемы интеграции с местным сообществом для различных категорий мигрантов не одинаковы, поскольку разные категории имеют с точки зрения адаптации различные цели. Однако успешность интеграции кавказцев и азиатов в значительной мере определяется позицией органов государственной и муниципальной власти.

После переписи населения 2002 и до 2007 гг. численность новых для республики этнических общин изменялась, судя по всему, незначительно. Но после упрощения процедуры получения гражданства бывшими жителями СССР, после запрета ведения торговли иностранными гражданами, с упорядочением квотирования рабочих мест эти перемены стали более заметными. Согласно переписи 2002 г., в Чувашии общая численность этнических групп с Кавказа равнялась чуть более 3 тыс. чел., а из бывших азиатских республик СССР – 1 тыс. чел., что в совокупности составляло всего лишь 0,3% жителей республики. Самые многочисленные в Чувашии среди этих групп – армяне — насчитывают 1261 чел., местные азербайджанцы – 857 чел., грузины – 405 чел. Таджиков насчитывалось по той же переписи 383 чел., узбеков – 356, казахов – 240. Среди представителей северокавказских народов чеченцы составляют чуть более 100 чел., аварцы – 73 чел., лезгины – 66 чел., осетины – 65 чел., ингуши – 42 чел., даргинцы – 30 чел. Абсолютное большинство представителей новых групп в Чувашии – горожане. Значительная их часть является гражданами России. Заняты в сфере услуг и торговле, строительстве, транспорте, отраслях бюджетной сферы.

По мнению представителей армянской общины на их достаточно интенсивном притоке в Чувашию кроме информации о республике от уже проживавших в ней соотечественников (318 чел., по данным 1989 г.) сказались контакты армян и чувашей после декабря 1988 г. в разрушенном землетрясением Спитаке. В этом городе работали группы чувашских строителей, которые своим отношением к делу и челове-

ческими качествами оставили у местных жителей доброжелательное представление о Чувашии. Миграционное сальдо со странами СНГ и Балтии для Чувашии выражается положительным значением, но в абсолютном выражении ежегодно оно равнялось 200-250 чел., и к 2006 г. общий прирост численности общин с Кавказа составил около 400-500 чел.

Абсолютное большинство кавказцев Чувашии – горожане. Так, среди армян они составляют 94,3%, среди азербайджанцев – 93,2%, среди грузин – 89,9%. От 80 до 100% представителей северокавказских народов также являются городскими жителями республики. Перепись 2002 г. зафиксировала в Чувашии 1832 иностранных гражданина, в том числе 303 – из Армении, 263 – из Азербайджана и 132 – из Грузии. С большой долей вероятности можно предполагать, что в абсолютном большинстве это армяне, азербайджанцы и грузины. Кроме того, следует иметь в виду, что в Чувашии насчитывалось 196 чел., имеющих 2 гражданства, 607 чел. без гражданства и 1578 чел. гражданство не указали. В составе всех указанных категорий от двух третей и более составляли лица в трудоспособном возрасте. Основные сферы занятий: торговля, оказание услуг, производство некоторых товаров. Среди старожилов с Кавказа имеется немало лиц, занятых в различных отраслях промышленности, в здравоохранении, образовании.

В Чувашии армяне и азербайджанцы создали национально-культурные общества. Председателем республиканской армянской общины длительное время работал врач, в свое время приехавший в Чебоксары по распределению, Г. Алтунян, затем – народный художник Чувашии М. Григорян. В конце 1980-х годов было создано чувашско-азербайджанское общество дружбы, которое возглавляет предприниматель А. Алиев. В конце 2003 г. в Чебоксарах было организовано республиканское отделение Всероссийского азербайджанского конгресса, которым руководит заместитель директора одного из чебоксарских предприятий Э. Гасанов.

Существует одна важная проблема, от понимания и решения которой зависят действия властей по формированию общероссийской гражданской идентичности. Речь идет о дистанцировании народов Кавказа от конструкта "народы Чувашии", по крайней мере, если не в вербальных, то в фактических действиях. На наш взгляд, для многих представителей власти они остаются "приезжими", даже если у большинства армян, азербайджанцев, грузин имеется российское гражданство и они намерены постоянно жить в России, в данном случае – в Чувашии. Собственно, наличие российского гражданства суть дела не меняет, поскольку такое же отношение прослеживается и к северокавказским народам. В 2004 г. республиканским Минкультуры разрабатывалась программа реализации Концепции государственной национальной политики Чувашской Республики на 2006-2012 гг. В состав

рабочей группы были включены руководители национально-культурных объединений чувашей, русских, татар и мордвы. Кавказские народы представлены не были, не приглашались они и на обсуждение разрабатываемых проектов. К ним обратились только с просьбой подавать заявки на проведение конкретных мероприятий в разрабатываемый проект. На наш взгляд, это своеобразный индикатор отношения министерства к проблеме включений, интеграции приезжих в местное сообщество. Справедливости ради следует отметить, что в принятой программе пункт о поддержке традиционных культур имеется, но было бы верным при разработке общереспубликанских документов привлекать и представителей кавказских народов, хотя бы с представительской точки зрения.

Другое республиканское министерство, ведущее работу с мигрантами с Кавказа, – Министерство внутренних дел ЧР. В его структуре имеется центр антитеррористической информации, который имеет непосредственные контакты с общинами. Между центром и армянским и азербайджанским обществами заключены соглашения о сотрудничестве, которые предполагают предотвращение криминальных действий, подготовку сотрудников МВД к работе в иноэтнической среде. Руководитель республиканского отделения азербайджанского конгресса Э. Гасанов включен в состав общественного совета при МВД ЧР.

Среди населения Чувашии бытуют разные представления о кавказцах. На некоторых форумах интернета достаточно оживленно обсуждаются проблемы, связанные с их включением в местное сообщество, даются оценки не только отдельным личностям, но и целым народам. Чаще всего в таких дискуссиях участвует молодое поколение. Мнения встречаются прямо противоположные. После событий в Кондопоге на чебоксарском молодежном форуме RUS.21 прошел обмен мнениями по этому поводу. В ходе высказываний поступило предложение "объявить бойкот торговле всем лицам с Кавказа...". Один из участников отметил, что нельзя "заострять внимание на национальном вопросе", поскольку проблемные люди есть в любом этносе. Участники высказывались в пользу и той, и другой точки зрения, что свидетельствует о наличии как отрицательных стереотипов в отношении выходцев с Кавказа, так и здравого смысла, основанного на понимании равенства всех этнических групп Чувашии. Один из авторов статьи оказался свидетелем мелкого конфликта в июле 2006 г. на продовольственном рынке в Чебоксарах. Местная женщина заняла пустовавшее торговое место и начала торговать зеленью. Азербайджанец, владелец торгового места, появившийся позднее, потребовал освободить его, объясняя женщине, что он платит деньги, он здесь работает. Когда же он услышал вопрос "Откуда ты приехал?", то с негодованием ответил: "Какая разница, откуда я приехал". Важно, что он говорил это, не боясь агрессивной реакции по-

купателей, абсолютное большинство которых составляли чуваша и русские. Женщины-продавцы, торговавшие рядом, начали объяснять "захватчице", что он действительно платит деньги за право торговли на этом месте и она поступила неправильно. На том же рынке продавцы на вопрос "Персики (яблоки и т. д.) иностранные?" чаще всего отвечают: "Нет, узбекские (молдавские и т. п.)".

С 2007 г. заметно увеличилась доля иностранцев, прибывающих в Чувашию для работы на предприятиях, получивших квоты. Распределение иностранной рабочей силы по неполным данным за 2008 г. выглядит следующим образом: предприятия обрабатывающей промышленности Чувашии получают 46,5% трудовых мигрантов (в 2007 г. – 30,7%), строительство – 15,8 (9,0), общепит – 8,4 (11,6), легкая промышленность – 7,9 (6,8), торговля – 6,3 (23,2), транспорт – 4,6% (8,1%).

В связи с ростом квот на привлекаемую извне рабочую силу наиболее возросла в Чувашии численность узбеков – почти в 10 раз. Правда, следует иметь в виду, что речь идет о трудовых мигрантах, которые проживают в республике непостоянно.

Именно в обрабатывающей промышленности рост доли занятых произошел за счет иммигрантов из Узбекистана, которые получают трудовую визу на один год. Всего доля граждан этой страны в составе рабочих, прибывших в Чувашию в первом квартале 2008 г., составила 69%. Доля приезжих из Таджикистана составила в этой отрасли лишь 10,9%, из Азербайджана – 5,9, из Армении и Украины – по 5,0%.

В то же время происходило уменьшение численности некоторых общин. По оценкам руководителей Чебоксарского отделения Всероссийского азербайджанского конгресса, в Чувашии по состоянию на 2008 г. может насчитываться 500-550 азербайджанцев. Полагают, что улучшилась жизнь в самом Азербайджане, поэтому часть общины возвращается на родину. Свою роль сыграло и введение запрета на занятие иностранцами торговлей на рынках, вынудившее некоторых свернуть деятельность в России. Такие же процессы наблюдаются и среди грузин.

Тот же запрет на торговую деятельность активизировал деятельность таджиков по получению российского гражданства. В отличие от других государств у Таджикистана имеется соглашение с Россией о двойном гражданстве, и многие выходцы из этой страны пользуются этим правом. В 2006 г. приобрели гражданство 646 чел., представляющих различные этнические группы, в 2007 г. – 938 чел. За пять месяцев 2008 г. численность российских граждан за счет иммигрантов возросла на 371 чел., то есть практически сохранились темпы 2007 г., хотя и с некоторым отставанием.

Рабочие мигранты являются в основном горожанами: в 2008 г. в Чебоксарах и соседнем Новочебоксарске было сосредоточено 71,3% всех

мигрантов, в трех других городах – еще 8,3%. Практически вдвое возросла среди иммигрантов доля тех, кто осел в Чебоксарском районе – 7,0% (в 2007 г. – 3,7%), что связано с открытием здесь швейного производства, на котором работают швеи из Таджикистана. Некоторые иммигранты работают на предприятиях сельскохозяйственного направления.

Среди общин выходцев из Кавказа можно выделить, по крайней мере, две группы, имеющие различные цели с точки зрения включения в экономику и в целом в местную жизнь. Первые – это те, кто прибывает в Россию с целью накопления финансовых средств и регулярной отправки доходов на родину. Их обычная сфера применения труда – розничная и мелкооптовая торговля. Для них важно не столько активное включение в местную среду, сколько целевое приспособление к местным порядкам. Другая группа приезжих ориентирована на более глубокую интеграцию – включение в производство, предпринимательскую, культурную, образовательную деятельность с целью остаться в Чувашии на постоянное проживание.

Значительно возросла группа мигрантов, приезжающих по рабочим визам на один год. Безусловно, группа не является однородной – некоторые намерены заработать в России средства и поэтому планируют приезжать сюда неоднократно, не претендуя, однако, на российское гражданство. Но иные думают о его получении. Есть и такие, кто не хочет вновь приезжать в Россию на заработки. Наконец, из тех, кто вновь хочет приехать на заработки, не все выберут Чувашию, поскольку распространено мнение о невысокой заработной плате на чувашских предприятиях.

В ходе бесед с представителями узбекского, таджикского и азербайджанского сообществ, а также некоторых работодателей и миграционных служб были выявлены мнения разных сторон о проблемах, с которыми сталкиваются мигранты в Чувашии. По мнению практически всех заинтересованных лиц, в Чувашии сохраняется высокий уровень толерантности к гражданам южных республик бывшего СССР.

Сами мигранты в беседе с нами не раз заявляли, что в Чувашии чувствуют себя гораздо комфортнее, чем их друзья, знакомые, родственники в соседних регионах. Таким же "спокойным" регионом называли и Республику Марий Эл. Впрочем, бытовое неприятие, особенно на рынках, вымогание взяток – все это имеет место. Бывают случаи и откровенного проявления ксенофобии. На одном из предприятий Чебоксар представитель работодателей говорил о факте избиения в 2008 г. одного из рабочих-узбеков группой скин-хедов в день рождения Гитлера. Нападавших обнаружить не удалось.

Но в целом обстановка в республике мигрантов вполне устраивает. Как говорят сами мигранты, на самом производстве, в частности, на

промышленных предприятиях отношения с местными рабочими нормальные. О проблеме конкуренции практически никто не говорит, поскольку в республике на предлагаемые мигрантам места спроса практически нет. Это неквалифицированные профессии тяжелого ручного труда на литейном производстве (например, обрубщики, формовщики). В среднем заработная плата в месяц составляет 10-15 тыс. руб. При этом предприятие обеспечивает рабочих инструментом, спецодеждой. За проживание в общежитие, которое предприятие снимает для своих рабочих, оно платит две трети стоимости, рабочие – оставшуюся часть. В первый месяц рабочим выдаются бесплатные талоны на питание.

На одном из машиностроительных предприятий Чебоксар, на котором занято около 200 выходцев из Узбекистана, нам рассказали, что сюда приехали мужчины в возрасте от 19 до 55 лет, но большинство составляют 30-40-летние. Примерно половина из них окончила среднюю школу, около 30-40% – средние специальные учебные заведения и остальные имеют высшее образование. На взгляд работодателей, претендовать на более престижные должности они не могут из-за плохого знания русского языка. Если в целом сравнивать уровень трудовой дисциплины рабочих мигрантов и местных, то, по мнению заводских специалистов, мигранты чаще ее нарушают, особенно в начале трудовой деятельности. Некоторые мигранты полагают, что представители предприятий их обманули во время приглашения на работу, в частности, завышая уровень будущей заработной платы. Якобы им показывали ксерокопии ведомостей, в которых были узбекские фамилии и рабочие расписывались за получение 25-28 тыс. руб. По мнению работодателей и представителей узбекской общины, в Чебоксары на промышленные предприятия вернутся через год только 15-25% работающих ныне мигрантов. Многие будут искать более выгодные предприятия в других регионах. Но и в самом городе Чебоксары ситуация с оплатой труда мигрантов далеко неодинакова на всех предприятиях. Так, приезжие узбеки, работающие на строительстве одного из культурно-развлекательных центров, которое ведет турецкая фирма, получают за свой труд порядка 1 тыс. дол. США. Тем не менее и там имеют место случаи оставления работы и поисков других рабочих мест. Иногда рабочие пускаются на поиски лучшей доли за пределами Чувашии.

В целом в индустриальном производстве взаимоотношения местных и приезжих рабочих в основном нормальные. Более того, часты случаи, когда они проводят вместе не только рабочее, но и свободное время, хотя чаще всего оно не наполнено содержательным досугом. Возникающие проблемы помогают решать лидеры в трудовых коллективах. Чаще всего это более образованные и хорошо знающие русский язык специалисты, которых назначают, например, на должности мастеров.

Они разъясняют соотечественникам требования предприятия, сообщают работодателям проблемы соотечественников, помогают оформлять различные документы.

Случаи неприятия приезжих отмечали представители азербайджанской общины, причем даже те, которые в Чувашии живут по 20-30 лет. Двое из тех, с которыми нам довелось беседовать, начали заниматься в Чувашии сельским хозяйством, стали владельцами небольших предприятий (3 и 5 лет назад), прежние руководители которых распродали до этого технику, скот и прочее, а задолженность по зарплате составляла несколько лет. На первых порах местные жители встретили новых хозяев настороженно, были и оскорбительные высказывания. Особенно провоцировали других те работники, которые не имели доли в хозяйстве (так называемого пая). Но затем люди поверили в новых руководителей, ведь работникам выплачивается регулярная заработная плата, хотя сложности взаимоотношений все же есть. Основная производственная проблема – отсутствие рабочей силы, в том числе квалифицированной, поскольку не хватает механизаторов, водителей, электриков. Те, кто остался в селе, часто пьют, молодежь предпочитает выезжать на заработки в Москву, Нижний Новгород, в города Сибири. Вместе с тем набор рабочей силы из числа мигрантов затруднен, поскольку в республике около 40% жителей проживают в сельской местности, поэтому власти предлагают изыскивать кандидатов именно среди местного населения.

Все же ожидается, что и в сельское хозяйство начнут приезжать работники из бывших республик СССР. По мнению руководителей-азербайджанцев, лучше всего на селе работают узбеки. Опыт такого сотрудничества уже имеется, успешный, но непродолжительный, поскольку хозяйства не имели выделенных квот на привлечение иностранной рабочей силы.

Заметим, что процесс включения в республиканскую экономику представителей Кавказа и Средней Азии не имеет серьезных препятствий, если вести речь о промышленности, сельском хозяйстве, торговле. Такой вывод верен и в отношении тех, кто приехал на постоянное жительство, и в отношении мигрантов, приезжающих в Россию временно. В республике нет особых трудностей для организации их труда и быта в рамках действующего законодательства. Работает специальная государственная комиссия, которую возглавляет министр МВД Чувашии, которая в том числе рассматривает условия труда и быта на предприятиях, где работают иностранные рабочие.

Другое дело, что изменилась жизнь, реальными стали новые политические, экономические, психологические и прочие обстоятельства. Как заметил один из наших собеседников, проживший в Чувашии более 30 лет, раньше его в одном из строительных трестов постоянно награжда-

ли, отмечали хорошую работу, возможно, даже несколько переоценивали как единственного в то время азербайджанца в составе руководящих инженерно-технических работников.

Многие из наших собеседников считают, что в настоящее время для представителей некоторых этнических групп, которые уже не первый год являются гражданами России, нет возможностей получить работу в государственных структурах, правоохранительных органах (если речь не идет о должностях рядового и сержантского состава). По их мнению, каким бы способным не был молодой человек, окончивший вуз в России, родившийся в тех же Чебоксарах, у него практически "нет шансов". По сути, представители новых этнических сообществ убеждены в существовании этнической дискриминации при приеме на работу в некоторые государственные структуры.

В Чувашии действуют 22 общественных объединения, но не все из них зарегистрированы. Среди таких объединений – одно армянское и два азербайджанских. В феврале 2008 г. организован также Узбекский культурный центр Чувашской Республики. На наш взгляд, руководители этих обществ понимают, что процесс интеграции в значительной мере определяется уровнем знаний приезжих о местной культуре, а для местного населения – распространенностью знаний истории, обычаев и традиций тех государств, откуда родом мигранты. В Чувашии ежегодно в июне в ходе проведения Дня республики активисты армянской и азербайджанской (с 2008 г. — и узбекской) общин совместно с русскими, чувашами, татарами, мордвой, марийцами, немцами, евреями знакомят жителей республики, в первую очередь, жителей Чебоксар, со своей музыкальной культурой, национальными блюдами. В ходе традиционных праздников и памятных дней проводятся мероприятия, на которые приглашаются активисты из других этнических объединений, местные жители. Благодаря открытию кавказских кафе и баров в меню жителей Чувашии вошли многие экзотические для этих мест блюда. Старааниями местных азербайджанцев в Чебоксарах одна из улиц носит имя выдающегося философа и поэта Низами, в 2004 г. на этой улице в его честь установлен памятник.

Успех интеграции кавказцев в значительной мере зависит от позиции властей. Одной из важных задач государственных органов стал контроль соблюдениям нового законодательства в отношении иностранных рабочих. В республике контроль осуществляется неукоснительно. Именно в 2008 г. резко увеличилось количество оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление нарушений иммиграционного законодательства. Если за первые 5 месяцев 2007 г. таковых мероприятий было проведено 4, то за такой же период 2008 г. – в 143 раза больше. Было выдворено с территории Чуваш-

ской Республики 34 иностранных гражданина и лиц без гражданства в судебном порядке, направлено 25 представлений о закрытии въезда на территорию РФ. По убеждению работников иммиграционных служб усиление контроля направлено не на наказание, а на предотвращение преступлений. Такие действия себя оправдывают. В течение 5 месяцев 2008 г. на миграционный учет было поставлено на 52,7% больше иностранных граждан и лиц без гражданства, чем за подобный период 2007 г., но количество преступлений, совершенных в отношении их, увеличилось на 38,4%, а количество преступлений, совершенных иностранными гражданами в отношении граждан РФ, снизилось на 14,0%.

Для некоторых общественных организаций частью важной этнокультурной является материальная поддержка их деятельности. Но для руководителей объединений армян, азербайджанцев и узбеков это, видимо, не главное. Как отмечали лидеры чебоксарского отделения Всероссийского азербайджанского конгресса, они ежегодно пишут заявление в Минкультуры Чувашии с просьбой использовать причитающиеся им финансовые средства (весьма незначительные по величине) для каких-нибудь других целей.

Непосредственное курирование деятельности этнических объединений осуществляет Министерство культуры – по делам национальностей, средств массовой информации и архивного дела ЧР. Под эгидой министерства проходят различные совещания и семинары, обмен опытом работы. Ведомство выделяет некоторые финансовые средства для проведения обществами различных мероприятий в рамках культурных программ. При необходимости руководители обществ обращаются и в другие республиканские ведомства. С увеличением притока трудовых мигрантов эти проблемы становятся актуальнее. Руководителям общин приходится решать вопросы трудоустройства, оформления документов некоторых вновь прибывающих земляков. Руководители Узбекского культурного центра намерены просить содействия у Министерства образования республики о помощи им в открытии воскресной школы, поскольку считают, что дети могут забыть родной узбекский язык.

Проблема реализации религиозных потребностей в республике тоже, на наш взгляд, решается. Узбеки, проживающие в общежитиях, устраивают там места для молений или же посещают мечеть в Чебоксарах. Как отметил руководитель узбекского центра А. Ергашев, туда ходит не очень много его соотечественников. Обычно на пятничную молитву мечеть посещают около 20 чел.

В средствах массовой информации ЧР о выходах с Кавказа и Средней Азии пишут и говорят редко. В республиканской газете "Хыпар" (Весть), на интернет-сайте ИА REGNUM появляются заметки в связи с определенными датами, праздничными событиями. В одной из

районных газет писали об успехах сельскохозяйственного предприятия, руководимого азербайджанцем. Но это все – эпизодическая информация. Один из реальных путей укрепления в республике доброжелательной атмосферы в отношении новых этнических сообществ – публикации в СМИ, рассказы на радио и телевидении об успешных и социально ответственных предпринимателях из кавказских и среднеазиатских республик, о талантливых учителях, художниках, ученых, организаторах производства – представителях армянского, азербайджанского, узбекского, аварского, ингушского и других народов. Хотя в Чувашии уже сложилась доброжелательная атмосфера, следует иметь в виду, что масштабы миграции, хотя и возросли, пока не стали массовыми. Приезжие оседают в Чебоксарах и Новочебоксарске, где их присутствие не столь заметно. Но дальнейшее увеличение численности инокультурных групп может привести к более напряженному общественному восприятию.

Образы таджиков-мигрантов в пермской прессе

А. В. Черных

Пресса в силу своей массовости, популярности, социально признанного права освещения реальности оказывает значительное воздействие на формирование социальных представлений читательской аудитории в отношении этнических мигрантов. Данные образы мигрантов и проблемы, связанные с ними, представленные в прессе, часто определяют типы поведения общества по отношению к мигрантам, а также степень взаимного доверия и, соответственно, выстраивание определенного типа взаимодействий. Посредством контент-анализа изучены публикации в пермской прессе за 2000-2005 гг. Таджикская диаспора Прикамья, самая многочисленная среди иммигрантов в крае, часто становится предметом статей и публикаций. Однако отдельных статей, посвященных таджикской диаспоре, почти нет, большинство публикаций посвящено в целом проблемам мигрантов, находящихся в сходных условиях с таджиками и имеющих схожие проблемы. В ходе анализа публикаций в пермской прессе мы хотели проследить, какая тематика прежде всего освещается на страницах газет и какие образы и установки предлагает пресса читательской аудитории.

Одна из самых популярных тем для пермской прессы – мигранты и миграционные потоки. Чаще всего эта проблема рассматривается и подается лишь с точки зрения принимающего общества. Журналисты в некоторых случаях сами находятся во власти стереотипов в отношении мигрантов и этнических групп и показывают некомпетентность в "этнических" вопросах. В статье "Сезонные гости", например, все женщины-мигранты единым росчерком пера были соотнесены к цыганам-люди: "Женщины из стран СНГ с малолетними детьми занимаются попрошайничеством на улицах наших городов, в то время как их мужья работают на дорожно-ремонтных работах"¹.

При освещении вопросов миграции, надо отдать должное пермским журналистам, они чаще всего используют объективную информацию, обращаясь в отдел по делам миграции ГУВД Пермской области или в настоящее время Управление федеральной миграционной службы России по Пермскому краю. Поэтому в прессе постоянно приводятся данные официальной статистики о числе мигрантов². Почти ни одна статья

¹ Колобаева Е. Сезонные гости //Прикамье (приложение к Российской газете). Пермская область. 2004. 21 июля.

² Стерледев К. Гастарбайтеров пригласили выйти на свет //Коммерсант-Прикамье. 2004. 04 февраля; Телевной С. Незванные гости //Пермские новости. 2002. 25 октября.

не обходится без освещения основных проблем, связанных с миграцией нелегальных мигрантов и их депортации, незаконной трудовой деятельности мигрантов. Внимание, в основном, уделяется материальным потерям государства из-за их нелегального присутствия и деятельности: "Потери Прикамья из-за нелегальной миграции сопоставимы с дефицитом бюджета областного центра"³ "...нередко торгуют и без официального разрешения. Естественно, основной куш ... граждане оставляют себе. Зачастую капитал концентрируется и затем вывозится из области и страны"⁴.

Иногда на страницах прессы рассматриваются трудности, с которыми сталкиваются мигранты и отмечается несовершенство российского законодательства о мигрантах. Уделено в прессе внимание и ужасным условиям, в которых существуют иммигранты в Перми: "Они не гнушаются никакой, даже самой черной и неквалифицированной работы – строят коттеджи и дачи, прокладывают и чистят дороги, укладывают асфальт. Их можно увидеть на улицах чаще всего с лопатой, мастерком и кайлом. Бывает, что живут гастарбайтеры просто в нечеловеческих условиях – в вагончиках, в сараях, не пригодных для жилья, питаются чем придется. Зарплату же получают лишь по итогам работы и зачастую не ту сумму, что оговаривали. россияне не торопятся занимать эти места. Никому не хочется махать веником и скрести лопатой – непрестижно и дешево. В первую очередь, конечно, зарплата не устраивает. А мигранты согласны на любую, самую грязную работу. Кто-то же должен и ее выполнять"⁵.

Просмотрев более трех десятков публикаций по миграционным процессам, мы не встретили почти ни одного рассуждения о причинах миграции и почти не увидели ни одного портрета конкретного человека – мигранта с его историей и проблемами. А средний создаваемый обобщенный образ мигранта, как правило, этнический, показывают его в редком случае в нейтральном свете. Чаще всего описания, формирующие образ мигранта, показывают его нелегалом, нарушившим правила пребывания на территории РФ и занимающимся незаконной трудовой деятельностью. Почти нет, за редким исключением⁶, публикаций, в которых бы журналист работал или получил информацию от непосредственного общения с мигрантами. В основном в прессе представлены размышления по поводу официальной статистики и тех проблем, с которыми сталкиваются службы, напрямую работающие с мигрантами. Публикации в прессе говорят о том, что авторы в большинстве своем почти не знакомы с мигрантами. Таджики в публикациях, посвященных мигрантам, выступают лишь одним из перечня народов, лидирующих в миграционных потоках. В то же время следует отметить и

³ Прудников А. Гастарбайтеры не пропадут // Business Class. 2004. 1 ноября.

⁴ Травицкий Э. Иностраный легион // Звезда. 2002. 12 марта.

⁵ Гилева И. Гастарбайтер – и не друг, и не враг, а так? // Капитал. 2005. 22 июня.

⁶ Гилева И. Гастарбайтер – и не друг и не враг, а так? // Капитал. 2005 22 июня.

помощь" для разработки практических рекомендаций по адаптации представителей новых диаспор в пермском сообществе..."⁹. Свое видение проблем таджикской диаспоры в регионе предложено пермскими политологами А. Борисовым и Ю. Василенко в статьях-интервью. "Не надо бояться иммиграции, но и расслабляться не стоит" и "У иммигрантов надо формировать двойную идентичность"¹⁰.

Культурные и другие события из жизни таджикской диаспоры почти не замечены пермской прессой. Небольшая заметка в газете "Досье 02" посвящена состоявшимся гастролям в Прикамье ансамбля из Душанбинской филармонии и реализации совместного проекта с Еврейской национально-культурной автономией¹¹. О внутренней жизни диаспоры пресса осведомлена еще меньше, нежели о миграционных процессах и также, как правило, из внешних источников. С другой стороны, это свидетельствует и о том, что у таджикской диаспоры и общественной организации таджиков пока не сложилось системных взаимоотношений с пермскими СМИ. Сотрудничество с прессой, в том числе направленное на создание положительного образа и имиджа таджиков в Прикамье – один из вопросов, над которым в ближайшем будущем необходимо задуматься лидерам диаспоры. Первые шаги уже предприняты в этом направлении, лидеры "Общественного центра таджиков г. Перми" прошли обучение на семинаре-тренинге "Роль СМИ в деятельности национальных общественных организаций", проведенного департаментом политики Пермской области. Материалы о народе, его вкладе в развитие национальной и мировой культуры, об этнических особенностях культуры и их сохранении в Прикамье, публикации о деятелях культуры, науки, политиках, исторических примерах русско-таджикских взаимоотношений, публикации о таджиках, проживающих в Прикамье, об их проблемах, укладе жизни и рассуждении о будущем, несомненно, будут способствовать не только знакомству пермяков с этим народом, преодолению дистанции в восприятии народа и созданию его положительного имиджа в регионе¹².

⁹ Сенковский О. Убеждать и сотрудничать // Досье 02. 2004. 24 декабря.

¹⁰ Бестужев П. "Скорая помощь" вместо милиции // Досье 02. 2004. 24 декабря; Сенковский О. Убеждать и сотрудничать // Досье 02. 2004. 24 декабря; Борисов А. Не надо бояться иммиграции, но и расслабляться не стоит // Новый компаньон. 2005. 21 июня; Василенко Ю. "У иммигрантов необходимо формировать двойную идентичность" // Новый компаньон. 2005. 28 июня.

¹¹ Подробнее см.: Кораблева Н. Привет из далекого Душанбе // Досье. 2004. 24 декабря; Донец А. Инициатива не всегда наказуема // Звезда. 2005. 15 апреля.

¹² Интересные публикации в этом направлении предприняты газетой "Искра" г. Кунгура Пермского края, рассказывающей в нескольких заметках о земляках-таджиках, несколько публикаций на исторические сюжеты.

отсутствие в пермских СМИ явных негативных оценок мигрантского сообщества, что, например, характерно для столичной прессы⁷.

Заметно выделяются в пермских СМИ лишь несколько материалов, посвященных проблемам мигрантов и таджикской диаспоры, в которых специалисты – историки и политологи, сотрудники администрации Пермской области, занимающиеся вопросами национальной политики в регионе, рассуждают о протекающих процессах⁸. В интервью с заместителем и. о. губернатора Пермской области А. Л. Каменевым высказана точка зрения администрации области как на миграционные процессы, так и на формирование новых мигрантских сообществ, которая в целом отличается взвешенностью и в целом программным подходом к проблеме: "Активно идущие миграционные процессы предполагают и решение задач по социальной защите и национальному обустройству вынужденных мигрантов и беженцев, по удовлетворению их этносоциальных прав и интересов, а также решение непростых задач социально-экономической адаптации. В связи с этим в новой областной целевой Программе развития и гармонизации отношений народов Пермской области на 2004-2008 гг. впервые появился раздел "Содействие оптимальной интеграции в местное сообщество этнических диаспор, формирующихся в рамках современных миграционных процессов". У этого пути – сотрудничества властных структур с вновь сформированными в регионе диаспорами – есть своя цель: сделать так, чтобы среда пребывания была комфортной для новых жителей области, а деятельность диаспор носила конструктивный характер и была полезной для местного пермского сообщества. Метод работы один: убеждать и сотрудничать, воспитывать уважение к истории, культуре, языкам народов Пермского края и России. Сегодня стало естественным, когда лидеры и активисты азербайджанского общества, армянской общины, грузинского и таджикского центров становятся участниками мероприятий, проводимых национально-культурными объединениями Прикамья, приглашают на свои национальные праздники гостей других национальностей... Органы власти сегодня оказывают поддержку и выступают в роли координаторов различных социально ориентированных проектов по регулированию миграционных потоков на территории региона. Примером тому может служить проект-победитель областного конкурса социальных и культурных проектов 2004 г. "Школа мигранта". Наши службы ведут аналитический мониторинг миграционных процессов, это своеобразная "скорая

⁷ Титов В. Н. О формировании образа этнического иммигранта: (анализ публикаций прессы) // СоцИс. 2003. № 11. С. 41-50.

⁸ Бестужев П. "Скорая помощь" вместо милиции // Досье 02. 2004 24 декабря; Сенковский О. Убеждать и сотрудничать // Досье 02. 2004. 24 декабря; Борисов А. Не надо бояться иммиграции, но и расслабляться не стоит // Новый компаньон. 2005. 21 июня; Василенко Ю. "У иммигрантов необходимо формировать двойную идентичность" // Новый компаньон. 2005. 28 июня.

Представления местных жителей о странах происхождения мигрантов

Г. Ф. Габдрахманова

Массовые социологические исследования 1990-2000-х гг. фиксируют рост ксенофобских чувств и реакций россиян к мигрантам. Доминирующими компонентами стереотипов принимающего населения являются два: характер миграций (объемы, тренды) и социальный состав приезжих. Так, каждый пятый опрошенный нами житель г. Казани¹ считает, что мигрантов в городе очень много, еще 60% местного населения оценивает как "достаточно много". Основными регионами исхода приезжих, по мнению респондентов, являются Средняя Азия (29% опрошенных), включая Узбекистан (14%), Таджикистан (10%) и Кавказ (23%): Азербайджан (12%), Армения (4%). К этому можно добавить и тех, кто данные регионы объединили в категорию "страны СНГ" (12%). Внутрirosсийской миграции отведена незначительная роль: 2% местного населения считают, что мигранты прибывают из других регионов России.

Искаженные представления постоянных жителей о странах происхождения мигрантов дополняются стереотипами об их национальном составе. Доминирующей этнической компонентой антимигрантских настроений является кавказофобия: половина участников нашего исследования полагают, что в город приезжают в основном представители национальностей народов Кавказа. Еще каждый шестой обозначает их общим термином: "кавказцы" или "лица кавказской национальности". Почти каждый третий респондент уверен, что среди приезжающих в город преобладают азербайджанцы. Столько же указали, что мигрантов в основном представляют народы Средней Азии. Одна пятая респондентов выразила предположение, что среди переселенцев преобладают таджики, столько же выделили узбеков. 13% опрошенных считают, что среди мигрантов особенно распространены азиаты, и каждый десятый представляет, что это вьетнамцы. Лишь 7,5% респондентов считают, что преобладают мигранты – представители народов России (за исключением Кавказа): русские, татары, чуваша, марийцы и башкиры.

¹ Данные научно-исследовательского проекта "Новая миграционная политика России и права мигрантов", реализованного при поддержке Фонда Дж. и К. Маккартуров. Руководитель Ж. А. Зайончковская. В Татарстане в 2004 г. был проведен анкетный опрос взрослого населения и студенческой молодежи г. Казани, охватившее соответственно 107 и 100 чел. Опрос позволяет говорить о тенденциях в массовом сознании.

Присутствие кавказского компонента среди современных фобий российского населения касается не только мигрантов. В ходе опроса молодежи Нижегородской области, республик Удмуртия и Татарстан мы выяснили, что для половины молодых людей существуют объекты негативных эмоций, связанные тем или иным образом с этнической принадлежностью². При незначительных региональных особенностях наблюдается некое "единение в неприятии" кавказцев, не зависящее от этнической принадлежности опрашиваемых. Лидерами недоброжелательных установок со стороны молодежи являются чеченцы, азербайджанцы, армяне, грузины. Настораживает "повышенный" антисемитизм молодых людей (около 25% опрошенных), и, что несколько странно, ярко выражены отрицательные эмоции по отношению к американцам и неграм.

Какова реальная картина миграций? Можно ли говорить о том, что территориальные движения людей приобрели взрывной и масштабный характер в ходе распада СССР и построения новых независимых государств? Действительно ли сегодня представители народов Средней Азии и Кавказа стали новым и преобладающим компонентом перемещений на территории России? Попытаемся разобраться в этих вопросах на основе анализа данных официальной статистики по Республике Татарстан.

Авторитетные демографы отмечают высокую мобильность населения Советского Союза. Миграция в те годы была гораздо больше, чем сейчас³. В Татарской АССР эти процессы были связаны с реализацией государственной программы по созданию в республике в 1960-70-е гг. Нижнекамского территориально-производственного комплекса (Камский автомобильный завод, Нижнекамская ГЭС, Нижнекамский нефтехимический комбинат), интенсивным строительством промышленных объектов машиностроения и нефтехимии. В 1980-е гг., обогнав по миграционному оттоку из села все российское Нечерноземье, республиканская миграция поглощала ежегодно население одного-двух сельских районов⁴. По оценкам специалистов, с 1970 по 1986 гг. в города Нижнекамского ТПК на постоянное место жительства прибыло около 500 тыс. чел., в том числе около 140 тыс. – из-за пределов республики⁵. Столь масштабная миграция в Татарстане никогда не происходила.

² Данные научно-исследовательского проекта "Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания", реализованного в 2002 г. при поддержке федеральной целевой программы "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе". Руководитель А. М. Зинуров. Методом анкетного опроса было опрошено по 500 молодых людей в каждом регионе.

³ Из интервью с Ж. А. Зайончковской // Отечественные записки. 2004. № 4.

⁴ Мустафин М. Цит. По: Мусина Р. Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары. М.: Наука, 2001. С. 508.

⁵ Мустафин М., Хузеев Р. На пике противоречий столкнулись интересы отраслей и интересы республики // Вечерняя Казань. 1989, 9 января.

В период индустриализации в Татарстане произошел активный рост численности народов, традиционно населявших территорию республики (чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов). Переписью 1959 г. был впервые зафиксирован ряд нетрадиционных для республики этнических групп: азербайджанцы, армяне, молдаване, белорусы. С 1959 по 1989 гг. численность украинцев в республике увеличилась в два раза, армян — в три, азербайджанцев — в 10 и т. д.

На юго-востоке республики, где экономическая модернизация происходила за счет нефтедобычи, доля местного населения среди рабочих "Бавлынефть", "Альметьевнефть" и "Лениногорскнефть" составляла 62,1%. Среди приезжих 5,3% являлись мигрантами с Кавказа (Баку, Махачкалы, Ordжоникидзе, Грозного), Украины — 1,4%, Башкирии — 8,8%, Оренбургской области и районов Поволжья — 11,6%, из других мест Союза — 10,8%⁶. Остальные — жители городов и районов республики.

Что произошло с миграциями в Татарстане после 1990 г.? В республику, по имеющимся в нашем распоряжении данным, с 1994 г. по 2004 г. прибыло чуть более 360 тыс. чел.⁷ Если предположить, что за последующие 6 лет прибыло чуть более 114 тыс. чел. (за расчет мы взяли данные за 2004 г., когда в Татарстан прибыло 19 тыс. чел. Хотя объемы внешней миграции в республике неуклонно снижаются), то получается что этот показатель, ниже, чем за аналогичный 16-летний период 1970-1986 гг. (см. выше).

Мало изменились потоки миграций. На этапе советской экономической модернизации республики преобладающую долю среди прибывающих мигрантов составляли переселенцы из городов и районов ТАССР (около 60-70%). Внешняя миграция в республику составляла около 28% (на юге-востоке — 37,9%). В постсоветский период внутренние потоки в республике по-прежнему преобладают над внешними. Это проявляется как в прибытиях, так и в выбытиях. Так, в 1997 г. в прибытиях миграция из городов и районов республики составила — 54,9%, из-за пределов Татарстана — 45,1%. В выбытиях — 67,2% и 32,8% соответственно. В дальнейшем доля внутренних мигрантов в республике подрастала.

Большой интерес в плане понимания "новизны" постсоветских миграций представляют данные о распределении внешних миграций в республику по регионам исхода переселенцев. В начале 1990-х гг. более 90% миграционного прироста обеспечивали страны СНГ. Этот показатель достигался за счет преобладания прибывающих над выбывающими. В то время как в прибытиях и выбытиях значительную долю составляли ми-

⁶ Уразманова Р. К. Быт нефтяников — татар юго-востока Татарстана. Этносоциологическое исследование. Альметьевск, 2000. С. 23.

⁷ Здесь и далее приводятся данные из статистических сборников Госкомстата РТ.

гранты из регионов России. Их вес постоянно увеличивается. В 1994 г. мигранты из российских территорий в прибытиях составляли 48,2% (42,7% – стран СНГ), в 2004 г. – 88,4%. В выбытиях 85,7% переселенцев в 1994г. и 94,3% в 2004 г. отправились в регионы России.

Рассмотрим этнический состав мигрантов. В 1990-х – начале 2000х гг. наиболее активными участниками миграционных перемещений являются татары и русские. Их доля в 1992 г. в прибытиях составила 48,4% и 35,7% соответственно. В выбытиях – 26,9% и 49,0%. В начале 2000-х гг. представленность этих народов в миграционных потоках снизилась: в прибытиях 36,3% – татары, 28,1% – русские, в выбытиях – 24,1% и 41,5% соответственно (2004 г.). Однако татары обеспечивают 71,4% (или 3515 чел. в 2004 г.), русские – более 20% миграционного прироста в республике (в 2003-2004 гг. русские имели миграционную убыль). Индигенные группы в общем миграционном приросте внешних переселенцев в РТ с 1994 по 2000 гг. составили 5,9%. На долю иных народов приходится около 3% миграционного прироста в Татарстане. Причем в численном выражении это всего лишь, например, в 2005 г. 140 узбеков, 50 азербайджанцев, 31 таджик, 48 армян. Ни один из некоренных для республики народ не имеет стабильную положительную динамику миграционного прироста. Отдельные народы имеют стабильную миграционную убыль (евреи, немцы).

Итак, анализ статистики показал следующее. Ни о какой масштабности миграций в постсоветском Татарстане говорить не приходится: объемы передвижений не превышают объемов советского периода. По-прежнему преобладают внутренние миграции (между городами и районами РТ). Сегодня главным донором внешних миграционных потоков являются регионы России. Это проявляется в прибытиях и выбытиях. Потоки из стран СНГ спали. Основной вклад в миграционный прирост в республике вносят татары и русские. "Кавказский компонент" в миграциях появился еще в советский период. Сегодня он представлен незначительно и не имеет прогрессирующую тенденцию.

Все выявленные тенденции демонстрируют их явное несоответствие существующим представлениям населения о мигрантах. Эти стереотипы конструируют журналистские, властные и силовые круги, которые зачастую для поднятия собственного рейтинга начинают изыскивать "жареные" факты. Для этого применяются различные стратегии, в том числе выдергиваются и обыгрывается несколько цифр статистики. Читателю, избирателю или налогоплательщику вряд ли будет интересно знать о том, что сегодня в основном идет миграционный обмен между российским регионами, а в перемещениях задействованы традиционные для России народы. На этом не заработаешь дивидендов. Зато если показать массовое засилье и зло, идущие с Кавказа, то можно уве-

личить объемы продаж газеты или представить себя как защитника населения от "всякой грязи". Так и появляется в общественном сознании портрет "нового" мигранта постсоветской России.

Другим средством конструирования СМИ и властью образа "нового" мигранта является тема занятости переселенцев. Безусловно, отдельная группа мигрантов занимает публичные сферы занятости – торговлю, строительство, попрошайничество и т. п. (но это не преобладающая тенденция!⁸). Так, глобальная реконструкция Казани в связи с празднованием тысячелетия города в 2005 г. требовала большого объема рабочей силы. К 1000-летию юбилею города необходимо было завершить ряд крупных строительных программ: Программу ликвидации ветхого жилья, Программу реконструкции Казанского Кремля, Программу сохранения и развития исторического центра города, строительство первой линии метрополитена, реорганизацию жилищно-коммунального хозяйства. Региональные структуры часто освещали эти мероприятия. Показывался этнический состав рабочих⁹. Но за такими официальными мероприятиями в стороне от журналистского интереса часто остается повседневная жизнь людей. Вот два факта. В Татарстане в строительство жилых домов (массового и индивидуального типа) в отличие от столичных мегаполисов часто вовлекаются не мигранты из государств ближнего зарубежья, а жители соседних регионов (Чувашии, Мари Эл, Удмуртии, Мордовии). Есть предпочтения в выборе таких рабочих среди работодателей и заказчиков. Или другое. Одно из последних решений администрации г. Казани состояло в том, чтобы для решения проблемы нехватки кадров на общественном транспорте привлекать жителей близлежащих от столицы сел и деревень. Но ни такая челночная, ни межрегиональная миграция так и не получила освещения в татарстанских СМИ.

⁸ Исследование незаконной миграции, проведенное Международной организацией по миграции в 2001-2002 гг., показало, что в торговле действительно задействована большая группа мигрантов, но она составляет лишь треть от всех прибывающих, еще четверть занята в сфере услуг, пятая часть – строительстве, многие трудятся в сельском хозяйстве. Ист.: Витковская Г. С. Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: Приволжский федеральный округ. Материалы регионального семинара 11-11 апреля 2003, Чебоксары. Под общей ред. Ж. Зайончковской. М., 2004. С. 57.

⁹ Так, на официальном сайте МВД РТ (www.mvdr.ru) сообщалось о том, что за 8 месяцев 2004 г. в Республике Татарстан было зарегистрировано 41432 иностранца. Подавляющее большинство среди них были строители из Турции.

Нижегородские азербайджанцы

И. В. Симонов

Азербайджанская община Нижегородской области еще не была объектом серьезного социологического анализа. Не исследованы состав, структура занятости, уровень образования, материальное положение этой части населения. Община (понятие условное) делится на две неравные части. Меньшую представляют азербайджанцы, живущие в регионе давно – "с советских времен". Почти все они – жители городов, прежде всего, областного центра и городов-спутников или же крупных районных городов (Бор, Дзержинск, Кстово, Арзамас, Выкса). Азербайджанцы "первой волны" мало отличаются от местного русского населения по уровню образования и занятиям. Среди них – известный кардиохирург Алишир Гамзаев, главный врач Нижегородского научно-исследовательского кожно-венерологического института Ибрагим Шахверди, известный спортсмен-каратист Самир Рзаев, полковник милиции Эльдар Исмаилов, преподаватели нижегородских вузов и другие известные в регионе люди.

Большая же часть азербайджанцев Нижегородской области обосновалась здесь в 1990-е гг. и позднее. Они отличаются от соплеменников-старожилов относительно низким уровнем образования, а в структуре занятости заметен явный уклон в торгово-коммерческую сферу. Ведущие позиции они занимают на продуктовых и промтоварных рынках, и это характерно не только для областного центра, но и райцентров. В отличие от местных армян, прибывших в те же годы, они не заняты в строительстве, автосервисе или на производственных предприятиях. Поэтому за минувшие полтора десятилетия у населения сформировалось устойчивое представление об "азербайджанце-торговце". Стереотипы, зачастую негативные, являются основой недовольства определенной части местных жителей. Нередко говорят: "азербайджанцы оккупировали все рынки" и "они – повсюду".

На самом деле цифры гораздо скромнее общественного восприятия. Перепись 2002 г. показала, что в Нижегородской области около 95% жителей – русские (более 3,3 млн. чел.). Азербайджанцев, согласно той же переписи, насчитывается всего лишь 8,3 тыс. (в 1989 г. было 3,2 тыс.) и еще среди временных жителей учтено 3 тыс. граждан Азербайджана¹. Однако очевидно, что данные цифры не соответствуют се-

¹ Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. М., Наука, 2007 г., с. 113, 109.

годняшней реальности. Если принять во внимание значительное число "маятниковых" мигрантов, которых перепись не смогла полностью учесть, азербайджанское население Нижегородской области предстанет более значительным (хотя и несопоставимым с численностью русских).

Руководители азербайджанских национально-культурных организаций говорят о 150 тыс. или даже 200 тыс. азербайджанцев в регионе. Это, конечно, чрезмерное завышение. Преувеличением является и то, что в одном лишь Нижнем Новгороде якобы проживает 50 тыс. выходцев из Азербайджана.

Большинство азербайджанцев-новопоселенцев живет в городах. В Нижнем Новгороде их значительное количество в Канавинском районе – там железнодорожный вокзал и крупные городские рынки. Но среди азербайджанцев Нижегородской области есть и сельские жители, в частности, в Сергачском районе, где издавна проживают русские и татары-мишари. В отдельных русских селах количество азербайджанцев сравнялось с количеством местных жителей.

Между азербайджанцами-старожилами и новопоселенцами заметны различия и в культуре, и в отношении к России. У старожилов достаточно обычным делом являются межнациональные браки, в семьях широко употребляется русский язык, связи с Азербайджаном достаточно ослаблены. В разговорах азербайджанцы-старожилы справедливо подчеркивают, что их дети родились в России, гражданами России. Эти люди, не забывающие свои азербайджанские корни, явно чувствуют себя россиянами. Азербайджанская молодежь из семей старожилов ведет себя похоже на русских сверстников, в частности, болеет за сборную команду России по футболу.

Иная ситуация у новопоселенцев. Они в значительной степени замкнуты на свою этническую группу и страну исхода, имеют тесные связи с Азербайджаном. Браков с русскими у новопоселенцев немного, а в тех случаях, когда они есть, речь идет исключительно о том, что азербайджанский мужчина женится на русской женщине и никогда – наоборот. Для общения в своем кругу используется исключительно азербайджанский язык. Дети в школах часто образуют замкнутые группы. Проблемы в межнациональных отношениях с местным населением возникают именно у представителей этой части азербайджанской общины.

Имеются не единичные примеры того, как предприниматели-азербайджанцы адаптируются к местным условиям, не вызывая негативного отношения со стороны местных русских. Бизнесмен Сулейман Нифталиев в 2001-2002 гг. развернул свое дело в нижегородской глубинке – Варнавинском районе (север области). Он приобрел разорившийся колхоз "Антонихинский" и на его базе организовал предприятие "Варнавапродукт". Здесь же учредил и лесопромышленное предпри-

ятие. У ста местных жителей теперь есть устойчивый заработок, и не нужно бросать родные места в поисках работы. Сам бизнесмен говорит, что сознательно приспосабливался к местным условиям, искал точки соприкосновения с окружающими: "В первое время ко мне относились с недоверием. ...Теперь, слава Богу, многие считают меня своим. ... На моей памяти был даже такой случай: один дагестанец попросил моих рабочих загрузить тюки в машину. Один из рабочих отказался, сказав: "Я не буду работать на "черного"", а другие весело спросили: "А руководитель-то твой кто?" То есть меня в этом плане, можно сказать, "не замечают" уже. Раньше, конечно, были времена, когда ко мне относились как к "черному", но теперь это в прошлом. На мой взгляд, все зависит от человека"². В настоящее время Нифталиев избран депутатом Земского собрания Варнавинского района Нижегородской области. В ходе выборов он выиграл у кандидата, русского по национальности, и голосовали за него "свои" – русские. Бизнесмен, а теперь и депутат, не "обрусел", он сохраняет свою национально-религиозную идентичность, что порой проявляется и в его бизнесе. После приобретения Нифталиевым колхоза предприятие прекратило выращивать свиней, разведение которых, как известно, запрещено в исламе.

Несколько других азербайджанцев являются депутатами районных земских собраний в разных районах области. В Ветлужском, например, избран азербайджанец Илгар Мамедов, директор фирмы "Стройкомплекс". Мамедов является секретарем политсовета Ветлужского местного отделения партии Единая Россия.

Среди азербайджанцев Нижегородской области, вне зависимости от уровня образования, не возникает заметных проблем со знанием русского языка. Обращает, однако, на себя внимание гораздо меньшее количество студентов-азербайджанцев в вузах города по сравнению, например, со студентами-армянами или выходцами из республик российского Кавказа.

В отличие от некоторых других городов России в Нижнем Новгороде азербайджанская община пока не проявляла инициативы по созданию собственных шиитских мечетей. Нижегородские азербайджанцы посещают имеющиеся "татарские" суннитские мечети Духовного управления мусульман Нижегородской области. Азербайджанские предприниматели оказывают спонсорскую помощь данной религиозной структуре. В свою очередь, суннитское ДУМ Нижегородской области стало уделять в последние годы необычно большое внимание мусульманскому празднику День Ашура. Это главная дата религиозного календаря шиитов – день поминовения почитаемого ими Хусейна ибн Али³.

² Аль-Хаят, № 4, февраль 2007 г.

³ День поминовения внука пророка Мухаммеда имама аль-Хусейна ибн Али (626-680 гг.).

интересах азербайджанцев. На круглом столе, посвященном созданию автономии и презентации газеты "Аль – Хаят", Идрисов сказал: "Первый и самый злободневный вопрос – это положение вновь приезжих братьев. Азербайджанская национально-культурная автономия должна взять под опеку наших соотечественников, приезжающих в Россию. Мы должны помочь их интеграции в российскую культуру. ... Наша с вами задача – жить и работать в соответствии с законами этой страны, дать хорошее образование нашим детям, чтобы следующее поколение нижегородцев, имеющих азербайджанские корни, трудилось в школах, больницах, в сферах экономики, политики. Вторая важнейшая задача – помощь азербайджанцам, занимающимся торговым бизнесом на открытых площадках города. Мы должны законными методами, через обращения в суды, средства массовой информации защитить наших сограждан и от произвола чиновников, и от фашиствующих группировок. Кроме того, мы должны ставить перед властью вопрос о возможности преподавания родного языка для школьников-азербайджанцев в тех школах Нижнего Новгорода, где они составляют значительное число"⁴. Лидеры автономии неоднократно заявляли и о необходимости представления интересов азербайджанцев в органах власти, о создании азербайджанских детских садов. Правда, и на данный момент ни детских садов, ни азербайджанских школьных классов в регионе нет.

Когда в 2006 г. Духовное управления мусульман Нижегородской области провозгласило создание Центра адаптации и трудоустройства мигрантов, должность директора Центра занял председатель местной НКА азербайджанцев Нижнего Новгорода Сафар-оглы Омаров.

Центр, работающий в значительной степени неформально, без офиса, заявляет, что оказывает помощь мигрантам-мусульманам в получении временной регистрации, поиске работы и трудоустройстве, в обеспечении местом жительства.

Газета "Аль-Хаят" публиковала материалы на тему прав рыночных торговцев-азербайджанцев, рассказывала о нелегкой доле мигрантов. В одной из статей газета писала: "Азербайджанцы, торгующие на рынках в российских городах, не вытесняют русских торговцев по национальному или расовому признаку, поскольку это прямо противоречит интересам и ментальным особенностям нашего народа. Работа эта не является престижной, требует оперативности и наличия разветвленной сети оптовых и розничных поставщиков и реализаторов. Прибыль рядового торговца, по сути, почти не способствует его личному обогащению, поскольку в значительной степени идет на оплату аренды жилья, торговых помещений, транспорта, а в остатке – по принятой в нашем

⁴ Текст размещен на интернет-сайте www.nizgar.ru.

Общественные организации азербайджанцев возникли в Нижегородской области еще в середине 1990-х гг.: областное национально-культурное общество "Ватан", Азербайджанский культурный центр "Достлуг". В течение короткого времени выходила, а затем прекратила свое существование газета "Достлуг" на русском и азербайджанском языках. Несмотря на многие годы проживания в регионе, первый съезд нижегородских азербайджанцев прошел совсем недавно – в марте 2007 г. В нем участвовало более 500 чел.

Об условном термине "азербайджанская община" свидетельствует хотя бы тот факт, что оба упомянутые объединения действовали параллельно и даже конкурировали между собой. К концу прошлого десятилетия угасла деятельность "Ватана", а в первые годы нынешнего – и "Достлуга". В 2004-2005 гг. в области себя проявляли активисты, называвшие себя представителями Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России.

В 2006 г. получили официальную регистрацию местные национально-культурные автономии азербайджанцев – в Нижнем Новгороде и Дзержинске. В 2007 г. была учреждена региональная национально-культурная автономия. Опять же, неясно, насколько данное явление представляет собой результат действий "сплоченной общины". Создание региональной автономии проходило при активном участии Духовного управления мусульман Нижегородской области, которое фактически руководит и региональной национально-культурной автономией татар. С помощью ДУМНО стала издаваться небольшая газета на русском языке "Аль-Хаят" ("Жизнь"). Региональные НКА татар и азербайджанцев даже имеют один общий сайт www.nizgar.ru. Необходимость сотрудничества в Нижегородской области "мусульманских народов" многократно подчеркивали как лидеры азербайджанской, так и татарской НКА.

Лидером азербайджанской региональной национально-культурной автономии является предприниматель Заур Идрисов. Он живет более десятка лет в Нижнем Новгороде, его бизнес – это различные торговые и иные предприятия в Канавинском районе. Он также является президентом фонда содействия гражданским инициативам "Возрождение".

Для азербайджанской НКА характерны те же черты, что и для многих других национально-культурных автономий. Эта общественная структура не является организацией со списочным членством и не объединяет большинство соплеменников. Ядро актива НКА составляют люди, связанные с Идрисовым, те, кто работает в его организациях. Сам лидер безусловным лидером "диаспоры" не является. У него есть конкуренты, недоброжелатели и т. д.

Вместе с тем когда азербайджанская НКА возникла, это был немало важный факт общественной жизни. Активисты стали публично заявлять об

народе традиции – поступает в семейный очаг в родном Азербайджане. ... Финансовые потоки можно было бы и не переправлять на родину – но только в том случае, если у человека есть другая родина, например – в России. Но проблема современной России в том, что она так и не может определиться – то ли она европейская, то ли евразийская, то ли великая, то ли рядовая, то ли православная, то ли христианско-мусульманская страна. Если Российская Федерация, будучи реально многоконфессиональной и многонациональной страной, реально способствовала бы обретению мигрантами второй родины в ее лице, неопределенности в финансовом вопросе можно было бы избежать"⁵.

В упомянутой выше газете публиковались соображения и по поводу пантюркизма: "Коль скоро идею пантюркизма невозможно уничтожить (о чем мечтали российские жандармы еще на рубеже XIX–XX вв.), ее надо облагородить и окультурить. И, самое главное, выстроить ее таким образом, чтобы она служила интересам не Анкары или, тем более, Вашингтона, а интересам простых людей – граждан Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизстана, Азербайджана, Грузии, Армении, Крыма, Молдавии, Турции и, разумеется, Российской Федерации"⁶.

Лидеры азербайджанской автономии не чуждались в своих высказываниях и внешнеполитических вопросов. Идрисов и председатели местных азербайджанских национально-культурных автономий не раз подчеркивали, что "сегодня одна треть Азербайджана оказалась оккупированной" (имеется в виду ситуация с Нагорным Карабахом). Обязательная часть многих мероприятий НКА – минута молчания "в память азербайджанцев, погибших в ходе становления независимого Азербайджана".

В Нижегородской области не было общественных конфликтов, связанных с азербайджанцами, однако в последние годы произошло несколько инцидентов. В мае 2006 г. в Нижнем Новгороде состоялась несанкционированная акция протеста азербайджанцев, требовавших справедливого расследования обстоятельств смерти их соотечественника – таксиста, погибшего в ходе милицейской спецоперации. Участники акции пытались перекрыть улицу рядом с Канавинским рынком и устроили митинг перед кинотеатром "Канавинский". По официальной информации милиции, при задержании таксиста сотрудниками Волго-Вятского управления внутренних дел на транспорте, он проглотил имевшийся у него героин в объеме 400 граммов, в результате чего спустя 20 минут скончался. Азербайджанцы и вставший на их сторону правозащитник С. Шимоволос утверждали, что человек погиб от рук милиционеров, а отравление героином было инсценировано.

⁵ "Аль-Хаят", № 3, январь 2007 г.

⁶ Там же.

Лидеры автономий пытались также привлечь общественное внимание к инцидентам, которые произошли в январе и феврале 2007 г. В Балахне подростки (как выяснилось, учащиеся профессионально-технического училища) напали на азербайджанцев, работавших на местном рынке, и нанесли им побои. В Нижнем Новгороде в одном из кафе, принадлежавшем азербайджанцам, произошла стычка между азербайджанцами и сотрудниками ОМОН. Среди пострадавших оказались и две русские женщины, которым азербайджанцы нанесли побои, а также и два сотрудника ОМОН. По сообщению прокуратуры Нижегородской области, конфликт произошел на бытовой почве, милиционеры не находились при исполнении служебных обязанностей. По этому поводу лидеры азербайджанской автономии обнародовали преувеличенно резкие суждения, а газета "Аль-Хаят" напечатала статью под названием "Кондопога по нижегородскому сценарию?"⁷.

Напряженность была снята после встречи руководителей азербайджанских общественных организаций с начальником регионального ГУВД.

На встрече была отмечена "обоюдная озабоченность в искусственном ажиотаже вокруг преступлений, жертвами которых стали азербайджанцы".

Участники встречи согласились с тем, что "никогда Нижегородская область не была ареной межнациональных и религиозных распри и ни одна конфликтная ситуация не решалась путем нагнетания обстановки". Заур Идрисов по итогам встречи выразил убеждение, что "диаспоры и местные национальные культурные автономии должны не только защищать права своих земляков, помогать им адаптироваться в тех местах, куда они приезжают, но и обязательно следить при этом за соблюдением российских законов".

В 2007 г. разразился скандал уже с самим руководителем азербайджанской региональной НКА. Нижегородская газета "Новое дело" опубликовала материал о том, что диплом Идрисова об окончании Нижегородского технического университета является фальшивым. Прокуратура, проверившая достоверность публикации, квалифицировала действия Идрисова по ч. 3 ст. 327 УК РФ "Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков". В возбуждении уголовного дела по данному факту было отказано в связи с истечением срока давности. Данный факт получил широкую огласку в СМИ и в интернете. После этого скандала активная публичная деятельность азербайджанской автономии вновь замерла, перестали проводиться массовые мероприятия, прекратились выпуски газеты "Аль-Хаят". Произошедшее, конечно, не означает, что замерла жизнь азербайджанской общины. Ее интересы и деятельность – гораздо шире любой организации, именуемой "автономия".

⁷ "Аль-Хаят", № 4, февраль 2007 г.

Среднеазиатские мигранты в Оренбуржье

В. В. Амелин

В постсоветские годы приток мигрантов способствовал не только изменению состава населения Оренбургской области, но и определенным переменам социально-культурной среды. Особый колорит привнесли выходцы из Казахстана и других среднеазиатских государств. Однако, помимо колорита, возникло немало проблем социального и культурно-интегративного характера.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. в Оренбуржье увеличилась в 6,0 раз численность таджиков, в 1,9 раза численность узбеков. Количество казахов и ранее было в регионе значительным, теперь же оно возросло на 14 тыс. чел. Всероссийская перепись зафиксировала в регионе 393 киргиза¹.

С 1990 по 2007 гг. на территорию Оренбургской области прибыло 220 тыс. чел. Среди них, особенно в прошлом десятилетии, было немало вынужденных мигрантов², но в настоящее время их численность в сравнении с общим миграционным потоком незначительна. На 1 июля 2008 г. граждан с соответствующим статусом насчитывается 2315 чел. Современные миграционные потоки, проходящие через Оренбуржье, в наибольшей степени формируются под воздействием социальных, а не политических факторов.

За 2007 г. в Россию через пункты пропуска на Оренбургском участке российско-казахстанской границы въехало 938,4 тыс. иностранных граждан. А за первое полугодие 2008 г. – 792 тыс. Десятая часть приезжих местом своего пребывания выбирают Оренбургскую область. Управлением ФМС России по Оренбургской области поставлено на миграционный учет в режиме временного пребывания и постоянно места жительства 56 тыс. иностранцев, это на треть больше, нежели за такой же период предыдущего года. Среди приезжих абсолютно доминируют выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана – государств, которые имеют с Российской Федерацией соглашения о безвизовых поездках граждан. Наибольшее количество иностранных работников – это граждане Узбекистана (свыше 40%) и Таджикистана (20%).

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области // Федеральная служба государственной статистики. Оренбургский областной комитет государственной статистики. Оренбург – 2004 г.

² За весь период статус вынужденного переселенца получили 82,5 тыс.

По мнению руководителя таджикской НКА Т. М. Баротова, поток трудовых мигрантов из Таджикистана в дальнейшем еще более возрастет. Он дает тому нехитрые объяснения: "Крайне суровая прошедшая зима, морозы уничтожили виноград, заморозили водопроводы. А крайне засушливое лето 2008 г. привело к неурожаю. Перебои с газом, поставляемым из Узбекистана, нехватка электроэнергии, воды увеличат поток жителей, которые едут, чтобы заработать какие-то деньги для семей". На 2008 г. для области квота для иностранных граждан на трудовую деятельность была установлена 8561 чел., но затем она увеличена до 11475 чел. Основной сферой экономики, где используется труд иностранных граждан, является строительство, для работы выдается наибольшее количество разрешений (81,1% в 2008 г.), прочие разрешения выдаются для трудоустройства в сельском хозяйстве (8,7%) и торговле (4,1%).³

В отличие от мигрантов с Кавказа выходцы из Азии приезжают и обустроиваются большими группами, в составе которых – родственники, соседи, односельчане. Исследователи И. Савин и А. Ярлыкапов, изучавшие такие группы, полагают, что негрупповые поездки трудовых мигрантов ("семейная форма") характерна для торговцев, которые приезжали на местные рынки еще 15-17 лет назад и потому не нуждаются в земляческой поддержке или посреднических услугах⁴. Однако среднеазиатские "новички" предпочитают бригадный вариант поездок на заработки. Еще на родине "бригадир" (местный житель с опытом трудовой миграции) набирает группу, обещая хорошую работу и "отсутствие проблем с властями", за это члены группы должны отдавать ему 10% заработка. С самого начала людям внушают мысль о том, что только "бригадир" может оградить их от массы трудностей, а также и от "козней" со стороны пограничников, таможенников, работодателей, милиции... Поэтому и в дороге, и по месту пребывания члены бригады редко вступают в контакты с местным населением. Руководитель группы при этом по-своему "решает" бытовые и прочие вопросы, нередко изыскивая неправовые способы. Именно "бригадир" выполняет функцию субъекта трудовых отношений, оформляя гласные и негласные договоры с заказчиками. Он же "регулирует" соотношение объема выполняемой работы и денежных выплат привозным рабочим.

Таким образом, в сложившейся за последние годы схеме обустройства трудовой миграции из Средней Азии, прежде всего узбеков и таджиков, до настоящего времени не сформирован механизм адаптации к местным условиям. Это не только препятствует процессу цивилизованного развития

³ Особенности миграционной политики в Оренбургской области // Вестник министерства. Оренбург. 2008 г.

⁴ Результаты мониторинга публикаций СМИ Оренбургской области о состоянии межнациональных, этноконфессиональных отношений и миграционной ситуации ООО "Этноколсилтинг". рук. иссл. И. В. Савин, А. А. Ярлыкапов. Оренбург. 2007 г.

рынка рабочей силы, но и оказывает пагубное воздействие на взаимоотношения с местными жителями. Власти, возможно, недооценивают серьезность проблемы, и в этом видится одна из причин слабой действенности предпринимаемых мер в сфере регулирования трудовой миграции.

Пока не сложилась схема "заказчик – регулирующие органы – работник". Зато всюду действует схема "заказчик-посредник" ("бригадир"). Такая цепочка позволяет работодателям минимизировать затраты, сокращая выплату зарплаты и налогов, и потому делает труд полулегальных и нелегальных мигрантов наиболее выгодным. Коммерческий перевод миграции в "тень" лишает возможности мигрантов выступать самостоятельными субъектами правоотношений в трудовой сфере. В таких условиях у них просто нет возможности не только самостоятельно искать заработок, но и как-то адаптироваться к местным условиям. Для них окружающая социальная и культурная среда представляется, по большей части, чуждой и даже враждебной. Где уж тут говорить о возможностях интеграции с местным сообществом. Показательно, что успешно проработавший несколько лет член "бригады", в свою очередь, начинает осознавать выгоды такой ситуации и нередко сам создает свою "бригаду". Цикл повторяется вновь.

Описанная ситуация с азиатскими гастарбайтерами воспринимается местными жителями как проявление "истинных намерений приезжих", мол, те не хотят общаться, зарабатывают и отбывают восвояси. Это подпитывает миф об изначальной отличительности азиатов: они-де замкнутые общинники, со своими чуждыми законами. Отсюда и неблагоприятный имидж мигрантов – приехали, мол, добиваться благ нечестным путем, от этого только увеличивается преступность. Общественное мнение, конечно, не принимает в расчет данные официальной статистики, а эти данные свидетельствуют о том, что на территории Оренбуржья иностранными гражданами совершается менее одного процента преступлений.

Результаты социологических опросов показали, что жители Оренбургской области обеспокоены ситуацией, сложившейся в сфере миграции. Причем 17% заявляют, что их беспокоит увеличение численности нерусского населения. Особую тревогу по этому поводу высказывают жители Бугуруслана (22%), Орска (21%) и Ясненского района (23%). Более того, 51% опрошенных в Оренбургской области (в городах – 54%) считают, что "власти должны ограничить приток иностранной неквалифицированной рабочей силы", "ужесточить порядок их въезда". Еще 16% заявили, что нельзя допускать "концентрированного проживания мигрантов" в отдельных городах и районах. Только 6% респондентов поддержали идею легализации и повышения правовой защищенности мигрантов, лишь 13% высказались за необходимость улучшения условий гастарбайтеров⁵.

⁵ Аналитический отчет "Межнациональные и этноконфессиональные отношения в многонациональном приграничном регионе", 2008 г. Исследованием охвачено 7 муниципальных образований. Опрошено 500 чел. Выборка исследования квотная, соответ-

Но при этом 43% оренбуржцев поддерживают предложение ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, 35% – запретить деятельность всех экстремистских религиозных и политических организаций. За жесткое пресечение любых несанкционированных уличных действий выступают 13% респондентов.

Уровень недоброжелательного отношения к людям другой национальности по своим показателям за разные годы колеблется: максимальное значение 49% (2001 г.), минимальное – 33% (2008 г.). Но, заметим, большинство населения области сохраняет терпимое отношение к приезжим. Социологические опросы показали, что о своей неприязни к таджикам заявляют 7% респондентов, к казахам – 6%, к узбекам – 6%. Эти показатели в два раза ниже показателей отношений к представителям выходцев с Кавказа.

Факты негативного отношения к таджикам следует рассматривать не только через призму упомянутого "нежелания" последних интегрироваться, но также из-за "участия приезжих из Таджикистана в наркоторговле". Об этом прямо заявляют представители правоохранительных органов: "именно из Таджикистана через Казахстан поступает львиная доля героина"⁶. Местное население уже привыкло к громким судебным расследованиям по поводу изъятий запрещенных психотропных веществ. Еще в начале 2000-х гг. спецслужбы год за годом сообщали об обнаружении десятков и даже сотен килограмм привезенного героина.⁷

Негативизм по отношению к мигрантам выносятся на страницы периодической печати. К строителям-мигрантам отношение более терпимое, а к торговцам на рынке отношение хуже. Часть местных жителей списывает причины социальной и этнической напряженности на приезжих. Так, 30% горожан и 13% сельчан считают, что одной из таких причин является неуважительное, порой вызывающее поведение приезжих, отказ следовать нормам и традициям; 22% горожан и 16% сельчан говорят, что из-за этого "стало тяжело жить".

Для исправления положения местные жители склонны давать такие рекомендации: ограничить приток в Россию иностранной неквалифицированной рабочей силы, ужесточить порядок их въезда и регистрации (51%); ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь (43%); запретить деятельность всех экстремистских религиозных и политических организаций (35%).

Мигранты, как считают респонденты, представляют некоторую или большую угрозу для области считают: 46,5%. В т. ч. так полагают: 55%

стует генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, образование, национальность, рук. иссл. В. Амелин, Г. Шешукова. Оренбург. 2008.

⁶ Милицейские ведомости 10 июля 2008 г., № 28.

⁷ Там же.

жителей Оренбурга, 64% – Орска, 40% – Бугуруслана. В сельских районах считают, что есть угроза в связи с присутствием мигрантов в области: 47% жителей Соль-Илецкого района, 39% – Асекеевского района, 28% – Ясненского района. Считают, что мигранты представляют угрозу для области: 52% – русских, 43% – башкир, 40% – татар, 35% – казахов. Как видим, наиболее антимиграционные настроения среди жителей г. Орска, Соль-Илецкого района. Вместе с тем если в 2005 г. 75% русских считали, что миграция представляет опасность для РФ, то в 2008 – только 53% считают, что миграция представляет опасность для страны. На 22% снизилось число русских, полагающих, что мигранты представляют опасность для России.

В связи с проблемой эффективной адаптации представителей новых для региона этнических групп интерес представляет разработка законопроекта об обучении мигрантов русскому языку. Объединенная комиссия Совета Федерации по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений завершила разработку такого законопроекта. Данная мера представляется очень важной и своевременной, т. к. все больше мигрантов, прибывающих в область, не владеют в достаточной степени русским языком. Особую роль в данной связи способны играть общественные организации.

Несмотря на упомянутые барьеры адаптации и интеграции, диаспоры создают свои организации. В Оренбуржье функционируют одна региональная областная и несколько местных таджикских национально-культурных автономий (в Оренбурге, Орске). Есть также узбекское общество "Дустлик" ("Дружба"), киргизский национально-культурный центр. Эти организации занимаются не только этнокультурными проблемами, но и сугубо практическими вопросами, в частности, "выбиванием" денег (которые причитаются их соотечественникам) у недобросовестных предпринимателей, оказывают помощь тем, кто потерял документы и т. д.

Таджикская НКА совместно с органами власти организует семинары-тренинги "Вместе против наркотиков", издают газету "Вахдат", "Соғдиана". В Оренбурге этой организации выделена земля под строительство чайханы – национально-культурного центра таджиков. Оренбургские власти и структуры гражданского общества постепенно осознают, что предстоит многое сделать для преодоления негативного восприятия приезжих местными жителями. В свою очередь, представители новых этнических групп должны понять, что самоизоляция и подчеркивание своей "инаковости" умаляет их возможности интеграции, ухудшает их групповой имидж.

Таким образом, групповые формы самоорганизации трудовых мигрантов-иностранцев позволяют минимизировать их личные усилия и затраты. Но именно это лишает приезжих возможности выступать самостоятельными субъектами правоотношений в трудовой сфере, иметь личные стратегии адаптации, быстрее выучить русский язык, ограничивает их стремление к интеграции с местным сообществом.

Общественный центр таджиков г. Перми

А. В. Черных

Общественная организация таджиков в Пермском крае – некоммерческое партнерство "Общественный центр таджиков города Перми" появилась совсем недавно, одной из последних среди более чем семидесяти национальных общественных центров народов Прикамья. 25 июня 2004 г. состоялось общее учредительное собрание членов партнерства, на котором был утвержден устав организации, провозглашены основные цели и задачи, 20 августа 2004 г. организации прошла официальную регистрацию. И хотя организация официально была зарегистрирована достаточно поздно, ее становление происходило в течение нескольких предыдущих лет. Необходимость решения целого ряда вопросов, связанных с жизнью таджикской общины, привело к становлению ее лидеров, появлению понимания как со стороны лидеров, так и рядовых членов общины необходимости подобной организации. Значительную роль в консолидации диаспоры и в организационном становлении общественных структур пермских таджиков принадлежит Фадхудину Хамидову – председателю "Общественного центра таджиков г. Перми". Ф. Хамидов один из первых таджиков, приехавших в г. Пермь еще в 1970-е гг., именно на его памяти при его непосредственном участии происходило становление пермской таджикской диаспоры. Ф. Хамидов, работая в администрации центрального рынка г. Перми, имел возможность организационно помочь землякам. Еще до создания общественных структур он являлся лидером, имел связи со многими земляками, обосновавшимися в Перми и Пермской области. Опыт предотвращения и разрешения конфликтов у лидера также являлся важным при разрешении многих возникающих споров. Важная роль отводится в общественной организации и заместителям председателя – Р. Мазориеву и Ж. Джобирову. Именно лидерам таджикской диаспоры принадлежит идея объединения диаспоры и создания общественной организации. С 2003 г. "Общественный центр таджиков..." уже принимал активное участие в национально-культурных мероприятиях, проводимых администрацией г. Перми и Пермской области.

Ф. Хамидов так вспоминает о формировании таджикской диаспоры в г. Перми, создании и работе общественного центра: "До конца 1980-х таджики редко в Пермь приезжали, вот считайте, я с 1971 г. здесь, я, наверное, первый из таджиков приехал, больше никого не было, по крайней мере, я никого не знал... Таджики раньше стеснительные были, никуда не выезжали. В 1987-1988 г. из г. Курган-Тюбе таджики приехали торговать к нам на рынок. Я не знал, кого куда поставить, так

радовался землякам, радовался, что на своем языке можно говорить. А с 1992 г. налетело таджиков, когда война началась. Слух пошел, что есть Пермь, поехали туда. И вот они ко мне приехали, кому смог – помог. И дальше они устроились, места нашли, и дальше они других своих вызвали. Сogдийские большинство, 95%, на стройке работают, Хатлонские — они больше торгуют, на рынке их много. Я здесь считаюсь самый старший из таджиков из местных, и не только из таджиков, но и всех народов Средней Азии. С 2000-х гг. стали думать, что надо создавать общественную организацию, создали в 2004 г. Таджики все равно должны вместе быть, один раз уже была гражданская война, хватит, руку друг на друга подняли. Надо мирно жить. Организация нужна. Стараемся землякам помогать, почти всех знаем, в больнице кто лежит, помогаем, кто умрет – отправить на родину помогаем. Но еще не все включены в общину, некоторые подходят только тогда, когда проблемы возникают. В правление "Общественного центра..." старались, чтобы были из разных районов Таджикистана. Мероприятия проводим, недавно организовывали национальную борьбу, соревнования, собрали около двух тысяч таджиков, подарки хорошие купили. Борьба хорошо прошла, теперь каждый год будем проводить. У нас и планов много, хотели школу сделать для мигрантов, чтобы язык учили, законы и права свои знали. Хотим таджикскую деревню сделать в районе, землю взять, ферму в аренду, заниматься сельским хозяйством, дома бы построили, здесь столько брошенных деревень. Работы полно, такие у нас планы есть...."

Основные цели созданной организации связаны как с необходимостью консолидации самой таджикской общины, так и с необходимостью выстраивания взаимоотношений с пермским сообществом. На консолидацию общины в первую очередь направлены культурные мероприятия, организованные в последние годы "Общественным центром таджиков", среди которых гастроли артистов из Таджикистана в г. Перми в 2000-2006 гг. Гастроли ансамбля "Ганжина" из Таджикистана в 2004 г. за несколько дней собрали в общей сложности около 4000 таджиков г. Перми, пришедших на концерты. Практика подобных гастролей – один из примеров налаживания связей с Таджикистаном и попытка организовать культурную жизнь таджиков в г. Перми. Руководители ансамбля так отзываются о проведенных гастролях: "Ансамбль "Ганжина", ездим в Россию от душанбинской филармонии, в нашем репертуаре песни на таджикском языке, народные и современные. В Россию каждый год ездим, на три, на четыре месяца, гастролируем. Здесь ребята скучают – наши земляки. Нас на навруз пригласили в Самару, после Самары – Набережные Челны, а сначала были в Москве, потом – Оренбург, Магнитогорск, Челябинск, в тех городах, где живут таджики. В Перми уже второй раз, в прошлом году были. Хорошо принимают. Здесь родственники, знакомые. Лидеры ваших таджиков приглашают нас сюда, с ними уже знакомы несколько лет". Наиболее значимым

культурным мероприятием этого года можно назвать соревнования по национальной борьбе, проведенные в мае 2006 г. "Общественным центром...". На одном из пермских стадионов собралось более 2000 участников праздника. Подобное мероприятие было проведено впервые, однако лидеры отмечают необходимость сделать его ежегодным.

Другой задачей, необходимой для консолидации пермской общины, является включение в общественную жизнь диаспоры таджиков, проживающих в городах и районах Пермского края, возможно, в будущем появятся региональные отделения "Общественного центра таджиков" в городах Кунгур, Соликамск и Березники. Сегодня, хотя с таджиками этих городов у пермяков и установлены контакты, их вовлечение в общественную жизнь диаспоры происходит лишь эпизодически. Важным представляется и подключение к работе "Общественного центра" таджикской интеллигенции, которая должна сыграть важную роль в осмыслении консолидационных процессов и культурной презентации диаспоры.

Одним из основных направлений деятельности общественной организации служит также помощь соотечественникам в Перми и Пермском крае. Вопросы, которые приходится решать лидерам общины, – помощь в регистрации временных мигрантов, связь с посольством Таджикистана в РФ для получения необходимых документов, взаимодействие в случае возникающих конфликтов с органами УВД, помощь в отправлении на родину умерших и т. д. Именно эта текущая работа более всего востребована и получает высокую оценку и отклик. Несомненно, что общественная организация делает только первые шаги, и в дальнейшем, видимо, расширится спектр вопросов, которые придется ставить перед организацией ее лидерам, так как создание положительного имиджа общины во многом зависит от направлений в решении такой проблемы как нелегальный характер миграции и т. д. "Миграционные проблемы" в жизни земляков-таджиков являются одними из основных, не случайно, что именно таджикские лидеры – основные и активные участники семинаров, тренингов и школ по проблемам миграции: "Эффект, конечно, есть от общественной организации. Даже у меня по проблемам миграции осознание совсем другое стало, я много куда ездил, и на семинары, и на конференции от своей общественной организации, и благодаря администрации области в Казани были, в Нижнем Новгороде, в Москве был сколько раз. Пользы от них очень много. "Школа мигранта" огромный эффект дала. Подсказывают, у кого какие проблемы и как их можно решать. Легче стало общаться и с властью и с органами", – отмечает заместитель председателя "Общественного центра" Р. Мазориев.

Взаимодействие с пермским сообществом, представление диаспоры, работа по созданию ее положительного имиджа – второе из основных направлений в деятельности "Общественного центра...". Об успехах работы в этом направлении говорит признание общественной организации таджиков в среде общественных национальных организаций

Пермского края. Первый заместитель председателя "Общественного центра таджиков..." Р. Мазориев стал членом координационного совета по национальным вопросам при губернаторе Пермского края. В результате сотрудничества с другими общественными центрами появилось несколько совместно реализованных проектов. Таджикская молодежь, в основном школьники, стали участниками проекта молодежной школы межнационального общения "Понять друг друга, чтобы жить вместе", реализуемого активистами благотворительного фонда "Хэсэд-Кохав" Еврейской национальной культурной автономии, цель которого – способствовать адаптации молодых людей из новых диаспор к жизни в г. Перми, воспитание как "местной", так и "приезжей" молодежи в духе толерантности. В 2005 г. таджикский "Общественный центр..." принял участие в реализации проекта "Русский мир" Пермской региональной общественной организации "Русское национальное культурное общество". "Общественный центр таджиков был награжден специальным дипломом губернатора Пермского края за победу в конкурсе "Национальный костюм в XXI в.". Целая серия мероприятий, в которых активное участие принимала таджикская общественная организация, была проведена Пермской государственной областной универсальной библиотекой им. А. А. Горького, среди которых наибольший отклик получила реализация проекта "Школа мигранта". В 2004 г. презентация "Общественного центра таджиков..." и таджикской диаспоры состоялась во время праздника навруз, проводимого на оптовом рынке в микрорайоне "Заостровка", на который были приглашены руководители всех национально-культурных организаций г. Перми, члены координационного совета по национальным вопросам. Проведение подобных мероприятий, часть из которых получила освещение в пермских СМИ, несомненно, служит одним из возможных путей как создания положительного имиджа общины, так и путей интеграции таджикского сообщества в пермский социум.

На начальном этапе создания общественной организации в основном все усилия были направлены на работу внутри таджикского сообщества, на установление контактов с администрацией Пермского края, национально-культурными общественными организациями, учреждениями культуры и образования. В настоящее время назрела необходимость взаимодействия с общественными организациями таджиков других регионов, установления официальных и партнерских отношений с посольством Таджикистана в РФ, Республикой Таджикистан. В последние годы активизировались официальные контакты с Республикой Таджикистан и посольством Таджикистана в Российской Федерации. Необходимость этих контактов обусловлена как множеством проблем, которые приходится решать пермским таджикам (например, в некоторых случаях получение необходимых документов в посольстве для временных мигрантов), так и стремлением Таджикистана организовать и наладить контакты со своими соотечественниками в регионах России.

Кавказцы в Мордовии

А. В. Мартыненко

Республика Мордовия (РМ) по праву считается одним из многонациональных регионов России, поскольку кроме русских, мордвы (эрзя и мокша), татар здесь проживают представители более 80 этносов.

В этническом ландшафте современной Мордовии достаточно широко представлены различные национальные группы кавказцев. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в РМ проживают более 3 тыс. представителей кавказских групп, в том числе (чел.):

армян – 1310;	даргинцев – 35;
азербайджанцев – 672;	кумыков – 29;
грузин – 395;	карачаевцев – 27;
чеченцев – 116;	абхазов – 23;
осетин – 110;	кабардинцев – 18;
езидов – 67;	табасаранцев – 18;
лезгин – 65;	лакцев – 10;
аварцев – 53;	балкарцев – 5;
ингушей – 43;	адыгейцев – 5.

Кроме того, последняя перепись зафиксировала проживание в Мордовии представителей таких этнических групп Кавказа, как абазины (3 чел.), агулы (3 чел.), рутульцы (1 чел.), талыши (1 чел.), удины (1 чел.).

Формирование кавказской диаспоры в Мордовии приходится на 1960-е гг., когда в Саранске и ряде других населенных пунктов республики стали постоянно проживать выходцы из Закавказского региона, в основном специализировавшиеся на рыночной торговле фруктами (как известно, это явление стало общим практически для всех субъектов РСФСР и сохранилось в постсоветский период).

В настоящее время социальный состав кавказской диаспоры Мордовии весьма широк: при преобладании представителей мелкого и среднего бизнеса, есть также рабочие, инженеры, фермеры, работники сферы образования, люди других профессий. Как правило, представители названных этнических групп в Мордовии держатся весьма сплоченно, поддерживая тесные связи не только между собой, но и со своими родными и близкими, проживающими на Кавказе. Поэтому данные этнические группы в РМ представляют собой своеобразные неофициальные землячества. Однако необходимо отметить, что процесс формирования этнокультурных организаций кавказских народов в республике находит-

ся в самом начале своего становления, что, по-видимому, связано с малочисленностью большинства указанных этнических групп.

Исключением здесь стала самая многочисленная в РМ диаспора выходцев с Кавказа – армянская, которая в январе 2008 г. официально зарегистрировала в Саранске Региональное отделение Общероссийской общественной организации Союза армян России. Целью данной организации, работающей в 73 регионах страны (теперь включая и Мордовию), является поддержание традиций армянской культуры, в том числе культуры литературного армянского языка. Председателем мордовского отделения Союза армян России стал А. Саргсян. По мнению Председателя государственного комитета РМ по национальной политике А. Лузгина, это событие имеет особое значение для Мордовии, поскольку новая организация призвана обогатить культуру многонациональной республики.

В последние годы многие представители кавказской диаспоры Мордовии оказались в той или иной степени вовлеченными в коллизии, связанные с политикой современного Российского государства в Закавказском регионе.

Так, обострившийся осенью 2006 г. грузино-российский межгосударственный конфликт и так называемые "грузинские проверки" в РФ получили определенный общественно-политический резонанс и в Мордовии.

9 октября 2006 г. заместитель министра внутренних дел Республики Мордовия С. Неякин провел пресс-конференцию, в ходе которой объяснил представителям СМИ, какие меры предпринимаются республиканской милицией в отношении "лиц грузинской национальности". В тот период на территории Мордовии находились 18 граждан Республики Грузия, 13 из них – нелегально. Хотя никто из нелегальных мигрантов депортирован не был, но ряд протоколов в судебные органы все же были направлены.

Кроме того, в 2006 г. в РМ проживали 237 граждан России, которые являлись выходцами из Грузии; 27 из них занимались частной предпринимательской деятельностью, 10 – имели юридический статус. Большинство грузин в Мордовии проживают в Саранске, Рузаевке, Кемле, Больших Березниках. Крупным бизнесом не владеет никто из них: имеют мелкие магазины, занимаются отделкой квартир, торгуют арбузами, пекут хлеб. Нарушения в их среде были редки, но имели место. Так, в октябре 2006 г. сотрудники Управления Федеральной миграционной службы РФ по РМ и УБОП раскрыли подпольный цех по выпечке лаваша в антисанитарных условиях, арендованный уроженцем Грузии Г. Булия. В этот же период в Дубенском районе республики был задержан находившийся в федеральном розыске Ишуаришвили (подделка документов); в Чамзинке были задержаны два торговца арбузами грузинской национальности, не имеющие при себе никаких доку-

ментов; в Кочкурове были оштрафованы две уроженки Грузии, не работающие и занимающиеся попрошайничеством.

По словам С. Неяскина, выходцы из Грузии совершают в Мордовии преступления не чаще, чем представители других национальностей: "В Мордовии нет и не будет "грузинской истерии". Мы не собираемся преследовать выходцев из Грузии, если они соблюдают российские законы".

Нарастающий конфликт между Россией и Грузией в первую очередь больно ударил по рядовым людям, далеким от политики. Например, в том же 2006 г. под угрозой депортации оказался житель Саранска Р. Адеишвили, занимающийся сапожным ремеслом в столице Мордовии более тридцати лет. Причиной стало банальное отсутствие прописки: "Я бы рада прописать мужа, но это невозможно, – поясняет его супруга, уроженка Мордовии, – Наш сын уже два года живет в Грузии, с которой сейчас все отношения прерваны, а без письменного согласия сына отца не пропишут".

Кавказская диаспора Мордовии не осталась в стороне и от того общественного резонанса, который вызвал в республике грузино-югоосетинский конфликт августа 2008 г.

Осетинская диаспора в Мордовии насчитывает около сотни человек – среди них есть предприниматели, рабочие, школьные учителя, представители других профессий. Большинство осетин проживают в Саранске, а также в Ромодановском районе республики. В связи с войной в Южной Осетии некоторые из них согласились дать интервью региональным СМИ, а также выступили с заявлениями на Интернет-сайтах РМ.

Часть осетинских семей поселилась в Мордовии еще в советский период, в 1960-70-е гг. В то же время у них сохранились тесные связи со своими родственниками на Кавказе. Например, уроженка Грузии, осетинка Н. Вершкова проживает в Саранске с 1966 г., работает заведующей учебно-консультативным пунктом для слепых и слабовидящих детей. Ее сестра с двумя детьми оказались в самом эпицентре боевых действий и, как тысячи других жителей Цхинвала, были вынуждены скрываться в подвалах от обстрелов со стороны грузинских войск. События 8-12 августа 2008 г. Н. Вершкова считает братоубийственной войной: "Как могли грузины напасть на осетин? Ведь мы фактически один народ. Нет ни одной грузинской или осетинской семьи, в чьем роду бы не было грузина или осетина – кровь наших народов давно смешалась. Возьмем, к примеру, даже мою семью... Все мои двоюродные братья и сестры по материнской линии – грузины. И теперь что, я должна их ненавидеть за это?!" С другой стороны, в своем интервью Н. Вершкова выразила мнение большинства осетин Мордовии, подчеркнув важную и позитивную роль России в этих событиях: "Мы очень

благодарны России. Ведь если бы не российские солдаты, Южную Осетию бы полностью уничтожили".

Другая часть осетинской диаспоры приехала в Мордовию в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что было связано с трагическими событиями того периода – войной в Южной Осетии, развязанной режимом президента Грузии З. Гамсахурдиа и сопровождаемой этническими чистками осетин. Такова семья Хубаевых, которые в 1990 г. были вынуждены буквально бежать в Россию под силовым давлением грузинских властей: их дом в селе Бакуриани Боржомского района Грузии подвергся нападению вооруженных налетчиков и был разграблен. В момент нападения в доме находилась только старшая представительница семьи, Нина Матвеевна Хубаева. Она подверглась избиениям и издевательствам: боевики заставили ее делать виселицу якобы для собственной казни, но затем отпустили, приказав покинуть пределы Грузии в двадцать четыре часа. В настоящее время эта осетинская семья проживает в селе Анненково Ромодановского района РМ; их социальное положение относительно благополучное – так, дочь Нины Матвеевны, Марина Хубаева работает заведующей учебной частью в Анненковской средней школе. Хубаевы отмечают доброжелательное отношение к ним со стороны местного населения – русских, мордвы, татар; кроме того, они поддерживают особенно близкие отношения с живущей в Анненково семьей турок-мехетинцев из Узбекистана, которые также оказались беженцами в России в те 90-е гг.

У многих представителей осетинской диаспоры Мордовии есть родственники в Цхинвале, с некоторыми из которых была прервана всякая связь. Например, житель Саранска К. Базаев безуспешно пытался узнать о судьбе семьи своего дяди из Цхинвала, также оказавшейся в эпицентре боевых действий.

Таким образом, осетины Мордовии разделили горечь трагедии своего народа и открыто заявили о том, что единственным спасением для жителей Южной Осетии является присоединение к России.

Каких-либо публичных заявлений или, тем более, акций со стороны проживающих в РМ грузин по поводу последних драматичных событий на Кавказе фактически не было. Можно отметить только небольшие комментарии, которые дали еженедельнику "Столица С" (12 и 19 августа 2008 г.) спортсмены мордовской команды по дзюдо, выходцы из Грузии. Например, мастер спорта А. Сабашвили считает: "Думаю, что виноваты не только Грузия с Америкой за спиной, но и Россия... Обидно, что в российских СМИ много вранья про Грузию. Например, умалчивают о гибели мирных жителей. Но ведь Грузия тоже страдает!". Его коллега, уроженец грузинского города Гори Р. Мшвидобадзе разделяет чувство обиды своего земляка: "После того, что сделал Саакашвили,

наш народ огульно обвиняют в развязывании войны. Но все мои соплеменники осуждают его действия!". С другой стороны, необходимо отметить, что открытых проявлений ксенофобии по отношению к грузинам в связи с данным конфликтом в Мордовии зафиксировано не было.

Возвращаясь к вопросу об общественном и материальном положении выходцев с Кавказа в Мордовии, отметим, что большинство из них, в целом, успешно социализировались. Однако неблагоприятным исходом в плане социальной адаптации стали езиды.

Езиды (самоназвания "эзди", "эздити", "эзедйати") – этноконфессиональная община курдов, исповедующих синкретическую религию, которая сочетает элементы древних иранских (зороастрийских, маздаитских, манихейских и митраистских) верований, иудаизма, христианства несторианского толка и даже отдельных элементов ислама. Большинство езидов (около двух миллионов человек) проживают в Турции и Ираке (в этой стране находится главная святыня этой религии – храм огня Лалеш). Небольшие общины езидов есть также в Сирии и Иране. Как известно, главными объектами религиозного поклонения езидов выступают солнце и огонь, что напрямую связано с древнеиранскими корнями их религии. Так же, как и в зороастризме, почитается водная стихия. Важной частью культа езидов является ежедневная пятикратная молитва, что характерно не только для ислама, но и для зороастризма. Езидизм также придерживается веры в шесть архангелов (если в зороастрийской мифологии верховным ангелом выступает Ахурамазда, то у езидов – это "ангел-павлин" Малаки Таус). В начале XX века произошла массовая миграция езидов в пределы Российской империи (Грузию и Армению), причиной которой стал геноцид, проводимый в их отношении властями Османской Турции. В настоящее время российская диаспора езидов насчитывает около 150 тыс. чел.

В Мордовии небольшая община езидов сформировалась в 1990-е – начале 2000-х гг. Часть из них, будучи выходцами из республик Закавказья, поселилась в республике еще в советское время. Но, в основном, сейчас — это беженцы или вынужденные переселенцы из Грузии. Некоторые езиды прибыли в Россию из-за прямого давления со стороны грузинских властей. Последовательница езидизма, уроженка Тбилиси М. Шабоева рассказывает, что после прихода к власти президента М. Саакашвили в 2004 г. в адрес ее семьи стали поступать угрозы со стороны местных силовых структур, которые в итоге приказали: "В двадцать четыре часа убираться к русским, которым продались другие родственники".

В настоящее время община езидов Мордовии объединяет десять семей – всего около 90 чел. Проживают езиды в Саранске, а также в поселке Кемля и в селе Константиновка Ромодановского района рес-

публики. Их возглавляют женщины-старейшины, поскольку в этой этноконфессиональной общине сильны традиции матриархата.

Езиды, оказавшиеся в России и, в частности, в Мордовии в начале 2000-х гг., оказались перед лицом достаточно острых социальных проблем и элементарной бытовой неустроенности – отсутствия прописки и постоянной работы. Например, одна из старейшин общины, М. Шабоева имеет в Российской Федерации только вид на жительство, поэтому, несмотря на два высших образования, вынуждена заниматься случайными заработками, в частности, пошивом одежды на заказ.

Езиды Мордовии сообща стремятся соблюдать обычаи и поддерживать традиции своей древней религии: они отмечают религиозные праздники, придерживаются некоторых табу (на курение, использование косметики нерастительного происхождения). Однако эта реально существующая в республике этноконфессиональная община пока официально не зарегистрирована и даже не располагает собственным модельным зданием-храмом. Иногда трудности в отправлении культа у местных огнепоклонников носят курьезный характер. Например, отсутствие на территории Мордовии гор препятствует выполнению езидами одного из главных обрядов их новогоднего праздника (Навруз, Ноуруз) – возжиганию на горных вершинах священного огня.

Езиды Мордовии единодушно отмечают доброжелательное отношение к ним со стороны местного населения, в том числе своих непосредственных соседей – сельской мордвы. В общине на протяжении тысячелетий действовал запрет на смешанные браки; однако среди езидской молодежи, проживающей в республике, уже были прецеденты заключения браков с "чужаками" – православными русскими и мордвой. С другой стороны, действует очень жесткое табу на браки с мусульманами, поскольку на Ближнем Востоке езиды веками подвергались гонениям со стороны мусульманских властей. Так, принявшие ислам курды рассматриваются езидами как вероотступники, общение с которыми в принципе запрещено. В то же время некоторые езиды Саранска поддерживают отношения с курдами-мусульманами – студентами из арабских государств, обучающимися в Мордовском госуниверситете. В целом, каких-либо конфликтных ситуаций между маленькой общиной езидов и мусульманским (в основном – татарским) населением республики отмечено не было.

Наличие общины езидов в Мордовии лишний раз свидетельствует о весьма разнообразном характере не только этнического, но и конфессионального ландшафта республики, включающего в себя, помимо преобладающего православного и мусульманского населения, последователей протестантских церквей и течений, неоиндуизма, иудаизма, религии бахаи, и других религиозных групп.

Касаясь вопроса об отношении общественности республики к проживающим в Мордовии выходцам с Кавказа, необходимо отметить достаточно высокую степень толерантности.

Автор данной статьи был свидетелем характерного эпизода, произошедшего в 1989 г. Тогда на волне процессов демократизации, охвативших все советское общество, в Саранске начались стихийные митинги, направленные против партийного руководства республики. Один из таких митингов вылился в шествие по улицам города. Когда митингующие проходили мимо центрального городского рынка, какой-то человек в толпе стал выкрикивать призывы идти бить торговцев с Кавказа, применяя небезызвестные оскорбительные эпитеты. Так вот митингующие жестко и решительно пресекли действия этого провокатора – проявление ксенофобии явно не нашло отклика со стороны горожан.

С другой стороны, на бытовом уровне проявления неприязни по отношению к представителям кавказских народов, живущих в Мордовии, все же имеют место.

Например, в 2002 г. республиканская газета "Столица С" провела блиц-опрос на тему "Как вы относитесь к лицам кавказской национальности (некорректная формулировка выделена мной – А. М.)?". Вот некоторые варианты ответов: "Я сдержано отношусь к ним, потому что национальный вопрос стоит очень остро"; "На рынках они производят отрицательное впечатление". С другой стороны, были респонденты, настроенные гораздо более терпимо, например: "Спокойное у меня к этим лицам отношение – у каждого народа есть нормальные и ненормальные люди".

Организованных же проявлений антикавказской ксенофобии в Мордовии практически не было. Исключением стала попытка местных скинхедов (к слову, весьма немногочисленных) провести некую "акцию устрашения кавказцев" в честь дня рождения Гитлера, предпринятая в Саранске 20 апреля 2002 г. Бритоголовые были разогнаны милицией, "акция" не состоялась, попытки ее повторения до настоящего времени не предпринимались.

Таким образом, проживающие в Мордовии представители народов Кавказа достаточно комфортно чувствуют себя в этой небольшой поволжской республике, давно став неотъемлемой и органичной частью ее многонационального населения.

Эхо Кондопоги в Калмыкии

В. Л. Волгин

На протяжении 1990-х и в начале 2000-х гг. сельские жители тихой Калмыкии устраивали сходы, высказывали возмущение "сосредоточением собственности в "чужих" руках". Имели место случаи молодежной агрессии, принимавшей криминальные формы. Если бытовые конфликты обычно носят закрытый характер, что делает их сложными для профилактики и разбирательства, то совершенно иные возможности предупреждения имеются в случае общественных конфликтов. Но грань между первыми и вторыми подчас остается для властей неясной до настоящего времени.

В октябре 2006 г. в поселке Улан Хол Лаганского района и в селе Воробьевка Приютненского района выходцами из Дагестана были убиты в одном случае юноша-калмык, в другом – русский. Преступления не имели связи друг с другом. По инициативе местных жителей 31 октября в Воробьевке состоялся сход граждан, потребовавший от уроженки Дагестана, владелицы животноводческой стоянки, на которой проживал обвиняемый в убийстве, покинуть территорию поселения. Позже в этот же день четверо уроженцев Воробьевки с целью сведения счетов прибыли на злополучную стоянку, где один из них открыл огонь из ружья и ранил помощника чабана.

Положение обострилось настолько, что милиции пришлось ввести усиленный режим несения службы, в МВД республики – создать оперативный штаб для координации действий правоохранительных органов, в Улан Холе – организовать временное территориальное подразделение МВД Калмыкии из 25 чел., в Воробьевке – разместить временный сводный отряд милиции из 116 сотрудников. Был усилен контроль и досмотр на автодорогах, приняты другие серьезные меры безопасности, чтобы исключить возможность массовых беспорядков и развития событий по нежелательному сценарию. Все названные преступления были раскрыты практически в течение суток, подозреваемые задержаны и дали признательные показания по предъявленным обвинениям. Ситуацию в целом удалось стабилизировать.

По уверению прокуратуры и органов внутренних дел, вопрос о межнациональной розни как предполагаемом мотиве убийств исследовался, но не нашел подтверждения. Имела место межличностная, хулиганская подоплека криминальных событий. Тем не менее, случившееся вызвало сильное возмущение людей и приобрело этническую окраску.

Основываясь на выступлениях участников воробьевского схода и своих беседах с жителями села, секретарь республиканского комитета КПРФ В. Шуленин заявил: "Эти преступления – не результат сиюминутной бытовой вспышки агрессивности, а следствие вызывающего, наглого и бесконтрольного поведения "гостей" с Кавказа, не желающих учитывать общественный уклад той среды, в которой они пребывают. Такое положение вещей, как заверили сельчане, просматривается на протяжении долгого периода времени"¹.

На сайте Центра социально-консервативной политики утверждалось, что в республике налицо "напряженность между местным населением и приезжими из соседнего Дагестана, а также других северокавказских республик"². Применительно к Калмыкии в целом с этим выводом трудно согласиться, но словно в его подтверждение в ночь на 15 ноября неизвестные осквернили мечеть в поселке Прикумский Черноземельского района – разбили камнями оконные стекла и забросили в нее свиную голову. Абсолютное большинство жителей Прикумского – мусульмане: даргинцы, аварцы, чеченцы, казахи, ногайцы. Ранее здесь не происходило инцидентов на межнациональной или межрелигиозной почве. В правоохранительных органах не исключили, что имела место провокация, и было возбуждено уголовное дело по ст. 214 УК РФ (вандализм).

Уполномоченный по правам человека в Калмыкии В. Сависько в числе причин конфликта в Воробьевке назвал тяжелое социально-экономическое положение сельчан, их неумение жить в рыночных условиях. Он сообщил, что в селе из тридцати животноводческих стоянок 24 находятся в руках даргинцев. При этом омбудсмен пояснил, что местные жители "получили так называемые земельные паи в соответствии с законодательством, но они не знают, что с ними делать". "Человек не может на этой земле ни сеять, ни пахать, ни строить, потому что большинство жителей Воробьевки – пенсионеры. Приезжие, в свою очередь, на законных основаниях скупают у населения земельные паи, прописываются и живут там, то есть становятся собственниками. Естественно, коренным жителям не нравится такое положение вещей", – отметил В. Сависько³.

Заметим, впрочем, что жителей Воробьевки возмущает не только само по себе сосредоточение собственности в "чужих" руках. Судя по разговору на сходе, наиболее сведущие жители обращали внимание на то, что налоговые задолженности возглавляющих животноводческие стоянки кавказцев варьируют от 16 до 40 тыс. руб., и эти недоимки позволили получить поселению только 40% ожидаемых поступлений. Так что причиной недовольства является, видимо, еще и недобросове-

¹ "Ленинский путь", 15 ноября 2006 г.

² <http://cskp.ru/clauses/2/2253>.

³ <http://www.pravda.ru/news/districts/02-11-2006/202434-0>.

стная экономическая деятельность этнических контрагентов. Воробьевцы потребовали провести проверку законности оформления договоров аренды, размеров реально используемых в производстве земельных площадей. Заместитель министра внутренних дел Г. Ушанов пообещал, что до окончательного урегулирования ситуации на территории СМО будут работать сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями, налоговой службы⁴.

Секретарь Элистинской и Калмыцкой епархии отец Алексей назвал проявление межнациональной розни порождением низкого уровня духовности и нравственности, отсутствием "грамотной национальной политики в российском масштабе"⁵.

Начальник уголовного розыска МВД Калмыкии А. Антонов акцентировал внимание на необходимости усилить профилактику правонарушений, но с непременным условием: предупреждением преступности нужно заниматься всем миром, с привлечением общественных организаций, только тогда следует ожидать эффекта.

Надо заметить, что, кроме убийств в Улан Холе и Воробьевке, в эти же дни в Элисте при различных обстоятельствах погибли еще два подростка, имели место другие случаи молодежной агрессии, принимавшей криминальные формы. Старший помощник прокурора Калмыкии Е. Боляева сообщила, что за год среди молодежи число лиц, совершивших преступления, увеличилось со 167 до 191. По данным министерства образования и науки республики, 36% детей не чувствуют себя защищенными в своих образовательных учреждениях, 57% – на улице, более 29% – в семье⁶.

Судя по всему, противников усиления профилактической работы нет. Это направление станет одним из главных в работе общественного совета при МВД республики, образованного 3 ноября. На совместном заседании комитетов Народного Хурала по социальным вопросам и по делам молодежи, культуре и спорту 28 ноября обсужден вопрос о системе профилактической работы по предупреждению преступлений. Комитеты парламента согласились с предложением министра внутренних дел Калмыкии В. Корнеева ввести со следующего года должности школьных инспекторов в тех учебных заведениях, где обучается более пятисот учащихся. Министерству образования и науки предложено также улучшить внешкольную работу с учащимися.

Некоторые комментаторы проводили параллели между Воробьевкой и Кондополой. По мнению "Независимой газеты"⁷, от повторения карельских событий спасло быстрое реагирование калмыцких властей, милиции и делегации Дагестана, которая уже 30 октября прибыла для

⁴ "Ленинский путь", 15 ноября 2006 г.

⁵ www.regnum.ru/news/733287.htm.

⁶ "Парламентский вестник Калмыкии", 2 декабря 2006 г.

⁷ "Независимая газета", 3 ноября 2006 г.

содействия в урегулировании конфликта. Первый заместитель председателя Народного Собрания этой республики Н. Гайдаров выразил соболезнования родным и близким, семьям погибших. По мнению калмыцкого и дагестанского руководства, трагические инциденты среди молодежи не должны осложнять общественную стабильность, угрожать безопасности граждан, негативно влиять на традиционные дружеские отношения народов Калмыкии и Дагестана. Лидер дагестанской общины в Калмыкии М. Магомедов выразил сожаление по поводу случившегося и от имени калмыцких дагестанцев выразил стремление жить в мире и согласии в ставшей для них родным домом республике.

Не обходилось, однако, и без критики власти. В. Шуленин поинтересовался у примерно тридцати жителей села, удовлетворены ли они тем, что сказали представители власти и силовых структур на сходе, и оказалось, что собеседники выразили неудовлетворенность. По его словам, все как один придерживались мнения, что представители власти стремятся, в первую очередь, "оттянуть время и обезопасить себя", а "не профессионально разрешить ситуацию". "Доверие к власти подорвано еще и тем, что независимо от того, какой пост и должность занимает чиновник, он, этот чиновник, будет делать все необходимое для личной выгоды, а не для простых граждан. В пример привели ситуацию с главой Приютненского района, на которого заведены два уголовных дела", – сообщил секретарь калмыцкого комитета КПРФ⁸.

Неоднозначно воспринималась роль милиции в описываемых событиях. Замминистра внутренних дел Калмыкии Г. Ушанов считает, что личный состав министерства в целом сработал на достаточно высоком профессиональном уровне, за исключением случая в Воробьевке, когда спустя несколько дней после гибели подростка было допущено покушение на убийство. По этому факту прокуратура предъявила обвинение нескольким сотрудникам Приютненского РОВД по ст. 293 Уголовного кодекса РФ (халатность). Милиционеры находились на животноводческой стоянке, когда был произведен выстрел в помощника чабана, но не смогли предотвратить преступление. Исполнявший обязанности отдела внутренних дел Приютненского района А. Свечкарев отстранен от занимаемой должности.

Не возражая против того, что в тревожные дни милиция сработала удовлетворительно, второй секретарь рескома КПРФ М. Янова, тем не менее, сделала резко критическое заявление: "Характер работы всех структур МВД Калмыкии не соответствует уровню по обеспечению правопорядка и безопасности граждан. Необходимо принимать меры до того, как совершаются убийства, а не после потери молодой жизни проводить профилактические, предупреждающие мероприятия"⁹.

⁸ "Ленинский путь", 15 ноября 2006 г.

⁹ Там же.

Дело не ограничилось критикой власти и милиции. Среди старожилов Приютненского района нашлись активисты, решившие создать инициативную группу, чтобы, во-первых, поставить под общественный контроль идущее следствие; во-вторых, вместе с участковым, другими представителями правоохранительных органов проводить рейды и проверки на чабанских стоянках на предмет соблюдения работающими там действующего законодательства. Необходимо объединяться и всем миром наводить порядок, – аргументировали свои намерения сельчане.

Высказывалось мнение о необходимости создания в республике специального органа, который бы курировал национальную политику.

По инициативе руководства МВД республики в образовательных учреждениях прошли родительские собрания, посвященные вопросам охраны общественного порядка и безопасности учащихся, взаимодействия администраций школ с подразделениями по делам несовершеннолетних, организации досуга школьников, укрепления правовой дисциплины и другим. В Элисте 30 ноября состоялся круглый стол "Толерантность и активная гражданская позиция как фактор устойчивого развития межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Калмыкия".

По данным министерства образования и науки Калмыкии¹⁰, до 70% населения республики толерантно относится к представителям других национальностей и конфессий. Начальник регионального управления ФСБ А. Бурдавицын также назвал уровень толерантности населения достаточно высоким, что обуславливает в целом стабильную и спокойную обстановку в Калмыкии¹¹.

Так что, несмотря на всю серьезность октябрьских событий, в регионе не уменьшились возможности поддержания равновесия и взаимопонимания в этнических отношениях, но – при условии проведения грамотной политики в этой сфере и тесного взаимодействия всех заинтересованных субъектов государственной власти, местного самоуправления, гражданского общества.

26 октября 2007 г. в Калмыкии произошел конфликт, начало которому было положено в следовавшем через республику пассажирском поезде Тюмень – Баку и достигло кульминации по прибытии состава на станцию Артезиан. Здесь накал страстей достиг такого уровня, что Южному следственному управлению на транспорте Следственного комитета при Генеральной прокуратуре России пришлось впоследствии возбуждать уголовное дело по статьям УК РФ "хулиганство", "вандализм", "применение насилия в отношении представителя власти".

В вагоне поезда произошла стычка между гражданами Азербайджана и учащимися астраханского ПТУ, следовавшими домой в поселок Артезиан. В результате драки пострадали студенты. По сотовым телефонам они вызва-

¹⁰ "Парламентский вестник Калмыкии", 2 декабря 2006 г.

¹¹ "Парламентский вестник Калмыкии", 14 декабря 2006 г.

ли "подкрепление", и на станцию к приходу состава прибыли несколько десятков молодых людей. В новой драке приняли участие уже около 50 чел. Нескольким пассажирам и сопровождавшему поезд сотруднику линейного отдела внутренних дел станции Кизляр, пытавшемуся пресечь происходящее, были нанесены телесные повреждения. Толпа местных подростков не давала отправить состав, были выбиты окна в вагонах. Медицинская помощь была оказана двенадцати пострадавшим, из них восемь – граждане Азербайджана¹². Напоследок разгоряченные артезианцы нанесли ущерб еще и зданию родного вокзала. Конфликт исчерпал себя, когда поезд все-таки тронулся, и часть участников столкновения остались на перроне, а другая часть – в уехавшем железнодорожном составе.

Естественно, столь неординарное происшествие – нападение на пассажирский поезд международного маршрута – сразу же оказалось в центре общественного внимания. Высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от эмоциональных утверждений свидетелей, что "массовая драка в поезде привела к межгосударственному конфликту"¹³, до традиционных объяснений со стороны официальных лиц, что случившееся – это лишь конфликт на бытовой почве, как квалифицировала происшествие старший помощник Южного транспортного прокурора по взаимодействию со средствами массовой информации и общественностью¹⁴. Начальник штаба курирующего железнодорожную ветку махачкалинского линейного отдела внутренних дел на транспорте заявил, что "конфликт возник еще до прибытия поезда Тюмень – Баку на станцию. Стычка двух подвыпивших компаний носила чисто бытовой характер"¹⁵. Начальник Северо-Кавказской железной дороги назвал инцидент "обычной хулиганской выходкой" – "пассажиры, сидя в вагоне-ресторане, что-то не поделили"¹⁶.

Говорить о конфликте между Россией и Азербайджаном из-за инцидента в Артезиане, действительно, не приходится. Однако считать происшедший конфликт чисто бытовым, на наш взгляд, неверно. В последнее время стало привычным сводить к бытовым подобные столкновения, связанные с погромами, поджогами, человеческими жертвами – в Кондопоге, Яндыках и т. п. Заметим: международный поезд – это не дом, не коммунальная квартира, не общежитие. В поезде Тюмень – Баку произошло столкновение пассажиров – граждан разных государств. Напомним, что сегодня приобрести проездной билет и сесть в поезд, тем более – международный, можно лишь при предъявлении документа, удостоверяющего личность. Поведение же пассажира обуславливается не

¹² Здесь и далее см. интернет-ресурсы: <http://www.novayagazeta.ru/news/194399.html>.

¹³ <http://forum.msk.ru/material/news/398119.html>.

¹⁴ "Российская газета", 29 октября 2007 г.

¹⁵ "Известия Калмыкии", 8 ноября 2007 г.

¹⁶ <http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1200531.html>.

только и не столько его бытовыми привычками, сколько общепринятыми правилами поведения в публичном месте. Кроме того, существуют нормативные документы, определяющие ответственность пассажиров за соблюдение правил поведения во время движения железнодорожного поезда. На наш взгляд, уместнее говорить не о бытовом конфликте, а межгрупповом конфликте в публичном месте по хулиганским мотивам. И это принципиально важно, если иметь в виду ответственность тех лиц и структур, которые призваны предупредить подобные инциденты.

Если бытовые конфликты обычно носят закрытый характер, что делает их сложными для профилактики и разбирательства, то совершенно иные возможности пресечения имеются в случае общественных конфликтов. Если называть бытовыми кондопожский, яндыкский, артезианский и им подобные конфликты, это значит исходить из того, что массовые столкновения невозможно предупредить в принципе. Спонтанность возникающих инцидентов в социально напряженных общественных местах – ресторанах, на дискотеках, в поездах не умаляет ответственности соответствующих служб и властей, которые должны заниматься профилактикой, предупреждением и прекращением массовых столкновений. Каким бы пустяковым ни казался конфликт в публичном месте, его не следует недооценивать. Напротив, надо незамедлительно взять ситуацию под контроль, урегулировать ее. Иначе, как показывает практика, возникает риск стремительного вовлечения в столкновение новых людей и быстрого разрастания мелкого конфликта до опасных масштабов. То, что участники столкновений используют сегодня мобильные и иные средства связи, тем более превращает "бытовой" конфликт в общественном месте в потенциально опасное явление.

Азербайджанский эксперт, главный редактор информационно-политического агентства "3views" Р. Раджабов назвал странным отсутствие ответов правоохранительных органов на простые вопросы: "Как могла быстро organizоваться группа из 50-60 чел.? Как "народные мстители", вооруженные ножами и арматурой, смогли преодолеть сопротивление сотрудников милиции, сопровождавших поезд, и работников железнодорожной милиции, имевших табельное оружие? Откуда молодые люди знали, что им дадут возможность проникнуть в поезд и устроить кровавую разборку? На кого в "верхах" они надеялись, нанося удары ножами направо и налево?"¹⁷. Председатель Ассоциации волгоградской азербайджанской интеллигенции Р. Сейфуллаев счел, что данный случай – следствие попустительства хулиганам¹⁸. Начальник Калмыцкого управления по борьбе с организованной преступностью А. Мухаринов откровенно признал: "Сотрудники транспортной милиции своевременно не пресекли драку и тем самым не выполнили свои прямые обязанно-

¹⁷ www.regnum.ru/news/906237.html.

¹⁸ <http://v102.ru/accidents/2928.html>.

сти"¹⁹. Так что в описываемом случае справиться с инцидентом на начальной и последующей стадии тем, кому это положено, не удалось, и рассуждения о бытовом конфликте похожи на попытку принизить их ответственность за счет сужения масштаба и причин столкновения.

При обсуждении происшедших событий возникли разногласия по поводу того, имеет ли этот конфликт этническую почву. Мнения разошлись даже среди сотрудников правоохранительной системы. По мнению следствия, "версия межнационального конфликта полностью исключена"²⁰. Южное следственное управление на транспорте, заканчивая расследование уголовного дела по факту массовой драки на станции Артезиан, заявило, что перед судом предстанут только четыре человека, которые являются зачинщиками массовых беспорядков. Начало судебных слушаний ожидается в январе 2008 г.²¹ Заместитель министра внутренних дел Калмыкии Б. Гиндеев: "Массовая драка между местными жителями и выходцами из Азербайджана не имела характера межнациональной розни"²². Газета "Коммерсант" привела мнение сотрудников линейного отдела внутренних дел, которые тоже не увидели в инциденте межнациональной подоплеки: "Люди в ресторане подвыпили и повздорили. Потом по сотовым телефонам позвали на помощь своих знакомых. В драке участвовали не только азербайджанцы и калмыки, но и русские и даже чеченцы"²³. Но следователь Южного следственного управления на транспорте Северного Кавказа при Генпрокуратуре РФ С. Бойко заявил: "Это был межнациональный конфликт на бытовой почве"²⁴. Начальник Калмыцкого управления по борьбе с организованной преступностью А. Мухаринов тоже уверен: "Был межнациональный конфликт, так как в данном происшествии участвовали люди разных национальностей"²⁵. Примечательно, что сотрудники правоохранительных органов увидели в конфликте этническую подоплеку. Чаще происходит обратное – даже в очевидных случаях предпочитают видеть все что угодно, только не разногласия на этнической почве.

Однако следует разобраться, можно ли признать межличностный или межгрупповой конфликт этническим (межнациональным) только из-за участия в нем людей разных национальностей? Скорее всего нет, хотя подобное предположение следствия вполне закономерно. Но если доказано, что какая-то из сторон конфликта одним из побуждений к столкновению имела этнический мотив – определяла себя, свою группу или контрагента и его

¹⁹ "Известия Калмыкии", 14 ноября 2007 г.

²⁰ "Известия Калмыкии", 8 ноября 2007 г.

²¹ <http://www.rosbalt.ru/2007/12/22/442750.html>.

²² <http://www.svobodanews.ru/News/2007/10/29.html?id=418756>.

²³ "Коммерсант", 29 октября 2007 г.

²⁴ http://www.kommersant.ru/region/volgograd/page.htm?id_doc=820493.

²⁵ "Известия Калмыкии", 14 ноября 2007 г.

группу в качестве представителей определенной национальности, то в этом случае конфликт может квалифицироваться как происшедший в том числе и на этнической почве. Такой вывод тем более уместен, если участники столкновения прибегают к оскорблению национальных чувств.

Последствия этого локального и скоротечного конфликта отрицательным образом затронули сферу российско-азербайджанских отношений. Это, в частности, выразилось в том, что руководство Азербайджанской государственной железной дороги потребовало от руководства Российских железных дорог и правоохранительных органов в кратчайшие сроки расследовать происшествие. Посольство Азербайджана в России со своей стороны проинформировало об обстоятельствах инцидента соответствующие структуры РФ²⁶. Генеральная прокуратура и министерство внутренних дел Азербайджана распространили сообщение, в котором, в частности, говорилось, что "будет обеспечено принятие в рамках норм международного права соответствующих мер для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступление"²⁷.

Конфликт добавил негатива и в непростые этнические отношения. Председатель Ассоциации волгоградской азербайджанской интеллигенции: "К азербайджанцам на этом участке железнодорожного пути и ранее применялись провокационные выпады"²⁸. Полковник милиции А. Мухаринов, наоборот, озвучил мнения жителей Артезиана о том, что прежде имели место "провокации со стороны азербайджанцев"²⁹. Автор одной из публикаций, как бы подытоживая, с тревогой заметил: "Межнациональные отношения на юге страны столь накалены, что любой инцидент может привести к массовым столкновениям"³⁰.

Вне сомнения, конфликт способствовал укреплению ксенофобских настроений в обществе. Примечателен распространенный информационным агентством "Регнум" комментарий уже упоминавшегося азербайджанского аналитика Р. Раджабова: "По мнению эксперта, несмотря на недостаток данных, скорее всего след нужно искать среди скинхедов, которых, по его мнению, немало в Калмыкии. Даже если инцидент начался с бытовой ссоры, искра попала на благоприятную почву и дала повод фашистам узреть очередную вину иноземцев, из-за которых, якобы, "пропадает Рассей"³¹. Тут необходимо уточнить, что скинхедов в Калмыкии на самом деле нет, по крайней мере, признаков их существования в республике не замечено, нет упоминаний о них и в местных или российских источниках. Так что точка зрения публичного деятеля,

²⁶ <http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1200401.html>.

²⁷ www.regnum.ru/news/907933.html.

²⁸ <http://v102.ru/accidents/2928.html>.

²⁹ "Известия Калмыкии", 14 ноября 2007 г.

³⁰ <http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=4900>.

³¹ www.regnum.ru/news/906237.html.

влияющего на настроения, эмоции и сознание определенной части азербайджанского общества – еще один шаг к усилению напряженности. Неудивительно, что на одном из российских сайтов появился соответствующий отклик: "Особенности условий жизни северокавказских народов некогда были таковыми, что враждебное, настороженное отношение к чужакам и сплоченность соплеменников были необходимыми условиями выживания. Уже давно нет угрозы со стороны кочевников, арабов, турок или других завоевателей, но особенности менталитета остались. И теперь они вновь актуализируются, в том числе и с помощью пропагандистских штампов о "русско-фашистской", "калмыцкой", "осетинской" и иных угрозах"³².

Глава республики К. Илюмжинов с сожалением констатировал: "После нападения на поезд Тюмень – Баку Калмыкия "прославилась" на всю страну"³³. Он также заявил: "Недопустимо, чтобы подобные выходки молодых людей, которые хотели таким образом самоутвердиться, влияли на экономику всего региона. Временно приостановили поездку в Калмыкию представители "Лукойла", который планирует именно в Артезиане построить химический завод. Кроме того, предстоит успокоить ОАО "РЖД" – крупного инвестора, готового вложить немалые средства в строительство 280 километров железной дороги Элиста – Аксарайская"³⁴.

Азербайджанская государственная железная дорога сообщила о намерении временно повысить меры безопасности в своих поездах на российском направлении, увеличить количество сотрудников в них³⁵. На станцию Артезиан были направлены дополнительные милицейские силы, дежурство здесь стали нести усиленные наряды. Первый заместитель главы Черноземельского районного муниципального образования Калмыкии С. Бачаев сообщил: "На станции Артезиан сразу после локализации стихийных разборок был организован сход граждан. Актив поселка вместе с представителями администрации смогли утихомирить односельчан, и в данное время обстановка на месте происшествия оценивается как "относительно спокойная"³⁶.

Мелкий "бытовой" конфликт в вагоне привел к заметным общественным последствиям и потребовал принятия серьезных мер для предотвращения новых возможных столкновений. Российская транспортная милиция уже усилила контроль за прохождением азербайджанских поездов по территории страны.

³² <http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=4900>

³³ "Хальмг унн", 7 ноября 2007 г.

³⁴ "Известия Калмыкии", 8 ноября 2007 г.

³⁵ <http://capital.trendaz.com/index.shtml?show=news&newsid=1062157&lang=RU>.

³⁶ "Известия Калмыкии", 8 ноября 2007 г.

О судьбе запрета иностранцам на торговлю

А. А. Кочергин

Запрет иностранцам торговать не изменил коммерческую ситуацию в Краснодарском крае, но публичные обсуждения федеральной инициативы заметно способствовали актуализации ксенофобского дискурса.

Как известно, с 1 апреля 2007 г. вступило в силу постановление Правительства РФ № 683 "Об установлении допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации" в той его части, которая фактически запрещает иностранным гражданам торговать в розницу вне магазинов. В первый же день действия постановления на рынках Краснодарского края, как и в целом по стране, начались соответствующие проверки. Выявлением нарушителей занимается межведомственная комиссия, в состав которой входят специалисты Федеральной миграционной службы, краевой инспекции по труду, Роспотребнадзора и милиции общественной безопасности ГУВД края.

Такая активность правоохранительных и контролирующих органов предполагает высокую общественную значимость нововведения, определяющее его влияние на ситуацию в конкретном регионе и стране в целом. Однако какие смыслы данного правительственного решения обнаруживаются на практике? Как известно, вызвали его появление трагические события в Кондопоге и последовавшее за ними заявление Президента РФ В. Путина о необходимости разобраться с ситуацией на рынках, прежде всего с коррупцией. Реактивный характер действий правительства уже позволял усомниться в намерении властей действительно обновить механизм розничной торговли. Больше это было похоже на демонстрацию населению готовности учитывать общественное мнение и решительности, даже жесткости в отстаивании его интересов. И то, в каком виде и в каком контексте это решение реализуется в регионах, скорее подтверждает данный вывод, чем его опровергает.

Губернатор края А. Ткачев сразу же после президентского выступления провел с руководителями краевых силовых структур совещание, посвященное борьбе с коррупцией на рынках. Темой совещания стала миграционная проблема. Характеризуя ее, губернатор счел нужным отметить, что "зачастую к нам едут не те, кто хочет работать, не квалифицированные кадры, а люди из криминальной среды. Они пытаются

поставить под свой контроль наиболее доходные части экономики Кубани". Как итог в очередной раз было высказано требование ужесточения действий правоохранительных органов.

О том, что такое понимание ситуации – это большое преувеличение проблемы, позволяют говорить данные, исходящие из самой же краевой администрации. Как заявил в январе 2007 г. первый вице-губернатор Краснодарского края А. Ремезков на всероссийском селекторном совещании "О надзоре за розничной торговлей на рынках", в крае почти 99% рынков соответствуют всем требованиям законодательства. Всего в регионе насчитывается 380 рынков, на которых трудится около 70 тыс. чел. "Максимальная численность легальных иностранных работников, зарегистрированных в сфере розничной торговли Кубани, в 2006 г. составляла 2085 чел., однако к декабрю 2006 г. она сократилась до 988 чел.", – сказал А. Ремезков. В заключение он отметил, что "сегодня на половине рынков края вообще нет мигрантов, на остальных их доля колеблется от 2% до 4,5%".

Не изменилась ситуация и в последующие два месяца. По словам заместителя начальника отдела по вопросам трудовой миграции ФМС О. Поповой, всего в крае в первом квартале 2007 г. разрешительные документы на работу получили 8,5 тыс. мигрантов, из них 23 чел. – продавцы.

В итоге нововведения мало что изменили на краснодарских рынках. Так, на Сенном рынке (самом крупном продовольственном рынке Краснодара), по словам его директора С. Мошногорского, освободилось только 32 места. Серьезные проблемы возникли лишь с продажей сухофруктов, ибо на их торговле специализировались таджики. Но, по заверениям того же директора рынка, четыре места уже заняли местные продавцы: "Так что я не думаю, что торговать сухофруктами будет некому. Все знают, у нас большая конкуренция, а значит, и цены вырасти не должны".

А вот публичные обсуждения правительственной инициативы заметно поспособствовали актуализации ксенофобского дискурса. Еще в ноябре прошлого года, после принятия постановления № 683, в краевой прессе появились материалы с его оценками. В целом довольно выдержанные по своему содержанию, они в то же время показали, что именно сотрудники правоохранительных органов демонстрируют самую жесткую позицию по отношению к мигрантам, зачастую переходя на язык вражды. Например, "Комсомольская правда – Кубань" опубликовала мнения представителей разных социальных групп по этому вопросу. Большинство опрошенных продемонстрировали относительно добродушное отношение к мигрантам-торговцам: "Непонятно, почему людей с регистрацией, пусть и временной, лишают права легально за-

работать. У них же есть все документы! А потом власти удивляются, почему приезжие враждуют с русскими" (С. Волков, директор предприятия). А вот правоохранители выступили крайне нетерпимо: "По самым скромным оценкам налоговой и миграционной служб, бюджет страны каждый год теряет 200-300 млрд руб. из-за мигрантов, не заплативших налоги" (Михаил, работник миграционной службы). "От временно регистрирующихся мигрантов надо избавляться. Сначала они берутся за самую низкооплачиваемую работу. Потом их обманывают работодатели. Денег, чтобы вернуться, нет, жилья тоже. И они начинают торговать наркотиками, грабить, убивать, организовывать общины, подкупать чиновников. Нашей стране это не нужно" (М. Коновалов, милиционер). Примечательно и то, что в качестве заголовка публикации журналистами была выбрана фраза, характеризующая позицию последнего: "От временно регистрирующихся мигрантов надо избавляться"¹. Заголовок является доминантой, выражающей основную идею сообщения, так что точка зрения, которую представляет пресса, не вызывает сомнений.

Но журналисты все-таки вынуждены хоть немного играть в политкорректность, а вот на интернет-форумах обычно высказываются прямо, непосредственно так, как думают. Обсуждение на наиболее популярном краевом форуме на сайте www.kuban.ru показывает, что большая часть его посетителей поддерживает решение правительства, в то же время отмечая и его недостатки. Как сторонники, так и противники нового порядка указывают, прежде всего, на ограниченную направленность действия постановления – непосредственно только на работников за прилавком. В то время как в качестве вспомогательного персонала или, наоборот, руководящего, а тем более владельца торговой точки трудиться иностранцам не возбраняется. И если противники постановления таким образом подчеркивают его бессмысленность, то сторонники требуют полного запрета на деятельность в сфере торговли для иностранцев. Из рациональных аргументов в вину иностранным торговцам ставится то, что они вырученные деньги переводят в свои страны. Но определяющим фактором в отношении к ним выступают эмоции: иначе как "грязных, небритых, чужих" их воспринимать не хотят. Участники форума по преимуществу готовы видеть иностранцев лишь работающими на самых тяжелых работах без всяких прав. Как пишет один из постоянных посетителей: "...пусть работают, общаются к цивилизации, раз у себя всю промышленность угробили...".

И хотя интернет использует пока незначительная часть населения, следует признать, что представленная выше позиция характерна для заметной доли населения края. На удовлетворение этих ксенофобских

¹ "Комсомольская правда – Кубань", 22 ноября 2006 г.

потребностей россиян, получается, и была направлена правительственная инициатива, даже если представители госвласти этого и не признают. Проводимые в последние годы соцопросы неизменно показывают, что важнейшей проблемой для россиян выступает обеспечение безопасности и порядка. Проще всего накапливающуюся в этой связи напряженность направлять на внешний источник неудовлетворительного состояния дел, т. е. на "чужих", затушевывая собственные властные и конфликтные отношения. Реализуя подобные постановления, и федеральная, и региональная власть желает выглядеть жесткой, сильной и решительной. Создается впечатление, что власти "что-то делают", причем эта деятельность представлена в высоко-драматичной, осязаемой и зримой, такой убедительной форме. И здесь эффектность карательных операций намного важнее, чем их эффективность, которая из-за недолгой общественной памяти вообще редко подвергается обсуждению.

Реакция власти и общества на массовые беспорядки

М. А. Аствацатурова

Несмотря на прекращение массовых миграционных перемещений на Юге России, одним из важных факторов, влияющих на этнические отношения, является общественное восприятие продолжающегося притока постоянных и временных мигрантов. В этом отношении характерен пример Ставропольского края.

Миграционное пополнение общин и диаспор приводит к активизации национально-культурного самоопределения и образованию новых национально-культурных организаций. При этом складываются разноразличные организации, которые формируют вертикальные и горизонтальные связи и зачастую вступают между собой в конкурентные отношения (местные, городские, районные, межрайонные, региональные НКО, НКА, а также региональные отделения общероссийских организаций). Возникают объединения национально-культурных организаций по принципу этнокультурной принадлежности либо территориальной, административной общности (союзы, содружества, форумы, ассоциации, межэтнические советы, общественные советы). НКО и НКА входят на ассоциативных началах в дома национальных культур (как муниципальных учреждений культуры администраций местного самоуправления), в дома и центры дружбы. Лидеры НКО и НКА включаются в консультативные структуры, сотрудничают с экспертным сообществом, принимают участие в разработке и реализации управленческих решений. Общественные организации этнокультурной направленности принимают участие в таких актуальных направлениях деятельности, как миротворчество, социальное проектирование, организация межрегиональных связей, взаимодействие с соотечественниками за рубежом. В этой связи важно узнать, а какова позиция самих национально-культурных обществ в отношении миграции и каким видится им собственное участие в решении возникающих проблем.

По инициативе Северо-Кавказской академии государственной службы в субъектах ЮФО был проведен выборочный опрос среди представителей и руководителей организаций этнокультурной направленности. Анкетирование проводилось с целью изучения проблем адаптации и интеграции этнических мигрантов в округе и роли в этом НКО и НКА как институтов гражданского общества. Опрос проведен в апреле 2008 г. среди 97 представителей и руководителей диаспор, общин,

национально-культурных объединений и национально-культурных автономий в 7 регионах округа: Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Северная Осетия-Алания. В качестве респондентов выступили представители разных диаспор и общин. В частности – наиболее многочисленных диаспор: армянской, греческой, немецкой, а также азербайджанской, болгарской, грузинской, киргизской, польской, таджикской. Опрошены представители общин адыгейцев, балкарцев, даргинцев, ингушей, карачаевцев, ногайцев, осетин, русских, татар, чеченцев.

Национально-культурные организации представлены разноуровневыми объединениями и ассоциациями – региональные отделения всероссийских (федеральных) организаций, региональные национально-культурные общественные организации и автономии (краевые, областные, республиканские), районные, городские, межрайонные (регион кавказских Минеральных Вод), межэтнические советы. Среди опрошенных: 58,7% – мужчины, 41,3% – женщины; 36,96% респондентов попали в возрастную категорию до 30 лет, 14,13% – от 31 до 40 лет, 21,74% – 41-50 лет, 17,39% – 51-60 лет, 9,78% – старше 61 года. Из общего числа респондентов 51,52% имеют высшее гуманитарное образование, высшее техническое – 24,24%, высшее естественно-научное – 7,07%; имеют ученую степень – 4,04%, другое – 13,13%. По основным сферам занятости опрошенные представляют следующие группы: работники торговой сферы (25,49%), сферы услуг (19,61%), представители науки и образования (14,71%), сферы культуры (8,82%), медицины, транспортной сферы и связи, строительного сектора (4,9%), работники сельского хозяйства и производственной сферы (по 1,96%), др. (12,75%).

Определяя значимость миграции для ЮФО, более половины респондентов ответили, что данная проблема является очень актуальной (56,04%) и актуальной в средней степени (42,86%). Лишь 1,1% заявили об отсутствии актуальности. При этом миграцию как явление положительное оценили свыше 2/3 ответивших, но четверть сказали, что это явление отрицательное. Степень влияния миграции на стабильность социально-экономического и политического положения регионов ЮФО респонденты также оценили неоднозначно: почти 70% считают, что в той или иной мере миграция создает угрозу стабильности и устойчивому развитию регионов Юга России, но остальные полагают, что никакой угрозы не существует.

Те, кто говорит об угрозе со стороны миграции, имеют в виду, прежде всего, проблемы межэтнических взаимоотношений. Только пятая часть опрошенных указала, что миграция создает трудности в социальной сфере и лишь 11% полагают, что трудности имеют экономические

последствия. Еще меньшая доля говорит об угрозах в области сохранения культурных традиций, духовной сфере, включая религиозные отношения. Незначительная часть респондентов заметила, что миграция затрагивает тему отношений с сопредельными государствами.

Опрашиваемым был задан вопрос о том, к каким последствиям привела миграция. Среди положительных результатов миграции названо следующее: восполнение дефицита рабочей силы в различных отраслях, содействие экономическому развитию, увеличение культурного разнообразия регионов, улучшение демографической ситуации. К отрицательным последствиям респонденты причислили опасность распространения национализма, этносепаратизма, религиозного экстремизма, создание питательной почвы для взяточничества и коррупции. Около 13% заявили, что из-за неконтролируемых миграционных процессов происходит "вытеснение местного населения из целых областей экономики", а 10% указали, что происходит изменение этнодемографических пропорций населения. Такая же часть высказала опасения по поводу того, что в результате миграции происходит размывание местных традиций.

Разделилось мнения по вопросу о том, кто из мигрантов может представлять для местных жителей больший источник проблем. Треть заявила, что беспокойство вызывают в основном те, кто приезжает на постоянное место жительства, а треть других ответивших полагают, что источник беспокойства – это в основном трудовые мигранты. Еще около 20% считают, что таким источником являются лица, покинувшие место жительства вследствие вынужденных и насильственных перемещений.

То, что в мигрантах заинтересованы различные сегменты принимающего сообщества, согласны почти все опрошенные. При этом 17% считают, что основная заинтересованность в этом у местных органов власти, 15% указывают на особый интерес со стороны землячества и диаспор, 14% полагают, что миграция – это в основном необходимость для самих мигрантов. Лишь 11% респондентов заявили, что в притоке мигрантов на Юг России заинтересованы органы власти субъектов Федерации.

По мнению многих ответивших, решение миграционных проблем не должно лежать на неправительственном секторе. Так, лишь 5% респондентов заявили, что решать проблемы приезжих обязаны общественные объединения, 3% отметили, что соответствующая задача лежит на религиозных организациях и 0,5% – на политических партиях.

Анализ данных опроса лидеров общественных организаций этнокультурной направленности свидетельствует о том, что миграция рассматривается ими как явление в целом необходимое, но все же усложняющее межэтнические отношения. Опрос также показал, что гражданское общество по большей части не готово активно участвовать в мероприятиях, связанных с решением миграционных проблем и воз-

никающих последствий. Видимо, это свидетельствует о пока еще недостаточном уровне сотрудничества НКО и НКА с государственными структурами, ведающими вопросами переселений и трудоустройства.

Роль общественных организаций этнокультурной направленности в предупреждении и урегулировании острых межобщинных противоречий могла бы быть высокой, учитывая, что конфликтная ситуация нередко усугубляется под воздействием "информационного террора". В Ставрополье после столкновений молодежи необоснованные и заведомо не соответствующие действительности заявления СМИ породили множество слухов, коллективных жалоб, негативных этнических стереотипов. Июньские (2007 г.) события в Ставрополе послужили активизации всего комплекса политико-управленческих, организационных мер по стабилизации ситуации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В связи с трагическими событиями – смертью в массовой драке студента юридического факультета Ставропольского государственного университета Г. Атаева и убийством студентов Ставропольского государственного и Северо-Кавказского государственного технического университетов Д. Блахина и П. Чадина власть и общество обратились к проблемам межэтнических противоречий, экстремизма, агрессии.

Случившаяся трагедия и сложившаяся ситуация остро поставили несколько вопросов:

- об оперативности и адекватности реакции власти;
- о компетентности силовых структур;
- о комплексности и системности управления в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений;
- о роли СМИ;
- об участии общественных объединений;
- о миротворческом ресурсе институтов церкви.

Закономерно, что главным объектом внимания стала молодежь края, этнический состав которой, прежде всего в крупных городах (Ставрополь, Пятигорск, Невинномысск), меняется в сторону увеличения "кавказских черт" за счет притока учащейся молодежи из Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни в вузы края.

События, произошедшие в Ставрополе 24 мая–7 июня 2007 г., свидетельствуют о том, что общественно-политические и межэтнические отношения находятся в динамичном равновесии и поддаются управлению со стороны органов власти. При этом отмечается конфликтогенная готовность отдельных представителей молодежи, которая проявляется на уровне межличностных отношений, в бытовых провоцирующих ситуациях (дискотеки, массовые мероприятия, празднования, свадьбы, похороны, досуговые акции и др.). В этих ситуациях причиной противоречий и конфликтов являются бытовые обстоятельства, но не этническая принадлежность конкретных участников противостояния.

Однако в ходе развития противоречий молодежь образует группы по этноконфессиональному признаку. Эти группы быстро пополняются новыми участниками, осуществляют противоправные действия, используют листовки, лозунги, растяжки, баннеры, "заборный терроризм".

Типично также то, что группы молодежи часто обращаются с радикальными протестами к властям, адресуя им прямые обвинения в бездействии и некомпетентности. Закономерно также, что политические силы используют протестный молодежный потенциал в своих интересах.

События 24 мая в Северо-Западном спальном районе Ставрополя недалеко от казино "Мидас", по сути, являлись обычной дракой подростков, которая на определенном этапе приобрела массовый характер (от 50 до 80 чел.). К выяснению отношений были привлечены "этнические собраты" – славяне и чеченцы.

В этой ситуации силовые структуры попытались на раннем этапе прекратить драку, своевременно вызвать "скорую помощь" для оказания медицинской помощи пострадавшим. Однако, не справившись с ситуацией, сотрудники милиции сами подверглись нападению и открыли огонь из табельного оружия, в результате чего был ранен студент чеченец З. Ахматов. В больницы с различными травмами было доставлено около 20 чел. (многие пострадавшие в драке не обратились за медицинской помощью). Следствием драки стала смерть студента юридического факультета Ставропольского государственного университета чеченца Г. Атаева.

После драки в течение нескольких дней напряженность в Ставрополе нарастала, повысился уровень тревожности населения, разрастались слухи. В известном смысле последующее убийство Д. Блахина и П. Чадина в ночь со 2 на 3 июня во мнении горожан было ожидаемым трагическим следствием первой драки. Убийство Д. Блахина и П. Чадина рассматривается многими ставропольцами как месть и как драма, которая стала катализатором дальнейшего обострения ситуации. Обстановка в городе становилась все более напряженной. Обсуждались сюжеты возможных драк, убийств и т. п., ожидалось введение комендантского часа. 3, 4, 5 июня многие районы города патрулировались нарядами милиции. В вузах проходили стихийные и организованные собрания молодежи, на которых обсуждались проблемы межэтнических отношений, позиция властей и правоохранительных органов.

Реакция власти и общества

28 мая в Ставрополе на площади Ленина перед правительственным зданием прошла акция, организованная Союзом братских народов Кавказа "Радуга" (руководитель А. Алибеков). Акция была направлена на стабилизацию ситуации, однако не была согласована с руководителем чеченской диаспоры края Р. Дадахановым.

1 июня первый заместитель прокурора края С. Дубровин провел пресс-конференцию и отметил, что природа преступления (имеется в виду убийство Д. Блахина и П. Чадина) не связана с первой дракой и смертью Г. Атаева и с проблемами межэтнических отношений. Он отметил, что возбуждены уголовные дела по статьям "умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевших".

2 июня в администрации краевого центра прошла встреча членов Совета безопасности Ставрополя с председателем Ставропольского конгресса народов России Г. Степановым и заместителем председателя конгресса, руководителем городского культурного центра вайнахов "Нийсо" Д. Эсамбаевым. Встреча была посвящена усилению взаимодействия правоохранительных органов и диаспор в сохранении мира и конструктивного диалога.

3 июня в городе проходили празднование и митинг, посвященные 230-летию со дня рождения генерала А. Ермолова, личность и деятельность которого при завоевании Северного Кавказа и ведении Кавказской войны оцениваются в регионе неоднозначно. Глава Ставрополя Д. Кузмин подчеркнул, что праздник омрачен трагическими событиями, и призвал горожан не поддаваться на провокации, не распространять панические слухи, сохранять благоразумие. На празднике звучали упреки в адрес власти в отсутствии национальной политики, резкие высказывания в отношении мигрантов. Предлагалось отправить в отставку чиновников, ответственных за состояние межэтнических отношений и управление в этой сфере.

3 июня прошло экстренное заседание совета по общественной и экономической безопасности края, а также совещание у губернатора с руководителями правоохранительных органов, прокурором края, начальником управления ФСБ и руководством ГУВД по Ставропольскому краю.

3 июня губернатор края А. Черноголов прокомментировал события в Ставрополе. Он рассказал о принятых им мерах, о письменных указаниях всем главам администраций городских округов и муниципальных районов, об особом контроле над ситуацией. Главная идея комментария состояла в необходимости поддержания мира на Ставрополье, в важности противостояния деструктивным силам, пытающимся "раскачать общественное спокойствие, посеять панику и тем более – межнациональную рознь в нашем регионе".

2-3 июня состоялись совещания с участием заместителя полномочного представителя Президента РФ в ЮФО С. Ваганова, главного федерального инспектора по Ставропольскому краю А. Коробейникова, главного специалиста департамента внешних связей администрации главы Чеченской Республики Ш. Тужаева. В совещаниях приняли участие руководители

Союза славянских общественных организаций Ставрополя В. Нестеров, чеченской диаспоры Ставрополя Р. Дадаханов.

4 июня было принято обращение к жителям Ставропольского края, которое подписали председатель Союза славянских общественных организаций Ставрополя В. Нестеров, атаман Ставропольского отдела ТКВ М. Серков, председатель армянской национально-культурной автономии Ставропольского края В. Погосян, полномочный представитель Республики Дагестан в Ставропольском крае А. Омаров, председатель общественной организации "Краевое чечено-ингушское общество "Нийсо" Р. Дадаханов, председатель городской греческой национально-культурной автономии Н. Мацукатов, председатель совета Ставропольского культурного центра "Абаза" В. Курчиев, председатель краевой организации "Осетинское культурно-просветительное общество "Амонд" Б. Татаров. Обращение содержит призывы к единству во имя России, Северного Кавказа, Ставропольского края. Руководители общественных организаций "решительно осуждают провокаторов, реакционеров, этих нелюдей". "Таким людям не должно быть места среди нас", – говорилось в обращении.

Администрация Ставрополя совместно с силами ГУВД по Ставропольскому краю и общественными организациями провела ряд проверок и рейдов по студенческим общежитиям, местам скопления и досуга молодежи (парки, кинотеатры, кафе, игровые клубы и др.).

К ставропольцам обратились епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан, заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ В. Катренко, другие официальные лица. Они призывали население края сохранять спокойствие, стабильность и не поддаваться на провокации.

5 июня похороны Д. Блахнина переросли в несанкционированный митинг перед Домом правительства, в котором участвовали около 500 молодых людей, настроенных решительно и радикально. При этом с утра в местах скопления молодежи были распространены листовки с радикальными призывами. Митинг молодежи приобрел политическую окраску, в адрес губернатора и правительства края звучали радикальные лозунги ("Губернатора в отставку!"), а также лозунги националистического характера ("Россия – для русских" и т. п.). К собравшимся для переговоров вышли исполняющий обязанности вице-губернатора Ставропольского края А. Воропаев и глава Ставрополя Д. Кузмин. Председатель комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества В. Шнюков общался с молодежью и организовывал переговорный процесс с отдельными митингующими.

В силу того, что митинг не был санкционирован и отдельные митингующие приступили к противоправным действиям, милиция и ОМОН

разогнали митинг; оказывающие сопротивление – около 50 чел. – были задержаны.

5-6 июня в правительстве края при комитете Ставропольского края по делам национальностей и казачества было решено создать информационный центр, а также молодежный этнический совет при комитете Ставропольского края по делам молодежи.

6 июня в Ставрополь прибыл полномочный представитель президента РФ в ЮФО Д. Козак. Он провел совещание и пресс-конференцию, на которой отметил, что нет оснований для придания конфликту межнациональной окраски.

В Ставрополе прошло заседание консультативного совета по вопросам национально-этнических отношений при администрации города под председательством заместителя главы администрации города А. Мартынова. С участием руководителей национально-культурных организаций, казачества, духовенства состоялось обсуждение событий и ситуации в городе и крае и были намечены пути стабилизации этнополитической обстановки. Важным результатом встречи стало принятое обращение к ставропольцам, в котором предлагается сохранять стабильность в многонациональном сообществе, провозглашаются такие ценности, как "мир, согласие, единство, законность, справедливость". В обращении осуждались проявления ксенофобии, экстремизма и утверждались как принципы жизни гражданственность и патриотизм.

Постконфликтная ситуация июля и августа продемонстрировала несколько значимых тенденций. Во-первых, ставропольское общество осознало глубину трагедии и единодушно осудило агрессию и преступность. Во-вторых, ставропольцы озаботились состоянием правовой защищенности и общечеловеческой безопасности, профессионализмом властей и силовых структур. В-третьих, жители края осознали важность всеобщей ответственности за состояние общественно-политических отношений, в т. ч. и в их этническом и этнополитическом выражении.

Если июнь в силу высокого уровня напряженности и тревожности населения столицы края, региона КМВ был месяцем оперативного реагирования власти, то июль и август стали периодом управленческой рефлексии, а также рефлексии общества по поводу случившегося. В этой связи заслуживают внимания и аналитической оценки позиции разных институтов ставропольского социума.

Губернатор края А. Черноголов в официальных акциях и интервью в прессе, прежде всего, в информационном вестнике правительства Ставропольского края выразил сочувствие родителям погибших и заявил о своем нетерпимом отношении к правонарушениям, которые дестабилизируют обстановку в крае. Он подчеркнул наднациональный общечеловеческий характер трагедии, а также ответственность опре-

деленных политических кругов края за раздувание конфликта с целью раскачать общественную ситуацию и получить политические дивиденды. Также глава края отметил дефицит объективности и правдивости в некоторых СМИ, которые при освещении июньских событий допускали неоправданное нагнетание ситуации, презентацию "жареных" фактов, педалирование этнического фактора.

Закономерно, что проблема мирного сосуществования и взаимодействия народов и этнических групп края была и остается значимой во всей системе управления общественными отношениями. При этом магистральной задачей организационной, информационной, разъяснительной работы органов власти и управления является отказ от отождествления этнической и конфессиональной принадлежности с агрессией, преступностью, экстремизмом.

Особое внимание глава края уделил общим социальным проблемам молодежи: качеству образования, трудовой деятельности и досуга, а также экстремистским проявлениям, которые должны жестко пресекаться в рамках закона.

Неординарным шагом власти стала инициация создания Молодежного межнационального совета при комитете Ставропольского края по делам молодежи, председателем которого стал С. Калашников – председатель комитета Ставропольского края по делам молодежи. В состав совета вошли члены молодежных этнокультурных просветительских организаций – армянской, еврейской, греческой, карачаево-балкарской, народов Дагестана, осетин, славян, чеченцев и ингушей, а также представители казачьего молодежного движения Ставропольского казачьего округа ТКВ и организации "Молодая гвардия" "Единой России".

Прокурор края И. Полуэктов взял расследование по факту гибели троих ставропольских студентов под свой личный контроль. В связи с указанными событиями заведено 9 уголовных дел по признакам преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом РФ по факту хулиганства, совершенного группой лиц, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

В ходе расследования проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, которые сопровождаются биологическими и генетическими экспертизами. При этом прокуратура края подчеркивает, что вина того или иного фигуранта может быть определена только после вынесенного судом приговора. Следствие установило, что преступные действия, имевшие место в ходе известных событий, обусловлены хулиганскими мотивами и не связаны с межнациональными отношениями. Однако лозунги и призывы, под которыми шла толпа во время стихийного несанкционированного шествия 5 июня 2007 г. в Ставрополе, имели совершен-

но четкое этноконфликтное содержание: "Россия для русских", "Чемодан – вокзал – Чечня!", "Нет чеченским террористам!" и т. п.

Важная проблема, которая высветилась для прокуратуры в ходе событий – фактический "информационный террор", которому подверглись жители края. Некоторые СМИ позволили себе необоснованные и заведомо не соответствующие действительности заявления, которые породили множество слухов, коллективных жалоб, негативных этнических стереотипов. В адрес таких СМИ прокурором края направлены представления.

Внимание прокурора привлечено к социальным проблемам молодежи, к необходимости создания для молодежи края "доступной, доброкачественной и доброжелательной окружающей среды".

В июне-августе 2007 г. национально-культурные организации края совместно с комитетом Ставропольского края по делам национальностей и казачества провели множество мероприятий и акций консультативного, переговорного характера. Основной задачей для этнокультурных объединений стали разъяснение ситуации, воспитательная работа с молодежью соответствующих этнических групп. В этот период оживился диалог институтов гражданского общества с властью и органами местного самоуправления, при этом были предъявлены взаимные предложения и обозначены острые проблемы.

Политически значимой акцией стало принятие обращения руководителей национально-культурных объединений Ставропольского края, которое подписали председатель краевой общественной организации "Славянский союз Ставрополя" Д. Северин, атаман Ставропольского казачьего округа ТКВ М. Серков, председатель армянской национально-культурной автономии Ставропольского края "Наири" В. Погосян, полномочный представитель Республики Дагестан в Ставропольском крае А. Омаров, председатель общественной некоммерческой организации "Ставропольский региональный культурный центр вайнахов (чеченцев и ингушей) "Нийсо" Р. Дадаханов, председатель Ставропольской городской греческой национально-культурной автономии Н. Мацукатов, председатель Совета ставропольской городской общественной организации Абазинской культурный центр "Абаза" В. Курчев, председатель общественной организации "Осетинское культурно-просветительское общество "Амонд" Ставропольского края Б. Татаров.

В обращении, помимо традиционных призывов к межнациональному миру, подчеркивается важность исполнения жителями края своих гражданских обязанностей и гражданского долга, необходимость совместными усилиями, формированием общественного мнения "дать решительную оценку экстремистским проявлениям на Ставрополье".

Активное участие в урегулировании ситуации и предотвращении эскалации конфликта принял епископ Ставропольский и Владикавказский

Феофан. Глава епархии в своих публичных выступлениях и обращениях к жителям края поднял ряд актуальных проблем, непосредственно или опосредованно касающихся состоявшихся событий. Это, прежде всего, проблема единства россиян и гражданской идентичности на основе традиционных ценностей, в основе которых, по мнению епископа, лежат нормы православия. Это также вмешательство в конфликтную ситуацию политических сил, которые стремились использовать события в своих целях, продолжая расшатывать ситуацию, что проявилось в ходе событий в Новоалександровске при убийстве атамана А. Ханина.

Епископ Феофан, возглавляющий группу миротворческой деятельности на Северном Кавказе комиссии по толерантности и вопросам совести Общественной палаты РФ, озабочен процессами обособления, этносепаратизма. В соответствии со своим призванием епископ подчеркивает важность согласия, толерантности, которые не насаждаются сверху, по распоряжению, а воспитываются в ходе долгого духовного роста.

Важным тезисом, который традиционно провозглашает глава епархии, является тезис об открытости, дружелюбности, гуманности православия и готовности епархии к активному диалогу с другими религиями во имя мира и спокойствия.

Председатель Координационного центра мусульман северного Кавказа муфтий Духовного управления мусульман (ДУМ) Карачаево-Черкесии и Ставрополья Исмаил-хаджи Бердиев выразил глубокую озабоченность состоявшимся конфликтом и последующими событиями. Он поднял серьезную проблему – проблему готовности молодежи к агрессии, к противоправным действиям, включая преступления против личности и убийство. Муфтий озабочен проявлениями национализма, ксенофобии, которые далеко не всегда получают оперативную оценку и отпор со стороны властей и силовых структур.

Июньские события стали для главы ДУМ поводом для размышления о состоянии межконфессиональных отношений в крае, о положении неславянского населения, об удовлетворении интересов мусульманской части ставропольского общества. Муфтий озабочен отождествлением ислама и экстремизма, бюрократическими препонами на пути мусульманских общин, которые стремятся к духовному окормлению и организации религиозных сообществ в соответствии с законодательством РФ.

Также в поле конфликтных проявлений лежит проблема миграции в край жителей соседних республик, которые являются гражданами России и имеют конституционные права, равные с правами жителей края. Все это в целом создает конфликтогенные факторы в отношениях между славянским и неславянским (в данном случае мусульманским) сообществом края, которые в провоцирующих ситуациях перерастают в открытые конфликты, прежде всего с участием больших групп молодежи.

Постконфликтная рефлексия ставропольского общества свидетельствует о том, что в целом произошло осознание опасности экстремистских противоправных проявлений с использованием этнических маркеров и "этнической карты". Власть не допустила дальнейшего антагонистического развития противостояния и дестабилизации ситуации в крае. Возможные массовые столкновения на этнической почве удалось предотвратить. Силловые структуры на этапе формирования не санкционированных массовых выступлений сумели локализовать и нейтрализовать "эффект толпы" и предотвратить дальнейшие противоправные действия.

Институты гражданского общества, национально-культурные организации, преодолев разобщенность и первые стихийные настроения, сумели выработать общую гражданскую позицию осуждения, однозначного неприятия этнополитических провокаций, противоправных действий. Религиозные организации разных конфессий, прежде всего, православия и ислама, совместными усилиями реализовали свой миротворческий ресурс в диалоге с обществом и государством. СМИ края в своем большинстве постепенно перешли к информационно-аналитическому стилю освещения событий и последующих мероприятий с использованием взвешенных оценок и прогнозов.

Таким образом, конфликты групп молодежи имеют бытовые причины, однако бытовые противоречия, прежде всего в молодежной среде, в отдельных случаях приобретают этническую окраску. Молодежные выступления используются политическими силами в целях дискредитации власти, первых лиц края, в противоборстве думских фракций, партийных сил. В противоречиях сообществ и групп этничность и конфессиональность используются как маркер и как аргумент. В конфликтном поле используются такие "противопоставления", как "мигрант" и "коренной житель", "кавказцы" и "славяне", "основной народ" и "лицо кавказской национальности". Правоохранительные органы далеко не всегда готовы к исполнению своих прямых обязанностей в случаях массовых драк молодежи. Органы власти и управления не всегда своевременно и скоординированы выступают с оценкой событий, запаздывают с реакцией на локальные конфликты, с публикацией официальной позиции власти в СМИ.

СМИ, прежде всего региональные, а также интернет, берут на себя функцию экспертной оценки событий и существенным образом влияют на общественное мнение, обозначая и акцентируя при этом негативный компонент событий в заголовках: "Не нагнетайте", "На грани паники", "Другой среди своих", "Предупреждение для всех нас", "Слабость власти", "Парад недовольных", "Национальной окраски нет", После драки – о драке 2", "Давно пора" и т. п. Но при этом население зачастую не

имеет достоверной и полной информации ни о происходящих конфликтах, ни о мероприятиях в сфере этнической политики. Наблюдается дефицит информации даже о деятельности, целях и задачах национально-культурных объединений – таких, как Союз братских народов Кавказа, "Родноверы", Ставропольский конгресс народов России.

Что касается общественных национально-культурных организаций, то они по понятным причинам далеко не всегда реагируют на события, зачастую не имеют общей позиции в отношении происходящих общественных конфликтов. Более того, такие организации вступают между собой в противоречия и потому не могут обеспечить своевременные консолидированные профилактические действия, столь необходимые для поддержания гражданской стабильности.

Проблемы диалога между властными структурами и этнокультурными организациями

С. В. Голунов, В. А. Смирнова

В Волгоградской области представители власти в большей мере воспринимают миграцию как самостоятельную проблему, а не как средство решения прочих социальных и экономических проблем. В этой связи возможности адаптации самих мигрантов, тем более мигрантов-иностранцев, в значительной степени оказываются зависимыми от суждений чиновников. Тема "чиновник и мигрант" еще не вполне исследована.

Характерны высказывания представителей власти, прозвучавшие в июле 2008 г. в Волгоградской академии государственной службы. Там проходил круглый стол на тему "Актуальные вопросы взаимодействия национально-культурных автономий, национальных общественных объединений, правозащитных организаций и органов власти по регулированию миграционных процессов на территории Волгоградской области". Участниками обсуждения были сотрудники властных структур (ФМС, ГУВД, Комитета по делам национальностей и казачества при администрации Волгоградской области), лидеры областных национальных организаций (армянской, немецкой, польской, таджикской, узбекской), а также ученые.

На этой встрече председатель областного Комитета по делам национальностей и казачества Ю. Н. Слушев выразил сожаление по поводу больших объемов трудовой миграции в регион и заявил, что "теневая миграция разъедает нашу экономику, снижает наш с вами иммунитет, который мы веками вырабатывали, когда проживали совместно в мире и согласии". В контексте заявления его слова о том, что ошибок в регулировании миграции допускать нельзя, ибо они "могут привести к колоссальным социальным последствиям", следует, видимо, интерпретировать как опасение относительно перспективы либерализации соответствующей политики.

В другом выступлении начальник отдела перераспределения трудовых ресурсов Управления государственной службы занятости населения Администрации Волгоградской области А. В. Агарков воспроизвел известный тезис: "если мигрантов в стране более 10% от местного населения, это приводит к определенным катаклизмам, которые Вы на самом деле видели и знаете". С этим тезисом вряд ли можно согласиться, поскольку далеко не во всех случаях существенное возрастание доли мигрантов или этнического меньшинства непременно ведет к "потрясениям". Но априорная позиция властей тут очевидна.

Дана оценка численности мигрантов в Волгоградской области. По утверждению Слущева, регион ежегодно посещают от 50 до 70 тыс. трудовых мигрантов. В данном случае непонятно, идет ли речь о количестве единовременно находящихся в области приезжих или об их годовом количестве. Неясно, на основании чего были сделаны такие оценки. Данные привел и начальник отдела оформления виз, разрешений, приглашений и регистрации иностранных граждан УФМС России по Волгоградской области И. М. Волков: за 6 месяцев 2008 г. на территорию Волгоградской области с различными целями (не только для трудоустройства) прибыло 50254 иностранных гражданина, что на 13122 чел. больше, чем за тот же период 2007 г. Если допустить, что столь значительное увеличение связано с упрощением порядка регистрации мигрантов, можно предположить, что число желающих легализации гастарбайтеров возросло. Но можно найти и другое объяснение: для сохранения легального статуса иностранному гражданину требуется покинуть РФ через 3 месяца, после чего он может на законных основаниях вернуться в Россию буквально на следующий день. При нынешнем состоянии миграционной статистики человек, зарегистрировавшийся в течение года два и более раз, может быть учтен как иное лицо¹, что ведет к завышению годовой численности мигрантов.

Преувеличенные оценки нередко звучат и из уст руководителей этнокультурных организаций, стремящихся подчеркнуть значимость своих общин. Сомнительным представляется утверждение руководителя волгоградской областной общественной организации "Узбекская диаспора" Х. К. Комилова о том, что в 2008 г. в регионе скопилось 40 тыс. нелегальных мигрантов из Узбекистана. Подобное утверждение могло быть сделано на основе только лишь интуитивной оценки, а не каких-либо подсчетов.

В процессе дискуссии выяснилось, что, несмотря на изменения в миграционном законодательстве, по приезду в область, мигранты по-прежнему сталкиваются с весьма непростыми проблемами. Одной из таких проблем является выполнение требования по предоставлению в миграционную и другие службы всех необходимых документов. Для получения гражданства, например, важнейшим документом является справка об отсутствии судимости, выдаваемая в стране предыдущего проживания. Но как получить такую справку армянам, вынужденно покинувшим Азербайджан еще в годы активной фазы конфликта в Нагорном Карабахе? Любопытно, что в целях решения этого вопроса армянская диаспора Волгограда наладила отношения с консульством Азербайджана, и вопрос о выдаче таких справок решается при его содейст-

¹ Это приходится делать очень большому числу мигрантов, желающих работать в России в течение значительного периода, так как после трехмесячного пребывания в РФ он должен покинуть ее, чтобы въехать в нее вновь и получить право легального пребывания в ней.

вии. Граждане Таджикистана сталкиваются с необходимостью переводить тексты своих паспортов на русский и английский² языки, что существенно осложняет для них задачу получения легального статуса.

Представители этнокультурных организаций заявляют о том, что Федеральная миграционная и паспортно-визовая службы работают с перегрузкой. Люди жалуются на длинные очереди и бюрократическую волокиту. Как отметил председатель президиума Волгоградской областной общественной организации "Армянская община" А. А. Григорян, "достаточно просто в любой паспортный стол города Волгограда или в Управление миграционной службы зайти, и вы увидите десятки, сотни мучающихся под солнцем или стоящих в стужу людей, которые ждут своей очереди. И вот, когда они дойдут до окошка, им скажут о том, что еще вот этой бумажки нет, пойдите, принесите". Руководитель узбекской организации Комилов: "Процедура прохождения регистрации, получения разрешения для осуществления в Российской Федерации трудовой деятельности – это адский круг! В милицию вези документы, медицину проходи. Рентген делают отдельно, кровь сдают отдельно, потом стой в очередях сутками. Закон допускает применение уведомительного характера пребывания его [т. е. мигранта] здесь. Никто им [т. е. законом] не пользуется, на почте [уведомления] не принимают, [говорят] это недействительно".

Нередки ситуации, когда заканчивается срок действия разрешения на временное проживание, пока мигрант собирает все необходимые документы для получения вида на жительство или гражданства. По словам выступавшего представителя одного из подразделений обладминистрации, из-за бюрократической волокиты в процессе получения российского гражданства он сам был бессилён помочь своему брату (немцу из Узбекистана) в получении вида на жительство. Пока были собраны все документы, оказалось, что квоты уже все исчерпаны, и родственнику пришлось вернуться в Узбекистан.

Для решения проблем с оформлением документов некоторые лидеры этнокультурных организаций предлагают создать службу, которая, пусть и на коммерческой основе, могла бы облегчить решение подобных вопросов. Говорили также о необходимости специального государственного подразделения по трудоустройству мигрантов при региональном Центре занятости.

Из-за непроработанности юридической базы в РФ и других странах СНГ многочисленные категории лиц, переехавшие в Россию, оказываются в состоянии правового вакуума. Если лица, имеющие паспорта стран СНГ, в случае отказа в праве проживания в РФ могут вернуться в эти государства, то люди, освободившиеся из заключения и потому не имевшие возможности обменять свои старые советские паспорта, попадают в бес-

² Это касается заграничного паспорта.

правное положение (для получения права на постоянное проживание в России нужно отсутствие судимости). При решении этого вопроса проявляется несогласованность между центральными и региональными структурами ФМС, которые ссылаются друг на друга как на инстанции, которые "могут" решать этот вопрос, но на деле его не решают. Кроме того, довольно затруднительно получить вид на жительство выходцам из непризнанных государственных образований, например, Приднестровья.

Самая большая трудность, с которой сталкиваются трудовые мигранты и их работодатели, связана с недостаточным размером квот на трудоустройство гастарбайтеров. Даже представитель миграционной службы в общем-то признал, что механизм определения таких квот несовершенен, в результате чего потребности работодателей не могут быть адекватно восполнены.

О несоответствии объема действующей квоты³ потребностям рынка труда говорил и руководитель Волгоградской региональной общественной организации "Таджикская община Волгоградской области" С. М. Махмадов. Он сам является нанимателем рабочей силы для своего овощеводческого хозяйства. Если в 2007 г. на последнем работали 100 чел., то в 2008 г. С. Махмадов смог оформить лишь 15 чел. Предприниматель рассказал, что, хотя его заявка была подана заблаговременно, квота на трудовых мигрантов в регионе была уже исчерпанной. По той же причине многие мигранты вынуждены прекращать полевые работы, а другие – трудиться нелегально.

Отдельной проблемой являются взаимоотношения приезжих с правоохранительными органами. В своем выступлении старший референт отдела информационных и общественных связей ГУВД Волгоградской области Е. А. Козловцев заверял, что руководство МВД негативно относится к предложениям о "необходимости ограничений по национальному или религиозному признаку", к административному давлению "на выходцев из определенных регионов России с целью их вытеснения из хозяйственной сферы", а также к тому, что порой в целях борьбы с экстремизмом "всех приезжающих из бывших союзных республик берут "на карандаш", заводят чуть ли не поименные наблюдательные дела на людей, являющимися гражданами России, не совершивших никаких преступлений". Таким образом, референт фактически признал, что порицаемые им явления имеют место в правоохранительных органах. ГУВД пытается решать эти проблемы. Как сообщил Козловцев, в

³ На 2008 г. квота для Волгоградской области первоначально составляла 13161 иностранного работника. После того, как обнаружилось ее очевидное несоответствие потребностям регионального рынка труда, в мае областная администрация предложила Минздравсоцразвитию ее увеличить на 10145 позиций. На 2009 г., по состоянию на начало июля 2008 г., поступило 29665 заявок от работодателей.

2008 г. при ГУВД области начал работу Общественный совет, в функции которого входит контроль над деятельностью органов внутренних дел в сфере обеспечения прав человека, а также укрепление взаимодействия в решении данного вопроса с государственными, общественными и правозащитными организациями.

Особое значение имеет тема борьбы правоохранительных органов с нелегальной миграцией. Начальник отдела участковых ГУВД области В. В. Горочкин: важное место "в этой борьбе" занимает регулярно проводимая операция "Нелегальный мигрант". На первом этапе сотрудники патрульно-постовых служб и ГАИ осуществляют проверку тех, кто въезжает в область, на втором – участковые и опять-таки сотрудники ППС проверяют тех мигрантов, которые уже устроились на работу, далее (этот этап начинается в августе) внимание правоохранительных органов сосредотачивается на аграрных хозяйствах, в которых стартуют уборочные работы. По утверждению представителя таджикской общины в ходе упомянутой операции милиция и другие силовые структуры допускают грубые нарушения прав человека, предвзято относясь к людям неславянской внешности. Так, в июне 2008 г. на одном из постов ГАИ были задержаны 2 автобуса с гражданами Таджикистана, въехавшими в РФ на поезде и не имевшими каких-либо претензий со стороны пограничников и таможенников. Однако сотрудники милиции продержали приезжих в отделении милиции почти весь день "до выяснения обстоятельств". При этом попытки руководства таджикской общины региона дозвониться по контактным телефонам в ГУВД области оказались тщетными. Затем граждане Таджикистана были отпущены без предъявления каких-либо претензий и объяснений.

Подобные дискуссии ответственных работников и представителей "новой этнической общественности" оставляют неоднозначное впечатление. С одной стороны, такие обсуждения полезны и для власти, и для этнокультурных организаций. В описываемом случае участники диалога получили возможность обмениваться актуальной информацией, обозначить важные проблемы, наладить взаимные контакты, которые помогут облегчить разрешение возможных конфликтных ситуаций с мигрантами. Но эти же обсуждения показывают недостаточность полномочий региональных структур управления для решения наиболее острых вопросов. Фактически именно этим они и оправдывают неспособность устранить или смягчить бюрократические барьеры для адаптации многих тысяч мигрантов. Налицо и слабость экспертизы связанных с миграцией вопросов. Слабостью управления и недостаточным пониманием ситуации объясняется и чрезмерная ставка властей на посредничество этнокультурных организаций. А те, в свою очередь, не всегда способны эффективно защитить мигрантов, более того, в некоторых случаях могут быть сами связаны с теневыми бизнес-структурами.

Этнический дискурс в контексте "Сочи-2014"

А. А. Кочергин

В Краснодарском крае основной формой взаимодействия органов внутренних дел и некоммерческих организаций выступает Общественный совет при ГУВД по Краснодарскому краю. Одним из приоритетных направлений его деятельности является анализ состояния этнических отношений в регионе и разработка стратегии противодействия преступлениям в этой сфере. 15 июля 2008 г. состоялось очередное заседание Общественного совета, повесткой дня которого стали "Проблемы гармонизации межнациональных отношений на Кубани. Взаимодействие Общественного совета и органов внутренних дел в профилактике правонарушений в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений". Ведущим собрания был эксперт EAWARN М. Савва.

Лейтмотивом выступлений участников заседания стала позитивная характеристика складывающихся в регионе межэтнических и межрелигиозных отношений. В этой связи неким диссонансом благодушному настроению выступило заявление директора ГУП "Краевой социологический центр" Н. Петропавловского о том, что предполагаемым местом конфликта в Краснодарском крае может стать территория олимпийской стройки в г. Сочи. Уже на сегодняшний день, как было им отмечено, край является "пылесосом" рабочей силы: здесь работают рабочие из Таджикистана, Волгоградской области, Астрахани, Калмыкии. Администрация края и Оргкомитет "Сочи-2014" выискивают возможность для строительства города для рабочих из Китая, Вьетнама, Таджикистана, Турции, Югославии. Столь массовый приток иностранных рабочих усиливает возможность конфликтных ситуаций. Как одно из средств по профилактике возможных правонарушений — Н. Петропавловский предложил руководству краевого ГУВД и Центру национальных культур — создание в Сочи структуры, которая занималась бы гармонизацией межнациональных отношений.

Как потенциальный фактор роста напряженности рассматривают реализацию олимпийского проекта и представители правоохранительных органов. Первый зам. начальника ГУВД по Краснодарскому краю Б. Глебов, характеризуя обстоятельства, способствующие проявлению конфликтов, заметил, что "особо ситуация будет обостряться с приближением зимних Олимпийских игр 2014 г. в городе-курорте Сочи". Он также пояснил, что при МВД РФ создано специальное управление в

Сочи, которое напрямую подчиняется федеральному центру. Данная структура должна осуществлять соответствующий контроль пребывания иностранных рабочих. Известно, что Правительственная комиссия по миграционной политике, действующая при Федеральной миграционной службе, в 2009 г. в своей работе уделила специальное внимание данному вопросу.

То, что организация и проведение Олимпийских игр будут сопровождаться значительными социальными издержками, становится все более очевидным. И возможность придания обостряющимся социально-экономическим конфликтам этнической коннотации, усиления ксенофобских установок населения следует признать вполне вероятным. Список субъектов такого конфликтного этнического дискурса уже в настоящее время не ограничивается одними гастарбайтерами. В связи с предстоящей Олимпиадой на новый виток обострения вышла дискуссия по вопросу геноцида адыгов, а новым феноменом публичного дискурса стало "открытие" факта проживания в Сочи общины старообрядцев, желающих сохранить привычный жизненный уклад, что несовместимо с планами по строительству на занимаемых ими земельных участках олимпийских объектов.

Адыгская тема была актуализирована после заявления осенью прошлого года ряда адыгских общественных объединений, и в первую очередь "Черкесского конгресса", о невозможности проведения Олимпиады на костях подвергшегося геноциду народа. Речь здесь идет о событиях Кавказской войны XIX в., результатом которой адыгские активисты рассматривают гибель более 1 млн. черкесов, поголовное истребление ряда адыгских племен и значительные изменения в жизненном укладе оставшихся, что и выступает основанием для классификации их как геноцида. Территория современного г. Сочи в позапрошлом веке была местом проживания адыгского племени убыхов, большая часть представителей которого в ходе войны погибла, а оставшиеся выехали в Турцию. Несколько лет назад умер последний человек, считавшийся убыхом, так что сейчас они являются исчезнувшим народом. Датой окончания Кавказской войны считается 21 мая 1864 г., когда в урочище Красная поляна, где тогда располагался адыгский аул Кбааде, соединились отряды российских войск, завоевывавших Западный Кавказ с четырех разных направлений, и состоялся последний бой. Это урочище было культовым местом адыгов, там, в числе прочего, располагались древние родовые кладбища. Место было символичным, и победители решили добавить еще и своей символики: именно здесь великий князь Михаил Николаевич, брат царя, официально провозгласил об окончании Кавказской войны, состоялись торжественный молебен и военный парад. В настоящее время 21 мая в Адыгее, Кара-

чаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии официально отмечается как День памяти о погибших. В Ставропольском и Краснодарском краях данные мемориальные мероприятия игнорируются. "Российская" сторона не признает факта геноцида, полагая, что истребление черкесов не было целенаправленной политикой царского правительства, да и количество погибших насчитывает значительно меньшее. Заявления с требованием признания геноцида оцениваются как проявления крайнего этнонационализма и разжигания розни. Конструктивного диалога между обеими сторонами без вмешательства в него с четкой позицией по этому вопросу лиц, уполномоченных от государства, скорее всего не получится. Взаимные обвинения будут только нарастать и способствовать интенсификации ксенофобии. Выходом должно стать официальное заявление об оценке тех событий как гуманитарной трагедии, символом признания чего могло бы стать сооружение мемориального комплекса в Красной поляне всем погибшим.

Другой составляющей адыгской тематики этнического дискурса является шапсугский вопрос. Шапсугские общественные деятели недовольны игнорированием краевыми и муниципальными органами власти федерального законодательства о правах коренных малочисленных народов РФ, в правительственный перечень которых шапсуги включены. За восемь лет, что шапсуги наделены данным статусом, в крае не было принято ни одного нормативно-правового акта, направленного на реализацию положений этого законодательства. Прежде всего, они требуют отразить в уставах Краснодарского края, Туапсинского и Лазаревского районов, города-курорта Сочи факт "проживания на данных территориях представителей коренного малочисленного народа шапсугов, права и интересы которых гарантируются в соответствии с Конституцией РФ, федеральным и краевым законодательством". Современные места проживания шапсугов не относятся непосредственно к территории олимпийского строительства, однако работы по возведению инфраструктурных объектов затронут и их населенные пункты. Земельный вопрос для шапсугов в настоящее время второй, если не первый, по актуальности. Они настаивают на установлении границ территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности шапсугов. Это должно позволить представителям шапсугов получать земельные участки под индивидуальное жилищное строительство без проведения торгов, на которых они, как показывает практика, неконкурентоспособны по сравнению со сторонними претендентами. А также добиться выделения земельных долей из земельного фонда сельскохозяйственных предприятий, акционерами которых они являются. Дело в том, что в настоящее время из-за введенных ограничений на приватизацию сельскохозяйственных земель, расположенных в зоне субтропиков,

акционеры сельхозпредприятий Лазаревского и Туапсинского районов, большинство из которых являются представителями шапсугов, не наделены земельными долями. Имущественные же паи этих акционеров в подавляющем числе случаев были скуплены немногочисленным кругом лиц, что фактически делает их пользователями всех земель. Такая ситуация, как отмечалось в обращении делегатов VI съезда причерноморских адыгов-шапсугов к президенту РФ В. Путину, ведет "к отчуждению сельских жителей от земли, ставит на грань вымирания в аулах саму сельскохозяйственную отрасль, с которой неразрывно связана исконная среда обитания и традиционная хозяйственная деятельность шапсугов". Решение проблемы видится в получении акционерами сельхозпредприятий своих земельных долей в аренду на 49 лет для ведения личного подсобного хозяйства и занятий традиционными видами хозяйственной деятельности. Краевые власти не считают нужным не только удовлетворить данные требования, но даже и дебатировать по этому поводу, ограничиваясь формальными отписками. По этой причине по мере реализации олимпийского проекта можно ожидать нарастания конфликтности вокруг шапсугского вопроса.

Но если эта тема уже давно присутствует в этническом дискурсе края, то проблематика проживающих в Имеретинской низменности старообрядцев возникла именно в связи с Олимпиадой 2014 г. История их появления в этом месте относится еще к началу XX в., когда пожелавшим переселиться из турецкой Анатолии липованам царское правительство предоставило земельный надел на тогда еще захолустном участке черноморского побережья. Ведя относительно замкнутый образ жизни все эти годы, общинники не уделяли большого внимания формализации своих имущественных прав, да и советское государство не утруждало себя утверждением прав личной собственности в сельской местности. В результате, когда в новейший российский период стал актуальным вопрос подтверждения прав собственности на землю и имущество, десятилетиями находящихся в пользовании жителей, документальных свидетельств этого довольно часто найти не представляется возможным, что и позволяет муниципалитетам распоряжаться ими по своему усмотрению. В подобной ситуации оказались и имеретинские липоване. По планам организаторов Олимпиады в Имеретинский низменности должны расположиться как многие олимпийские сооружения, так и сопутствующие объекты: грузовой порт, городок для строителей и т. п. С момента, как сочинская Олимпиада стала реальностью, жители Имеритинки, в том числе и липоване, стали выступать против разворачивания здесь масштабного строительства. Для успокоения последних официальные лица стали делать заявления о предполагаемом строительстве для старообрядцев специальной деревни, но уже в

другом месте. Такое решение вопроса не получило массовой поддержки среди имеретинцев. Они выступают против сноса принадлежащих им домов и требуют переноса олимпийских объектов на другое место. Организуемые ими акции протеста чрезмерно жестко подавляются сотрудниками правоохранительных органов, а в отношении наиболее радикальных активистов разворачиваются репрессии.

В июле выходят первые постановления краевого губернатора А. Ткачева об изъятии двух земельных участков у жителей Имеретинки. Землеустроители пытаются развернуть в поселке соответствующие работы, но сталкиваются с сопротивлением местных жителей. 22 июля за это были арестованы и осуждены на 12 суток ареста двое жителей поселка Нижне-Имеретинская Бухта. Следом за ними 23 июля был арестован и впоследствии осужден на 15 суток ареста считающийся лидером общины старообрядцев Д. Дрофичев. В краевых СМИ транслируется высказывание губернатора о "саботажниках Олимпиады", а глава города-курорта Сочи В. Афанасенков по поводу действий местных жителей заявляет, что "эти экстремистские проявления на самом деле не больше, чем торговля". Однако добиться решения проблемы методом кнута все-таки не получается. 21 августа А. Ткачев был вынужден провести встречу с активистами старообрядцев, в ходе которой показал на карте выделенные специально для них участки в юго-восточной части Нижнеимеретинской низменности, а также заверил присутствовавших, что будет сохранено их кладбище, которое предполагается превратить в мемориальный комплекс и построить на его территории часовню. Удалось ли губернатору убедить имеретинцев не сопротивляться олимпийской стройке, пока сказать невозможно, ибо многое будет зависеть от действий непосредственных исполнителей этих обещаний, которые, как показывает практика, не такие деликатные в вопросе соблюдения прав человека, сохранения культурного и природного наследия.

Гастарбайтеры стали реальностью для жителей края только последние два-три года. Раньше их просто не было видно: и количественно их было меньше, и жили они, как правило, там, где работали. Воспринимаются они населением однозначно в качестве "чужих", хотя большинство и является гражданами стран СНГ. Но это уже преимущественно молодые люди, у которых нет общего с местными жителями советского прошлого, которые зачастую плохо говорят на русском языке. По мере увеличения присутствия иностранных рабочих наблюдается и рост ксенофобии по отношению к ним. Все чаще к гастарбайтерам стало применяться насилие, характер которого становится все более жестоким. Из последних таких случаев выделяется происшествие в г. Краснодаре. 2 августа группа мужчин, одетых в форму десантников, проходя мимо строящегося здания, подралась со строителями из Египта. По сведени-

ям сотрудников милиции, драка между неизвестными десантниками и иностранными рабочими завязалась в результате словесного конфликта. Кто именно первый полез в рукопашную, пока неизвестно. Но в результате были госпитализированы четверо египтян с тяжелыми черепно-мозговыми травмами. По факту случившегося возбуждено уголовное дело по ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) ч. 3 УК РФ, за которую предусмотрена ответственность до 12 лет лишения свободы. И хотя День десантника давно уже в России сопровождается ксенофобскими выходками, для Краснодарского края такая жестокость еще является необычной.

Одним из аргументов российского и краевого руководства в пользу проведения Олимпиады в г. Сочи был тезис о создании значительного числа рабочих мест для жителей края и в первую очередь для молодежи. Однако социологические исследования показывают, что уже после года практической реализации олимпийского проекта у населения заметен определенный скептицизм по данному вопросу, и большая часть молодых людей не видит для себя реальных профессиональных перспектив в связи с проведением Олимпийских игр. Основным поводом для таких представлений выступает как раз беспокойство, что рабочие места будут заняты иностранцами. Чувства разочарования и обиды, что их обманули, вкупе с высоким уровнем ксенофобских настроений, могут проявиться в форме насильственных конфликтов, причем не в самом Сочи, а в других районах края, где с течением времени разочарование населения от несбывшихся ожиданий усиливается.

Особенности миграции дагестанцев

С. И. Муртузалиев

В последние десятилетия Республика Дагестан, для которой характерна нестабильная миграционная ситуация на фоне сложной социально-политической обстановки и хронической трудоизбыточности, испытывает значительный миграционный отток населения. Стихийный характер этого процесса может привести к значительному урону социально-экономического потенциала Дагестана и его экономической безопасности. В то же время, когда имеется большое количество трудоспособного населения, регулируемая территориальная мобильность рабочей силы может стать тем ключевым фактором, который позволит наилучшим образом реализовать экономический потенциал РД.

С одной стороны, являясь донором внутри российских миграционных передвижениях, регион в тоже время стал зоной притяжения к себе огромного количества вынужденных мигрантов как из соседней Чечни, так и из некоторых стран ближнего зарубежья. Адаптация переселенцев (особенно вынужденных) часто проходит весьма болезненно и осложнена ко всему прочему, причинами административного и бюрократического характера, что способствует, наряду с другими факторами, перемещению некоторой части этой категории граждан в ранг маргинальных слоев общества. В этой связи, исследование различных сторон влияния такого явления как миграция в формировании социальной среды региона и процесса адаптации мигрантов в новой социокультурной среде является весьма актуальной на современном этапе развития Дагестана и ЮФО.

Проблемы Дагестана, находящиеся в плоскости социально-экономических и политических аспектов жизни региона, во многом, иногда напрямую, иногда опосредованно, проистекают из специфической этнической и региональной структуры Республики, влияющей на формирование миграционного процесса в регионе.

Если рассматривать миграционные потоки сквозь призму их воздействия на социально-экономическую ситуацию в Дагестане, то можно выделить следующие довольно крупные направления в этом процессе: 1) отток коренного населения Дагестана за пределы Республики; 2) отток высококвалифицированного русско-язычного населения из РД; 3) приток большого количества мигрантов из соседних стран СНГ; 4) внутриреспубликанские миграции по линии город-село.

Для Дагестана характерна крайняя степень полиэтничности. На его территории проживают представители около 121 национальности, более 30 народностей идентифицируют себя в рамках единого дагестанского этноса. Следует учитывать и такой фактор, как предрасположенность тех или иных этносов к миграциям, к примеру, около четверти представителей даргинской национальности живут вне Республики Дагестан, тогда как аварцев и кумыков по 18%. Лакцы же очень активны во внутренних миграциях – 62% из них живут в городах. У других народов доля горожан составляет: у кумыков – 47%, лезгин – 38,0%, аварцев – 31,8%, даргинцев – 31,5%. По результатам проведенного исследования среди даргинцев и аварцев можно говорить о том, что они различаются своей предрасположенностью к миграционной активности. На вопрос "Есть ли у Вас желание выехать за пределы Дагестана на длительный срок?" 60% респондентов даргинской национальности ответило положительно, тогда, как у аварцев такое желание изъявили всего 36% опрошенных. При этом аварцы, которые все же хотели бы выехать за пределы РД, больше предрасположены к скорому возвращению на родину. Так, на вопрос о том, на какой срок они хотели бы уехать, более 70% респондентов указало срок от 1 года до 3 лет. И совершенно отсутствуют те, кто желал бы уехать на 10 и более лет. Среди представителей даргинской национальности наиболее часто указывался период от 3 до 10 лет (около 40%), на 10 и более лет хотело бы уехать 25% опрошенных.

Несмотря на крайнюю полиэтничность существуют общие для коренных народностей Республики черты, присущие всем дагестанцам. Представитель дагестанского этноса это, прежде всего, ярко выраженный "носитель" так называемого кавказского менталитета (менталитета горца), который формировался как под влиянием местных обычаев (адатов), так и под сильным воздействием мусульманских этических норм. С течением времени (в основном за последние 100 лет) его менталитет претерпел значительную трансформацию под влиянием русской культурной традиции в особый тип – евразийский менталитет. На современном этапе дагестанец все активнее впитывает в себя ценности западноевропейской культуры, но параллельно осмысливает ценности мусульманской культуры. "Исторически сложились такие особенности поведения дагестанцев, как необычное сочетание индивидуализма и корпоративности. Стремление к свободе, защите традиционных ценностей, к успеху в индивидуальном труде выработало установку к личному преуспеиванию в освоении сфер экономической деятельности и создало инновационную личность. С другой стороны, опора на социальные гарантии со стороны общества, на выработанные кол-

лективом правила поведения, на родственные связи породило необходимость органических связей с определенным коллективом"¹.

Этнопсихологические особенности дагестанцев оказывают скорее качественное, нежели количественное влияние на миграционные процессы. Особенности миграционного поведения дагестанцев прослеживаются в социально-экономическом, пространственно-временном и социокультурном аспекте жизнедеятельности человека. Поведение дагестанца в новом для него этносоциальном окружении значительно трансформируется и весьма отличается от того, которое было присуще ему у себя на родине. Он довольно быстро адаптируется на новом месте жительства. Для него не характерно создание анклавов с обособленной от внешнего мира субкультурой. Если же описать социокультурное поведение дагестанца в новой этносоциальной среде, то его можно охарактеризовать согласно определению "многокультурного человека" данным отечественным философом Андреем Родиным: "многокультурный человек не будет распространять ценности, нормы и образцы своей родной культуры за ее пределы, а будет осваивать другие культуры с их специфическими нормами, ценностями и образцами"².

В целом – это процесс интеграции, впитывания норм и стандартов поведения, присущих коренным жителям новой среды проживания мигрантов. Но это не означает, что представитель дагестанского этноса в новой среде полностью теряет ценности исторически ему свойственные. Как считает А. Левинсон, с точки зрения демографического уклада существуют "общества "многодетные" (к которому еще относится дагестанское общество – прим. автора) и "малодетные". В одном случае в приоритете ценности родовые (сохранение этноса), в другом – индивидуальные"³.

С этим нельзя не согласиться, учитывая тот факт, что довольно часто наблюдается практика создания дагестанцами землячеств, целью которых служит оказание поддержки и содействия своим землякам.

Надо отметить также, что в новой среде у дагестанцев реже встречается так называемая квалификационная нетерпимость, выражающаяся в нежелании у себя на родине заниматься тем или иным видом трудовой деятельности, даже при высоких денежных вознаграждениях. Согласно социологическим опросам подавляющее большинство респондентов положительно ответило на вопрос о том, согласились бы они

¹ Ахмедуев А. Ш., Сагидов Ю. Н., Цапиева О. К. Проблемы экономических трансформаций в Дагестане. Махачкала: Изд-во "Юпитер", 2003.

² Родин А. "Мультикультурализм и новое Просвещение //Неприкосновенный запас. 2002. № 5 /25/ (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/roдин.html>).

³ Левинсон А. Демография террора. //Неприкосновенный запас. 2002. № 5 /25/ (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/levin.html>).

на непрестижные работы после миграции при условии, что их удовлетворял бы размер заработной платы.

Обратившись к вопросу о наиболее привлекательных для дагестанцев регионах, следует отметить, что это, в принципе, любая территория, с которой ранее уже были налажены связи через знакомых или родственников будущих переселенцев, а также регионы, куда прежде традиционно мигрировали дагестанцы. В первую очередь это Москва и Московская область (показатель валовой миграции /ВМ/ в 2003 г. около 2000 чел.), Ставропольский край (ВМ около 3000 чел.), Астраханская и Ростовская области (ВМ по 1000 чел.), Тюменская область (ВМ почти 3200 чел.), а из зарубежных стран – Азербайджан, Казахстан, Германия и Израиль.

Подводя некоторые итоги, можно заметить, что движущей силой миграционного процесса становятся как объективные, так и субъективные факторы. Условия и уровень жизни человека, природно-климатические условия, ситуация на рынке труда, политическая и военная ситуация, экологическая обстановка опосредованно, через осознание человеком происходящей ситуации влияют на миграционное поведение человека, формируя в нем потребность в миграции. Наиболее существенное влияние на направленность миграционных потоков из РД оказывает общая экономическая ситуация в субъектах ЮФО, нежели конкретные данные об уровне жизни населения, такие, к примеру, как уровень среднедушевых доходов населения. Период осмысления информации о политической и социально-экономической ситуации в регионе перед принятием решения о миграции продолжается в среднем от 1 года до 2 лет.

По результатам социологических опросов можно сделать ряд выводов относительно миграционных настроений жителей Дагестана:

население Республики в целом положительно относится к миграции как к одному из видов удовлетворения своих потребностей. Миграционные настроения пронизывают дагестанское общество и как минимум каждый третий дагестанец согласен при определенных условиях выехать за пределы РД;

практически 85% опрошенных из числа городских жителей, обычно более амбициозно относящиеся к своему профессиональному выбору? ответили, что согласны при определенных условиях на работы, обозначенные в анкетах как "непрестижные";

у большинства респондентов миграционные намерения связаны с регионами РФ. Принимая во внимание катастрофическое падение численности трудоспособного населения в стране, это может сыграть положительную роль для экономики некоторых российских регионов;

в силу ряда объективных (демографическая и социально-экономическая ситуация в регионе) и субъективных причин (неудовлетворен-

ность населения условиями и уровнем жизни в республике, стратификационная диспропорция в регионе) современная молодежь Дагестана практически не видит сколько-нибудь позитивных перспектив существования на территории своей Республики. На фоне того факта, что у подавляющего числа дагестанцев есть родственные связи с жителями других субъектов ЮФО и регионов РФ, в ближайшие годы Республика может столкнуться с еще большим оттоком трудоспособного населения за пределы Дагестана.

В ходе социологических исследований были выявлены две основные проблемы, без учета которых невозможно вести речь об ускорении процесса адаптации мигрантов:

качество адаптации переселенцев сильно зависит от внутренних установок мигрантов относительно своей социальной идентификации и в значительной степени детерминировано его субъективной оценкой. От того, насколько позитивно мигрант настроен на взаимодействие с новым для него социумом, зависит его дальнейшая судьба;

значительной части мигрантов присущи патерналистские настроения, и они зачастую неспособны самостоятельно успешно пройти процесс интеграции с членами новой для них социокультурной среды.

Северокавказские молодежные джамааты

А. А. Ярлыкапов

Молодежные джамааты как особое явление в исламской среде Северного Кавказа впервые появились в 1970-е гг. в Дагестане. Вышли они из суфийских общин, и учителями их лидеров были суфийские авторитеты Дагестана. Спецслужбы Советского Союза увидели в этом явлении серьезную идеологическую угрозу и к началу 1980-х гг. оно было нейтрализовано.

Арабское слово джама'а означает "общество, община". Джамааты являются основой исламского общества как низовая форма самоорганизации. В идеале джамаат объединяет группу мусульман, посещающих одну и ту же мечеть. Духовный руководитель общины – имам, предстоятель на молитве, читающий проповедь по пятницам. Он играет в жизни общины исключительно важную роль. Имама избирают всей общиной. Он должен не только лучше всех знать Коран, Сунну, культ, но и быть образцом нравственности и исполнения религиозных предписаний. Образцом сплоченности являются молодежные джамааты.

Организационно молодежные джамааты оформились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Тому способствовали оппозиционные настроения по отношению к официальным исламским структурам (Духовным управлениям мусульман) и к т. н. традиционному исламу, последователи которого в основном принадлежали к старшему поколению. В Дагестане, Чечне, Ингушетии лидеры мусульманской молодежи выступали против местной формы суфизма, которая виделась им полной "языческих пережитков". Возглавляли джамааты молодые имамы, в подавляющем большинстве самоучки.

Следующее поколение лидеров сформировалось в начале 1990-х гг., когда на родину вернулись те, кто получил образование в странах Ближнего Востока. Вокруг них стали собираться молодежные общины, постепенно образуя своеобразные сетевые объединения. Самое известное и самое организованное объединение тех лет – Кабардино-Балкарский джамаат, центральная организация которого существовала под разными названиями: Исламский центр Кабардино-Балкарии, Кабардино-Балкарский институт исламских исследований. Аналогичные объединения возникали в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии, на Ставрополье. В последнее время формируются адыгейские молодежные джамааты.

Северокавказская молодежь сегодня активно участвует в трудовой миграции, особенно в регионы газо- и нефтедобычи. В центральной

России и Сибири также формируются молодежные джамааты. Можно сказать, что исламизация северокавказской молодежи на Севере России усиливается.

Эти общины связаны друг с другом, обмениваются информацией, о чем свидетельствуют результаты моих бесед с лидерами некоторых джамаатов. Те хорошо знают друг друга, осведомлены о текущей жизни многих общин. При этом сами общины действуют автономно. В качестве примера можно взять балкарские молодежные джамааты. Хотя они и входили в сеть Кабардино-Балкарского джамаата, но пользовались широкой автономией и решали свои дела самостоятельно. Нальчикский "офис" осуществлял общее руководство, проводил образовательную программу для лидеров и рядовых членов общин, иногда посылал своих преподавателей и проповедников в балкарские районы, а также приглашал оттуда молодых людей на семинары в Нальчик. Несмотря на жесткую централизацию Кабардино-Балкарского джамаата и принцип единоначалия, единой властной "вертикали" в сети не существовало. Здесь был проведен в жизнь исламский принцип "*шуры*", т. е. совещательности в принятии решений. Важные проблемы всегда выставлялись на суд специально для этого созывавшегося совета (*шуры*) под председательством лидера джамаата М. Мукожева. Советы имелись в местных ячейках для принятия решений на своем уровне.

В молодежных джамаатах распространена ближневосточная форма ислама, поскольку многие их лидеры получали религиозное образование в Саудовской Аравии, Кувейте, Сирии. Вместе с тем идеология в таких общинах неустойчива. Среди их членов уживаются самые разные воззрения – от умеренности до радикализма и экстремизма. Пожалуй, общим для идеологии всех молодежных джамаатов можно назвать настороженное отношение к суфизму и "народному исламу".

Деятельность и форма организации молодежных джамаатов также характеризуется копированием ближневосточных форм и опыта других современных мусульманских организаций названных государств. Характерна сплоченность, организация в виде ячеек, широкая внутренняя благотворительность.

В некоторых молодежных джамаатах возобладали деструктивные воззрения. Если в первой половине 1990-х гг. еще можно было спасти положение и не допустить развития негативных тенденций, то последующие события показали, что предупредить это явление крайне затруднительно. Значительная часть молодежных джамаатов оказалась основой сепаратистских движений и – в последние годы – сепаратистского подполья. Это подполье под давлением изменившейся (с конца 1990-х гг.) обстановки превратилось в еще более рассредоточенную сетевую структуру – автономные группы, координирующие свои дейст-

вия с использованием различных спецсредств. Для создания новых сегментов "сети" используют своего рода агентов – местных жителей, которые (сами или их родственники) подверглись карательному воздействию со стороны правоохранительных органов. В 1990-е и начале 2000-х гг. такие меры воздействия допускали сотрудники МВД в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, породив тем самым протестные настроения среди местного населения. Сепаратисты умело пользуются этим настроением для вербовки. Им, например, удалось привлечь на свою сторону одного из лидеров кабардино-балкарских джамаатов А. Астемирова (известен как амир Сейфуллах). Он часто выступает на сепаратистских интернет-сайтах с программными заявлениями, обосновывая необходимость ведения вооруженной борьбы против российской власти на Кавказе.

Важно проводить различия: организационная структура сепаратистских общин – джамаатов не совпадает со структурой традиционных мусульманских общин региона, также именуемых джамаатами. Традиционные джамааты сформированы по территориальному признаку, они охватывают жителей одного селения или городского квартала, посещающих пятничную мечеть. А джамааты сепаратистского толка экстерриториальны. Один джамаат может охватывать множество небольших групп, как, например, дагестанский джамаат "Шариат". Такие структуры создаются не по принципу соседства, а по принципу лояльности. Подобные "общины" не образуют единого объединения, организации. Автономные группы состоят из небольшого числа членов, часто не знакомых с членами других ячеек.

В движение исламистов вливаются молодые интеллектуалы. А. Мантаев, кандидат политических наук, защитил кандидатскую диссертацию по ваххабизму в Москве, а затем оказался в рядах экстремистов и был убит в Махачкале в 2005 г. Другой пример – Махач (более известный по своему второму имени – Ясин) Расулов, выпускник Дагестанского государственного университета. Он успел поработать автором религиозной колонки в республиканской газете "Новое дело", а также вел религиозную передачу на дагестанском телевидении. А затем превратился в "амира Махачкалы", участвовал в нескольких дерзких акциях боевиков против дагестанских милиционеров и был ликвидирован в ходе спецоперации.

Среди определенной части молодых интеллектуалов на Северном Кавказе распространяются убеждения, что в условиях, "когда везде господствует несправедливость и коррупция", наилучшее решение – это ввести шариат. Идея популярна не только среди малообразованных молодых людей, как это было раньше, но и в кругах интеллектуально развитой и получившей хорошее светское образование молодежи.

По составу такие джамааты интернациональны, в них могут состоять выходцы из Таджикистана, Узбекистана, Пакистана, стран Ближнего Вос-

тока, но в основном общины объединяют представителей народов Северного Кавказа. Через иностранцев часто осуществляется связь с донорами, как правило, из мусульманских стран. Финансирование и иная помощь сепаратистам часто криминализованы: например, через эти каналы отмывается фальшивая валюта. Используются и иные способы подпитки: финансовые поступления от сочувствующих, получение выкупа за похищенных людей.

В пропагандистских целях сепаратисты формируют особые "батальоны", организованные по этническому признаку. Так появились "ногайский", "карачаевский", другие "батальоны". Вылазки и террористические акты, приписываемые тому или иному "батальону", осуществляют члены сепаратистских джамаатов. В частности, в "ногайский батальон" включают обычно членов шелковского джамаата, базирующегося на территории Шелковского района Чечни и Нефтекумского района Ставропольского края. Шелковской джамаат "прославился" громкими акциями против федеральных сил, в числе которых столкновения в селе Тукуй-Мектеб Нефтекумского района (Ставропольский край). Между тем шелковской джамаат – не самая крупная структура сепаратистских сил.

Светский национализм Дж. Дудаева остался в прошлом. Сегодня идеология сепаратистского движения на Северном Кавказе базируется на религиозных доктринах, именуемых "ваххабитскими". Основу верования ваххабитов или, иначе, салафитов, составляет требование всеобщего проведения в жизнь принципа *тавхида* (единобожия). Это требование восходит к буквалистскому пониманию данного принципа с весьма жесткими ограничениями. Идеологи отводят одно из ведущих мест джихаду, понимаемому однозначно как вооруженная борьба за веру. При этом они считают, что сегодня джихад обязательно принимает форму вооруженной борьбы против врагов ислама. Среди северокавказских исламистов также широкое хождение имеет концепция обвинения в неверии и отходе от мира. Эта концепция позволяет объявлять джихад также и мусульманам Северного Кавказа, не поддерживающим такие воззрения. Это объясняет причины применения насилия в отношении мусульман, служащих в государственных силовых структурах. Милиционеры в Дагестане, Чечне, Ингушетии и восточных районах Ставропольского края – одна из главных мишеней террористов. Во время актов террора страдают и люди, абсолютно не имеющие отношения к органам власти. Исламисты считают, что члены семей милиционеров и других представителей власти могут быть уничтожены, поскольку поддерживают врагов. Истинный мусульманин, по их мнению, должен отказаться от таких родственников. Те же, кто случайно гибнет при актах террора, по их мнению, становятся *шахидами* и попадают в рай.

Идеология нынешних сепаратистов представляет огромную проблему. Если со светскими националистами власти могут как-то договориться, идя на уступки, то с религиозными сепаратистами прийти к консенсусу практически невозможно – сама их идеология не предполагает переговоров с "безбожниками". Государство, основанное на человеческих законах, по их мнению, должно быть разрушено. Знание основ идеологии сепаратистов важно для понимания целей и задач этого движения. Сегодня они воюют не за независимость Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии или Дагестана, а за разрушение "безбожной империи", как они называют Россию, и создание на Северном Кавказе территории, находящейся под управлением шариата, которое стало бы одной из основ для объединения всех мусульман мира в единое политическое пространство. Национальность человека не имеет для них значения, они знают только одну нацию – исламскую. Умелое использование деструктивными силами возможностей сравнительно новой формы организации мусульманской молодежи повернуло ее часть против интересов светского государства, конкретно – против российской власти.

Проблема экстремизма и тесно связанного с ним сепаратизма, особенно среди исламской молодежи на Северном Кавказе, может иметь только комплексное решение. Это безусловное отправление норм закона, лишение экстремистов общественной поддержки через развитие региональной экономики, повышение благосостояния населения, развитие нормального диалога в исламской среде через привлечение к сотрудничеству молодежи, отвергающей экстремизм. Для нейтрализации протестных настроений федеральная власть пытается повысить эффективность власти в республиках, а также проявляет решимость бороться с коррупцией. Смена политического руководства в Дагестане, Адыгее и Кабардино-Балкарии, показательные акции против коррупционеров, развитие туризма и реализация других экономических проектов – все это положительно воспринимается местным населением. Но в известной степени эти меры – явно недостаточные. На Северном Кавказе необходимы более глубокие социально-экономические преобразования и программы развития. Борьба государства и общества с антикавказскими настроениями и фобиями должна стать важнейшим средством убеждения молодых людей на Северном Кавказе в том, что они – полноправная часть российского народа.

Вьетнамская община в Волгограде

С. В. Голунов, В. А. Смирнова

Вьетнамцы – одна из наиболее заметных в Волгоградской области групп среди выходцев из стран дальнего зарубежья. В советский период значительное их количество работало на предприятиях региона. Часть их осталась в регионе после распада СССР и сокращения сотрудничества с Вьетнамом. По данным переписи 2002 г., численность вьетнамцев в Волгоградской области составляла 884 чел., 2/3 из них – мужчины, 94% проживали в Волгограде – в основном в трех из восьми городских районов: Тракторозаводском (47,9% вьетнамцев Волгограда), Кировском (26,9%) и Краснооктябрьском (17,4%). Такая картина расселения объясняется особенностями трудоустройства – локализацией рынков и предприятий легкой промышленности, а также размещением так называемых вьетнамских общежитий.

Большинство находящихся в регионе вьетнамцев занято в торговле. В первую очередь, на расположенном в Тракторозаводском районе Волгограда рынке "Коробейники-М", швейном производстве и в сельском хозяйстве (Городищенский район Волгоградской области). Около 100 вьетнамцев учатся в вузах Волгограда (Волгоградском государственном педагогическом университете, Волгоградской Академии МВД РФ (награжденной орденом Дружбы СРВ), Волгоградском государственном медицинском университете, Волгоградском государственном техническом университете). Основная часть этого контингента обучается в вузах по межправительственным соглашениям.

В социокультурном плане адаптация вьетнамцев к окружающей социальной среде происходит медленно. Большинство из них знают русский язык на уровне, достаточном для того, чтобы работать в сфере торговли. По данным переписи 2002 г., о владении русским языком среди них заявили более 60%. Однако немногие местные вьетнамцы могут общаться на русском языке свободно.

Отношения с местным населением опрашивавшиеся авторами в ходе различных исследований вьетнамцы характеризуют как в целом хорошие¹. В качестве иллюстрации этого утверждения можно привести,

¹ Интервью с гражданами Вьетнама – продавцами рынка "Коробейники-М", проведенные в ходе реализации исследовательского проекта "Игра чисел: источники поддержки антиимигрантских настроений в современной России" в 2005 г., интервьюер – В. Смирнова.

например, тот факт, что около 50 членов представляющей интересы вьетнамской общины Волгоградской общественной организации "Русско-вьетнамское содружество" вступили в смешанные браки с волгоградцами. Вместе с тем вьетнамские мигранты, по их заверениям, опасаются стать жертвами нападений со стороны молодежных группировок. Из-за этого они предпочитают оставаться в общежитии в темное время суток и в такие даты, как день рождения Гитлера и День Воздушно-десантных войск Российской Федерации. Имели место случаи избиений вьетнамцев на рынке.

По вьетнамской общине больно ударили принятые в конце 2006 г. изменения в российском законодательстве, запретившие иностранцам работать продавцами в сфере розничной торговли. В результате около 100 вьетнамцев сочли создавшееся положение бесперспективным и покинули Волгоград. По словам заместителя директора созданной "волгоградскими вьетнамцами" фирмы "Волго-Вьет" Фанг Куанг Звема, уехавшие не смогли получить регистрацию в Волгограде². Тем не менее, оставшиеся выходцы из Вьетнама сумели адаптироваться к новым условиям. В качестве продавцов товаров легкой промышленности они наняли россиян, сами же занимаются поставкой товаров и контролируют процесс торговли. Кроме того, на рынке Тракторозаводского района был выстроен терминал с вывеской "Оптовая торговая база", что, по всей видимости, является дополнительной страховкой на тот случай, если власти изменят законодательство или правоприменительную практику в более репрессивном ключе по отношению к владельцам торговых мест.

Следует также отметить, что объявленная в 2006 г. новая миграционная политика имела для вьетнамских мигрантов и некоторые положительные последствия, поскольку получить регистрацию стало гораздо проще. Это, видимо, объясняется тем, что вьетнамские предприниматели имеют возможность обращаться за регистрацией раньше сезонных рабочих из азиатских республик, часть которых испытывает гораздо более серьезные проблемы с легализацией своего статуса после того, как выделенная Волгоградской области квота на трудовых мигрантов заканчивается.

Волгоградская общественная организация "Русско-вьетнамское содружество" (РВС) объединяет около 400 вьетнамских и порядка 50 российских граждан – выходцев из Вьетнама. В организации работает юрист, который оказывает правовую поддержку процессу адаптации вьетнамцев в Волгограде. "Русско-вьетнамское содружество" активно взаимодействует с администрациями Волгограда и Волгоградской об-

² Интервью с заместителем директора контролируемой "волгоградскими вьетнамцами" фирмы "Волго-Вьет" Фанг Куанг Звемом проведено 1.09.2007 г., интервьюер – В. Смирнова.

ласти, миграционной службой. Если последняя выделяет квоты на въезд вьетнамцев в область, то РВС занимается набором рабочих во Вьетнаме. После их приезда в Россию РВС берет на себя ответственность за регистрацию и обеспечение места проживания. С этой целью "Русско-вьетнамское содружество" выкупило 3 общежития в Волгограде, где и проживают члены общины (кроме занятых в сельском хозяйстве). Содружество поддерживает связи с общинами соотечественников в других регионах юга России: Краснодарского края, Астраханской и Ростовской областей.

РВС проводит культурные мероприятия. В Доме офицеров и ДК имени В. Ленина Волгограда проходят выступления артистов и музыкантов из Вьетнама, каждый год организуются спортивные мероприятия: турниры по футболу и волейболу с представителями других национальных общин. В культурном плане особенно тесные контакты у вьетнамцев сложились с представителями китайской и азербайджанской общин.

"Русско-вьетнамское содружество" также ведет благотворительную деятельность. Продукция швейного предприятия, организованного вьетнамцами, регулярно на безвозмездной основе передается в малообеспеченные семьи, интернату для детей, оставшихся без попечения родителей. Акция проводится с участием представителей социальных служб Волгограда.

Таким образом, вьетнамская община Волгоградской области является примером довольно-таки успешной адаптации. Вьетнамцам удалось найти свою нишу в экономике, занимаясь торговлей товарами легкой промышленности и даже их производством (что является уникальным примером участия мигрантов в развитии легкой промышленности), а также работой в сельском хозяйстве. Полноценной интеграции вьетнамских мигрантов с окружающим населением препятствует недостаточное знание русского языка. Однако часть вьетнамцев преодолела и этот барьер, вступив в смешанные браки.

Положение "новых" этнических групп в Дагестане

С. И. Муртузалиев

Отношения между этническими группами – одна из самых уязвимых сфер человеческих отношений, если в эту плоскость проецируются социально-экономические, политические и конфессиональные проблемы, которые, как показало развитие постсоветского общества, нередко оборачиваются этнофобиями, межэтническими конфронтациями и политическим противостоянием. Межэтнические отношения стали значимой и порой неблагополучной частью социальной реальности, и сегодня приходится расплачиваться за прошлые и настоящие ошибки центральных и местных органов власти в этнонациональной политике ростом числа вынужденных мигрантов, войнами, этническим насилием, зачастую нетерпимостью к "другому": иной национальности, иного вероисповедания.

Анализ социально-психологических аспектов межэтнической напряженности в Республике Дагестан (далее – РД) и на Северном Кавказе показывает, что активными субъектами деятельности и взаимодействия здесь являются не отдельные республики, края и области, а составляющие их народы. Многое здесь зависит от того? насколько "комфортно" (в широком смысле слова) они чувствуют, осознают и воспринимают (оценивают) себя и свое положение в меняющемся мире – их самоощущение. Субъект межэтнического взаимодействия становится все более "первичным". Рост межэтнической напряженности в Дагестане и в регионе ведет к разрушению общей региональной идентичности и усиливает межэтническую дифференциацию¹. Общая "кавказская" идентичность "размывается". Северокавказский суперэтнос представляет как раз тот вариант, когда близкие, схожие по многим параметрам культуры, пытаясь избежать ассимиляции и в целях этнической безопасности, стремятся не к слиянию, а к обособлению.

Обострившаяся (выплеснувшаяся наружу) с началом перестройки межэтническая напряженность – это многосубъектный и многоуровневый феномен. Его субъектами, как правило, являются не две, а несколько сторон, представляющих либо различные этнические группы, либо межэтнические объединения внутриреспубликанского или регионального уров-

¹ Муртузалиев С. И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в "зоне нестабильности" (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). – Махачкала, 2006.

ней, интересы которых противоречат друг другу². В этом плане кавказский регион является ярким примером трансформаций на постсоветском пространстве. Одновременно с разрастанием конфессиональных конфликтов здесь начали развиваться и этнонациональные.

Действенным конфликтогенным фактором является память о насильственных "высылках" с исконных земель. Корни этнотерриториальных притязаний между отдельными народами Дагестана и сопредельных территорий были заложены не только самим фактом депортаций, но и в правовом отношении необеспеченной реабилитацией пострадавших, например, репрессированных чеченцев-аккинцев и насильственно депортированных на их земли в 1944 г. лакцев и аварцев.

Следующий фактор, лезгино-азербайджанский, связан с тем, что государственная граница между Россией и Азербайджаном разделила лезгинский народ на две части: около 300 тыс. лезгин осталось в Дагестане, а более 400 тыс. чел. – в Азербайджане. Не решена и "ногайская" проблема, возникшая в результате указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. (№ 721/4), искусственно разделившего ногайцев (около 60 тыс. чел.) на три части: половина из них проживает в Дагестане, а остальные в Чечне и в Ставропольском крае.

Возникновение территориальных притязаний было связано, прежде всего, с искусственностью прочерченных царской Россией, а затем в советское время административных границ, многие из которых в результате распада СССР превратились в государственные и рассекли территории компактного проживания той или иной этнической группы.

Особого внимания заслуживают малочисленные коренные народы РД. Согласно переписи 1926 г. малочисленных народов было 20, в 1939 г. – 1 (таты), в 1959 г. – 4 (агулы, рутульцы, цахуры, таты), 14 андоцезских народов были причислены к аварцам, а кайтагцы и кубачинцы – к даргинцам. В переписи 2002 г. ряд малочисленных андоцезских народов идентифицировали себя уже не аварцами, а по малому этносу: андийцы – 21,3 тыс., ахвахцы – 3,4 тыс., бежтинцы – 6,2 тыс., дидойцы – 15 тыс., каратинцы – 6 тыс. чел. Там, где игнорируется национальный момент, возникает угроза общественному согласию и гражданскому миру, происходит дестабилизация социально-политической ситуации в регионе, что нередко ведет к социальной напряженности и конфликтам.

В России, где проживает множество десятков этносов, до сих пор нет закона, который регулировал бы взаимоотношения этих самых этносов как между собой, так и с государством. В комитете Госдумы РФ

² Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности в ситуациях социальной нестабильности: Автореф. дис. ... д. -ра психолог. наук – Москва, 2001. – С. 38, 40.

по делам национальностей всё еще продолжается разработка рамочного законопроекта "Об основах государственной политики в Российской Федерации". Попытки создания постсоветской национальной политики были предприняты еще в 1996 г., а затем по поручению В. Путина в 2002 г. В 2004 г. очередная концепция "дружбы российских народов" была готова и в ней появился термин "общероссийская нация", но тут подоспела пора правительственных реформ.

Перечень попыток может быть продолжен, но проблема до сих пор не решена. В результате элементы этнической нетерпимости в России встречаются сплошь и рядом. Печальным примером может служить мультимедийный учебник "История России: XX век", рекомендованный министерством общего и профессионального образования РФ для школ, в котором "имеются перлы типа "кавказские горцы в своем развитии до вхождения в состав России задержались на уровне первобытно-общинного строя", ...а третий имам Чечни и Дагестана Шамиль (выд. в тексте. – С. М.) обозначен как "религиозный фанатик, жестокий деспот и шпион Османской Турции". Если сюда "приплюсовать множество федеральных СМИ, пропагандирующих махровую черносотенную идеологию, то получится совсем безотрадная картина"³.

В самом Дагестане также отсутствует цельная концепция национального строительства. До сих пор неизвестно, сколько этносов все-таки проживает в РД. Со времен СССР считается, что есть 14 так называемых "титulyных наций" (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы), есть и "нетитulyные", количество которых равно 19 (андийцы – около 23 тыс. чел., каратинцы – более 6 тыс. чел. и др.). В период переписи 2002 г. большинство "нетитulyных наций" идентифицировали себя как отдельные этносы. "Подобная идентификация при латентном, а порой и явном непризнании данных переписи определенной частью политиков и интеллигенции республики может повлечь за собой массовые обращения в суд, так как и в федеральном законопроекте обозначено, что граждане имеют "право на национальную самоидентификацию, то есть свободно определять и указывать свою национальную принадлежность" и запрещаются "любые действия, направленные на принудительную ассимиляцию лиц по признаку национальной принадлежности"⁴.

Нуждается в коррекции и юридический вопрос о коренных малочисленных народах, которые в документах обозначены как "народы, проживающие в местах традиционного проживания своих предков,

³ Сайпулаев А. Единство в многообразии // Новое дело. – 2008, № 15, 11 апреля. – С. 4.

⁴ Там же. С. 4.

сохраняющие традиционный образ жизни, традиционные хозяйствование и промыслы насчитывающие менее 50 тыс. чел.". А постановление Госсовета Дагестана от 18 октября 2000 г. к этим народам причисляет исключительно титульные нации, в том числе и русский этнос, хотя в законопроекте "Об основах государственной политики в сфере межнациональных отношений в Российской Федерации" четко обговорено, что "представители русского народа не могут рассматриваться как национальные меньшинства на территории" России⁵. Перечень специфики Дагестана можно продолжить и далее, но и без того ясно, что республике нужна новая национальная концепция, в которой не будет "титульных" и "нетитульных" наций.

У дагестанцев идентификация и территориальная, и этническая, и религиозная – она не может быть подведена к общему знаменателю. А. К. Алиев верно заметил: "Дагестанцы – это не только коренные народы, но и постоянно проживающие здесь представители других этносов. Проживая на территории Дагестана, они многое вносят в традиции, которые мы конвергируем в нашу общую культуру. Взять тех же русских. В политическом плане и мы считаем, и они сами считают себя дагестанцами, т. е. имеет место многоуровневая идентификация"⁶.

В свое время некоторые ученые утверждали, что дагестанская нация уже формируется на основе русского языка и даже предлагалось, чтобы все дагестанцы в пятой графе паспорта записывали национальность "дагестанец", однако исследования не идеологизированных ученых и результаты наших соцопросов показали преждевременность подобной акции, так как дагестанцы к этому еще не готовы. Одна из причин этого видится в довольно сложной, иерархической пятиуровневой структуре общественной самоидентификации дагестанца, чувствующего себя в разных ситуациях либо уроженцем какого-то села, затем – представителем субэтноса или района, потом – народа, республики и, наконец, России.

В рамках проекта "Мониторинг перемен: оценки, мнения и суждения дагестанцев" территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по РД в мае 2008 г. был проведен очередной (с 1998 г.) социологический опрос населения РД. Опрашивалось по 600-700 человек, выборка репрезентативна по основным демографическим параметрам дагестанского общества.

Анализ полученных результатов показал, что в целом проблемы национальных отношений демонстрируют устойчивый уровень своей значимости в промежутке от 30 до 16 процентных пунктов. Если в марте 1998 г. этот показатель "взлетел" до 30 %, то, начиная с 2004 г. этот

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Шахбанов М. Насколько мы дагестанцы? //Черновик –. 2008, № 15, 11 апреля. – С. 26.

блок проблем постоянно занимает в РД последнее место. Оценка значимости национальной проблематики различается у отдельных категорий опрошенных. В последнем опросе ее отмечают 12 % жителей Махачкалы, 17 % респондентов в сельской местности и 21 % в остальных городах республики. Среди национальностей более чувствительное отношение к межнациональным проблемам проявляется среди чеченцев (43 %), лезгин (23 %) и русских (21 %).

История межэтнических отношений пронизана идеей поиска принципов и действий, которые исключили бы или свели к минимуму конфликты, насилие и вражду между народами и конфессиями. Гармонизация межнациональных отношений должна стать особым направлением государственной политики, способствовать формированию толерантного сознания в гражданском обществе.

Коррупция как фактор этнических отношений

– М. В. Савва

Проявление коррупции со стороны мигрантов воспринимается в этническом контексте как вседозволенность "чужаков", что усиливает депривацию местного населения. При этом, как правило, упускается из виду, что виноваты не только взяточдатели, но и те, кто требует эти взятки.

Продажность чиновников в стране приобрела огромные масштабы и препятствует не только реализации эффективной миграционной политики, но и многим формам социально-экономического развития. Россияне отрицательно оценивают деятельность чиновников по оказанию государственных услуг. Об этом заявили 71% опрошенных фондом "Общественное мнение". По индексу коррупции, который периодически рассчитывается международной организацией "Транспэрэнси Интернэшнл", Россия в 2004 г. занимала 90-е место среди 146 стран – рядом со странами Африки и Латинской Америки.

Коррупция может быть фактором межэтнических отношений. Укажем на основные механизмы такого влияния:

- проявления коррупции со стороны представителей другой этнической общности воспринимаются в этническом контексте как вседозволенность "иных" или "чужаков", что усиливает депривацию местных жителей;

- в случае присутствия на территории групп иноэтничных мигрантов, особо уязвимых для коррупции, могут создаваться специальные коррупционные механизмы и структуры. Лица, материально заинтересованные в существовании таких механизмов и структур, активно препятствуют интеграции групп иноэтничных мигрантов;

- продажа должностей находится в ряду факторов, определяющих компетентность и эффективность органов государственной власти и местного самоуправления;

- коррупция, снижая авторитет власти в обществе, уменьшает возможности влияния власти на процессы межобщинного взаимодействия.

Тема коррупции в Краснодарском крае практически закрыта от общественности. Никто из чиновников по доброй воле не дает интервью о том, как именно и в каких размерах берутся взятки. Выводы приходится делать по различным косвенным показателям. В регионе было проведено несколько исследований общественного мнения на эту тему. Социологи Южно-Российского исследовательского центра "Фактор" из Ростова задавали людям такой вопрос: "Как бы вы оценили

распространенность коррупции, взяточничества чиновников при выполнении своих обязанностей, например, при выдаче водительских удостоверений, наложении штрафов на водителей, получении различных разрешений и т. д.?" Более 85% опрошенных отметили, что встречаются с коррупцией часто или постоянно. Чаще всего, по результатам опроса, с взяточничеством сталкиваются жители Краснодарского края. На втором месте – Ростовская область. Центр политического мониторинга провел интернет-опрос. Кубанцам задавались вопросы: "Увеличивается ли степень коррупции в Краснодарском крае на бытовом уровне, в правоохранительных органах, в органах власти?". Из 40 опрошенных положительно ответили 36 чел., затруднились с ответом четверо.

Экспертные опросы показывают, что в строительном бизнесе Краснодарского края коррупционная нагрузка составляет 22-25% от сметной стоимости объекта. В результате цена одного квадратного метра жилья в новых домах оказывается, по заявлению главы Краснодара, "напряженной для строителей". В конечной цене товара на потребителя перекадываются издержки предпринимателя.

Необходим также анализ других показателей, например, результатов работы правоохранительных органов. В 2006 г. заместитель генерального прокурора России Н. Шепель, подводя итоги, заявил: "В Южном федеральном округе продолжается рост количества преступлений, связанных с коррупцией. В 2005 г. выявлено 777 фактов получения взятки, что на 20% больше, чем в 2004 г. При этом в Чеченской Республике, Ингушетии и Адыгее зафиксировано только по одному коррупционному преступлению". В Краснодарском крае, по словам заместителя генпрокурора, возбуждено 150 уголовных дел по взяткам. Чиновник специально подчеркнул, что значительная часть таких дел возбуждается в отношении рядовых лиц, которые работают на низовом уровне в органах власти и правоохранительной системе. Интересно, что названная прокурором цифра возбужденных дел по краю не совпадает с названной на пресс-конференции представителем ГУВД Краснодарского края. Если верить краевой милицеской статистике, в 2005 г. Управление по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД возбудило более 300 уголовных дел по фактам получения взяток. Подобная «несогласованность» статистических данных не может не удивлять. Большое количество уголовных дел по коррупции в Краснодарском крае демонстрирует относительную активность противодействия ей на Кубани. Трудно поверить, что в Чечне за 2005 г. была получена лишь одна взятка. Так что эти цифры говорят только об активности борьбы с коррупцией со стороны правоохранительных органов, а не об уровне проблемы.

На состояние межэтнических отношений в Краснодарском крае в местах расселения иноэтничных мигрантов оказывают влияние теневые коррупционные структуры. В 2005 г. автор исследовал это явление посредством индивидуальных интервью¹.

По мнению наших респондентов из числа местных курдов, неопределенность правового статуса выгодна тем представителям власти, которые имеют возможность "конвертировать" проблемы этнических меньшинств в бонусы для себя. "Наши проблемы выгодны некоторым чиновникам. Штрафуют, делают деньги не только на езидах, но и на русских из Казахстана, которые без прописки живут. Мне сын говорит: "Почему ты мне паспорт не купил?"... Напрямую от нас деньги не берут, говорят, что мы ненадежные. Но есть специальные посредники. Примерно три тысячи долларов, плюс-минус триста-четыреста, и проблема постоянной регистрации решается... Мы же ничего против закона не имеем, но законы не выполняются!" (курд-езид, житель станицы Неберджаевской Крымского района с 1989 г., из Армении, 1962 г. р.).

"Я прописан в другом регионе, в Свердловской области, с 1995 г. Гражданство России принял в 1998 г. Но здесь меня не прописывают, сваливают друг на друга. Паспортный стол валит на БТИ, мол, сначала дом на себя оформите. Обратился в агентство по недвижимости. С меня запросили 2 тыс. долл. за оформление дома. Обратился в другое агентство, там просят 1,5 тыс. Говорю – дорого, назначайте другую цену. А человек из агентства отвечает: "Из-за того, что ты – черный, мне справки на тебя дороже обойдутся. А тебе самому эти справки вообще не дадут". Мог бы занять деньги, но в это время сын поступал на учебу. Я решил, что еще год-два подожду с оформлением дома" (курд-езид, житель станицы Неберджаевской Крымского района с 1989 г., из Армении, 1964 г. р.).

С требованиями высокой оплаты за оформление недвижимости через коммерческие фирмы сталкиваются также турки-месхетинцы в Крымском районе. "Нам не оформляли дом в собственность даже после решения суда. Мы нашли другой выход – через фирму. Оплатили ее расходы, и дом нам оформили" (турок-месхетинец, житель города Новороссийска, в Крымском районе Краснодарского края с 1989 г., 1975 г. р.). Респонденты указывали на то, что они оформили право собственности на свои дома при помощи фирм-посредников, заплатив около 3 тыс. долларов. Автор полагает, что в некоторых районах проживания турок-месхетинцев сложилась целая сфера бизнеса – посредническая деятельность по решению их проблем с регистрацией собственности. По утверждению самих респондентов, в этом отношении ситуация в разных районах Краснодарского края отличается своеобразием.

¹ Исследование проводилось в ходе реализации проекта "Права и интересы "новых диаспор" в восприятии местного сообщества (на примере Краснодарского края)".

Стоимость оформления недвижимости в собственность для турок выше стоимости, названной респондентами-курдами. Необходимо отметить, что респонденты из двух территориальных групп курдов Краснодарского края (Крымский и Кореновский районы) по-разному осветили проблему коррупции при решении их проблем. Курды, проживающие в Крымском районе, подчеркивали системный характер и существование различных форм взяток. В то же время курды Кореновского района отрицали наличие такой практики в районе: "У нас этого нет, могу дать 100-процентную гарантию. Мне бояться нечего, если бы было, я бы сказал" (курд-мусульманин, житель станицы Платнировской Кореновского района с 1990 г., из Армении, 1959 г. р.).

После принятия 4 июля 2003 г. Аедерального закона № 95 "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ", отменившего прямые выборы губернаторов населением, главы субъектов РФ оказались независимы от настроений избирателей. При новом порядке избрания губернаторов, предусматривающем выборы глав субъектов законодательными органами по представлению Грезидента РФ, кандидаты могут в своем вербальном поведении не ориентироваться на достаточно высокий уровень ксенофобии населения. Для Краснодарского края после четырех лет губернаторства Н. Кондратенко (1996-2000 гг.) проблема "электорального капкана" для главы края все еще оставалась актуальной.

Показателем изменения стратегии администрации края в отношении меньшинств явилось принятие в 2005 г. целевой программы гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае на 2006 г. Администрация пошла на участие независимых экспертов в разработке данного документа. В результате программа, при всех ее недостатках с точки зрения классического программно-целевого подхода, оказалась свободной от ксенофобии и страха перед этническими меньшинствами.

В то же время проблема личного правового статуса для представителей меньшинств в Краснодарском крае не исчезла, она лишь трансформировалась. Те мигранты, в том числе представляющие национальные меньшинства, которые имеют право на постоянное проживание в крае и на российское гражданство, часто не в состоянии преодолеть бюрократические барьеры. Добиваясь штампа о прописке или российского паспорта, эти люди не могут выполнить все требования закона или инструкций МВД России о предоставлении нужных документов. Одна из самых сложных задач – получить в стране выезда справку об отсутствии судимости, особенно не имея средств на поездку туда. Человек без регистрации оказывается бесправным. Его регулярно

штрафуют, делают источником постоянного пополнения "левых" доходов для многочисленных контролирующих органов, фактически он ограничен в свободе передвижения. Подчеркнем, что решение вопросов сбора нужных документов для мигранта не относится к обязанностям краевой власти. Самостоятельно мигранты из числа меньшинств тоже часто не могут это сделать. Создается замкнутый круг, который можно разорвать только совместными усилиями общественных организаций и властей всех уровней.

Очевидно, что требовать от человека выполнения всех законов и порядков можно только тогда, когда этот человек полноправен. Если нет, он вынужденно и практически неизбежно станет нарушителем закона. Но администрацию края невозможно принудить к принятию стратегии интеграции, основываясь на законе, поскольку закон не требует этого от органов государственной власти. Поэтому более продуктивной стратегией защиты интересов представителей меньшинств и мигрантов является взаимодействие правозащитных организаций, национально-культурных объединений и органов государственной власти.

Органы местного самоуправления, в том числе главы администраций всех уровней? остаются в крае, за редкими исключениями, выборными непосредственно населением. Другими словами, местные главы в своем поведении, в первую очередь вербальном, заинтересованы в том, чтобы учитывать ксенофобию населения. Приведем в качестве примера общественных настроений данные нашего исследования в Краснодаре за 2004 г. Среди краснодарцев доминировало отрицательное отношение к мигрантам: 19% опрошенных заявили, что относятся к мигрантам "с сочувствием, готовностью помочь им в обустройстве", 14% краснодарцев безразличны к проблемам мигрантов, 41% относятся к переселенцам отрицательно. Еще 1% относятся с сочувствием только к русским мигрантам и 4% – "к разным по-разному". Необходимо учесть, что демонстрация откровенно негативного эмоционального отношения к мигрантам (как и к любым другим сообществам) воспринимается как проявление конфронтационного поведения и, следовательно, по возможности скрывается некоторыми респондентами. Поэтому важные уточнения относительно отношения к мигрантам помогают сделать распределение ответов на вопрос: "Видите ли вы что-то положительное для вашего города, для вас лично от присутствия мигрантов?" Сама формулировка вопроса предполагает некую рационализацию отношения респондента к проблеме и, таким образом, делает ответ более откровенным. На этот вопрос ответили "нет" 67%; "да" – всего 14% и 19% затруднились ответить. Очевидно явное преобладание негативной оценки последствий миграции жителями краевого центра.

В решении проблем, повседневно возникающих у представителей меньшинств из числа мигрантов, им значительно чаще приходится взаимодействовать не с администрацией края, а с органами местного самоуправления. От них и от территориальных структур МВД в основном зависит социальное самочувствие мигрантов и представителей меньшинств. Для сотрудников местного самоуправления и работающих с населением милиционеров на Кубани характерны не только высокий уровень бытовой ксенофобии, но и недостаточность профессиональной подготовки (в области права, конфликтологии, этнологии). В связи с этим существует объективно высокая, но слабо осознанная потребность в просветительской деятельности для данных категорий должностных лиц.

Для преодоления коррупции нужны политическая воля и осмысленная стратегия. Важно и то, чтобы сама краевая власть была заинтересована в смелых шагах по противодействию коррупции с привлечением общественности. Уже имеется негативный опыт создания комиссий по административной реформе в субъектах РФ на Северном Кавказе исключительно из представителей органов власти. Так, в Кабардино-Балкарии была сформирована республиканская комиссия в составе 15 чел². Из них 14 - должностные лица республиканских органов государственной власти и 1 - глава города Нальчика. В составе комиссии нет ни представителей бизнеса, ни руководителей некоммерческих организаций. Очевидно, что реформа власти руками исключительно самих представителей власти неэффективна.

Снижение уровня коррупции положительно отразится на многих сферах общественной жизни, и что особенно важно, на состоянии межобщинных взаимоотношений.

² Указ Президента Кабардино-Балкарской Республики от 3 февраля 2006 г. № 6-УП.

Об участии власти и общества в межобщинных отношениях

А. И. Делицой

В Тюменской области политика в отношении религиозных организаций и этнокультурных сообществ представляет зачастую два разных направления, что в значительной мере оправдано относительной автономностью религиозных и этнических процессов. Однако недостатки координации такого подхода приводят к разным результатам и неодинаковой эффективности взаимоотношений власти и общества в этих сферах.

В сентябре 2007 г. на заседании комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве области вице-губернатор региона С. Сарычев заявил, что в Тюменской области нет конфликтов на религиозной почве. Он отметил также, что на территории Тюменской области зарегистрировано 18 конфессий и более 170 религиозных организаций. По его словам, правительство области культивирует толерантное отношение ко всем религиозным верованиям. Кроме того, руководство области поддерживает воскресные школы и школы при приходах. Однако образование в них, по словам вице-губернатора, должно быть отделено от общего среднего образования. "Никакие программы религиозного образования, отдающие предпочтение какой-либо одной конфессии, не могут быть введены в систему общего образования".

Начальник отдела религий комитета по делам национальностей Тюменской области И. Бобров заявил, что в Тюменской области созданы равные условия для всех конфессий в сфере работы с молодежью. Он отметил, что в регионе религиозные группы активно работают в молодежной среде, и в качестве примера привел прошедший летом 2007 г. форум молодых мусульман, который был организован на базе Ембаевского медресе. Более 50 детей и подростков познакомились с основами ислама и обсуждали, как работать мусульманам в молодежной среде. По его словам, правительство Тюменской области оказывает всемерную помощь религиозным организациям, зарегистрированным на территории региона.

Следует указать и на то, что правительство Тюменской области оказало поддержку ряду печатных изданий, пишущих на религиозные темы. Среди таких изданий – газета "Муслим-инфо", которой были предоставлены средства на покрытие издательских расходов.

Вместе с тем, в местных СМИ наблюдается некоторое снижение интереса к теме "мусульмане в Тюменской области". Одна из причин, отсутствие открытой информации по некоторым важным для общественного внимания направлениям. Так, в 2007 г. власти не давали огласки хода развития дела раскрытой в конце 2006 г. ячейки радикальной мусульманской организации "Хизб ут-Тахрир аль-ислами" ("Партии освобождения Ислама"). Напомним, что ход следствия и судебного процесса над региональными лидерами "Хизб ут-Тахрир аль-ислами" два предыдущих года освещался достаточно подробно.

В отличие от конфессиональных, в сфере этнических отношений наблюдается заметное напряжение. Проявления бытового национализма, как со стороны представителей старожильского населения, так и представителей новых этнических групп по-прежнему достаточно распространено. В то же время ощущается явный разрыв в официальных оценках того, каким является общее состояние межобщинных отношений в регионе, и какими должны быть методы улучшения таких отношений. Наиболее острый вопрос – взаимоотношение мигрантов и правоохранителей.

В октябре 2007 г. представители новых этнических сообществ Тюменской области собрались за круглым столом для того, чтобы обсудить с руководством областного УВД вопросы взаимодействия правоохранительных органов и национальных общественных объединений. Начальник ГУВД по Тюменской области генерал-майор милиции П. Недоростов на этом заседании заявил следующее: "Одними только силовыми мерами правоохранительные органы не решат проблем распространения деструктивных идей и разжигания межнациональной розни. В этой сфере должны сказать свое веское слово вы – представители национальных объединений". В свою очередь, присутствующие заверили начальника ГУВД, что они делают все от них зависящее по части соблюдения закона их соотечественниками. Представитель комитета по делам национальностей Тюменской области предложил руководителю тюменской милиции организовывать совместные обучающие семинары для достижения взаимопонимания между правоохранительными органами и диаспорами.

Однако через месяц на рабочем совещании по совершенствованию регулирования миграционных процессов, прошедшем в Тюмени под председательством вице-спикера Тюменской областной Думы Г. Корепанова, ситуация выявилась в несколько ином свете. Директор Института истории и политических наук Тюменского госуниверситета проф. С. Кондратьев заявил, что убийство тюменскими скинхедами иностранца, замалчиваемое средствами массовой информации, является тревожным симптомом и ни к чему хорошему не приведет.

Оказалось, что местные СМИ в "этом вопросе" получают весьма настоятельные рекомендации от силовых структур. Еще в ноябре 2006 г. начальник ГУВД области сделал заявление в том смысле, дескать, вопросы межнациональных отношений имеют весьма тонкую грань. А потому провокационные и просто неосторожные высказывания в отношении представителей той или иной национальности могут "послужить пусковым механизмом для развязывания межнациональных конфликтов". По его мнению, банальные бытовые конфликты – драки, перебранки, "кухонные разборки", мелкие хулиганства – трактуются как разжигание национальной розни.

В этой ситуации, очевидно, "провокационными" могут считаться и отличные от официальной позиции трактовки СМИ при освещении убийства, совершенного тюменским скинхедом в 2007 г. Органы МВД с самого начала квалифицировали данное преступление как "бытовое убийство". В тюменских СМИ за тот год освещался только судебный процесс над группой скинхедов во главе с И. Шияновым, совершивших в 2005 г. убийство гражданина Азербайджана. Была представлена также информация о привлечении к судебной ответственности восемнадцатилетнего скинхеда, изготовившего и расклеившего в Тюмени с мая по июль 2007 г. листовки с информацией экстремистского содержания.

На вышеупомянутом совещании с участием тюменских ученых вице-спикер Г. Корепанов, который имеет степень кандидата социологических наук, поинтересовался у силовиков, проводят ли те мониторинг. Выяснилось, что службы ежемесячно анализируют состояние миграционной политики в регионе, регулярно проводят специальные совещания с работодателями и представителями диаспор. Но председательствующий уточнил свой вопрос: "Я имею в виду социологические опросы среди населения, замеряющие социальную напряженность. *Напряженность медленно, но верно нарастает* (выделено нами – А. Д.). Тюменцев раздражают невольные столкновения с "приезжими". В поликлиниках, где приходится пропускать целые группы мигрантов, просиживая часами в очередях. В автобусах, где мигранты едут в грязных спецовках. В магазинах... У тюменских ученых накоплен прекрасный опыт социологических исследований. Это живая информация, своего рода, лакмусовая бумага".

На совещании высказывались мнения, что гораздо больше проблем окружающим доставляют не гастарбайтеры, а те мигранты, которые оформили российское гражданство, так как, якобы, именно они занимаются контрабандой и незаконным оборотом наркотиков. Повышенная враждебность к чужой культуре проявляется уже в школах, где есть дети мигрантов, особенно дети кавказцев. Мол, те могут оскорбить и

ударить всякого, кто на них искоса посмотрит. Большинство местных детей "не готово противостоять такой агрессии".

Примечательно и то, что на данном совещании было решено сосредоточить внимание на процессе обучения и адаптации этнических мигрантов в тюменских вузах.

Совещание отразило назревшее в рядах ученых и чиновничества разочарование в способностях местных НКО адаптировать новых этнических мигрантов. Как заметил руководитель аппарата думского комитета по государственному строительству и местному самоуправлению, доктор юридических наук А. Сунцов, танцевать, конечно, хорошо (имеются в виду фестивали – А. Д.), но главное все же – работа с соотечественниками, прибывающими к нам из-за рубежа. Важно, чтобы деньги налогоплательщиков шли на их адаптацию, ведь НКО получают из областного бюджета значительные средства.

Закавказские диаспоры Тюменской области

И. В. Бобров, В. П. Ключева

В ходе современных миграционных процессов на территории России и Тюменской области, в частности, не только видоизменяется этническая и культурная картина, но и идет формирование "новых диаспор"¹. Дело не только в том, что в силу целого ряда факторов приток значительных групп этнических переселенцев становится культурно, социально и политически заметным, но и в том, что образующиеся этнические миграционные сообщества не растворяются, как это было ранее, в среде принимающего населения. Диаспоры стали заметны по следующим причинам:

1. Они увеличиваются численно.
2. Их облик имеет все более выраженные этнические черты.
3. Мигранты присутствуют в символически и жизненно важных для принимающего населения отраслях экономики.
4. И местное население, и мигранты находятся в состоянии национальной активированности.
5. Политика российских властей направлена на укоренение национальной идентичности.
6. Диаспоры из простого рассеяния определенного населения среди иноэтнического окружения стали приобретать черты институализации и структурализации.

"Новые диаспоры" являются "новыми" не только из-за времени их появления и нового дискурса общественного сознания, но и из-за своего нового качества. Миграционные меньшинства стремятся к оседанию на конкретной территории и натурализации в России. Диаспоры носят устойчивый и стремятся приобрести долговременный характер. Диаспоральные группы населения получают импульсы к превращению в этнополитические сообщества. Идет формирование городских этнических субкультур, это очень медленный и инерционный процесс, зато, сформировавшись, эти субкультуры могут оказывать долгосрочное влияние на судьбу этноса². Они не порывают многообразных контактов с "исторической родиной", проводят линию на воспроизводство этнических, национальных и социальных связей. Существующие диаспоры приобретают политический

¹ См.: Дятлов В. И. Формирование "новых диаспор" в современной Сибири // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы V региональной научно-практической конференции. Красноярск. 2004. Вып. 7. С. 195-197.

² Арутюнян Ю. В., Дробизева П. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999. С. 81-82.

смысл для членов миграционных меньшинств, окружающего населения, для российских властей и государства на "исторической родине".

Тюменский регион издавна являлся полиэтническим, хотя и со значительным доминированием русского населения. Представители народов Закавказья присутствуют здесь с давних пор. Несомненно, что их численность была длительное время весьма незначительна. Так, перепись 1898 г. фиксирует на территории Тобольской губернии (ныне, по большей части, ее занимают Тюменская область с округами – Ханты-Мансийским автономным округом и Ямало-Ненецким автономным округом³) 43 носителя картвельских наречий и 23 армянина. Что касается азербайджанцев, то, учитывая критерии той переписи, за них можно принять двух мужчин, говоривших на турецком языке, хотя это, конечно же, определенное допущение. Последующие переписи дают примерно следующую картину. 1926 г. – грузин – 32, армян – 17, тюрков (возможно азербайджанцы) – 14. Перепись 1936 г. не позволяет вычленить из Омской области территорию южных районов Тюменской области (ныне Тюменская область без автономных округов). В ХМАО проживало 6 грузин, 5 азербайджанцев и 5 армян. На Ямале проживало 4 армянина. В 1959 г. перепись зафиксировала в Тюменской области лишь 251 армянина. В 1970 г. в южных районах области проживало армян – 1565 чел., азербайджанцев – 2428 чел., грузин – 1029 чел. В 1979 г. на юге области жило 570 армян, 1234 азербайджанца, грузин – 553 чел. На 1989 год есть цифры лишь по всей территории большой Тюменской области. Из них следует, что армян было 5198 чел., азербайджанцев – 19455, грузин – 2781. По итогам переписи 2002 г. в Тюменской области без автономных округов проживает 6777 армян, 8918 азербайджанцев и 2955 грузин⁴.

Непосредственным предметом нашего исследования стали азербайджанское и армянское сообщества Тюменской области, входящие в десятку наиболее многочисленных этнических групп этой части России⁵. Формирование заметных сообществ началось со времени ос-

³ Материалы данной статьи посвящены азербайджанской и армянской диаспорам на территории Тюменской области без автономных округов. Подобный подход обусловлен следующими причинами. Во-первых, значительное различие социальной структуры всех трех субъектов "тюменской матрешки" Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. Серьезная разница в политических режимах указанных субъектов Российской Федерации и фактически их раздельное политическое существование. Во-вторых, грузинское сообщество менее заметно для общественного сознания, чем более многочисленные и более зримо присутствующие в социально важных для населения области сферах жизни региона азербайджанская и армянская диаспоры.

⁴ Расчеты авторов на основе данных всероссийских переписей населения, размещенных на сайте "Демоскоп Weekly" <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>.

⁵ В Тюменской области насчитывается порядка 140 этнических и субэтнических групп населения. См. по Тюменской области: <http://hghitd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fwww.ilr.ru%2Frazdel14.php%2F>.

воения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции в 1960-е гг., сопровождавшегося не только созданием промыслов углеводородов и средств их доставки, но индустриальным развитием Тюменской области, включая ее южные районы, фактически лишенные заметных запасов нефти и газа.

Азербайджанцы, появлявшиеся в Тюменской области, были связаны, во-первых, с геологической и нефтегазовой добывающей отраслями. Во-вторых, их приток обуславливался сезонной трудовой миграцией, связанной с самостоятельными строительными коллективами (т. н. "шабашники"). В-третьих, с торговой сферой, в первую очередь, с советскими колхозными рынками, обеспечивавшими возрастающие потребности платежеспособного по советским меркам населения в растущих городах, и, в частности, бурно развивавшегося областного центра.

Армянское население области развивалось за счет "шабашников" и работников рынков. Часть населения стало оседать, перевоза свои семьи или создавая брачные союзы с местными жителями. Несомненно, что реальное присутствие выходцев из Закавказья в области было выше, чем фиксировавшиеся переписями.

Новая волна мигрантов, осевших в области на длительное время или выбиравших ее постоянным местом жительства, пришла на середину 1980-х – начало 1990-х гг. Общая нестабильность в Закавказье, политические конфликты в Азербайджане, Армении, Грузии, война между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах, землетрясение в Армении привели в Тюменскую область беженцев и тех, кто перебрался к ранее осевшим здесь родственникам и землякам. Азербайджанцы, по большей части, были выходцами из деревень Шамхорского района АзССР и г. Баку⁶, Армяне – из Азербайджана и Грузии⁷.

Все это и сформировало современный социокультурный облик азербайджанской и армянской диаспор Тюменской области.

По данным лидеров из азербайджанской среды, основная масса их соотечественников приехала из Ленкоранского, Мосалинского, Шампирского, Бадринского, Сабиродадского районов Азербайджана, г. Баку⁸, Казах и Акстафа⁹. Армянская диаспора пополняется потоками

⁶ Бобров И. В., Юсупов М. М. Азербайджанская диаспора тюменской области на рубеже XX-XXI вв. // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных зонах Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень. 7-8 ноября 2004 г. С. 144.

⁷ Интервью с представителем армянской диаспоры г. Тобольска. 20 июля 2007 г. // Архив авторов.

⁸ Интервью с лидером азербайджанской диаспоры г. Тюмени. 4 мая 2008 г. // Архив авторов.

⁹ Юнусов А. Армяно-азербайджанский конфликт: демографические и миграционные аспекты. // http://www.ca-c.org/jornal/16-1998/st_10_junusov.shtml.

переселенцев из деревень Мартюнинского, Разданского, Ахуджанского районов Армении, грузинских Джавах, Тбилиси и армянами Азербайджана¹⁰. Основными местами расселения азербайджанцев стали гг. Тюмень и Тобольск. Армяне в целом расселяются в городах Тюмень, Тобольск, Ялуторовск, Ишим и в Аромашевском районе.

Внутри поселений, видимо, складываются районы предпочтительного расселения армян и азербайджанцев. Так, в областном центре местами более частого поселения армян являются микрорайоны ММС, Заречные, ул. Луговая. Азербайджанцы заметны на ул. Червишеский тракт, Олимпийская, Логунова, в микрорайонах Заречный-1,2. Подобное расселение связано с рядом факторов. Более низкие цены на съемные квартиры, в которых живет большинство мигрантов в периферийных районах города. Меньшая настороженность владельцев квартир в районах, где уже давно проживают эти этнические группы. Желание мигрантов селиться пространственно близко для создания комфортной коммуникативной и бытовой среды. В то же время, представители армянской и азербайджанской диаспор отрицают стремление к геттизации.

В демографическом плане заметно доминирование мужского и молодого населения. Вообще, до 1987 г., по мнению азербайджанских лидеров, приезжали в основном мужчины. Затем началось переселение их семей. Как следствие, стало увеличиваться женское и детское население. До сих пор крайне мало в области мигрантов пожилого возраста, так как к старости азербайджанцы стараются вернуться на родину в построенный на деньги от миграционных заработков дом¹¹. Армянская диаспора также характеризуется превалированием людей трудоспособного возраста и детьми. Хотя, как отмечают армянские информанты, большинство армян Тюменской области проживают семьями¹².

Тем не менее, заметное наличие одиноких молодых мужчин, особенно если учесть и сезонных, трудовых мигрантов, приводит к трансформации семейно-брачных стратегий. Речь идет не только о межэтнических браках. На местах своего нового или временного проживания мужчины со временем заводят знакомства с женщинами, а в ряде случаев складываются более или менее длительные союзы, часть из которых вполне могут быть охарактеризованы как "добавочные семьи". Как отмечают эксперты, подобное положение дел является весьма распространенным явлением. Реакция на описанное выше положение дел,

¹⁰ Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 7 июня 2007 г. //Архив авторов.

¹¹ Интервью с лидером азербайджанской диаспоры г. Тюмень. 4 мая 2008 г. //Архив авторов.

¹² Интервью с представителем армянской диаспоры г. Тобольска. 20 июля 2007 г. //Архив авторов.

скорее, имеет гендерную окраску. Женщины склонны более рационально относиться к союзам с мигрантами, осмысливая ситуацию, например, в следующем духе: "Женщины с детьми, мужей нет – или спились, или сидят по тюрьмам. Приехавшие не шибко, конечно, содержат этих женщин с детьми, но они их, по крайней мере, кормят, одевают. Вроде как временная семья..."¹³.

В целом, азербайджанская и армянская диаспоры в Тюменской области представляют собой реальные сообщества, пронизанные личными сетями, построенными на родственных и земляческих связях. Конфигурация этих сетей может быть самая разнообразная. Так, по мнению и представителей диаспор, и исследователей внутри указанных существуют либо привилегированные группы, как, например, "бакинцы" у азербайджанцев¹⁴, "ереванцы" у армян¹⁵, или маргинальные по отношению к остальному сообществу. Примером может служить положение армян, выходцев из Тбилиси и Средней Азии, которых тюменские армяне – мигранты из Армении считают "ассимилированными", что порождает определенную дистанцированность от них¹⁶.

Еще одним примером внутренней структурализации внутри диаспоры может являться религиозная принадлежность. Так, часть армян Тюмени являются приверженцами зарегистрированной в области религиозной организации "Сурб Мариам", входящей в состав Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской апостольской церкви, другие же являются членами полиэтнических католических приходов г. Тюмени и Тобольска. Некоторые армяне посещают православные церкви. В азербайджанской среде существует определенное деление на шиитов, выходцев из Ленкоранского, Мосалинского и некоторых южных районов Азербайджана, и тех верующих, что придерживаются или переходят в суннизм. Шииты имеют свою неофициальную "мечеть" на одном из рынков г. Тюмени, сунниты же посещают официальные мечети областного центра. В то же время надо помнить, что заметная часть и азербайджанской, и армянской диаспор Тюменской области придерживается светского мировоззрения.

¹³ См. Юсупов М. М. Круглый стол "Этнические, социальные, культурные, языковые проблемы приграничных территорий" // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных зонах Российской Федерации. Тюмень. Ч. 3. С. 54; Селезнева А. М. Там же. С. 51.

¹⁴ См. напр., Меликов И. Азербайджанцы в центре внимания российских ученых // <http://www.azcongress.ru/article.php?284&PHPSESSID=6720c55tab9395e370898df>.

¹⁵ Интервью с представителем армянской диаспоры г. Тобольска. 20 июля 2008 г. // Архив авторов.

¹⁶ Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 5 февраля 2007 г. // Архив авторов.

В семейных отношениях доминирует малая двупоколенная мало-детная семья. Средний возраст вступления в брак остается ранним – 17-18 лет. Национальные семьи обычно держатся на женщинах, которые, по большей части, еще являются домохозяйками, а мужчины работают¹⁷. Как правило, в мигрантских семьях 2-3 ребенка. Однако, по мере получения более длительного образования, отхода от традиционных представлений об институте семьи и роли женщины в обществе, молодое поколение и азербайджанцев, и армян, как юноши, так и девушки начинают менять свои личные и семейные традиции. Начался процесс более позднего вступления в брак, современного разделения мужских и женских семейных ролей, создание межэтнических семей¹⁸. Нередко молодые люди внутри своей семьи придерживаются современного уклада жизни, а в присутствии родителей или родственников, особенно, с "исторической родины", имитируют традиционную этническую семью. Часть создаваемых этнических супружеских союзов не регистрируется в органах власти.

Мигранты уделяют большое внимание семье как этническому институту в поликультурном окружении. И для азербайджанцев, и для армян языком внутрисемейного общения остается родной язык. Лидеры армянской диаспоры в Тюмени и Тобольске не опасаются ассимиляции, в первую очередь, уповая на семью, воспроизводящую в быту язык, историческую память, места памяти, традиционные установки от семейных ролей до диетарных предпочтений и формы этнически окрашенного досуга. Так, например, все армяне, проживающие в Тобольске, имеют возможность смотреть армянский телеканал, подключение и оплату которого производят спонсоры¹⁹.

В личных стратегиях указанных мигрантских сообществ присутствует стремление к хорошему знанию молодым поколением русского языка, ориентация на получение высшего образования, внешняя аккультурация и принятие российского гражданства.

В то же время будущность данных диаспор отнюдь не очевидна. И у людей в возрасте, и у молодого поколения есть стремление вернуться на историческую родину. Причин, побуждающих к этому, немало. Здесь и актуализация национального самосознания в условиях продолжения культурной дезинтеграции постсоветского пространства, и в целом проблематичность "социальных лифтов" в России для общей массы мигрантов, страх перед ксенофобией принимающего населения и т. п.

¹⁷ Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 5 февраля 2007 г.; Интервью с лидером азербайджанской диаспоры г. Тюмени. 4 мая 2008 г. //Архив авторов.

¹⁸ Интервью с лидером азербайджанской диаспоры г. Тюмени. 4 мая 2008 г. //Архив авторов.

¹⁹ Интервью с представителем армянской диаспоры г. Тобольска. 20 июля 2007 г. //Архив авторов.

В экономическом плане и азербайджанцы, и армяне в Тюменской области работают в сфере рыночной и мелкой магазинной торговли, строительстве. В то же время, например, у азербайджанцев, есть немало людей, занятых интеллектуальным, преподавательским, административным трудом, врачей. Представители обеих этнических групп играют свою роль и в формировании тюменского предпринимательства²⁰.

Часть представителей данных мигрантских сообществ связаны с криминальными секторами экономической деятельности, от наркотрафика до системы мафиозного "покровительства" в отдельных видах хозяйственной деятельности²¹. В то же время нет никаких оснований считать присутствие азербайджанцев или армян в данном виде деятельности более значительным, чем других национальных групп области.

В целом социально-имущественный уровень указанных миграционных сообществ не отличается от структуры принимающего населения²².

Анализируя сообщества через призму социетальных отношений, следует обратить внимание на политическую сторону их существования. Политическая деятельность заключается в иерархизации общественных интересов посредством институтов власти. Властные полномочия оказываются в руках представительств, которые в той или иной степени представляют или ассоциируют с собой определенные социальные группы. Российская политико-правовая система в сфере национальной политики породила разнообразные национальные организации и т. н. "национально-культурные автономии".

Существующие на территории Тюменской области официально зарегистрированные азербайджанские и армянские национальные организации используют их руководством, взявшим на себя право представления интересов определенного сообщества, для:

1. Консолидации и мобилизации доступной для их влияния части общества через заявление от его имени об интересах, нуждах и проблемах всей этнической общности;
2. Налаживания коммуникации с властными и общественными ин-ституциями региона;
3. Реализации проектов, направленных на воспроизводство этнической идентичности.

²⁰ См. Ярков А. П., Бобров И. В., Мальчевский А. В. Миграция в тюменском крае: история и современность. Тюмень. 2004. С. 70-71.

²¹ См. Осужден заказчик убийства замдиректора тюменского Центрального рынка. http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_2107_alld_114587.html; Динамика миграции и проблемы межэтнических отношений http://www.eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/54_48.htm.

²² Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 5 февраля 2007 //Архив авторов; Ярков А. П., Бобров И. В., Мальчевский А. В. Миграция в тюменском крае: история и современность. С. 70.

Несомненно, что система представительств может использоваться как в личных так и корпоративных целях региональных национальных активистов.

На представительство интересов азербайджанского сообщества в Тюменской области претендуют существующие в областном центре тюменское региональное отделение общероссийской общественной организации "Всероссийский азербайджанский конгресс" и Тюменская областная общественная организация азербайджанцев "Dostlug/Дружба". Фактически речь нужно вести об одной группе активистов, имеющих свои интересы в сфере бизнеса или занимающих статусное место в рамках политического режима Тюменской области. Численно это несколько сот человек²³.

Армянское представительство сообщества во многом аналогично и структуризуется вокруг Тюменской областной культурно-просветительской организации "Айастан" ("Армения") и отделения Союза армян России. Численность армянских активистов оценивается до полусотни человек²⁴.

В других городах области существуют незарегистрированные группы активистов, поддерживающих более или менее регулярные или ситуативные связи с представителями сообщества в областном центре.

Цели собственно тюменских организаций – содействие оптимальной адаптации и социализации переселенцев. Оказывается помощь в получении вида на жительство, разрешений на работу, в натурализации и трудоустройстве. Представительства общероссийских организаций выполняют задачи поддержания связей с диаспорами в других частях России, с органами власти исторической родины, лоббирования интересов тюменских сообществ перед другими частями диаспоры, властями России и метрополии.

Проводится большая работа по воспроизводству идентичности. Этому служат празднования этнических и национальных дат. Поддержание деятельности, как правило, детско-юношеских творческих коллективов, воскресных этнографо-языковых школ, участие в праздниках и фестивалях национальных культур ежегодно проводимых в Тюменской области и др. Проводятся азербайджанские и армянские молодежные дискотеки, цель которых создание у молодежи коммуникационной среды и партнерско-брачных знакомств. Оказывается благотворительная помощь, в том числе, по захоронению умерших на родной земле.

Вышеназванные организации признаются в качестве национальных представительств органами власти Тюменской области, которые поддерживают культурные инициативы азербайджанских и армянских

²³ Интервью с лидером азербайджанской диаспоры г.Тюмени. 4 мая 2008 г. //Архив авторов.

²⁴ Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 5 февраля 2007 г. //Архив авторов.

общественных организаций. Они финансируются из областного бюджета, их лидеры привлекаются для разрешения и профилактики межэтнических коллизий и для мобилизации этнических сообществ в поддержку российского и регионального истеблишмента. Учитывая непростое восприятие частью общества мигрантов и, в частности, азербайджанцев и армян²⁵, региональные власти проводят работу по снижению уровня ксенофобии и пресечению антиобщественных проявлений националистической направленности. Уже несколько лет празднование дней родов войск Вооруженных Сил России не сопровождается погромами на рынках, привлекаются к уголовной ответственности скинхеды²⁶ и т. п.

В целом, лидеры указанных этнических сообществ считают ситуацию в межнациональных отношениях в Тюменской области нормальной, уровень ксенофобии и эмоциональной некомфортности ниже, чем во многих других регионах России. Возникающие проблемы они склонны относить за счет некорректности СМИ, трансляции ими ложных стереотипов и бытового национализма²⁷.

Таким образом, в Тюменской области идет формирование "новых диаспор" армян и азербайджанцев. Часть данных миграционных сообществ входит в орбиту воздействия этнических, религиозных общин и национальных организаций, которые воспроизводят этническую идентичность и, одновременно, способствуют адаптации мигрантов. В целом, происходит усложнение структуры идентичности азербайджанцев и армян региона, формирование у части из них стратегий на укоренение и натурализацию в России и Тюменской области.

²⁵ Ярков А. П., Бобров И. В., Мальчевский А. В. Миграция в тюменском крае: история и современность. С. 74-77.

²⁶ Касимова Т. В Тюмени к различным срокам заключения приговорены убийцы гражданина Азербайджана // http://www.azeri.ru/papers/echo-az_info/11241/.

²⁷ Интервью с лидером армянской диаспоры г. Тюмени. 5 февраля 2007 г.; Интервью с представителем армянской диаспоры г. Тобольска. 20 июля 2007 г.

О деятельности таджикского НКО в г. Сургуте

В. А. Тен, А. И. Делицой

Таджики поселились в Сургуте более 20 лет назад, но устойчивая и относительно массовая миграция в регион началась во второй половине 1990-х. Сегодня таджики составляют значительную долю неквалифицированных и сезонных рабочих Сургута, занятых на ремонтно-строительных и дорожных работах, а также в жилищно-коммунальном хозяйстве.

Большинство мигрантов стремится легализовать свое проживание, а наиболее успешные из них хотят получить вид на жительство. Часть мигрантов осознает необходимость не только в трудовой, но и в социальной адаптации. Наиболее активные стремятся воспользоваться правом на создание национально-культурных объединений (НКО). Первая в ХМАО таджикская национально-культурная организация – "Таджикский национальный культурный центр "Ватан" ("Отечество") – была создана в Сургуте в 2005 г.

Изучая процессы самоорганизации сообществ мигрантов в Югре, сотрудники лаборатории "Современные миграционные процессы и диаспоры" Сургутского государственного университета (СурГУ) взяли интервью¹ у руководителя НКО "Ватана" Ф. И. Аминова². Интервью дает представление о том, как и с какой целью возникла упомянутая общественная организация. Аминов рассказал, что попытки создания таджикского национально-культурного общества предпринимались и раньше, но "это ... пытались сделать люди с сомнительным прошлым". Теперь же в правлении общества "Ватан", состоящего из председателя и шести заместителей, преобладают предприниматели, официально имеющие статус заместителей председателя. По словам Аминова, их организация немногочисленна, количество активных членов, участвующих в работе общества, колеблется от 20 до 30 чел. Сбор членских взносов в таджикском НКО не предусмотрен. До настоящего времени общество "Ватан" официально не зарегистрировано³. Тем не менее,

¹ Интервью с председателем таджикского НКО в г. Сургут "Ватан" Ф. И. Аминовым. Проведено А. И. Делицой и О. В. Речкиной 27 октября 2006 г.

² Аминов Файзуло Исматович – бывший мастер спорта по акробатике. Закончил государственное училище эстрадно-циркового искусства (ГУЭЦИ) и ГИТИС, долгое время работал в Союзгосцирке. После получения травмы ушел на пенсию по инвалидности.

³ Полное название: Общественная организация "Таджикский национальный культурный центр "Ватан". См. официальный информационный интернет-сайт админи-

его председатель регулярно присутствует на встречах администрации г. Сургута с представителями местных НКО.

Собрания общества обычно проходят в таджикском национальном кафе "Рохат"⁴, где есть своеобразный уголок таджикской культуры – на одной из стен вывешены таджикский халат, ковры, свадебные костюмы и национальные музыкальные инструменты. Отметим, что по ассортименту блюд и составу посетителей кафе "Рохат" представляет собой стандартную городскую общепитовскую точку. По нашим наблюдениям, хозяин этого кафе является влиятельным членом таджикской общины в Сургуте.

НКЦ "Ватан", как и подавляющее большинство других национально-культурных объединений в г. Сургуте, не имеет собственного помещения ни для офиса, ни, тем более, для репетиционных или учебных занятий. В этой связи Аминов упомянул о проблеме финансирования: "Есть федеральный закон, который запрещает финансирование НКО из бюджетов любого уровня, хотя раньше какие-то диаспоры финансировали. Поэтому трудно даже снять какое-либо помещение". Справедливости ради, укажем, что теперь городская администрация проводит конкурсы на получение НКО грантов для проведения конкретных национально-культурных проектов, так что проблема финансирования как-то все же решается.

Первоначально задача общества "Ватан" заключалась в том, чтобы оказывать помощь таджикам-мигрантам, попавшим в беду. Организация, как сказал Аминов, и создавалась именно с этой целью. Председатель НКО пояснил: "Бывают случаи неприятные – скажем, умирает таджик. Эти люди (предприниматели – заместители председателя. – Авт.) раскиданы по всему городу, я звоню им, говорю, нужно отправить "груз 200" (гроб с телом покойного). Они собирают деньги, приносят мне, потом я договариваюсь об отправке". Одной из причин смертности среди таджиков-мигрантов Аминов называет "специфические проблемы, связанные с трудностями акклиматизации", но мы не имеем подтверждения таковых случаев из местных медицинских учреждений.

Вскоре после учреждения общества руководители "Ватана" стали видеть свои задачи шире и начали задумываться о таких проблемах, как сохранение – в условиях растущей и в то же время сложно адаптирующейся на Севере таджикской диаспоры – таджикской культуры, поддержание родного языка, традиций, знания истории. "Ватан" активно участвует в ежегодном фестивале национальных культур "Соцветие", организуемого администрацией Сургута. На площадке фестиваля создается таджикский павильон, исполняются национальные танцы. Таджики Югры отмечают все основные мусульманские праздники – ураза-

страции города Сургута по состоянию на июль 2008 г. (<http://www.admsurgut.ru/predp.php?ttop=120156&top=217286>).

⁴ Директор кафе Т. А. Абдулмаев входит в состав правления "Ватана".

байрам, курбан-байрам и др. На Навруз, как и на родине, обычно готовится праздничное блюдо сумалак⁵.

Руководитель "Ватана" рассказал, что они организуют приглашения национальных ансамблей из Таджикистана, поскольку местных артистов нет. Например, в 2006 г. приезжали для выступлений два певца и танцовщица. Примечательно, что руководство таджикского НКЦ не стремится организовывать концерты "только для своих [земляков]". "Наоборот, – говорит Аминов, – я специально приглашал на концерты представителей национальных объединений, паспортно-визовой службы и администрации города. Основная задача была в том, чтобы они увидели настоящую таджикскую культуру, увидели, что те люди, которые нарушают закон и бросают тень на национальность, не олицетворяют настоящий облик таджикского народа. Мы получили отклик – власть очень заинтересована в развитии этого" [т. е. национально-культурного взаимопонимания. – Авт.].

Действительно, власти ХМАО и г. Сургута немало делают для оптимизации межнациональных отношений в регионе и осуществляют широкую программу мероприятий национально-культурного плюрализма, считая их важным средством улучшения межэтнического взаимодействия и успешной социальной интеграции новых мигрантов. Однако в последние годы перераспределение финансовых средств в пользу федерального и регионального бюджетов привело к тому, что местные органы власти утратили большую часть финансов.

Без повышения взаимного доверия, говорит Аминов, невозможно разворачивать и чисто коммерческие проекты. А таковые уже реализуются. Так, по инициативе руководства "Ватан" был открыт прямой авиарейс Худжанд-Сургут. Как рассказал Аминов, "сначала рейс был чартерный, потом его взяла под свое крыло авиакомпания "ЮТэйр"⁶. Они поняли выгоду от этого. Нам выделяется 35 мест, не обществу, конечно, а через представительство "Таджикавиатранс" распространяются билеты".

Но главные проблемы, тревожащие организацию "Ватан" и самих таджикских мигрантов, лежат не в сфере национально-культурных, профессиональных или экономических отношений. Так, Ф. И. Аминов осторожно сказал о "не всегда хорошем отношении" к таджикам со стороны силовых структур и местного населения. "Многие рабочие-таджики боятся ходить по людным улицам. Несколько лет назад в Сургуте убили троих таджиков. А я говорил: обратите внимание, на то, почему таджики шли такой дорогой – они шли там, где меньше народу. Потому, что боятся ходить там, где светло и где много народу. И таджики ходят по безлюдным местам, и скинхеды собираются там же".

⁵ Главное блюдо этого праздника. Сумалак готовят только на Навруз (из отборной пшеницы, растительного масла и муки).

⁶ ОАО "Авиакомпания "ЮТэйр".

Аминов говорил и о слабой правовой защищенности таджиков. "Хотя закон гласит, что, если задержали нелегалов, то сначала нужно протокол составить. Но не секрет, бывало и так – приезжает милиция на двух автобусах, сажает в них таджиков, а куда их увозят – никто не знает. Везут пять человек на депортацию, а остальные обратно возвращаются. Я спрашиваю, где вы были, а они говорят – заплатили по 500 рублей и нас выпустили". В то же время руководитель "Ватана" указал на то, что постепенно налаживается хороший контакт с правоохранительными органами: "ОВИР, УВД – идут навстречу, помогают нам с нашими проблемами. Вот я два раза отправлял таджиков, которые потеряли документы и не могли уехать. ОВИР помог, им сделали временный выезд, на месте сделали паспорт, и они обратно приехали" [вместо ОВИР следовало бы назвать ФМС.– Авт].

Что же касается проблем с русским языком, то, по словам Аминова, они не столь существенны: "За прошлый год было два случая с языковой адаптацией. Из-за незнания языка. Были проблемы, но – решили".

Руководитель "Ватана" рассказал, что для решения проблем обустройства рабочих-мигрантов предлагал местным властям следующее: "У меня возникла идея расселять их на месте заброшенных баз, которые у нас за городом; любую заброшенную базу отдать диаспорам, чтобы их восстановили, огородили бы, сделали бы внутри несколько общежитий, повесили бы объявление в аэропорту и на вокзалах, что все, кто желает нормально устроиться, найти работу, приходили сюда. Потому что, например, некоторые таджики занимают деньги, чтобы приехать в Россию. Он заплатил 200 долларов – и уже без денег. Когда еще он заработает в Сургуте, а ему уже нужны деньги, чтобы жить, чтобы есть. Если устроить такие общежития, то мы поставили бы там телефоны, открыли столовые и магазины и даже создали бы там свою "полицию нравов", которая следила бы за порядком. На вырученные деньги можно было бы купить автобусы, чтобы таджиков и других мигрантов возили на работу организованно – привезли, оставили, они отработали, а вечером их забрали. Тогда в этой среде установился бы порядок. Мигранты не будут шастать туда-сюда, как это происходит сейчас. Например, таджик-рабочий, чтобы позвонить или купить что-то – должен куда-то идти из вагончика, где он живет. А так он все это делает в одном месте: захотел купить что-то – пошел в магазин, нужно позвонить – мы поставим 2-3 автомата. И условия жизни рабочих-мигрантов улучшатся. А сейчас мне порой стыдно смотреть, в каком виде многие ходят по городу". В предложениях руководителя одной из наименее благополучных "диаспор" Югры есть немало рационального. Но местные власти целиком отвергли эти идеи, заявив, что не хотят создавать "резервацию" в своем городе.

Отказ сургутских чиновников рассматривать предложения Аминова вполне объясним. Обычно ссылаются на опыт других государств, который показывает, что возникновение в густо заселенных городах отдельных этнических кварталов приводит не к интеграции иноязычных мигрантов, а, наоборот, к их обособлению. Однако здесь речь идет о временных, сезонных, местах поселения. И предложение руководителя НКО "Ватан" было бы хорошо учесть для оптимизации использования труда сезонных рабочих, причем не только в Сургуте. Очевидно, что лучше и успешнее можно решать социальные проблемы рабочих-мигрантов, привлекая к сотрудничеству с властями общественные организации новых этнических групп.

Российско-китайское пограничье: миграции и экономика

Н. П. Рыжова

Из-за специфического географического положения Амурской обл. и ее китайского соседа – провинции Хэйлунцзян, прежде всего города Хэйхэ¹, развитие региона зависит от функционирования трансграничной неформальной экономики². С этим связаны постоянные трансграничные перемещения людей. Между тем, распространенное в центральных регионах России мнение о Благовещенске как городе, где "чуть ли не каждый второй житель – китаец", во многом ошибочно. По переписи 2002 г., доля русских в Амурской обл. составила 92% (в 1989 г. была даже меньше – 86,8%). Но, конечно, численность китайского населения за последние годы возросла.

На фоне сокращения в межпереписной период местного населения на 14%, сократилось количество всех этнических групп, за исключением армян, китайцев и корейцев. Количество китайцев, постоянно проживавших в области в 1989 г., составляло 200 чел., в 2002 г. перепись учла 851 чел. Корейцев было 408, стало 697. Эти группы постоянных жителей составляют сотые доли процентов среди населения³. А временных жителей китайского и корейского происхождения гораздо больше. Они приезжают в качестве трудовых мигрантов, либо в качестве лиц, занимающихся торговлей.

Количество официально привлеченных трудовых китайских мигрантов в последние годы растет. Что же касается рыночного бизнеса, то, несмотря на сокращение челночной торговли из-за ужесточения административных барьеров в России, основной поток пересекающих границу, приходится именно на тех, кто задействован в "народной торговле" (термин

¹ Хэйхэ – город в КНР, расположенный на противоположном берегу р. Амур – является одним из тринадцати приграничных открытых (с 1991 г.) городов.

² Рыжова Н. П. Трансграничный народный рынок в Благовещенске/Хэйхэ // "Мост через Амур". Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. матер. междунар. исследовательского семинара. – М.; Иркутск: Наталис, 2004, сс. 153-169; Симулина Н. Л., Рыжова Н. П. Экономический и социологический аспекты российско-китайских отношений: подходы к исследованию трансграничной территории Благовещенск-Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5, сс. 130-144.

³ Население Дальнего Востока от переписи до переписи: Зап. / Амурский облкомстат. – Благовещенск, 2004, сс. 21-22.

китайский). В 2006 г. на пункт пропуска Благовещенск и Хэйхэ пришлось 19% и 13% всех пересечений "туда" и "оттуда" соответственно.

Не все китайские гастарбайтеры официально учтены статистикой – некоторые из них приезжают по визам для коммерческих целей, но затем трудоустраиваются нелегально. Согласно информации о рейдах, проводимых налоговыми и миграционными службами, 15% работодателей не уведомляют налоговиков о привлечении иностранцев, т. е. официально не оформляют с рабочими трудовые отношения⁴. По моим оценкам, доля таких организаций еще выше. В июне 2008 г. амурские власти закончили прием заявок от работодателей на привлечение иностранной рабочей силы на 2009 г. Поступила 341 заявка – это на 51% больше, чем было годом ранее⁵. Но такое количество отнюдь не покрывает существующую потребность в рабочей силе.

Если в целом по стране демографические потери населения отмечают, начиная с 1993 г., то в амурском регионе с этой проблемой столкнулись еще в 1990 г. Сокращение трудоспособного населения стартовало здесь еще в 2004 г. – на три года раньше общероссийского⁶. По прогнозам, депопуляция в регионе сохранится и к 2025 г. – общее население области составит 783,7 тыс. чел. (при нынешних 868,3 тыс.)⁷. Для региона, площадью 362 тыс. км², это крайне незначительная численность.

Амурская обл. и сейчас, и в перспективе "обречена" на привлечение рабочих рук из-за рубежа. В настоящее время привлекают китайских мигрантов на работу различные предприятия – российские и предприятия с капиталом нерезидента. Например, завод "Амурский металлист" решил проблему обеспеченности квалифицированными рабочими за счет привлечения гастарбайтеров из КНР. Приезжим предоставили жилье, наняли переводчика, повара. Эти рабочие уже имели специальное образование, и адаптация к новому оборудованию и технологическому процессу прошла быстро. Многие из них работают на заводе по несколько лет, выезжают к семьям раз в год (на Новый год) и ежемесячно отправляют домой зарплату. Другой пример: завод "Джан син" по производству кирпичей (100-процентный китайский капитал) функционирует в Амурской обл. несколько лет, его персонал – около 100 чел. – составляют приезжие из КНР. Все они официально трудоустроены.

⁴ Пресс-служба УФНС России по Амурской области //Амурская правда. Газета. 2007 г. 23 октября.

⁵ <http://www.amur.info/news/2008/06/16/12.html>.

⁶ Население России 2005. 13 ежегодный доклад. Ответственный редактор А. Г. Вишневский. ГУ ВШЭ. 2007. С. 8-9; Амурский статистический ежегодник. Амурстат. Благовещенск, 2006.

⁷ Предположительная численность населения до 2025 года //Амурстат. <http://www.stat.amur.ru>.

Но распространены и нелегальные схемы трудоустройства, порождающие, помимо правовых, многие социальные проблемы. Например, фирма N оформляет приглашение в паспортно-визовой службе для въезда необходимого количества работников "с коммерческими целями", т. е. как бы по делам бизнеса. Партнер такой фирмы рекрутирует неквалифицированных безработных жителей китайских сел и городов и сопровождает эту группу через границу до места их трудовой деятельности – прямиком на объекты строительства или лесоразработок. О нормальной социальной и культурной адаптации в этих случаях говорить не приходится. Китайских гастарбайтеров вообще редко можно заметить на улицах Благовещенска, а нелегальные рабочие вообще не имеют права покидать свое жилье.

На предприятиях, принадлежащих китайским бизнесменам, рабочие в гораздо меньшей степени сталкиваются с проблемой адаптации, тогда как руководители российских предприятий, привлекающих иностранных рабочих, указывают, что именно данную проблему приходится решать в первую очередь. И решение ее оказывается не всегда успешным. Упомянутый "Амурский металлист", имеющий 3-летний опыт легального привлечения гастарбайтеров, изучает возможность отказа от практики найма китайцев именно из-за трудностей взаимного приспособления. Многие другие фирмы также подчеркивают, что решение данной проблемы требует постоянных усилий и контроля.

В последние годы наметилась тенденция ухудшения отношений на уровне повседневного общения жителей Благовещенска и Хэйхэ – стали жестче проявляться проблемы взаимной адаптации. Серию статей в рубрике "Опасное соседство" опубликовала ведущая в регионе газета "Амурская правда". Описываются факты нелестного поведения амурчан в Хэйхэ и жителей Хэйхэ, посещающих Благовещенск. По мнению журналистов, сторонам не хватает воспитанности и взаимного уважения. Названы и другие причины – отсутствие крупных совместных проектов на уровне администраций и бизнесов приграничных регионов; ухудшение криминальной ситуации в Хэйхэ⁸.

Очевидно, что в условиях Амурской области необходим мониторинг и управление процессами социальной адаптации жителей российского и китайского приграничья. Этого требуют не только взаимные экономические интересы, но необходимость поддержания общественного спокойствия и гражданского мира. Редкие криминальные эпизоды, связанные с убийством россиян на бытовой почве, совершенные в Хэйхэ, уже получили широкое освещение в СМИ. Последовали и выводы о "нарастании межнациональной розни", что не соответствует действительности.

⁸ Амурская правда, 2007. 13 и 20 декабря.

Трансграничная экономика, развивающаяся в российско-китайской контактной зоне, опирается на существование широкого спектра неформальных практик. Наиболее распространена челночная торговля, которую частично можно назвать внеправовой, поскольку отсутствует законодательство о регулировании приграничной торговли. Но "на бумаге" деятельность челноков оформлена, как правило, без нарушений законодательства.

В целом трансграничная экономика богата криминальными сюжетами, связанными, в частности, с коррупцией. В мае 2008 г. задержан и. о. первого вице-губернатора Амурской обл. "за превышение должностных полномочий". Он требовал от предпринимателей перечислять 1% дохода от оборота на счет жилищного фонда (при губернаторе) в обмен на предоставление квот на привлечение иностранной рабочей силы⁹.

Высветилось большое количество нарушений в природоохранной сфере – незаконная рубка, захват земель, затягивание выдачи разрешительной документации. По документам рубка леса в ряде случаев не ведется, но при этом заготавливаются и вывозятся десятки тысяч кубометров древесины¹⁰. Такая "неформальная" экономика вызвана спросом на лес со стороны Китая: около 80% официально вывозимой древесины направляется именно в соседнюю провинцию Хэйлуцзян. Вот пример: в Белогорском горсуде завершился процесс в отношении контрабандиста, который за год переправил в Китай с помощью подставных фирм более 5,5 тыс. кубометров древесины на сумму 7,8 млн руб. Лес скупался у местных жителей и по подложным таможенным документам перевозился в Китай¹¹. Этот пример не является типичным в том смысле, что уголовных дел, раскрытых и доведенных до суда, по-прежнему немного. Участники криминального экспорта (китайские и российские) для достижения своих целей используют различные способы:

- представление двойных, тройных договоров комиссии;
- легализация незаконно купленного леса посредством формального проведения его через несколько продавцов-покупателей;
- завышение количества леса, проходящего через таможню, в сравнении с оформленными документами.

Распространена схема, при которой экспортером и импортером является одна и та же китайская компания. Для этого регистрируется китайская фирма-"однодневка", которая, якобы, осуществляет заготовку и поставку леса, используя спектр обозначенных выше "неформальных" практик. При этом экспортные цены, как правило, ниже мировых, ниже, чем на внутреннем китайском рынке, а зачастую – ниже себестои-

⁹ <http://www.amur.info/news/2008/05/08/9.html>.

¹⁰ <http://www.amur.info/news/2008/04/02/20.html>.

¹¹ <http://www.amur.info/news/2008/05/13/4.html>.

мости заготовки леса. Так достигается "минимизация" налога на прибыль. Такие фирмы могут быть оформлены на подставных русских из числа местных жителей или китайцев, получивших вид на жительство.

Оформление бизнеса на подставных лиц является одной из распространенных практик трансграничной экономики. Вот еще пример: в районе села Новотроицкое был незаконно вырыт котлован. По документам аренду на земельный участок, предназначенный для сельскохозяйственных работ сроком на 15 лет, оформила некто Ерофеева. Но в котловане работали китайцы. По оценке специалистов, теперь понадобятся десятки лет для восстановления плодородного слоя¹².

На Дальнем Востоке относительно немного земель, пригодных для земледелия, Амурская область традиционно являлась лидером по количеству пашни, да и в целом имела аграрную специализацию. Поэтому в дальнейшем можно прогнозировать, что сельскохозяйственное сотрудничество между Амурской обл. и провинцией Хэйлунцзян будет становиться более активным. В этой сфере региональное законодательство и регулирование должно стать более адекватным. Уже отмечены факты порчи китайскими овощеводами плодородного слоя. Выращивая арбузы и капусту, они используют пленочную технологию, и после этого в земле остаются сотни килограммов полиэтилена. Захламленные участки обычно забрасываются и арендаторы переходят на новые участки¹³.

Очевидно также, что без должного уровня госконтроля в приграничной зоне будет производиться больше экологически нечистых пищевых продуктов. Об этом свидетельствуют данные Благовещенской таможни о попытках нелегального ввоза агрохимикатов, не допущенных к использованию на территории РФ. Как правило, такие препараты содержат ртуть или хлор. На контрабанде попадаются и россияне, и китайцы¹⁴.

Отметим усугубляющуюся проблему незаконного оборота наркотиков. По сообщениям управления федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по Амурской области, по сравнению с 2005 г., количество выявляемых фактов контрабанды наркотиков увеличилось в 5 раз. Все чаще в регионе обнаруживаются китайского происхождения синтетические наркотики амфетаминового ряда. Помимо этого усиливается заинтересованность граждан КНР в приобретении производимых на территории Амурской области наркотиков каннабисной группы (на основе конопли). Происходит консолидация китайско-российских криминальных структур, заинтересованных во взаимном контрабандном наркообмене. В 2006 г. была ликвидирована международная преступная группа из 27 чел. (в том числе трое россиян), ор-

¹² <http://www.amur.info/news/2008/05/16/37.html>.

¹³ <http://www.amur.info/news/2008/04/15/17.html>.

¹⁴ <http://www.amur.info/news/2008/02/12/29.html>.

ганизовавших поставку и сбыт синтетических наркотиков на территории Приамурья. Наркотики в течение нескольких лет производились на нелегальном заводе на юге Китая и поступали в Хэйхэ через Харбин и Гуанчжоу¹⁵. В южных, центральных и северных провинциях Китая сегодня формируются центры производства наркотиков и каналы транзита в российском направлении.

Возросло и количество "самодеятельных" наркоторговцев. Так, задержаны четыре женщины – жительницы Михайловского района, которые вывозили в Китай гашиш, а обратно везли наркосодержащие таблетки¹⁶. Вообще серьезную проблему представляет свободная безрецептурная реализация в КНР сильнодействующих веществ (сибутрамин, фенобарбитал и др.)¹⁷.

В настоящее время неформальная трансграничная экономика продолжает активно развиваться, и вряд ли следует искать в этом злой умысел китайских властей. В данном секторе задействованы не только граждане и фирмы обоих государств, но и российские чиновники, таможенники, прочие официальные лица. Конечно, статус Хэйхэ как открытого города, спрос на сырье в китайских провинциях и на готовую продукцию в Амурской обл. являются рыночными сигналами, которые задают вектор развития трансграничной экономики. Однако "созидательной" силой этого механизма является отсутствие государственной стратегии развития российского пограничья. Прежде всего, регионы Дальнего Востока нуждаются в обновленном законодательстве, учитывающем реально существующие сектора экономики.

¹⁵ Там же.

¹⁶ <http://www.amur.info/news/2007/12/04/2.html>.

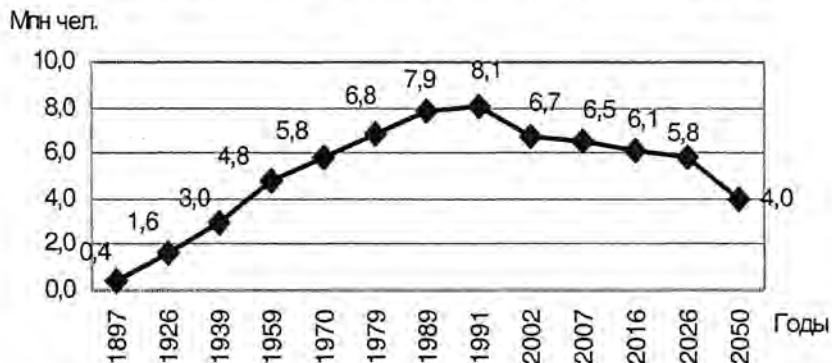
¹⁷ <http://www.ufskn.amur.ru/release.htm>.

Отношение к мигрантам на Дальнем Востоке

Е. Л. Мотрич

Проблема заселенности Дальнего Востока после исчезновения Советского Союза обострилась в связи с резким изменением демографической и миграционной ситуации. Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8056,6 тыс. чел. была зарегистрирована в 1991 г. С этого времени сокращение численности населения было неизменным – люди уезжали из-за экономического кризиса и падения уровня жизни. На 1 января 2007 г. на Дальнем Востоке проживало 6508,9 тыс. чел. Такое количество жителей в регионе ранее было в 1976 г. Согласно оценкам, учитывающим прогноз ООН для всей России, в будущем Дальний Восток в наибольшей степени, чем другие территории страны, пострадает от сокращения жителей. Демографическая кривая продолжит путь вниз, и численность населения на Дальнем Востоке к 2026 г. может составить 5,8 млн чел. (столько было в 1970 г.).

Рисунок 1. Численность населения Дальнего Востока, млн чел.

До середины 1980-х гг. формирование населения Дальнего Востока поддерживалось государственной заинтересованностью в развитии производительных сил региона. Благодаря целенаправленной государственной политике по привлечению населения, Дальний Восток имел такие высокие темпы прироста, каких не было ни в одном из экономических районов России.

С началом послеперестроечных реформ государство, по существу, отказалось от своих обязательств по поддержке и развитию Дальнего Востока. Регион утратил приоритеты в социальной сфере, потерял свою привлекательность для мигрантов. За период с 1991 г. по 2006 г. регион потерял 1547,7 тыс. чел., или 19,2% собственного населения, причем 205,9 тыс. чел. пришлось на естественную убыль, а 1341,8 – на миграционный отток.

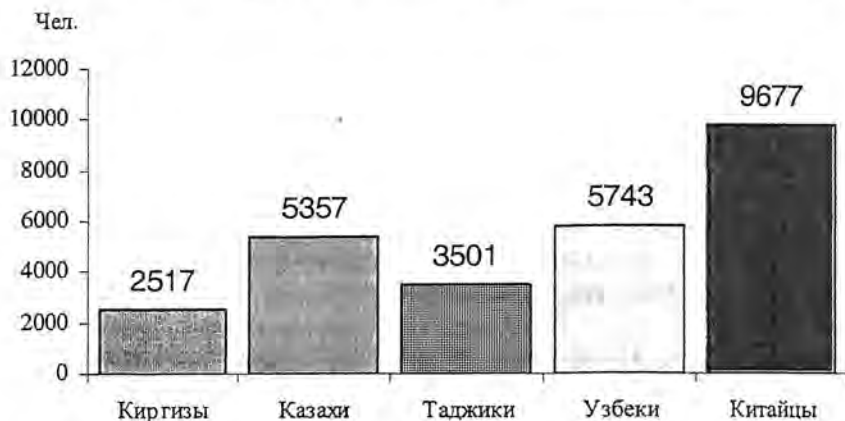
Очевидно, что восстановить и прирастить населенческий потенциал Дальнего Востока России можно только путем привлечения людей извне, а, учитывая, что многие российские регионы сами испытывают депопуляцию, первоочередная ставка должна быть сделана на реализацию госпрограммы по переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

После распада СССР четко обозначилась тенденция сокращения миграционного партнерства с Дальнего Востока с бывшими советскими республиками. Если в числе всех прибывших доля мигрантов из бывших республик СССР в 1986 г. составляла 43,3%, то в 1996 г. – 26,0%, в 2004 г. – 5,8%, в 2006 г. – всего 3,3%; в общем числе выбывших соответственно 40,9%, 14,3%, 3,8% и 1,5%.

Первое место в миграционном обмене Дальнего Востока со странами ближнего зарубежья сохранила Украина. На выходцев из этой страны в 2006 г. пришлось 35,8% от числа прибывших мигрантов, причем результативность обмена изменилась. Все годы после развала СССР баланс был со знаком минус. Еще в 2004 г. на десять прибывших из этой страны приходилось 15 выбывших, в 2005 г. это соотношение было 10,0 к 10,9, а в 2006 г. результативность в обмене населением с Украиной стала положительной: 10 к 8,3. Миграционное взаимодействие с Белоруссией остается отрицательным и разрыв превышения числа выбывших над прибывшими увеличился: на десять прибывших мигрантов в 2004 г. приходилось 18 чел. выехавших, а в 2006 г. – 23 чел.

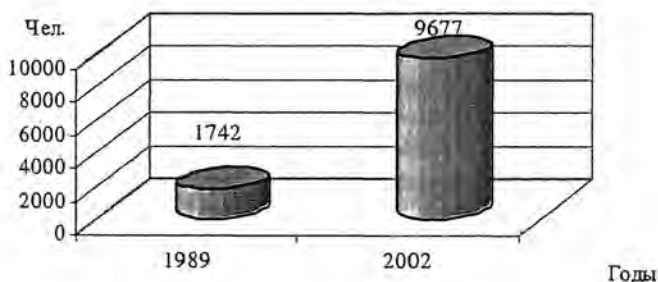
В миграционном партнерстве со странами ближнего зарубежья, кроме Белоруссии, Литвы и Эстонии, в 2006 г. отмечено положительное сальдо, причём 45,2% прибывших в ДФО остались в регионе. Половина из них – это выходцы из Киргизии и Узбекистана. В перспективе, при создании определенных условий, эти страны могут быть признаны как демографические доноры Дальнего Востока. Если создать нормальные условия жизни, найти средства, чтобы приезжим хорошо платить, тогда, вполне возможно, региону не нужны будут трудовые мигранты из КНР. Но пока узбеков и других соотечественников в дальневосточном регионе меньше, чем китайцев.

Рисунок 2. *Население отдельных национальностей на Дальнем Востоке России по данным Всероссийской переписи населения 2002 года*

В общей численности населения, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в пределах ДФО проживало 9677 китайцев. Заметим, что в 1989 г. на территории региона было учтено 1742 китайца. За период 1989-2002 гг. увеличение китайцев составило 5,6 раза. Хотя данные в отношении китайцев по обеим переписям представляются заниженными, сопоставление учтенной численности свидетельствует о значительной динамике миграционного прироста.

Рисунок 3. *Численность китайцев на Дальнем Востоке России*

Китайская миграция на российском Дальнем Востоке достигла такого уровня, при котором она уже оказывает влияние на различные стороны экономической и социальной жизни региона. ДФО уже в настоящее время удовлетворяет свою часть потребности в трудовых ресурсах

за счет международной миграции. Среди 65,0 тыс. чел. привлеченной иностранной рабочей силы в 2005 г. (в 2003 г. – 48,3 тыс.) преобладают граждане КНР, доля которых составила 39,4% (в 2003 г. – 42,6%). Почти в полтора раза меньше рабочей силы прибывает из стран СНГ – 27,3% (в 2003 г. – 27,8%). Еще 15,3% (в 2003 г. – 15,0%) – это граждане КНДР.

Китайская миграция на Дальний Восток приносит как позитивные, так и негативные результаты. Узко прагматичные цели подвигают китайцев на поиск и реализацию любых каналов, в том числе и криминальных, для реализации их коммерческих задач. Нарушаются законы, вовлекается в теневой бизнес маргинальная часть местного населения. Как следствие – экономике дальневосточных регионов наносится ущерб.

Социологический опрос, проведенный Институтом экономических исследований ДВО РАН (Мотрич Е. Л.) при методической поддержке Центра миграционных исследований Института прогнозирования РАН показал, что определенная часть китайских граждан, находящихся на территории ДФО, связывает свои планы на будущее именно с Россией. Китайцы в Хабаровске указывали, что 22,0% из их числа хотят получить гражданство Российской Федерации и жить в России (в 2002 г. этот показатель был 11,5%), 4,0% заявили о желании иметь постоянный вид на жительство (в 2002 г. – 19,3%). При этом 72,0% опрошенных китайских граждан знают русский язык либо хорошо, либо могут объясняться и читать (в 2002 г. – 42,3%). Рост знания русского языка, как нам представляется, один из ключевых показателей, отражающих намерения китайских мигрантов.

Какие же возможности видят китайские граждане, прибывшие на российский Дальний Восток, относительно своего дальнейшего пребывания и приложения труда? Результаты многолетних социологических исследований показали, что 30,1% респондентов – китайских граждан в 1999 г., 36,8% в 2001 г. и уже 54,9% в 2004 г. полагают, что, накопив определенный стартовый капитал, они будут расширять свое дело в Российской Федерации. При этом 26,0% китайцев в 2001 г. и 29,4% в 2004 г. собирались вернуться в Китай и там организовать свое дело. О чем это свидетельствует? Китайская сторона проявляет устойчивое стремление использовать территорию Дальнего Востока России в качестве рынка российских природных ресурсов, потребительских товаров из Китая, инвестиций и т. д. Поэтому, в условиях все возрастающего желания китайцев жить и работать на Дальнем Востоке, в миграционной политике на Востоке России следует учитывать еще и геополитические факторы.

За 1999-2002 гг. получили вид на жительство в регионе 701 гражданин КНР, приобрели гражданство 71 чел. В выдаче вида на жительство лидирует Амурская область, а в получении гражданства – Приморский край. Смешанных браков к настоящему времени в округе 228, из

них 155 – в Приморье. За 2003-2007 гг. (2007 г. данные за 6 месяцев) въехавших граждан КНР только в Хабаровский край насчитывалось 62109 чел. Всего на территории ДФО за 1999-2004 гг. побывало более 2 млн. чел. (вполне вероятно, что в этой массе учтены те, кто посещал Россию неоднократно).

По данным социологического исследования 2004 г., 44,0% китайцев-респондентов считают, что местные власти относятся к ним не очень доброжелательно, а 4% отметили враждебное отношение. Относительно местного населения у китайцев несколько иные оценки: 26,0% заявили, что к ним в их адрес проявляют доброжелательное отношение, 36,0% – нейтральное, 24,0% – не очень доброжелательное, 5,0% – плохое.

В общественном понимании постоянно присутствует две явно противоположные тенденции: с одной стороны, понимание неизбежности того, что жить и работать приходится вместе с выходцами из Китая, с другой – страх перед возможным усилением присутствия китайцев на нашей территории. В сознании большинства местных жителей укоренилось представление о китайской миграции как потенциальном источнике социальной напряженности. Результаты опроса в пограничных городах Дальнего Востока в 2002 г. показали, что 58,2% респондентов отрицательно относятся к появлению китайцев, хотя в 2001 г. такого мнения придерживались 25,3%, а в 1999 г. – 19,7%. Лишь 4,1% респондентов одобрили присутствие китайцев на территории российского Дальнего Востока, 8,2% считали их появление нормальным и 5,5% проявили к этому безразличие. По данным предыдущих исследований эти показатели были иными: 12,0% опрошенных в 2001 г. (3,6% в 1999 г.) относились к этому явлению положительно, а 24,1% (и 28,2% в 1999 г.) расценивали появление китайцев как нормальное явление и считали, что ничего не изменилось. Значительна была доля тех, кого появление китайских граждан не раздражало. Таким образом, доля позитивных оценок китайского присутствия со временем снижается.

На вопрос "Существует ли опасность увеличения присутствия на территории Дальнего Востока китайцев?" 68,3% респондентов пограничных городов региона и 84,6% экспертов ответили "да", а 20,9% первых и 15,4% вторых ответили, что "скорее "да", чем "нет".

Местное население не чувствует себя свободно в связи с возрастающим китайским присутствием. Все знают, что в регионе, помимо официально прибывших китайцев по трудовой или туристической визе, есть и нелегальные мигранты. За 2000-2002 гг. за пределы ДФО выдворено (депортировано) 10320 чел., незаконно прибывших и проживавших на территории региона. За первое полугодие 2007 г. выдворено 414 чел.

Высокие показатели чувства опасности в связи с притоком китайцев подтверждаются в ответах местных жителей-респондентов на вопрос

"Должна ли Россия предоставлять китайцам жилье, работу, гражданство, право приобретения земли?". Каждый третий заявил, что не должна, а каждый четвертый в пограничных городах и 37,9% экспертов считают, что решать возникающие проблемы с китайскими гражданами необходимо цивилизованным, демократическим путем – предоставлением права на судебную защиту при возникновении такой необходимости.

Настороженность местного населения к присутствию китайцев на Дальнем Востоке определила их оценку характера российско-китайских отношений. Результаты социологического исследования показали, что на вопрос: "Как Вы оцениваете характер российско-китайских отношений?" – более трети опрошенных заявили, что Китай представляет угрозу. При этом значительно меньше оказалось тех, кто считает, что Россия и Китай – надежные партнеры. Население оценивает российско-китайские отношения как не слишком радужные, заявляя, что "китайский вопрос – это вопрос дальнейшего существования России". Ниже суммированы угрозы, являющиеся предметом общественного дискурса на Дальнем Востоке.

Таблица 1. Возможные угрозы безопасности, связанные с трудовой миграцией из Китая

Сфера	Содержание возможных угроз национальной безопасности
Социальная	<ul style="list-style-type: none"> – повышение нагрузки на социальную инфраструктуру – рост социальной напряженности – ухудшение криминогенной обстановки – образование замкнутых китайских этнических сообществ
Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – усиление напряженности на региональном рынке труда – утечка финансовых ресурсов из региона и страны – расширение сфер теневой экономики – нелегальная занятость – неэквивалентный трансграничный товарообмен

Вместе с тем, преувеличивать "желтую опасность" было бы неверно. Очевидно и то, что такой, как была раньше, жизнь на Дальнем Востоке уже не будет. Граница на замке, железный занавес с обеих сторон, "этнически чистые" поселки – все это уже в прошлом. Строительство новой китайской стены не нужно ни Китаю, ни России. Понимая, что Китай прямо или опосредованно будет в дальнейшем играть все возрастающую роль в судьбе российского Дальнего Востока, необходимо соответствующим образом выстраивать международную миграционную политику. Стратегическая проблема должна быть переведена из плоскости "Как предотвратить?" в плоскость "Как организовать?" иммиграцию и сосуществование.

Социологическое исследование выпускников вузов ДФО, проведенное в 2006 г. Институтом экономических исследований ДВО РАН (исполнители Мотрич Е. Л., Ли Е. Л.) показало, что на вопрос "Как вы относитесь к людям, приехавшим в ваш город из других стран?", прослеживается в основном равнодушное отношение, но из массы чужаков студенты выделяют китайцев как нежелательных приезжих.

Таблица 2. Как Вы относитесь к людям, приехавшим в Ваш город из других стран?

Страна выхода мигрантов, Вариант ответа	Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха	Амурская обл.	Камчатская обл.	Магаданская обл.	Всего
Украина							
1. Нормально, дружелюбно	51,5	49,0	39,9	62,0	66,5	63,3	55,4
2. Равнодушно	45,4	47,0	47,8	35,2	29,6	30,5	39,3
3. Отрицательно	3,1	4,0	12,2	2,8	3,9	6,3	5,4
Грузия							
1. Нормально, дружелюбно	33,7	20,0	23,4	38,0	23,6	34,5	28,9
2. Равнодушно	52,8	46,0	47,8	43,7	51,7	45,9	48,0
3. Отрицательно	13,5	34,0	28,9	18,3	24,7	19,6	23,2
Азербайджан							
1. Нормально, дружелюбно	24,5	17,0	21,0	36,6	20,2	29,0	24,7
2. Равнодушно	55,8	45,0	45,0	40,8	42,7	47,5	46,1
3. Отрицательно	19,6	38,0	34,0	22,5	37,1	23,5	29,1
Армения							
1. Нормально, дружелюбно	25,2	19,0	21,5	35,2	22,3	34,6	26,3
2. Равнодушно	57,1	45,0	44,5	42,3	46,9	45,3	46,9
3. Отрицательно	17,8	36,0	34,0	22,5	30,7	20,1	26,9
Таджикистан							
1. Нормально, дружелюбно	22,7	15,0	20,4	35,2	20,7	28,7	23,8
2. Равнодушно	57,7	48,0	46,1	43,7	48,6	49,6	49,0
3. Отрицательно	19,6	37,0	33,5	21,1	30,7	21,7	27,2
Узбекистан							
1. Нормально, дружелюбно	25,8	15,0	21,4	36,6	22,3	30,7	25,3
2. Равнодушно	55,2	52,0	48,8	46,5	50,3	50,8	50,6
3. Отрицательно	19,0	33,0	29,8	16,9	27,4	18,5	24,1
США							
1. Нормально, дружелюбно	38,0	34,0	42,3	40,8	41,9	36,3	38,9
2. Равнодушно	54,0	51,0	46,6	40,8	44,7	46,1	47,2
3. Отрицательно	8,0	15,0	11,2	18,3	13,4	17,6	13,9

Страна выхода мигрантов, Вариант ответа	Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха	Амурская обл.	Камчатская обл.	Магаданская обл.	Всего
Япония							
1. Нормально, дружелюбно	43,2	41,0	48,7	46,5	51,7	45,1	46,0
2. Равнодушно	50,0	52,0	43,4	45,1	42,1	43,1	46,0
3. Отрицательно	6,8	7,0	7,9	8,5	6,2	11,8	8,0
Китай							
1. Нормально, дружелюбно	23,3	15,0	23,5	34,7	26,4	27,0	25,0
2. Равнодушно	49,7	42,0	45,1	36,1	46,1	39,5	43,1
3. Отрицательно	27,0	43,0	31,3	29,2	27,5	33,6	31,9
КНДР							
1. Нормально, дружелюбно	28,9	19,0	27,8	36,1	30,5	27,7	28,3
2. Равнодушно	51,5	49,0	49,4	48,6	49,2	48,6	49,4
3. Отрицательно	19,6	32,0	22,7	15,3	20,3	23,7	22,3
Вьетнам							
1. Нормально, дружелюбно	23,0	14,0	22,7	35,2	22,5	25,0	23,7
2. Равнодушно	55,9	56,0	50,0	50,7	56,2	48,0	52,8
3. Отрицательно	21,1	30,0	27,3	14,1	21,3	27,0	23,5

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Дальневосточном федеральном округе проживают представители 165 национальностей. Этот многонациональный состав отличают ровные, спокойные этнические отношения. Проявления ксенофобии, неорасизма и неофашизма не наблюдается, во всяком случае, в виде столкновений, митингов и шествий. И в дальнейшем, привлекая трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья, государственная миграционная политика должна строиться с учетом адаптационных возможностей мигрантов и их восприятия местным населением. В противном случае вряд ли возможно избежать появления конфликтов.

Авторы

Амелин В. В. – д. и. н., профессор. Министерство информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области, зам. министра – начальник управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Аствацатурова М. А. – д. п. н., заместитель директора по НИР Пятигорского филиала Северо-Кавказской академии государственной службы; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Бобров И. В. – к. и. н., начальник отдела по делам религий Комитета по делам национальностей Тюменской области

Бойко И. И. – д. и. н., заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Булатов А. О. – д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН

Волгин В. Л. – к. п. н., Администрация Главы Республики Калмыкия, начальник информационно-аналитического отдела; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Воронцов В. С. – к. и. н., доцент кафедры отечественной истории новейшего времени Удмуртского государственного университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Габдрафиков И. М. – к. и. н., старший научный сотрудник отдела этнополитологии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Габдрахманова Г. Ф. – к. соц. н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана

Голунов С. В. – к. и. н., доцент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Делицой А. И. – к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории, старший научный сотрудник лаборатории «Современные миграционные процессы и диаспоры» Сургутского государственного университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Клементьев Е. И. – к. и. н., старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Клюева В. П. – к. и. н., зав. лабораторией социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Кочергин А. А. – зам. директора по вопросам прикладной аналитики Северо-Кавказского научно-исследовательского института истории и социокультурных исследований (СКНИИИСИ); эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Кульбачевская О. В. – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Лиценбергер О. А. – д. и. н., профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжской академии государственной службы; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Мартыненко А. В. – к. ф. н., доцент кафедры всемирной истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Мокин К. С. – д. с. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина (филиал в г. Балаково); эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Мотрич Е. Л. – д. э. н., ведущий научный сотрудник отдела межрегиональных и международных экономических взаимодействий Дальнего Востока Института экономических исследований ДВО РАН. Группа народонаселения и занятости; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Муртузалиев С. И. – д. и. н., ведущий научный сотрудник Регионального Центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра (РЦЭИ ДНЦ) РАН; зам. декана истфака ДГУ по научной работе, профессор кафедры Истории стран Европы и Америки ДГУ; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Мухаметшина Н. С. – д. п. н., профессор, зав. кафедрой Политологии, социологии и права Самарского государственного архитектурно-строительного университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Подлесных О. Н. – младший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Рыжова Н. П. – к. э. н., старший научный сотрудник Лаборатории экономических исследований ИГИП ДВО РАН

Савва М. В. – д. п. н., профессор кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета; директор грантовых программ Краснодарской региональной общественной организации «Южный региональный ресурсный центр»; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Савин И. С. – к. и. н., эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Симонов И. В. – к. ф. н., доцент кафедры философии Нижегородского государственного педагогического университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Смирнова В. А. – ассистент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета

Соколовский С. В. – к. и. н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Степанов В. В. – к. и. н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; исполнительный директор Сети этномониторинга (EAWARN)

Тен В. А. – д. и. н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Тишков В. А. – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН; директор Сети этномониторинга (EAWARN); член Общественной палаты РФ

Филиппова Е. И. – к. и. н., старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН

Харитонов В. А. – к. и. н., заместитель директора по научной работе Чувашского государственного института гуманитарных наук; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Холёвская Л. Л. – д. п. н., профессор кафедры истории и культурологии Киргизско-Российского славянского университета; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Хуснутдинова Л. Г. – преподаватель общественных дисциплин Башкирского строительного колледжа (Уфа)

Черных А. В. – к. и. н., старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Шабеев Ю. П. – д. и. н., старший научный сотрудник, заведующий отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Шаров В. Д. – к. и. н., ведущий научный сотрудник, заведующий сектором энциклопедических исследований Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; эксперт Сети этномониторинга (EAWARN)

Ярыкапов А. А. – к. и. н., старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Заказ 426

Тираж 440 экз.

Отпечатано в типографии
ФГНУ «Росинформатех»,
141261, пос. Правдинский Московской обл.,
ул. Лесная, 60

ISBN 978-5-4211-0015-7

